

СРЕДНИЕ ВЕКА

Т
Е
К
С
Т
Ы

ИСЛАНДСКИЕ САГИ

СОСТАВЛЕНИЕ: О.А. СМЕРНИЦКАЯ
КОММЕНТАРИИ: М.И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Table of Contents

[Annotation](#)

[Исландские саги: В 2 томах. Том II Составитель Ольга Смирницкая](#)

[Сага о Греттире Перевод О. А. Смирницкой](#)

[Сага о Торстейне Битом Перевод О. А. Смирницкой](#)

[Сага о Храфнкеле, годи Фрейра Перевод О. А. Смирницкой](#)

[Сага о Ньяле Перевод С. Д. Кацнельсона \(гл. I-XXXVIII\), В. П. Беркова \(гл. XXXIX-CXXIV и CXXXI-CLIX\), М. И. Стеблин-Каменского \(гл. CXXV-CXXX\)](#)

[Стихи в переводе О. А. Смирницкой и А. И. Корсуна \(с. 387, 463-464\)](#)

[Новая редакция перевода В. П. Беркова](#)

[Сага о Хёрде и островитянах Перевод О. А. Смирницкой](#)

[Пряди об исландцах Перевод и комментарии Е. А. Гуревич](#)

[О пивном Капюшоне](#)

[О Торлейве Ярловом Скальде Перевод Е. А. Гуревич](#)

[О Торстейне Морозе Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[О Токи Перевод Е. А. Гуревич](#)

[О Храфне, сыне Гудрун Перевод Е. А. Гуревич](#)

[О Хрейдаре Перевод Е. А. Гуревич](#)

[Об Аудуне с Западных Фьордов Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[О Торварде Вороньем Ключе Перевод Е. А. Гуревич](#)

[О Бранде Щедром Перевод Е. А. Гуревич](#)

[Из пряди «О Халли Челноке» Перевод Е. А. Гуревич](#)

[Об Одде, сыне Офейга Перевод Е. А. Гуревич](#)

[О Халльдоре, сыне Снорри Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[О Гисле, сыне Иллуги Перевод Е. А. Гуревич](#)

[Об исландце-сказителе Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)

[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)

[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)

[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)

[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)
[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)

[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)
[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)

[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)
[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)
[312](#)
[313](#)
[314](#)
[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)

[332](#)
[333](#)
[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)
[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)
[357](#)
[358](#)
[359](#)
[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)

[377](#)
[378](#)
[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)
[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)
[390](#)
[391](#)
[392](#)
[393](#)
[394](#)
[395](#)
[396](#)
[397](#)
[398](#)
[399](#)
[400](#)
[401](#)
[402](#)
[403](#)
[404](#)
[405](#)
[406](#)
[407](#)
[408](#)
[409](#)
[410](#)
[411](#)
[412](#)
[413](#)
[414](#)
[415](#)
[416](#)
[417](#)
[418](#)
[419](#)
[420](#)
[421](#)

[422](#)

[423](#)

[424](#)

[425](#)

Annotation

Настоящий двухтомник представляет собой переиздание книги Исландские саги. СПб., 1999. В нем находит завершение длительная (с 1956 г.) традиция перевода и издания «саг об исландцах», в основе которой лежит научная и книгоиздательская деятельность крупнейшего скандинависта М.И. Стеблин-Каменского. Его перу принадлежат все комментарии в этой книге, а также вступительная статья.

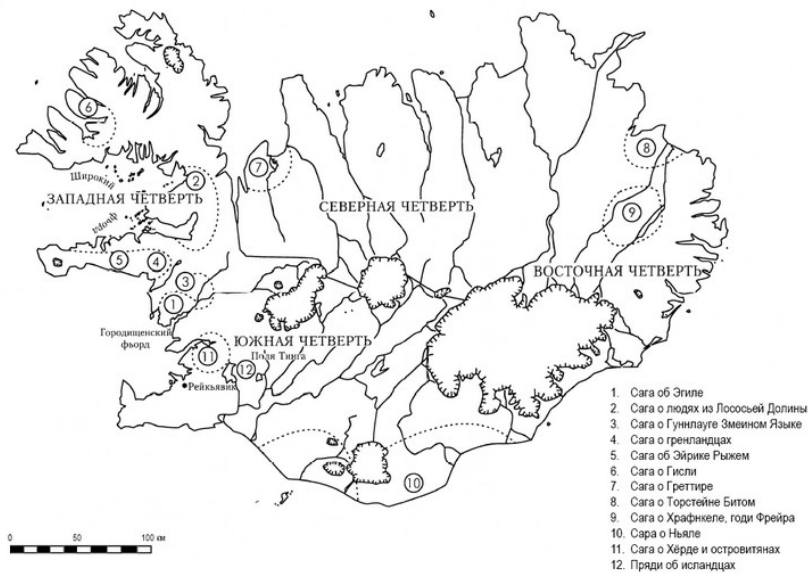
Составление книги, объединившей едва ли не все самые известные «саги об исландцах», и общая подготовка издания были выполнены О.А. Смирницкой.

Книга рассчитана как на специалистов-скандинавистов, так и на широкий круг читателей.

Исландские саги: В 2 томах. Том II

Составитель Ольга Смирницкая

Эпохи. Средние века. Тексты

Переводчики:

*М.И. Стеблин-Каменский, О.А. Смирницкая, С.С. Маслова-Лашанская,
В.В. Кошкин, В.Г. Адмони, Т.И. Сильман, С.В. Петров, А.И. Корсун*

© Смирницкая О.А., сост., общ. ред., предисл., 2024

© Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет,
оформление, 2024

© «Гаудеамус», 2024

Сага о Греттире

Перевод О. А. Смирницкой

В одном из северных фьордов Исландии, далеко от берега, возвышается скалистый остров с отвесными берегами. Он называется Драунгей, что значит «Скала Остров». Около тысячи лет назад на этом острове трагически погиб Греттир, самый любимый герой исландского народа. Он был дважды объявлен вне закона и второй раз – за то, что в самом деле было подвигом, а не преступлением. Ему было тридцать пять лет, когда он погиб на Скале Острове. Из них девятнадцать лет он провел как человек, отверженный обществом, как изгнанник, в одиночку обороняясь от своих врагов и ютясь в самых неприятных и пустынных углах Исландии.

Проверить, в какой мере то, что рассказывается о Греттире и других персонажах саги, – историческая правда, удастся, конечно, только в редких случаях. Наиболее редкий случай такой проверки – это археологические раскопки. Так, в пустынной местности, где, судя по рассказу в главе XVI, Греттир убил Скегги, в 1924 г. под камнем в пещере были найдены кости человека, жившего около тысячи лет тому назад. Предполагается, что это кости Скегги, которого его спутники захоронили там. В 1875 г. в долине, где происходила схватка, описанная в главе XXX, под камнями были найдены древние человеческие кости и два черепа. Предполагается, что там были захоронены два работника Кормака, убитые в схватке. Раскопками подтверждается также, что в древности на Цаплином Мысу существовал тинг (см. главу LXXII), а в Гусиной Бухте – торжище (см. главу XXXVII). В обоих этих местах найдены остатки древних землянок.

Поскольку в «Саге о Греттире» упоминаются события, которые можно точно датировать, или указываются точные сроки, то хронология саги поддается установлению. Так, установлено, что Энунд Деревянная Нога жил ок. 860 – ок. 930 г., поселился в Исландии ок. 900 г., Греттир родился в 996 г., был в изгнании в Норвегии с 1011 по 1014 г., в 1015–1016 гг. снова был в Норвегии, в 1016 г. снова был объявлен вне закона, с 1016 по 1028 г. скитался по Исландии, в 1028 г. обосновался со своим братом Иллуги на Скале Острове и осенью 1031 г. был там убит. В ряде случаев, однако, в саге обнаруживаются хронологические неувязки. Например, в главе IX рассказывается о том, как Энунд Деревянная Нога, приехав в Исландию, встретился с работниками Торвальда со Столбов. Известно, однако, что Торвальд и его сын Эйрик Рыжий (см. о нем сагу в т. I) приехали в Исландию только в середине X в. Возможно, что в саге есть также многие отклонения от исторической правды, которые не поддаются установлению.

Вымысел, конечно, все неправдоподобное в саге. С самого того времени, когда произошло событие, рассказ о нем мог быть и неправдоподобен, и противоречив, и укладываться в ту или иную литературную схему. Было сделано много попыток обнаружить такие схемы в «Саге о Греттире».

Так, детство Греттира (глава XIV) во многом похоже на детство героя волшебной сказки. То, что он был один из двух противоположных по характеру братьев, что отец его недолюбливал, а мать очень любила, его отставание в развитии, его строптивость и нежелание работать, его озорные выходки – все это черты, характерные для героя многих волшебных сказок. Однако в то время как в волшебных сказках эти мотивы обычно оторваны от какого-либо конкретного быта, в «Саге о Греттире» эта оторванность от конкретного быта совершенно чужда. Рассказ об отроческих озорствах Греттира – это вместе с тем очень реалистические картины быта исландского хуторянина (пастьба гусей, чесание шерсти, уход за лошадьми).

У рассказа о том, как Греттир добыл клад из кургана, в котором был похоронен Кар Старый (глава XVIII), есть ряд параллелей в древнеисландских сагах, особенно в так называемых «Сагах о древних временах», т. е. сагах, изобилующих авантюрно-сказочными мотивами. К рассказу в «Саге о Греттире» всего ближе рассказ о кургане Сотти в «Саге о Хёрде» (см. перевод этой саги в наст. изд., с. 485). Во всех таких рассказах повторяются те же черты: долгое раскапывание кургана; спуск в него на веревке; страшное зловоние в нем; схватка с могильным жителем, охраняющим клад; бегство того, кому было поручено охранять веревку. Таким образом, рассказ о добывании клада из кургана – это, конечно, литературная схема, своего рода волшебная сказка. Однако в основе этой сказки, несомненно, лежат вполне реальные факты. В Скандинавии много курганов, в которых были когда-то зарыты сокровища, и, как правило, эти курганы были разграблены еще в древности. Так что добывание кладов из курганов в самом деле имело место в древности.

Очевидно также, что литературная схема, использованная в рассказе о Гламе (главы XXXII–XXXV), это сказка-бывальщина о привидении, или, вернее, о живом мертвце. Жанр этот широко представлен в «Сагах об исландцах», и он до сих пор чрезвычайно популярен в Исландии. Рассказ о Гламе – самый знаменитый представитель этого жанра. В «Саге о Греттире» прощупывается как основа и другой вид сказок-бывальщин, а именно сказки об утилегуманнах, жанр, специфически исландский (утилегуманны – это люди, которые якобы живут в необитаемой части Исландии). Жанр этот был широко распространен в Исландии уже в Новое время. Но судя по «Саге о Греттире», он существовал и в древности. Реальная основа сказок об утилегуманнах – люди, которые, подобно Греттиру, будучи объявлены вне закона, были вынуждены скрываться от преследования врагов в необитаемых местностях.

Но всего больше ученые интересовались сходством «Саги о Греттире» с древнеанглийской «Поэмой о Беовульфе», особенно схваток Греттира с великаном и великаншей в Песчаных Холмах (главы LXIV–LXVI) и схваток Беовульфа с Гренделем и его матерью. По-

видимому, однако, сходство это не означает никакой связи. Дело в том, что сказочные схемы, лежащие в основе этого сходства (освобождение человеческого жилья от повадившегося в него демонического существа и поход в жилье этого существа), распространены по всему свету, и, следовательно, ни одну из них нельзя возводить к какому-то одному источнику. Однако сравнение саги с поэмой не было совсем бесплодным. Оно подчеркнуло одну очень характерную особенность саги – то, что сказочные мотивы трактуются в ней чисто реалистически. Для «Саги о Греттире», как и для всех «саг об исландцах», вообще характерно, что, хотя в ней часто проявляется вера в сверхъестественное, рассказ, в котором проявляется эта вера, как правило, не покидает почвы реальной действительности.

Литературные прообразы всего очевиднее в последней части саги – в рассказе о приключениях Торстейна Дромунда, брата Греттира, в Византии (главы LXXXVI-LXXXIX), причем это прообразы – письменные. Вся история знакомства Торстейна со знатной византиянской Спес очень похожа на то, что рассказывается о короле Харальде Суровом в так называемой «Гнилой Коже», одной из саг о норвежских королях. Точная аналогия ложной клятвы Спес есть в романе о Тристане и Изольде. В силу своего авантюрно-романического характера вся эта часть саги не похожа на «сагу об исландцах». Поэтому многие считали ее «поздним добавлением» или «интерполяцией». Однако в «сагах об исландцах» рассказ обычно теряет историческую почву, как только он переходит на события в отдаленных странах, т. е. события, о которых в исландской устной традиции не сохранилось точных сведений. Возможность того, что вся эта часть – «позднее добавление» или «интерполяция», исключается также и тем, что месть Торстейна за Греттира предусматривается в самой саге (например, в главе XLI).

Скальдические висы, которых много в «Саге о Греттире», обычно просто повторяют те факты, которые сообщаются и в прозе. О каждой висе сообщается, что она сочинена (или «сказана», как обычно говорится в саге) каким-то определенным человеком, большей частью – самим Греттиром. Однако, как удастся установить по данным языка, в действительности большинство вис в саге сочинено не тем, кому они приписываются, т. е. не в IX или X в., а позднее. Не исключено, впрочем, что некоторые из вис, которые приписываются Греттиру, были действительно сочинены им.

Перевод «Саги о Греттире» сделан по изданиям: *Grettis saga Ásmundarsonar*, Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1936 («Íslenszk fornrit». 7); *Grettis saga Ásmundarsonar*, herausgegeben von R. C. Boer. Halle a. S., 1900 («Altnordische Saga-Bibliothek». 8).

Библиография «Саги о Греттире» есть в ряде выпусков серии «Islandica», а именно: *Hermannson H.* 1) Bibliography of the Icelandic sagas. Ithaca (N. Y.), 1908 («Islandica». 1); 2) The sagas of Icelanders. Ithaca

(N. Y.), 1935 («Islandica». 24); 3) *Hannesson J. S.* The sagas of Icelanders. Ithaca (N. Y.), 1957 («Islandica». 38).

Некоторые работы о «Саге о Греттире»: *Boer R. S.* Zur Grettisaga // Zeitschrift für deutsche Philologie. 30. 1898. S. 1-71 (попытка восстановить первоначальную форму саги, исключив из нее «интерполяции»); *Boer R. S.* Einleitung // Grettir saga Ásmundarsonar, herausgegeben von R. S. Boer. Halle a. S., 1900 («Altnordische Saga-Bibliothek». 8). S. IX-L.

Herrmann P. Einleitung // Die Geschichte von dem Starken Grettir, Geächteten. Jena, 1922 («Thule». 5). S. I-XXVIII; *Laxness H. K.* Litil samantekt um útilegumenn // Tímarit máls og menningar. 1949. 2. Bls. 86-130 (полное отрицание исторической основы в «Саге о Греттире»); *Foote P.* Introduction // The Saga of Grettir the Strong. London, 1965. P. V-XV; *Arent A. M.* The heroic pattern: Old Germanic helmets, Beowulf, and Grettis saga // Old Norse literature and mythology. Austin, 1969. P. 130-199 (анализ героического «архетипа» в «Саге о Греттире»).

I

Жил человек по имени Энунд. Он был сыном Офейга Косолапого, сына Ивара Палки. Энунд был братом Гудбьёрг, матери Гудбранда Шишки, отца Асты, матери конунга Олава Святого. По матери Энунд был родом из Уппланда, а отцовы родичи были у него все больше из Рогаланда и Хёрдаланда.

Энунд был великий викинг и воевал в западных морях. С ним в походы ходили Бальки, сын Блэинга с Сотанеса, и Орм Богач. Третьего сотоварища Энунда звали Халльвардом. У них было пять кораблей, и все хорошо снаряжены. Они воевали у Гебридских островов и пришли к самому острову Барра, где тогда правил конунг по имени Кьярваль^[1]. У него тоже было пять кораблей. Они вступили с ним в бой и бились жестоко. Энундовы люди были самые что ни на есть храбрецы. Пало там много воинов с той и с другой стороны, и кончилась битва тем, что конунг бежал на одном корабле. Энунд со своими людьми захватили корабли и большую добычу, и они остались там на зиму. Три лета они воевали у берегов Ирландии и Шотландии, а потом вернулись в Норвегию.

II

В те времена было большое немирье в Норвегии. Там бился за власть Харальд Косматый^[2], сын Хальвдана Черного. Прежде он был конунгом в Уппланде, а потом пошел на север страны и бился там во многих битвах и всегда одерживал победу. Потом он пошел на юг страны и, куда бы он ни шел, все покорял своей власти. Но когда он

вступил в Хёрдаланд, люди поднялись против него всем скопом. Их возглавляли Кьётви Богач и Торир Длиннолицый, а Сульки был во главе людей из Южного Рогаланда. Гейрмунд Черная Кожа был тогда в походе на западе, поэтому он не участвовал в битве, хоть и был он конунгом в Хёрдаланде.

В ту осень возвратились с запада из-за моря Энунд и его сотоварищи. Узнав об этом, Торир Длиннолицый и Кьётви конунг послали к ним гонцов и просили о помощи, и сулили им всякие почести. Тогда те присоединились к войску Торира, ибо им было любопытно испытать себя в деле. Они сказали, что хотят сражаться там, где бой всего жарче. Они сошлись с Харальдом-конунгом в Рогаланде, во фьорде, что зовется Хаврсфьорд. С обеих сторон было большое войско, и тут произошла величайшая из всех битв, что только бывали в Норвегии, и о ней больше всего рассказов, ибо о ком и рассказывать, как не о тех, кто поминается в этой саге. Туда пришли войска со всей страны, и много людей из других стран, и множество викингов.

Энунд поставил свой корабль борт о борт с кораблем Торира Длиннолицего, в самой гуще войска. Харальд-конунг напал на корабль Торира Длиннолицего, ибо тот был берсерк^[3] великий и бесстрашный. Яростно бились и те и другие. Тогда, по слову конунга, бросились вперед его берсерки. Их звали «волчьи шкуры», не брало их железо, и ничто не могло устоять перед их натиском. Торир отважно сражался и пал на своем корабле, как подобает герою. Люди Харальда-конунга поубивали всех от штевня до штевня, перерубили канаты^[4], и корабль отошел назад. Напали они теперь на корабль Энунда. Тот стоял на носу и смело сражался. Люди конунга сказали:

– Лихо бьется тот, что стоит на носу. Дадим-ка ему кое-что на память, пусть не забывает, что был в этой битве.

Энунд стоял, поставив йогу на борт, и занес меч для удара. Тут на него и напали. Отражая удар, он отклонился назад. Тогда одни из воинов, – из тех, кто стоял на носу конунгова корабля, – ударил Энунда под колено и отрубил ему ногу. Энунд не мог больше сражаться. Люди его почти все погибли, а его самого отнесли на корабль к человеку по имени Транд. Этот Транд был сыном Бьёрна, братом Эйвинда Норвежца. Он был из числа противников Харальда-конунга, и его корабль стоял по другую сторону от корабля Энунда. Тут началось всеобщее бегство. Транд и другие викинги – все бросились спасаться, кто как может, и сразу же уплыли на запад за море. Поехал с Трандом и Энунд вместе с Бальки и с Халльвардом Сопуном. Энунд поправился, но с тех пор всегда ходил на деревянной ноге. Его до конца дней так и звали: Энунд Деревянная Нога.

Тогда на западе, за морем, было много именитых людей, таких, кому пришлось оставить отчие земли в Норвегии, ибо Харальд-конунг объявил вне закона всех, кто против него сражался, и присвоил себе их владения. Когда у Энунда зажили раны, они с Трандом поехали к Гейрмунду Черная Кожа: он был славнейшим из викингов на западе. Они спросили, не думает ли он вернуть себе владения в Хёрдаланде и предложили свою поддержку. Они думали, что не мешало бы позаботиться и о своих владениях, ибо Энунд принадлежал к роду знатному и могучему. Гейрмунд сказал, что теперь настолько выросла сила Харальда-конунга, что им нечего ждать славы от этого похода: вот ведь всю страну на него поднимали, и то потерпели поражение. Он прибавил, что ему мало радости стать рабом конунга и выпрашивать себе то, чем он прежде владел как хозяин. Он сказал, что уж лучше поищет себе другого поприща. А был он тогда уже немолод. Энунд и его люди вернулись на Гебридские острова и повидались со многими своими друзьями.

Жил человек по имени Офейг, по прозвищу Греттир^[5]. Он был сыном Эйнара, сына Эльвира Детолюба^[6]. Братом его был Олейв Широкий, отец Тормода Древка. Другим сыном Эльвира Детолюба был Стейнольв, отец Уны, на которой женился Торбьёрн Лососинщик. Сыном Эльвира Детолюба был и Стейнмод, отец Коналя, отца Альвдис с острова Барра. Сыном Коналя был Стейнмод, отец Халльдоры, на которой женился Эйлив, сын Кетиля Однорукого.

Офейг Греттир был женат на Асню, дочери Вестара, сына Хэинга. Сыновей Офейга Греттира звали Асмунд Безбородый и Аебьёрн, а дочерей – Альдис, Эса и Асвёр. Офейг, как и родич его Тормод Древко, бежал на запад, за море, из-за вражды с Харальдом-конунгом, и они поехали вместе с домочадцами. Они ходили походами по всему западу, за морем.

Гранд и Энунд Деревянная Нога задумали поехать на запад, в Ирландию, к Эйвинду Норвежцу, брату Транда. Тот охранял с моря Ирландию. Матерью Эйвинда была Хлив, дочь Хрольва, сына Ингьяльда, сына Фроди-конунга, а матерью Транда – Хельга, дочь Эпдотта Вороны. Отец же у Транда и Эйвинда был один – Бьёрн, сын Хрольва из Ама. Он бежал из Гаутланда после того, как сжег в доме Сигфаста, зятя Сёльви-конунга. Бьёрн поплыл в то же лето в Норвегию и перезимовал у Гримакхерсира, сына Кольбьёрна Коновала. Тот покушался убить Бьёрна ради его богатства. Тогда Бьёрн поехал к Эндотту Вороне, жившему на Хвинисфьорде в Агдире. Эндотт хорошо принял Бьёрна, и он проводил зиму у Эндотта, а летом ходил в походы, пока не умерла жена его Хлив. Тогда Эндотт выдал за Бьёрна свою дочь Хельгу, и Бьёрн оставил походы. Отцовы корабли достались Эйвинду, и он сделался теперь большим человеком на западе, за морем. Он женился на Раварте, дочери Кьярваля, ирландского конунга. У них были сыновья, Хельги Тоший и Снэбьёрн.

Приплыв на Гебридские острова, Транд и Энунд встретились с Офейгом Греттиром и Тормодом Древком. И они очень сдружились, потому что всякого, кто побывал в Норвегии в самый разгар немирья, считали прямо-таки вернувшимся с того света. Энунд был очень молчалив. Заметив это, Транд спросил, что с ним такое. Энунд сказал в ответ вису:

В злом урагане Гёндуль^[7]

Радость воин утратил:

Ведь великанша сечи^[8]

Навечно меня изувечила.

Воины мнят, что ныне
Энунд немногого стоит.
Знаешь теперь, откуда
Горе пришло к герою.

Транд сказал, что его считают все таким же молодцом, как бывало.

– Теперь тебе в самый раз обзавестись семьей и жениться. А я замолвлю за тебя слово и помогу, только бы мне знать, кто у тебя на уме.

Энунд поблагодарил его, но прибавил, что раньше у него были куда лучшие виды на выгодную женитьбу. Транд отвечает:

– Есть у Офейга дочка по имени Эса. Можем попытаться счастья там, если хочешь.

Энунд сказал, что он не прочь. Вскоре они завели об этом разговор с Офейгом. Тот пошел им навстречу и сказал, что ему известно, как родовит Энунд и как богат он движимым имуществом.

– Но я бы немного дал за его земли. И еще: у него, по-моему, не все ладно с ногами, а дочь моя годами совсем ребенок.

Транд сказал, что Энунд будет, пожалуй, покрепче иных с целыми ногами. Так, при поддержке Транда, они заключили сделку, и Офейг должен был дать за дочерью движимое имущество, ибо и его земли в Норвегии ничего не стоили^[9].

В скором времени Транд обручился с дочерью Тормода Древка. Невесты должны были ждать их три года. Летом они уходили в походы, а зиму проводили на острове Барра.

IV

Были два викинга, Вигбьод и Вестмар. Они были родом с Гебридских островов и зимою и летом ходили в походы. У них было восемь кораблей, и они воевали все больше у берегов Ирландии и делали много зла, пока там не стал охранять берега Эйвинд Норвежец.

Тогда они подались к Гебридским островам и стали нападать там, заходя в самые шотландские фьорды.

Транд и Энунд вышли в море, чтобы сразиться с этими викингами, и узнали, что они отплыли к острову под названием Бот. Энунд и его люди плыли на пяти кораблях, и викинги, завидев корабли, сколько их было, решили, что силы у них предостаточно, и взялись за оружие, направив свои корабли навстречу тем. Тогда Энунд распорядился направить корабли между двумя большими скалами. Пролив там был узкий и глубокий, открытый для нападения только с одной стороны, и то не больше, чем для пяти кораблей зараз. Энунд был человек хитроумный. Он велел поставить все пять кораблей поперек залива, так что при желании легко было отойти назад, имея за кормою открытое море. С одной стороны пролива был островок. Энунд велел подвести к нему один корабль и натаскать туда к самому краю скалы больших камней – их не было видно с кораблей викингов. Викинги смело двинулись вперед, думая, что те в ловушке. Вигбьод спросил, кто эти люди, что так попались. Транд говорит, что он брат Эйвинда Норвежца:

– И здесь со мною мой сотоварищ – Энунд Деревянная Нога.

Викинги засмеялись и сказали так:

Всех бы их черти забрали

С Деревянной Ногою вместе!

– Не часто увидишь, чтобы шли в битву люди, которые и себя-то носить не могут.

Энунд сказал, что, мол, поживем – увидим.

Вот корабли сошлись, и началась великая битва. Смело сражались и те и другие. В разгар битвы Энунд велел своим отойти к скале. Викинги, завидев это, подумали, что он собрался бежать, и направились как можно скорее к его кораблю, прямо под скалу. Тут подоспели на скалу и люди, которых туда отрядили. Они обрушили на викингов столько камней, что не было от них спасения. Множество викингов погибло, другие были покалечены так, что не могли больше сражаться. Тогда викинги решили отступить, да не тут-то было: их корабли зашли как раз в самое узкое место пролива, где их теснило течение и загораживали дорогу корабли Энунда. Энунд и его люди двинули все силы туда, где был Вигбьод, а Транд напал на Вестмара, но мало там преуспел. Когда народу на корабле у Вигбьода поубавилось, люди Энунда и он сам с ними перескочили туда. Увидев это, Вигбьод стал с жаром подстрекать своих людей к бою. Потом он оборотился к Энунду, и почти все перед ним расступились.

Энунд сказал своим людям, пускай посмотрят, чем кончится бой: а силы у Энунда были могучие. Они подставили ему под колено какой-то чурбан, и он стоял достаточно твердо. Викинг бросился к носу корабля, прямо на Энунда, и ударил его мечом. Но удар пришелся по щиту и отхватил от него кусок. Потом меч ударился в чурбан, под коленом у

Энунда, и засел там. Вигбьод, нагнувшись, потащил меч к себе. Тут Энунд ударил его по плечу и отрубил руку. Викинг не мог больше биться. Узнав, что сотоварищ его сражен, Вестмар вскочил на корабль, что стоял с краю, и бежал, а с ним и все, кто сумел. Тогда они обыскали убитых. Вигбьод тем временем уже умер. Энунд подошел к нему и сказал:

Кто здесь в крови? Не ты ли?
Я ль под ударами дрогнул?
Нет, ни единой раны
Ты не нанес одноногому!

Ньёрды брани^[10] иные
Складно болтать горазды,
А как дойдет до дела,
Мало ума у дерзких.

Они взяли там большую добычу и возвратились осенью на остров Барра.

V

На следующее лето они собрались плыть на запад, в Ирландию. А Бальки и Халльвард отправились за море и поплыли в Исландию, потому что говорили, что там хорошие земли. Бальки занял земли по Хрутову Фьорду. Он жил на обоих Дворах Бальки. Халльвард занял Фьорд Сопуна и Домовую Бухту до Ступеней и там поселился.

Транд и Энунд поехали к Эйвинду Норвежцу, и он хорошо встретил брата. Но узнав, что с ним приехал и Энунд, он очень разгневался и даже хотел с ним сразиться. Транд стал его отговаривать. Он сказал, что не дело идти с враждою на норвежцев, а тем паче на таких, кто не творит никакого беззакония. Эйвинд сказал, что Энунд беззаконничал раньше, когда напал на Кьярваля-конунга, и теперь он за это поплатится. Долго толковали об этом братья, пока Транд не объявил, что у них с Энундом будет во всем одна судьба. Тогда Эйвинд смягчился. Они долго пробыли там летом и ходили в викингские походы с Эйвиндом. Тот нашел, что Энунд замечательный герой. Осенью они отправились на Гебридские острова. Эйвинд отдал Транду все отцово наследство на случай, если Бьёрн умрет раньше Транда. Они оставались на Гебридских островах до самой своей свадьбы и еще несколько зим после этого.

VI

Следующее, что случилось, была смерть Бьёрна, отца Транда. Когда об этом узнал херсир^[11] Грим, он отправился к Эндотту Вороне и стал требовать Бьёрново наследство, но Эндотт сказал, что Транд – законный наследник своего отца. Грим сказал, что Транд, мол, сейчас на западе, за морем, а Бьёрн родом из Гаутланда, и конунг вправе распоряжаться наследством всех иноземцев. Эндотт сказал, что он сохранит имущество для Транда, сына своей дочери. С тем Грим и уехал, ничего из наследства не получив.

Транд узнал о смерти отца и тут же стал собираться с Гебридских островов, а с ним и Энунд Деревянная Нога. Офейг же Греттир и Тормод Древко поехали с домочадцами в Исландию и высадились на юге, на Песках, проведя первую зиму у Торбьёрна Лососинщика. Потом они заняли землю в округе Людей Скалистой Горы. Офейг занял западную часть между реками Поперечной и Телячьей. Он жил на Дворе Офейга у Каменного Холма. А Тормод занял восточную часть и жил на хуторе Холм Древка. У Тормода были дочери: Торвёр, мать Тородда Годи с Уступов, и Торве, мать Торстейна Годи, отца Бьярни Премудрого.

Теперь надо рассказать о Транде и Энунде. Они поплыли на восток, в Норвегию, и благодаря хорошему попутному ветру были у Эндотта Вороны прежде, чем донеслись слухи об их приезде. Эндотт хорошо принял Транда и рассказал ему о притязаниях херсира Грима на Бьёрново наследство.

– Мое же мнение, родич, что лучше ты сам наследуешь своему отцу, чем рабы конунга. И удачно для тебя сложилось, что ни одна душа не знает о твоём приезде. Но сдаётся мне, что Грим не преминет начать тяжбу против одного из нас, если сумеет. Хочу я, чтобы ты забрал свое наследство и уехал в чужие страны.

Транд ответил, что он так и сделает. Взял он имущество и стал скорее готовиться к отъезду из Норвегии.

Прежде чем выйти в море, Транд спросил Энунда Деревянная Нога, не думает ли он поехать в Исландию. Энунд сказал, что сперва он хотел бы проведать родичей и друзей на юге Норвегии. Транд сказал:

– Тогда мы расстанемся. Хотел бы я, чтобы ты помог моим родичам, ибо теперь, когда я вне опасности, месть обратится на них. Я еду в Исландию, и мне бы хотелось, чтобы и ты туда приехал.

Энунд пообещал, и они расстались наилучшими друзьями. Транд поехал в Исландию. Офейг и Тормод Древко хорошо его там встретили. Он поселился на Холме Транда, к западу от Бычьей Реки.

VII

Энунд отправился на юг, в Рогаланд, и повидался там со многими своими друзьями и родичами. Он скрывался там у человека по имени

Кольбейн. Энунду стало известно, что Харальд-конунг прибрал к рукам все его владения и отдал их человеку по имени Харек, своему подручному. Энунд явился к нему ночью и захватил в доме. Харека вывели и отрубили ему голову, а Энунд забрал все, что только смог. Хутор же они сожгли. Энунд побывал зимою в разных местах. А осенью херсир Грим убил Эндотта Ворону за то, что тот не отдал ему конунгово добро. Тою же ночью Сигню, жена Эндотта, снесла на корабль все их имущество и поехала с сыновьями, Асмундом и Асгримом, к своему отцу Сигхвату. Немного погодя она отправила сыновей в Сокнададь к Хедину, своему воспитателю, и они недолго там оставались и пожелали вернуться к матери. Они отправились в путь и приехали к празднику середины зимы^[12] к Ингьяльду Верному, в Хвин. Он принял их, по просьбе жены своей Гюды, и они провели там зиму.

Весною Энунд приехал на север, в Агдир, потому что он узнал о смерти Эндотта и о том, что его убили. Увидевшись с Сигню, он спросил, какой они ждут от него помощи. Сигню сказала, что больше всего они желают отомстить Гриму-херсиру за убийство Эндотта. Послали тогда за сыновьями Эндотта. Встретившись с Энундом, они заключили с ним союз и стали следить за всем, что делается у Грима.

Летом у Грима наварили много пива, потому что ожидали в гости Аудуна ярла^[13]. Проведав об этом, Энунд и сыновья Эндотта отправились к Гримову двору и, застигнув его врасплох, подожгли дома. Так они и сожгли Грима-херсира, а с ним еще почти тридцать человек. Они захватили там много всякого добра. Энунд скрылся в лесу, а братья взяли лодку Ингьяльда, своего воспитателя, и, отойдя на ней от хутора, притаились неподалеку.

Аудун-ярл явился, как было условлено, на пир, но не нашел своего друга. Он созвал народ и провел там несколько ночей, но так и не напал на след Энунда и его товарищей. Ярл и с ним еще два человека спали наверху в одной горенке. Разузнав обо всем, что происходит на хуторе, Энунд послал за братьями. Когда они пришли, он спросил их, что они выбирают: стоять на страже у хутора или напасть на ярла. Они выбрали напасть на ярла. Они взломали бревном чердачную дверь, потом Асмунд схватил тех двоих, что были с ярлом, и сбросил их вниз с такою силой, что у них чуть не дух вон. Асгрим кинулся на ярла и стал требовать с него виры за отца, потому что ярл был в сговоре с Гримом-херсиром, когда убили Эндотта. Ярл сказал, что у него нету при себе денег и просил отсрочить плату. Тогда Асмунд приставил к груди ярла копье и велел платить немедленно. Ярл снял с шеи ожерелье и отдал его вместе с тремя золотыми кольцами и златотканым плащом. Асгрим взял драгоценности и дал ярлу прозвище – Аудун Заяц.

Когда бонды и местные жители заметили, что творится неладное, все выбежали на помощь ярлу. Произошла жестокая стычка, ибо у Энунда было много людей. В этой стычке пало множество добрых

бондов и дружинников ярла. Тут пришли братья и рассказали, как они поступили с ярлом. Энунд сказал, что зря они его не убили:

– Какая-никакая, а все же была бы месть Харальду-конунгу за все, что мы от него потерпели.

Они сказали, что так, мол, еще больше позора для ярла. Потом они поехали в Сурнадаль к тамошнему лендрманну^[14] Эйрику Пиволюбу. Он приютил их всех на зиму. Он справлял праздник середины зимы вместе с одним человеком по имени Халльстейн, по прозвищу Копь. Сперва угощал Эйрик, и все шло на славу. Потом стал угощать Халльстейн, и тут случилось им повздорить. Халльстейн ударил Эйрика рогом, и Эйрик уехал, так ему и не отомстив. Это очень не понравилось сыновьям Эндотта. И вот, немного погодя, Асгрим отправился ко двору Халльстейна, зашел в дом и нанес ему большие раны. Все, кто там был, сбежались и накинулись на Асгрима. Он храбро защищался и ускользнул от них в темноте, а они подумали, что убили его. Весть об этом дошла до Энунда и Асмунда, и они решили, что Асгрим погиб и что тут уж ничего не поделаешь. Эйрик дал им совет уехать в Исландию, а здесь, мол, в Норвегии, им никак нельзя оставаться: недолго и попасться в руки конунгу. Они так и сделали: снарядились плыть в Исландию, каждый на своем корабле. Халльстейн лежал в ранах и умер еще до того, как Энунд с Асмундом вышли в море. Кольбейн, о котором шла уже речь, последовал за ними на корабле Энунда.

VIII

Вот, снарядившись, Энунд и Асмунд вышли в море, плывя борт к борту. Энунд сказал вису:
Славными слыли бойцами
С Халльвардом мы бывало:
Часто в тот день злосчастный
Меч мой вздымался в сече.

Ныне ж нелегкий жребий
Меня, одноногого, гонит
Седлать скакуна морского
И берег искать исландский.

Путь их был тяжелым. Дул все больше сильный ветер с юга, и их отнесло далеко к северу. Все же они достигли Исландии и, подойдя с севера к Длинному Мысу, узнали берег. Они были так близко друг от друга, что могли переговариваться. Асмунд сказал, что им следует плыть к Островному Фьорду. Так и порешили. Они поплыли, держась берега. Тут с юго-востока налетела буря, и когда Энунд повернул круто к ветру, у него на корабле сломалась рея. Тогда они спустили парус, и

их унесло в море. Асмунд же пристал у Кустарникового острова и, дождавшись попутного ветра, поплыл к Островному Фьорду. Хельги Тоший отдал ему там весь Склон Воронят. Он поселился на Южной Стеклойной Реке. Брат его Асгрим приехал через несколько лет и поселился на Северной Стеклойной Реке. Он был отцом Ладейного Грима, отца Асгрима.

IX

Теперь надо рассказать об Энунде Деревянная Нога. Их носило несколько дней в море. Потом ветер переменился и стал дуть с моря. Тогда они подошли к земле, и те, кто бывал здесь раньше, узнали, что это западный берег Мыса. Они вошли в Прибрежный Залив, почти у самых Южных Берегов. Тут к ним приблизилась десятивесельная лодка, в которой сидели шестеро человек. Они окликнули корабельщиков и спросили, кто у них старший. Энунд назвал себя и спросил, откуда они сами. Те назвалиcя работниками Торвальда со Столбов. Энунд спросил, все ли земли по берегам уже заняты. Они отвечали, что осталось еще немного свободной земли на Южных Берегах, а к северу и того нет. Энунд спросил своих людей, хотят ли они ехать на западное побережье страны или удовольствуются тою землею, которую им указали. Они предпочли сперва осмотреться. Они поплыли по берегу в глубь Залива и сначала пристали в бухточке у Речного Мыса. Спустили там на воду лодку и стали грести к берегу.

Там жил тогда богатый человек по имени Эйрик Петля. Он занимал земли между Ингольвовым Фьордом и Неприступным Утесом в Безрыбном Фьорде. Узнав о приезде Энунда, Эйрик предложил выделить ему столько земли, сколько тот захочет, но прибавил, что незанятой земли осталось уже мало. Энунд сказал, что он сперва посмотрит, что это за земли. Они поплыли мимо фьордов в глубь Залива и были возле Неприступного, когда Эйрик сказал:

– Вот здесь и смотрите. Отсюда и до земель Бьёрна еще ничего не занято.

За фьордами возвышалась большая гора, на ней лежал снег. Энунд глянул на гору и сказал такую вису:

В испытаньях трепала
Долго меня недоля,
И дорогами рыб^[15] снова
Скачет дракон мачты^[16].

Что же теперь? Незавидна
Мена – навек кинуть
Родичей, отчие земли
Ради Спины Холодной.

Эйрик отвечает:

– Многие столько потеряли в Норвегии, что не восполнят утраты. И думаю к тому же, что в лучших местах почти все земли уже взяты. Поэтому я не стану склонять тебя к отъезду. Я снова предлагаю, чтобы ты взял из моих земель столько, сколько тебе понадобится.

Энунд сказал, что он принимает предложение. После этого он занял земли, что идут от Неприступного, и три залива – Загонный, Кольбейнов и Холодноспинный до самой Холодной Спины. Позже Эйрик отдал ему весь Безрыбный Фьорд и Фьорд Дымов и весь Мыс Дымов на той стороне фьорда. О плавнике у них никакого уговора не было, потому что тогда его было столько, что каждый брал, сколько хочет.

Энунд выстроил двор у Холодной Спины, и у него было много людей. А когда стало прибывать у него добра, он построил и другой двор – на Фьорде Дымов. Кольбейн жил в Кольбейновом Заливе. Несколько зим Энунд жил спокойно.

Х

Энунд мог за себя постоять, так что и здоровые люди мало кто мог с ним поспорить. Был он знаменит по всей стране и своими предками.

Следующим событием была распря между Офейгом Греттиром и Торбьёрном Ярловым Воином. Дело кончилось тем, что Офейг погиб от руки Торбьёрна в Ущелье Греттира неподалеку от Пяты. Когда сыновья Офейга начали тяжбу, на их сторону стало множество людей. Послали и за Энундом Деревянная Нога. Он поехал весною на юг и остановился в Лощине у Ауд Многомудрой. Она хорошо его приняла, потому что он бывал у нее и прежде, на западе, за морем. Олав Фейлан, ее внук, был тогда уже взрослый. Ауд же совсем одряхла. Она завела разговор с Энундом, что хотела бы женить своего родича Олава и хотела бы, чтобы он посватался к Альвдис с острова Барра. Альвдис была двоюродной сестрой Эсы, Энундовой жены. Энунд одобрил это намерение и поехал дальше на юг вместе с Олавом. Когда Энунд свиделся со своими друзьями и зятьями, они позвали его к себе и стали говорить о деле. Жалобу подали на тинг Килевого Мыса, потому что альтинг тогда еще не был учрежден^[17]. Потом дело решалось третейским судом, и за убийство была назначена большая вира. А Торбьёрн Ярлов Воин был объявлен вне закона. Сыном его был Сёльмунд, отец Паленого Кари^[18]. Отец с сыном после этого долго жили в чужих краях. Транд, как и Тормод Древко, пригласил Энунда с Олавом к себе домой. Завели они тогда разговор и о сватовстве Олава. Все тут обошлось без заминки, потому что всякий знал, что Ауд – женщина уважаемая и влиятельная. Дело было слажено, и Энунд с Олавом поехали домой. Ауд поблагодарила Энунда, что он помог ей с Олавом.

Тою же осенью Олав женился на Альвдис с острова Барра. Тут Ауд Многомудрая и умерла, как об этом рассказывается в саге о людях из Лососьей Долины.

XI

У Энунда с Эсой было два сына. Старшего звали Торгейр, а младшего Офейг Греттир. В скором времени Эса умерла. После этого Энунд взял в жены женщину по имени Тордис. Она была дочерью Торгрима с Утеса на Среднем Фьорде и родственницей Skeggi со Среднего Фьорда. От нее у Энунда был сын по имени Торgrim. Он рано стал рослым и сильным мужем, очень хозяйственным и умным. Энунд до старости лет жил на Хуторе Холодная Спина. Он умер от болезни и похоронен в Кургане Деревянной Ноги. Он был самым доблестным и ловким одноногим человеком в Исландии.

Торgrim превосходил других сыновей Энунда, хоть другие были и старше. Но уже в двадцать пять лет у него были седые волосы. Поэтому его прозвали Седая Голова. Мать его Тордис потом вышла замуж на севере за Аудуна Дышло в Ивовой Долине. У них был сын по имени Асгейр с Асгейровой Реки. Торgrim Седая Голова и его братья сообща владели большим имуществом и не делились.

Эйрик, как уже было рассказано, жил на Речном Мысу. Он был женат на Алев, дочери Ингольва с Ингольвова Фьорда. Сына их звали Флоси. Он подавал большие надежды и имел много родичей.

В Исландию приехали три брата: Ингольв, Офейг и Эйвинд. Они заняли три фьорда, которые называются их именами, и с тех пор там и жили. Сына Эйвинда звали Олавом. Он жил сперва на Эйвиндовом Фьорде, а потом у Столбов, и был большой человек.

Никогда не бывало раздоров между всеми этими людьми, пока живы были старшие. Но когда Эйрик умер, Флоси счел, что люди с Холодной Спины не имеют законных прав на те земли, которые Эйрик уделил Энунду. С этого и началась между ними большая рознь, однако Торgrim с братьями сохранили за собою все, что имели. Они не хотели и знаться друг с другом. Торгейр управлял хозяйством на хуторе братьев у Фьорда Дымов. Он часто выходил в море рыбачить, потому что во фьордах тогда было полным-полно рыбы. И вот что замышляют люди с Залива. Жил человек по имени Торфинн, он был работник Флоси с Речного Мыса. Этого человека Флоси и послал убить Торгейра. Торфинн спрятался в сарае для лодок. В то утро Торгейр собрался на лодке в море. С ним было двое человек, одного звали Хамундом, а другого – Брандом. Торгейр шел впереди, за спиною у него была кожаная бутылка с кислой сывороткой. Было совсем темно. И когда он миновал сарай, Торфинн набросился на него и ударил секирою между лопаток, так что секира погрузилась в спину с хлопанием. Торфинн бросил секиру,

решив, что перевязок тут не потребуется, и пустился что есть духу наутек.

И осталось рассказать про Торфинна, что он побежал на север к Речному Мысу и поспел туда еще затемно. Он сказал об убийстве Торгейра, прибавив, что теперь ему понадобится заступничество Флоси. Еще он сказал, что остается одно – предложить виру:

– Только это и может выручить нас из беды после всего того, что стряслось.

Флоси сказал, что сперва он подождет вестей:

– И думаю, что ты перетрухнул после такого подвига!

Теперь надо рассказать о Торгейре. Он увернулся от секиры, и удар пришелся по бутылке, а он не был и ранен. Они не стали искать того, кто нанес удар секирой, потому что было темно. Они поплыли на лодке вдоль фьордов и достигли Холодной Спины, и рассказали там о случившемся. Люди много смеялись этому и прозвали Торгейра Бутылочная Спина. Так он потом и звался. Об этом есть такие стихи:

Раньше мужи погружали

Ратных ужей кольчуги^[19]

В крытые острым железом

Домы просторные крови^[20].

Ныне же трус ничтожный,
Не знающий сраму, со страху
В сыворотке прокисшей
Щеки секиры пятнает!

XII

В ту пору пришел в Исландию голод, какого еще не бывало. Совсем не ловилась в море рыба, и почти ничего не выносило на берег. Так продолжалось многие годы. Как-то осенью занесло туда непогодой корабль с торговыми людьми. В Заливе они потерпели крушение, и Флоси взял четверых или пятерых к себе. Старшего над ними звали Стейном. Они расселились на зиму у людей с Залива и хотели построить корабль из обломков старого. Но это было непросто. Корабль вышел короткий и широкий посредине.

Весною подул с севера сильный ветер и дул почти неделю. Когда же он стих, люди пошли посмотреть, что им выбросило на берег.

Торстейном звали человека, жившего на Мысе Дымов. Он нашел кита, прибитого к южному берегу мыса, в месте, что зовется Реберные Скалы. Это был большой синий кит. Торстейн сразу же послал человека в Залив, к Флоси, и на ближние хутора. Эйнарм звали человека, жившего на Дворе Расселина. Он жил на земле людей Холодной Спины

и должен был смотреть за всем, что прибывало к берегу по ту сторону фьорда. Он заметил, что прибило кита, тут же взял лодку и стал грести через фьорд к Загонному Заливу. Оттуда он послал человека на Холодную Спину. Узнав про это, Торгрим с братьями спешно собрались, их было двенадцать человек на десятивесельной лодке. Поехали с ними и сыновья Кольбейна, Ивар с Лейвом, числом всего шестеро. Добравшись до места, все пошли к киту.

Теперь надо рассказать про Флоси. Он послал за своими родичами на север, к Ингольвову Фьорду и Офейгову Фьорду, и за Олавом, сыном Эйвинда, который тогда жил у Столбов. Флоси и люди с Залива первыми подошли к киту. Они взялись разделывать тушу, а отрезанные куски оттаскивали на берег. Сперва их было человек двадцать, но скоро народу прибавилось. Тут подоспели на четырех лодках и люди с Холодной Спины. Торгрим заявил свои права на кита и запретил людям с Залива разделывать, делить и увозить тушу. Флоси потребовал от него доказательств, что Эйрик передал Энунду Деревянная Нога право на плавщину. Иначе, мол, он не отдаст кита без боя. Торгрим увидел, что сила не на их стороне и не стал нападать. Тут с юга показалась лодка. Гребцы налегли на весла и скоро подошли к берегу. Это был Сван с Холма, что у Медвежьего Фьорда, и его работники. Приблизившись, Сван сказал, чтобы Торгрим не давал себя грабить, – а они давно уже были большими друзьями, – и предложил ему поддержку. Братья сказали, что охотно ее примут. Стали они всею силой наступать. Торгейр Бутылочная Спина первым вскочил на кита и напал на работников Флоси. Торфинн, о котором уже рассказывалось, разделывал тушу. Он стоял у головы в углублении, которое сам для себя вырезал. Торгейр сказал:

– Вот тебе твоя секира!

Он ударил Торфинна по шее, и голова слетела с плеч. Флоси был выше на каменистом берегу, когда это увидел, и стал подстрекать своих людей дать отпор. Долго они так бьются, и у людей с Холодной Спины дела идут лучше. Мало кто имел там другое оружие, кроме топоров, которыми они разделывали кита, и широких ножей. Люди с Залива отступили от кита на берег. У норвежцев^[21] было оружие, и они разили направо и налево. Стейн-кормчий отрубил ногу у Ивара, сына Кольбейна, а Лейв, брат Ивара, пристукнул китовым ребром сотоварища Стейна. Тут они стали драться всем, что подвернется под руку, и были убитые с обеих сторон. Вскоре пришли на многих лодках Олав со Столбов и его люди. Они примкнули к Флоси, и люди с Холодной Спины оказались теперь в меньшинстве. Они уже успели, однако, нагрузить свои корабли. Сван велел им идти на корабли. Они стали пробиваться к морю, а люди с Залива их преследовали. Достигнув моря, Сван ударил Стейна-кормчего и нанес ему большую рану, а сам вскочил на свой корабль. Торгрим сильно ранил Флоси, сам же ускользнул от удара. Олав ударил Офейга Греттира и смертельно его

ранил. Торгейр обхватил Офейга и прыгнул с ним на корабль. Люди с Холодной Спины пустились через фьорд в обратный путь. На том они и расстались.

Вот что сочинили об этой стычке:

Кто о жестокой битве
У Реберных Скал не слышал?
Рьяно бойцы безоружные
Ребрами там рубились.

Асы металла^[22] лихие
Швырялись ошметками мяса
Метко. Да только мало
Славы в делах подобных!

Потом они заключили между собою перемирие и передали дело на альтинг. Сторону людей с Холодной Спины взяли Торродд Годи, и Skeggi со Среднего Фьорда, и многие люди с юга. Флоси был объявлен вне закона, и еще многие из тех, кто был с ним. Ему выпало много платить, потому что он пожелал взять все виры на себя. Торгрим со своими не мог доказать, что они уплатили за земли и плавщину, которые оспаривал Флоси. Законоговорителем^[23] был тогда Торкель Луна. Его попросили рассудить дело. Он сказал, что по закону требуется уплатить хоть что-нибудь, пусть и не полную цену.

– Ведь именно так поступила Стейнвё́р Старая с Ингольвом, моим дедом: она получила от него весь Моржовый Мыс, а взамен дала пятнистый плащ с капюшоном. И сделка осталась в силе, а ведь то была земля поважнее этой. Здесь же я выношу такое решение, – говорит он. – Пусть этот земельный клин разделят, и обе стороны получают поровну. И пусть отныне станет законом, что каждый берет себе плавщину только на своей земле.

Так и сделали. Землю поделили таким образом, что Торгрим с братьями лишились Фьорда Дымов и всей земли на той стороне, но зато удержали Гребень. За Офейга заплатили большую виру. За Торфинна ничего не платили. Торгейру заплатили за покушение на его жизнь. На этом они помирились. Флоси отправился со Стейном-кормчим в Норвегию, а земли свои в Заливе продал Гейрмунду Вертопраху. Тот с тех пор там и жил. Корабль, что построили торговые люди, был очень широк в середине. Его прозвали Деревянный Мешок, так стали звать и сам залив. На этом корабле Флоси и поехал в чужие страны, но его отнесло обратно в Секирный Фьорд. Об этом рассказывается в саге о Бёдмоде, Гримольве и Герпире^[24].

После этого Торгрим с братом разделили имущество. Торгрим взял движимость, а Торгейр – землю. Потом Торгрим подался на Средний Фьорд и купил там, с согласия Skeggi, землю у Скалы. Торгрим женился на Тордис, дочери Асмунда с Асмундовой Горы, который занял Округу Косы Тинга. У Торгрима и Тордис был сын Асмунд. Был он рослый и сильный, и умный, и с прекраснейшими волосами. Но у него рано появилась седина в волосах. Поэтому его прозвали Седоволосым.

Торгрим сделался большим хозяином, и никто у него без работы не сидел. Асмунд же от работы отлынивал, и отец с сыном относились друг к другу без приязни. Так и шло, покуда Асмунд не стал взрослым. Тогда он попросил отца снарядить его в дорогу. Торгрим сказал, что пусть на многое не рассчитывает, но все же дал ему товару малую толику. Асмунд отправился в чужие страны, и скоро добра у него прибавилось. Он ходил в разные страны и стал превеликий купец и пребогатый. Он был счастлив в друзьях и сам человек надежный. Он водил дружбу со многими знатными людьми в Норвегии.

Раз осенью Асмунд остановился на зиму в Вике, у одного знатного человека по имени Торстейн. Он был родом из Уппланда. У него была сестра по имени Раннвейг, лучшая невеста в тех местах. Асмунд за нее посватался и женился с согласия Торстейна, ее брата.

Асмунд некоторое время там оставался и жил в большом почете. У них с Раннвейг был сын по имени Торстейн. Был он человек красивый и сильный, со звучным голосом и высокого роста, но порядочный увалень. Поэтому его прозвали Дромунд^[25]. Торстейн еще только начинал ходить, как мать его заболела и умерла. С тех пор житье в Норвегии стало не в радость Асмунду. Родичи Торстейна по матери взяли его к себе вместе с имуществом, а он снова ушел в плаванье и прославил свое имя.

Асмунд пришел со своим кораблем в Медвежий Залив. Во главе людей из Озерной Долины тогда стоял Торкель Разгребала. Торкель узнал о том, что приехал Асмунд. Он отправился к кораблю и пригласил Асмунда к себе. Торкель жил в Чаечном Дворе, в Озерной Долине. Асмунд поехал туда на зиму. Торкель был сыном Торгрима Годи с Птичьей Реки. Торкель был человек очень мудрый. Все это происходило уже после того, как в Исландию приехал Фридрек-епископ и Торвальд, сын Кодрана^[26]. Они в то время жили у Слияния Ручьев. Они первыми проповедовали христианство на севере страны. Торкель принял неполное крещение, а с ним и многие другие. Много всего было между епископом и людьми с севера, о чем не рассказывается в этой саге.

В доме у Торкеля выросла одна женщина по имени Асдис. Она была дочерью Барда, сына Ёкуля, сына Ингимунда Старого, сына Торстейна, сына Кетиля Верзилы. Матерью Асдис была Альдис, дочь Офейга Греттира, как уже рассказывалось. Асдис была не замужем и слыла одною из лучших невест и по роду своему, и по богатству. Асмунду прискучило плаванье, и он захотел обосноваться в Исландии. Вот он и посватался за эту женщину. Торкелю было доподлинно известно, что

человек он богатый и умеет распорядиться имуществом. И вот Асмунд женился на Асдис. Стал он верным другом Торкелю и большим хозяином, хорошо разбирался в законах и умел постоять за себя. Немного времени спустя умер Торгрим Седая Голова на хуторе Скала. Асмунд ему наследовал и жил с тех пор там.

XIV

Асмунд Седоволосый поставил у Скалы большой и богатый двор и держал у себя много людей. Его очень любили. У них с Асдис были дети. Старшего их сына звали Атли. Он был нрава доброго и ровного, мягкого и мирного. Всякий его любил. Другого их сына звали Греттир. Был он очень строптивый в детстве, неразговорчивый и непокладистый. Всем прекословил и все делал наперекор. Отец его, Асмунд, его недолюбливал, мать же очень любила. Греттир, сын Асмунда, был пригож собою, лицо у него было широкое и все в веснушках, а волосы рыжие. Ребенком он отставал в развитии.

Дочь Асмунда звали Тордис. На ней потом женился Глум, сын Оспака, сына Кьяллака с Оползневого Уступа. Другую дочь Асмунда звали Раннвейг. На ней женился Гамли, сын Торхалля, который ездил в Виноградную Страну^[27]. Они жили на Каменниках на Хрутовом Фьорде. Сына их звали Грим. Сыном Глума и Тордис, дочери Асмунда, был Оспак, у которого была распря с Оддом, сыном Офейга, как об этом рассказывается в «Саге о Союзниках».

Греттир рос себе на хуторе Скала, пока ему не минуло десять зим. К этому времени он стал развиваться быстрее. Асмунд сказал, что пора ему и поработать. Греттир сказал, что это ему едва ли подойдет, но спросил, он что должен делать. Асмунд отвечает:

– Ты будешь пасти моих домашних гусей.

Греттир в ответ говорит:

– Презренная и рабья это работа!

Асмунд отвечает:

– Справься с нею как следует, и тогда мы с тобою будем лучше ладить.

Греттир стал пасти гусей. Было там пятьдесят гусей и с ними множество гусят. В скором времени гуси показались ему слишком непослушными, а гусята неповоротливыми. Его это выводило из себя, потому что у него было мало выдержки. Немного погодя прохожие нашли гусят на дороге мертвых, а у гусей были сломаны крылья. Это случилось осенью. Асмунду это совсем не понравилось, и он спросил, не Греттир ли убил птиц. Тот только ухмыльнулся и сказал:

Я к зиме не премину
Шею свернуть гусятам,
А подвернутся и гуси, —

Всех один одолею!

- Тебе больше не придется одолевать их, - сказал Асмунд.
- Тот и друг, кто оградит от дурного, - сказал Греттир.
- Ты займешься другою работой, - сказал Асмунд.
- Больше испытаешь - больше и узнаешь, - сказал Греттир. - Что я должен делать?

Асмунд отвечает:

- Будешь у огня тереть мне спину, как я люблю.
- Руки, пожалуй, согреются, - сказал Греттир, - но все же рабья это работа.

Некоторое время так и идет, что Греттир выполняет эту работу. Вот наступает осень. Асмунда все тянет к теплу, и он велит Греттиру посильнее тереть ему спину. Тогда было принято строить на хуторах большие покои. Вечерами люди сидели там вдоль костров или ставили там столы, а потом они спали по стенам на полатах. Днем женщины чесали там шерсть.

Как-то вечером, когда Греттир должен был тереть Асмунду спину, старик сказал:

- Будет тебе лениться, сопляк!

Греттир сказал:

- Не дело подзуживать дерзкого.

Асмунд сказал:

- Ни на что ты не годен!

Тут Греттир завидел на лавке гребни для чесания шерсти. Взял он такой гребень и прошелся им по спине Асмунда. Тот вскочил в страшной ярости и хотел было ударить Греттира палкой, но Греттир увернулся. В это время вошла хозяйка и спросила, что такое у них случилось. Греттир сказал тогда вису:

Он спалить мне пытался

Пальцы, о липа запястий!^[28]

Знаю, дела злодейские

В усладу даятелю злата^[29].

Спину Моди металла^[30]

Может я впрямь поцарапал

Нестриженными ногтями:

Вижу кровавые раны.

Неладно показалось хозяйке, что Греттир на такое отважился, и она сказала, что он, верно, не вырастет осмотрительным человеком. Это не улучшило отношений между Асмундом и его сыном. Спустя некоторое время Асмунд велел Греттиру ходить за его лошадьми. Греттир сказал, что вот это получше, чем чесать спину у огня.

– Ты будешь делать, что я велю, – сказал Асмунд. – Есть у меня буланая лошадь, я зову ее Черноспинкой. У нее такое чутье на снег и ненастье, что уж если она не хочет идти на пастбище, значит, быть метели. В таком случае оставляй лошадей в конюшне. А так с наступлением холодов выгоняй их на север, на хребет. Хотел бы я, чтобы ты получше справился с этой работой, чем с теми двумя, которые я поручал тебе прежде.

Греттир отвечает:

– Работа холодная и впору мужу. Но, по-моему, негоже доверяться кобыле. Не знаю никого, кто бы так делал.

Вот Греттир стал ходить за табуном, и подошло время к празднику середины зимы. Тут настали жестокие холода, да со снегом – погода совсем не для пастбища. У Греттира было плохо с одеждой, а к холоду он был непривычен. Стал он мерзнуть. А Черноспинка в любую погоду стоит себе на самом ветру. И как рано ни приходила она на пастбище, до темноты никогда не возвращалась в стойло.

Тогда Греттир замышляет учинить что-нибудь такое, чтобы отвадить ее от хождения на пастбище. Как-то рано утром Греттир пошел в конюшню и открыл дверь. Черноспинка одна стояла перед яслями: хоть корм ставили всем лошадям, что с ней были, она захватывала его себе. Греттир вскочил ей на спину. В руке у него был острый нож, и он надрезал Черноспинке кожу поперек лопаток и сделал еще разрезы по обе стороны хребта. Лошадь так и взвилась: ведь она была сытая и сильно напугалась. Она так лягалась, что копыта ее с грохотом били о стены. Греттир свалился, но едва встал на ноги – снова пытается оседлать лошадь. Схватка у них не на шутку, и кончилось дело тем, что он содрал у нее со спины полосу шкуры до самого крупа.

Потом он гонит лошадей на пастбище. Черноспинка тянулась не к траве, а все к своей спине, и вскоре после полудня она пустилась вскачь к конюшне. Греттир же запирает конюшню и идет домой. Асмунд спрашивает, где лошади. Греттир сказал, что он поставил их, как всегда, в стойло. Асмунд говорит, что быть метели, раз лошади не хотят пастись в такую погоду. Греттир говорит:

– На всякую старуху бывает проруха.

Проходит ночь, а бури все нет. Греттир выгоняет лошадей, но Черноспинке невмоготу на пастбище. Станным кажется Асмунду, что погода какая была, такая и есть. На третье утро он сам пошел в конюшню и первым делом к Черноспинке, и говорит:

– Вижу, что лошади совсем никуда, и это в такую хорошую погоду. Но уж твоя-то спина меня не подведет, Буланка!

– Всяко бывает, – говорит Греттир, – и то, чего ждут, и то, чего не ожидают.

Асмунд погладил лошадь по спине, и шкура сползла под его рукой. Он подивился, как это так вышло, и сказал, что не иначе, как Греттир тому виною. Греттир только ухмыльнулся и ничего не ответил.

Асмунд пошел домой, бранясь на чем свет стоит. Придя в дом, он услышал, как хозяйка говорит:

– Кажется, пастьба лошадей сошла для моего сына благополучно.

Асмунд сказал вису:

Праздны женские речи.

Нет управы на Греттира:

Парень шкуру содрал

С верной моей Черноспинки.

Только и ладит плут

Дерзкий от дела бегать.

Слушай мой стих правдивый,

Ива статная пива!^[31]

Хозяйка отвечает:

– Уж не знаю, что больше претит мне: то ли что ты все даешь ему такую работу, то ли что он все время так ее делает.

– Пора положить этому конец, – сказал Асмунд. – Но это дорого ему обойдется.

– Тогда нечего будет и пенять друг на друга, – сказал Греттир.

Так некоторое время и шло.

Асмунд приказал убить Черноспинку. Много таких выходок учинял Греттир в детстве, о которых не рассказывается в саге. Он стал теперь большущий. Люди точно не знали его силы, потому что он не любил бороться. Он постоянно сочинял висы и стишки, все больше хулительные. Он не сидел с другими у огня и был большей частью неразговорчив.

XV

В то время на Среднем Фьорде подрастало много молодежи. На Торвином Дворе жила тогда Скальд-Торва. Сына ее звали Берси. Был он удалец, каких мало, и хороший скальд. На хуторе Каменники жили тогда братья Кормак и Торгильс. С ними вырос человек по имени Одд. Они кормили его и поили, и он был прозван Одд Нищий Скальд. Жил человек по имени Аудун. Он вырос на Аудуновом Дворе в Ивовой Долине и был человек приветливый, дружелюбный и сильнее всех своих сверстников на севере. На Асгейровой Реке жил Кальв, сын Асгейра, и его брат Торвальд. Атли, брат Греттира, тоже стал взрослым к тому времени. Человек он был очень покладистый, и всякий его любил.

Они устраивали вместе игры в мяч на Озере Среднего Фьорда. Приходили туда и со Среднего Фьорда, и из Ивовой Долины. Много народу приходило и с Западного Ковша, и с Озерного Мыса, да и с Хрутова Фьорда тоже. Кто приходил издалека, там и оставался. Пары подбирались из игроков, равных по силе. И веселье бывало у них осенью превеликое. Греттиру было четырнадцать зим, когда брат его Атли уговорил его пойти на игры. Разделились на пары, и Греттиру выпало играть против Аудуна, о котором уже говорилось. Он был на несколько зим старше Греттира. Аудун запустил мяч Греттиру через голову, тот не поймал, и мяч далеко укатился по льду. Греттир этого не стерпел; ему показалось, будто Аудун хочет над ним посмеяться. Все же он идет за мячом, возвращается и, подойдя к Аудуну, посылает ему мяч прямо в лоб, так что ударом рассекло кожу. Аудун ударил Греттира битой, что была у него в руках, но Греттир от удара увернулся, и его только чуть-чуть задело. Тогда они схватились друг с другом и стали биться. И люди увидели, что Греттир-то, оказывается, сильнее, чем они думали, потому что Аудун был большой силач. Долго они так дрались, но кончилось тем, что Греттир упал. Аудун уперся коленом ему в живот и больно придавил. Подбежали тогда Атли, и Берси, и много других и растащили их. Греттир сказал, что незачем держать его, словно бешеную собаку, и еще сказал так:

– Только раб мстит сразу^[32], а трус – никогда.

Люди постарались не доводить дела до ссоры, а братья Кальв с Торвальдом хотели, чтобы они помирились. Они были в родстве к тому же, Аудун с Греттиром. Игра шла, как раньше, и больше никаких поводов для раздора не было.

XVI

Торкель Разгребала совсем состарился. Он был тогда Годи Озерной Долины и человек очень влиятельный. Он был верным другом Асмунду Седовласому, как и надлежит зятю. Он взял за правило каждую весну ездить на хутор Скала в гости. Поехал он на хутор Скала и следующей весной после тех событий, о которых рассказывалось. Асмунд и Асдис встретили его с распростертыми объятьями. Он прогостил у них три ночи, и они много о чем переговорили. Торкель спросил, что говорит Асмунду сердце о его сыновьях, на каком поприще они себя покажут. Асмунд сказал, что Атли, он думает, станет хорошим хозяином, осмотрительным и богатым. Торкель отвечает:

– Словом, стоящий человек, вроде тебя. А что скажешь про Греттира?

Асмунд сказал:

– Про него скажу, что станет он человеком сильным и необузданным. Пока мне с ним только муки да морока.

Торкель отвечает:

– Это не обещает ничего хорошего, зять. А как будет с нашей поездкой на тинг этим летом?

Асмунд отвечает:

– Я становлюсь тяжел на подъем и предпочел бы остаться дома.

– Хочешь, вместо тебя поедет Атли? – сказал Торкель.

– Навряд ли я управлюсь без него по дому и по хозяйству. А Греттир работать все равно не хочет. Он, однако, настолько смышлен, что сумеет, думаю, под твоим присмотром выполнить за меня на тинге все мои обязанности перед законом.

– Тебе решать, зять, – говорит Торкель.

Поехал он, собравшись, домой, и Асмунд проводил его добрыми подарками.

Немного погодя Торкель снарядился ехать на тинг. Он выехал с шестью десятками людей. С ним отправились все, кто только был в его годорде^[33]. Заезжает он в Скалу, и Греттир к нему присоединился. Они поскакали на юг по взгорью, что зовется Двухдневным. На горах почти нигде было пастбищ лошадей, они побыстрее их проехали и спустились к обжитым местам. И когда они спустились к Междуречью, показалось им, что пора спать. Они сняли с лошадей уздечки и пустили их пастись под седлом. Был уже совсем день, а они все лежали и спали. Проснувшись, они поспешили к своим лошадям, а лошади разбрелись кто куда, и некоторые катались по траве. Греттир позже всех сыскал свою лошадь. Тогда было заведено, что по дороге на тинг люди сами заботились о своем пропитании, и чаще всего они вешали через седло котомки с едой. Седло у Греттировой лошади сбилося под брюхо, а котомка пропала. Вот он ходит и ищет, да без толку. Тут он видит: идет человек и торопится. Греттир спрашивает, кто он такой. Тот отвечает, что зовут его Скегги и он работник с севера, с хутора Гора в Озерной Долине.

– Я еду вместе с Торкелем, – сказал он, – но я оплошал – потерял котомку с едой.

Греттир отвечает:

– Хуже нет – быть в беде одному. Я тоже потерял котомку. Давай искать вместе.

Скегги и рад. Ходят они так некоторое время. И вдруг Скегги как побежит по пустоши и хватает котомку. Греттир увидел, что он нагнулся, и спрашивает, что это он поднял.

– Свою котомку, – говорит Скегги.

– Кто это подтвердит? – сказал Греттир. – Дай-ка мне взглянуть: мало ли похожих вещей!

Скегги сказал, что он своего так не отдаст. Греттир ухватился за котомку, и они вырывают ее друг у друга, каждый хочет взять ее себе.

– Чудно это вы думаете, люди со Среднего Фьорда, – говорит работник, – что ежели не все такие богатые, как вы, то другие уж и не смей отстаивать от вас свое добро.

Греттир сказал, что богатство тут ни при чем, если каждый берет свое. Скегги сказал:

– Жаль Аудун далеко, чтобы придушить тебя, как тогда, на играх!

– Положим, – сказал Греттир, – но как бы то ни было, ты-то меня не придушишь.

Тогда Скегги выхватил секиру и замахнулся на Греттира.

Но Греттир, увидев это, левой рукой перехватил у Скегги рукоять секиры и что есть силы рванул ее к себе, так что тот сразу же ее выпустил. Греттир обрушил эту секиру ему на голову: она так и засела в мозгу. Работник упал мертвый на землю. Греттир же взял котомку и перебросил ее через седло. Потом он пустился догонять своих спутников.

Торкель, не зная о случившемся, уже отъехал вперед. Но тут люди хватились Скегги, и когда Греттир подъехал к ним, спрашивают, не видел ли он Скегги. Греттир сказал такую вису:

Вдруг как прыгнет на Скегги

В горах великанша бурана

Ратных лезвий^[34]: жаждала

Крови железноротая.

Страшно ведьма брани^[35]

Клыкастую пасть разинула,

Лоб прогрызла герою.

Я был рядом и видел.

Люди Торкеля остановились и говорят, что не может такого быть, чтобы великаны схватили человека среди бела дня. Торкель помолчал, а потом говорит:

– Верно тут кроется совсем другое: не иначе, как Греттир убил его. Из-за чего же?

Греттир все и рассказал об их стычке. Торкель сказал:

– Скверно обернулось дело, ибо этот человек должен был сопровождать меня, и он хорошего рода. Я возьму на себя всю виру в случае тяжбы. Но объявят ли тебя вне закона – это от меня не зависит. Можешь выбирать, Греттир: ехать ли тебе на тинг, что бы там ни было, или поворачивать обратно.

Греттир выбрал ехать на тинг. И вот он поехал. Наследники убитого возбудили тяжбу. Ударили по рукам, и Торкель обязался выплатить виру, но Греттира объявили вне закона и на три года изгнали из страны. Возвращаясь с тинга, прежде чем распрощаться, они остановились под Санным Холмом попасти лошадей. Тогда Греттир и поднял камень, что лежит там в траве и называется теперь Греттиров

Подым^[36]. Много народу туда хаживало смотреть этот камень, и все дивились, что такой молодой, а поднял такую скалу.

Греттир поехал к себе на хутор Скала и рассказал, как он съездил. Асмунд мало обрадовался рассказу и сказал, что из Греттира, верно, выйдет большой смутьян.

XVII

Хавлиди звали человека, жившего у Китовой Горы на Белой Реке. Он был купцом, и у него был торговый корабль. Корабль этот стоял в устье Белой Реки. С ним ходил на корабле человек по имени Бард. У него была жена, молодая и красивая. Асмунд послал к Хавлиди человека с просьбой взять с собой Греттира и присмотреть за ним. Хавлиди ответил, что ему говорили, будто много от Греттира беспокойства. Но ради дружбы своей с Асмундом он согласился. Греттир стал снаряжаться в путь за море. Асмунд ничем не захотел снабдить его, дал только питание в дорогу и сермяжин самую малость. Греттир попросил его дать ему какое-нибудь оружие. Асмунд отвечает:

– Ты не был мне послушен, и у меня нет уверенности, что ты употребишь оружие с пользой. Ничего я тебе не дам!

Тогда Греттир сказал:

– Нет подарка – не надо и отдарка.

Затем отец с сыном расстались друг с другом не очень ласково. Многие желали ему счастливого пути, да мало кто скорого возвращения. Мать вышла проводить его и, прежде чем им расстаться, сказала:

– Не так снарядили тебя из дому, родич, как мне хотелось и как подобает тебе по рождению. Больше всего, по-моему, недостает тебе оружия, которым ты мог бы воспользоваться. А чует мое сердце, что оно тебе понадобится. – Тут она достала из-под плаща меч, который для него припасла. Это было доброе оружие. Она сказала: – Этим мечом владел еще Ёкуль, мой дед, и первые жители Озерной Долины, и он приносил им победу. Хочу я теперь отдать меч тебе. Пусть он тебе послужит!

Греттир поблагодарил ее за подарок и сказал, что для него это лучше любого сокровища, пусть самого дорогого. Потом он отправился своим путем, и Асдис пожелала ему всяческих удач. Греттир поехал по взгорью на юг и не останавливался, пока не добрался до корабля. Хавлиди хорошо его встретил и спросил, как он снарядился. Греттир сказал вису:

Отвечу я вязу вепря

Стяга попутного ветра^[37]:

Совсем снарядили не щедро

Родные меня в дорогу,

Только омела злата^[38],
Мне меч вручив, доказала,
Что мать одна-единая
В мире опора сыну.

Хавлиди сказал, что по всему видно, она больше всех о нем заботится. Собравшись в путь, они тотчас вышли в море, и им выдался попутный ветер. Выйдя из мелководья, они подняли парус. Греттир устроил себе под лодкой местечко и нипочем не хотел вылезать оттуда – ни черпать воду, ни к парусу, ни для какой другой работы, которую ему полагалось выполнять на корабле наравне со всеми. Не хотел он и откупиться.

Они обогнули с юга Мыс Дымов и поплыли на юг дальше. И когда земля скрылась из виду, им пришлось идти против сильного ветра. Корабль давал течь и плохо выдерживал непогоду. Трудно им приходилось. Греттир же знай осыпал их насмешливыми стишками. Очень не нравилось это людям. Раз как-то дул пронзительный ветер, и корабельщики снова позвали Греттира пособить им:

– А то у нас совсем окоченели пальцы!

Греттир сказал:
Пусть у сволочи этой
Хоть отвалятся пальцы!

Так они и не добились от него помощи, и негодовали пуще прежнего, и заявляли, что он еще поплатится за свои стишки и за свое возмутительное поведение.

– Тебе больше нравится, – говорили они, – хлопать по животу жену кормчего Барда, чем выполнять свои обязанности на корабле. Это неслыханно!

Непогода расходилась все больше. Они день и ночь черпали воду. Стали тогда они угрожать Греттиру. И Хавлиди, услышав их разговоры, подошел к тому месту, где лежал Греттир, и сказал:

– Плохо ты ладишь с корабельщиками: поступаешь против их устава и еще забрасываешь их хулительными стихами, а они грозятся спихнуть тебя за борт. Это никуда не годится.

– Почему же они не делают, что задумали? – сказал Греттир. – Но хотел бы я, чтобы один или двое последовали за мною, прежде чем мне отправиться за борт.

– Это не дело, – сказал Хавлиди. – Мы никогда с тобой не договоримся, если у тебя такое в мыслях. Я хочу кое-что тебе посоветовать.

– Что еще? – сказал Греттир.

– Они сердиты на тебя за то, что ты порочишь их в стихах, – сказал Хавлиди. – Я хочу, чтобы ты сочинил какую-нибудь хулительную вису про меня. Может статься, они тогда лучше поладят с тобой.

– Никогда я не скажу о тебе ничего, – говорит Греттир, – кроме хорошего. Я не уподоблю тебя этому сброду.

Хавлиди сказал:

– Можно сочинить и так, что виса, если к ней прислушаться, окажется хвалебной, хотя с первого взгляда она далеко не хвалебная.

– Таких у меня тоже предостаточно, – сказал Греттир.

Хавлиди подошел к корабельщикам, которые черпали воду, и сказал:

– Тяжело вам достается, и понятно, что вы недовольны Греттиром.

– Больше всего мы недовольны его стишками, – говорят они.

Тогда Хавлиди сказал громко:

– Они не доведут его до добра.

Когда Греттир услышал, что Хавлиди его бранит, он сказал вису:
Громкоголосый Хавлиди
Впроголодь дома кормился,
Молоком пополам с водою,
То ли дело на море!

Здесь боец достославный,
Сшибки мечей вершитель^[39],
Один за двоих мореходов
Свой обед поедает^[40].

Корабельщики очень возмутились и сказали, что ему это так не пройдет – порочить в висах хозяина Хавлиди. Хавлиди тогда сказал:

– Греттиру будет только по заслугам, если вы немножко его и проучите. Не хочу, чтобы моя честь зависела от его злобы и недомыслия. Сейчас, пока мы здесь в такой опасности, погодим ему мстить. Но если хотите, когда будете на берегу, можете ему это припомнить.

Они сказали:

– Неужто мы не выдержим того же, что и ты? Или нам обиднее его насмешки?

Хавлиди сказал, что так-то оно будет лучше. С тех пор корабельщики гораздо меньше, чем прежде, обращали внимание на его стишки. Тяжелым и долгим был их путь через море. Течь в корабле все больше давала о себе знать. Люди стали очень уставать за работой. Молодая жена кормчего повадилась завязывать Греттиру по утрам рукава рубашки^[41], и корабельщики очень над ним подшучивали. Хавлиди пошел туда, где лежал Греттир, и сказал вису:

Греттир, вставай! Корабль
Борозды в море врезает,

Душу потешь, вспомнив
Ласки подруги веселой.

Фрейя понизей^[42] крепко
Тебе рукава завязала.
Деву порадуй удалью,
Покуда земля далеко.

Греттир живо вскочил и сказал:
Встану! Пусть под ногами
Дно ходуном ходит.
Не огорчу подруги,
Здесь в безделье лежа.

Знаю, жена белорукая
Гневно меня осудит,
Если другим и впредь
За меня работать придется.

Потом он побежал туда, где вычерпывали воду, и спросил, что ему надо делать. Они сказали, что мало от него проку. Он сказал:

– Всякая подмога может пригодиться!

Хавлиди просил их не отклонять его помощи:

– Может быть, он думает развязаться со своими долгами, раз предлагает свою помощь.

Тогда на морских кораблях не было желобов для откачки воды. Воду черпали только бадьями или кадками. Работа была тяжелая и мокрая. Имелось две бадьи, одна шла вниз, а другая вверх. Корабельщики попросили Греттира наполнять бадью водою. Они говорили, что уж теперь испытают, на что он годится. Он говорит, что попытка – не пытка. Он спускается на днище и черпает воду бадьями, а двое принимают и сливают воду. Они не долго за ним попевали, как совсем замучились. Тогда стали на их место четверо, но и с ними было то же. Люди говорят, что в конце концов восьмеро принимали бадьи у Греттира, только тогда и вычерпали всю воду. С тех пор корабельщики переменились к Греттиру: они увидали всю его силу. Да и он с тех пор стал помощник преотличный, что бы от него ни требовалось.

Их все дальше гонит на восток. Спустился непроглядный туман. Однажды ночью они и не заметили, как корабль наскочил на подводный камень, так что вся передняя часть днища проломилась. Спустили тогда на воду лодку и разместили в ней женщин и все, что только можно было снять с корабля. Неподалеку от них был островок, и они переправили туда свое добро, сколько успелось за ночь. А когда стало светать, принялись они гадать, куда это они попали. Те, кто уже ходил между Исландией и Норвегией, догадались, что попали в

Суннмёри, в Норвегии. Там был один остров, ближе к материку, под названием Харамарсей. На острове было много дворов. Была там и усадьба лендрманна.

XVIII

Торфинном звали лендрманна, у которого была усадьба на острове. Он был сыном Кара Старого, который издавна там жил. Торфинн был очень влиятельный человек.

Когда совсем рассвело, люди на острове увидели, что купцы потерпели крушение в море. Донесли об этом Торфинну. Он, не медля, вывел в море большую лодку, которая у него была. На ней могло грести до шестнадцати человек с каждого борта. На лодке вышло человек тридцать. Они поторопились к купцам и спасли их груз. А корабль затонул, и с ним погибло много добра.

Торфинн перевез всех людей с корабля к себе. Они неделю там жили и сушили свой товар. Потом они направились на юг страны. В саге больше ничего не будет про них сказано.

Греттир остался у Торфинна и держался тихо. Он все больше молчал. Торфинн велел кормить его, но мало обращал на него внимания. Греттир его сторонился и не хотел выходить вместе с ним днем из дому. Это не нравилось Торфинну, но он все же не захотел отказывать Греттиру в гостеприимстве. Торфинн жил на широкую ногу, любил пировать и был человек общительный. Ему хотелось, чтобы все кругом него были веселы.

Греттиру не сиделось дома, и он часто захаживал на другие дворы там, на острове. Аудуном звали человека, жившего в месте, что зовется Виндхейм. Греттир каждый день ходил к нему, и они сдружились. Он просиживал там целыми днями.

Как-то поздно вечером, собравшись идти домой, Греттир заметил, что на мысу, ниже Аудунова двора, вспыхивает яркий огонь. Греттир спросил, что это там такое. Аудун сказал, что ему совсем ни к чему это знать.

– У нас в стране, – сказал Греттир, – когда видят подобный огонь, говорят, что он идет от клада.

Бонд отвечает:

– Властелин этого огня таков, что навряд ли тебе будет польза допытываться.

– И все же я хочу узнать, – говорит Греттир.

– Там на мысу стоит курган, – говорит Аудун. – В нем лежит Кар Старый, отец Торфинна. У отца с сыном сперва был один только двор на острове. Но когда Кар умер, он стал выходить из могилы и распугал всех, у кого здесь были земли, так что теперь Торфинн один владеет

всем островом. А тем, кто у Торфинна в подчинении, никакого вреда не делается.

– Хорошо, что ты рассказал мне, – говорит Греттир. – Я приду сюда завтра утром, приготовь все, что нужно, копать землю.

– Мой тебе совет, – сказал Аудун, – не затевай этого, ибо я уверен, что на тебя обратится ненависть Торфинна.

Греттир сказал, что все же он рискнет.

Прошла ночь. Греттир спозаранку приходит к Аудуну. Все снаряжение уже готово, и Аудун пошел с ним к кургану.

Греттир раскопал курган, и пришлось ему изрядно потрудиться. Он работает без передышки, пока не доходит до сруба. День к тому времени уже был на исходе. Он проломал бревна. Аудун заклинал его не заходить в курган. Греттир просил его поддержать веревки.

– А уж я докопаюсь, кто здесь живет!

Спустился Греттир в курган. Там было темно и запах не из приятных. Он старается разведать, что там такое. Ему попались конские кости. Потом он ударился о столбы седалища, и оказалось, что на седалище сидит человек. Там была сложена грудa сокровищ – золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра. Греттир взял все эти сокровища и понес к веревкам, но в то время, как он шел к выходу из кургана, кто-то крепко его схватил. Он бросил сокровища, и они кинулись друг на друга и стали биться ожесточенно. Все разлеталось у них на пути. Могильный житель нападал свирепо. Греттир все пытался ускользнуть. Но видит, что от того не уйдешь. Теперь оба бьются нещадно. Отходят они туда, где лежат конские кости. Здесь они долго бьются, то один упадет на колени, то другой. Все же кончилось тем, что могильный житель упал навзничь со страшным грохотом. Тут Аудун убежал от веревок: он подумал, что Греттир погиб. Греттир же выхватил меч Ёкуля, и, ударив могильного жителя по шее, срубил ему голову и приложил ее к ляжкам^[43]. Потом он пошел с сокровищами к веревкам, но Аудуна и след простыл. Пришлось ему самому карабкаться вверх по веревке. Он привязал сокровища к бечеве и вытянул их за собою.

Греттир весь одеревенел от схватки с Каром. Поворачивает он с сокровищами домой, на двор Торфинна. Все там уже сидели за столом. Торфинн пристально посмотрел на Греттира, когда он вошел в пиршественные покои, и спросил, какие это у него неотложные дела, что он ведет себя не как прочие. Греттир сказал:

– Мало ли какая безделица случается к ночи!

Тут он выложил на стол все взятые из кургана сокровища. Было между ними одно, от которого он не мог отвести взгляда – короткий меч, такое доброе оружие, что он, по его словам, и не видывал лучшего. Его выложил он последним. Торфинн, увидев меч, весь просиял, ибо это была их родовая драгоценность, и она никогда не покидала их рода.

– Откуда у тебя эти сокровища? – сказал Торфинн.

Греттир сказал тогда вису:
Двигала мной надежда,
Дробитель дождя ладони^[44],
Искры зыбей^[45] раздобыть
В кургане Старого Кара.

Наверно скажу, немногие
Улли грома металла^[46]
Будут рады за кладом
Туда вдругорядь отправиться.

Торфинн отвечает:

– Ну, тебя так просто не напугаешь! Ни у кого до тебя не было охоты разрывать курган. Но поскольку, я знаю, мало проку от сокровищ, если закопать их в землю или положить в курган, я не стану с тебя взыскивать, тем паче, что ты мне все принес. И как ты добыл этот добрый меч?

Греттир сказал в ответ вису:
Сей клинок благородный,
Режущий раны, в кургане
С бою добыл я ныне —
Сгинул могильный житель.

Стал бы только моим
Бранных рубах крушитель^[47],
Он бы вовек не выпал
Из рук кормильца ворона^[48].

Торфинн отвечает:

– Славно сказано! Но ты должен совершить какой-нибудь подвиг, прежде чем я дам тебе этот меч. Ведь я сам так и не получил его от отца, покуда он был жив.

Греттир сказал:

– Как знать, кому меч в конце концов лучше послужит!

Торфинн взял себе сокровища и спрятал меч подле своей постели. Так прошло время до праздника середины зимы, и не случилось пока ничего, о чем бы стоило рассказать.

XIX

На следующее лето Эйрик-ярл, сын Хакона, собрался в Англию, к конунгу Кнуту Могучему, своему родичу^[49]. А власть в Норвегии он оставил своему сыну Хакону, поручив и сына и управление страной заботам брата своего Свейна-ярла, ибо Хакон был годами еще ребенок.

Прежде чем уехать, Эйрик призвал к себе лендрманнов и богатых бондов^[50]. Они много толковали о законах и порядках в стране, ибо Эйрик был ревностный правитель. Людям казалось большим непорядком, что разбойники и берсерки принуждали достойных людей к поединкам, покушаясь на их жен и добро, и не платили виры за тех, кто погибал от их руки. Многих так опозорили: кто поплатился добром, а кто и жизнью. Поэтому Эйрик-ярл запретил все поединки в Норвегии и объявил вне закона всех грабителей и берсерков, творивших эти бесчинства. Торфинн, сын Кара, с острова Харамарсей, был во всем с ним заодно в этом решении и приговоре, ибо он был человек мудрый и большой друг ярлу.

Называют двух братьев, которые были всех хуже. Одного звали Торир Брюхо, а другого Эгмунд Злой. Они были родом с Халогаланда, сильнее и выше ростом, чем прочие люди. Они были берсерками, и, впадая в ярость, никого не щадили. Они уводили мужних жен и дочерей и, продержав неделю или две у себя, отсылали назад. Где только они ни появлялись, всюду грабили и учиняли всякие другие бесчинства. Эйрик-ярл объявил их вне закона во всей Норвегии, и Торфинн, как никто, ратовал за их осуждение. Они же мстили отплатить ему за его вражду.

Потом ярл уехал из страны, как рассказывается в саге о нем, а Свейн-ярл остался править и государить за него в Норвегии.

Торфинн возвратился к себе домой и, как уже рассказывалось, до праздника середины зимы был все дома. Когда же подошло время к празднику, Торфинн собрался на другой свой двор, у Слюсфьорда. Это на материке. Он позвал туда многих своих друзей. А жена Торфинна не могла с ним поехать, потому что их взрослая дочка была больна. Так что они обе остались дома. Греттир тоже оставался дома и еще восемь работников. Торфинн, и с ним тридцать свободных мужей, поехал на праздничный пир. Всего было там вдоволь, гостям на радость и на утеху.

Вот подходит канун праздника середины зимы. Погода стояла ясная и тихая. Греттир в тот день был все больше у моря и глядел, как шли вдоль берега корабли, какие на север, какие на юг: каждый торопился туда, где ждал его пир. Хозяйской дочке в тот день полегчало, и она вышла с матерью из дому. День шел к концу. Тут Греттир увидел, что к берегу идет на веслах корабль. Он был невелик, от штевня до штевня закрыт по борту щитами и весь покрашен. Гребцы налегали на весла и правили прямо на корабельный сарай Торфинна. Едва корабль коснулся дна, они – все, кто там были, – выскочили. Греттир их сосчитал, вышло двенадцать человек. Ему показалось, что не мирно они настроены. Они подняли свой корабль и вытащили на берег. Потом они пустились к корабельному сараю. Там стояла большая ладья Торфинна. Ее всегда спускали на воду человек тридцать, не меньше, а тут эти двенадцать человек выволокли ее на прибрежную гальку. Потом они подняли свой

корабль и втащили в сарай. Греттир смекнул, что они, пожалуй, напрашиваются в гости. Тогда он пошел им навстречу, приветствовал их и спросил, кто они такие и как зовут их предводителя. Тот, к кому обратились, сразу откликнулся и назвался Ториром, а по прозванию Брюхо, а это, мол, брат его Эгмунд и другие сотоварищи.

– Надо думать, – сказал Торир, – что хозяин ваш Торфинн про нас слышал. А что, дома ли он?

Греттир отвечает:

– Вы, верно, удачливые люди, потому что кстати вы сюда приехали, если только вы те, за кого я вас принимаю. Хозяин со всеми свободными людьми уехал и собирается домой не раньше, чем кончатся праздники. А хозяйка дома и хозяйская дочка тоже. И если бы мне надо было с кем-то расквитаться, я бы рад был такому случаю, потому что здесь есть все, что душе угодно, – и пиво, и всякие другие удовольствия.

Пока Греттир так болтал, Торир молчал. А потом сказал Эгмунду:

– Что, не так разве вышло, как я предсказывал? И я бы совсем не прочь отомстить Торфинну, ведь это из-за него мы объявлены вне закона. А человек этот рад все выболтать, нам не надо тянуть его за язык.

– Каждый волен в своих словах, – сказал Греттир, – я же в чем могу, услужу вам. Идите в дом со мною.

Они поблагодарили его и сказали, что принимают его приглашение.

Когда они пришли на хутор, Греттир взял Торира за руку и повел его в покои. Греттир все говорил без умолку. Хозяйка была в покоях и смотрела за тем, как завешивают стены и готовят все, как полагается, к празднику. Услышав слова Греттира, она остановилась и спрашивает, кого это Греттир так сердечно приветствует. Греттир отвечает:

– Надо, хозяйка, принять гостей получше. Сюда явился сам бонд Торир Брюхо и с ним еще одиннадцать мужей, и они думают остаться здесь на праздники. Это как нельзя более кстати, потому что пока у нас было совсем мало народу.

Она отвечает:

– Я не считаю их за бондов или за добрых людей, ведь это самые отъявленные разбойники и злодеи. Я бы лучше отдала большую часть своего добра, только бы они не приходили сюда в такое время. Плохо же ты платишь Торфинну за то, что он приютил тебя, нищего, после кораблекрушения и всю зиму обращался с тобою, как со свободным.

Греттир сказал:

– Не сердись, хозяйка! Ты бы сперва сняла с гостей мокрую одежду, а ругать меня и потом время будет.

Тут сказал Торир:

– Ты ничего не потеряешь от того, что уехал твой муж. Мы дадим тебе взамен другого. И тебе, и дочери твоей, и другим вашим женщинам.

– Вот это речи, достойные мужчины, – сказал Греттир. – Значит, им нечего беспокоиться о своей участи.

Женщины кинулись бежать в великом ужасе и в слезах. Греттир сказал берсеркам:

– Давай-ка мне сюда, что вы хотите положить, – оружие или мокрую одежду, потому что нет сладу с этим народом, пока они перепуганы.

Торир сказал, что ему плевать на женский писк:

– Но ты во всем не похож на других здешних людей. Сдается, мы можем на тебя рассчитывать.

– Это ваше дело, – сказал Греттир. – Но и для меня ведь человек человеку рознь.

Тут они сложили почти все свое оружие. Тогда Греттир сказал:

– Мой вам совет, идите теперь к столу и выпейте: верно, вам хочется пить после гребли.

Они сказали, что это они не прочь, но только они не знают, где погреб. Греттир спрашивает, согласны ли они довериться его заботам. Берсерки сказали, что это будет самое лучшее. Греттир идет, приносит пива и им наливает. Они очень устали и стали пить с жадностью. Он наливает им, не жалея, самого пьяного пива. Так продолжалось долго. Он развлекает их всякими смешными рассказами, и стоит у них от всего от этого шум и гам. Ни у кого из домашних не было охоты соваться к ним. Тут Торир сказал:

– Мне еще не случалось встречать чужого человека, кто бы так шел нам во всем навстречу. Что бы ты хотел получить от нас в награду за свою службу?

Греттир отвечает:

– Мне покамест ничего от вас не надо. Но если мы и до вашего отъезда останемся все такими же друзьями, то я присоединюсь к вам. Пусть я умею и меньше, чем любой из вас, я не буду вам обузой в ваших великих делах.

Они очень обрадовались и пожелали тут же скрепить союз клятвами. Греттир сказал, что не надо:

– Потому что правду говорят: пьяный не знает, что делает. Нечего с этим спешить, пусть все остается, как я сказал. Мы сейчас мало что соображаем.

Они сказали, что от слов своих не отступятся. Дело шло к ночи, и совсем стемнело. Тут видит Греттир, что берсерков уже разморило от пива. Он и сказал:

– Не кажется ли вам, что пора спать?

Торир сказал, что и правда, пора:

– И надо исполнить, что я пообещал хозяйке.

Греттир вышел и громко сказал:

– Ступайте-ка, женщины, в постель! Такова воля бонда Торира.

Те в ответ осыпали его проклятьями. Только и слышно было, что их дикий вой. Тут как раз вышли берсерки. Греттир сказал:

– Пойдемте, я покажу вам, где Торфинн хранит свои сокровища.

Они не возражали. Пришли они к большущей клетки. В нее вела входная дверь с крепким запором. Клеть была выстроена надежно. Рядом было большое и прочное отхожее место. Их разделяла только дощатая перегородка. Клеть была расположена высоко, так что надо было подняться к ней по лестнице. Берсерки очень разошлись и все пихали Греттира. Он для смеха от них уворачивался и вдруг, когда никто не ждал, выскочил за дверь, запер дверь на задвижку, да еще навесил замок.

Торир и его приятели сперва подумали, что это дверь соскочила с петель, и ничуть не встревожились. У них был при себе огонь, потому что Греттир показывал им разные сокровища, принадлежавшие Торфинну. Они продолжали их разглядывать. А Греттир прямым ходом домой. И только вошел в дверь, громко зовет хозяйку. А та молчит: боится подать голос. Он сказал:

– Знатно можно поохотиться! Есть ли где стоящее оружие?

Она отвечает:

– Оружие-то есть. Да не знаю, на что оно пойдет.

– Поговорим об этом после, – отвечает он. – Теперь помогай кто чем может. Другого такого случая не будет.

Хозяйка сказала:

– Это был бы и впрямь дар Божий, если бы наше положение хоть немного улучшилось. Над постелью у Торфинна висит рогатое копьё, которым владел еще Кар Старый. Есть там и шлем, и кольчуга, и добрый меч. Оружие это тебе не откажет, достало бы смелости.

Греттир хватает шлем и копьё, опоясывается мечом и убегает. Хозяйка же скликает работников и велит им следовать за храбрецом. Четверо побежали за оружием, а другие четверо не посмели и близко подойти.

Теперь надо рассказать о берсерках. Им показалось, что Греттир заставляет себя долго ждать. Стали они подозревать измену. Бросаются они к двери, а она заперта. Навалились они на перегородку так, что каждая досочка затрещала. Наконец, они ее проломили и вышли к крыльцу, а оттуда – на лестницу. Тут они впали в неистовство и стали рычать как собаки. В этот миг и подошел Греттир. Он двумя руками занес копьё и всадил его прямо в Торира, когда тот хотел спуститься с лестницы, так что копьё проткнуло его насквозь. Наконечник у копьё был длинный и широкий. Эгмунд Злой шел за Ториром по пятам и подтолкнул его сзади, так что копьё вошло в Торира по самую поперечину и вышло у него между лопаток – и прямо Эгмунду в грудь. Они свалились оба, убитые. Греттир всех разил по-одному: кого рубил мечом, кого колот копьём. Они же защищались лежавшими на земле поленьями и всем, что подвернется под руку. Это была жестокая схватка, так могучи они были, хоть и без оружия. Греттир убил во дворе двоих с Халогаланда. Тут подошли четверо

работников: они все не могли договориться, какое кому взять оружие. Они стали нападать на берсерков, когда те отступали. Но стоило берсеркам перейти в нападение, и работники бросились врассыпную и попрятались за домами. Там пали шестеро викингов, и всех убил Греттир. Другие же шесть пытались бежать. Пустились они вниз, к корабельному сараю, вбежали в сарай и стали защищаться веслами. Греттиру сильно от них досталось: еще немного – не обошлось бы и без увечий. А работники побежали домой и наговорили с три короба про свои подвиги. Хозяйка просила их разузнать, что случилось с Греттиром, но она так ничего и не добилась.

Двоих Греттир убил в сарае, а четверо от него убежали: двое в одну сторону, а двое – в другую. Он кинулся за теми, что были ближе. Наступила ночь, и стало совсем темно. Они забежали в сарай, что стоял на дворе Виндхейм, который уже упоминался. Так они долго бились, пока Греттир, наконец, не убил обоих. Он страшно устал и еле двигался. А была уже глубокая ночь. Стало очень холодно, и мела метель. У него не было желания разыскивать тех двоих викингов, что еще уцелели. Он пошел домой на хутор. Хозяйка засветила огонь в окошке одной из самых верхних горниц, чтобы Греттир нашел по нему дорогу. Так и вышло, что он, увидев этот огонь, разыскал дорогу к дому. И только ступил в двери, встретила его хозяйка приветственными словами:

– И ты заслужил, – говорит она, – великую славу, спася меня и домашних моих от такого позора, который бы нам ввек не загладить.

Греттир говорит:

– А я-то, по-моему, тот же самый, что и вечером, когда вы так меня честили.

На это хозяйка сказала:

– Мы тогда не знали, что ты такой герой. Все на хуторе будет в твоём распоряжении, все, что только возможно тебе предложить и что тебе подобает принять. И надо думать, что Торфинн еще лучше вознаградит тебя, когда вернется.

Греттир отвечает:

– Не надо мне пока что никакой награды, но я приму твоё приглашение и останусь у тебя, пока не вернется хозяин. И надеюсь, что вы сможете спать, не опасаясь берсерков.

Греттир пил вечером мало, а ночью спал, не расставаясь с оружием. Наутро, только стало светать, созвали всех мужей с острова и стали разыскивать тех берсерков, что накануне сбежали. На исходе дня нашли их под одним камнем: они умерли от холода и ран. Снесли тогда тела к морю, туда, куда доходит приливная волна^[51], и похоронили под камнями. Потом жители острова пошли домой и могли теперь вздохнуть спокойно.

Вернувшись домой к хозяйке, Греттир сказал такую вису:
Мы в камнях схоронили

Ньёрдов брани^[52] двенадцать,
Всех один одолел,
В Хель, не помедлив, спровадил.

Какие, скажи, о Скади
Злата^[53], дела людские
Зваться достойны великими,
Если этого мало?

Хозяйка сказала:

– Поистине, немногие из ныне живущих с тобою сравнятся.

Она сажает его на почетное место, напротив хозяйского, и во всем ему угождает. Так и шло, куда не настало время приехать Торфинну.

XX

После праздника середины зимы собрался Торфинн домой. И многие из гостей уехали от него с богатыми подарками. Потом он со своими людьми пустился в путь и плыл, пока не поравнялся со своим корабельным сараем. Они видят: лежит на песке лодка, и вскоре они признают в ней свою большую ладью. Торфинн тогда еще не слышал про викингов. Вот он велел причаливать к берегу:

– Потому что сдается мне, – сказал он, – что не друзья здесь похозяйничали.

Торфинн первым сошел на берег – и скорее к сараю. Он увидел там корабль и узнал, что это корабль берсерков. Тут он сказал своим людям:

– Сдается мне, что тут случилось такое, что я бы охотно отдал весь остров и все, что на острове, лишь бы этого не случилось.

Они спросили, почему так. Тогда он сказал:

– Здесь побывали викинги, хуже которых нету во всей Норвегии. Это Торир Брюхо и Эгмунд Злой. Уж верно они распорядились здесь не лучшим для нас образом. А исландцу я не очень-то доверяю.

Много еще он переговорил об этом со своими товарищами. Греттир был дома, и это из-за него так нескоро пошли на берег встречать Торфинна. Он говорил, что ему все равно: пусть хозяин малость и ужаснется тому, что тут было. Но когда хозяйка попросила у него позволения выйти, он сказал, что она вольна ходить, куда вздумает. Он же, мол, не стронется с места. Она скорей пошла к Торфинну и радостно его приветствовала. Он тоже обрадовался и сказал:

– Слава богу, что я вижу тебя целой и невредимой, и дочь мою тоже. Но что же с вами было за время моего отсутствия?

Она говорит:

– Все кончилось хорошо. Когда б не помощь твоего зимнего постояльца, то недалеко было и до такого позора, что нам бы ничем его не загладить.

Торфинн сказал:

– Давай сядем и Расскажи все, как было.

Она и рассказывает ему подробно обо всем, что произошло, и расхваливает мужество и доблесть Греттира. Торфинн все это время молчал. А когда она досказала, он отвечает ей так:

– Правду говорит пословица, что друг познается в беде. А где он сейчас?

Хозяйка говорит:

– Он дома, в покоях.

Пошли они оба домой на хутор. Торфинн подошел к Греттиру, обнял его и сердечно поблагодарил за героизм, которое он выказал.

– И скажу я тебе, – говорит Торфинн, – как немногие скажут своим друзьям. Мне бы хотелось, чтобы ты нуждался в помощи. Тогда бы ты узнал, на что я способен, тебе помогая. Ведь если ты не попадешь в беду, мне вовек не отблагодарить тебя за твое благодеяние. И живи здесь у меня сколько тебе нужно, и мои слуги будут оказывать тебе почет и уважение.

Греттир сказал, что он очень за это благодарен:

– И я бы принял твое приглашение, даже если бы ты пригласил меня и пораньше.

Греттир жил там всю зиму и был в большой дружбе с Торфинном. А подвигом этим он прославился по всей Норвегии, всего же больше там, где они особенно бесчинствовали, эти берсерки.

Весною Торфинн спросил Греттира, что он собирается предпринять. Греттир сказал, что он думает отправиться на север, в Вагар, на время торга. Торфинн сказал, что он тут же даст ему денег, сколько тот пожелает. Греттир сказал, что ему пока нужно не больше, чем на дорогу. Торфинн сказал, что за этим дело не станет, и проводил его на корабль. Он отдал Греттиру добрый меч. Греттир носил его, покуда был жив, и это было замечательное сокровище. Торфинн просил Греттира сразу же ехать к нему, если понадобится помощь.

Вот Греттир поехал в Вагар, и там было очень много народу. Многие, кто прежде его и в глаза не видел, его приветствовали: они уже были наслышаны о подвиге, который он совершил, убив тех викингов. Именитые мужи наперебой звали его к себе. Но он хотел вернуться к своему другу Торфинну. Поехал он на торговом корабле, принадлежавшем человеку по имени Торкель. Тот жил в Сальфти, в Халогаланде, и был человек знатный. Когда Греттир приплыл к Торкелю, тот очень радушно его встретил и стал на все лады приглашать его на зиму к себе. Греттир согласился, остался на зиму у Торкеля, и его принимали как дорогого гостя.

Бьёрном звали одного человека, зимовавшего у Торкеля. Был он человек несдержанный, а роду хорошего – в родстве с Торкелем. Его мало кто любил, потому что он часто оговаривал людей, живших у Торкеля. Так он многих спровадил. С Греттиром они не очень-то ладили: Бьёрн считал, что Греттиру до него далеко, но и Греттир не давал себя в обиду. Дошло между ними до прямой вражды. Бьёрн был большой задира и любил побуяннить. Поэтому за ним увязывалось много молодежи, и часто вечерами они шатались вместе.

Случилось как-то в начале зимы, что вышел из берлоги свирепый медведь, и он так разъярился, что не щадил ни людей, ни скота. Люди думали, что не иначе, как он проснулся от шума, который поднимал Бьёрн со своими приятелями. Зверю было так голодно, что он задира у людей скот. Никто не терпел от этого столько убытку, сколько Торкель, потому что он был всех богаче в округе.

Однажды Торкель созвал своих людей, дабы они разыскали берлогу этого медведя. Они нашли ее у моря, в скалах. Был там один утес, он нависал вперед, так что получилась пещера, к которой вела узкая тропинка. Под пещерой был обрыв и каменистый берег. Была бы верная смерть тому, кто бы оттуда сорвался. Медведь лежал днем в берлоге, а к ночи обычно уходил на добычу. Никакие заборы не спасали от него скотину. Не было толку и от собак. Люди не знали, что и делать. Бьёрн же, Торкелев родич, говорит, что пещера найдена – значит, главное дело сделано.

– Теперь поглядим, – сказал он, – кто кого: я моего тезку^[54] или он меня.

Греттир не подал виду, что он слышал слова Бьёрна.

Вечерами бывало обычно так, что люди – спать, а Бьёрн – невесть куда. Вот однажды ночью Бьёрн отправился к берлоге. Он знал, что медведь в берлоге, по страшному его реву. Бьёрн улегся в проходе, закрылся щитом и приготовился ждать, пока зверь не пойдет на добычу по своей привычке. Мишка же учуял человека и выходить не торопился. Нашла на Бьёрна дремота, пока он там лежал. Никак не может он удержаться от сна, а тут как раз зверь выходит из берлоги. Он видит человека, подцепляет щит лапой, стаскивает его с Бьёрна и бросает щит вниз со скалы. Бьёрн так и подскочил, проснувшись. Ноги в руки и бегом домой. Еще немного – и зверь схватил бы его. Приятели Бьёрна знали об этом, потому что подсмотрели, куда он ходил. Наутро они нашли щит и очень надо всем этим потешались.

На праздник середины зимы Торкель сам отправился к берлоге, и с ним еще семеро мужей. Там были в тот раз и Бьёрн, и Греттир, и другие люди Торкеля. На Греттире был меховой плащ с капюшоном. Греттир скинул его, когда они пошли на зверя. Трудно было одолеть медведя:

ничем, кроме копий, его нельзя было достать, а копыта он перекусывал. Бьёрн так и сяк подбивал всех к нападению, а сам держался подальше от опасности. И, когда никто не ждал, Бьёрн вдруг хватает плащ Греттира и бросает медведю в берлогу.

У них так ничего и не вышло, и к исходу дня повернули они назад. Собравшись уходить, Греттир хватился плаща. Он увидел, что медведь подмял плащ под себя. Он сказал:

– Кто так подшутил надо мною и бросил мой плащ в берлогу?

Бьёрн отвечает:

– Тот, кто смеет в этом признаться!

Греттир говорит:

– Подумаешь, какой подвиг!

Повернули они к дому. Прошли немного, как развязалась у Греттира тесемка на ноге. Торкель сказал, чтобы его подождали. Греттир говорит, что ни к чему это. Тут Бьёрн сказал:

– Ни к чему вам думать, будто Греттир удрал от своего плаща. Вот он наберется сейчас храбрости и один убьет медведя, от которого мы в восьмером ушли. Тогда бы он походил на героя, за которого его выдают. А то он показал себя сегодня трус-трусом.

– Не знаю, – сказал Торкель, – как отличился ты, только ты ему неровня. И не наговаривай на него.

Бьёрн сказал, что Торкель и Греттир ему не указ.

Вот они отошли от Греттира за холм, и Греттир направился назад к тропинке в берлогу. Теперь уж ему ни с кем не надо было делить славу. Он обнажил меч Ёкуля, продел руку в кольцо на рукояти меча, чтобы сподручнее было действовать, и вышел на тропинку. Зверь, увидев человека, вскочил в дикой ярости и бросился на Греттира, и ударил его лапой, которая была дальше от обрыва. Греттир ударил по ней мечом, повыше когтей, и отрубил ее. Зверь хотел снова ударить, здоровою лапой, перевалился на обрубленную, но она оказалась короче, чем он думал. Упал зверь прямо в руки Греттиру. Тогда тот ухватил зверя между ушей и держал его так, чтобы медведь не мог его загрызть. Сам Греттир говорил, что держать его так было величайшим испытанием. Но зверь силился вырваться, а места было мало, и поэтому они оба сорвались со скалы. Медведь был тяжелее, он первым упал на камни, а Греттир очутился сверху. Медведь совсем разбил себе тот бок, на который упал. Тут Греттир выхватил свой меч и поразил медведя в сердце, и тому пришла смерть.

Потом Греттир пошел домой, забрав свой плащ. Плащ был весь изодран в клочья. Он прихватил с собою и обрубок медвежьей лапы.

Торкель сидел за столом, когда Греттир пришел в покои. Они все рассмеялись, глядя на лохмотья, которые были на Греттире.

Тут Греттир выкладывает на стол обрубок медвежьей лапы. Торкель сказал:

– Где ж это Бьёрн, мой родич? Что-то не видел я, чтобы твое железо так рубило. И хочу, чтобы ты предложил Греттиру выкуп за то, что ты так оскорблял его.

Бьёрн сказал, что это подождет:

– И мне нет дела до того, нравится ему это или нет.

Греттир сказал такую вису:

Ньёрд колец^[55], что по осени
Догнать пестуна грозился,
Домой приходя целехонек,
Так и трясся от страха.

Улли ясеня^[56] скажут:

Сиднем ночами не сиживал
Я у медвежьей берлоги,
Но свиделся с мишкой ныне.

Бьёрн сказал:

– Ты и впрямь отличился. Но обо мне ты высказываешься нелестно. Понятно: ты, верно, думаешь, что меня задевает эта издевка.

Торкель сказал:

– Хочу я, Греттир, чтобы ты не мстил Бьёрну, я же уплачу вместо него полную виру, как за убийство, чтобы кончить вам миром.

Бьёрн сказал, что пусть лучше Торкель побережет свои деньги, чем платить выкуп:

– По-моему, в том, что касается нас с Греттиром, пускай то дубок и берет, что с другого дерет^[57].

Греттир сказал, что он будет только рад этому.

– Тогда, Греттир, – сказал Торкель, – ради меня не замышляй ничего против Бьёрна, пока вы у меня живете.

– Ладно, – сказал Греттир.

Бьёрн сказал, что он Греттира не побоится, где бы ни пришлось им встретиться. Греттир усмехнулся, но денег, которые были ему предложены, не принял.

Они пробыли там зиму.

XXII

Весною Греттир поплыл с Торкелевыми людьми на север, в Вагар. С Торкелем они расстались друзьями. А Бьёрн поплыл на запад, в Англию, за главного на шедшем туда Торкелевом корабле. Бьёрн оставался там все лето, покупая для Торкеля все, что тот ему поручил. Поплыл он назад уже глубокой осенью. Греттир оставался в Вагаре до отплытия кораблей. Затем он вышел с торговыми людьми в море и плыл до гавани Гартар, в устье Трандхеймс-фьорда. Там они раскинули на

корабле палатку и только расположились, подошел к берегу с юга корабль. Они сразу признали в нем судно из Англии. Корабль пристал подальше по берегу, и люди сошли на землю. Греттир со своими сотоварищами к ним направился. И, когда они встретились, Греттир видит среди них Бьёрна и говорит:

– Хорошо, что мы с тобой встретились. Теперь мы сведем старые счета. Погляжу, чья теперь возьмет.

Бьёрн сказал, что это, мол, дело прошлое:

– А если что и было, я готов заплатить, так что ты останешься доволен.

Греттир сказал тогда вису:

Помнят всюду люди,
Как я победил медведя.
Плащ, с плеч упавший,
Был в клочья разорван зверем.

Дорого мне заплатит
Тот, кто это подстроил,
Муж бесстыжий. На ветер
Греттир угроз не бросает.

Бьёрн сказал, что деньги улаживали дела и поважнее. Греттир сказал, что немногие решались строить против него козни и они никогда не отделявались выкупом, не возьмет он выкупа и теперь:

– Одному из нас не уйти отсюда целу, если это будет зависеть от меня. А если ты не посмеешь со мною биться, я объявлю тебя трусом.

Бьёрн увидел, что ему не отвертеться. Взял он оружие и пошел на берег. Тут они сошлись и стали биться. В недолгом времени Бьёрн получил рану и тут же упал на землю мертвым. И, увидев это, спутники Бьёрна сели на корабль и поплыли вдоль берега на север, к Торкелю, и рассказали ему о случившемся. Тот сказал, что этого можно было ждать. Вскоре Торкель поехал на юг, в Трандхейм, и встретился там со Свейном-ярлом.

Греттир, убив Бьёрна, поехал в Мёри и встретился со своим другом Торфинном и рассказал ему все, что случилось. Торфинн хорошо его принял.

– И я рад, – сказал он, – что тебе понадобился друг. Оставайся у меня, пока все это не уладится.

Греттир поблагодарил его за приглашение и сказал, что он его принимает.

Свейн-ярл находился в Трандхейме, в Стейпкере, когда до него дошла весть об убийстве Бьёрна. С ним был тогда Хьярранди, Бьёрнов брат. Он был дружинником ярла. Он очень рассердился, узнав про убийство Бьёрна, и попросил у ярла помощи в этом деле. Ярл пообещал и, послав гонцов к Торфинну, вызвал их обоих с Греттиром к себе.

Тотчас собрались они оба, Греттир и Торфинн, по приглашению ярла и поехали к нему в Трандхейм. Ярл созвал сходку по этому делу и просил Хьярранди присутствовать. Хьярранди сказал, что он не собирается торговать своим братом^[58].

– Одно из двух: я либо отправлюсь за ним следом, либо отомщу за него, – сказал он.

Когда разбирали дело, ярлу открылось, что Бьёрн кругом виноват перед Греттиром. К тому же Торфинн предложил такую виру, которая, думалось ярлу, удовлетворит наследников. Торфинн держал долгую речь о том, как Греттир вызволил людей на севере, убив берсерков, о чем уже было рассказано.

Ярл сказал:

– Твоя правда, Торфинн, это было великим благом для страны, и нам вполне подобает уважить твою просьбу и принять виру. Греттир и впрямь прославлен силой и доблестью.

Хьярранди не пожелал идти на мировую, с тем они и разошлись. Торфинн поручил своему родичу Арнбьёрну неотлучно быть при Греттире, ибо он знал, что Хьярранди только и ждет случая его убить.

XXIII

Случилось однажды, что Греттир и Арнбьёрн вышли на улицу погулять. И когда они проходили мимо каких-то ворот, выскочил оттуда человек с занесенной секирой и, размахнувшись обеими руками, ударил Греттира. Тот не ждал этого и отскочил слишком поздно. Арнбьёрн же увидел человека, схватил Греттира и пихнул что есть силы, так что Греттир упал на колени. Секира ударила его по лопатке и скользнула под мышкой. Это была большая рана. Греттир живо вскочил и выхватил меч. Он увидел, что это Хьярранди. Секира прочно засела в земле, и Хьярранди не сразу ее вытащил. Тут Греттир ударил Хьярранди и попал по руке, у самого плеча, и отрубил ему руку. Тут подбежали люди Хьярранди, числом пятеро. Завязалась между ними схватка, да скоро и кончилась: Греттир с Арнбьёрном убили пятерых^[59], что были с Хьярранди, а один убежал и тут же явился к ярлу и рассказал ему, что случилось. Ярл, узнав об этом, очень разгневался и созвал на другой день тинг. Пришли они с Торфинном на тинг. Греттир не отпирался, но сказал, что он должен был защищать свою жизнь.

– И на мне осталась метина, – сказал Греттир. – Не уйти бы мне от смерти, когда бы меня не спас Арнбьёрн.

Ярл сказал, что жаль его не убили:

– Ты многим принесешь смерть, если останешься жив.

Тут пришел к ярлу Берси, сын Скальд-Торвы, сотоварищ и друг Греттира. Предстали они с Торфинном перед ярлом и стали просить его пощадить жизнь Греттиру и предлагали, пусть ярл один рассудит это

дело, только бы он не лишил Греттира жизни и права остаться в стране. Ярл сперва не хотел идти ни на какие соглашения, но все же уступил их просьбам. До весны он обещал не трогать Греттира, но мириться в отсутствие Гуннара, брата Бьёрна и Хьярранди, отказался. Гуннар владел двором в Тунсберге.

Весною ярл велел Греттиру и Торфинну ехать на восток, в Тунсберг, потому что он и сам думал быть там в то время, когда туда приходило больше всего кораблей. Отправились они на восток, и, когда туда прибыли, ярл был уже в городе. Греттир разыскал там Торстейна Дромунда, своего брата. Тот был очень ему рад и пригласил к себе. У Торстейна был двор в городе. Греттир рассказал Торстейну о своем деле. Тот целиком встал на его сторону и предостерегал его против Гуннара. Так прошла весна.

XXIV

Гуннар был в городе и только и ждал случая напасть на Греттира.

Случилось однажды, что Греттир сидел в одном доме и пил там, потому что он не хотел попадаться Гуннару на глаза. И вдруг, когда он никак не ждал, на дверь кто-то так нажал, что она проломилась, и в дом вбежали четверо вооруженных мужей. Это был Гуннар и его люди. Они напали на Греттира. Он же схватил свое оружие, висевшее у него над головой, отступил в угол и стал защищаться. Он держал перед собой щит и рубил мечом. Не пришлось им быстро одолеть Греттира. Он так ударил одного из людей Гуннара, что другого удара и не понадобилось. Стал Греттир пробивать себе мечом дорогу, а те отступили к выходу. Тут пал и второй из Гуннаровых людей. Гуннар и последний его сообщник хотели было бежать. Добрался этот сообщник Гуннара до двери, но споткнулся о порог, растянулся и никак не встанет. Гуннар же, держа перед собою щит, попятился от Греттира. Но тот рьяно нападал и вскочил на поперечную лавку у двери. Гуннаровы руки еще оставались в дверях, вместе со щитом. Тут Греттир обрушил меч между Гуннаром и его щитом и отрубил ему обе руки по запястья. Тот упал навзничь, головою на улицу и Греттир зарубил его насмерть. Встал, наконец, и сообщник Гуннара. Он сразу же побежал к ярлу и рассказал ему, что случилось. Услышав его рассказ, Свейн-ярл пришел в ярость и немедля созвал в городе тинг. Но Торфинн и Торстейн Дромунд, узнав об этом, созвали всех своих шурьев и свояков, и друзей и пошли всем скопом на тинг. Ярл был вне себя от гнева и не желал никого и ничего слушать.

Торфинн первым предстал перед ярлом и сказал:

– Я затем пришел сюда, чтобы предложить вам почетную виру за убийство, совершенное Греттиром. Вам одному вершить суд и решать, будет ли он помилован.

Ярл отвечает в великом гневе:

– Как не надоест тебе просить помилования для Греттира! Только боюсь, что тебе не на что рассчитывать. Он убил уже троих братьев, одного за другим. Они были такие молодцы, что не пожелали продавать один другого^[60]. Так что напрасно ты, Торфинн, просишь за Греттира: я не допущу у себя в стране такого произвола, чтобы брать виру за подобные злодеяния.

Тут выступил вперед Берси, сын Скальд-Торвы, и просил ярла согласиться на мировую.

– Не пожалею на это, – сказал он, – своего добра, ибо Греттир человек родовитый и добрый мой друг. Сметните сами, государь: ведь лучше помиловать человека, получив за это благодарность многих и самому назначив выкуп, чем отвергнуть почетное предложение, да еще и не зная, заполучите ли вы этого человека.

Ярл отвечает:

– Тебе не откажешь в смелости, Берси: ты всегда ведешь себя благородно. Все же я не собираюсь попираť законы страны и миловать преступников.

Тут выступил вперед Торстейн Дромунд и, приветствовав ярла, предложил внести виру за Греттира, и говорил с большим красноречием. Ярл спросил, что побуждает его предлагать виру за этого человека. Торстейн сказал, что они с Греттиром братья. Ярл сказал, что он не знал этого:

– Но у тебя есть мужество, раз ты желаешь ему помочь. Поскольку, однако, мы уже решили не брать виры за это убийство, для нас немного стоят все ваши просьбы. Мы лишим Греттира жизни, как только сможем и чего бы это ни стоило.

Ярл вскочил и не желал больше слушать о мировой. Торфинн и остальные пошли на двор к Торстейну и приготовились к сопротивлению. Увидев это, ярл приказал своей дружине вооружиться, и они выступили против Торфинна. А те, не дожидаясь прихода войска, расставили людей оборонять ворота. Впереди стояли Торфинн, Торстейн и Греттир, и еще Берси. С каждым было много мужей.

Ярл велел им выдать Греттира и не навлекать на себя беды. Они же повторили свои прежние условия. Ярл не желал и слушать об этом. Торфинн и Торстейн сказали, что ярлу дорого обойдется жизнь Греттира:

– Потому что у всех у нас будет одна судьба. И люди потом скажут, что ты дорогой ценой заплатил за жизнь одного человека, раз мы все тут поляжем.

Ярл сказал, что он никого не пощадит. Совсем уже шло к битве. Но тут стали подходить к ярлу многие благожелатели и упрашивали его не доводить дела до великой беды. Они говорили, что ярл понесет большие потери, прежде чем те будут убиты. Ярл нашел, что это добрый совет. Он уже и сам остыл к тому времени. Стали тогда

договариваться о мировой. Торфинн и Торстейн очень к ней стремились при условии, что Греттир получит помилование. Ярл сказал:

– Следует вам знать, что я хоть и иду на большие уступки в том, что касается этого убийства, но не считаю это примирением. У меня, однако, нет охоты сражаться против своих людей, хоть я и вижу, что они мало считаются со мной в этом деле.

Тогда Торфинн сказал:

– Тебе оказывается большая честь, государь, тем, что ты один будешь назначать виру.

Тогда ярл сказал, что, если они так хотят, пускай Греттир убирается с миром в Исландию, первым же кораблем. Они сказали, что согласны. Отсчитали они ярлу денег столько, сколько тот пожелал, и расстались с ним отнюдь не дружелюбно. Греттир отправился с Торфинном. С братом они расстались друзьями. Торфинн очень прославился тем, как он поддержал Греттира в столкновении со столь могучим противником. Никто из помогавших Греттиру не был с тех пор в милости у ярла, кроме разве одного Берси.

Так сказал Греттир:

Послан судьбой
Мне на помощь
Доблестный Торфинн,
Вождей соратник.

Не дал владеть
Жизнью скальда
Страшной жене,
Стражнице павших^[61].

И Торстейн,
Грозный корабль
Красного Моря^[62],
Брата не выдал.

Мне в бою
Был подмогой
Против дочери
Родича Бюлейста^[63].

И еще так:

И леопард^[64]
Ратникам князя,
Дерзкий, нас
Одолеть не дал,

Когда огнем

Подножья Хрунгнира^[65]

Грудь рассечь

Им грозился.

Греттир возвратился с Торфиниом на север и жил у него, пока тот не устроил его на корабль с торговыми людьми, собравшимися в Исландию. Торфинн дал ему много доброго платья, крашеное седло и уздечку в придачу. Они расстались друзьями. Торфинн просил Греттира навестить его, если он снова будет в Норвегии.

XXV

Пока Греттир был в Норвегии, Асмунд Седоволосый по-прежнему жил в Скале и слыл очень уважаемым бондом на Среднем Фьорде. За то время, что Греттира не было в Исландии, умер Торкель Разгребала. Торвальд, сын Асгейра, жил тогда на хуторе Гора, в Озерной Долине, и сделался большим человеком. Он был отцом Даллы, на которой женился Ислейв, ставший потом епископом в Скалахольте. Торвальд был большой поддержкой Асмунду в судебных делах, да и во многих других.

У Асмунда в доме вырос человек по имени Торгильс. Он звался Торгильс, сын Мака. Он был в близком родстве с Асмундом. Торгильс был очень силен и нажил с помощью Асмунда большое богатство. Асмунд купил Торгильсу землю у Слиянья Ручьев, где тот и жил. Торгильс был предприимчивый хозяин и каждый год отправлялся на Берега за китами и другой добычей. Торгильс был большой храбрец: он ездил до Восточных Общинных Земель. В то время в самой силе были названные братья, Торгейр, сын Хавара, и Тормод Скальд Чернобровой^[66]. У них был корабль, и они промышляли здесь и там, не останавливаясь и перед насилием.

Случилось как-то летом, что Торгильс, сын Мака, нашел на Общинной Земле кита и принялся с товарищами его разделывать. Узнав об этом, названные братья тотчас туда направились. Сперва было похоже, что они договорятся. Торгильс предложил поделить неразделанную часть пополам, но те хотели либо взять себе всю неразделанную часть, либо делить пополам всего кита – и то, что разделано, и то, что не разделано. Но Торгильс ни в какую не уступал того, что уже было разделано. Дошло у них до угроз, а там схватились они и за оружие и стали сражаться. Торгейр и Торгильс долго бились один на один, и оба наступали очень рьяно. Был их бой жестоким и долгим, но в конце концов Торгильс пал от руки Торгейра мертвым.

А Тормод и остальные товарищи Торгильса бились в другом месте. Тормод победил в этой стычке, убив троих товарищей Торгильса. Люди Торгильса, когда того убили, повернули назад, в Средний Фьорд, а тело

его взяли с собою. Его смерть была для всех большой потерей. Названные братья забрали себе всего кита. Эту стычку упоминает Тормод в погребальной драпе^[67], которую он сложил в честь Торгейра.

Асмунд Седоволосый узнал о гибели Торгильса, своего родича. На нем лежала обязанность начинать тяжбу об убийстве Торгильса.

Он поехал к тому месту, назвал очевидцев ран^[68] и передал дело на альтинг, как полагалось по закону в тех случаях, если убийство происходило в другой четверти. Так прошло некоторое время.

XXVI

Жил человек по имени Торстейн. Он был сыном Торкеля Кугги, сына Торда Ревуна, сына Олава Фейлана, сына Торстейна Рыжего, сына Ауд Многомудрой. Матерью Торстейна, сына Кугги, была Турид, дочь Асгейра Буйная Голова. Асгейр был дядей по отцу Асмунду Седоволосому. Торстейн, сын Кугги, вел тяжбу об убийстве Торгильса, сына Мака, наравне с Асмундом Седоволосым.

Асмунд послал за Торстейном, чтобы тот к нему приехал. Торстейн был человек очень воинственный и заносчивый. Он сейчас же отправился к своему родичу Асмунду, и они обсудили эту тяжбу. Торстейн был очень настойчив и говорил, что о вине тут не может быть и речи. Он сказал, что у них пока хватает родичей, чтобы кончить дело либо объявлением вне закона, либо кровной мезью. Асмунд сказал, что он во всем его поддержит, что бы тот ни предпринял. Они поехали на север к своему родичу Торкелю и просили у него поддержки. Тот сразу согласился.

Они приготовились к тяжбе против Торгейра и Тормода, и Торстейн поехал к себе домой. Он жил тогда на хуторе Покосные Леса в Лощинной Округе. А Скегги жил на хуторе Лощина. Он тоже поддерживал Торстейна в этой тяжбе. Скегги был сын Торарина Жеребачий Лоб, сына Торда Ревуна. Матерью Скегги была Фридгерд, дочь Торда с Мыса. Они собрали на альтинге много своего народу и вели тяжбу с большим напором. Асмунд и Торвальд поехали с севера числом шестьдесят человек и много ночей провели в Покосных Лесах.

XXVII

На Холмах Дымов жил тогда Торгильс. Он был сыном Ари, сына Мара, сына Атли Рыжего, сына Ульва Косого, который занял Мыс Дымов. Матерью Торгильса, сына Ари, была Торгерд, дочь Альва из Долин. Другой дочерью Альва была Торольв, мать Торгейра, сына Хавара. Такое родство было Торгейру большой поддержкой, потому что Торгильс был одним из самых могущественных людей в четверти

Западных Фьордов. Он отличался такою щедростью, что был готов кормить-поить любого свободного человека столько, сколько тот пожелает. Поэтому на Холмах Дымов всегда былолюдно. Хозяйство у Торгильса было поставлено на широкую ногу. Он был человек благожелательный и мудрый. Торгейр зимою жил у Торгильса, а на лето отправлялся к Берегам.

Убив Торгильса, сына Мака, Торгейр поехал на Холмы Дымов и рассказал Торгильсу, что случилось. Торгильс сказал, что стол и дом для него всегда найдутся.

– Но думаю, – сказал он, – что они будут нелегкими противниками в этой тяжбе, а у меня нет охоты идти на лишние неприятности. Я сейчас пошлю человека к Торстейну и предложу ему виру за убийство Торгильса. Но если он не согласится на мировую, я не буду лезть на рожон в этой тяжбе.

Торгейр сказал, что он целиком на него полагается. Осенью Торгильс послал человека к Торстейну, сыну Кугги, предложить ему мировую. Но тот наотрез отказался брать деньги за убийство Торгильса. Что же до остальных убийств, тут он сказал, что поступит по совету мудрых людей. Когда это стало известно Торгильсу, он зовет к себе Торгейра и спрашивает, как теперь ему лучше помочь. Торгейр сказал, что если его объявят вне закона, он бы лучше всего уехал. Торгильс сказал, что надо попытаться это устроить.

На берегу Северной Реки в Городищенском Фьорде стоял корабль. На этот корабль Торгильс и устроил тайком побратимов. Так прошла зима. Торгильсу стало известно, что Торстейн со своими собрал на альтинг много народу и что теперь они в Покосных Лесах. Он отложил выезд так, чтобы Торстейн со своими уже успел проехать на юг к тому времени, как он поедет с запада. Так все и вышло, Торгильс поехал на юг и с ним Торгейр. В этой поездке Торгейр убил Торви Палку в Маровом Болоте. Убил он и Скува с Бьярни в Собачьей Долине. Так говорит Тормод в драпе Торгейра:

Сына Мака сурово
Герой наказал за гордость,
Градом сыпались стрелы,
Вороны к трупам слетались.

Скува и Бьярни – обоих
Кормчий лады^[69] вскоре
Смерти предал. Стремился
К бою Видур секиры^[70].

Торгильс там же в долине уплатил виру за убийство Скува с Бьярни, и пришлось ему задержаться дольше, чем он предполагал. Торгейр поехал на корабль, а Торгильс на тинг и поспел туда не раньше, чем начался суд.

Асмунд Седоволосый вызвал противников защищаться по делу об убийстве Торгильса, сына Мака, а Торстейн, сын Кугги, стоял рядом во всеоружии, со всеми своими людьми. Торгильс вышел перед судьями и предложил виру за убийство при условии, что Торгейра не объявят вне закона. Он попытался выставить и такой довод: не всем ли, мол, принадлежит добыча с Общинных Земель. Спросили у законоговорителя, не законное ли это основание для защиты. Законоговорителем был тогда Скафти, и он взял сторону Асмунда, своего родича, сказав, что оно было бы законным, будь они ровня друг другу, но бонды имеют преимущество перед теми, кто не живет своим домом. Асмунд сказал, что Торгильс предлагал названным братьям, когда они пришли туда, разделить поровну неразделанную часть кита. Их защиту отклонили. Тогда выступили Торстейн и его родичи. Они настаивали на том, чтобы Торгейра не иначе как объявили вне закона. Торгильс увидел, что ему остается одно из двух: либо действовать силой, – но неизвестно еще, что из этого выйдет, – либо уступить им. И при том, что Торгейр был уже на корабле, Торгильс не стал особенно упорствовать. Торгейра объявили вне закона, а за Тормода внесли виру и его не осудили. Эта тяжба прибавила славы Асмунду и Торстейну.

Люди разъехались с тинга. Иные поговаривали, что Торгильс не очень утруждал себя в этой тяжбе, но тот не обращал на это внимания, не мешая им говорить что угодно. Когда Торгейр узнал о своем осуждении, он сказал так:

– Хотел бы я расквитаться с теми, кто объявил меня вне закона. Уж у меня бы они так не ушли.

Был человек по имени Гаут, по прозвищу сын Надувалы. Он был родич Торгильса, сына Мака. Гаут сел на тот самый корабль, на котором должен был плыть Торгейр. Он ссорился с Торгейром и не скрывал своей неприязни. Когда это заметили торговые люди, им показалось совсем некстати, что они плывут на одном корабле. Торгейр сказал, что ему плевать, если Гаут и хмурится. Но все-таки почли за лучшее, чтобы Гаут сошел с корабля. Он отправился на север Исландии. На этот раз все у них с Торгейром обошлось, но с того случая и началась между ними рознь, которая потом вышла наружу^[71].

XXVIII

Греттир, сын Асмунда, приплыл в то лето в Исландию к Мысовому Фьорду. Он был тогда так знаменит своей силой, что, считали, второго такого нет среди молодежи. Он сразу поехал домой, в Скалу, и Асмунд принял его как должно. Хозяйством у них заправлял тогда Атли. Братья хорошо сошлись друг с другом. Греттир тогда так возгордился, что считал – все ему по плечу.

К тому времени совсем возмужали те, кто подростками играл с Греттиром на Озере Среднего Фьорда, перед тем как ему уехать. Одним из них был Аудун, живший тогда на Аудуновом Дворе в Ивовой Долине. Он был сыном Асгейра, сына Аудуна, сына Асгейра Буйная Голова. Аудун был хороший хозяин и человек справедливый. Он был сильнее всех там, на севере, и слыл притом за самого покладистого.

И вот Греттиру припомнилось, что Аудун будто бы дурно обошелся с ним на играх в мяч, как уже рассказывалось, и он вздумал доказать, кто из них стал с тех пор сильнее. С этим на уме Греттир отправляется на Аудунов Двор. Дело было в начале сенокоса. Греттир нарядился во все лучшее и поехал в крашеном седле искусной работы, которое подарил ему Торфинн. У него был добрый конь и оружие все самое лучшее. Греттир рано утром приехал на Аудунов Двор и постучался. Мало кто был дома. Греттир спросил, дома ли Аудун. Ему ответили, что он поехал на летовье за скопом. Греттир снял с коня уздечку. Луг у дома был еще не выкошен, и конь пошел на самую густую траву. А Греттир пошел в покои, лег на лавку и заснул.

Немного погодя возвратился домой Аудун. Он видел на лугу коня под крашеным седлом. Аудун вез на двух конях разный скоп и скир^[72] на третьем. Скир был в двух кожаных мешках с завязками сверху: их называли скирными мехами. Аудун снял их с коней и взял в охапку. Ему было ничего не видно за мешками. Греттир выставил с лавки ноги, Аудун и растянулся. Скирный мех оказался под ним и завязка соскочила. Аудун живо встал и спросил, чьи это проказы. Греттир назвал. Аудун сказал:

- Это дурость с твоей стороны. По какому делу ты приехал?
- Хочу побороться с тобою, - сказал Греттир.
- Сперва мне надо позаботиться о моих припасах, - сказал Аудун.
- Ну что ж, - сказал Греттир, - если тебе некому это поручить.

Тогда Аудун нагнулся, схватил скирный мех и швырнул его прямо в руки Греттиру и крикнул, пусть он примет сперва, что ему послано. Греттир был с ног до головы в скире. Ему это показалось более унизительным, чем если бы Аудун нанес ему большую рану. После этого они схватились и стали бороться изо всех сил. Греттир рьяно нападает на Аудуна, а тот уворачивается. Видит он, что Греттир-то превзошел его в силе. Все, что попадает у них на пути, так и летит, и они перебегают из конца в конец покоев. Оба бьются нещадно, но все же Греттир пересилил, и Аудун в конце концов упал. Он сорвал все оружие с Греттира. Они борются жестоко, и стоит у них страшный шум.

Тут раздается у двора громкий топот, и Греттир слышит, как кто-то подъезжает к дому и, соскочив с коня, поспешно заходит в покои. Он видит: вошел человек, видный собою, в красной рубахе, а на голове шлем. Он направился в покои, услышав возню, что они затеяли. Он спросил, что тут происходит. Греттир назвал себя:

- А кто об этом спрашивает?

- Меня зовут Барди, – сказал вошедший.
- Ты что, Барди, сын Гудмунда с Асбьёрнова Мыса?
- Он самый, – сказал Барди. – А что ты здесь делаешь?

Греттир отвечает:

- Мы с Аудуном боремся здесь для забавы.
- Что-то не похоже у вас на забаву, – говорит Барди. – И потом, вы боретесь не на равных: ты человек самоуправный и самонадеянный, а он и добрый, и ровный. Отпусти-ка его немедленно.

Греттир отвечает:

- Много есть охотников совать нос в чужие дела. Ты бы лучше думал о том, как отомстить за своего брата Халля, а не вмешивался в наши дела с Аудуном.

- Про это я часто слышу, – говорит Барди, – но не знаю, буду ли мстить. Как бы там ни было, оставь Аудуна в покое: он человек мирный.

Греттир уступил Барди, но был этим недоволен. Барди спросил:

- Что между вами вышло?

Греттир сказал вису:

Как бы за пыл излишний

К тебе не пришла расплата:

Долго ли Аудуну горло

Другу до хруста стиснуть?

Так он сделал, о стражник

Жара прибоя^[73], со мною:

Глотку – тому уж годы —

Сдавил лососю долины^[74].

Барди сказал:

- Это отчасти тебя оправдывает, раз ты должен был мстить за себя. Теперь я помирю вас, и хочу, чтобы на этом вы разошлись и делу конец.

На том они и порешили, потому что Аудун и Греттир были родственниками, но Греттира разбирала злость на Барди и его братьев. Они поехали вместе, и Греттир сказал по дороге:

- Слышал я, что ты собираешься летом на юг, к Городищенскому Фьорду. Хочу предложить тебе, Барди, чтобы ты взял меня с собою: тогда я лучше воздам тебе по заслугам.

Барди обрадовался и сразу согласился, поблагодарив Греттира. Потом они расстались, но Барди вдруг вернулся и сказал:

- Учти только, что без разрешения Торарина, моего воспитателя, тебе нельзя ехать: он будет распоряжаться этой поездкой.

- Мне казалось, что ты уже вправе действовать по своему усмотрению, – сказал Греттир. – Я ведь не ставлю мои поездки в зависимость от других людей. Мне совсем не понравится, если ты не возьмешь меня с собою.

Каждый поехал своим путем, и Барди обещал, то он даст знать Греттиру, если Торарин позволит, чтобы тот ехал, а в противном случае ничего не скажет. Греттир поехал в Скалу, а Барди к себе домой.

XXIX

Летом устроили большой бой коней в Долгой Пойме под хутором Дымы. Пришло туда много народу. У Атли из Скалы был добрый конь буланой масти, потомок Черноспинки: отец с сыном знали толк в лошадях. У братьев Кормака и Торгильса с Каменника был гнедой конь, надежный в боях. Они должны были стравливать своего коня с конем Атли со Скалы. Там было много и других добрых коней. В тот день коня братьев должен был выводить Одд Нищий Скальд, родич Кормака. Одд сделался большим силачом и хвастуном, он был заносчив и нахален. Греттир спросил у своего брата Атли, кто будет выводить их коня.

– Я еще сам не знаю как следует, – сказал тот.

– Хочешь, я возьму это на себя? – сказал Греттир.

– Только вооружись терпением, родич, – сказал Атли. – Тут придется иметь дело с заносчивыми людьми.

– Они сами и поплатятся за свою заносчивость, если не будут ее сдерживать, – сказал Греттир.

Вот вывели лошадей, а остальные кони стояли в стороне по берегу реки, и были все на одной привязи. Под берегом был глубокий омут. Лошади кусались как нельзя лучше – любо-дорого было посмотреть. Одд, войдя в раж, горячил своего коня, а Греттир отступал, одною рукой держа своего коня за хвост, а другою сжимая шест, которым он подгонял коня. Одд стоял впереди своего коня, и нельзя было поручиться, что он не отпихивал шестом коня Атли. Греттир не подавал виду, что он замечает это. Кони подошли к самой реке. Тут Одд вдруг колет Греттира шестом. Тот успел повернуться боком, и ему попало только по лопатке. Удар был так силен, что лопатка сразу вся вздулась, по Греттиру это было нипочем. В этот миг кони стали на дыбы. Греттир проскочил под брюхом у своего коня и пихнул Одда шестом в бок с такою силой, что сломал ему три ребра, и Одд полетел в омут, а с ним и конь его и все те лошади, что были на привязи. За ним тут же бросились и вытащили его из воды. Поднялся страшный крик. Кормак и его люди схватились за оружие, люди со Скалы – тоже. Люди с Хрутова Фьорда и с Озерного Мыса, увидев это, вмешались и разняли их. Они поехали по домам, осыпая друг друга угрозами. Все же некоторое время было спокойно. Атли мало говорил об этом, а Греттир не унимался и говорил, что, если это будет зависеть от него, они еще встретятся.

Торбьёрном звали человека, жившего на Торроддовом Дворе у Хрутова Фьорда. Он был сыном Арпора Волосатый Нос, сына Торродда, который занял Хрутов Фьорд по тому берегу до места, что напротив Бугра. Торбьёрн был силен, как никто. Его прозвали Бычья Сила. Брата его звали Торродд, по прозвищу Обрывок Драпы. Матерью их была Герд, дочь Бедвара с Бедваровых Холмов. Торбьёрн был большой рубака и держал у себя много народа. Про него говорили, что у него никто не хочет работать, так как он почти никому не платит. Его не считали покладистым человеком.

Был у него родич по имени Торбьёрн, по прозвищу Путешественник. Он был мореходом, и тезки были товарищами в торговом деле. Торбьёрн Путешественник постоянно жил на Торроддовом Дворе, и находили, что он не меняет к лучшему Торбьёрнова права. Он был зол на язык и любил насмеяться над людьми.

Жил человек по имени Торир, сын Торкеля со Столовой Косы. Торир сперва жил на Каменниках, у Хрутова Фьорда. Его дочерью была Хельга, на которой женился Хельги Надувала. Но после битвы на Красивом Склоне Торир перебрался на юг, в Соколиную Долину, и стал жить в Ущелье, землю же на Каменниках продал Торхаллю из Виноградной Страны, сыну Гамли. У того был сын Гамли, женившийся на Раннвейг, дочери Асмунда Седоволосого, сестре Греттира. В то время они жили на Каменниках, в добром согласии. У Торира из Ущелья было двое сыновей. Одного звали Гуннар, другого – Торгейр. Оба подавали большие надежды, и отец к тому времени уже передал им хозяйство. Жили они, однако, все больше у Торбьёрна Бычья Сила и набрались там нахальства.

В то лето, о котором идет речь, Кормак и Торгильс и родич их Нарви поехали по своим делам на юг, в Долину Северной Реки. Одд Нищий Скальд тоже поехал с ними. Он уже оправился от увечья, которое получил во время боя коней. И пока они находились к югу от пустоши, Греттир выехал со Скалы, и с ним двое работников Атли. У Чуланной Горы они переправились через реку и оттуда держали путь через гряды к Хрутову Фьорду и под вечер добрались до Каменников. Там они пробыли три ночи. Раннвейг и Гамли радушно приняли Греттира и предложили ему еще погостить, но он хотел ехать домой. Тут Греттир и узнал, что Кормак со своими возвращается с юга и ночевал в Междуречье. Греттир живо собрался из Каменников. Гамли просил его быть осторожным и предложил в помощь людей. У Гамли был брат Грим, удалец, каких мало. Он отправился с Греттиром, и с ним еще один человек. Всего их было пятеро. Ехали они так до Гребня Хрутова Фьорда, западнее Чуланной Горы. Там лежит большой камень, что

зовется Греттиров Подым. Он большую часть дня занимался тем, что подымал этот камень и коротал так время, пока не показался Кормак со своими людьми. Греттир направился им навстречу, и те и другие соскочили с коней. Греттир сказал, что свободным людям приличнее будет испытать силу оружия, а не драться палками, подобно бродягам. Кормак призвал своих держаться мужественно и показать, чего они стоят. Затем они бросились друг на друга и стали биться. Греттир был впереди своих людей и просил их смотреть, чтобы на него не напали со спины. Так они некоторое время сражались, и с обеих сторон уже были раненые.

Торбьёрн Бычья Сила ездил в тот день через гряду к Чуланной Горе, и на возвратном пути увидел это сражение. С ним в то время были Торбьёрн Путешественник и Гуннар с Торгейром, сыновья Торира, и Торродд Обрывок Драпы. Когда они подъехали, Торбьёрн велел своим людям разнять сражающихся. Но те были в таком исступлении, что с ними ничего нельзя было поделаться. Греттир расчищал себе дорогу мечом. Оказались у него на пути сыновья Торира, но оба упали, так он их оттолкнул. Они пришли в ярость, и Гуннар даже зарубил работника Атли. Торбьёрн увидал это и просит их разойтись, говоря, что станет на сторону тех, кто захочет внять его словам. К тому времени пали двое работников Кормака. Тут Греттир видит, что мало будет хорошего, если Торбьёрн примкнет к его противникам. И он прекращает сражение. Все они были ранены, те, кто участвовал в сражении. Греттир очень досадовал на то, что им пришлось разойтись. Поехали они по домам, не заключив никакой мировой.

Торбьёрн Путешественник очень потешался над этим случаем. С того и начались нелады между людьми из Скалы и Торбьёрном Бычья Сила, а там дошло и до настоящей вражды, как это вышло потом наружу. Атли не предложили никакой виры за работника, но он не подал виду, что знает об этом. Греттир оставался в Скале до самого двойного месяца^[75]. Не рассказывается, что у них с Кормаком были еще встречи.

XXXI

Барди, сын Гудмунда, расставшись с Греттиром, поехал с братьями домой, на Асбьёрнов Мыс. Они были сыновьями Гудмунда, сына Сёльмунда. Матерью Сёльмунда была Торлауг, дочь Сэмунда с Гебридских островов, побратима Ингимунда Старого. Барди был очень знатный человек.

Вскоре он поехал к Торарину Мудрому, своему приемному отцу. Тот хорошо встретил Барди и осведомился, какою он заручился помощью, потому что они уже обсуждали поездку Барди. Барди отвечает, что он

берет с собою человека, который один двоих будет стоять. Торарин помолчал и сказал:

– Это, верно, Греттир, сын Асмунда.

– Мудрый правду без подсказки скажет, – сказал Барди. – Это он самый, отец.

Торарин отвечает:

– Это правда, что Греттир далеко превосходит всех, кто ныне живет в Исландии. И пока он на ногах, не так-то просто одолеть его оружием. Но он стал очень заносчив, и меня берет сомнение в его удачливости. А тебе нельзя брать с собой в поездку людей неудачливых. Довольно у вас будет хлопот и без него. Я считаю, что он не должен ехать.

– Не ожидал я, отец, – сказал Барди, – что ты будешь противиться тому, чтобы я брал храбрейшего человека при всем том, что нам предстоит. Нельзя всего предусмотреть, когда терпишь такую нужду в помощи, как я сейчас.

– Поэтому тебе лучше положиться на мою предусмотрительность, – сказал Торарин.

Пришлось сделать так, как хотел Торарин, и за Греттиром не послали. А Барди поехал на юг, к Городищенскому Фьорду, и там произошла Битва на Пустоши^[76].

Греттир был на хуторе Скала, когда ему стало известно, что Барди уехал на юг. Он очень рассердился, что ему не дали об этом знать, и сказал, что на этом у них с Барди дело не кончится. Ему донесли, когда можно ждать их возвращения с юга, и он поехал к хутору Утес Торей, собираясь подстеречь там Барди и его людей, когда они будут проезжать мимо. Он отъехал от хутора к откосу и стал дожидаться.

В тот же день Барди и его люди ехали с юга, с Двухдневного Взгорья, возвращаясь с Битвы на Пустоши. Их было шестеро, и все были сильно изранены. И когда они поехали на хутор, Барди сказал:

– Там, на откосе, человек, рослый и при оружии. Кто это, по-вашему?

Они сказали, что не знают. Барди сказал:

– Сдается мне, что это Греттир, сын Асмунда. А если так, то он, верно, хочет с нами встретиться. Стало быть, ему не понравилось, что он не поехал с нами. Но, по-моему, нам совсем сейчас некстати, если он будет сводить с нами счеты. Я, пожалуй, пошлю за подмогой на Утес Торей, дабы избежать нападения.

Они говорят, что это самое лучшее. Так и сделали. Барди поехал своим путем. Греттир увидел их и тут же к ним направился. И повстречавшись, они здороваются. Греттир спросил, что нового, а Барди говорит безо всякой опаски, все как было дело. Греттир спросил, что за люди с ним ездили. Барди сказал, что это его братья и зять – Эйольв.

– Ну что ж, ты избавил себя от упреков, – сказал Греттир. – А теперь нам предстоит проверить, кто из вас чего стоит.

Барди сказал:

– У меня есть дела и поважнее, чем сражаться с тобою безо всякого повода. И, думаю, что я вправе избавить себя от этого.

Греттир отвечает:

– Трусишь ты, Барди, вот что, если не смеешь со мной сразиться.

– Зови это, как хочешь, – говорит Барди, – но хотел бы я, чтобы ты показал свое самоуправство где-нибудь в другом месте, а не со мною. С тебя станется: далеко ты зашел в своей наглости.

Греттиру совсем не понравилось его пророчество, и он прикидывает, не напасть ли ему на кого-нибудь из них. Но ему кажется, что это было бы неосторожно, раз их шестеро, а он один. А тут как раз подоспели на помощь Барди люди с Утеса Торей. Греттир стал от них отдаляться и направился к своему коню, а Барди и его сотоварищи поехали своей дорогой, и они не сказали друг другу на прощанье ничего хорошего. Больше между Барди и Греттиром не было ничего такого, о чем бы рассказывалось.

Греттир сам говорил, что он бы не побоялся сразиться с кем угодно, хоть с троими зараз, и что он не побежал бы без боя и от четверых, но с большим числом врагов он стал бы сражаться, разве что защищая свою жизнь, как говорится в этой висе:

Знай, испытатель секиры^[77],

Но очертя голову

В бранной игре валькирий^[78]

Отроду Греттир не прятался

От троих неприятелей.

Не полезу под лезвия

Пятерых противников,

Если нужда не заставит.

Расставшись с Барди, Греттир поехал к себе в Скалу. Греттира очень удручало, что ему было негде испытать свою силу, и он все искал, не найдется ли для него достойное поприще.

XXXII

Торхаллем звали одного человека, жившего на Торхаллевом Дворе, в Тенистой Долине. Тенистая Долина находится в верхней части Озерной Долины. Торхалль был сыном Грима, сына Торхалля, сына Фридмунда, занявшего Тенистую Долину. У Торхалля была жена Гудрун. Сына их звали Гримом, а дочь – Турид. Оба уже встали на ноги. Торхалль был очень богат, особенно скотом: ни у кого не было столько скота, сколько у него. Он был хоть и не так уж знатен, но человек достойный.

В тех местах завелась какая-то нечисть, и ему никак не удавалось найти подходящего пастуха для овец. Он обращался за советом ко многим мудрым людям, но никто не мог дать ему дельного совета. Торхалль каждое лето ездил на тинг. У него были добрые кони. Как-то летом, на альтинге, Торхалль пошел в землянку законоговорителя Скафти, сына Тородда. Скафти был человек премудрый и, если его просили, давал добрые советы.

Вот что различало отца и сына: и Тородд был ясновидец, но некоторые называли его двоедушным, а Скафти высказывал каждому все, что, он думал, принесет ему пользу, если в точности последовать его совету. Оттого считали, что он лучше отца. Так вот, Торхалль пошел к Скафти в землянку. Тот хорошо встретил Торхалля, зная, что он богат скотом, и спросил, что нового. Торхалль сказал:

– Хочу я получить от вас добрый совет.

– Ну, не такой уж я хороший советчик, – сказал Скафти. – Но что у тебя произошло?

Торхалль ответил:

– Так уж вышло, что мне не везет с овчарами. Все какие-нибудь с ними напасти, а иные не дотягивают и до конца срока. Теперь никто не хочет наниматься ко мне, из тех, кто знает, что тут творится.

Скафти отвечает:

– Верно, там завелась какая-нибудь нежить, раз люди предпочитают пасти скот у других людей, только не у тебя. Но если уж ты пришел ко мне за советом, я дам тебе пастуха. Его зовут Глам, родом он из Швеции, из Сьюльгсдаля, сюда же приехал прошлым летом. Он рослый и сильный, и люди не очень-то его любят.

Торхалль сказал, что это мало его беспокоит, лишь бы овец пас хорошо. Скафти сказал, что уж если Гламу не хватит для этого силы или храбрости, то от других и ждать нечего. Торхалль ушел. Это было в самом конце альтинга.

Торхалль недосчитался двух своих соловых лошадей и сам отправился их искать. Отсюда можно заключить, что он был не такой уж большой человек. Он миновал Санний Холм, прошел южнее Арманновой Горы. Тут он увидел, что из Леса Годи идет человек и везет на лошади хворост. Вскоре они поравнялись. Торхалль спросил человека, как его зовут, и он назвался Гламом. Человек этот был велик ростом и необычен с виду: глаза серые и большие, волосы серые, как волчья шерсть.

Торхалль малость опешил, когда его увидел, но он смекнул, что это тот самый и есть, на кого ему указывали.

– Какая работа тебе больше подходит? – спросил Торхалль. Глам сказал, что ему хорошо подходит пасти зимою овец.

– Пойдешь пасти моих овец? – сказал Торхалль. – Мне на тебя указывал Скафти.

- Тебе будет прок от моей работы, только если я буду все делать по-своему, потому что я бываю очень зол, когда что не по мне.

- Не вижу в том беды, - говорит Торхалль, - и я хочу, чтобы ты пошел ко мне.

- Ну ладно, - говорит Глам. - А что там у тебя такого особенно трудного?

- Там, кажется, завелась нечисть, - сказал Торхалль.

- Ну, нечисти я не побоюсь, - сказал Глам. - Не так скучно будет.

- Смелость тебе пригодится, - сказал Торхалль, - и самое лучшее, если ты не оплошаешь.

Затем они сговорились и условились, что Глам придет в первые зимние дни^[79]. Потом они разошлись, и Торхалль нашел своих лошадей на том самом месте, где он только что их искал. Торхалль поехал домой, и был благодарен Скафти за добрый совет.

Миновало лето, а о пастухе не было ни слуху ни духу. Но в назначенное время он пришел на Торхаллев Двор. Хозяин хорошо его принял, но остальным он совсем не понравился, в особенности хозяйке. Он начал пасти овец, и ему это ничего не стоило. Голос у него был зычный и грубый, и, едва он начинал кричать, скот сбивался в кучу.

При Торхаллевом Дворе была церковь. Глам не хотел туда ходить, он не молился, и не верил в Бога, и нраву был сварливого и злобного. Всем он был ненавистен.

Так и шло до самого кануна Рождества. В то утро Глам встал рано и крикнул, чтобы ему подали есть. Хозяйка отвечает:

- Не по-христиански это - есть сегодня, ведь завтра первый день Рождества. А сегодня все обязаны поститься.

Он отвечает:

- Много у вас суеверий, в которых я не вижу толка. Не нахожу, чтобы теперь людям жилось лучше, чем когда они их не придерживались. По мне, старый обычай был лучше, когда люди назывались язычниками. И мне нужна еда, а не все эти выдумки.

Хозяйка сказала:

- Я уверена, что с тобою сегодня случится что-то плохое, если ты совершишь это прегрешение.

Глам сказал, что пусть-ка лучше несет еду, а иначе - ей же будет хуже. Она не посмела его послушаться. И, наевшись, он вышел, и от него шел смрадный дух. Погода же сделалась такая, что кругом потемнело и повалил снег, и поднялся ветер, и чем дальше - тем хуже. Сначала люди еще слышали пастуха, а потом все меньше. Завьюжило, и к вечеру поднялся настоящий буран. Люди пошли к службе, а там и день прошел. Глам не вернулся домой. Стали решать, не пойти ли его искать, но из-за бурана и непроглядной темени ничего из поисков не вышло. Не пришел он и в Рождественскую ночь. Подождали конца службы и, когда достаточно рассвело, вышли на поиски. Там и здесь находили в сугробах овец, покалеченных непогодой, иные же

попрятались в горах. Наконец, нашли они в верхней части долины вытопанное место: всюду валялись вывороченные камни и земля, как если бы там шла жестокая борьба. Они внимательно осмотрелись и увидели Глама, лежавшего немного в стороне. Он был мертв и черен, как Хель, и огромен, как бык. Вид его был отвратителен, и они содрогнулись. Все же они попытались отнести его в церковь, но еле-еле дотащили^[80] и до края одной расселины неподалеку от того места. С тем и пошли домой, и рассказали обо всем хозяину. Тот спросил, отчего мог умереть Глам. Они сказали, что видали там следы, такие большие, как если бы били дном бочки. Следы шли от вытопанного места вверх, к тем скалам, что в верхней части долины, и за ними тянулись большие пятна крови. Отсюда люди вывели, что, наверное, Глама убил тот злой дух, что жил там и раньше, но, наверное, он получил в сражении рану, которая его доконала, потому что с тех пор этого духа никто не видел.

На второй день Рождества люди снова пошли, чтобы отнести Глама в церковь. Впрягли лошадей, но едва только кончился спуск и пошло ровное место, они не смогли сдвинуть его ни на шаг. С тем и уехали. На третий день пошел с ними священник. Проискали целый день, но Глама не нашли. Священник не захотел больше ходить с ними. И только он ушел, пастух тут как тут. Махнули они тогда рукой на то, чтобы отнести его в церковь, и, где он лежал, там и засыпали его грудой камней.

Немного погодя люди стали замечать, что Гламу не лежит на могиле. Много было от этого бед людям: иные, увидев его, теряли сознание, а иные и разум. Сразу после Рождества люди видели его на дворе. Взял их ужас. Многие кинулись прочь из тех мест. Скоро Глам стал ночью ездить верхом на коньке крыши, так что крыша едва не рушилась. Стал он ходить потом и днем и ночью. Люди не смели и заезжать в ту долину, хотя бы по важному делу. Все в тех местах считали это великой напастью.

XXXIII

Весною Торхалль нашел себе работников и заново отстроился на своей земле. На время самого высокого солнца привидение поутихло^[81]. Так настала и середина лета. Тут к Медвежачьему Заливу пришел корабль. На корабле находился человек по имени Торгаут, родом чужеземец, большого роста, а силой – с двоих мужей. Он был вольная птица и жил сам по себе. Он искал работу, потому что был беден.

Торхалль поехал к кораблю и, повстречав там Торгаута, спросил, не хочет ли тот у него работать. Торгаут сказал, что это можно и ему, мол, все равно, что делать.

– Только учти, – говорит Торхалль, – что слабосильному там делать нечего, потому что с некоторых пор там неладно. Я не собираюсь заманивать тебя в ловушку.

Торгаут отвечает:

– Ну, уж я-то не растеряюсь при виде какого-нибудь привиденьца. Я не из пугливых, и не откажусь от места из-за такого пустяка.

Они быстро сговорились, и Торгаут обязался смотреть зимою за овцами. Прошло лето. С первыми зимними днями Торгаут принялся пасти овец, и он всем полюбился. Глам беспрестанно к ним наведывался и ездил верхом на крыше. Но это только потешало Торгаута, и он говорил, что пусть, мол, этот мерзавец попробует подойти поближе, тогда, может, и испугаюсь. Торхалль просил его придержать язык:

– Уж лучше вам не меряться силами.

Торгаут сказал:

– У вас и впрямь ушла душа в пятки. А вот меня так скоро не испугаешь всей этой болтовней.

Так и шла зима до самого Рождества. В канун Рождества пастух пошел к стаду, а хозяйка сказала:

– Одного хочу, чтобы не вышло нынче, как в прошлый раз.

Он отвечает:

– Не бойся, хозяйка: зато будет о чем рассказать, если я не вернусь.

И он пошел к своему стаду. Было очень холодно, и сильно вьюжило. Торгаут приходил обыкновенно домой еще засветло, а тут он не вернулся в обычное время. Пришли, как всегда, люди из церкви. Всем показалось, что это сильно похоже на то, что уже было однажды. Торхалль хотел послать людей на поиски пастуха, но те отказались, говоря, что не полезут ночью прямо в лапы нечисти. Торхалль сам идти не решился, так ничего у них из поисков и не вышло.

В первый день Рождества люди поели и вышли искать пастуха. Они направились прямо к могиле Глама, решив, что пропажа пастуха – это, верно, его рук дело. Подойдя к могиле, они увидели, что стряслось, и нашли пастуха: у него была свернута шея и каждая косточка переломана. Они снесли Торгаута в церковь, и он с тех пор никому не делал вреда. А у Глама снова стала прибывать сила. Сделался он теперь так могуч, что все бежали прочь с Торхаллева Двора. Остались только сам хозяин и хозяйка.

У них долгое время смотрел за коровами один и тот же пастух. Торхалль не хотел его отпускать, ценя за добрый нрав и усердие в работе. Он был уже очень пожилой и сам ни в какую не хотел уходить. К тому же он видел, что без присмотра пойдет прахом все хозяйское добро.

И вот, как-то уже к концу зимы, хозяйка пошла утром в хлев подоить, как обычно, коров. Было уже совсем светло, потому что до свету никто, кроме пастуха, выходить не решался. Он же выходил едва

светало. Хозяйка услышала в хлеву шум и ужасающее мычание. Она с воплями бросилась домой, говоря, что там творится что-то неслыханное. Тогда пошел к коровам хозяин, и он увидел, что они бодают друг друга. Он подумал, что это неспроста, и вошел в хлев. Он увидел пастуха. Тот лежал навзничь, голову в одно стойло, ногами – в другое. Торхалль подошел и пощупал его. Он скоро увидел, что пастух мертв и у него переломан хребет. Он был сломан о каменную перегородку между стойлами.

Тут стало Торхаллю уже совсем не вмоготу, и он уехал прочь со двора, забрав с собою все, что было возможно. А всю оставленную им скотину перебил Глам. После этого он стал ходить по всей долине, опустошая все дворы кверху от Междуречья. Остаток зимы Торхалль провел у друзей. Никому нельзя было заходить в ту долину с конем ли, с собакой ли – их тут же убивал Глам. А весной, во время высокого солнца, снова пошла на убыль его сила. Торхалль захотел вернуться на свою землю. Ему нелегко было сыскать себе людей, но все же он снова обосновался на Торхаллевом Дворе. А только лишь наступила осень, снова началось все по-старому, и Глам стал досаждать сильнее, особенно мучил он хозяйскую дочку, и в конце концов довел ее до смерти. Много испробовали разных средств, но все без толку. Людям казалось, что все идет к тому, что опустеет и вся Озерная Долина, если только не придет откуда-нибудь спасение.

XXXIV

Теперь надо возвратиться к тому, что Греттир, сын Асмунда, расставшись с Барди у Утеса Торей, просидел всю осень дома. И лишь незадолго до окончания зимы он поехал из дому на север, за гряду, в Ивовую Долину, и провел ночь на Аудуновом Дворе. Они совсем помирились с Аудуном, Греттир подарил ему добрую секиру и заключил с ним дружбу. Аудун долго жил на Аудуновом Дворе, и у него было большое потомство. Его сыном был Эгиль, который женился на Ульвхейд, дочери Эйольва, сына Гудмунда, и их сыном был Эйольв, которого убили на альтинге. Он был отцом Орма – капеллана епископа Торлака.

Греттир поехал на север, в Озерную Долину, чтобы провести родичей в Междуречье. Там тогда жил Ёкуль, сын Барда, дядя Греттира по матери. Ёкуль был человек высокий, сильный и очень заносчивый. Он был мореход, нраву тяжелого, но при всем том человек достойный. Он радушно принял Греттира, и тот прогостил у него три ночи. Тогда ходило много рассказов о Гламе, ни о чем другом столько не разговаривали. Греттир все расспрашивал, как было дело. Ёкуль сказал, что в этих рассказах ничего не придумано:

– Не любопытно ли тебе, родич, туда съездить?

Греттир сказал, что и впрямь любопытно. Ёкуль стал просить его не делать этого:

– Ведь это значило бы искушать судьбу, а родичи твои многим рискуют, коль скоро речь идет о тебе. Мы ведь считаем, что среди молодежи нет второго такого, как ты. А что касается Глама, так от худого жди худа. И куда как лучше меряться силами с людьми, чем с подобной нечистью.

Греттир сказал, что его разбирает желание отправиться в Торхаллев Двор и посмотреть, что там творится. Ёкуль сказал:

– Теперь я вижу, что бесполезно тебя удерживать. Но вправду говорят, что одно дело – доблесть, а другое – удача.

– Чужая беда может стать и твоей. Думай лучше о том, что будет в свой час и с тобою, – сказал Греттир.

Ёкуль отвечает:

– Может быть, мы с тобою что-то и смыслим в будущем, но уйти от него нам не дано.

На этом они расстались и были недовольны предсказаниями друг друга.

XXXV

Греттир поехал на Торхаллев Двор, и хозяин радостно его встретил. Он спросил, куда Греттир держит путь, а тот говорит, что если Торхаллю будет угодно, он останется у него на ночь.

Торхалль сказал, что он был бы только благодарен, если б Греттир у него остался:

– Но мало кто почтет за удачу жить здесь. Ты, верно, слышал, что здесь творится. И я бы совсем не хотел, чтобы ты угодил из-за меня в беду. Ведь если ты и уйдешь отсюда цел, то уж коня наверняка потеряешь, потому что никому из тех, кто сюда приходит, не удастся уберечь коня.

Греттир сказал, что коней у него хватит, что бы там ни случилось с этим.

Торхалль был очень рад, что Греттир решил у него остаться, и принял его с распростертыми объятьями. Коня Греттира они надежно заперли в конюшне, а сами пошли спать. Прошла ночь, и Глам туда не наведывался. Торхалль сказал:

– Вот твой приезд помог: ведь не проходило и ночи, чтобы Глам не ездил верхом на крышах или не ломал двери. Ты и сам видишь его рук дело.

Греттир сказал:

– Теперь одно из двух: либо он унялся ненадолго, либо он оставит вас в покое не только на эту ночь. Я побуду здесь еще ночь и погляжу, что будет дальше.

Потом они пошли к коню Греттира и увидели, что никто его не трогал. Хозяину стало казаться, что все идет одно к одному. Греттир проводит там и вторую ночь, и Глам опять не приходил. Хозяин решил, что дело совсем пошло на лад. Идет он взглянуть на коня Греттира и видит: конюшня взломана, а конь вытащен на двор, и каждая косточка у него переломана.

Торхалль рассказал Греттиру, что случилось, и попросил его поберечься:

– Тебе верная смерть, если ты станешь дожидаться Глама.

Греттир сказал:

– За моего коня я должен, самое малое, увидеть этого негодяя.

Хозяин сказал, что мало радости его видеть:

– Ведь он и на человека не похож. Но для меня благо каждый час, что ты здесь пробудешь.

Вот проходит день, и когда настало время идти спать, Греттир лег, не раздеваясь, на лавку против спальной ниши хозяина. Он укрылся мохнатым плащом: одну полу подоткнул под ноги, а другую обернул вокруг головы и сам глядел в прореху. Прямо перед ним приходился очень крепкий столб, и он упирался в него ногами. Наличник у входной двери был весь сорван. И теперь на его место кое-как приколотили жерди. Перегородка, которая прежде отделяла покои от сеней, была разломана и выше поперечной балки и ниже. Все постели были стащены с мест. Совсем нежилой вид был у дома. Всю ночь в покоях горел свет. И когда прошла примерно треть ночи, Греттир услышал снаружи страшный грохот. Кто-то лез на дом и ездил над самыми покоем, и бил по крыше пятками, так что каждая досочка трещала. Долго так продолжалось. Потом с крыши слезли и подошли к двери. И когда дверь отворилась, Греттир увидел, что Глам просунул в дом голову, и она показалась ему чудовищно огромной и безобразной. Глам шел медленно и, войдя в двери, выпрямился. Головою он доставал до самой крыши. Поворачивает он к спальным покоем и, облокотившись о поперечную балку, заглядывает в покои. Хозяина и слышно не было, так как он слышал, что делалось рядом, и этого ему хватало. Греттир притаился и не двигался. Глам увидел на лавке какую-то кучу и пошел внутрь покоев и крепко схватил плащ. Греттир же уперся в столб, и плащ ни с места. Глам рванул плащ в другой раз, еще сильнее, но плащ опять не поддался. В третий раз потянул он плащ обеими руками и с такою силой, что поднял Греттира на воздух, а плащ между ними разорвался пополам. Глам смотрел на обрывок, что остался у него в руках, и никак не мог понять, кто это сопротивлялся ему с такою силой. Тут Греттир проскочил у него под руками и обхватил за пояс, и стал что есть силы ломать ему хребет, думая опрокинуть его. Но Глам так сдавил Греттиру руки, что он не выдержал и пошатнулся. Отступает Греттир назад, к скамьям. Столбы так и валятся, рушится все, что стоит у них на дороге.

Глам все лез к выходу, а Греттир упирался во что только мог ногами. Все же Гламу удалось вытащить его в сени. Пошла у них тут битва не на жизнь, а на смерть. Глам хотел вытащить его из дому, а как ни трудно было биться с Гламом в доме, видел Греттир, что на дворе ему придется еще хуже. Поэтому он сколько было силы сопротивлялся. Когда они были уже на крыльце, Глам поднатужился и прижал Греттира к себе. И когда Греттир видит, что ему не устоять, он навалился всею тяжестью на грудь Гламу, а ногами в то же время уперся в камень, вросший в землю у самых дверей. К этому Глам не приготовился. Он тянул в это время Греттира на себя, и вышло поэтому, что он опрокинулся назад и вылетел задом из дверей, так что плечи его сорвали притолоку, и крыша – стропила и мерзлый дерн – все разлетелось. Свалился он так, навзничь и головой наружу, а Греттир – на него. Ярко светила луна, и густые облака то закрывали ее, то открывали. И вот, когда Глам упал, луна как раз вышла из-за облака, и Глам уставился на Греттира. Греттир сам говорил, что это был единственный раз, когда он содрогнулся. И тут на него нашла такая слабость, от всего вместе – от усталости и от пристального взгляда Глама, – что он был не в силах занести меч и лежал между жизнью и смертью. А Глам, превосходивший бесовской силой всех других мертвецов, сказал тогда вот что:

– Ты приложил много труда, Греттир, чтобы встретиться со мной. Но нет ничего удивительного, если наша встреча будет тебе на беду. И вот что я тебе скажу: теперь ты достиг только половины той силы и твердости духа, которые были бы тебе отпущены, если бы ты со мною не встретился. Я не могу отнять у тебя силу, которая уже при тебе. Но в моей власти сделать так, что ты никогда не станешь сильнее. Ты, правда, и теперь достаточно силен, как многим предстоит убедиться. Ты прославлен здесь своими подвигами, но отныне будут твоим уделом изгнание и тяжбы об убийствах, и едва ли не всякий твой поступок обернется тебе на беду и злосчастье. Тебя объявят вне закона, и уделом твоим станет одинокая жизнь на чужбине. Я насылаю на тебя проклятье, чтобы этот мой взгляд всегда стоял у тебя перед глазами. И тяжело тебе покажется оставаться одному, и это приведет тебя к смерти.

И только Глам сказал это, как сошла с Греттира напавшая на него слабость. Занес он теперь меч и срубил Гламу голову, и приложил ему к ляжкам. Тут появился и хозяин: в то время, как Глам говорил, он оделся, но не посмел выйти, пока тот не был убит. Торхалль воздал хвалу Богу и очень благодарил Греттира за то, что он одолел этого нечистого духа. Потом они взялись за дело и сожгли Глама дотла. После этого они сложили золу в кожаный мешок и зарыли подальше от пастбищ и дорог. Потом они пошли домой, и было уже совсем светло. Греттир сразу лег, потому что он очень устал, а Торхалль послал за людьми с соседних хуторов. Он показывал и рассказывал, как все оно

было, и те, кто слушал, сочли, что это великий подвиг. Все в один голос говорили, что по всей стране нет никого, кто бы сравнялся и силой, и мужеством, и всякою доблестью с Греттиром, сыном Асмунда.

Торхалль хорошо проводил Греттира со двора и дал ему доброго коня и подобающее платье, ибо все, что он носил прежде, изорвалось в клочья. Они расстались друзьями. Греттир поехал оттуда на хутор Гора, в Озерную Долину, и Торвальд радушно его принял и подробно расспрашивал о встрече с Гламом. Греттир рассказывает ему, что и как, говоря, что никогда еще его сила не подвергалась такому испытанию, как во время этой долгой битвы.

Торвальд просил его уговориться:

– Тогда все будет хорошо, а не то – быть беде.

Греттир сказал, что он нисколько не исправился, и теперь еще менее благоразумен, чем раньше, и хуже сносит обиды. В одном переменялся теперь Греттир: он стал так бояться темноты, что с наступлением ночи даже не решался один выходить. Мерещились ему тогда всякие страсти. С тех пор и стали говорить, что тому, кто все видит не так, как оно есть, Глам застилает глаза или над ним глумится^[82].

Свершив это деяние, Греттир поехал к себе в Скалу и провел зиму дома.

XXXVI

Торбьёрн Бычья Сила давал большой осенний пир, и съехалось много народа. Это было в то самое время, как Греттир ездил на север, в Озерную Долину. Был на пиру и Торбьёрн Путешественник. О многом там было говорено. Люди с Хрутова Фьорда расспрашивали о той битве Греттира с Кормаком, что была на гряде летом. Торбьёрн Бычья Сила с похвалой отзывался о Греттире, говоря, что Кормаку пришлось бы плохо, если бы их не разняли. Тут заговорил Торбьёрн Путешественник:

– Во-первых, – сказал он, – я не видел, чтобы Греттир чем-нибудь отличился в битве. По-моему, у него и сердце-то ушло в пятки, когда мы подошли, он и не чаял, как покончить с битвой. И я что-то не видел, чтобы он пытался отомстить за работника Атли. Поэтому и нет в нем никакого мужества, если только не на его стороне сила.

Торбьёрн очень потешался, но многие ему возражали, говоря, что он зря зубоскалит и что если бы эти слова дошли до Греттира, тот бы дела так не оставил. Больше ничего на том пиру не произошло. Люди разъехались по домам. Вражда между Торбьёрном и Греттиром всю зиму не утихала, но до нападений не дошло. Ничего в ту зиму не случилось.

Ранней весной пришел из Норвегии корабль. Это было незадолго до тинга^[83]. У корабельщиков было что рассказать, и первое, что сменилась власть в Норвегии. К власти пришел теперь Олав-конунг, сын Харальда^[84], а Свейн-ярл весною бежал из страны после битвы при Мысах. Много всего замечательного рассказывали они про Олава-конунга, и среди прочего – что он благоволил к людям, которые чем-либо отличились, и приближал их к себе. Многие молодые мужи этому обрадовались и захотели ехать в Норвегию. И, узнав эти новости, Греттир тоже загорелся желанием отправиться в плавание, надеясь снискать у конунга почет и славу не хуже прочих.

На берегу у Гусиной Бухты в Островном Фьорде стоял корабль. Греттир договорился с корабельщиком и стал собираться в дальний путь. Снаряжение его было невелико.

Асмунд стал теперь совсем дряхлым стариком и почти не оставлял постели. У них с Асдис был сын, еще мальчик, по имени Иллуги, очень многообещающий. Атли взялся теперь управлять всем их хозяйством и имуществом, и от этого была немалая польза, потому что он был человек дельный и предусмотрительный.

Греттир отправился на корабль. На этом самом корабле собрался ехать и Торбьёрн Путешественник, когда они еще не знали, что на нем поплывет Греттир. Многие отговаривали Торбьёрна плыть на одном корабле с Греттиром, но Торбьёрн говорил, что все равно поплывет. Он задержался со сборами и приехал на север, к Гусиной Косе, только тогда, когда корабль уже был готов к отплытию. Перед тем как Торбьёрну уехать, напала хворь на Асмунда Седоволосого, и он совсем перестал вставать с постели. Торбьёрн Путешественник приехал на берег к вечеру. Люди собрались уже ужинать и мыли руки возле своих землянок. И когда Торбьёрн ехал верхом по проходу между землянками, все здоровались с ним и спрашивали, что нового.

Он сказал, что ему, мол, нечего рассказывать, «кроме разве того, что воин Асмунд из Скалы теперь уже, верно, умер».

Многие на это ответили, что вот отошел в иной мир достойный человек, и спросили, как это случилось.

Торбьёрн отвечает:

– Незавидная выпала воину доля: он задохся, как собака, в печном дыму, но нечего о нем и жалеть: ведь он совсем выжил из ума.

Они отвечают:

– Чудно ты рассуждаешь о таком человеке. И если бы Греттир слышал, ему бы это не очень понравилось.

– Невелика беда, – сказал Торбьёрн, – и Греттиру надо выше поднимать меч, чем прошлым летом, на Гребне Хрутова Фьорда, чтобы я его боялся.

Греттир же слышал каждое слово Торбьёрна, но пока Торбьёрн болтал все это, не подавал виду, что слышит. И когда тот замолчал, Греттир сказал:

– Предсказываю тебе, Путешественник, что ты-то не умрешь в печном дыму. Может, впрочем, статься, что ты умрешь и не от старости. Слыханное ли дело, беспричинно глумиться над человеком!

Торбьёрн сказал:

– Этим ты меня не напугаешь. И ты, сдается, был не такой задиристый, когда мы спасали тебя от людей с Каменников, бивших тебя, как скотину^[85].

Греттир сказал тогда вису:

Длинный язык в беседе

Часто мужам мешает.

Пустое болтать нетрудно,

Да тяжела расплата.

Ты, Путешественник, помни:

Стражи казны^[86] иные

Смертью наказаны были,

Хоть мне и меньше вредили.

Торбьёрн сказал:

– Я сейчас не ближе к смерти, чем раньше, что бы ты там ни болтал.

Греттир отвечает:

– Покуда то, что я предсказывал, не заставляло себя долго ждать, так будет и на этот раз. Защищайся, если хочешь, а то будет поздно.

Потом Греттир ударил мечом Торбьёрна. Тот выставил вперед руку, думая отвести от себя дар, но удар пришелся по руке, повыше запястья, потом меч соскочил на шею, и голова слетела с плеч. Торговые люди сказали, что он здорово рубит, совсем как конунговы люди, и они не видели большой потери в том, что убит Торбьёрн, потому что он был и вздорный, и злоязычный.

Немного погодя они вышли в море и пришли к концу лета в Норвегию, южнее Хёрдаланда. Там они узнали, что Олав-конунг на севере, в Трандхейме. Греттир устроился на торговый корабль, шедший на север, потому что он хотел встретиться с конунгом.

XXXVIII

Ториром звали одного человека, жившего на хуторе Двор в Главной Долине. Он был сыном Скегги, сына Бёдолва, а Скегги занял Бочажную Округу до Бочажного Мыса. Он был женат на Хельге, дочери Торгейра с Рыбачьего Ручья. Торир, их сын, был мореход и человек именитый. У него было два сына: одного звали Торгейр, а другого Скегги. Оба

подавали большие надежды и ко времени этих событий были уже совсем взрослыми. Торир был в Норвегии в то лето, когда приехал с запада, из Англии, Олав-конунг. Он вошел в большую милость к конунгу, и к Сигурду-епископу тоже. Это видно, например, из того, что, построив в лесу большой торговый корабль, Торир попросил Сигурда-епископа его освятить, и тот выполнил просьбу. После этого Торир уехал в Исландию и, когда ему наскучило плавание, велел разобрать корабль, а резные доски со штевной прибить над своею входной дверью. Они долго там были и предсказывали погоду: в одной гудело к южному ветру, а в другой – к северному.

Когда Торир узнал, что Олав стал единовластным конунгом всей Норвегии, он решил, что теперь пора напомнить ему о себе. Тогда Торир послал в Норвегию к конунгу своих сыновей, рассчитывая, что они будут служить ему. Поздней осенью они пристали на юге Норвегии и, взяв весельную лодку, пошли вдоль берега на север, думая дойти так до конунга. Они зашли в одну бухту южнее мыса Стад и несколько ночей простояли там. Еды и питья у них было вдоволь, и так как погода была плохая, они не выходили в море.

Теперь надо рассказать, что Греттир с торговыми людьми шли вдоль берета на север и часто попадали в бурю, потому что дело было к зиме. И когда они продвигались на север неподалеку от мыса Стад, их застигла сильная буря, с вьюгой и морозом, и вот однажды вечером они с трудом подошли к берегу, все измученные, и, бросив якорь у какого-то пригорка, укрыли свое добро и товары.

Торговые люди очень сокрушались, что им негде взять огня, а им казалось, что от этого зависит их здоровье и самая жизнь. Так и пробыли они там весь вечер, кое-как устроившись. И когда уже наступила ночь, они увидели, что засветился большой огонь по ту сторону пролива, в котором они пристали. Увидев этот огонь, спутники Греттира заговорили, что счастлив, мол, тот, кто его раздобудет, и прикидывали, не сойти ли им с якоря, но всем показалось, что это небезопасно. Тут они пустились рассуждать о том, есть ли на свете такой удалец, чтобы сумел добыть тот огонь. Греттир мало участвовал в их разговоре и сказал только, что бывали мужи, которые пошли бы на это. Торговые люди сказали, что, как бы там ни бывало, им от этого не легче.

– Если только ты сам пойдешь на это, Греттир, – сказали они, – ведь ты слынешь теперь самым что ни на есть удалцом среди всех исландцев, и ты хорошо понимаешь, как нам это было бы важно.

Греттир отвечает:

– Я не вижу большого геройства в том, чтобы достать огонь, но не знаю, не обманет ли ваша плата ожиданий того, кто это сделает.

Они ответили:

– Почему ты считаешь, что мы такие бессовестные, что не заплатим как следует?

– Ну что ж, попробую, если вам и в самом деле так это важно. Но предчувствую, что это ничем хорошим для меня не кончится.

Они сказали, что так не будет, и пожелали ему всяческой удачи.

После этого Греттир приготовился плыть. Он сбросил с себя одежду и надел на голое тело плащ с капюшоном и сермяжные штаны. Он подобрал полы плаща, обмотался вокруг пояса лыком и взял с собой бочонок. Затем он прыгнул за борт. Он переплыл пролив и вышел на берег. Он увидел дом, и оттуда слышались голоса и громкий смех. Греттир повернул к дому.

Теперь нужно сказать, что это были не кто иные, как сыновья Торира, о которых уже шла речь. Они оставались там ночь за ночью в ожидании благоприятного ветра, чтобы идти на север, к мысу Стад, а теперь сидели, числом двенадцать, и пили. Они пристали в глубине бухты: там был дом для укрытия плывущих вдоль берега, и в доме лежало много соломы. На полу был разожжен большой огонь. Вот Греттир заходит в дом, не зная, кто перед ним такие. Весь его плащ, едва он вышел на берег, обледенел, и он казался прямо великаном. Сидевшие там пришли в ужас и подумали, что это какая-нибудь нечисть. Они стали бить его, чем попало, и поднялся там большой шум и гам. А Греттир отпихивал их руками. Некоторые швыряли в него головнями, и огонь распространился по всему дому.

С тем Греттир и ушел, взяв с собой огонь, и вернулся к своим сотоварищам. Они очень расхваливали его за этот подвиг и говорили, что нет ему равных. Так прошла ночь, и, раздобывшись огнем, они считали себя в безопасности.

На следующее утро погода выдалась хорошая. Торговые люди рано проснулись и собрались в путь. Они говорили, что надо бы найти хозяев этого огня и узнать, кто они такие. Вот они отчалили и переплыли пролив. Не нашли они там никакого дома, а что увидели, так это большую кучу пепла и в ней – много человеческих костей. Отсюда они заключили, что все укрытие, верно, сгорело вместе с людьми, которые там находились. Они спросили Греттира, не он ли виновник этого бедствия, и сказали, что это величайшее злодеяние. Греттир сказал, что вышло, как он и опасался: они плохо платят ему за добычу огня, и хуже нет, чем помогать недостойному.

Все это обернулось большой бедой для Греттира, ибо где ни появлялись торговые люди, они всюду рассказывали, что Греттир сжег этих людей в доме. Скоро стало известно, что в том доме погибли сыновья Торира из Двора и их люди. Торговые люди прогнали Греттира с корабля и не желали с ним знаться. Все относились к нему с таким презрением, что никто почти не желал ему помогать. Он понимал, что дела его плохи, и решил во что бы то ни стало встретиться с конунгом и направился на север, в Трандхейм. Конунг был там и узнал обо всем раньше, чем Греттир туда приехал. Греттира очень оговаривали перед

конунгом, и он провел в городе несколько дней, прежде чем ему удалось предстать перед конунгом.

XXXIX

И вот однажды, когда конунг был в совете, Греттир предстал перед ним и учтиво его приветствовал. Конунг взглянул на него и сказал:

– Ты Греттир Силач?

Тот отвечает:

– Так меня величали, и я пришел сюда в надежде, что вы положите предел той хуле, что меня преследует. Я же не считаю себя виновным.

Олав-конунг сказал:

– Ты человек достаточно доблестный, но не знаю, хватит ли у тебя удачи, чтобы снять с себя это обвинение. Но вернее всего ты сжег этих людей неумышленно.

Греттир сказал, что он бы очень того желал – снять с себя обвинение, если конунг считает, что это можно. Конунг просил его рассказать всю правду, что между ними вышло. Тогда Греттир рассказал все, о чем уже шла речь, и прибавил, что, когда он ушел с огнем, все они были живы:

– И я хочу теперь подвергнуться любому испытанию, какого, по вашему, требует закон.

Тогда Олав-конунг сказал:

– Мы хотим позволить тебе нести раскаленное железо в свое оправдание, если тебе будет суждено это.

Греттир был очень этому рад. Он начал поститься для испытания железом, и настал день, когда должен был состояться суд Божий. Конунг пошел в церковь, и епископ, и еще толпа народу, ибо многим было любопытно увидеть Греттира, о котором столько всего рассказывали. Потом Греттира ввели в церковь. И когда он вошел в церковь, многие, кто там был, глядели на него и говорили, что он не похож на прочих людей своею силой и ростом. Греттир пошел в глубь церкви, как вдруг перед ним выскочил какой-то мальчишка-подросток, очень наглый с виду, и сказал Греттиру:

– Чудные порядки пошли в стране, где люди называются христианами: преступники, и разбойники, и воры разгуливают на свободе и допускаются к суду Божьему. А что злодею и нужно, как не спасти свою шкуру, покуда можно? Вот стоит преступник, уличенный в злодеяниях, сжегший в доме безвинных людей, и он-то будет теперь очищен. Это великое беззаконие!

Он подошел к Греттиру и стал тыкать в него пальцами, и корчить ему рожи, и называть его русалочьим сыном и другими бранными кличками. Это вывело Греттира из себя, и он не сдержался. Он поднял кулак и дал парню оплеуху. Тот сразу упал замертво, а некоторые

говорят, будто он тут же умер. И никто не знал, откуда взялся тот парень и что с ним случилось. И думают, что вернее всего это был нечистый дух, посланный на пагубу Греттиру.

Тут поднялся в церкви страшный крик, и конунгу донесли, что тот, кто должен был нести железо, учинил драку. Олав-конунг пошел к тому месту и, увидев, что случилось, сказал:

– Ты очень неудачливый человек, Греттир. Ведь теперь из Божьего суда ничего не выйдет, хоть и все было к нему готово. Ничего тебе не поделаться со своею злой судьбой.

Греттир отвечает:

– Рассчитывал я, государь, найти у вас больше почета, чем теперь получается, при том, каков мой род. – И он сказал, откуда идет его родство с Олавом, о чем уже говорилось раньше. – Самое мое большое желание, – сказал Греттир, – это чтобы вы взяли меня к себе. Ведь у вас есть много таких, кто, пожалуй, не превзойдет меня в битве.

– Вижу я, – сказал конунг, – что ныне немногие сравняются с тобой в силе и мужестве, но уж слишком ты неудачлив, чтобы тебе можно было у нас остаться. Отпускаю тебя с миром, поезжай зимою, куда хочешь, но летом отправляйся в Исландию. Видно, там тебе и суждено сложить кости.

Греттир отвечает:

– Я хотел бы, если возможно, сперва снять с себя обвинение в сожжении, потому что я сделал это неумышленно.

– Скорее всего, так оно и есть, – сказал конунг, – но коль скоро из суда Божьего теперь ничего не вышло, – а все из-за твоей нетерпеливости – тебе ничем больше не оправдаться, и все останется как есть. Безрассудство всегда ведет к беде. И если есть человек, обреченный на неудачу, так это ты.

После этого Греттир пробыл еще некоторое время в городе, но ничего больше от Олава-конунга не добился. Потом он поехал на юг, думая отправиться оттуда на восток, в Тунсберг, и разыскать Торстейна Дромунда, своего брата. Ничего о его путешествии не рассказывается, пока он не приехал на восток, в Ядар.

XL

Под праздник середины зимы Греттир приехал к одному человеку по имени Эйнар. Он был человек богатый и семейный и имел дочку на выданье, ее звали Гюрид. Гюрид была собой красавица и считалась лучшей невестой. Эйнар пригласил Греттира на праздник середины зимы к себе, и тот принял приглашение.

Тогда часто бывало в Норвегии, что лесные бродяги и разбойники выходили из лесов и, угрожая жителям поединком, уводили женщин или силой забирали у людей добро, если те не могли дать им отпор. Вот

случилось, что однажды на праздник середины зимы к Эйнару-хозяину явилась целая шайка разбойников. Их вожака звали Снэколль. Он был великий берсерк. Он потребовал, чтобы Эйнар либо отдал ему свою дочь, либо защищал ее, если это ему по силам. А Эйнар был тогда уже в летах и к битве неспособный. Он счел себя в великой опасности и спросил потихоньку у Греттира, что тот ему посоветует, – «ведь ты слывешь знаменитым мужем».

Греттир посоветовал ему соглашаться лишь на то, что не будет для него зазорно. Берсерк сидел на коне, на голове у него был шлем, и нащечники не застегнуты. Он держал перед собой щит с железным ободом, и вид у него был грозный. Он сказал хозяину:

– Выбирай, да поживее! А что тебе советует этот верзила? Или он сам хочет со мной потешиться?

Греттир сказал:

– Мы с хозяином друг друга стоим: ни тот ни другой не задира.

Снэколль сказал:

– Вы и подавно испугаетесь со мной биться, если я рассвирепею.

– Поживем – увидим, – сказал Греттир.

Берсерк решил, что тот просто зубы ему заговаривает. И вот он громко завыл и, поднеся щит ко рту, стал кусать край щита и свирепо скалиться. Греттир бросился вперед и, поравнявшись с конем берсерка, как ударит ногой по низу щита. Щит так и влетел берсерку в рот и выломал челюсть, и она свалилась ему на грудь. Греттир же левой рукой схватил викинга за шлем и стащил с коня, а правой рукой в то же время выхватил висевший у пояса меч и ударил викинга по шее, так что голова слетела с плеч. Люди Снэколля, увидев это, бросились врассыпную. Греттиру не захотелось их преследовать, ибо он увидел, что они и без того совсем трусили.

Хозяин очень благодарил его за этот подвиг, и многие другие люди тоже. Все находили, что Греттир проявил здесь великую силу и смелость. Он пробыл там в почете все праздники, и хозяин с подарками проводил его со двора.

Греттир поехал затем на восток, в Тунсберг, и встретился с Торстейном, своим братом. Тот ласково принял Греттира и расспрашивал его о путешествии и о том, как он победил берсерка. Греттир сказал вису:

Тростью шагов^[87] Греттир

Прямо в ворота брашен^[88]

Другу лебеда крови^[89]

Крепость стрел^[90] направил.

Так разломил уста

Щит, железом обшитый,

Что соскочила челюсть

Со дна языка^[91] наземь.

Торстейн сказал:

- Всем бы ты, родич, взял, когда б не горькая твоя судьба.

ХLI

Греттир пробыл у Торстейна остаток зимы и начало весны. Как-то утром, когда братья, Торстейн и Греттир, спали у себя в горнице, Греттир высунул руки из-под одеяла. Торстейн, проснувшись, это увидел. Немного погодя проснулся и Греттир. Тогда Торстейн сказал:

- Видел я твои руки, родич. И не показалось мне странным, что для многих был тяжеленек твой удар: я ни у кого не видывал подобных рук.

- Так знай, - сказал Греттир, - что ничего бы я не совершил, не будь у меня недюжинной силы.

- Было бы лучше, по-моему, - сказал Торстейн, - чтобы твои руки были потоньше, да посчастливей.

Греттир сказал:

- Правду говорят, что никто сам себе не творец. Дай-ка мне глянуть на твои руки.

Торстейн протянул руки. А был он донельзя длинный и тощий. Греттир улыбнулся и сказал:

- Мне больше незачем смотреть. Неладно ты скроен. Я, по-моему, сроду не видывал таких тощих рук. И женщина, думаю, будет тебя сильнее.

- Может, и так, - сказал Торстейн, - но да будет тебе известно, что вот эти самые тощие руки отомстят за тебя. А иначе ты так и не будешь отомщен.

- Кто знает, чем все это кончится, - говорит Греттир, - но на это, по-моему, мало похоже.

Больше об этом их разговоре ничего не рассказывается.

Вот весна подошла к концу, Греттир сел себе на корабль и уплыл летом в Исландию. Братья расстались друзьями и больше уже никогда не свиделись.

ХLII

Теперь надо вернуться к тому, что Торбьёрн Бычья Сила узнал о смерти Торбьёрна Путешественника, о которой уже рассказывалось. Он пришел в большой гнев и сказал, что был бы рад, если б этот удар не остался без ответа.

Асмунд Седоволосый летом долго болел и, почуяв, что конец его близок, позвал к себе своих родичей и сказал, что хочет, чтобы после его кончины Атли взял на себя все управление имуществом.

– Но боюсь, – сказал Асмунд, – что враги не оставят тебя в покое. Хочу я, чтобы все мои шурья и зятья оказывали тебе всяческую поддержку. А на Греттира у меня надежда плохая, ибо сдается, что на колесе его доля слеplена. Хоть и силен он, но боюсь, ему больше придется заниматься своими невзгодами, чем помогать родичам. А Иллуги хоть и молод, но вырастет в славного мужа, если только останется цел.

И после того, как Асмунд наказал сыновьям исполнить его волю, болезнь одолела его, и он скоро умер, и его похоронили у хутора Скала, ибо Асмунд велел построить там церковь. И его смерть казалась большой потерей всем людям в округе.

Атли зажил теперь большим хозяином и держал у себя много людей. Он был человек припасливый. В конце лета он отправился на Мыс Снежной Горы заpastись вяленой рыбой. Он пригнал много лошадей и выехал из дому к Каменникам на Хрутовом Фьорде, где жил его зять Гамли. Там к Атли пристали Грим, сын Торхалля, брат Гамли, и еще один человек. Поехали они на запад от Ущелья Соколиной Долины и оттуда – прямо к Мысу. Они накупили там вяленой рыбы, навьючили семь лошадей и, закончив все свои дела, пустились домой.

XLIII

Торбьёрну Бычья Сила стало известно, что Атли и Грим уехали из дому. С ним тогда были сыновья Торира из Ущелья, Гуннар и Торгейр. Торбьёрн завидовал Атли, что его все так любят, и поэтому он стал подбивать этих братьев, сыновей Торира, чтобы они подстерегли Атли, когда тот будет возвращаться с Мыса. Они поехали домой в Ущелье и ждали там, пока те не показались с обозом. Когда Атли со своими людьми проезжал мимо двора у Ущелья, братья увидели их и скорей поскакали со своими работниками им вдогонку. Атли, увидев, что их нагоняют, велел снять вьюки с лошадей.

– Они, верно, хотят предложить мне выкуп за моего работника, которого Гуннар убил прошлым летом. Не будем прибегать к силе первыми, но постоим за себя, если они начнут.

Вот те подъезжают и спешиваются. Атли приветствует их и спрашивает, что нового:

– Или ты, Гуннар, хочешь предложить мне какой-нибудь выкуп за моего работника?

Гуннар отвечает:

– Вы, люди из Скалы, заслуживаете не выкупа, а чего-то совсем другого. С вас причитается большой выкуп за Торбьёрна, убитого Греттиром.

– Я за это не в ответе, – сказал Атли, – и не тебе вести эту тяжбу.

Гуннар сказал, что, мол, покамест и он сойдет:

– Давайте нападём на них, воспользуемся тем, что Греттира нет поблизости.

Они набросились на Атли, их было восьмеро, а у Атли всего шестеро. Атли вышел перед своими людьми и выхватил меч Ёкуля, подаренный ему Греттиром. Тогда Торгейр сказал:

– Видно птицу по полету. Высоко подымал Греттир меч прошлым летом на Гребне Хрутова Фьорда.

Атли отвечает:

– Он больше, чем я, привычен к ратной работе.

Потом они стали сражаться. Гуннар ринулся на Атли и яростно нападал на него. Через некоторое время после начала битвы Атли сказал:

– Нету геройства в том, чтобы убивать работников друг у друга, и лучше нам самим помериться силами, хоть я доныне и не бился оружием.

Гуннар не принял предложения. Тогда Атли попросил своих работников приглядеть за грузом:

– А я посмотрю, на что они годятся.

И он бросился вперед с такой отвагой, что Гуннар и его люди отступили. Атли убил двоих из этих людей. Потом он повернулся к Гуннару и так его ударил, что разрубил поперек весь щит ниже рукоятки. Удар пришелся по ноге под коленом, и тут же он ударил еще раз, и рана оказалась смертельной.

Теперь надо рассказать о Гриме, сыне Торхалля, что он напал на Торгейра и они долго сражались, потому что оба были доблестные мужи. Торгейр увидел, как пал его брат Гуннар. Тогда он решил бежать. Грим бросился за ним и преследовал, пока Торгейр не споткнулся и не растянулся. Тут Грим ударил его секирой между лопаток, так что секира глубоко вошла в тело. Тогда они отпустили с миром тех троих^[92], что еще оставались живы. Потом они перевязали раны, взвалили вьюки на лошадей, поехали домой и объявили об этих убийствах^[93]. Атли сидел всю осень дома, и с ним было много людей. Торбьёрну Бычья Сила все это совсем не понравилось, но он ничего не мог поделать, потому что все очень любили Атли. Грим провел у него зиму, как и Гамли, его зять. Был там и Глум, сын Оспака, другой его зять, живший в то время на Косе у Горечи. На Скале было все время много народу, и шло у них всю зиму большое веселье.

XLIV

Торбьёрн Бычья Сила начал тяжбу об убийстве сыновей Торира. Он приготовился к обвинению Грима и Атли, но они выставили в свою защиту то, что братья первыми на них напали и поэтому за них не полагается виры.

Тяжбу вынесли на тинг Медвежачьего Озера, и туда явилось много народу с обеих сторон. У Атли не было недостатка в поддержке, потому что за него стояло много родичей. Стали тут ходить между ними друзья. Они повели речь о мировой. Все говорили, что Атли хорошо себя показал: сам не лез, а как дошло до дела, не струсил. Торбьёрн увидел, что ему не на что надеяться, кроме мировой. Атли поставил условием, что он не пойдет на изгнание из округи или из страны. В третейские судьи выбрали: со стороны Атли – Торвальда, сына Асгейра, а со стороны Торбьёрна – Сёльви Великолепного. Он был сыном Асбраида, сына Торбраида, сына Харальда Кольца, который занял весь Озерный Мыс на запад, до самой Служанкиной Реки, на восток – до Поперечной Реки, и оттуда напрямик до Скалистого Устья, а по ту сторону Скал – до моря. Сёльви любил пышно одеться и был человек мудрый, почему Торбьёрн и выбрал его со своей стороны в третейские судьи.

Потом судьи сказали свой приговор, что за сыновей Торира следует половинная вира, а половина виры снимается из-за того, что те первыми напали на Атли и умышляли на его жизнь. Убийство работника Атли на Гребне Хрутова Фьорда приравнивалось к убийству тех двоих, что погибли с сыновьями Торира.

Грим, сын Торхалля, должен был уехать из своей округи, но зато Атли взял на себя всю виру.

Атли был доволен таким решением, а Торбьёрн отнюдь не доволен. Все же мир был заключен, хоть Торбьёрн и ворчал, что будь его воля, на этом бы у них дело не кончилось.

Атли поехал с тинга домой и был очень благодарен Торвальду за поддержку. Грим, сын Торхалля, подался на юг, на Городищенский Фьорд, поселился там в Крутояре и стал почтенным хозяином.

XLV

У Торбьёрна Бычья Сила был работник по имени Али, очень вздорный и ленивый. Торбьёрн велел ему работать получше, а не то он его поколотит. Али сказал, что это ему совсем ни к чему, и стал перечить Торбьёрну. Тот сказал, как он смеет, но Али продолжал лезть на рожон. Торбьёрн не стерпел, повалил его на землю и задал ему как следует. После этого Али бросил работу и убежал на север, за грядку, на Средний Фьорд. Он нигде не останавливался, пока не добрался до Скалы. Атли был дома и спросил, куда это он направляется. Тот сказал, что ищет работу.

– Разве ты не Торбьёрнов работник? – спросил Атли.

– Мы с ним не ладили, – сказал Али. – Я не долго там пробыл, но успел уже натерпеться. Мы расстались на том, что он чуть не придушил меня. И я нипочем не вернусь туда работать, что бы со мной ни случилось. И правду сказать, не сравнишь, как вы оба относитесь к

своим людям. Я бы очень того хотел – у тебя работать, если есть возможность.

Атли отвечает:

– Довольно у меня и своих работников, и мне незачем отнимать у Торбьёрна тех, кого он себе нанял. По-моему, ты просто привередничаешь, возвращайся лучше к нему.

Али сказал:

– Своей волей я туда не пойду.

Али и остался у него на ночь, а наутро он пошел со всеми людьми Атли работать и работал так, как если бы у него была дюжина рук. Так Али и проработал целое лето. Атли не обращал на него внимания, но велел все-таки кормить его, потому что был доволен его работой. А Торбьёрн узнаёт, что Али – в Скале, едет туда с двумя своими людьми и вызывает Атли для разговора. Атли вышел и поздоровался с ними. Торбьёрн сказал:

– Снова ты, Атли, берешься за старое, хочешь мне досадить. Зачем ты взял у меня работника? Это ведь беззаконие.

Атли отвечает:

– Ниоткуда, по-моему, не видно, что он твой работник. Но я не собираюсь за него держаться, если ты докажешь, что он из твоих людей. Но мне не хочется силком его выпроваживать.

– Решай, как знаешь, – сказал Торбьёрн, – но я требую вернуть этого человека и запрещаю ему у тебя работать. Я еще приду сюда и не поручусь, что тогда мы расстанемся лучшими друзьями.

Атли отвечает:

– Ну что ж, я посижу дома и приму меры смотря по обстоятельствам.

На этом Торбьёрн уехал домой. А когда работники возвратились к вечеру домой, Атли рассказывает им о своем разговоре с Торбьёрном и просит Али идти своей дорогой, он, мол, его не задерживает.

Али отвечает:

– Правду говорит старая поговорка: на хваленого коня плохая надежда. Но я никак не думал, что ты выгонишь меня после того, как я все лето надрывался, здесь работая. Я ждал, что ты защитишь меня хоть немного. Вот как у тебя на деле, а на словах-то лучше некуда. Теперь меня искалечат здесь у тебя на глазах, если ты мне не поможешь.

Атли сдался на его просьбы и не захотел его выгонять. Так и шло, покуда люди не взялись за косьбу.

Однажды, незадолго до середины лета, Торбьёрн Бычья Сила поехал в Скалу. Снаряжен он был так: на голове шлем, на боку меч, а в руке копье. Это было копье с очень широким наконечником. День был дождливый. Атли послал своих работников на сенокос, а другие уехали рыбачить на север, к Рогу. Атли был дома, и с ним еще несколько человек. Торбьёрн приехал туда около полудня. Он был один. Он

подъехал к входной двери. Дверь была заперта, и во дворе никого. Торбьёрн постучался, а сам отошел за угол, чтобы его не было видно из дверей. Люди в доме услышали стук, и одна женщина пошла открыть. Торбьёрн успел увидеть эту женщину, а сам не показывался, потому что ему был нужен совсем другой. Она вернулась в покои. Атли спросил, кто это пришел, и она сказала, что никого там не видела. И в то время как они говорили об этом, Торбьёрн с силой ударил по двери. Тогда Атли сказал:

– Это меня он хочет видеть. У него, верно, есть ко мне дело, если ему так невтерпех.

Тогда он пошел и выглянул за дверь. Он никого там не увидел. Шел сильный дождь, поэтому он не стал выходить, а оперся руками о дверные косяки и озирался. В этот миг Торбьёрн метнулся к двери и двумя руками вонзил копье в грудь Атли, так что оно проткнуло его насквозь. Атли сказал, принимая удар:

– Они теперь в моде, эти широкие наконечники. – И он упал лицом на порог. Тут вышли женщины, которые были в покоях. Они увидели, что Атли мертв. А Торбьёрн, уже сидя на коне, объявил об убийстве и поехал после этого домой. Асдис-хозяйка послала за людьми, Атли обрядили и похоронили возле отца. Его очень оплакивали, потому что он был мудр и всеми любим. За убийство Атли не заплатили никакой виры и не взыскали никакого выкупа, потому что вести тяжбу надлежало Греттиру, если он вернется. Все лето дело так и не двигалось. Все очень не одобряли поступка Торбьёрна, но несмотря на это, он спокойно жил у себя на хуторе.

XLVI

В то лето, как уже говорилось, пришел в Гусиную Бухту перед самым тингом корабль. Корабельщики рассказывали про странствия Греттира и среди прочего про то, как он сжег сыновей Торира. Эта весть привела Торира в ярость, и он вознамерился отомстить Греттиру за своих сыновей. Торир собрал много людей, поехал на тинг и начал там тяжбу о сожжении. Люди же не знали, что и думать, раз не было самого ответчика. Торир объявил, что согласится только на одно – чтобы Греттира за такое преступление объявили вне закона по всей стране. Законоговоритель Скафти сказал на это:

– Это и впрямь злодейство, если все так, как здесь рассказывают. Но рассказ одного это только половина правды: ведь многие рады случаю сгустить краски в сомнительном деле. Так что я не пойду на то, чтобы объявлять Греттира вне закона.

Торир был в своей округе человек влиятельный и знатный, в дружбе со многими большими людьми. Он повел тяжбу с таким напором, что оправдать Греттира не удалось. Торир добился того, что Греттира

объявили вне закона по всей стране, и стал с тех пор, как много раз подтвердилось, злейшим его врагом. Он положил плату за голову Греттира как за всякого, кто объявлен вне закона, и поехал домой. Многие поговаривали, что он взял больше силой, чем законом, но все так и оставили. Прошла середина лета, и ничего нового не случилось.

XLVII

На исходе лета вернулся Греттир, сын Асмунда. Он пристал у Белой Реки в Городищенском Фьорде, и жители тех мест пошли к кораблю. Тогда Греттир и узнал все разом: первое, что умер его отец, второе, что убили брата, и еще третье, что сам он объявлен вне закона по всей стране. Тогда Греттир сказал такую вису:

Суд неправый, утрата
Родичей – вести худые
Вдруг обступили героя,
Скальда в печаль повергли.

Но ратоборцы иные
Горше заутра заплачут,
О древо встречи валькирий^[94],
От бед, уготованных Греттиру.

Говорят, Греттир ничуть не пал духом, узнав обо всем этом, и был весел, как и прежде. Он побыл еще немного на корабле, потому что все никак не мог сыскать себе коня по вкусу.

Свейном звали человека, жившего на хуторе Бережок повыше Мыса Тинга. Он был добрый хозяин и человек веселый, и любил сочинять всякие забавные стишки. У него была бурая кобылка, всех лошадей резвее. Свейн звал ее Седёлка. Однажды ночью Греттир ушел с полей у Белой Реки, тайком от торговых людей. Он раздобыл себе черный плащ и, чтобы скрыться от глаз людских, завернулся в него поверх одежды. Он пошел мимо Мыса Тинга и дальше к Бережку. Уже рассвело, и он увидел на лугу у дома бурую лошадь. Греттир накинул на нее уздечку, оседлал ее и поскакал вдоль Белой Реки, мимо хутора и так до Долины Реки Флоки, а там вверх, на дорогу над Телячьим Мысом. Работники из Бережка уже встали, и они рассказали хозяину, что какой-то человек ускакал на его лошади. Тот встал и сказал, посмеиваясь:

Вскачь на кобылке умчался
Ловчий волка приливов^[95].
Возле самой усадьбы
Вор завладел Седёлкой.

Но на судьбу не сетуй:

Сеет повсюду беды
Тополь облака Одина^[96].
Дешево ты отделался.

Потом он взял лошадь и поехал следом. Греттир же все скакал, пока не достиг хутора Горб. Там он повстречался с человеком по имени Халли, который сказал ему, что держит путь к кораблю у Полей. Греттир сказал вису:
Воин, спеши, отважный,
Всем соседям поведай,
Что-де видел у Горба
Только что ты Седёлку.

Скажи, что всадник угрюмый,
К стычкам с судьбою привычный,
Коня горячил, весь в черном.
Халли, скачи, не медли.

Они расстались, и Халли все ехал вниз по дороге, пока не встретился со Свейном. Они быстро разговорились, и Свейн сказал:
Ты не видел ли вора
Там за ближним тыном,
Лошадь мою оседлавшего?
Злостью киплю на плута.

Дай его только настигнуть,
Будет бродяге взбучка:
Люди за эти проделки
Бока ему обломают.

– Суди сам, – сказал Халли. – Я повстречал человека, сказавшего, что он едет на Седёлке, и просившего, чтобы я рассказывал об этом всем и каждому. Он был высок ростом и в черном плаще.

– Он, однако ж, много себе позволяет, – сказал Свейн. – И я дознаюсь, кто он такой. – И Свейн поехал дальше вдогонку за Греттиром.

А Греттир достиг тем временем Раздорного Междуречья. Там стояла одна женщина. Греттир заговорил с нею и сказал вису:

Знатная диса злата^[97],
Эту веселую вису
Ты донеси до слуха
Стража костра морского^[98].

Строк сплетатель речистый
Обзавелся кобылкой:

Значит, до Крутояра
К ночи как раз доскачет.

Женщина запомнила эту вису. Греттир поехал своею дорогой
дальше.

Немного погодя подъехал туда Свейн. Женщина еще не ушла и,
поравнявшись с нею, Свейн сказал:

Что за презренный Фрейр
Смерча мечей^[99] недавно,
Не глядя на непогоду.
Гнал коня вороного?^[100]

Но и Свейн сегодня
Семь потов с непутевого
Сгонит. Пускай негодник
Ноги от нас уносит!

Она сказала так, как ее научили. Свейн поразмыслил над висой и
сказал:

– Похоже, что с этим человеком мне не справиться. Все же я догоню
его.

Он поехал мимо дворов, и они не теряли друг друга из виду. Было
ветрено и дождливо. Греттир приехал к Крутояру засветло, и Грим, сын
Торхалля, узнав об этом, радушно его встретил и позвал к себе в гости.
Греттир согласился. Он разнуздал Седёлку и рассказал Гриму, как она
ему досталась. Тут подъехал и Свейн. Он спешился и, увидев свою
лошадь, сказал:

Кто скакал на Седёлке?
Как мне взыскать с татя?
Что за бесстыжий бродяга
Тут свои шулки шутит?

Греттир стащил с себя мокрую одежду и тут услышал этот стишок.
Он сказал:

Я прискакал к Гриму.
Где тебе с ним сравниться!
Не помышляй о плате,
Лучше добром поладим.

– Теперь мы в расчете, – сказал Свейн. – Ты сполна заплатил за
лошадь.

Потом они сказали друг другу свои висы, и Греттир сказал, что он
вовсе за них не в обиде: ведь Свейн пекся о своем добре. Свейн пробыл
там с Греттиром всю ночь, и оба много смеялись этим висам. Они
назвали их Седёлкины Висы. Поутру Свейн поехал домой, и с Греттиром

они расстались друзьями. Грим рассказал Греттиру о многом, что случилось за время его отсутствия на Среднем Фьорде. Рассказал и о том, что за Атли не было уплачено виры:

И так велика была власть Торбьёрна Бычья Сила, что нельзя сказать наверное, сумеет ли Асдис-хозяйка удержаться у себя в Скале, если так пойдет дальше.

Греттир недолго погостил у Грима: он не хотел, чтобы какие-нибудь слухи проникли на север, за перевал, раньше его самого.

Грим сказал, если что понадобится, пусть обращается к нему за помощью:

– Но я намерен соблюдать осторожность, дабы самому не оказаться вне закона, тебе помогая.

Греттир пожелал ему счастливо оставаться:

– И похоже на то, что мне понадобится твоя поддержка.

Греттир поехал на север, за Двухдневное Взгорье, а оттуда к Скале, и явился туда глухою ночью. Все спали, не спала одна его мать. Он обогнул дом и вошел в заднюю дверь, – он знал там все ходы и выходы, – и напрямик в покои, и нашел ощупью материну постель. Она спросила, кто там, и Греттир назвался. Она села на постели, обняла его и тяжело вздохнула:

– Добро пожаловать, родич, – сказала она, – но непрочно мое материнское счастье: убит тот, кто был мне всех нужнее, а ты объявлен вне закона, как преступник. Третий же еще мал, что он может!

– Есть старая пословица, – говорит Греттир, – большей беды дожидаячись, меньшую позабудешь. Но одним только выкупом горя не избудешь, и Атли, надо думать, не останется неотомщенным. А что до меня, так еще неизвестно, кому радоваться, если дело дойдет до стычки.

Она сказала, что всякое может быть. Греттир побыл там некоторое время, мало кому показываясь, и разведал, что делается в округе. Люди так и не узнали, что Греттир приехал на Средний Фьорд. Он же узнал, что Торбьёрн Бычья Сила дома, и с ним немного народу. Это было после сенокоса.

XLVIII

В один погожий день Греттир поехал через гребень на запад, к Торродову Двору. Он явился туда около полудня и постучался. Вышли женщины и с ним поздоровались. Они его не узнали. Он спросил Торбьёрна. Женщины сказали, что он на лугу – вяжет сено, и с ним его сын, шестнадцати зим, по имени Арнор. Торбьёрн был человек очень работающий и без дела не сидел. Узнав, где Торбьёрн, Греттир пожелал им счастливо оставаться, а сам поехал оттуда к Дымам. Там от гребня начинаются болота с хорошей травой, у Торбьёрна там было много

накошено, и сено успело уже высохнуть. Он вдвоем с сыном принялся вязать сено, чтобы везти его домой, а женщина собирала что осталось граблями. Вот Греттир подъехал к лугу снизу, а отец с сыном стояли повыше. Они уже связали одну вязку и принялись за другую. Торбьёрн прислонил свой щит и меч к вязке, а у сына его была в руках секира. Торбьёрн увидел человека и сказал сыну:

– Сюда едет человек. Подождем вязать сено, посмотрим, чего ему надо.

Они так и сделали. Греттир соскочил с коня. На голове у него был шлем, на боку меч, в руке большое копье без крюков, отделанное серебром. Он сел и выбил гвоздь, крепивший наконечник, дабы Торбьёрн не послал копье обратно. Тогда Торбьёрн сказал:

– Это недюжинный человек, и я совсем уже не узнаю людей, если это не Греттир, сын Асмунда. И он, верно, неспроста к нам направляется. Но будем держаться смело и не выкажем страха. Возьмемся за дело с умом: я нападу на него спереди и погляжу, как у нас с ним пойдет. Ведь я полагаюсь на свою силу в битве с любым противником, если только он один. А ты подходи к нему сзади и руби что есть силы секирой между лопаток. Не бойся, что он тебе что-нибудь сделает: ведь он будет к тебе спиной.

У Торбьёрна шлема не было, и у сына его тоже. Греттир пошел по лугу и, как только достаточно приблизился, бросил копье в Торбьёрна. Но наконечник не так крепко сидел на древке, как он думал, и соскочил в полете и упал с древка на землю. Торбьёрн же взял щит и, увидев, что это и впрямь Греттир, выхватил меч и повернулся к нему. Греттир тоже схватился за меч и, занося его, заметил у себя за спиной парня и повернулся к нему. А увидев, что парень подошел вплотную, он размахнулся и обухом меча так хватил Арпора по голове, что череп раскололся, и пришла Арпору смерть. Тут набросился на Греттира Торбьёрн и ударил его мечом, но тот выставил левой рукой щит и отбил удар, и ответным ударом расколол ему щит. Меч обрушился Торбьёрну на голову и вошел в самый мозг, и Торбьёрн упал на землю мертвый. Больше Греттир не нанес ему никаких увечий. Он поискал потом свое копье, но так и не нашел. Пошел он к своему коню и поехал к Дымам, и объявил об убийстве.

А женщина, что была на покосе, видела схватку. Она побежала в ужасе домой и рассказала, что Торбьёрн убит и сын сто тоже. Оторопь взяла тех, кто был дома, ведь никто не знал о приезде Греттира. Послали за людьми на соседний хутор, и скоро съехалось туда много народу. Отвезли тело в церковь. Торродд Обрывок Драпы взял на себя тяжбу об убийстве и немедленно поднял на ноги своих людей.

Греттир поехал назад в Скалу, к матери, и рассказал ей о случившемся. Она обрадовалась и сказала, что теперь видно, что он и впрямь потомок людей Озерной Долины:

– Но тут начало и корень твоих бедствий. Знаю я наверное, что по милости Торбьёрновых родичей недолго тебе здесь оставаться. Но все же пусть убедятся, что тебя можно вывести из себя.

Греттир сказал тогда вису:

Ворога турсов Бьёрн^[101]

Повержен в Бараньем Фьорде,

Рыба бурана Одина^[102]

Бычьё сразила силу.

Дерзкий бежать пытался

Расплаты за гибель Атли,

Но, бранной сталью пронзенный,

Пал на зеленую землю.

Асдис-хозяйка сказала, что это правда:

– Но не знаю, что ты собираешься теперь предпринять.

Греттир сказал, что теперь он наведается к своим друзьям и родичам на западе:

– Не надо, чтобы ты подвергалась из-за меня опасностям.

Он собрался в дорогу, и ласково простились мать с сыном. Сперва он поехал на Каменники, что у Хрутова Фьорда, и рассказал своему зятю Гамли все, что касалось убийства Торбьёрна. Гамли просил его поскорее уехать с Хрутова Фьорда, потому что Торбьёрновы родичи набрали себе людей:

– А мы поддержим тебя, чем можем, в тяжбе об убийстве Атли.

После этого Греттир поехал на запад, через Перевал Лососьей Долины, и не останавливался, пока не приехал в Покосные Леса к Торстейну, сыну Кугги. Он провел там большую часть осени.

XLIX

Тородд Обрывок Драпы допытывался, кто убил Торбьёрна и его сына. И когда они приехали в Дымы, им рассказали, что Греттир приезжал туда и объявлял, что это он совершил убийство. Тородд уразумел теперь, как обстояло дело. Тогда он поехал в Скалу, – а там было много народу, – и спросил, дома ли Греттир. Хозяйка сказала, что он уехал, а будь он здесь, он, мол, не стал бы прятаться:

– Вам бы лучше оставить все как есть. Что бы ни случилось, это не чрезмерная месть за убийство Атли. Тогда-то вы не спрашивали, каково мне. А теперь пусть лучше все так и останется.

Они поехали восвояси, не видя, что тут можно предпринять.

Копье, потерянное Греттиром, нашлось совсем недавно, на памяти ныне живущих. Его нашли в последние годы жизни лагмана Стурлы, сына Торда^[103], в том болоте, где погиб Торбьёрн. Оно теперь зовется

Копейным Болотом, и в этом видят доказательство, что Торбьёрн был убит именно там, хотя кое-где говорят, будто его убили на Средней Луговине.

Родичи Торбьёрна узнали, что Греттир в Покосных Лесах. Тогда собрали они людей и решили двинуться в Покосные Леса. Но Гамли из Каменников, узнав об этом, сообщил Торстейну с Греттиром, что едут, мол, люди с Хрутова Фьорда. И когда об этом стало известно Торстейну, он послал Греттира в Междуречье, к Снорри Годи, потому что тогда они были в мире. Торстейн посоветовал Греттиру попросить у Снорри помощи. А если тот откажет, пусть Греттир едет на запад к Холмам Дымов, к Торгильсу, сыну Ари:

– Он-то уж, верно, приютит тебя на зиму. Держись лучше Западных Фьордов, пока все не уладится.

Греттир сказал, что последует его совету. Он поехал в Междуречье, встретился со Снорри Годи и попросил у него крова.

Снорри отвечает:

– Стар уж я становлюсь, и у меня нет больше охоты укрывать объявленных вне закона, если меня не заставляет нужда. А почему это старик тебя выпроводил?

Греттир сказал, что Торстейн уже не раз делал ему добро, но теперь, мол, его помощью не обойдется.

Снорри сказал:

– Я замолвлю за тебя слово, если тебе будет от этого прок. Что же до крова, так придется тебе поискать его в другом месте, но только не у меня.

На том они и расстались. Греттир повернул на запад к Мысу Дымов. Люди с Хрутова Фьорда подошли всей гурьбой к Самову Двору. Там они узнали, что Греттир уже уехал из Покосных Лесов, и повернули назад.

L

Незадолго до начала зимы Греттир явился на Холмы Дымов и попросился на зиму к Торгильсу. Торгильс сказал, что еда для него, как и для всякого свободного человека, всегда найдется, – но только здесь не очень утруждают себя стряпней. Греттир сказал, что это мало его заботит.

– Есть и еще одно затруднение, – сказал Торгильс. – Хотят остаться здесь на зиму одни мужи, нрава довольно-таки беспокойного, – это побратимы, Торгейр с Тормодом. Уж не знаю, как вы с ними уживетесь. Но они всегда найдут здесь стол и дом, когда только захотят. Можешь остаться здесь, если хочешь, но если будете досаждать друг другу, – вам это не пройдет.

Греттир сказал, что он-то никого не тронет, тем паче против воли хозяина.

Немного погодя приехали туда побратимы. У Торгейра с Греттиром не все шло гладко, но Тормод вел себя, как должно. Торгильс-хозяин сказал побратимам все то же, что и Греттиру, и они так его почитали, что не смели друг другу и поперек слова молвить, хотя согласия между ними не было. Так прошло начало зимы.

Рассказывают, что хозяину Торгильсу принадлежали те острова, что зовутся Островами Олава. Они лежат во фьорде, в полутора милях от Мыса Дымов. Торгильс-хозяин держал там тучного быка и осенью не забрал его оттуда. Торгильс не раз говорил, что надо привезти его к празднику середины зимы. И вот однажды побратимы сказали, что готовы съездить за этим быком, если найдется им в помощь кто-нибудь третий. Греттир вызвался ехать с ними, а они и рады.

Поехали они втроем на десятивесельнике. Было холодно, и дул северный ветер. Корабль их стоял у островка Китовый Череп. А как вышли они во фьорд, непогода разгулялась еще пуще. Они подошли к островам и забрали быка. Греттир спросил, что они выбирают: втаскивать на борт быка или держать корабль. А у острова была большая волна. Они попросили его поддержать корабль. Он стал у середины корабля с наружного борта, – а море доходило ему до самых плеч, и держал корабль так, что его и не качнуло. Торгейр взял быка сзади, а Тормод спереди, так и подняли его на корабль. Взялись за весла, и Тормод греб на носу, Торгейр посередине, а Греттир на корме. Держат они путь в глубь фьорда, и, едва прошли мимо Козлиной Скалы, налетел на них шквал. Тогда Торгейр сказал:

– Что там корма застряла?

Греттир отвечает:

– Будут хорошо грести посередине, так и корма не отстанет.

Тогда Торгейр так налег на весла, что выскочили обе уключины. Он сказал:

– Приналяг-ка, Греттир, пока я не поправлю.

Греттир навалился на весла, а Торгейр тем временем поправлял уключины. А когда Торгейр снова взялся грести, весла были так потрепаны, что Греттир сломал их о борт. Тормод сказал, что лучше уж грести послабее, да не ломать весла. Греттир схватил два бревна, лежавшие в корабле, просверлил большие дыры в верхней части борта и принялся грести так мощно, что каждая досочка трещала. Корабль был добрый, а мужи на нем дюжие, и они добрались до островка Китовый Череп. Греттир спрашивает, что они выбирают, вести ли домой быка или ставить в сарай корабль. Они выбрали ставить в сарай корабль, и так и поставили его со всей той водой, что была в нем, и со всем льдом, а он весь обледел.

А Греттир повел быка, и бык был очень неповоротливый и тучный. Он очень устал. Когда же они дошли до Воробьиного Двора, бык и совсем свалился. А побратимы пошли домой, потому что никто из них не захотел выручать Греттира. Торгильс справился о Греттире, и они

рассказали, где с ним расстались. Торгильс послал людей ему навстречу, и, подойдя к Пещерным Холмам, видят люди, что идет им навстречу человек и тащит на спине быка. А это пришел Греттир и принес быка. Подивились все, на что он способен, а Торгейра даже взяла зависть на силу Греттира.

Однажды вскоре после праздника середины зимы Греттир один пошел купаться в горячем источнике. Торгейр узнал об этом и сказал Тормоду:

– Пойдем посмотрим, что он сделает, если я нападу на него, когда он пойдет с источника.

– Не по душе мне это, – сказал Тормод, – и не дожدهшься ты от него ничего хорошего.

– Все равно пойду, – сказал Торгейр.

Спустился он с откоса, держа секиру наизготове. А Греттир пошел от источника, и, когда они поравнялись, Торгейр сказал:

– Правда ли, Греттир, будто ты говорил, что не побежишь от одного противника?

– За это не поручусь, – сказал Греттир, – но от тебя-то я вряд ли бегал.

Тогда Торгейр занес секиру. Но Греттир в тот же миг на него набросился и так его и грохнул оземь, мощным ударом. Тогда Торгейр сказал Тормоду:

– А ты так и будешь стоять, пока этот черт подминает меня под себя?

Тогда Тормод схватил Греттира за ноги и хотел стащить с Торгейра, но ничего не вышло. Он был опоясан мечом и хотел уже выхватить его. Но тут подошел Торгильс-хозяин и велел им образумиться и не лезть в драку с Греттиром. Они послушались и свели все это на шутку. Больше у них не было стычек, о которых стоило бы рассказать. Все находили, что Торгильсу выпала большая удача – укротить таких необузданных людей.

С приходом весны они разъехались. Греттир подался к Тресковому Фьорду. Его спрашивали, как ему понравились харчи и как ему жилось зимою в Холмах Дымов. Он ответил:

– Да так и жилось, что я бывал рад-радешенек своей еде, если только удавалось заполучить ее.

Потом он поехал через взгорье на запад.

LI

Торгильс, сын Ари, поехал в сопровождении многих людей на тинг. Туда собрались именитые люди со всей страны. Вскоре Торгильс повстречался с законоговорителем Скафти, и они разговорились. Скафти сказал:

– Правда ли, Торгильс, что у тебя зимовали трое самых своевольных мужей, и притом объявленных вне закона, и ты так их усмирил, что они не сделали друг другу никакого зла?

Торгильс сказал, что это правда. Скафти сказал:

– Вот это дело достойное именитого мужа. А что ты думаешь о их норове, и на что каждый из них способен?

Торгильс сказал:

– Всех их я знаю за людей большого мужества. Но двоим ведом страх, хоть и разного свойства: Тормод человек богобоязненный и крепок в вере, а Греттир так боится темноты, что по своей воле никуда бы не ходил с приходом сумерек. А вот Торгейр, мой родич, по-моему, ничего не боится.

– Такие они, видно, и есть, как ты говоришь, – сказал Скафти. На этом их разговор закончился.

На этом альтинге Торродд Обрывок Драпы начал тяжбу об убийстве Торбьёрна Бычья Сила, ибо на тинге Медвежачьего Озера он ничего не добился из-за родичей Атли. Он думал, что уж здесь-то от него так просто не отделаются. Родичи Атли обратились за советом к Скафти, и тот сказал, что видит законное основание для полной виры за убийство Атли. Потом дело передали на третейский суд, и таково было суждение большинства, что эти убийства, Атли и Торбьёрна, следует приравнять одно к другому. Узнав об этом, Скафти пошел к третейским судьям и спросил, на чем основано это решение. Они сказали, что убитые – ровня друг другу.

Скафти спрашивает:

– Что было прежде: осуждение Греттира или убийство Атли?

Посчитали и вышло, что Греттира объявили вне закона недель раньше, потому что это было на альтинге, а убийство сразу же после альтинга. Скафти сказал:

– Сдается мне, что, разбирая эту тяжбу, вы упустили из виду, что одной стороной оказался человек, объявленный вне закона и не имеющий права ни обвинять, ни защищаться. И я утверждаю, что Греттир не может быть участником тяжбы об убийстве. Пусть ее примет следующий, кому полагается по закону.

Тогда Торродд Обрывок Драпы сказал:

– Кто же тогда ответит за убийство Торбьёрна, моего брата?

– Это уж смотри сам, – говорит Скафти, – но родичи Греттира не станут расплачиваться за него или за его дела, если этим не купишь ему мира.

И когда Торвальду, сыну Асгейра, стало известно, что Греттира отстранили от тяжбы об убийстве, он стал выяснять, кому должно перейти ведение тяжбы. Вышло, что ближайшие родичи теперь Скегги, сын Гамли с Каменников, и Оспак, сын Глума с Косы, что у Горечи. Они были мужи воинственные и предприимчивые. Пришлось теперь Торродду

выложить виру за убийство Атли, а это было две сотни марок серебром. Тут Снорри Годи предложил:

– А не лучше ли будет вам, люди с Хрутова Фьорда, – сказал он, – если с вас снимут эту плату, а Греттира помилуют, ибо, думаю, что, объявленный вне закона, он причинит много зла.

Родичи Греттира очень за это ратовали, говоря, что не надо им тогда и денег, если Греттиру будет мир и прощение. Торродд сказал, что, видно, дело его зашло в тупик, и он со своей стороны готов прекратить его. Снорри посоветовал узнать сперва, согласится ли Торир из Двора на прощение Греттиру. Тот же, узнав об этом, очень разъярился и сказал, что Греттир как был вне закона, так и останется, и не то что помиловать его, а нужно положить за его голову больше, чем за любого отверженца. И так он этому воспротивился, что ничего из помилования не вышло. Гамли со своими получил деньги и сохранил их, а Торродд Обрывок Драпы никакой виры за своего брата Торбьёрна не получил. Они с Ториром оба положили деньги за голову Греттира, по три марки^[104] серебром. Это было всем в новинку, ибо прежде никогда не назначали более трех марок. Снорри сказал, что неразумно было лезть на рожон ради того, чтобы оставить вне закона человека, способного причинить столько зла, и что многие за это поплатятся. На этом люди разошлись и поехали с тинга домой.

LII

Греттир, перейдя через перевал Трескового Фьорда в Долгую Долину, стал запускать руку в чужое добро и забирал у тамошних жителей все, что хотел: у кого оружие, у кого одежду. Они по-разному расставались со своим добром, но стоило ему уйти, все заявили, что делали это по принуждению. В Озерном Фьорде жил тогда Вермунд Тоший, брат Стюра Убийцы. Он был женат на Торбьёрг, дочери Олава Павлина, сына Хёскульда. Ее прозывали Торбьёрг Толстая. В то время как Греттир находился в Долгой Долине, Вермунд был на тинге.

Греттир перешел через гребень к Жилью у Горячих Источников. Там жил человек по имени Хельги. Он был там из лучших хозяев. Греттир взял у него доброго коня. Потом он отправился в Упряжечную Долину. Там жил человек по имени Торкель. Он жил в достатке, но сам мало чего стоил. Греттир взял у него все, что хотел, а тот не посмел ни дать ему отпор, ни даже слова молвить. Оттуда Греттир поехал на Пески и дальше по всему фьорду, забирая с каждого двора еду и одежду, и многим крепко от него доставалось, и было им это в тягость. Греттир вел себя дерзко и нисколько не остерегался. Так он добрался до самой Долины Озерного Фьорда и отправился там на летовья. Он провел там много ночей, лежал себе в лесу, спал и ничего не боялся. А пастухи узнали про это и пошли по дворам, рассказывая, что появился в округе

нечистый, с которым нелегко будет справиться. Тогда жители собрались все вместе, числом три десятка, спрятались в лесу, чтобы Греттир не проведал, и подослали пастухов разнюхать, когда будет лучше напасть на него. Но они еще не знали наверное, кто это.

Вот однажды случилось, что когда Греттир лежал и спал, подкрались к нему эти люди и, увидев его, сговорились, как лучше его захватить, чтобы меньше было потерь в людях, и решили так, что пусть десятеро на него набросятся, а другие вяжут ему ноги.

Сказано – сделано. Накинулись они на него, но Греттир как рванется – они все так и покатались. Он же приподнялся на четвереньки, и тут они набросили ему на ноги путы. Тогда Греттир дал двоим по уху, и они оба свалились замертво. Тут навалились на него всей силой, но он отбивался долго и упорно. Все же кончилось тем, что они его уложили и связали. Потом принялись они рассуждать, как поступить с ним. Они просили Хельги из Жилья у Горячих Источников взять его к себе, под свой присмотр, покуда не вернется с тинга Вермунд. Хельги сказал:

– Найдутся для моих работников дела и поважнее, чем сторожить его, земли-то у меня хватает. Так что этот путь для него заказан.

Тогда стали они просить Торкеля из Упряжечной Долины взять Греттира к себе, говоря, что он человек с достатком. Торкель ни в какую:

– Я, – говорит, – живу один в доме со своей старухой, ото всех в отдалении. Вам не удастся взвалить на меня эту обузу.

– Ты, Торальв с Песков, – говорят они, – возьми Греттира к себе и позаботься о нем до конца тинга. А не то отвези его с плеч долой на ближайший двор, да смотри, чтобы он не сбежал. Оставь им его связанным, каким берешь к себе.

Тот отвечает:

– Не хочу я брать к себе Греттира, ведь у меня нет ничего за душой, чтобы содержать сто. И не на моей земле его схватили. Не велика честь, а хлопот не счесть брать его к себе и что-то с ним делать. Так что ноги его не будет в моем доме.

Так они перебрали всех хозяев, но каждый находил отговорку. Об этом их разговоре веселые люди сложили стишок «Хлопоты с Греттиром»^[105], и в нем было много смешных слов людям на потеху. Долго так проговорив, согласились они на том, что нечего обращать свое счастье в несчастье, взялись за дело и поставили в лесу виселицу, и решили повесить Греттира, и очень галдели по этому поводу.

Тут они видят: едут вверх по долине трое и один в крашеной одежде. Они смекнули, что это, верно, Торбьёрг-хозяйка с Озерного Фьорда. Так оно и было: она направлялась к летовью. Она была женщина недюжинная и большой мудрости. Когда Вермунд бывал в отъезде, она распоряжалась в округе и заправляла всеми делами. Она

свернула к толпе, и ее сняли с седла. Люди учтиво ее приветствовали. Она сказала:

– Что тут у вас за совет? И кто этот толстоший, что сидит тут связанный?

Греттир назвал ее и приветствовал ее. Она спрашивает:

– Что привело тебя, Греттир, к тому, чтобы задевать людей из моей округи?

– Всего не предусмотреть. Где-то ведь надо мне быть.

– Нету тебе удачи, – говорит она, – раз дошло до того, что схватили тебя эти людишки. Но что вы думаете с ним делать?

Те сказали, что думают повесить его за все бесчинства. Она отвечает:

– Может быть, это будет Греттиру и по заслугам, но не много ли вы на себя берете, люди с Ледового Фьорда, – лишать Греттира жизни, ведь он человек знатный, хоть и неудачник. А что ты, Греттир, согласен сделать для своего спасения, если я дарю тебе жизнь?

Он отвечает:

– А чего ты хочешь?

– Ты должен дать клятву, – говорит она, – не бесчинствовать здесь, на Ледовом Фьорде. Ты не должен также мстить никому из тех, кто участвовал в нападении на тебя.

Греттир сказал, что ее, мол, воля. Тогда его освободили. И он говорил, что это было труднейшее испытание для его выдержки – не ударить никого из тех, кто над ним измывался. Торбьёрг пригласила его к себе и дала ему коня. Он поехал к ней в Озерный Фьорд и оставался там, пока не вернулся Вермунд, и хозяйка хорошо с ним обходилась. Это очень прославило ее по всей округе. Вермунд нахмурился, вернувшись домой и узнав, почему там был Греттир. Торбьёрг рассказала, что у него вышло с людьми с Ледового Фьорда.

– Чем это он заслужил, – сказал Вермунд, – что ты даровала ему жизнь?

– Многие были на то причины, – сказала Торбьёрг. – И первое, что тебе будет больше почета, раз у тебя жена на такое отважилась. Вдобавок и Хрефна, его родственница, того бы хотела, чтобы я не допустила убить его. А в-третьих, он и сам величайший герой во многом.

– Всем ты мудрая женщина, – сказал Вермунд, – и прими от меня благодарность.

Потом он сказал Греттиру:

– Незавидная твоя судьба, что такого, как ты, героя, и схватили подобные людишки. Но так всегда бывает со смутьянами.

Тогда Греттир сказал вису:

Чуял скальд

Неспроста на фьорде

Гнета вод ^[106]

Свою погибель,

Когда вечер
Старые черти
Крепко его
За горло схватили.

– Что они хотели с тобой сделать, – сказал Вермунд, – когда схватили?

Греттир сказал:
К петле меня
Приговорили,
К плате, что взял
С зятя Сигар^[107],

Да на беду
Себе рябину^[108],
Славой венчанную,
Повстречали.

Вермунд сказал:

– И ты думаешь, они бы тебя повесили, если бы никто не вмешался?

Греттир сказал:
Скальд бы и впрямь
В силок попался,
В петлю сам
Голову сунул,

Если бы тут
Не подоспела
Торбьёрг к нему —
Хвала премудрой!

Вермунд сказал:

– И она пригласила тебя к себе?

Греттир отвечает:
Доброго мне
Коня велела
Подать опора
Недруга турсов^[109].

Милость она
Мне оказала:
Домой привела,
Одарила волей.

– Великая ждет тебя жизнь и полная невзгод, – говорит Вермунд, – и вот тебе урок остерегаться врагов. Но у меня нет желания оставлять тебя здесь, навлекая гнев многих могущественных людей. Лучше бы ты обратился к своим родичам. Мало кто захочет принять тебя, если можно этого и не делать. Да и ты нелегко подчиняешься чужой воле.

Греттир недолго пробыл в Озерном Фьорде и поехал оттуда в Западные Фьорды, обращаясь за поддержкой ко многим знатным людям. Но у тех всегда находился повод отказать ему, так его никто и не принял.

LIII

К исходу осени Греттир повернул на юг и нигде не останавливался, пока не приехал в Покосные Леса к Торстейну, сыну Кугги, своему родичу, и тот хорошо его принял. Торстейн предложил Греттиру перезимовать у него, и тот согласился. Торстейн был человек очень работающий и искусный в ремеслах, и люди у него сложа руки не сидели. Греттир же не был охоч до работы, и поэтому между ними было мало согласия.

Торстейн построил у себя при дворе церковь, а от дома он велел сделать мост. Мост был построен с великим искусством. С наружной стороны моста, под балками, которые его поддерживали, были приделаны кольца и колокольчики, и когда кто-нибудь проходил по мосту, звон стоял до самого Бакланового Двора, а это в полумиле оттуда. Торстейн делал эту работу с великим тщанием, ибо он был искуснейшим кузнецом. Греттир был куда как силен ковать железо, но не всегда у него лежала душа к работе. Все же он вел себя в ту зиму смирно, так что нечего и рассказывать.

Люди с Хрутова Фьорда, узнав, что Греттир у Торстейна, собрали с приходом весны людей. Торстейн же, узнав про это, сказал Греттиру, чтобы тот искал себе другого пристанища.

– Ибо я вижу, что ты не желаешь работать. Мне же ни к чему люди, что не работают.

– Куда же ты меня отправишь? – говорит Греттир.

Торстейн посоветовал ему ехать на юг, к своим родичам.

– Но приезжай, если они не помогут.

Греттир так и сделал, поехал на юг, к Городищенскому Фьорду, встретился с Гримом, сыном Торхалля, и пробыл у него до конца тинга. Грим направил его к законоговорителю Скафти с Уступов. Греттир ехал на юг нижним взгорьем и не останавливался, пока не приехал в Междуречье, к Торхаллю, сыну Асгрима, сына Ладейного Грима. Жилья он избегал. Торхалль принял Греттира в память дружбы их предков^[110], да и Греттир подвигами прославил свое имя по всей стране. Торхалль

был человек мудрый и хорошо обошелся с Греттиром, но и он не хотел, чтобы тот долго у него оставался.

LIV

Из Междуречья Греттир отправился в Соколиную Долину, а оттуда на север, на Киль, и летом долго держался тех мест. Люди, ездившие по Килью на север или с севера, не могли быть спокойными за свою поклажу: Греттиру случалось и отбирать ее, ибо он терпел нужду во многом.

Однажды, когда Греттир ехал на север Дорогой Голубиноного Клюва, он увидел, что с севера скачет по Килью человек. Он был большого роста и сидел на добром коне с наборной уздечкой. На поводу он вел лошадь, навьюченную тюками. Капюшон был низко надвинут ему на глаза, так что лица нельзя было разглядеть.

Греттиру приглянулись его конь и поклажа, и он направился к нему, поздоровался и спросил, как его зовут. Тот назвался Лофтом.

– А я знаю твое имя, – сказал он. – Ты, верно, Греттир Силач, сын Асмунда. Куда путь держишь?

– Этого я еще не решил, – сказал Греттир. – А подъехал я затем, чтобы узнать, не поделишься ли ты со мной своей поклажей.

Лофт отвечает:

– Зачем это я буду отдавать тебе свое добро? Что ты дашь мне взамен?

Греттир отвечает:

– Разве ты не слыхал, что я не привык расплачиваться? И люди почитают за лучшее отдать мне то, что я хочу.

Лофт сказал:

– Ставь свои условия тем, кому они нравятся. Я же не отдам так просто того, что мне принадлежит. Лучше нам разъехаться подобру-поздорову.

И он проехал мимо Греттира и пришпорил коня. Греттир сказал:

– Нет, мы так скоро не расстанемся. – И схватил Лофтова коня за поводья у самых удили и крепко держит обеими руками.

Лофт сказал:

– Езжай своей дорогой. Ничего я тебе своею волей не отдам.

– Это мы посмотрим, – сказал Греттир.

Лофт нагнулся, взялся за нащечный ремень, дотянулся до повода между кольцами и руками Греттира и потянул так сильно, что Греттиру было не удержать повода. Так он и вырвал у Греттира всю уздечку. Греттир поглядел себе на ладони и подумал, что у этого человека недюжинная сила. Взглянув на него, он сказал:

– Куда ты теперь направляешься?

Лофт в ответ говорит:

Мне идти
В котел гремучий,
Открытый ветрам^[111]
Под свод лдяный^[112].

Там меж скал
Сыскать сможет
Моин^[113] мужа
По имени Халльмунд^[114].

Греттир сказал:

– Пожалуй, и не найдешь твоего жилья, если ты не скажешь яснее.

Тогда тот сказал:

Мне не скрыть
От тебя, Греттир,
Если в тот край
Направиться хочешь,

Что Шаровой
Ледник людям
Всем окрест
Верно известен.

На этом они расстались. Греттир увидел, что ему не осилить этого человека. Тогда Греттир сказал вису:

Атли, медлительный в битвах,
Доблестный Иллуш – оба
Были далеко от скальда
В час для него злосчастный,

Когда бродяга ничтожный,
Лофт, ухватил поводья.
Липа запястий^[115] заплачет,
Если сын оплошает.

После этого Греттир отправился с Киля на юг и поскакал к Уступам и, встретившись со Скафти, стал просить у него пристанища. Скафти отвечает:

– Рассказывают мне, что ты очень беспокойно себя ведешь и отнимаешь у людей добро. Это совсем не к лицу человеку из такого рода. Нам будет легче договориться с тобой, если ты перестанешь грабить. Но я ношу имя законоговорителя в этой стране, так что мне не пристало укрывать объявленных вне закона, преступая тем самым закон. Поищи лучше себе такое место, где бы тебе не приходилось посягать на чужое добро.

Греттир сказал, что он бы рад, но прибавил, что ему немогуту жить одному, потому что он боится темноты. Скафти сказал, что придется уж ему довольствоваться не самым для себя лучшим:

– И никому слишком не доверяйся, дабы не вышло снова, как на Западных Фьордах. Многих погубила чрезмерная доверчивость.

Греттир поблагодарил его за добрый совет и осенью снова повернул к Городищенскому Фьорду и поехал к своему другу Гриму, сыну Торхалля, и пересказал ему слова Скафти. Грим посоветовал ему поехать на север, к Рыбным Озерам, на Взгорье Орлиного Озера. Греттир так и сделал.

LV

Греттир поднялся на Взгорье Орлиного Озера, построил себе хижину – следы ее видны и поныне – и там поселился, ибо он хотел теперь обойтись без грабежей. Он раздобыл себе сети и лодку, ловил рыбу и тем кормился. Ему было тоскливо жить на этих горах, потому что он очень боялся темноты. Когда другие объявленные вне закона узнали, что там поселился Греттир, многие загорелись желанием пойти к нему, ибо они очень надеялись на его поддержку.

Гримом звали одного северянина, объявленного вне закона. Люди с Хрутова Фьорда подкупили его, чтобы он убил Греттира, и сулили ему за это свободу и денег. Он отправился к Греттиру и попросился к нему на житье. Греттир отвечает:

– Не знаю, что тебе за выгода жить со мною. За вами, бродягами, только и смотри. Но тяжело мне жить в одиночестве, да и нет у меня выбора. Учти, однако: я возьму только того, кто не будет чураться никакой работы.

Грим сказал, что он ни на что другое и не рассчитывал. И он так насел на Греттира, что тот поддался на уговоры и пустил его к себе. Грим пробыл там до самой зимы и все искал случая убить Греттира. Он все никак не мог напасть на Греттира, ибо тот подозревал его и ни днем ни ночью не расставался с оружием. И Грим не смел напасть на него, когда он не спит.

Вот как-то утром, вернувшись с озера, Грим вошел в хижину и стал нарочно топать, чтобы узнать, спит ли Греттир. А тот лежит тихонько и не шелохнется. Меч висел у Греттира над изголовьем. Грим думает, что лучшего случая не представится. Он шумит вовсю, чтобы Греттир подал голос. Но все впустую. Тогда он уверился, что Греттир спит, подкрался бесшумно к постели, дотянулся до меча, снял его со стены и выхватил из ножен. В тот же миг Греттир соскочил на пол, одною рукой схватил меч, когда тот уже заносил его, другой схватил за шиворот Грима и так швырнул его наземь, что тот рухнул ни живой ни мертвый.

– Вот они, твои обещания, – сказал Греттир.

Он заставил того рассказать всю правду, а потом и убил. Теперь Греттир понял, что это такое – пускать к себе объявленных вне закона. Так прошла зима. Ничто так не мучило Греттира, как его боязнь темноты.

LVI

Торир из Двора узнал теперь, где поселился Греттир, и решил во что бы то ни стало убить его. Жил один человек, Торир Рыжая Борода, собой дюжий и убивший многих. За это он был объявлен вне закона по всей стране. Торир из Двора послал за ним, а когда они встретились, попросил Рыжую Бороду поехать и убить Греттира Силача. Рыжая Борода сказал, что это работа не из легких: Греттир человек мудрый и осмотрительный. Но Торир убеждал его решиться, говоря:

– Этот подвиг как раз для такого героя, как ты. А я уж вызволю тебя и дам еще денег вдоволь.

Тогда Рыжая Борода согласился. Торир объяснил ему, что и как надо делать, дабы одолеть Греттира. После этого Рыжая Борода поехал на восток, чтобы Греттир не заподозрил, откуда он. Он приехал на Взгорье Орлиного Озера, когда Греттир уже прожил там год. И встретившись с Греттиром, он стал проситься к нему на житье.

Тот отвечает:

– Я не позволю, чтобы кто-нибудь снова сыграл со мною такую шутку, как этот, что приходил прошлой осенью. Как он только ко мне ни подлизывался, а пожил немного и пытался меня убить. Теперь уж я не пойду на то, чтобы пускать к себе объявленных вне закона.

Торир отвечает:

– Да, у тебя есть причины мало доверять объявленным вне закона. Может, ты и слыхал рассказы о том, как я убивал и бесчинствовал, но только не о том, чтобы я сделал такую подлость – предал своего хозяина. Тем и худо быть худым, что чего только ему ни приписывают. Я бы и сам сюда не явился, будь у меня выбор. Но если мы объединимся, то как-нибудь не пропадем. Можешь сперва испытать меня: гони меня прочь, если что не так.

Греттир отвечает:

– Ладно, возьму тебя, попробую еще раз. Но будь уверен: если я заподозрю тебя в предательстве, не быть тебе живу.

Торир сказал, что пусть так и будет. Тогда Греттир впустил его и убедился, что он работает за двоих, за что бы ни взялся. Куда Греттир ни пошлет его, он готов на все. Самому Греттиру ничего и делать не приходилось, и никогда не жилось ему так вольготно с тех пор, как он был объявлен вне закона. Но он был так осторожен, что Торир все не находил случая напасть на него.

Торир Рыжая Борода прожил на взгорье с Греттиром два года, и стало ему прискучивать такое житье. Вот он раздумывает, как бы ему усыпить бдительность Греттира. Как-то весною случилась ночью сильная буря, когда они оба спали. Греттир проснулся и спросил, где их лодка. Торир вскочил на ноги, побежал к лодке, всю ее разломал и разбросал обломки во все стороны, как будто это буря ее разбила. Потом он возвращается в хижину и громко говорит:

– Не повезло нам, приятель, всю нашу лодку разбило, а сети унесло далеко в озеро.

– Так вытащи их, – сказал Греттир, – ибо мне сдается, что это по твоей вине разбита лодка.

Торир отвечает:

– Наверяд ли я к чему так мало способен, как к плаванию. А во всем прочем я, по-моему, со всяким поспорю. Ты и сам мог убедиться, что тебе не приходилось работать с тех пор, как я пришел к тебе. Я бы и сейчас не стал тебя просить, если бы сам мог.

Греттир поднялся, взял оружие и пошел к озеру. В озеро вдавался мыс, а с другой стороны мыса была большая бухта. Там было глубоко у самого берега, и берег подмыло, так что образовался омут. Греттир сказал:

– Ну-ка, прыгай за сетью, а я погляжу, на что ты годен.

– Я уже говорил тебе, – сказал Торир, – что не умею плавать. И не знаю, куда же подевалось все твое геройство и отвага.

– Я бы мог достать сети, – сказал Греттир, – но смотри не предай меня, раз я тебе доверяю.

Торир отвечает:

– Неужто ты думаешь, что я способен на такую низость и подлость?

Греттир сказал:

– От тебя самого зависит, кем ты себя покажешь.

Потом он сбросил с себя одежду и оружие и пустился вплавь за сетью. Он свернул ее, поплыл к берегу и выбросил сеть на берег. И когда он собирался выходить из воды, Торир схватил меч и быстро обнажил его. Когда же Греттир подымался на берег, Торир бросился ему навстречу и взмахнул мечом. Но Греттир упал спиной в воду и камнем погрузился на дно. Торир уставил взгляд на воду, готовясь не пустить Греттира на берег, если тот попытается выйти. Греттир поплыл под водой, держась у самого берега, чтобы Торир его не увидел, и плыл до самой бухты, что была у него за спиной, и вышел на берег. Торир всего этого не видел. Он спохватился не раньше, чем Греттир перебросил его через голову и так швырнул наземь, что меч выскочил у Торира из руки. Греттир завладел мечом и, не тратя слов, отрубил ему голову. И пришла ему смерть. После этого Греттир уже никогда не пускал к себе объявленных вне закона, но он с трудом сносил одиночество.

На альтинге Торир из Двора узнал о том, что Торир Рыжая Борода убит. Теперь он убедился, что нелегко иметь дело с Греттиром. Тогда он поехал с тинга на запад нижним взгорьем и, взяв с собою чуть ли не восемь десятков человек, задумал лишить Греттира жизни. Но Грим, сын Торхалля, узнав об этом, предупредил Греттира и просил его быть осторожнее. Греттир не переставая следил за всеми, кто там проезжал. Как-то раз увидел он, что едет много людей и прямо к его жилью. Тогда он прыгнул в одно ущелье между скалами, но убегать не хотел, пока не увидит всех, сколько их там было. Тут и подошел к нему Торир со всеми своими людьми и велел им расправиться с преступником, говоря, что теперь его песенка спета. Греттир отвечает:

– Не говорит «гоп», пока не перепрыгнешь. Издалека вы сюда приехали, и, прежде чем нам расстаться, кое-кто получит на память отметины.

Торир стал так и сяк подстрекать людей к нападению. Ущелье это было такое узкое, что Греттир легко мог оборонять его с одного конца. Но чему он удивлялся, так это тому, что они не зайдут ему со спины, чтобы вернее поразить его. Одни из людей Торира погибли, другие были ранены, но они так ничего и не добились. Тогда Торир сказал:

– Слышал я, что Греттир прославлен своим мужеством и геройством, но не знал, чтобы он был настолько сведущ в колдовстве. Ведь за спиной у него падает мужей вдвое больше, чем спереди. Вижу я, что мы сражаемся с великаном, а не с человеком.

Говорит он им тогда, что надо уходить. Так они и сделали. А Греттир не мог понять, как это все получилось. Но он был очень изумлен. Торир со своими людьми повернул назад, и поскакали они на север. Люди считали, что они покрыли себя позором. Торир потерял восемнадцать человек, и многие были ранены.

Греттир же пошел к другому концу ущелья и встретил там огромного человека. Тот сидел прислонясь к скале, весь израненный. Греттир спросил, как его зовут. Тот назвался Халльмундом:

– И добавлю, чтобы ты получше меня вспомнил: тебе показалось, что я крепко взялся за уздечку, когда мы прошлым летом встретились с тобой на Киле. Но теперь я, по-моему, заплатил тебе за это.

– Еще бы! – сказал Греттир. – Не знаю, смогу ли я когда-нибудь с тобой рассчитаться, но ты выказал великое благородство.

Халльмунд сказал:

– А теперь хочу я, чтобы ты пошел ко мне домой, потому что тебе, верно, тоскливо здесь на взгорье.

Греттир сказал, что он пойдет с радостью. Пошли они оба на юг, к Круглому Леднику. Халльмунд жил там в большой пещере, а с ним его дочь, уже взрослая и собой пригожая. Они хорошо приняли Греттира, и

дочка вылечила их обоих. Греттир долго жил там летом. Он сочинил стихи в честь Халльмунда. Там есть такие слова:
Халльмунд широким шагом
Шел по чертогам горным.

Еще там есть такая виса:
Жадный до лязга железа^[116]
Резал дороги крови^[117]
Злобный дракон шлемов^[118]
Возле Орлиного Озера.

Править пора тризну
По многим, кто там дрался.
Бойцов Бочажной Округи
Сталью разил Халльмунд.

Рассказывают, что Греттир убил в той битве шестерых, а Халльмунд – дюжину.

К концу лета Греттира потянуло назад, к людям, повидаться с друзьями своими и родичами. Халльмунд просил его наведываться, когда он будет на юге страны, и Греттир пообещал. Он поехал теперь на запад, к Городищенскому Фьорду, а оттуда – в Долины Широкого Фьорда и спросил совета у Торстейна, сына Кугги, куда ему теперь податься. Но Торстейн сказал, что прибавилось у него противников и мало кто захочет пустить его к себе.

– Но можешь съездить на юг, на Болота, посмотреть, как там и что.
Осенью Греттир поехал на юг, на Болота.

LVIII

На хуторе Островок жил тогда Бьёрн Боец Долины Хит. Он был сыном Арнгейра, сына Берси Безбожника, сына Бальки, который занял Хрутов Фьорд, как уже рассказывалось. Бьёрн был человек очень знатный и духом твердый, и он всегда пускал к себе объявленных вне закона. Греттир пришел в Островок, и Бьёрн хорошо его принял, потому что их предки дружили друг с другом. Греттир спрашивает, не согласится ли он как-нибудь помочь ему. Бьёрн сказал, что Греттир нажил себе по всей стране столько врагов, что люди поостерегутся укрывать его, дабы их самих не объявили вне закона.

– Но я охотно пойду тебе навстречу, если ты не тронешь тех, кто живет под моей защитой, как бы ты там ни поступал с другими людьми в округе.

Греттир согласился. Бьёрн сказал:

– И вот что я придумал. На горе, что отходит к западу от Реки Хит, есть одно место, удобное и для обороны, и для укрытия, если с умом его устроить. В горе там дыра, сквозь которую видна дорога, потому что дорога проходит как раз под тем местом, а прямо под ним – песчаный обрыв такой крутизны, что мало кто подберется к укрытию, если его обороняет хоть один стоящий муж. По-моему, лучшего и более подходящего места и не придумать. К тому же оттуда легко ходить за припасами хоть на Болота, хоть к морю.

Греттир сказал, что он во всем полагается на предусмотрительность Бьёрна, раз он хочет как-то помочь ему. Греттир направился на Гору Красивых Лесов и там устроился. Дыру он завесил серой сермяжиной, и с дороги казалось, будто видно сквозь дыру. За припасами он наведывался на хутора, и люди с Болот считали, что подобный гость несет им одни несчастья.

Торд, сын Кольбейна, жил тогда на Мысу Хит. Он был хороший скальд. В то время была страшная вражда между ним и Бьёрном, и Бьёрн не так чтобы очень возражал, если Греттир когда и вольничал с людьми Торда или его добром. Греттир подолгу бывал у Бьёрна, и они часто мерялись силой и ловкостью. В саге о Бьёрне^[119] говорится, что их считали равными по силе во всяких играх. Но большинство людей все же считает, что Греттир был самый сильный человек в Исландии с тех самых пор, как тягались силой Орм, сын Сторольва, и Торальв, сын Скольма. Греттир с Бьёрном проплыли зараз всю Реку Хит – от озера и до моря. Они наносили в реку камней для переправы, и ни разлив, ни ледостав, ни ледоход так и не снесли с тех пор эти камни. Греттир провел зиму на Горе Красивых Лесов, и никто на него не нападал. И хоть многие лишались из-за него добра, ничего нельзя было поделать, потому что жилье его было неприступно и потому что он всегда был в дружбе со своими ближайшими соседями.

LIX

Был человек по имени Гисли. Он был сыном того Торстейна, которого велел убить Снорри Годи^[120]. Гисли был человек рослый и сильный, нарядно одевался, носил дорогое оружие и любил пошуметь и похвастаться. Он был мореход и пришел летом в Исландию, в Белую Реку. Минул уже год, как Греттир жил в горах. Торд, сын Кольбейна, поехал к кораблю. Гисли хорошо его встретил и предложил товар на выбор. Торд принял предложение, и они разговорились. Гисли сказал:

– Правду ли мне рассказывали, будто вы не придумаете, как отделаться от преступника, который всячески вам досаждает?

Торд сказал:

– Мы еще не пытались. Но многие считают, что голыми руками его не возьмешь, и многие имели случай в том убедиться.

– Похоже на то, что вам не справиться с Бьёрном, если вы не прогоните Греттира. И хуже всего, что я-то буду слишком далеко зимой, чтобы помочь делу.

– Для тебя было бы лучше знать его только по слухам.

– Что ты мне рассказываешь про Греттира! – сказал Гисли. – Я и не то изведаль, когда ходил в походы с конунгом Кнутом Могучим в западные моря. И я, кажется, умел постоять за себя. Пусть он только мне попадется, уж я тогда испытаю силу своего оружия.

Торд отвечает, что он потрудится не задаром, если порешит Греттира:

– За его голову положили больше денег, чем за любого другого объявленного вне закона. Сперва шесть марок серебром, а этим летом Торир из Двора прибавил еще три марки. Но люди думают, что тому, кто их получит, придется изрядно потрудиться.

– За деньги люди на все способны, – сказал Гисли, – а мы, торговые люди, тем паче. Но нам надо держать этот разговор в тайне: он, верно, насторожится, узнав, что мы с тобой задумали. Зимой я собираюсь быть на Гребне Волны. Не на нашем ли пути его укрытие? К этому-то он, верно, не приготовится. Я не стану тащить с собою много народа, чтобы напасть на него.

Торд был очень доволен этим замыслом. Он поехал домой, и никому ни словом об этом не обмолвился. Но вышло по поговорке: и стены имеют уши. При этом их разговоре с Гисли случилось быть людям, водившим дружбу с Бьёрном с Долины Хит, и они слово в слово ему рассказали. А Бьёрн передал при встрече Греттиру, говоря, что теперь-то те узнают, как идти против него.

– Было бы совсем неплохо, – сказал Бьёрн, – если бы ты не убивал его, а проучил как следует, если выйдет.

Греттир ухмыльнулся, но ничего не сказал на это. Осенью, незадолго до загона овец, Греттир спустился на равнину и раздобыл себе четырех баранов. Жители, узнав об этом, отправились за ним вдогонку. И они поравнялись с ним в то самое время, как он подходил к обрыву, и решили отогнать от него баранов. Но они не хотели нападать на него с оружием. Их было шестеро, и они загородили ему дорогу. Он же разозлился, что останется без баранов, схватил двоих бондов и сбросил с обрыва, так что они рухнули замертво. Остальные, увидев это, пошли на него, да без прежнего задора. Греттир взял баранов, сцепил их рогами, взвалил, по два, на плечи и поднялся к себе в укрытие. Бонды повернули назад, думая, что все обернулось против них, и были еще меньше, чем прежде, довольны своею судьбой.

Гисли оставался осенью при своем корабле, пока не настало время ставить его на катки. Не обошлось без задержек, поэтому он опоздал со сборами и выехал незадолго до первых зимних ночей. Он проехал на север и заночевал под Лавовым Полем, на южном берегу Реки Хит.

Утром, прежде чем отправиться дальше, Гисли заговорил со своими спутниками:

– Дальше мы поедem в крашенных одеждах. Пускай видит этот преступник: мы не то что всякие прочие, что тут каждый день разъезжают.

Они – а их было всего трое – так и сделали. И когда они переехали реку, Гисли снова заговорил:

– Здесь, говорили мне, и живет преступник, вон на той вершине. Нелегко туда пробраться. И неужто ему самому не захочется спуститься к нам и посмотреть на наши вещи?

Те сказали, что это он любит.

В то утро Греттир рано встал в своем укрытии. Было холодно, подморозило, и выпал снежок. Он увидел, что едут с юга через Реку Хит трое мужей, сверкая нарядами и поливанными щитами. Он понял, кто это может быть, и он подумал, что стоит, пожалуй, кое-чем у них поживиться. Его разбирало любопытство взглянуть на тех, кто так нарядился. Он берет оружие и сбегает с обрыва. А Гисли, услышав, что посыпались камни, сказал:

– Спускается со склона человек, и преогромный. Он хочет с нами встретиться. Покажем себя, ведь добыча идет прямо в руки.

Его люди сказали, что человек этот не побежал бы им в руки, если бы не был так в себе уверен, и пусть, мол, получит, чего добивался. И они соскочили с коней. Тут Греттир и подошел к ним. Он взялся за куль с одеждой, что был за седлом у Гисли, и сказал:

– Это я возьму себе, я часто довольствуюсь малым.

Гисли отвечает:

– Этому не бывать! Или ты не знаешь, с кем имеешь дело?

Греттир отвечает:

– А это мне все равно: я не делаю различий между людьми, когда прошу такие пустяки.

– Для тебя это, может быть, и пустяки, – говорит Гисли, – а я бы лучше лишился тридцати сотен локтей сермяжины. Но ты, однако, слишком много себе позволяешь. Ну-ка, ребята, нападem на него, посмотрим, чего он стоит.

Они так и сделали. Греттир подался назад, ступил за камень, что стоит там у дороги – он зовется Греттиров Подым, – и стал обороняться. Гисли всю подбадривал своих людей. Греттир увидел, что он вовсе не такой смельчак, за какого выдавал себя, потому что он прятался все больше за чужие спины. Греттиру надоело так топтаться, он размахнулся мечом и зарубил насмерть одного из людей Гисли. Он отбежал теперь от камня и так нападает, что Гисли стал отступать вдоль горы. Тут погиб и второй его спутник. Тогда Греттир сказал:

– Не видно по тебе, чтобы ты отличался в битвах. И плохо, что ты бросил своих товарищей.

Гисли отвечает:

– Своя рубашка ближе к телу, и плохо сражаться с чертом.

Не обменялись они и несколькими ударами, как Гисли бросил оружие и пустился во всю прыть вдоль горы. Греттир дал ему сбросить с себя все, что он захочет, и Гисли пользовался всякой возможностью, чтобы сбросить с себя что-нибудь из одежды. Греттир бежал ровно настолько быстро, чтобы держаться на некотором от него расстоянии. Гисли обежал всю гору, а там через Долину Холодной Реки, через Склон Аслауг, мимо Кольбейнова Двора и до самой Городищенской Лавы. Гисли был к этому времени в одном белье, и совсем замучился. Но Греттир все время был у него за спиной – вот-вот схватит. Он сорвал большой прут. Гисли не останавливался, покуда не добежал до Реки Морского Фьорда. Вода в ней поднялась, так что вброд не перейти. Гисли уже совсем думал прыгать в реку, но тут Греттир бросился к нему, схватил, и стало ясно, кто сильнее. Греттир подмял его под себя и сказал:

– Не ты ли тот Гисли, что хотел встретиться с Греттиром, сыном Асмунда?

Гисли отвечает:

– Я уже с ним встретился, да не знаю, как мы расстанемся. Бери себе все, что ты захватил, только отпусти меня.

Греттир сказал:

– Боюсь, до тебя плохо дойдут мои слова. Лучше сделаю я тебе заметку на память.

Задрал ему рубаху через голову, да и давай охаживать прутом по спине и по бокам. Гисли все пытался от него увернуться. Исхлестал его Греттир всего кругом и выпустил. Подумалось тогда Гисли, что лучше ему не знаваться с Греттиром, чем заработать еще раз такую взбучку. Больше он никогда на такую порку не напрашивался. Едва почуяв под собой ноги, прыгнул он в глубокий омут, переплыл реку и добрался ночью на хутор, что зовется У Конского Холма, чуть живой от усталости. Он пролежал там неделю, и все тело у него вспухло. После этого он отправился к месту своей зимовки. Греттир же повернул назад, подобрал брошенные Гисли вещи и отнес их к себе, только Гисли их и видел. Многие думали, что Гисли получил по заслугам за свою болтовню и бахвальство.

Греттир так сказал об их встрече:

Если какая кусаться
Плохо умеет лошадь,
Зря не ползет в драку.
Прочь от других ускачет.

А наш неумный Гисли
Взопрел, удирая от Греттира.
Вовсе Фрейр поединков^[121]
Стыд растерял по дороге.

Весною Гисли собрался ехать к своему кораблю и пуще всего позаботился о том, чтобы ничего из его товара не везли на юг мимо той горы. Он говорил, что там живет сам дьявол. Гисли ехал на юг вдоль берега до самого корабля, и больше они с Греттиром не встречались. С тех пор никто не считал его за важную птицу, и он больше не упоминается в этой саге. Но усилилась теперь вражда между Тордом, сыном Кольбейна, и Греттиром. И Торд решил ни перед чем не останавливаться, либо прогнать Греттира, либо убить его.

LX

Вот прошло две зимы, как Греттир жил на Горе Красивых Лесов, а с приходом третьей он отправился на юг, на Болота, на хутор у Излучины Ручья, и угнал у хозяина шесть баранов. Оттуда он спустился к Полям, угнал двух быков и множество овец себе на мясо и пошел назад южным берегом Реки Хит. Хозяева, узнав об этом, послали людей к Торду с Мыса Хит и просили его возглавить поход против Греттира. Сам Торд отговорился, но, уступая их просьбам, поручил пойти с ними своему сыну Ариору – его потом прозвали Ярлов Скальд – и наказывал им не упустить Греттира. Разослали людей по всей округе.

Бьярни звали одного мужа, жившего на хуторе Пески. Он собрал людей с того берега Реки Хит: они решили двинуть против Греттира людей с обоих берегов. С Греттиром были еще двое: одного из его людей звали Эйольв, он был сыном одного жителя Красивых Лесов и муж стоящий. Был с ними еще и третий.

Первыми пришли Торарин с Полей и Торфинн с Излучины Ручья, а всего человек двадцать. Греттир хотел было уйти за реку, но тут подошли с того берега Торгейр, Арнор, Бьярни и их люди. С той стороны, где стоял Греттир, в реку вдавался узкий мыс. Увидев такую толпу, Греттир загнал весь скот на самый конец мыса, ибо он не любил расставаться с тем, что однажды попало ему в руки. Жители Болот сразу пошли на Греттира и держались решительно. Греттир просил своих людей последить, чтобы они не напали на него со спины. Они не могли все враз на него напасть. Завязалась жестокая схватка. Греттир рубил обеими руками, и им было нелегко к нему подступиться. Одни из жителей Болот пали, другие были ранены. Те, кто был за рекой, застряли, потому что не было поблизости брода. Недолго длилось сражение, как нападавшие отступились. Торарин с Полей был уже совсем старик и не участвовал в нападении. Но когда битва уже кончалась, подошли туда Транд, сын Торарина, и Торгильс, сын Ингьяльда, племянник Торарина, и Финнбоги, сын Торгейра, сына Торхадда из Долины Хит, и Стейнольв, сын Торлейва из Лавовой

Долины. Они стали очень подбивать людей к наступлению, и снова разгорелся жестокий бой.

Греттир увидел, что ему остается одно из двух – либо бежать, либо сражаться не на живот, а на смерть. Бросился он вперед с таким напором, что никто не мог перед ним устоять, ибо врагов было столько, что он и не чаял спастись и хотел только подороже отдать свою жизнь. Он хотел сойтись в бою с самыми стоящими противниками. И, бросившись на Стейнольва из Лавовой Долины, он ударил его по голове и рассек ее по самые плечи. А вторым ударом поперек пояса сразил он Торгильса, сына Ингьяльда, едва ли не разрубив его пополам. Тут бросился вперед Транд – отомстить за своих родичей, но Греттир ударил его по правому бедру и разрубил всю мышцу, и тот не мог больше сражаться. После этого Греттир тяжело ранил Финнбоги. Тогда Торарин сказал, чтобы они уходили:

– Чем больше вы бьетесь, тем сильнее вам от него достается, а убивает он всех самых лучших.

Они повиновались и повернули назад. Десятеро из них погибли, еще пятеро были смертельно ранены или покалечены. Да и никто почти не остался без ран из тех, кто был в битве. Греттир был совсем измучен, но ранен мало. С тем и ушли люди с Болот, и они понесли большой урон, потому что пало много славных мужей. А люди с того берега опоздали и подошли туда не раньше, чем закончилась битва. И увидев участь своих людей, Арнор не захотел подвергать себя опасности, за что его потом очень осуждали и отец, и многие другие. Люди находят, что он вел себя отнюдь не геройски. То место, где они сражались, зовется теперь Мысом Греттира.

А Греттир и его люди взяли лошадей и поскакали в гору, ибо все они были ранены. Когда они доехали до Красивых Лесов, Эйольв там и остался. Там стояла хозяйская дочка, и она спросила, какие новости. Греттир рассказал все подробно как было дело и сказал вису:

Можно ли ждать, о диса

Брачных уборов^[122], что скоро

Стейнольва череп срастется,

Павшие снова встанут?

Торбьёрна кости тоже

Так и трещали в сече.

Десять владельцев злата^[123]

В поле сложили головы.

Потом Греттир поехал к себе в укрытие и оставался там всю зиму.

Когда же они встретились с Бьёрном, тот сказал Греттиру, что дела плохи:

– И тебе нельзя далее здесь оставаться, ведь ты убил моих родичей и друзей. Но куда ты здесь, я не намерен отказываться от своих обещаний.

Греттир сказал, что он должен был защищать свою жизнь:

– Но плохо, что это тебе не по сердцу.

Бьёрн сказал, что сделанного не исправишь.

Немного погодя пришли к Бьёрну те, кто потерял из-за Греттира родичей, и просили не позволять этому беззаконнику жить там ко всеобщему негодованию. Бьёрн сказал, что будет по-ихнему, пусть только зима пройдет.

Транд, сын Торарина с Полей, поправился. Он был человек недюжинный. Он был женат на Стейнун, дочери Хрута с Гребневого Мыса. Торлейв из Лавовой Долины, отец Стейнольва, тоже был большой человек. От него ведут свой род люди из Лавовой Долины. Больше ничего не рассказывается о том, что было между Греттиром и людьми с Болот, пока он оставался там в горах. Бьёрн продолжал водить с ним дружбу, хотя и поубавилось у него самого друзей из-за того, что он позволял Греттиру там жить, ибо людям вовсе не нравилось, что за их родичей не заплачено виры.

Перед тингом Греттир ушел с Болот. Он снова отправился на Городищенский Фьорд и, встретившись с Гримом, сыном Торхалля, спросил у него совета, как быть дальше. Грим сказал, что у него нет никакой возможности пустить Греттира к себе. Тогда Греттир отправился к своему другу Халльмунду и прожил у него до конца лета.

Осенью Греттир пошел в Козью Землю и оставался там, пока не распогодилось. Тогда он отправился к Леднику Козьей Земли и пошел вдоль ледника на юг, прихватив с собою котелок и огниво. Люди думают, что этот путь указал ему Халльмунд, знавший там все вдоль и поперек. Греттир все шел и шел, пока не встретила ему на пути долина, длинная и очень узкая и со всех сторон закрытая ледниками, сползавшими в нее. В одном месте он спустился и увидел там красивые склоны, поросшие травой и кустарником. Там были горячие источники, и он подумал, что это, верно, подземный огонь не даст ледникам сомкнуться в долине. Через долину протекала речка с отлогими песчаными берегами. Солнечный свет почти не проникал туда, и он диву давался, сколько в долине пасется овец. Эти овцы были много лучше и жирнее виданных им прежде.

Греттир там устроился и сделал себе хижину из дерева, что там нашлось. Он ловил овец и тем кормился. Одна овца давала там мяса больше, чем две в любом другом месте. Была там одна буроголовая овца с ягненком, на ее рост он особенно дивился. Ему показалось заманчивым взять от нее ягненка. Он так и сделал и потом зарезал этого ягненка. Было в нем сорок мер сала, и притом самого лучшего. А

Буроголовка, потеряв ягненка, стала каждую ночь ходить к хижине Греттира и так блеять, что он совсем не мог спать по ночам. Он был и сам не рад, что зарезал этого ягненка, так она его изводила.

Каждый вечер, едва смеркалось, он слышал пастуший крик, и по этому крику все овцы собирались каждый вечер к загону. Греттир рассказывал, что эта долина была подвластна одному полутроллю, помеси человека с великаном, по имени Торир, и сам Греттир был там под его защитой. Греттир назвал долину по его имени – Торинова Долина^[124]. У Торира, говорил он, были дочери, с которыми он, Греттир, тешился. А они были только рады, потому что туда никто никогда не заходил. Греттир не забыл про пост и не ел в Великий пост мяса, а ел только сало и печенку.

Ничего за всю зиму не случилось. Греттиру так надоело это житье, что стало ему совсем невозможно там оставаться. Покинул он тогда эту долину и пошел через ледник на юг, и вышел с севера в середине хребта Широкий Щит. Он поставил там каменную плиту и пробил в ней отверстие: говорят, что если посмотреть в это отверстие, видно ущелье, ведущее к Ториновой Долине. Потом Греттир пошел дальше на юг и дошел до самых Восточных Фьордов. Он был в пути все лето и зиму. Он повидался там со всеми большими людьми, но все время что-нибудь да мешало, и нигде не нашлось для него ни крова, ни пристанища. С тем и пошел он назад, на север, и жил то там, то тут.

LXII

Вскоре после того, как Греттир ушел с Пустоши Орлиного Озера, объявился там человек по имени Грим. Он был сыном одной вдовы с Горба. Он убил Эйда, сына Скегги с Кряжа, и был за это объявлен вне закона. Он поселился в том самом месте, где прежде жил Греттир, и ловил в озере много рыбы. Хальмунд невзлюбил его за то, что он жил на Греттировом месте, и сказал про себя, что, как бы ни ловилась у него рыба, проку ему от этого будет мало.

Вот случилось однажды, что Грим выловил сотню рыб, отнес их домой и разложил перед хижинкой, а наутро пришел туда – вся рыба до единой пропала. Это показалось ему странным, пошел он к озеру и выловил на сей раз две сотни рыб. Отнес домой, разложил, и снова все то же самое – наутро вся рыба пропала. Ему подумалось, что, стало быть, это неспроста. На третий день наловил он три сотни рыб. Отнес домой, а сам сидит в своей хижинке и смотрит через отверстие в двери, не подойдет ли кто к хижинке. Так шло время и, когда миновала третья часть ночи, он услышал, что кто-то ходит снаружи, тяжело ступая. Тогда Грим взял свою секиру – а она была преострая – и решил узнать, что у того на уме. Пришелец нес за спиной большую корзину. Он поставил корзину, осмотрелся и никого не увидел. Он запускает руки в

рыбу, как в свое добро. Покидал он всю рыбу в корзину и наполнил ее доверху. Рыба была такая крупная, что, подумалось Гриму, и лошадь бы не снесла больше. Человек пригнулся, чтобы взвалить себе ношу, и только хотел встать, как Грим выскочил и ударил его что есть силы по шее, так что секира вошла в него по самый обух. Человек вскочил и побежал во всю прыть с корзиной на юг в горы. Грим за ним, чтобы узнать, попал ли он в него. Так бежали они до Шарового Ледника, и там этот человек вошел в пещеру. В пещере пылал костер, и сидела женщина большого роста, но собой пригожая. Грим услышал, что она поздоровалась с отцом и назвала его Халльмунд. Тут Халльмунд свалил с плеч ношу и тяжело вздохнул. Она спросила, почему он в крови. Он сказал в ответ так:

Я узнал,
Что нельзя мужу
Слишком в свои
Силы верить.

В смертный час
Изменит удача,
Но и дух
Воина дрогнет.

Она стала расспрашивать его о случившемся, и он рассказал ей все, как было.

– Теперь послушай, – сказал он, – я поведаю о том, что совершил в жизни. Я расскажу об этом в песни, а ты вырежь ее на палочке рунами.

Она так и сделала. Тогда он сказал Песнь Халльмунда, и в ней говорится так:

С Греттиром я
Тягался на славу,
Вырвал из рук
Его поводья.

Такое ему
В диковину было,
Глаз не сводил
Он с ладоней.

Следом за тем
На Орлиное Озеро
Торир пришел
К нам войною.

Восемь вдвоем
Десятков воинов

Вспять обратили
В ратном споре.

Греттир нес
Гибель воинам,
Мощной рукой
Щиты кромсая,

Но, однако ж,
Много глубже
След пролагал
Булат Халльмунда,

Руки сек,
Сносил головы
Всем, кто грозил
Греттиру сзади.

И мужей
Полторы дюжины
В тех горах
Лежать оставил.

Я умерщвлял
Вражье племя,
Жителей скал —
Род великанский.

Уничтожал
Всякую нежить,
Ублюдков троллей^[125]
Бил нещадно.

Для многих был
Недругом злейшим,
Для альвов^[126] и турсов^[127] —
Нечистой твари.

О многих своих деяниях рассказал Халльмунд в песни, ибо он исходил всю страну.

Тогда его дочь сказала:

– Человек этот не стоял разинув рот, и этого надо было ждать: ведь ты покушался на его добро. Кто же теперь отомстит за тебя?

Халльмунд отвечает:

– Навряд ли это суждено. Греттир, тот, я думаю, отомстил бы за меня, будь у него такая возможность. Но нелегко одолеть удачу этого человека, ибо его, верно, ждет большое будущее.

И вместе с этой песнью таяли силы у Халльмунда. Вот кончилась песнь, и почти в то же время умер Халльмунд. Она очень убивалась и горько плакала. Тут вышел к ней Грим и стал ее утешать:

– Всякий должен умереть в свой черед, когда приходит его пора. И это случилось во многом по его вине: ведь я не мог смотреть, как он меня грабит.

Она сказала, что его правда и самоуправство до добра не доводит.

После этого разговора у нее отлегло от души. Грим остался в пещере на много ночей и запомнил Песнь Халльмунда. Они хорошо поладили. Грим прожил на Взорье Орлиного Озера зиму после смерти Халльмунда. А потом нашел его на Взорье Торкель, сын Эйольва, и они сразились. Схватка их кончилась тем, что Грим одержал верх над Торкелем, но не стал убивать его. И Торкель взял его к себе, и помог уехать, и дал ему много всякого добра. И все считали, что они благородно обошлись друг с другом. Грим стал потом мореходом, и о нем есть большая сага^[128].

LXIII

Теперь надо рассказать о том, что Греттир, вернувшись с Восточных Фьордов, стал прятаться и скрываться, потому что он вовсе не искал встречи с Ториром. Летом он жил под открытым небом на Пустоши Подмаренничной Долины и в других местах. Случалось ему бывать и на Пустоши Дымов. А Торир, узнав, что Греттир на Пустоши Дымов, собрал людей и поехал на пустошь, думая, что уж теперь-то он его не упустит. Греттир заметил их не раньше, чем они совсем близко к нему подъехали. Он был тогда у пастушьей хижины, что стояла возле дороги. С ним был еще один человек. Они увидели всю эту гурьбу, и раздумывать было некогда. Тогда Греттир сказал, что надо повалить лошадей и втащить их в хижину. Они так и сделали. Торир проехал с юга на север всю пустошь, а дружка их нет как нет, и, никого не найдя, они повернули назад. Когда же они ускакали на запад, Греттир сказал:

– Они будут, пожалуй, недовольны походом, если мы не встретимся. Посторожи коней, а я выйду им навстречу. Хороша будет шутка, если они меня не узнают.

Спутник пытался его отговорить, но он все же пошел. Он переоделся, низко надвинул капюшон на лицо, взял в руки посох и пошел по дороге им навстречу. Они поздоровались с ним и спросили, не видал ли он, чтобы ехали по пустоши какие-нибудь люди.

– Видал я людей, которых вы ищете. Вы их чуть-чуть не встретили, ведь они были вон там, южнее болот по вашу левую руку.

Услышав это, они погнали коней к тем болотам. Там была такая трясина, что они застряли и чуть не целый день провозились, вытаскивая лошадей. Недобрым словом помянули они этого бродягу, что так подшутил над ними. А Греттир скорее пошел назад к своему сотоварищу и сказал, когда они встретились, такую вису:

Сих зачинщиков сечи
Скальд на дороге не тронул.
Распри бежать оружия^[129]
Трудный для Греттира жребий.
Не говорите, что разум

Видрира стали^[130] оставил:
Просто пытатель лука^[131]
Лучшего ищет случая.
Целое войско встретив,
Я должен уйти поневоле.

Потом они поскакали во всю прыть на запад и прямо ко Двору и поспели туда прежде, чем вернулся Торир со своими людьми с гор. И поблизости от хутора к ним присоединился один человек. Он не признал их. А у самого хутора они увидали женщину, молодую и нарядную. Греттир спросил, кто это. И их спутник сказал им, что это дочка Торира. Тогда Греттир сказал вису:

Хоть у скальда и правда
Редко что значат речи,
Ты не забудь, о дева,
Ториру весть поведать.

Скажи, что с Двором рядом
Сам-третий проехал Греттир —
Малая горстка воинов
Прямо у самой ограды.

Отсюда их спутник и узнал, кто они такие. Он поехал от хутора к хутору, всюду рассказывая, что приезжал Греттир. Когда же Торир вернулся, многие сочли, что Греттир ловко его обморочил. Торир послал своих соглядатаев выведать, куда он направляется. Греттир же принял решение отправить своего сотоварища с лошадьми к хуторам на запад, а сам поднялся в горы и, завернувшись в плащ и опустив капюшон на глаза, к началу зимы ушел на север, и никто его не узнал. Все считали, что Ториру досталось от Греттира так же, как и в прошлый раз, если не хуже.

Стейном звали священника, жившего на Реке Островной Долины, в Бардовой Долине. Он был добрый хозяин и состоятельный. Сын его Кьяртан уже вырос и был муж стоящий. Торстейном Белым звали одного человека, жившего на хуторе Песчаные Холмы, южнее Реки Островной Долины. У него была жена по имени Стейнвёр, молодая и веселая, у них были дети, в то время еще малолетние. Считалось, что на дворе у них неладно – захаживают туда тролли. За две зимы до того, как Греттир пришел на север, в эти места, случилось так, что Стейнвёр, хозяйка Песчаных Холмов, на Рождество пошла по своему обыкновению на Реку Островной Долины к службе, хозяин же остался дома. Люди легли вечером спать, а среди ночи услышали страшный шум в покоях, около хозяйской постели. Никто не решился встать и взглянуть, что там такое, потому что людей в доме было мало. Наутро хозяйка вернулась домой, а хозяин-то пропал, и никто не знает, что с ним случилось. Прошло лето. На следующую зиму хозяйка вновь собралась к службе, а работнику своему наказала остаться дома. Не хотел он, но сказал, что она хозяйка – ей и решать. Случилось все, как и в прошлый раз: пропал и работник. Сильно подивились этому люди. Они увидели у входных дверей пятна крови и подумали, что это не иначе, как нечистая сила забрала их обоих. Слух об этом разнесся по всей округе, дошел он и до ушей Греттира. А ему было не привыкать расправляться со всякой нечистью да нежитью, вот он и пошел в Бардову Долину и явился в канун Рождества на Песчаные Холмы. Он не открылся и назвался Гестом^[132]. Хозяйка увидела, какой он большущий, а работники очень все испугались. Он попросился переночевать. Хозяйка сказала, что еда для него найдется, «а уж позаботься о себе сам».

Он сказал, что согласен.

– Я, – говорит, – останусь дома, а ты ступай к службе, если хочешь.

Она отвечает:

– Ты смелый человек, раз не боишься остаться дома.

– Однообразная жизнь не по мне, – сказал он.

– Нехорошо оставаться дома, – говорит она, – только мне не перейти через реку.

– Я тебя переправлю, – говорит Гест.

Тогда она собралась к службе и взяла с собой маленькую дочку. Была оттепель, река вскрылась, и по ней шел лед. Хозяйка сказала:

– Не перейти через реку ни пешему, ни конному.

– Верно, здесь есть брод, – сказал Гест, – так что не бойтесь.

– Перенеси сперва дочку, – сказала хозяйка. – Она полегче.

– Мне совсем ни к чему ходить дважды, – говорит Гест. – Я перенесу тебя на руке.

Она перекрестилась и сказала:

– Как тут перейдешь! И что ты тогда сделаешь с девочкой?

– Уж что-нибудь придумаю, – говорит он. И подхватив обеих, посадил меньшую матери на колени, и держал обеих левой рукой, а

правая была у него свободна. Пошел он так вброд, они же настолько боялись, что не смели и крикнуть. Река сразу же сделалась ему по самую грудь. Прямо на него понесло большую льдину, а он выставил вперед свободную руку и оттолкнул ее. Тут сделалось так глубоко, что волны перекатывались ему через плечи, но он упорно шел, пока не добрался до того берега. Там он сбросил их на сушу. Потом он пошел назад, и уже смеркалось, когда он возвратился в Песчаные Холмы. Он спросил себе еды, а насытившись, велел работникам уйти в глубь покоев. Потом он взял столы и всякие доски, нагромоздил все это поперек покоев, сложив перегородку такой вышины, что через нее не перелез бы ни один из работников. Никто не посмел ему перечить или как-нибудь роптать. Вход был в боковой стене покоев, сзади дома, а у самого входа стояла лавка. На нее Гест и лег, не раздеваясь. Напротив дверей в покоях горел свет. Лежит так Гест до глубокой ночи.

Хозяйка же пошла к службе на Реку Островной Долины, и люди дивились, как это она переправилась через реку. Она сказала, что не знает, кто перенес ее – человек или великан. Священник сказал, что, верно, все же человек, хоть и мало ему подобных.

– Но лучше помолчим об этом, – сказал он. – Может статься, что он призван помочь тебе в твоих невзгодах.

Хозяйка там заночевала.

LXV

Теперь надо рассказать о Гесте, что около полуночи он услышал снаружи страшный шум, и вслед за тем вошла в покои огромная великанша. В одной руке она держала корыто, а в другой огромный нож. Войдя, она осмотрелась и, увидев Геста, бросилась на него. Он же вскочил и – на нее. Они яростно схватились, и началась у них в покоях долгая битва. Великанша была сильнее, но он ловко от нее увертывался. Они сокрушали все, что стояло у них на дороге, даже перегородку в покоях. Великанша вытащила его за дверь, в сени. Он очень ей там сопротивлялся. Она хотела вытащить его за порог, но это вышло у нее не прежде, чем они сорвали всю дверную раму, и она вынесла его на спине. Она поволокла его к реке, к самому краю ущелья. Гест уже совсем замучился, но было только два пути: либо напрямь все силы, либо она сбросит его в ущелье. Они боролись всю ночь. Ему казалось, что он никогда не имел прежде дела с нечистой такой дьявольской силы. Она так его к себе прижала, что он не мог пошевелинуть ни той ни другой рукой, а только ухватил ее покрепче за пояс. Когда же они достигли края ущелья, он изловчился и перебросил ее через себя, и высвободил правую руку. Тогда он скорей выхватил меч, висевший у пояса, занес его и, ударив великаншу по плечу, отрубил ей правую руку и освободился. А она сорвалась в ущелье и

исчезла в водопаде. Гест не мог двинуться от усталости и долго пролежал там в скале. Потом, когда стало светать, он пошел домой и лег в постель. Тело у него все распухло и почернело.

Хозяйка пришла со службы домой и увидела, что в доме все вверх дном. Она пошла к Гесту и спросила, отчего это все так поломано и повалено. Он рассказал ей все, что случилось. Она сочла достойным удивления такой подвиг и спросила, кто же он такой. Тогда он сказал ей всю правду и попросил сходить за священником, он, мол, хочет с ним встретиться. Это было сделано. И когда Стейн-священник пришел в Песчаные Холмы, ему тотчас стало ясно, что человек, назвавшийся Гестом, был не кто иной, как Греттир, сын Асмунда. Священник спросил, что, он думает, случилось с пропавшими. Греттир сказал, что они, он думает, погибли в том ущелье. Священник сказал, что он не может поверить его рассказам, если им не найдется подтверждение. Греттир говорит, что будет попозже и подтверждение. Священник ушел домой, а Греттир пролежал в постели еще много ночей. Хозяйка обходилась с ним как нельзя лучше. Так прошло все Рождество.

По рассказу Греттира выходит, что великанша, раненая, сорвалась в ущелье. Но люди Бардовой Долины говорят, что ее застиг рассвет, когда они боролись, и превратил в камень, и она треснула, когда Греттир отрубил у нее руку, и стоит там еще на скале подобие женщины. Жители долины укрыли у себя Греттира.

Зимой после Рождества Греттир пошел однажды на Реку Островной Долины. И, встретившись со священником, он сказал:

– Вижу я, священник, что ты не слишком-то веришь моему рассказу. Я хочу, чтобы ты пошел со мною к реке, тогда сам увидишь, правдив ли он.

Священник так и сделал. И подойдя к водопаду, они увидели под скалой пещеру. Над нею была отвесная стена, такая высокая, что никто не смог бы на нее залезть, а до воды было сажен десять. У них была с собой веревка. Тогда священник сказал:

– По-моему, тебе туда нипочем не спуститься.

Греттир отвечает:

– Как это не спуститься! Но мужество при этом совсем не помешает. Я уж дознаюсь, что там в водопаде, а ты посторожи веревку.

Священник сказал, что кому решать, как не ему, вбил в скалу колышек и придавил камнями.

LXVI

Теперь надо рассказать про Греттира, что он укрепил в петле на конце веревки камень и спустил ее в воду.

– Как же ты сам намерен спускаться? – говорит священник.

– Я хочу спуститься в водопад, не привязываясь, – говорит Греттир.
– Так велит мне чутье.

После этого он приготовился к спуску: разделся, опоясался мечом, другого же оружия не взял. Потом он прыгнул со скалы и прямо в водопад. Видел священник, как мелькнули его пятки, и больше ничего о нем не знал. А Греттир нырнул под водопад, и это было нелегко при таком водовороте: пришлось ему нырять до самого дна, чтобы проникнуть за водопад. Из воды там подымалась скала, по ней он и взобрался. За водопадом находилась большая пещера, в том месте, где река падала со скалы. Греттир увидел там огромнейшего великана, и на него было страшно смотреть. Когда Греттир подошел, великан вскочил, схватился за нож и замахнулся на него; а ножом этим можно было и рубить и колоть. У ножа была деревянная рукоять, люди называли такое оружие тесаком. Греттир встретил удар ударом, попал по рукояти, так что она раскололась пополам. Великан повернулся было за мечом, висевшим там в пещере, но тут Греттир ударил его в грудь, разрубив ему всю нижнюю часть груди и живот, так что внутренности вывалились прямо в реку и их понесло течением. А священник увидел, сидя там у веревки, что плывут по течению какие-то клочья, все в крови. Он всполошился, уверенный, что Греттир погиб. Бросил он тогда веревку и убежал домой. Настал уже вечер, и священник сказал, что Греттир не иначе как погиб, и смерть его – большая для всех потеря.

Теперь надо рассказать про Греттира. Он наносил удар за ударом, пока великан не умер. Тогда Греттир пошел в глубь пещеры. Он засветил огонь и осмотрел пещеру. Не сказано, сколько он нашел там добра, но люди полагают, что кое-что там было. Он пробыл там до глубокой ночи, нашел кости двоих человек и сложил их в мешок. Потом он выбрался из пещеры, доплыл до веревки и потряс ее, думая, что священник сидит там. Но оказалось, что священник ушел, и пришлось ему лезть по веревке самому.

Выбрался он так на скалу, пошел на Реку Островной Долины и положил в церковном притворе мешок с костями и рядом руническую палочку, на которой с большим искусством были вырезаны такие висы:
Стали властитель^[133], слушай,
Скальд в водопад спускался.
Скалилась камнемолка,
Влажную пасть разевала.

Льдяные злились буруны
В логове великанши,
Столбы водяные грозно
Греттира в грудь били.

И еще так:
Скальду навстречу страшный

Бросился родич Феньи^[134].
Долго в пещере дрался
Греттир с троллем свирепым.

Все же тесак заостренный
Я срубил с рукояти,
Пламень шелома^[135] разрезал
Черную грудь Хрюма^[136].

Там говорилось, что Греттир добыл эти кости из пещеры. А священник, придя наутро в церковь, нашел палочку и мешок и прочел руны.

Греттир же ушел в Песчаные Холмы.

LXVII

При встрече священник подробно расспросил Греттира обо всем, что с ним было. И тот все ему рассказал, прибавив, что священник-то подвел его с веревкой. Священник это признал. Все теперь уверились, что из-за этой нечисти и пропадали люди в долине. С тех пор никакая нежить и нечисть никому в той долине не докучала. Греттир прослыл избавителем всей округи. Священник зарыл останки на погосте. Греттир жил в Песчаных Холмах всю зиму, никому не показываясь. Но Торир из Двора все-таки проведал, что он в Бардовой Долине, и подослал людей убить его. Тогда жители посоветовали ему уйти, и он отправился на запад. И придя в Подмаренничную Долину к Гудмунду Могучему, он попросил у него покровительства. Но тот сказал, что ему никак не пристало пускать к себе Греттира.

– И тебе остается только одно, – сказал Гудмунд, – перебраться туда, где ты можешь не опасаться за свою жизнь.

Греттир сказал, что он не знает такого места. Гудмунд сказал:

– Есть в Мысовом Фьорде остров, он зовется Скала Остров. Это – надежная крепость, потому что без лестницы на него не залезешь. Только доберись до него, а уж там никто, по-моему, не одолеет тебя ни оружием, ни хитростью, если ты будешь хорошо смотреть за лестницей.

– Попытаюсь, – говорит Греттир, – но я стал так бояться темноты, что даже ради спасения жизни не могу жить один.

Гудмунд сказал:

– Может быть, это и так. Но ни на кого, кроме себя, не полагайся. За многими нужно смотреть в оба.

Греттир поблагодарил его за добрый совет. Ушел он из Подмаренничной Долины и не останавливался, покуда не добрался до Скалы. Мать радостно его встретила и Иллуги тоже. Он провел там

несколько ночей. Там он узнал об убийстве Торстейна, сына Кугги, случившемся осенью, перед тем, как Греттир пошел в Бардову Долину. Подумал он, что судьба посылает ему удар за ударом. Потом он поехал на юг к Пустоши Каменистых Холмов, надеясь встретиться с Гримом и отомстить за Халльмунда. Но приехав в Долину Северной Реки, он узнал, что Грим уже две или три зимы как уехал, о чем было рассказано. Греттир потому узнал об этом так поздно, что он две зимы скрывался, – и еще третью, когда он был в Торириной Долине, – и не виделся ни с кем, кто мог бы рассказать ему новости. Тогда он повернул к Долинам Широкого Фьорда и стал подстерегать людей, проезжавших по Крутому Склону. Он снова стал запускать руку за добром к мелким хозяевам. Это было в самый разгар лета.

На исходе того же лета Стейнвё́р в Песчаных Холмах родила мальчика и назвала его Скеggi. Сперва его отцом считали Кьяртана, сына Стейна, священника с Реки Островной Долины. Скеggi очень выделялся среди своих братьев силой и ростом. А к пятнадцати годам он стал сильнее всех мужей на севере, и тогда его стали считать сыном Греттира. Люди думали, что он вырастет славным мужем, но он умер семнадцати зим от роду, и про него нет саги.

LXVIII

После убийства Торстейна, сына Кугги, Снорри Годи очень гневался на своего сына Торродда и на Сама, сына Бёрка Толстого. Не рассказывается, чем они провинились, разве что не захотели пойти на какое-то большое дело, на которое посылал их Снорри. Поэтому Снорри прогнал от себя Торродда и не велел ему возвращаться, пока тот не убьет какого-нибудь объявленного вне закона. Ничего другого не оставалось, и Торродд поехал в Долины. Тогда в Широком Жилье, в Долине Сёккольва, жила одна вдова по имени Гейрлауг. Она держала пастуха, объявленного вне закона за нанесение увечья. Он был еще подросток годами. Торродд, сын Снорри, узнал об этом и поехал к Широкому Жилью, и спросил, где пастух. Хозяйка сказала, что он со стадом:

– А на что он тебе?

– Хочу я лишить его жизни, – говорит Торродд, – ведь он объявлен вне закона.

Она отвечает:

– Невелика слава подобному герою, как ты, убивать такого заморыша. Я покажу тебе, где можно совершить большой подвиг, если уж тебе не терпится испытать себя.

– Где же это? – говорит тот.

Она отвечает:

– Здесь в горах живет Греттир, сын Асмунда. Вот с ним и сражайся, это тебе больше подходит.

Эти речи пришлись по душе Торродду. «Так оно и будет», – сказал он, прищипорил коня и поскакал вверх по долине. И, поднявшись на холмы ниже Восточной Реки, он увидел белую лошадь под седлом. А рядом он увидел человека большого роста и при оружии и тотчас повернул к нему навстречу. Греттир поздоровался с ним и спросил, кто он такой. Торродд назвалсся и сказал:

– Почему ты не спросишь лучше о моих намерениях?

– Потому, – сказал Греттир, – что какими бы они ни были, они мало к чему приведут. Ты сын Снорри Годи?

– Так и есть, – сказал Торродд, – и теперь посмотрим, кто из нас чего стоит.

– Это и так ясно, – сказал Греттир. – Ты разве не слышал, что я мало кому приносил удачу из тех, кто меня задевал?

– Это я знаю, – говорит Торродд, – но все ж-таки отважусь.

Он выхватил меч и с пылом набросился на Греттира. Тот же заслонялся щитом, не поднимая на Торродда оружия. Так некоторое время и шло. Греттир даже не был ранен. Тогда он сказал:

– Не пора ли кончать эту игру, потому что победы тебе не видать как своих ушей.

Торродд стал рубить как одержимый. Греттиру все это наскучило, схватил он Торродда, посадил его рядом с собою и сказал:

– Теперь я могу с тобою делать все, что захочу. И я не боюсь, что ты меня убьешь. Но чего я боюсь, так это седой головы отца твоего Снорри Годи и его советов: они хоть кого ставили на колени. Тебе же следует выбирать себе работу по силам. Это тебе не детская забава – со мною сражаться.

И Торродд, увидев, что он ничего не добился, совсем утихомирился, и на этом они расстались. Торродд поехал домой в Междуречье и рассказал отцу, что у него вышло с Греттиром. Снорри Годи усмехнулся и сказал:

– Выше головы не прыгнешь. Велика между вами разница! Ты напал на него, а он мог сделать с тобою, что хотел. И Греттир мудро поступил, что не убил тебя, потому что уж я бы не оставил твою смерть неотомщенной. Теперь я охотно окажу ему поддержку, если представится случай.

По всему было видно, что Снорри доволен тем, как Греттир обошелся с Торроддом: с той поры он всегда становился на его сторону.

LXIX

Расставшись с Торроддом, Греттир вскоре поехал в Скалу, и некоторое время там скрывался. Его боязнь темноты зашла к тому

времени так далеко, что с наступлением сумерек он совсем не решался выходить. Мать предлагала ему остаться дома, хоть и видела она, что это мало ему поможет – столько врагов он нажил себе по всей стране. Греттир сказал, что ей не придется терпеть из-за него неприятности.

– Но не могу я даже ради спасения жизни, – говорит он, – оставаться долее один.

Иллуги, его брату, было тогда пятнадцать зим, и вырос он в славного мужа. Он был при этом разговоре. Греттир рассказал матери, какой совет дал ему Гудмунд Могучий, и сказал, что попробует, если выпадет случай, добраться до Скалы Острова. Но он, мол, не сможет там жить, если не найдет себе надежного товарища. Тогда Иллуги сказал:

– Я отправлюсь с тобою, брат. Не знаю, правда, много ли будет тебе от меня проку, если не считать того, что я буду тебе верен и не покину тебя, покуда ты жив. И находясь рядом с тобой, я буду знать, что с тобой.

Греттир отвечает:

– Нет никого, кто был бы мне милее. Если мать не будет противиться этому, я бы с великой радостью взял тебя с собою.

Тогда Асдис сказала:

– Вижу я, что беда не ходит одна. Не обойтись мне без Иллуги, но знаю, страшное проклятие тяготеет над Греттиром, и надо ему искать какой-нибудь выход. И как ни тяжело мне будет навсегда расстаться с обоими моими сыновьями, я пойду на это, если так будет лучше для Греттира.

Иллуги обрадовался ее словам, потому что он почитал за счастье поехать с Греттиром. Она дала им много денег. Они собрались в дорогу. Асдис проводила их за ворота и, прежде чем им расстаться, сказала так:

– Вот и уходите вы, мои сыновья, и вам суждено погибнуть обоим вместе. Но никто не избежит того, что ему назначено. Никого из вас я больше не увижу, и одна у вас будет судьба. Уж не знаю, какой удачи вы ищите на Скале Острове, но там вы и сложите головы. Многим не понравится, что вы там. Бойтесь измены, но примете вы смерть от оружия. Станные были мне сны. Остерегайтесь колдовства, ничего нет сильнее, чем злые чары.

И, сказав это, она горько заплакала. Тогда Греттир сказал:

– Не плачь, мать. Люди скажут, что у тебя были сыновья, а не дочери, если на нас нападут с оружием. Будь жива и здорова.

Потом они расстались. Греттир с Иллуги поехал на север к своим родичам. Они пробыли там всю осень до самой зимы. Потом они повернули к Мысовому Фьорду и поехали на север от Озерной Расселины к самой Расселине Дымов и спустились с Сэмупдова Склона и к Длинному Холму. К исходу дня они были у Шумного Двора. Греттир откинул капюшон себе на плечи: он всегда ходил так, в любую погоду.

Оттуда они двинулись дальше и, пройдя немного, повстречали на дороге человека, большеголового, высокого и худого и плохо одетого. Он поздоровался с ними, и они спросили друг друга об имени. Они сказали, кто они такие, а тот назвался Торбьёрном. Он был бобыль, работать не желал и любил прихвастнуть. Всегда находились охотники посмеяться и пошутить над ним. Он держал себя с ними как старый знакомый и наговорил им с три короба о тамошних жителях. Он очень позабавил Греттира. Он спросил, не нужен ли им человек, который бы на них работал, уж очень, мол, он хочет пойти с ними. И уговорил их взять его. Сильно вьюжило и было холодно. Человеку же этому за его шумный нрав и зубоскальство они дали прозвище и стали звать его Шумилой.

– Люди с Шумного Двора очень поражались, как это ты ходишь в такой холод с непокрытой головой, – сказал Шумила, – или холод тебе смелости придает? Были тут двое, всем молодцы, а как позвал их пастух к своему стаду, они не знали, как и одеться на такой мороз.

Греттир сказал:

– И я видел одного молодца: он стоял в дверях и натягивал рукавицы. А другой все ходил между хлевом и навозной кучей^[137]. Таких-то я не испугаюсь.

Потом они пошли к Рябиновому Мысу и там заночевали. А оттуда пошли к морю, к тому хутору, что зовется У Дымов. Там жил человек по имени Торвальд, добрый хозяин. Греттир обратился к нему за помощью, рассказав о своем намерении добраться до Скалы Острова. Человек сказал, что жители Мысового Фьорда не обрадуются такому гостю, и стал отнекиваться. Тогда Греттир достал кошелек, что дала ему мать, и отдал человеку. При виде денег тот весь просиял и велел своим работникам перевезти их ночью при свете месяца. От Дымов до Острова всего ближе – одна морская миля.

Они добрались до острова, и Греттиру там понравилось: остров весь порос травой и круто обрывался в море, так что ниоткуда нельзя было на него залезть иначе, как по веревочным лестницам. И стоило поднять верхнюю лестницу, как уже никто не сумел бы на него взобраться. Летом там был большой птичий базар. В то время на острове было восемьдесят овец, принадлежавших тамошним жителям, все больше бараны да овцы, предназначенные для убоя. Греттир нашел там пристанище. По словам Стурлы, сына Торда, тогда уже прошло зим пятнадцать или шестнадцать, как его объявили вне закона.

LXX

Когда Греттир поселился на Скале Острове, на Мысовом Фьорде жили такие знатные мужи. В Капище в Долине Хьяльти жил Хьяльти, сын Торда, сына Хьяльти, сына Торда Ножны. Хьяльти был муж знатный

и пребогатый, и всеми любимый. Брата его звали Торбьёрн Крючок. Он был высок и силен, нравом крут и неуживчив. Отец их, Торд, снова женился, и его жена не была им матерью. Она плохо обходилась со своими пасынками, а с Торбьёрном хуже всех, потому что он был строптивый и грубый.

Как-то случилось, что Торбьёрн Крючок сидел за игровой доской. Тут подошла мачеха и видит, что он играет. У шашек этих были снизу шпеньки^[138]. Ей показалось, что он лодырничает, и она его обругала, а он дерзко ей ответил. Тогда она схватила шашку и ткнула Торбьёрна шпеньком в скулу, да попала в глаз, так что глаз выскочил ему на щеку. Торбьёрн вскочил, накинулся на нее и избил немилосердно, так что она слегла и вскоре умерла от этого. Говорили, что она была тогда беременна. После этого он стал совсем беззаконником. Он взял свое добро и жил сперва в Лесном Заливе.

Халльдор, сын Торгейра, сына Торда с Мыса, жил в Капище, на Мысовом Берегу. Он был женат на Тордис, дочери Торда, сестре братьев Хьяльти и Торбьёрна Крючка. Халльдор был почтенный хозяин и состоятельный. Бьёрном звали мужа, жившего на Пастбищном Мысу у Протоков. Он был другом Халльдора с Капища: они во всем были заодно. Междуреченским Стейном звали мужа, жившего на Стейновом Дворе. Он был сыном Бьёрна, сына Офейга Жидкобородого, сына Вороны Хрейдара, которому Эйрик в Боговых Долинах отдал Междуречье под Домовым Болотом. Стейн был славный муж. Был человек по имени Эйрик, сын Старри Поединщика, сына Эйрика из Боговых Долин, сына Хроальда, сына Гейрмунда Борода Торчком. Он жил в Капище, в Боговых Долинах. Все это были мужи достойнейшие. У Широкой Реки, на Отлогом Склоне жили двое братьев, оба по имени Торд. Оба были силачи, но люди мирные. Все они имели долю на Скале Острове. Говорят, что не менее двадцати человек сообща владели островом, и ни один не хотел продавать своей доли другому. Наибольшая доля была у сыновей Торда, потому что они были всех богаче.

LXXI

Вот подошло время к осеннему солнцевороту. Хозяева собрались на остров за овцами, назначенными на убой. Они сели в лодку – от каждого владельца по человеку, а от иных и по два. И, подойдя к острову, увидели они, что ходят там какие-то люди. Они удивились, но подумали, что, верно, кто-то потерпел крушение и вышел там на берег. Они подошли на веслах туда, где были лестницы. А те, кто там был, подняли лестницы. Хозяевам показалось, что тут что-то не так, они окликнули тех и спросили, кто они такие. Греттир назвал себя и своих

товарищей. Хозяева спросили, кто перевез их на остров. Греттир отвечает:

– Тот и перевез, у кого была лодка и руки и кто больше был другом мне, чем вам.

Хозяева ответили:

– Дай нам взять наш скот и поезжай с нами, а тот скот, который ты уже зарезал, пусть будет твой.

Греттир отвечает:

– Щедрое предложение. Но все ж-таки каждый останется при том, чем владеет. А короче говоря, я отсюда иначе как мертвый не двинусь. Я не привык отдавать того, что попало мне в руки.

Хозяева примолкли, думая, что вот принесла нелегкая такого гостя на Скалу Остров. Они много всего ему предлагали, не скупясь ни на деньги, ни на щедрые обещания. Но Греттир на все отвечал отказом, на том они и уехали, недовольные своей участью. Они рассказали жителям округи, что за волк явился на остров. Все это застигло их врасплох, и непросто им было найти выход. Проговорили они об этом всю зиму, да так и не придумали, как выпроводить Греттира с острова.

LXXII

Настало время людям ехать на весенний тинг Цаплина Мыса^[139]. Собралось туда множество народа со всех округ, откуда люди должны были ездить на этот тинг. В ту весну люди долго там оставались и по делам, и для веселья, ибо тогда многие в тех местах любили повеселиться.

Греттир, узнав, что все кругом уехали на тинг, держал совет со своими друзьями, ибо он всегда был хорош с теми, кто был с ним заодно, и ничего для них не жалел. Он сказал, что поедет на землю за припасами, а они, Иллуги с Шумилой, пусть останутся. Неразумным показалось это Иллуги, но он не стал перечить Греттиру. Тот наказал им сторожить лестницу: жизнь их, мол, зависит от этого. Потом он отправился на землю и раздобылся всем, что ему было нужно. Он всюду прятался, куда бы ни приходил, людям было и невдомек, что он мог уйти с острова.

Греттир узнал, что на тинге большое веселье, и ему показалось заманчиво пойти туда. Он надел старую одежду, совсем уже ветхую, и пришел на тинг, когда люди шли с лёгретты^[140] домой по своим землянкам. Тут те, кто помоложе, завели разговор, что погода-де стоит хорошая и ясная и хорошо бы теперь устроить борьбу и позабавиться. Все сказали, что это хорошо придумано. Тогда люди пошли уселись перед землянками. Больше всех ратовали за игры сыновья Торда. Торбьёрн Крючок совсем вошел в раж, взявшись устраивать игры. Всяк должен был делать, что Торбьёрн ни захочет. Он брал каждого за

плечи и валил наземь. Сперва боролись те, кто послабее, а потом и остальные, и пошло у них великое веселье. Когда испытали силу почти все, кроме сильнейших, заговорили люди о том, кто же теперь решится выйти против одного из этих Тордов, о которых уже шла речь. Но охотников не нашлось. Стали те ходить от одного к другому, приглашая побороться. Но чем больше ходили, тем меньше толку. Тогда Торбьёрн Крючок посмотрел кругом и увидел человека, большого ростом, а лица не разобрать. Торбьёрн схватил его и толкнул что есть силы. А тот как сидел, так и сидит, даже не двинулся.

Тогда Торбьёрн сказал:

– Еще никто сегодня не устоял так против меня, как ты. Кто этот человек?

Тот отвечает:

– Меня зовут Гестом^[141].

Торбьёрн сказал:

– Ты, верно, захочешь развлечься, и ты для нас желанный гость.

Тот отвечает:

– Многое может скоро перемениться. И я не буду вступать в вашу игру: все мне тут незнакомо.

Тут многие заговорили, что они будут только благодарны ему, если он, человек им не известный, позабавит людей. Он спросил, что им от него нужно. Они стали просить его с кем-нибудь побороться. Он сказал, что уже давно как бросил борьбу:

– Но было время, когда мне она нравилась.

И видя, что он не совсем отказывается, они стали наседать на него еще больше. Он сказал:

– Если уж вам так это надо – меня уговорить, то вы, верно, согласитесь клятвенно обещать мне мир здесь на тинге и на все время, пока я не возвращусь к себе домой.

Тут все зашумели, говоря, что сделают это с большой охотой. Хавром звали человека, который больше всех добивался мира для Геста. Он был сыном Торарина, сына Хавра, сына Торда Пуговицы, занявшего землю от Запруды на Протоках до Междуреченской Реки. Он жил на Дворе Пуговицы и отличался большим красноречием. Он сказал клятву о мире со знанием дела, и вот начало этой клятвы^[142]:

Провозглашаю мир

Между всеми людьми,

А перво-наперво

Между сидящим здесь мужем по имени Гест

И всеми годи и добрыми бондами,

Всеми, кто может держать оружие,

И всеми-всеми окрестными жителями

Здесь, на Цаплином Тинге,

Кто б они ни были

И откуда бы ни пришли, —

Всеми, кто назван
И кто не назван.
Обещаем мир,
Полный и нерушимый,
Чужанину, который назвался Гестом,
Для игрищ, веселий
И ратоборства,
Покуда он здесь
Или путь держит к дому.
Посуху иль по морю,
Землей иль водою.
Да будет мир ему
Везде и всюду,
Пока он, целый и невредимый,
Домой не вернется
Под защитой обета.
Провозглашаю мир
От нашего имени
И от имени родичей,
Сотоварищей и сотрапезников,
Жен и мужей,
Рабынь и рабов,
Взрослых и отроков.
Если же кто этот мир нарушит
И обет преступит,
Да будет он отвержен
И изгнан Богом
И всем честным народом,
И не найти ему места
Ни в царстве небесном среди праведников,
Ни среди людей,
И будет он отринут повсюду, где
Преступников гонят,
Крещеный люд
Молится в церкви,
Языческий люд
Почитает капища,
Горит огонь,
Родит земля,
Младенец мать кличет
И мать сына нянчит,
Огни разводят,
Плывут корабли,
Блестят щиты
И светит солнце,

Снег лежит,
Финн бежит на лыжах,
Растет сосна,
Сокол летает день-деньской,
И крылья ему вешний ветер держит,
Небо круглится,
Селятся люди,
Ветер гонит
Все воды к морю,
И люди хлеб сеют.
Пусть он бежит
Христиан и язычников,
Церквей и капищ,
Дола и дома,
Всякого крова,
Кроме адского.
Будем в этом единомушны,
Друг с другом в добром согласье,
Где б нам ни встретиться —
На горе иль у моря,
На ладье иль на лыжах,
На земле иль во льдах,
Пешим иль конным,
С другом ли встретимся на дороге
Иль с родичем в ровном поле.
Будем во всем друг с другом согласны,
Как сын с отцом
Иль отец с сыном.
Соединим же теперь руки и не нарушим мира и слова, данного здесь
по обету этому перед Богом, перед добрыми людьми и перед всеми,
кто слова мои слышит и здесь присутствует.

Тут многие заговорили, что это сказано на славу. Гест сказал:

– Хорошо ты здесь говорил и рассказывал, если вы потом не отступитесь от своих слов. За мной же дело не постоит.

Потом он скинул плащ и почти всю остальную одежду. Тут они посмотрели друг на друга и остолбенели: они узнали Греттира, сына Асмунда, ибо он отличался от других людей и ростом, и силой. Все приумолкли, а Хавр понял, что за глупость он наделал. Разошлись они по двое и стали бранить друг друга, а пуще всего тех, кто ратовал за этот мир. Тогда Греттир сказал:

– Скажите без обиняков, что у вас на уме, не сидеть же мне тут долго раздетому. Вы большим, чем я, рискуете, если нарушите этот мир.

Они ничего не сказали и снова уселись. Сыновья Торда и Халльдор, их зять, стали говорить друг с другом. Одни считали, что мир надо сохранить, а другие были против. Склонились они голова к голове. Греттир сказал вису:

Как это клены копья^[143]

Нынче меня не признали!

Видно и впрямь у древа

Сокровища^[144] – две личины.

Ишь, языки прикусили,

Хавр и тот не болтает.

Как преступить клятву,

Видно, не знают бедняги.

Тогда сказал Междуреченский Стейн:

– Это ты, Греттир, так думаешь! Но посмотрим, что решат знатные мужи. Но правду сказать, недюжинная у тебя храбрость. Или ты не видишь, что они уперлись друг в друга лбами?

Тогда Греттир сказал вису:

Будто бараны, сшиблись

Лбами властители брани^[145],

Так и тычут друг в друга

Ратники бородами.

Вижу, в сторонку стали,

Узнав меня, испытатели

Рыбы шлемов^[146]. Нарушить

Клятву свою замышляют.

Тогда сказал Хьяльти, сын Торда:

– Этому не бывать! Мы не нарушим мира, хоть ты и обвел нас вокруг пальца. Я не хочу, чтобы люди потом все время поминали, как мы нарушили мир, нами же установленный и объявленный. Греттир волен ехать с миром туда, куда пожелает, пока не вернется с тинга. Тогда мы свободны от обета, что бы между нами ни было.

Все похвалили его за эти слова и нашли, что он поступил благородно, столько имея против Греттира. Торбьёрн Крючок промолчал. Тогда стали говорить, что пусть все-таки один из Тордов поборется с Греттиром, и Греттир сказал, что их дело решать. Тут вышел один из братьев. Греттир стоял спокойно. Торд как налетит на него, а Греттир даже с места не сдвинулся. Тут Греттир сгреб Торда в охапку, ухватил его за штаны, перевернул вверх ногами и перебросил через себя, так что тот грохнулся на обе лопатки. Тогда люди сказали, что пусть теперь выйдут оба брата разом. Сказано – сделано. Пошла тут у них борьба не на шутку, то один брал верх, то другой, но кто-

нибудь из братьев все время оказывался под Греттиром, и то один то другой падал на колени, и то одному то другому приходилось плохо. Они так друг друга хватали, что все были в синяках да ссадинах. Люди очень радовались такой потехе, и когда борьба их кончилась, все их благодарили. И по суждению тех, кто сидел там, братья, оба вместе, были не сильнее одного Греттира. А каждый из них имел силу двоих дюжих мужей. Братья были равны по силе: ни один не мог превзойти другого, когда они состязались.

Греттир недолго пробыл на тинге. Хозяева просили его уйти с острова, но он отказался, и у них ничего не вышло. Греттир возвратился на Скалу Остров, и Иллуги радостно его встретил. Вот живут они так. Греттир рассказал им о своем походе. Уже было лето. Все находили, что люди Мысового Фьорда выказали большое благородство, так хорошо сдержав слово. И отсюда видно, какие надежные тогда были люди, ведь они столько имели против Греттира.

Хозяева, те, что победнее, стали говорить между собой, что мало проку от их доли на Скале Острове, и они предложили сыновьям Торда купить ее. Хьяльти отказался. Тогда хозяева предложили, что тот, кто купит их долю, должен либо убить Греттира, либо прогнать его с острова. Торбьёрн Крючок сказал, что за ним дело не станет – он готов напасть на Греттира, если они ему за это заплатят. Хьяльти, его брат, уступил ему свою долю, потому что Торбьёрн был из них более воинственный и его не любили. Так поступили и другие хозяева, и Торбьёрну Крючку дешево досталась большая часть острова, он же обязался прогнать Греттира.

LXXIII

На исходе лета Торбьёрн Крючок взял людей и подошел на корабле к Скале Острову, а Греттир вышел со своими на скалу. Стали они говорить друг с другом. Торбьёрн просил Греттира внять его словам – уйти с острова добром. Греттир сказал, что пусть на это не надеется. Торбьёрн сказал:

– Может быть, я тебе еще пригожусь, если ты это сделаешь: многие хозяева отдали теперь мне все, чем они владели на острове.

Греттир отвечает:

– Вот ты и произнес приговор: теперь решено, что я никогда отсюда не уйду, если тебе принадлежит, по твоим словам, большая часть острова. И хорошо, что мы остались один на один. Мне и правда казалось нелегко идти против всех людей Мысового Фьорда. А теперь нам нечего щадить друг друга, потому что мы оба не страдаем от избытка друзей. Хватит сюда ездить, потому что это дело для меня решенное.

- Цыплят по осени считают, - сказал Торбьёрн, - и ты еще дождешься беды.

- Поживем - увидим, - сказал Греттир.

На этом они расстались, и Торбьёрн вернулся домой.

LXXIV

Рассказывают, что к исходу второго года, как Греттир жил на Скале Острове, они зарезали большую часть овец, что там были. Но одного барана они, говорят, оставили. Был он серобрюхий и большерогий. Он очень смешил их, потому что был такой умный, что сторожил их у двери и бегал за ними, куда они ни пойдут. Вечером он возвращался к их хижине и терся о дверь рогами. Им нравилось житье на острове, потому что еды благодаря птицам и птичьим яйцам было вволю. Но с дровами приходилось туго, и Греттир всегда посылал раба за плавниковым лесом: туда часто приносило бревна, и раб носил их домой для очага. Работать братьям не приходилось, разве что лазали они, когда хотели, на скалу^[147]. Рабу очень надоело работать, и стал он строптивым и нерадивым хуже прежнего. Ему полагалось присматривать каждую ночь за огнем, и Греттир всячески предупреждал его быть осторожнее, потому что лодки у них не было.

Вот случилось раз, что огонь у них ночью потух. Греттир рассердился и сказал, что Шумилу следовало бы выпороть. А тот стал роптать на свое житье: мол, живет он здесь в изгнании, да еще терпит нападки и побои за любую оплошность. Греттир спросил у Иллуги совета, что же теперь предпринять. Тот ответил, что он не видит ничего другого, кроме как ждать, не подойдет ли какой-нибудь корабль. Греттир сказал, что на это надежда плохая:

- Уж лучше я попытаюсь добраться до земли.

- Не по душе мне это, - говорит Иллуги, - ведь мы пропали, если с тобой что случится.

- Я-то не утону, - сказал Греттир, - но отныне я стану меньше доверять рабу: ведь он подвел нас в таком важном деле.

А от острова до земли было кратчайшее расстояние - одна морская миля.

LXXV

Греттир приготовился плыть, надел сермяжный плащ с капюшоном и подвязал штаны. Ему обвязали пальцы, так что между ними получилась перепонка. Погода стояла хорошая. Он отплыл от острова к концу дня. Иллуги совсем не надеялся, что Греттиру удастся доплыть. Греттир поплыл в глубь фьорда, течение ему помогало, и было совсем

тихо. Он упорно плыл и добрался до Мыса Дымов после захода солнца^[148]. Он пошел к хутору У Дымов, залез в горячий источник, так как немного простыл, и долго в нем грелся, а потом прошел в покои. Там было очень жарко и немного надымлено, потому что вечером там горел огонь. Греттир очень устал и крепко заснул. Залегался он там до света. Утром люди в доме встали, и первыми вошли в покои две женщины, служанка и хозяйская дочка. Греттир спал, и одежда свалилась с него на пол. Они увидели человека и узнали его. Служанка сказала:

– Не сойти мне с места, сестрица, это Греттир, сын Асмунда. Он и в самом деле куда как широк в груди. Но просто удивительно, что он так не дорос снизу. Это мало вяжется со всей его мощью.

Хозяйка отвечает:

– Что это ты мелешь? Ну и дурища ты! Помолчи лучше!

– Не могу я молчать об этом, сестрица милая, – говорит служанка, – вот уж никогда бы не поверила, если бы мне сказали.

Она подошла и на него уставилась, а время от времени подбегала к хозяйской дочке, хохоча до упаду. Греттир слышал, что она сказала. И когда она снова к нему подскочила, он схватил ее и сказал вису:

Зря бесстыжая дева

Пялит глаза на скальда.

Гоже ли ратников разных

Мерить одной мерой?

Может, и впрямь Греттир

В чем-то ростом не вышел,

Но в остальном воин

За пояс заткнет многих.

Потом он повалил ее на лавку, а хозяйская дочка убежала. Тогда Греттир сказал вису:

Полно порочить Греттира.

В росте ли дело, дева?

Часто, поверь, бывает,

Что мал да удал Драсиль^[149].

Больших скакунов обгонит

Иной конек легконогий.

Да и клинок короткий

Грозен в руке героя.

Служанка вопила благим матом, но когда они расставались, ей уже не приходилось срамить Греттира. Немного погодя он встал, пошел к хозяину Торвальду и рассказал ему о своих затруднениях, и просил

перевезти на остров. Тот так и сделал, дал лодку и переправил его, и Греттир поблагодарил его за такое благородство.

Когда же стало известно, что Греттир проплыл морскую милю, все нашли, что нет ему равных по отваге как на море, так и на суше. Люди Мысового Фьорда очень ругали Торбьёрна, что тот все не прогонит Греттира со Скалы Острова, и грозились забрать обратно свою долю. Он был в трудном положении и просил их потерпеть еще немного.

LXXVI

В то лето пришел к устью Реки Пешеходной Расселины корабль. На корабле был человек по имени Хэринг. Был он молод и настолько ловок, что мог залезть на любую скалу. Он остановился у Торбьёрна Крючка и пробыл там до осени. Он все подбивал Торбьёрна съездить к Скале Острову: он, мол, тогда посмотрит, правда ли, что там такой крутой обрыв, что никто на него не залезет. Торбьёрн сказал, что он потрудится не задаром, если заберется на остров и ранит Греттира либо убьет его. Убедил он Хэринга, что это дело стоящее. Потом они подошли к Скале Острову и высадили норвежца. Он должен был подкрасться к тем, если заберется на остров. А Торбьёрн со своими пристали у лестниц и завели разговор с Греттиром. Торбьёрн спросил, не надумал ли Греттир уйти с острова. Тот ни в какую.

– Долго ты нас морочил, – говорит Торбьёрн, – пора нам и отомстить. А ты, однако, не слишком за себя боишься.

Они долго толковали, но так ни к чему и не пришли.

Теперь надо рассказать про Хэринга. Он лазал на скалу там и сям и сумел, наконец, забраться в таком месте, где это никому больше не удавалось – ни до него, ни после. Взобравшись на скалу, он увидел братьев, и те стояли к нему спиной. Хэринг уже было надеялся добыть себе вскоре и славу и деньги. Те же не ждали его появления, думая, что никому не залезть на остров иначе, как по лестницам. Греттир был занят разговором с Торбьёрном, и оба не скупилась на язвительные слова. Тут случилось Иллуги оглянуться, и он увидел совсем рядом человека. Иллуги сказал:

– Тут рядом человек с секирой наизготове, и он держится, по-моему, отнюдь не мирно.

– Тогда встретить его, – говорит Греттир, – а я пригляжу за лестницей.

Иллуги бросился навстречу Хэрингу. И норвежец, увидев это, пустился наутек по острову. Иллуги гнался за ним, сколько позволял остров. А когда он добежал до обрыва, Хэринг бросился вниз и переломал себе все кости. Тут ему и пришел конец. Место, где он погиб, зовется с тех пор Хэрингов Прыжок. Иллуги вернулся к Греттиру, и тот спросил, как он расстался с тем, кто ему был поручен.

– Он не доверил мне, – говорит Иллуги, – поступить с ним, как я считал нужным, и сломал себе шею, прыгнув со скалы. Пусть эти люди помолятся за него, как за покойника.

Услышав это, Крючок велел своим уходить.

– Я дважды ездил сюда к Греттиру и в третий раз не поеду, если не буду к тому времени умнее. Пока же мне навряд ли удастся помешать им остаться на Скале Острове. Но все же думаю, что Греттир не проживет здесь столько, сколько прожил.

Они отправились назад, и этот поход оказался еще хуже прежнего. Греттир прожил зиму на Скале Острове и за все это время не встречался с Торбьёрном. В ту зиму умер законоговоритель Скафти, сын Тородда^[150], и это была большая потеря для Греттира, потому что Скафти обещал добиться для него прощения, как только истечет двадцать зим со времени его осуждения. А тот год, о котором рассказывалось, был девятнадцатым. Весною умер Снорри Годи^[151], и много всего случилось за этот год, что не относится к этой саге.

LXXVII

В то лето родичи Греттира много говорили на альтинге о его осуждении, и некоторые считали, что срок наказания истечет в начале двадцатого года. Но истцы возражали, говоря, что он успел за это время сделать много такого, за что полагается объявление вне закона, и, значит, ему следует продлить наказание. Законоговоритель тогда был назначен новый, Стейн, сын Торгейста^[152], сына Стейна Морехода, сына Торира Осенняя Мгла. Матерью Стейна-законоговорителя была Арнпора, дочь Торда Ревуна. Стейн был человек мудрый, и его попросили рассудить дело. А он сказал, пусть выяснят, точно ли пошло двадцатое лето с тех пор, как Греттира объявили вне закона. Вышло, что так и есть. Тут вмешался Торир из Двора, он выискивал всевозможные препятствия и дознался, что Греттир провел в Исландии одну зиму, не будучи объявленным вне закона. И тогда выходило, что он прожил объявленным вне закона девятнадцать зим. Законоговоритель сказал, что никого нельзя осуждать больше, чем на двадцать зим, даже если за это время и были совершены новые преступления^[153]:

– Но раньше этого срока я ни с кого не сниму наказания.

Поэтому с помилованием на сей раз ничего не вышло. Но все считали, что уж на следующее лето его непременно помилуют. Людям с Мысового Фьорда совсем не нравилось, что Греттир окажется помилованным. Они сказали Торбьёрну Крючку, пусть он либо отдаст им обратно остров, либо убьет Греттира. Положение Торбьёрна было трудное: он не мог придумать, как справиться с Греттиром, но в то же

время хотел удержать остров. Стал он ломать себе голову, как одолеть Греттира силой, или хитростью, или еще как-нибудь.

LXXVIII

У Торбьёрна Крючка была воспитательница по имени Турид. Она была очень стара и мало на что годна, как казалось людям. В молодые годы, когда люди были язычниками, она была искусной колдуньей и ведуньей. Считалось, что теперь она, верно, все перезабыла. Но хоть в стране и было христианство, тлела еще языческая вера. В Исландии был закон, по которому не запрещалось тайно приносить жертвоприношения или совершать другие языческие обряды^[154]. Но если это делалось открыто, полагалось трехгодичное изгнание. И со многими выходило по поговорке: рука сама за свое берется, а то и есть самое привычное, что воспринято в юности.

И Торбьёрн Крючок, который совсем отчаялся что-нибудь придумать, обратился теперь к той, от кого меньше всего ждали помощи, – к своей воспитательнице, и спросил, что она ему посоветует. Она отвечает:

– Вот и выходит по поговорке: пошел у коз шерсти просить. Да и что может быть хуже: считал себя первым человеком в округе, а как дошло до дела, оказался ни на что не годен. Не видно, чтобы мне приходилось хуже, чем тебе, хоть я и с постели-то еле встаю. Если хочешь получить мой совет, делай все, как я скажу.

Он согласился, говоря, что она всегда была ему доброй советчицей. Вот пришел конец лета, и в один погожий день старуха сказала Крючку:

– Погода стоит тихая и ясная. Хочу я, чтобы ты отправился на Скалу Остров и затеял ссору с Греттиром. Я поеду с вами и погляжу, осторожен ли он в своих речах. Тогда я буду знать наверняка, насколько они удачливы, и тогда уж я найду для них слова, какие пожелаю.

Крючок отвечает:

– Опостылело мне ездить на Скалу Остров: у меня всегда хуже на душе, когда я оттуда возвращаюсь, чем когда туда еду.

Тогда старуха сказала:

– Я не стану помогать тебе, если ты ис делаешь, как говорю.

– Нет, нет, матушка! – говорит он. – Я только сказал, что хотел бы так приехать туда в третий раз, чтобы вышел из этого толк.

– Попытка – не пытка, – говорит старуха. – Много труда тебе придется затратить прежде, чем Греттир будет повержен. И часто будет неверной твоя судьба, и доведется тебе хлебнуть лиха, прежде чем все кончится. Но тебе никуда не уйти от этого, и надо искать какой-нибудь выход.

После этого Торбьёрн Крючок спустил на воду десятивесельную лодку и взошел на борт с одиннадцатью людьми. Старуха тоже была с ними. Они пошли на веслах к Скале Острову. Братья, увидев их, вышли к лестницам, и снова повели они разговор о своем деле, и Торбьёрн сказал, что он явился, дабы осведомиться, не надумал ли Греттир отсюда уехать, и сказал, что не будет подымать шума из-за скота и их житья на острове, если они расстанутся по-хорошему. Греттир сказал, что не пойдет ни на какие уступки и отсюда не двинется.

– Я уже не раз это говорил, и нечего снова заводить разговор об этом, – говорит он. – Делайте, что хотите, а я буду ждать здесь того, что случится.

Торбьёрн увидел, что и на этот раз ничего у него не вышло, и сказал:

– Так я и знал, что вы черти, а не люди! И, вернее всего, пройдет еще не один день, прежде чем я снова явлюсь сюда.

– Не приходи хоть совсем, я не сочту это большой потерей, – говорит Греттир.

Старуха лежала на дне лодки, и на нее была навалена одежда. Тут она зашевелилась и сказала:

– Храбры эти люди, но нет им удачи. Во всем вы не схожи: ты предлагаешь им столько хорошего, а они от всего отказываются. А это вернейший знак несчастья, если кто отказывается от своей выгоды. И я предрекаю тебе, Греттир, что ты лишился счастья, всякого успеха и удачи, заступы и разума, и чем дольше ты живешь, тем будет хуже. Думаю, что осталось тебе меньше счастливых дней в будущем, чем прожил ты в прошлом.

Греттир был поражен тем, что услышал, и сказал:

– Что там за дьявол у них в лодке?

Иллуги отвечает:

– По-моему, это старуха, Торбьёрнова воспитательница.

– Проклятие этой ведьме, – сказал Греттир. – Ничего хуже я не мог и помыслить. И никакие слова не поражали меня больше, чем эти, что она сказала. И знаю: она и ее колдовство навлекут на меня беду. Пусть же и она получит что-нибудь на память, что здесь у нас побывала.

И он схватил огромный камень и кинул его сверху в лодку, и попал в кучу одежды. Торбьёрн и не подумал бы, что кто-нибудь способен так далеко бросить. Послышался громкий крик: камень угодил в старухино бедро и сломал его.

Иллуги сказал:

– Хотел бы я, чтобы ты не делал этого.

– Не ругай меня за это, – сказал Греттир. – Но боюсь, что слишком мало ей досталось, потому что жизнь одной этой старухи – не чрезмерная плата за жизнь нас обоих.

– Как можно равнять ее жизнь с нашей? – сказал Иллуги. – Малого мы тогда стоим!

Торбьёрн поехал домой, и расставались они отнюдь не приветливо. Торбьёрн сказал старухе:

– Все так и вышло, как я опасался. Поездка на остров принесет тебе мало славы. Ты навсегда останешься калекой. И мы ничуть не прибавили себе славы и должны сносить от них одно унижение за другим.

Она отвечает:

– Это положит начало их несчастьям. И, думаю, что отныне все пойдет у них под гору. На что мне и жизнь, если я не сумею отомстить за подарок.

– Тебе не занимать твердости духа, матушка, – сказал Торбьёрн.

Они вернулись домой. Старуха слегла в постель и пролежала чуть ли не месяц. Кость у нес срослась, и она снова стала на ноги. Люди подняли на смех Торбьёрна и старуху. Уже не раз сыграл Греттир злую шутку со своими врагами: сначала на весеннем тинге, когда объявляли ему мир, и второй раз, когда погиб Хэринг, и теперь третий раз, когда он сломал старухе бедро. И все это сходило ему с рук. Такие слова выводили из себя Торбьёрна.

LXXIX

Так идет осень, и остаются три недели до начала зимы. Тогда старуха попросила отвезти ее к морю. Торбьёрн спросил, что ей там нужно.

– Дело-то маленькое, но, может статься, предвещает большие события, – говорит она.

Сделали, как она просила. И, выйдя к морю, она заковыляла вдоль берега, как будто ей кто показывал дорогу. На пути у нее лежала большая коряга – ноша как раз по плечу одному человеку. Она взглянула на нее и попросила перевернуть. Снизу коряга была как бы обуглена и обтерта. Она велела отколоть щепочку с гладкого места. Потом взяла нож, вырезала на корне руны, окрасила их своею кровью и сказала над ними заклинания. Она обошла корягу, пятясь задом, и нашептала над ней много колдовских слов^[155]. После этого она велела столкнуть корягу в море и заговорила ее, чтобы плыла она к Скале Острову, Греттиру на погибель. Оттуда она направилась домой, в Лесной Залив. Торбьёрн сказал, что не возьмет в толк, к чему все это. Старуха сказала, что скоро, мол, узнает. Ветер дул с моря, но старухина коряга поплыла против ветра и быстрее, чем можно было ждать.

А Греттир, как рассказывалось, жил на Скале Острове со своими сотоварищами и ни о чем не тужил. На другой день после того, как старуха заколдовала корягу, Греттир и Иллуги спустились со скалы за дровами для костра. И, подойдя к западной стороне острова, они увидели, что прибило к берегу корягу. Тогда Иллуги сказал:

– Вот сколько сразу дров, родич. Отнесем-ка корягу домой.

Но Греттир толкнул ее ногой и сказал:

– Злая коряга и послана злым. Поищем лучше других дров. – И, отпихнув корягу в море, сказал, чтобы Иллуги остерегался брать ее домой, «ибо она послана нам на беду».

Потом они пошли к хижине и ничего не сказали об этом рабу. На другой день они снова наткнулись на эту корягу, и она была уже ближе к лестницам, чем накануне. Греттир отпихнул ее в море подальше, говоря, что никак нельзя брать ее домой. Прошла ночь. Тут поднялся сильный ветер, да еще с дождем. Им не захотелось выходить, и они велели Шумиле пойти за дровами. Тот был очень недоволен, говоря, что это сущее мученье – мерзнуть в такую непогоду. Он спустился с лестницы и нашел старухину корягу, и решил, что ему здорово повезло. Поднял он корягу, доволоч ее еле-еле до дому и бросил с грохотом наземь. Греттир услышал:

– Шумила раздобыл что-то. Надо сходить посмотреть, что это такое.

– Берет топор и выходит.

А Шумила сказал:

– Ну-ка, разруби так же ловко, как я дотащил ее сюда.

Греттир рассердился на раба и со всего маху ударил топором по коряге, не разглядев, что это такое. И топор, ударившись, в тот же миг повернулся плашмя, отскочил от дерева и прямо по правой ноге Греттиру, и разрубил ее до кости. Тут Греттир взглянул на корягу и сказал:

– Вот и пересилил тот, кто хотел зла. И на этом дело не кончится. Ведь это та самая коряга, которую я два дня подряд отпихивал в море. Два несчастья произошли из-за тебя, Шумила: первое, что у тебя потух наш огонь, и второе, что ты принес в дом эту злосчастную корягу. Смотри.

Иллуги подошел и перевязал рану Греттиру. Крови было мало, и Греттир хорошо спал ночью. Так миновали три ночи, и рана не болела. Когда они развязали ее, она уже затянулась и почти совсем зажила. Тогда Иллуги сказал:

– Надеюсь, эта рана недолго будет тебя беспокоить.

– Хорошо бы! – говорит Греттир. – Но странно все это, что бы дальше ни было. И у меня дурные предчувствия.

LXXX

Вот ложатся они вечером спать. Когда подошло к полуночи, Греттир стал очень метаться. Иллуги спросил, что его так беспокоит, и Греттир говорит, что у него заболела нога:

– И похоже, что она стала другого цвета.

Они зажгли свет и, развязав рану, увидели, что нога вся опухла и почернела, а рана открылась и стала хуже, чем сначала. Она очень болела, так что Греттир не мог найти себе места и во всю ночь не сомкнул глаз. Тогда он сказал:

– Мы должны быть готовы к тому, что этот мой недуг так просто не пройдет. Это колдовство, и, верно, старуха задумала отплатить за тот удар камнем.

Тогда Иллуги сказал:

– Говорил я тебе, что нечего ждать добра от этой старухи.

– Один конец! – говорит Греттир. И он сказал пять вис:

Острая сталь судьбы
В сшибке мечей вершила,
Когда за березовым срубом
Берсерков бил Греттир.
Пал от смертельной раны
Хьярранди, страж сражений^[156],
Гуннар и Бьёрн – оба
Погибли в пурге Гёндуль^[157].

Как-то дракона моря^[158]
К Дверным Островам, о Гримнир
Вьюги рыб ограды
Струга^[159], направил Греттир.
Против меня храбрый
Торви повел воинов,
Вздумал наследник Вебранда
На бой Моина^[160] вызвать.

Хоть и собрал Торви
Многих себе в подмогу,
Встречей со скальдом воин
Своей не умножил славы.
В грохоте бранной стали
Я искалечил клена
Ливня стрел^[161]. Напоследок
Мне он коня оставил.

Все твердили, что Торфинн
В ратном бесстрашен деле.
Арнора сын грозился
Скоро со мной покончить.
Да не достало духу
Стойкому витязю выйти
Против Греттира. Впрочем,
И скальд не искал встречи.

Ньёрдов дождя копий^[162]
Я побеждал не однажды.
Часто спасала сила
От смерти меня верной.
Заклинаньями ныне
Скальда сломила колдунья,
Дряхлой старухи советы
Сильнее огня сечи^[163].

– Теперь нам надо быть начеку, – сказал Греттир, – уж Торбьёрн Крючок позаботится со своими, чтобы на этом дело не кончилось. И хочу я, Шумила, чтобы ты сторожил с сего дня лестницу, а по вечерам подымал ее. Смотри, не подведи: многое от этого зависит. А предашь нас, не миновать тебе беды.

Шумила обещал не подвести. А погода становилась все хуже: подул сильный северо-восточный ветер и принес холод. Греттир каждый вечер спрашивал, поднята ли лестница. Шумила сказал:

– Какие сейчас могут быть люди! Или кому-нибудь так неймется лишить тебя жизни, что он захочет ради этого убивать и себя? Ведь в такую погоду сюда не доберешься. И ничего не осталось, по-моему, от твоего великого геройства, раз тебе кажется, будто нам всё угрожает смертью.

– Ты будешь вести себя хуже, чем любой из нас, когда настанет нужда, – сказал Греттир. – И уж придется тебе сторожить лестницу, хочешь ли ты этого или нет.

Они выгоняли Шумилу каждое утро, и тот держался очень строптиво. А рана у Греттира болела все сильнее, так что вся нога вспухла, и бедро стало гноиться и сверху и снизу, и рана захватила всю ногу, так что Греттир был уже близок к смерти. Иллуги день и ночь сидел у его постели, забыв и думать обо всем остальном. Пошла вторая педеля, как Греттир поранился.

LXXXI

Торбьёрн Крючок сидел у себя в Лесном Заливе, досадуя, что ему все никак не одолеть Греттира. И когда прошла уже добрая неделя с тех пор, как старуха заколдовала корягу, она пришла к Торбьёрну и спросила, не думает ли он наведаться к Греттиру.

Торбьёрн сказал:

– Ни за что на свете. Или ты хочешь повидать его, матушка?

– Я не собираюсь к нему, – говорит старуха. – Но я послала ему подарочек и надеюсь, что он уже дошел до Греттира. И мой тебе совет:

поезжай к нему, не тратя времени попусту, другого случая победить его у тебя уже не будет.

Торбьёрн отвечает:

– Столько раз я ездил на свою голову, что больше уж не поеду. Довольно и того, что в подобную непогоду туда не доберешься, какая бы ни была в том нужда.

Она отвечает:

– Совсем ты голову потерял, если ничего не можешь придумать. И снова я дам тебе совет. Ступай сперва – набери себе людей. Выезжай потом в Капищу, к зятю своему Халльдору, и спроси у него совета. И уж если мне подвластно здоровье Греттира, так трудно ли поверить, что подчинится мне и ветерок, что тут на днях разыгрался.

Торбьёрн подумал, что, может статься, старуха-то видит дальше, чем он предполагал. И он тотчас послал за соседями. Ответ не заставил себя долго ждать: никто из отдавших свою долю не желал хоть чем-нибудь помочь ему. Они говорили, что раз Торбьёрн взял себе их долю, пусть берет на себя и Греттира. Стейн с Междуречья дал ему двоих своих людей, брат его Хьяльти послал троих, а Эйрик из Боговых Долин – одного. Сам он взял из дому шестерых. Поехали они, числом двенадцать, с Лесного Залива к Капищу. Халльдор позвал их к себе домой и спросил, какие новости. Торбьёрн сказал все без обиняков. Халльдор спросил, чей это совет. Тот сказал, что его очень подбивает на это воспитательница.

– Это до добра не доведет, – сказал Халльдор, – потому что она колдунья, а колдовство теперь в запрете.

– Всего не предусмотритишь, – говорит Торбьёрн. – Но теперь все так или иначе кончится, если это от меня будет зависеть. Только вот как мне добраться до этого острова?

– Вижу, – говорит Халльдор, – что ты на что-то очень полагаешься, да не знаю, хорошо ли это. Но если ты твердо стоишь на своем, ступай на Пастбищный Мыс, к Протокам, к моему другу Бьёрну. У него добрый корабль. Передай ему мою просьбу, чтобы он одолжил его тебе. Оттуда и плывите к Скале Острову. Но, по-моему, ваш поход ничего хорошего не обещает, если только Греттир жив-здоров. И знайте: победи вы его не в честном бою, у него найдется много родичей, готовых начать тяжбу. Не убивайте, если будет возможно, Иллуги. Но вижу я, что не христианское дело вы затеваете.

Халльдор дал им в поход шестерых мужей. Одного звали Кар, другого Торлейв, третьего Бранд. Остальные не были названы. Оттуда они поехали, числом восемнадцать, к Протокам и явились на хутор Пастбищный Мыс, и передали Бьёрну Халльдоровы слова. Тот сказал, что ради Халльдора он это сделает, а Торбьёрну, мол, он ничего не должен. Но и ему казалось, что это безумная затея, и он всячески их отговаривал. Они сказали, что теперь уже не повернут назад, пошли к морю и спустили корабль на воду. Были в корабельном сарае и все

снасти. Снарядились они в плавание. Все стоявшие на берегу считали, что им не доплыть. Поднимают они паруса, и корабль стрелой полетел по фьорду. А только они вышли на глубину, как ветер затих и казался им ничуть не сильнее, чем нужно. Вечером, когда уже смеркалось, подошли они к Скале Острову.

LXXXII

Теперь надо рассказать о том, что Греттир был так болен, что и на ногах не стоял. Иллуги сидел у его постели, а Шумила должен был сторожить лестницу. Он придумывал всякие отговорки: все им, мол, кажется, будто что-то угрожает их жизни, и совершенно зря. Он вышел из дому и очень неохотно. А дойдя до лестницы, он сказал сам себе, что ни за что не станет ее втаскивать. Тут его стало клонить ко сну, он лег и проспал целый день до тех самых пор, как явился на остров Торбьёрн. Те увидели, что лестница на месте, и тогда Торбьёрн сказал:

– Это что-то новое против прежнего: никого из людей не видно, а лестница спущена. Может быть, и поход наш будет иметь большие последствия, чем мы рассчитывали. Двинемся теперь к хижине, да не оплошаем. Можно не сомневаться, что если они здоровы, каждому понадобится вся его сила.

Потом они поднялись на остров, осмотрелись и увидели, что неподалеку от лестницы лежит человек и громко храпит. Торбьёрн узнал Шумилу и, подойдя к нему, ударил его рукоятью меча по уху:

– Эй, вставай, сволочь! Правду сказать, неважно устроился тот, кто доверил тебе свою жизнь.

Шумила сел и сказал:

– Ну, снова взялись за старое. Вы что, думаете, мне очень весело лежать здесь на холоде?

Крючок сказал:

– Ты что же, дурак, не понимаешь, что сюда пришли ваши враги и собираются всех вас убить?

Шумила ничего не сказал, только завопил во всю глотку, узнав подошедших.

– Перестань вопить сейчас же и рассказывай, где ваше убежище, а не то я тебя убью.

Шумила замолчал, как в рот воды набрал. Торбьёрн сказал:

– Братья в хижине? Почему это они не на ногах?

– Им не так-то просто быть на ногах, – говорит Шумила, – потому что Греттир болен и при смерти, а Иллуги сидит с ним.

Крючок спросил, что с Греттиром и отчего он заболел. Тогда Шумила и рассказал, как это вышло, что Греттир поранился. Тут Крючок засмеялся и сказал:

– Правду говорит старая поговорка: давние друзья изменяют последними. Или еще: дружба раба не доведет до добра. Вот ты каков, Шумила! Ты бесчестно предал своего хозяина, пусть он и не был хорош.

Многие стали поносить его за неверность и, избив чуть не до беспомысленности, там и оставили, а сами пошли к хижине и стали что есть силы колотить в дверь.

Тогда Иллуги сказал:

– Серобрюхий стучится в дверь, родич.

– И сильно стучится, – сказал Греттир, – прямо немилосердно.

И тут дверь распахнулась. Иллуги схватился за оружие и стал оборонять дверь, так что те не могли войти. Они долго сражались, и те не могли воспользоваться другим оружием, кроме копий, а у всех копий Иллуги срубал наконечники. И увидев, что ничего не выходит, они вскочили на дом и пробили крышу. Тогда Греттир поднялся на ноги и, схватив копье, метнул его между балками. Там как раз стоял Кар, человек Халльдора с Капища, и копье проткнуло его насквозь. Крючок велел им быть осторожней и осмотрительней:

– Ведь мы можем их победить, если примемся за дело осмотрительно.

Тогда они пробили крышу с концов продольной балки и стали расшатывать балку, пока она не сломалась. А Греттир и с колен не мог подняться. Он схватил свой меч, из кургана Кара, и в этот миг они стали прыгать в пролом крыши, и началась у них жестокая битва. Греттир ударил мечом Викара, одного из людей Хьяльти, сына Торда, в тот миг, как он прыгал с крыши, и попал ему в левое плечо. Меч прорубил ему наискось всю спину и вышел под правой рукой, рассекши Викара пополам, и обе половины рухнули на Греттира. Тому не удалось занести меч так быстро, как он хотел, тут Крючок и ударил его между лопаток и нанес большую рану. Тогда Греттир сказал:

– У всякого гола спина, если брат не прикроет.

Тогда Иллуги прикрыл его щитом и стал оборонять его так мужественно, что все дивились на такую защиту.

Тогда Греттир сказал Крючку:

– Кто указал вам дорогу на остров?

Крючок сказал:

– Христос указал нам дорогу.

– А мне сдается, – сказал Греттир, – что это несчастная старушонка, твоя воспитательница, показала тебе дорогу, ее-то советов ты и слушался.

– Теперь все едино, – сказал Крючок, – чьих советов я слушался.

Они упорно нападали, но Иллуги с великим мужеством защищал и себя и брата. А Греттир совсем не мог сражаться как из-за ран, так и из-за болезни. Тогда Крючок сказал, что надо прижать Иллуги щитами:

– Я не встречал ему подобных даже среди старших.

Они так и сделали: оттеснили его щитами и оружием, так что он больше не мог защищаться. Тогда они схватили его и стали держать. Он ранил чуть не всех, кто на него нападал, а троих из людей Крючка убил. Потом они накинулись на Греттира. Тот лежал ничком и совсем не мог защищаться, потому что он еще раньше был при смерти от раны в ноге. Бедро у него все загноилось до самого живота. Они нанесли ему много ран, но они почти не кровоточили. И когда они решили, что он умер, Крючок схватил меч Греттира и сказал, что тот довольно носил его. Но Греттир стиснул пальцы на рукояти и не выпускал меча. Многие к нему подходили и не могли вырвать меча. В конце концов взялись за меч восьмеро, но все равно ничего не могли поделать. Тогда Крючок сказал:

– Почему это мы должны щадить преступника? Кладите ему руку на плаху.

Они так и сделали и отрубили ему руку в запястье. Тогда пальцы разжались и выпустили рукоять. Крючок взялся обеими руками за меч и ударил Греттира по голове, да так, что меч не выдержал и на лезвии получилась зазубрина. Увидев это, они спросили, зачем он испортил такое доброе оружие.

Крючок сказал:

– Будет приметнее.

Те сказали, что это ни к чему, ведь Греттир уже был мертв.

– Все ж он получит еще, – говорит Крючок.

И он ударил Греттира мечом по шее два или три раза и только тогда отсек ему голову.

– Вот теперь я уверен, что Греттир мертв, и великого богатыря мы уложили, – сказал Торбьёрн. – Голову мы возьмем с собою на землю, потому что я не хочу упустить деньги, что были за нее назначены. Тогда уж они не смогут отрицать, что это я убил Греттира.

Они сказали, что дело его. Но они не одобряли его поступка: всем казалось, что это низко. Тогда Крючок сказал Иллуги:

– Большая жалость, что такой стоящий муж, как ты, и поступал так безрассудно, участвуя в злодеяниях этого преступника и обрекая себя на смерть без виры.

Иллуги отвечает:

– погоди, вот кончится лето альтинг, тогда узнаешь, кто будет объявлен вне закона. И ни тебе, ни старухе, твоей воспитательнице, не бывать судьями в этой тяжбе, ибо это заклинания ваши и колдовство убили Греттира, и ты еще поднял меч на умирающего, тем добавив подлейшее злодейство к колдовству.

Тогда Крючок сказал:

– Ты говоришь мужественно, но так не будет. Я докажу, что высоко тебя ставлю, и дарю тебе жизнь, если ты поклянешься не мстить никому из тех, кто был в этом походе.

Иллуги сказал:

– Можно было бы об этом толковать, если б Греттир был в состоянии защищаться и вы одолели бы его в честном бою. Но нечего и думать, что я спасения жизни ради уподоблюсь тебе и пойду на такую же низость. А короче говоря, покуда я жив, не будет у вас большего недруга, чем я, потому что не скоро изгладится у меня из памяти, как вы одолели Греттира. Куда уж лучше умереть!

Тогда Торбьёрн стал обсуждать со своими людьми, оставить ли Иллуги жизнь или убить его. Они сказали, что это его дело, раз он возглавил этот поход. Крючок сказал, что он не может оставлять на свою голову человека, который ничего не хочет им клятвенно обещать.

И когда Иллуги узнал, что они решили убить его, он засмеялся и сказал:

– Вы выбрали то, что мне больше по душе.

На рассвете они вывели его на восточный берег острова и обезглавили^[164], и все хвалили его за мужество и находили, что он выделяется среди всех своих сверстников. Они зарыли обоих братьев под грудой камней там на острове, а голову Греттира взяли с собой. Взяли и все, что там было ценного из оружия и одежды. Добрый тот меч Крючок не дал делить с другими вещами и долго носил его после этого. Они забрали с собою Шумилу, и он вел себя хуже некуда. Ночью ветер стих, и утром они пошли на веслах к земле. Крючок сошел там, где ему показалось удобнее, и отослал корабль Бьёрну. И когда они подошли к Устью, Шумила стал вести себя так несносно, что они не захотели плыть с ним дальше и обезглавили его там, и он плакал во весь голос, прежде чем они его зарубили. Крючок отправился к себе в Лесной Залив, и считал, что он очень преуспел в этом походе. Голову Греттира они положили в соль в том чулане, что был назван Греттировым Чуланом. Она пролежала там, в Лесном Заливе, всю зиму.

Все порицали Крючка за то, что он сделал, когда стало известно, что Греттир был побежден с помощью колдовства. До конца праздника середины зимы Крючок сидел тихо. Потом он поехал к Ториру из Двора и рассказал ему про убийство и прибавил, что рассчитывает получить деньги, назначенные за голову Греттира.

Торир сказал, что он не станет отрицать – это он настоял на осуждении Греттира:

– Мне часто приходилось терпеть из-за него. Но ради того, чтобы убить его, я бы не стал делать бесчестные поступки или прибегать к колдовству. Я не стану тебе платить, потому что ты, на мой взгляд, заслуживаешь смерти за колдовство и заклинания.

Крючок отвечает:

– Я думаю, это больше жадность твоя и скупость говорят в тебе, а не то, что тебе так важно, каким путем я победил Греттира.

Торир сказал, что самое простое – это дожидаться альтинга, и пусть будет так, как рассудит законоговоритель. Расстались Торир и Торбьёрн, но затаили с тех пор друг на друга злобу.

Родичи Греттира и Иллуги были донельзя возмущены, узнав про убийство, и сочли, что Крючок подло поступил, убив умирающего, и к тому же с помощью колдовства. Они обратились к мудрейшим людям, и все дурно отзывались о поступке Крючка.

А тот к исходу четвертой недели лета поехал на запад к Среднему Фьорду. И Асдис, узнав об этом, созвала к себе людей. Там было много ее друзей: Гамли с Глумом, зятя ее и их сыновья, Скегги, по прозванию Короткорукий, и Оспак, который уже упоминался. Асдис пользовалась такой любовью, что все люди со Среднего Фьорда обещали ей помощь, и даже те, кто прежде были врагами Греттира. А первый среди них – Тородд Обрывок Драпы и другие люди с Хрутова Фьорда.

Крючок явился в Скалу с двадцатью людьми. Они взяли с собою голову Греттира. Тогда еще не пришли все, кто обещал ей помочь. А эти вошли с головой в покои и положили ее на пол. Хозяйка была в покаях, и с нею много других людей. Не было сказано никаких приветствий. Крючок сказал вису:

С острова взял Торбьёрн
Алчную голову эту,
О Греттире рыжеволосом
Плачет поляна гривен^[165].

Бросил я пред тобою
Сына бесчинного голову,
В соли, калина злата^[166],
Храни ее, чтоб не сгнила.

Хозяйка сидела неподвижно, покуда он говорил эту вису. Потом сказала вису она:

Вы б от него бежали,
Словно овцы от волка,
Вы бы посмешищем стали
Для всех своих соседей,

Если бы только здоровым
Греттир гостей встретил.
Знай, возводить на воинов
Напраслину Асдис не станет.

Многие тогда говорили, что нет ничего удивительного в том, что у ней стойкие сыновья, так стойко она сама держалась, несмотря на подобное горе. Оспак был во дворе и разговаривал с людьми Крючка, теми, кто не зашел в дом. Он расспрашивал их о битве, и все хвалили

защиту Иллуги. Потом они рассказали, как крепко Греттир, уже мертвый, держал меч. Все нашли, что это удивительно. Тут показалось с запада много всадников: это подъехало много друзей хозяйки и еще Гамли и Скегги с Каменников. Крючок намеревался сначала потребовать выдачи имущества Иллуги, потому что они притязали на его добро^[167]. Но когда подъехало столько народу, Крючок увидел, что дела его плохи. Оспак и Гамли больше всех горячились и хотели напасть на Крючка, но люди более мудрые говорили, что надобно посоветоваться с их родичем Торвальдом и другими знатными людьми, а Крючку, мол, придется тем хуже, чем больше мудрых людей будет участвовать в тяжбе. Благодаря такому вмешательству Крючок уехал, забрав с собою голову Греттира, потому что он хотел взять ее с собою на альтинг. Поехал он домой, думая, что дело принимает дурной оборот, потому что почти все знатные люди в стране были в родстве или свойстве с Греттиром и Иллуги.

Тем летом Скегги Короторукий женился на дочери Торорда Обрывка Драпы. Торорд тогда стал во всем заодно с родичами Греттира.

LXXXIV

Вот люди поехали на альтинг, и у Крючка оказалось меньше сторонников, чем он рассчитывал, потому что о деле его шли дурные толки. Тогда Халльдор спросил, возьмут ли они с собою на альтинг голову Греттира. Крючок сказал, что он хотел бы взять ее.

– Неразумно это, – сказал Халльдор. – У вас и без того будет предостаточно противников, незачем вам еще беречь людские чувства таким напоминанием.

Выехав на дорогу, они решили скакать на юг через Песок. Тогда велел Крючок взять голову и зарыть в одном песчаном холме. Он называется Греттиров Холм.

На альтинге было множество народу. Крючок изложил свое дело и очень хвастался тем, что убил знаменитейшего в стране преступника, и заявлял права на деньги, положенные за его голову. Но Торир ответил то же, что и прежде. Попросили законоговорителя рассудить тяжбу. Тот сказал, что хочет сперва послушать, не предъявит ли другая сторона своих обвинений, которые могли бы лишить Крючка права на деньги, положенные за голову Греттира. В противном случае деньги причитаются Крючку. Тогда Торвальд, сын Асгейра, поручил Короторукому изложить обвинение, и тот обвинил Торбьёрна Крючка, во-первых, в заклинаниях и колдовстве, которые привели Греттира к смерти, и, во-вторых, в том, что они напали на него полумертвого. И он потребовал за это объявления вне закона. Тут мнения разделились, но мало кто встал на сторону Торбьёрна. Все вышло иначе, чем он думал,

еще и потому, что Торвальд с Ислейвом, его зятем, считали, что следует лишить жизни того, кто колдовством доводит другого до смерти. И по приговору мудрых людей было вынесено по этой тяжбе такое решение, что Торбьёрн должен в то же лето покинуть Исландию и не возвращаться, куда живы те, кто вел тяжбу об убийстве Греттира и Иллуги. Тогда приняли закон, что все колдуны подлежат объявлению вне закона. И когда Торбьёрн увидел, что его ждет, он убрался с тинга, потому что Греттировы родичи уже готовы были напасть на него.

Так ему и не достались деньги, положенные за голову Греттира, потому что Стейн-законоговоритель не хотел, чтобы их платили за подлость. За людей Торбьёрна, павших на Скале Острове, не было заплачено виры: их смерть приравнивали к убийству Иллуги. И то еще его родичи были недовольны. Люди разъехались с тинга по домам, и все обвинения против Греттира отпали.

Скегги, сын Гамли и зять Торродда Обрывка Драпы, и племянник Греттира по матери, поехал на север, к Мысовому Фьорду, заручившись помощью Торвальда, сына Асгейра, и зятя его Ислейва, который потом стал епископом в Скалахольте, и согласием людей, взял лодку и поплыл к Скале Острову, дабы разыскать тела братьев, Греттира и Иллуги. Они перевезли их в Дымы на Побережье Дымов и похоронили там при церкви. И вот откуда видно, что Греттир лежит там: во времена Стурлунгов^[168], когда переносили церковь в Дымах, кости Греттира выкопали, и они показались всем на удивление большими. Кости Иллуги похоронили потом к северу от церкви. А голову Греттира похоронили на его родине, в Скале, при церкви.

Асдис-хозяйка осталась жить в Скале, и все так ее любили, что никогда не делали ей зла, даже когда Греттир был объявлен вне закона. После Асдис хозяйство в Скале перешло к Скегги Короткорукому, и он стал большим человеком. Сыном его был Гамли, отец Скегги с Бакланового Двора и Асдис, матери Одда-монаха. Многие ведут от него род.

LXXXV

Торбьёрн Крючок сел в Гусиной Бухте на корабль со всем тем, что он мог увезти из своего добра. А земли перешли к его брату Хьяльти. Крючок отдал ему и Скалу Остров. Хьяльти стал потом очень большим человеком, и о нем больше не рассказывается в этой саге.

Крючок отправился в Норвегию и очень важничал: ему казалось, что он совершил великий подвиг, убив Греттира. И многие были того же мнения, те, кто не знал, как это произошло, но многие знали, каким славным мужем был Греттир.

Он рассказывал о себе и о Греттире лишь то, что служило к его славе, и помалкивал о том, что меньше его красило. Молва об убийстве Греттира дошла к осени до Норвегии, до Тунсберга. И Торстейн Дромунд, узнав об убийстве, стал очень молчалив, потому что ему рассказывали, что Крючок – муж доблестный и закаленный. Припомнились Торстейну слова, сказанные в давнишнем их с Греттиром разговоре о руках^[169]. Торстейн стал теперь справляться о Крючке и о его поездках. Зимой они оба были в Норвегии, но Торбьёрн на севере, а Торстейн – в Тунсберге, и они не встретились. Но Крючку стало известно, что у Греттира есть брат в Норвегии, и ему показалось опасным жить с ним в чужой стране. Стал он тогда разузнавать, куда бы податься. В те времена многие норвежцы уезжали в Миклагард^[170] и нанимались там в войско. Показалось и Торбьёрну куда как лучше поехать туда за богатством и славой, чем сидеть в Северных Странах на виду у Греттировых родичей. Он снарядился в путь, отплыл из Норвегии и не останавливался, пока не достиг Миклагарда и не нанялся там в войско. Так пробыл он там некоторое время.

LXXXVI

Торстейн Дромунд был муж могущественный и уважаемый. Узнав, что Крючок уехал из Норвегии в Миклагард, он, не трата времени даром, оставил на родичей хозяйство, а сам отправился в путь, за Крючком вдогонку. И всякий раз, куда ни приедет, Крючка уже там нет. А Крючок ничего о его поездке не знал. Торстейн Дромунд достиг Миклагарда немного позже, чем Крючок, и хотел во что бы то ни стало убить его. Но они не знали друг друга в лицо.

Оба они захотели вступить в варяжскую дружину^[171], и их хорошо там приняли, когда узнали, что они норвежцы. Конунгом в Миклагарде был тогда Микаель Каталак^[172]. Торстейн Дромунд стал подстерегать Крючка, надеясь, что как-нибудь удастся его распознать. Но ему никак не удавалось это при таком многолюдстве. Лежал он ночами без сна, недовольный своей участью и сокрушаясь о великой своей утрате.

А вскоре вслед за этим варягам пришлось идти в поход, дабы избавить страну от вражеских набегов. Перед походом было у них заведено собирать людей на смотр оружия. Так было сделано и на сей раз. На смотр должны были явиться все варяги и все, кто шел в поход вместе с ними, и показать свое оружие. Пришли туда и Торстейн с Крючком. Торбьёрн первым показал свое оружие, а был это меч, принадлежавший Греттиру. И когда он его показал, все тут стали на него дивиться и говорить, что это отличное оружие, одно только жаль – в середине лезвия зазубрина. Они спросили у Крючка, откуда она, и тот ответил, что об этом стоит рассказать.

– И надобно вам знать, что в Исландии, – говорит он, – я убил богатыря по имени Греттир Силач. Это был самый что ни на есть герой и храбрец, так что его никто не мог одолеть, пока я не взялся за дело. Но мне было суждено победить его, и поэтому, хоть он и был во много раз меня сильнее, я все ж-таки его пересилил. Я ударил его по голове мечом, тут и получилась в лезвии зазубрина.

Те, кто там стоял, сказали, что, мол, крепкий же был у того череп, и стали показывать друг другу меч. Так Торстейн и узнал, который из них Крючок. Попросил и он взглянуть на меч по примеру прочих. Крючок с охотой исполнил просьбу, потому что все хвалили его за храбрость и мужество, и он ждал, что этот тоже похвалит. Он и думать не мог, что там окажется Торстейн, Греттиров родич. А Дромунд взялся за меч и в тот же миг высоко занес его и ударил Крючка. Удар пришелся по голове и был так силен, что меч раскроил череп по самые зубы, и Торбьёрн мертвый упал на землю. Люди только рты раскрыли от удивления. Казначей города сразу же схватил Торстейна и спросил, что заставило его совершить месть. Тут многие согласились, что это убийство заслуживает снисхождения, ведь Торстейн проехал полмира, чтобы отомстить за брата. Советники города сочли, что это очень может быть, но никого не было, кто бы мог подтвердить слова Торстейна, а по их закону полагалось, чтобы каждый, кто убьет человека, платился за это жизнью. Вынесли Торстейну приговор, и самый суровый: он должен был сидеть в темнице и ждать там смерти, если никто не захочет его выкупить.

Когда Торстейн вошел в тюрьму, там уже был человек. Он долго находился там и был еле жив от лишений. Там были зловоние и холод. Торстейн заговорил с человеком:

– Как тебе тут живется?

Тот отвечает:

– Хуже некуда, потому что мне никто не хочет помочь, и нет у меня родичей, которые могли бы меня выкупить.

Торстейн говорит:

– Во всяком горе можно утешиться. Будем же веселы и придумаем себе какое-нибудь развлечение.

Тот сказал, что его уже ничто не развеселит.

– Надо попробовать! – сказал Торстейн.

Взял он тогда и запел песнь. Человек он был голосистый, другого такого не сыскать. И он пел, не жалея голоса. Неподалеку от тюрьмы шла главная улица. Торстейн пел так громко, что прямо стены звенели, и тому, кто только что был чуть живой, это очень нравилось. Так Торстейн и пел до самого вечера.

Одну знатную горожанку в том городе, очень богатую и высокородную, звали Спес. Мужа ее звали Сигурдом. Он был богач, но уступал ей в знатности рода. Ее выдали за него ради богатства. Не было большой любви между супругами, и она не была довольна своим браком. Была она женщина своенравная и гордая. И вот случилось, что когда Торстейн коротал так вечер, Спес шла по улице рядом с тюрьмой и услышала, что оттуда доносится голос, такой красивый, какого она, как ей казалось, и не слыхивала. С нею шло много слуг, и она попросила их пойти туда и узнать, у кого это такой замечательный голос. Они окликнули певшего и спросили, кто тут томится. Торстейн назвался. Тогда Спес сказала:

– Ты и в другом так же преуспел, как в пении?

Он сказал, что это мало что меняет.

– В чем ты провинился, – говорит она, – что тебя хотят замучить здесь насмерть?

Он рассказал, что убил человека и отомстил за своего брата.

– Но я не мог доказать этого со свидетелями, – сказал Торстейн, – потому мне и приходится здесь сидеть, если только кто-нибудь не захочет меня выкупить. Но на это надежда плохая, потому что у меня здесь нет никаких родичей.

– Великая будет потеря, если ты погибнешь. А что – брат твой, за которого ты отомстил, был такой уж славный муж?

Торстейн сказал, что он намного всех превосходил. Она спросила, из чего это видно. Тогда Торстейн сказал такую вису:

Ветвь обручий^[173], напрасно

Восемь воинов тщились

Руку разжать Греттиру,

Меч у мертвого вырвать.

Тогда и надумали стражи

Злата^[174] – рубить на плахе

Палку плеча^[175]. Преуспели

В том вдохновители битвы^[176].

– Да, это великое геройство, – сказали те, кто уразумел эту вису. А она, услышав это, сказала так:

– Хочешь принять от меня жизнь, если будет такая возможность?

– С охотой, – сказал Торстейн, – если этого моего сотоварища, что сидит здесь, тоже со мною выпустят. А не то мы будем сидеть здесь оба.

Она отвечает:

– По-моему, ты куда большего стоишь, чем он.

– Как бы там ни было, – сказал Торстейн, – только мы либо выйдем отсюда оба, либо не выйдет ни один.

Она отправилась к варягам и попросила выпустить Торстейна, предлагая за него выкуп. Они были и сами рады этому. И благодаря своему влиянию и богатству она добилась освобождения их обоих. И, выйдя из тюрьмы, Торстейн сразу пошел к Спес-хозяйке. Она приняла его и скрыла у себя. Но он иногда ходил с варягами в походы и показал себя во всех их подвигах большим храбрецом.

LXXXVIII

В то время Харальд, сын Сигурда^[177], был в Миклагарде, и Торстейн заручился его дружбой. Торстейн слыл человеком важным, потому что Спес не допускала, чтобы он нуждался в деньгах. Они полюбили друг друга, Торстейн и Спес. Она не могла надивиться на его доблесть. Она не скупилась на расходы, желая окружить себя друзьями. Не укрылись и от ее мужа перемены в нраве ее и во всех привычках, а в особенности в ее тратах. Он не досчитывался золота и сокровищ, хранившихся у нее. И вот как-то муж ее Сигурд завел с нею разговор и сказал, что она на удивление переменилась:

– Ты совсем не печешься о нашем добре и пускаешь его на ветер. И живешь ты словно во сне. И избегаешь быть в одном месте со мною. Я знаю наверное, что есть на то причина.

Она отвечает:

– И я говорила тебе, и мои родичи, когда мы с тобою сошлись, что я хочу свободно и самостоятельно распоряжаться всем, что мне причествует. И поэтому я не берегу твоих денег. Или ты ставишь мне в вину что-то другое, для меня постыдное?

Он отвечает:

– Берет меня сомнение, нет ли у тебя кого-нибудь, кто был бы тебе милее меня.

– Не знаю, – говорит она, – откуда ты это взял. Но только думаю, что у тебя нет для этого никаких оснований. Но нам не о чем с тобою разговаривать, если ты возводишь на меня такую напраслину.

На этот раз он оставил этот разговор. Они же с Торстейном вели себя по-прежнему, не остерегаясь пересудов злых людей, потому что она уповала на свой ум и на друзей. Они часто проводили время за разговорами и развлечениями.

Как-то вечером они сидели в одной горнице, где хранились ее сокровища. Она попросила Торстейна спеть, думая, что хозяин пьет с кем-нибудь по своему обыкновению. Двери она заперла. Вот поет Торстейн сколько-то времени, как вдруг кто-то заколотил в дверь, требуя, чтобы ее открыли. Это пришел муж, и с ним много слуг. Хозяйка перед тем открыла ларь и показывала Торстейну свои сокровища. И, узнав, кто пришел, она не захотела отворять двери. Она говорит Торстейну:

– Времени нет раздумывать: прыгай сюда в ларь и сиди тихо.

Тот так и сделал. Она навесила на ларь замок и села сверху. Тут муж ворвался в горницу, а двери взломали. Хозяйка сказала:

– Что это вы так разбушевались? Или враги за вами гонятся?

Хозяин отвечает:

– Ну что же, хорошо, что ты сама себя показала, какова ты есть. Где этот человек, что тут заливался? Видно, что его голос тебе нравится больше моего.

Она сказала:

– Тот еще не совсем дурак, кто умеет молчать. Но о тебе этого не скажешь: ты считаешь себя хитрецом и думаешь опорочить меня своей ложью. Но она выйдет наружу. Если ты говоришь правду, хватай его, ведь не мог же он выпрыгнуть сквозь стены или крышу.

Он обыскал дом, но никого не нашел.

Она сказала:

– Что же ты его не хватаешь, если так уверен в своей правоте?

Он промолчал, недоумевая, как это так его провели, и спросил у сопровождавших его, разве они не слышали того же, что и он. Но они, увидев, что хозяйка недовольна, не стали свидетельствовать, говоря, что, мол, случается и ослышаться. Тогда хозяин ушел, уверенный, что правда ему известна, хоть он и не нашел того человека. После этого он еще долгое время смотрел за хозяйкой и всеми ее делами.

В другой раз – это гораздо позже – Торстейн и Спес сидели в клетке, где у нее с хозяином хранились шитое платье и ткани. Она показывала Торстейну много разных тканей, и они все их расстилали. Они и ждать не ждали, как вдруг явился хозяин и с ним много народу и взломали дверь. А она тем временем набросила на Торстейна одежду и прислонилась к куче одежды, когда те вошли.

– Ты все еще станешь отрицать, – говорит хозяин, – что тут у тебя был человек? Тут со мною люди, которые вас обоих видели.

Она просила их утихомириться:

– Уж теперь-то у вас ничего не сорвется. Только меня оставьте в покое и не толкайтесь.

Они обыскали дом и ничего не нашли, так и остались ни с чем. Тогда хозяйка сказала:

– Всегда хорошо выдержать испытание вопреки надежде многих. Следовало ждать, что вы не найдете то, чего нет. Не думаешь ли ты, муженек, признать свою глупость и сиять с меня этот навет?

Он сказал:

– Теперь, когда я окончательно уверился в том, что мои обвинения против тебя справедливы, я и подавно этого не сделаю. Придется уж тебе самой об этом позаботиться, если ты хочешь обелить себя.

Она сказала, что ничего не имеет против. На этом их разговор и кончился.

После этого случая Торстейн был все больше с варягами. И, говорят, что он прибегал к советам Харальда, сына Сигурда. И люди думают, что они не сумели бы так выпутаться, если бы не поддержка Харальда и не его мудрость. Прошло некоторое время, и Сигурд-хозяин сказал, что ему нужно уехать по какому-то делу. Хозяйка не стала его удерживать. И когда хозяин уехал, Торстейн пришел к Спес, и теперь они все время были вместе. Усадьба ее была у самого моря, и море подходило прямо к некоторым постройкам. Там и сидели обычно Спес с Торстейном. В полу там была маленькая дверка, о которой никто, кроме них двоих, не знал. Она оставалась открытой на случай, если вдруг понадобится.

Теперь надо сказать про хозяина, что он никуда и не думал уезжать, а спрятался, чтобы следить за хозяйкой. И вот случилось однажды вечером, когда они, ничего не подозревая, сидели в морской горнице и забавлялись, неожиданно подошел туда хозяин с целой толпой людей, и, подведя некоторых к окну, что было в доме, просил их взглянуть, не так ли все, как он говорил. Все говорили, что так оно и есть и так, верно, было и раньше. Побежали они к горнице. И, услышав этот шум, Спес сказала Торстейну:

– Ты должен во что бы то ни стало спуститься. Поддай мне знак, как выберешься из дому.

Он сказал, что, мол, ладно, и кинулся под пол, а хозяйка толкнула дверку ногой. Дверка захлопнулась, и никаких следов на полу не осталось. Хозяин вбежал со своими людьми в горницу. Принялись они все обыскивать, но ничего, как и следовало ожидать, не нашли. Горница была вся пуста: ничего там не было, кроме голого пола и лавок. Хозяйка сидела и играла пальцами. Она мало обращала на них внимания и вела себя, как ни в чем не бывало. Хозяину показалось, что это уж совсем странно, и он спросил у своих людей, не видали ли они тут человека. Те сказали, что, конечно, видели.

Тогда хозяйка сказала:

– Вот и вышло прямо по поговорке: два раза было, третьего не миновать. Не так ли и с тобою, Сигурд? Ты, кажется, трижды доставлял мне беспокойство. Не поумнел ли ты теперь против прежнего?

– Теперь я не единственный, кто может против тебя показать, – говорит хозяин. – За все это ты должна подвергнуться суду Божьему, потому что я не потерплю, чтобы весь этот позор остался без возмездия.

– По-моему, – говорит хозяйка, – ты требуешь того, что я и сама хочу предложить, потому что для меня нет ничего лучше, как снять с себя это обвинение. Оно уж и так разнеслось по всему свету, и будет для меня великим бесчестьем, если я от него не избавлюсь.

– Ты заодно должна будешь показать, – говорит хозяин, – что никому не отдавала моего добра и сокровищ.

Она отвечает:

– Очистившись судом Божиим, я избавлюсь заодно от всего, что ты на меня наговариваешь. Но подумай, к чему это приведет. Завтра же утром я отправлюсь к епископу, и он расскажет мне все, что я должна делать, дабы полностью снять с себя обвинение.

Хозяин сказал, что он удовлетворен, и ушел со своими людьми.

Теперь нужно рассказать про Торстейна, что он выбрался вплавь из усадьбы и, выйдя, где ему понравилось, на берег, поднял вверх зажженное полено, так чтобы было видно из усадьбы Спес. Она же долго ходила вечером и ночью у дома, желая узнать, добрался ли Торстейн до берега. А увидев огонь, она поняла, что он вышел на берег, потому что у них был такой уговор.

Наутро Спес сказала мужу, что им надобно рассказать о своем деле епископу. Тот охотно согласился. Вот предстают они перед епископом, и хозяин обвиняет ее все в том же, что и прежде. Епископ спросил, замечалось ли за ней это прежде. Все говорят, что ничего такого не слышали. Тогда епископ спросил, какие у того основания для подобного обвинения. Хозяин вывел вперед людей, выдавших, что она сидела, запершись, с одним мужчиной. И хозяин высказал подозрение, что это ее соблазнитель. Епископ сказал, что она вполне может очиститься от этого обвинения, если пожелает. Она сказала, что этого она теперь и хочет.

– И уверена, – сказала Спес, – что найдется немало женщин, готовых клятвенно подтвердить мою невиновность.

Сказали ей слова клятвы и назначили день, когда она должна была приносить эту клятву. Потом она пошла домой и была как будто всем довольна. Встретились они с Торстейном и держали совет.

LXXXIX

Вот прошло время, и наступил день, когда Спес должна была приносить клятву. Она созывает всех друзей и родичей и наряжается в лучшие свои одежды. Ее сопровождали многие дамы. Была очень дождливая погода. На дороге было мокро, и перед входом в церковь надо было перейти большую лужу. И, когда Спес и ее сопровождающие подошли к луже, там толпилось множество народу, и среди них много нищих, просивших милостыню, потому что это было на улице. Все считали своим долгом ее приветствовать, кто как умел, и все желали ей добра за то, что она так много им помогала. Был там, между других бедняков, один нищий старик, большого роста и длинноростый. Женщины остановились перед лужей, потому что им казалось, что никак не перейти через такую грязь. И высокий нищий, увидав хозяйку, самую среди всех нарядную, сказал ей так:

– Добрая хозяйка, не погнушайся тем, что я перенесу тебя через эту лужу, потому что мы, нищие, обязаны служить тебе в меру наших сил.

– Как это ты перенесешь меня, – сказала она, – если ты и себя носить не можешь?

– Зато ты показала бы свое смирение, – говорит он. – Я не могу предложить тебе лучшего, чем сам имею. И это послужит к твоему же благу, что ты не погнушалась бедным человеком.

– Так и знай, – говорит она, – если плохо меня перенесешь, будешь выпорот, если не что-нибудь похуже.

– С радостью пойду на такой риск, – сказал он и вступил в самую лужу.

Она всячески выражала свое недовольство тем, что он ее понесет, но все-таки устроилась у него на спине. Заковылял он еле-еле на двух костылях и, дойдя до середины лужи, зашатался из стороны в сторону.

Она просила его поднатужиться:

– И если ты свалишь меня в лужу, тебе несдобровать.

Идет бедняга дальше, напрягая все силы. Лезет он вон из кожи и почти добрался, наконец, до сухого места. И тут он споткнулся и растянулся: ее-то успел сбросить на сухое место, а сам упал в лужу, только руки торчат. И тянет он, лежа, к хозяйке руки, и все никак не уцепится ей за платье. Тогда он схватил ее колено и выше, за голую ляжку. Она вскочила и стала ругать его, говоря, что, мол, не жди ничего хорошего от этих скверных нищих:

– И тебя бы стоило как следует отколотить, если бы не твое убожество.

Тогда он сказал:

– Не всякому повезет. Я-то хотел сделать тебе добро и надеялся на подавание, а получил от тебя только брань и угрозы и ничего больше.

И он вел себя, как если бы опечалился всей душой. Многих он разжалобил, но она говорила, что это пройдоха, каких мало. Но так как многие за него просили, она взяла свой кошелек – а в нем было много золотых монет, – вытряхнула монеты и сказала:

– На, держи, старик. Нехорошо будет, если ты не получишь сполна за то, что я тебя обругала. Но теперь ты получил все, что заработал.

Он подобрал золото и поблагодарил ее за доброе дело. Спас пошла в церковь, и там было множество народу. Сигурд повел дело с большим напором и потребовал, чтобы она очистилась от обвинений, которые он ей предъявляет. Она отвечает:

– Меня нисколько не заботят твои обвинения. И какого это человека ты, по твоим словам, у меня видел? Ведь у меня часто случается быть одному или другому славному мужу, и я не стыжусь этого. Я готова поклясться в том, что ни одному мужчине я не давала денег и ни один не касался моего тела, кроме моего мужа, да еще этого нищего, который положил грязную руку мне на бедро, когда переносил меня сегодня через лужу.

Многие согласились, что этого достаточно для полной клятвы и что пусть нищий и обошелся с нею неподобающе, это никак не может ее

запятнать. Она сказала, что ей следовало упомянуть все, что было. После этого она дала клятву, слова которой были только что приведены. Многие говорили, что она подтвердила пословицу: клятва все покроет^[178]. Она сказала, что всякий мудрый человек убедится, что тут не было никакой задней мысли. Тогда ее родичи стали говорить, что было бы большим унижением для родовитой женщины оставить без возмездия подобную клевету, потому что жена, уличенная в прелюбодеянии, каралась там смертью. Спес попросила тогда епископа развести их с Сигурдом, потому что она-де не желает терпеть его наговоры. Родичи поддержали ее просьбу. И так, с их помощью и с помощью приношений, их с Сигурдом развели, и ему мало что досталось из их имущества. Заставили его покинуть страну. И все вышло так, как обычно и бывает: кто слабее, тот и гнется. Так он ничего и не добился, хоть и говорил правду. Спес достались теперь все их деньги, и она прослыла недюжинной женщиной. И когда люди поразмыслили над ее клятвой, почудилось им, будто не все в ней ладно, и подумали, что не иначе, как мудрые люди сочинили для нее слова той клятвы. Дознались люди и до того, что нищий, который ее переносил, был Торстейн Дромунд. Но Сигурд все же так и не отстоял своих прав, и о нем больше не рассказывается в этой саге.

ХС

Пока был самый большой шум вокруг этого дела, Торстейн Дромунд был в походе с варягами. Он там настолько прославился, что считали, второго такого героя и не бывало. Он был в большой чести у Харальда, сына Сигурда, потому что тот ценил свое родство с ним. И Торстейн, как думают люди, следовал его советам.

Вскоре после того, как Сигурда изгнали из страны, Торстейн посватался к Спес. Она с достоинством приняла сватовство и направила его к своим родичам. Те держали совет и решили единодушно, что ей самой и решать. Сочетались они браком и стали жить в добром согласии и в богатстве. Торстейн прослыл очень удачливым человеком: так он сумел выпутаться из всех трудностей. Они прожили вместе два года в Миклагарде. А потом Торстейн сказал своей жене, что хочет он возвратиться в свои владения в Норвегии. Она сказала, что ему и решать. Тогда он продал свое имущество, и они получили много денег. Они выехали с добрыми спутниками и держали путь прямо в Норвегию. Родичи Торстейна встретили их обоих очень хорошо и скоро увидели, что Спес и щедра, и благородна. Вскоре все очень ее полюбили. У них были дети, и так они жили в своих владениях и радовались своему счастью.

Конунгом в Норвегии был тогда Магнус Добрый^[179]. Торстейн, не откладывая, к нему поехал и был хорошо принят, потому что он снискал

большую славу тем, как отомстил за Греттира Силача. Люди больше и не знали тому примеров, чтобы за какого-нибудь исландца, кроме Греттира, сына Асмунда, отомстили в Миклагарде. Торстейн спокойно прожил десять лет с тех пор, как вернулся в Норвегию, и их с женою считали обоих достойнейшими людьми. Тут возвратился из Миклагарда конунг Харальд, сын Сигурда, и Магнус отдал ему пол-Норвегии. Некоторое время они оба были конунгами в Норвегии. Следующим летом скончался конунг Магнус Добрый, и конунг Харальд стал править Норвегией один. После кончины Магнуса-конунга многие были опечалены, те, кто были ему друзьями, потому что все его любили. А от Харальда-конунга всего можно было ждать, потому что он был суров и скор на расправу. Торстейн Дромунд состарился, но был все еще очень крепок. Так минуло шестнадцать зим со смерти Греттира, сына Асмунда.

XCI

Многие склоняли Торстейна к тому, чтобы явиться к Харальду-конунгу и сделаться его приближенным, но он не соглашался.

Тогда Спес сказала:

– Не хочу я, Торстейн, чтобы ты шел к Харальду-конунгу, ибо у нас больше долг перед другим конунгом, и следует нам об этом подумать. Ведь мы уже на склоне лет и далеко не молоды. Но мы больше следовали своим желаниям, нежели христианским заповедям или требованиям справедливости. И я знаю, что ни родичи наши, ни богатство не освободят нас от этого нашего долга, если мы сами его не заплатим. Я хочу, чтобы мы изменили всю свою жизнь и, покинув страну, поехали к папскому двору, ибо верю, что это облегчит от греха мою душу.

Торстейн отвечает:

– Мне тоже знакомо все это, о чем ты говоришь. И надобно, чтобы ты сама решала те дела, которые послужат к нашему благу: ведь когда ты полагалась на мои решения, это бывало нам больше на пагубу. Пусть же все будет так, как ты захочешь.

Люди никак этого не ожидали. Было Торстейну уже шестьдесят семь зим, но он был еще крепок и бодр. Он позвал к себе всех своих родственников и свойственников и объявил им свои намерения. Мудрые люди их поддержали, но все-таки их отъезд казался всем большой потерей. Торстейн сказал, что нельзя знать наверное, вернутся ли они.

– Теперь я хочу поблагодарить вас всех, – говорит он, – за то, как вы управляли моим имуществом, когда я последний раз уезжал из страны. Я хочу вас теперь попросить, чтобы вы приняли имущество моих детей и их самих и воспитали их по своим понятиям, ибо я уже в таком возрасте, что нельзя сказать, возвращусь ли я или нет, даже если жив

буду. И смотрите за всем, что я здесь оставляю, как если бы я никогда не вернулся в Норвегию.

Люди отвечали, что хорошо бы хозяйка осталась за всем присматривать. Тогда она сказала:

– Я уехала с Торстейном из своей земли и из Миклагарда и покинула родичей и добро, ибо хотела, чтобы у нас с ним была одна судьба. Теперь я обвыклась здесь, но не мила мне будет жизнь в Норвегии и в северных странах, если он уедет. Мы всегда жили в добром согласии, и никогда не случилось между нами розни. Вместе мы теперь и уедем, потому что многое мы с ним вместе извели с той поры, как встретились.

И когда они объявили так свои намерения, Торстейн попросил почтенных людей разделить пополам все имущество. Родичи Торстейна взяли половину, оставленную детям, и те выросли у своих родичей по отцу и стали впоследствии достойнейшими людьми, и многие в Вике ведут от них свой род. А Торстейн и Спес разделили свою долю и часть отдали церкви для спасения души, а часть взяли с собою. Вот пустились они в путь в Рим, и многие желали им добра.

XCII

Ехали они так, ехали, пока не достигли города Рима. И, явившись к тому, кто был поставлен исповедовать людей, они рассказали ему всю правду, как все у них было и какую хитростью они заключили брак. Они покорно соглашались на любое наказание, какое он собирается на них наложить. И поскольку они сами пришли к решению искупить свой обман без всякого принуждения и насилия со стороны церкви, на них наложили самое легкое наказание, какое только было возможно. И призвали их с любовью, чтобы они, вооружась разумом, позаботились о своей душе и, заслужив отпущение грехов, жили праведной жизнью. Им обоим казалось, что они поступили хорошо и мудро. Тогда Спес сказала:

– Вот и кончилось все для нас хорошо: не одну только беду мы с тобой разделили. Может быть, неразумным людям наша прежняя жизнь и послужит примером, но теперь мы должны так завершить нашу жизнь, чтобы она послужила примером для добрых людей. Теперь нам надо нанять искусных каменщиков, чтобы они сложили нам кельи, каждому свою. Так мы искупим свой грех перед Богом.

Торстейн заплатил за кельи для них обоих и за все остальное, в чем они нуждались и без чего не могли обойтись. И когда была завершена эта постройка и все было готово, они выбрали время и по своей воле положили конец своему недолгому общению на земле, с тем, чтобы вернее соединиться навечно в мире ином. Они затворились каждый в своей келье и жили столько, сколько дал им Бог, и так закончили свою

жизнь. И большинство говорит, что Торстейн Дромунд и его жена Спес была самыми удачливыми людьми, учитывая, сколько они нагрешили. Не рассказывается, чтобы кто-нибудь из их детей или потомков приехал в Исландию.

XCIII

Лагман Стурла сказал, что он не знает никого из объявленных вне закона, кто был бы так велик, как Греттир Силач. Он находит для этого три основания. И первое, что он считает Греттира самым мудрым, потому что он дольше всех прожил в изгнании и никто не мог победить его, покуда он был здоров. И, во-вторых, потому что он был сильнее всех своих сверстников в Исландии и больше всех преуспел в схватках со всякой нечистью да нежитью. И, в-третьих, потому что за него отомстили в Миклагарде, как ни за какого другого исландца. И надо прибавить еще, каким удачливым человеком был в конце жизни Торстейн Дромунд, тот, кто отомстил за Греттира. Здесь кончается сага о Греттире, сыне Асмунда.

Сага о Торстейне Битом

Перевод О. А. Смирницкой

«Сага о Торстейне Битом» (*Þorsteins saga stangarhöggs*) – самая маленькая из «саг об исландцах». Она состоит на 48 процентов из диалогов, и, как в большинстве саг с Восточных Фьордов, стихов в ней нет. События, описываемые в ней, должны были произойти ок. 1000 г. Искусство, с которым рассказана эта сага, давно обратило на себя внимание. В 1966 г. было опубликовано исследование этой саги, в котором ее искусство представлено в виде симметричных числовых соотношений и диаграмм (*Н. М. Heinrichs. Die künstlerliche Gestaltung des Þorsteins þáttar stangarhöggs // Festschrift W. Baetke. Weimar, 1966. С. 167–174*). Сага была написана, как предполагается, в 1250–1275 гг. Она сохранилась в бумажных списках и фрагменте пергамента XV в. Перевод сделан по изданию: *Íslendinga sögur, Íslendingasagnaútgáfan. X. Reykjavík, 1953.*

I

Жил в Солнечной Долине человек по имени Торарин, старый и почти совсем слепой. В молодости он был великим викингем. Он был человек

не из покладистых, хотя уже и старый. Был у него сын по имени Торстейн, рослый, очень сильный и притом миролюбивый. Он работал за троих в хозяйстве у своего отца. Торарин был небогат, но оружия у него было довольно. Еще у отца с сыном был табун, и продажа коней приносила им хороший доход, потому что кони эти никогда не подводили в дороге и были непугливы.

Жил человек по имени Торд. Он был работником у Бьярни из Капища. Он ходил за верховыми лошадьми Бьярни, поэтому его называли конюхом. Торд был очень задирист и всем давал почувствовать, что он работник у большого человека. Это не делало его более достойным, и его мало кто любил.

У Бьярни работали еще двое: одного звали Торхалль, другого – Торвальд. Они всегда разносили сплетни обо всем, что слышали в округе.

Торстейн и Торд сговорились устроить бой молодых коней^[180]. Во время боя конь Торда плохо кусался. И вот Торд, когда ему показалось, что конь его сдает, сильно ударил по морде коня Торстейна. Увидев это, Торстейн тоже ударил коня Торда, еще сильнее, и конь Торда пустился бежать, а люди все заулюлюкали. Тогда Торд стукнул Торстейна шестом, и удар пришелся в бровь, так что глаз весь заплыл. Тогда Торстейн отрывает лоскут от полы рубахи и завязывает бровь. Он ведет себя как ни в чем не бывало и просит людей ничего не рассказывать отцу. Дело дальше не пошло.

Торвальд и Торхалль подняли Торстейна на смех и прозвали его Битым.

Незадолго до праздника середины зимы^[181] женщины в Солнечной Долине встали работать. Встал и Торстейн, он наносил сена и потом лег на скамью. Тут заходит старик Торарин, его отец, и спрашивает, кто это там лежит. Торстейн назвался.

– Что это ты так рано на ногах, сынок? – спросил старик Торарин.

Торстейн отвечает:

– Что тут особенного? Не такой уж это труд, по-моему.

– Не болит ли у тебя голова, сынок? – сказал старик Торарин.

– Не замечал, чтобы болела, – сказал Торстейн.

– Что ты расскажешь мне, сынок, о прошлогоднем бое коней? Не побили ли тебя там до полусмерти, как собаку?

– По-моему, не стоит, – говорит Торстейн, – принимать за удар простую случайность.

Торарин сказал:

– А я никогда бы не подумал, что мой сын трус.

– Не говори, отец, того, – говорит Торстейн, – что тебе потом покажется лишним.

– Я и не скажу здесь всего того, что у меня на душе, – сказал Торарин.

II

Вот Торстейн встал, взял оружие и отправился из дому, и пошел в ту конюшню, где были лошади Бьярни. Торд как раз был там. Торстейн пошел к Торду и сказал ему:

– Хотел бы я знать, дорогой Торд, нечаянно ли это у тебя так вышло, что ты ударил меня прошлым летом на бою коней, или ты сделал это нарочно и тогда захочешь заплатить мне выкуп.

Торд отвечает:

– Ежели у тебя две глотки, пускай язык мелет в каждой свое и пускай в одной зовет это, если хочешь, случаем, а в другой – умыслом. Вот и весь выкуп, который ты от меня получишь!

– Будь тогда готов к тому, – сказал Торстейн, – что я, может, в другой раз просить не стану.

Затем Торстейн бросился к нему и зарубил насмерть, а потом пошел к дому, в Капище, и, повстречав возле дома женщину, сказал ей:

– Скажи Бьярни, что бык забодал Торда, его конюха, и он будет лежать там, покуда тот не придет.

– Иди-ка ты домой, – сказала женщина, – а я скажу, как мне покажется нужным.

Вот идет Торстейн домой, а женщина идет работать.

III

Утром Бьярни встал и, сев за стол, спросил, где это Торд, и ему ответили, что, наверно, он пошел к лошадям.

– Пора бы ему, я думаю, прийти, если с ним ничего не случилось, – сказал Бьярни.

Тут заговорила та женщина, которую встретил Торстейн:

– Правду часто говорят нам, женщинам, что от нас никогда не дождешься толка. Тут приходил поутру Торстейн Битый и сказал, что бык забодал Торда, но мне не хотелось будить тебя, а потом это совсем выскочило у меня из головы.

Бьярни встал из-за стола, пошел к конюшне и увидел, что Торд убит. Его похоронили. Бьярни начинает тяжбу и добивается, что Торстейна объявляют вне закона за это убийство. Но Торстейн по-прежнему оставался у себя дома, в Солнечной Долине. Он работал на своего отца, а Бьярни ничего больше не предпринимал.

Осенью люди в усадьбе сидели и палили ягнячьи головы, а Бьярни лежал у стены дома и слушал, о чем они разговаривают. Вот заговорили братья, Торхалль и Торвальд:

– И не гадали мы, нанимаясь к Бьярни Бойцу, что нам доведется палить здесь ягнячьи головы в то время, как Торстейн, которого он же

объявил вне закона, будет палить бараньи головы. Было бы лучше побольше щадить своих родичей в Долине Бёдвара^[182], чем позволять объявленному вне закона жить рядом с собой в Солнечной Долине. Но многие, изведав раны, становятся робкими^[183], и мы не знаем, когда же он наконец смоет с себя это пятно.

Один человек сказал:

– Дурные это слова, и не иначе как злые силы тянули вас за язык. Бьярни не захочет, мы думаем, оставить без защиты слепого отца Торстейна и всех тех, кого Торстейн кормит в Солнечной Долине. И мне покажется удивительным, если вам еще часто придется палить здесь ягнячьи головы и хвастаться тем, что произошло в Долине Бёдвара.

Потом все идут есть, а там и спать, и Бьярни не подает виду, что он слышал этот разговор.

IV

Наутро Бьярни разбудил Торхалля и Торвальда и велел им ехать в Солнечную Долину и привезти к часу завтрака голову Торстейна.

– По-моему, – говорит он, – вы самые подходящие люди для того, чтобы смыть пятно с моей чести, раз мне самому не хватает духу.

Теперь им кажется, что они наговорили лишнего. Все же они едут в Солнечную Долину. Торстейн стоял в дверях и точил меч. Когда они подъехали, он спросил, куда это они направляются. Они же сказали, что им надо разыскать лошадей. Торстейн сказал:

– Их незачем долго искать, раз они здесь, у двора.

– Может случиться, что мы все же не найдем лошадей, если ты сам на них не укажешь.

Торстейн выходит. И когда они сошли во двор, Торвальд заносит секиру и бросается на него. Но Торстейн оттолкнул его рукой, так что тот упал ничком, и Торстейн пронзил его мечом. Тогда Торхалль хотел напасть на него, но и его ждал тот же конец, что и Торвальда. Торстейн привязывает их обоих к седлам, набрасывает поводья на шею коням и выводит коней на дорогу, и они идут домой, в Капище. Около дома, в Капище, стояли работники, они пошли в дом и сказали Бьярни, что Торвальд с братом вернулись и что съездили они не напрасно. Вот Бьярни выходит и видит, как обстоит дело, и, не тратя лишних слов, велит похоронить их. И до самого праздника середины зимы все спокойно.

V

Однажды вечером Раннвейг заводит разговор, когда они легли с Бьярни в постель.

– Как ты думаешь, – говорит она, – о чем сейчас больше всего толкуют в округе?

– Не знаю, – говорит Бьярни. – Мало ли что говорят!

– Люди больше всего говорят о том, что они и не знают, что еще надо сделать Торстейну Битому, чтобы ты посчитал нужным ему отомстить. Вот он уже убил троих твоих работников. Людям из твоего годорда^[184] не приходится рассчитывать на твою поддержку, если ты не отомстишь, а ты все сидишь сложа руки.

Бьярни отвечает:

– Вот и выходит, что правду говорят: на чужих ошибках не научишься. Я послушаюсь тебя и сделаю, как ты говоришь. А все же Торстейн мало кого убивал ни за что.

Они прекращают разговор и спят до утра. Наутро просыпается Раннвейг, а Бьярни уже снял щит. Она спрашивает, куда это он собрался. Он отвечает:

– Пора нам с Торстейном из Солнечной Долины померяться силами.

– Сколько людей возьмешь ты с собою?

– Не потащу я много людей к Торстейну, – говорит он. – Поеду один.

– Не делай этого, – говорит она, – не суйся один под меч этого злодея!

Бьярни сказал:

– Не бери пример с тех женщин, которые льют слезы о том, к чему только что подстрекали. А я уже довольно терпел ваши подстрекательства. И не к чему меня удерживать теперь, когда я сам хочу ехать.

Вот едет Бьярни в Солнечную Долину, а Торстейн стоит в дверях. Они обменялись несколькими словами. Бьярни сказал:

– Ты должен, Торстейн, биться сегодня на поединке со мною на той горке, что стоит у твоей усадьбы.

– У меня рука не подымается биться с тобою, – говорит Торстейн. – Я уеду с первым же кораблем, потому что мне известно твое благородство: ты ведь не оставишь без помощи моего отца, если я уеду.

– Теперь уже нечего отговариваться, – говорит Бьярни.

– Тогда позволь мне сперва повидаться с отцом, – сказал Торстейн.

– Пожалуйста, – сказал Бьярни.

Торстейн пошел в дом и сказал отцу, что явился Бьярни и вызвал его на поединок. Старик Торарин ответил:

– Всякий, кто имеет дело с могущественным человеком и живет с ним в одной округе, и притом задел его честь, может быть уверен: немного рубашек осталось ему сносить. И я не стану тебя оплакивать, потому что ты, по-моему, дал достаточный повод к этому. Берись теперь за оружие и защищайся со всею храбростью, ибо так уж повелось у меня в жизни, что я не стал бы кланяться такому человеку,

как Бьярни. А ведь Бьярни – славный воин. По мне, лучше потерять тебя, чем иметь сыном труса.

VI

Вот Торстейн выходит, и они идут оба на горку и начинают поединок. Они бились с большим упорством и изрубили друг другу щиты. И когда они уже немало времени так сражались, Бьярни сказал Торстейну:

– Мне хочется пить, ведь я не так привычен, как ты, к подобной работе.

– Ну что ж, иди к ручью и пей, – сказал Торстейн.

Бьярни так и сделал, а меч положил рядом. Торстейн поднял меч взглянул на него и сказал:

– Не тот ли меч был у тебя в Долине Бёдвара?

Бьярни ничего не ответил. Они снова поднимаются на горку и сражаются еще некоторое время, и Бьярни находит, что Торстейн доблестный боец, куда крепче в битве, чем он ожидал.

– Все что-то случается со мной сегодня, – сказал Бьярни. – Теперь башмак у меня развязался.

– Ну так завяжи, – говорит Торстейн.

Бьярни нагибается, а Торстейн идет в дом и выносит оттуда два щита и меч, подымается на горку к Бьярни и говорит ему:

– Вот тебе щит и меч от моего отца. Этот меч не так скоро затупится от ударов, как твой прежний. И у меня нет желания стоять без щита под твоими ударами. Я бы охотно прекратил теперь эту игру, потому что боюсь, твоя удача пересилит мою неудачу, а всякий, что бы то ни было, жаден до жизни

– Теперь нечего идти на попятный! – сказал Бьярни. – Будем сражаться дальше!

– Я не стану рубить первым, – сказал Торстейн.

Тогда Бьярни перерубает весь щит у Торстейна, но и Торстейн выбивает щит у Бьярни.

– Здорово ты рубишь! – сказал Бьярни.

Торстейн ответил:

– И ты рубишь не хуже!

Бьярни сказал:

– То же у тебя оружие, что и прежде, а разит теперь куда лучше.

Торстейн сказал:

– Хотел бы я избавить себя от беды, если возможно, и боюсь сражаться с тобой. Хочу я по-прежнему сдаться под твою власть.

Рубить должен был Бьярни, а они оба были теперь без щитов. Тогда Бьярни сказал:

- Было бы плохой сделкой обменять удачу на преступление. Я считаю, что ты один – достаточная плата за троих моих работников, если ты будешь хранить мне верность.

Торстейн сказал:

- У меня был сегодня не один случай предать тебя, если бы моя неудача оказалась сильнее твоей удачи. Теперь уже я никогда не предаю тебя.

- Вижу я, что ты очень хороший человек, – сказал Бьярни. – Позволь мне сходить к твоему отцу и сказать ему обо всем так, как я считаю нужным.

- Иди и делай, как хочешь, – сказал Торстейн. – Но будь осторожнее.

VII

Тогда Бьярни пошел к спальной нише, где лежал старый Торарин. Торарин спросил, кто это там, и Бьярни назвалсЯ.

- Какие у тебя новости, дорогой Бьярни? – сказал Торарин.

- Убит Торстейн, твой сын, – сказал Бьярни.

- Защищался ли он хоть немного?

- Не знаю никого, кто был бы проворнее в схватке, чем твой сын Торстейн.

- Неудивительно, – сказал старик, – что им так доставалось от тебя в Долине Бёдвара, раз теперь ты одержал верх над моим сыном.

Тогда Бьярни сказал:

- Я хочу позвать тебя к себе в Капище. Ты будешь сидеть, покуда жив, на втором почетном месте, а я буду тебе за сына.

- Со мною здесь обстоит дело так же, – сказал старик, – как и со всеми, кто стар и немощен. Только глупец рад посулам. Немногого стоят ваши, знатных людей, обещания, когда вы хотите утешить человека после такого несчастья: едва ли на месяц хватает утешений, а потом с нами обращаются как с нищими, и нескоро забывается наше горе. Но тот, кто примет помощь от такого человека, как ты, все же может радоваться своей доле, и бывали уже тому примеры. И я приму твою помощь. Подойди-ка теперь ко мне сюда, потому что ноги у меня, старика, совсем дрожат от старости и болезней, не поручусь, что не отозвалась на мне и смерть сына.

Бьярни пошел к его постели и взял старого Торарина за руку. Тут он обнаружил, что тот нащупал меч и хочет его ударить. Он оттолкнул его руку и сказал:

- Разнесчастный ты старик! Но теперь все у нас будет на славу. Торстейн, твой сын, жив, он отправится со мною в Капище, ты же получишь рабов, которые будут на тебя работать, и, покуда ты жив, ни в чем не будет у тебя недостатка.

Торстейн поехал с Бьярни в Капище и не покидал его до самой смерти, и мало кто мог с ним сравняться в благородстве и мужестве.

VIII

Все по-прежнему почитали Бьярни, и чем дольше он жил, тем больше его любили и тем мудрее он становился, и на него во всем можно было положиться. В конце жизни он стал очень верующим человеком. Бьярни уехал из Исландии, и предпринял полонничество в Рим, и в пути умер. Он покойся в городе, который называется Валери. Это большой город неподалеку от Рима.

У Бьярни было большое потомство. Сыном его был Бродли Бородач, которого часто упоминают в сагах, он был одним из самых выдающихся людей своего времени. Дочерей Бьярни звали Халла и Гудрид, на которой женился Кольбейн Законоговоритель. Дочерью Бьярни была и Ингвильд, на которой женился Торстейн, сын Халля с Побережья, а сыном их был Магнус, отец Эйнара, отца епископа Магнуса. Сыном Торстейна и Ингвильд был и Амунди. Он женился на Сигриде, дочери Торгрима Слепого. Халльфрид была дочерью этого Амунди, отца Гудмунда, отца Магнуса Доброго и Торы, на которой женился Торвальд, сын Гицура, и другой Торы, матери Орма со Свиной Горы. Дочерью Амунди была и Гудрун, мать Тордис, матери Хельги, матери Гудню, дочери Эйвинда, матери сыновей Стурлы, Торда, Сигвата и Снорри. Дочерью Амунди была и Раннвейг, мать Стейна, отца Гудрун, матери Арнфрида, на которой женился Хельги Толстяк. Дочерью Амунди была и Торкатла, мать Арнбьёрг, матери Финна Священника и Торгейра и Турид, и от них произошли многие знатные люди.

Здесь кончается сага о Торстейне Битом.

Сага о Храфнкеле, годи Фрейра

Перевод О. А. Смирницкой

Эта небольшая сага (ее исландское название – Hrafnkels saga Freysgoða), состоящая на 53 процента из диалогов, давно уже привлекла к себе внимание тем необыкновенным искусством, с которым в ней рассказана история одного годи с Восточных Фьордов Исландии (в языческое время годи был жрецом, содержавшим местное капище и обладавшим властью в своей округе – так называемом годорде). «Сага о Храфнкеле» оказалась в центре внимания исследователей в связи с интересом к проблеме происхождения «саг об

исландцах», и очень различные мнения были высказаны о том, что представляет собой эта сага. До сороковых годов нашего века считалось, что она целиком основана на правдивой устной традиции, восходящей к X в., то есть тому времени, когда жил Годи Храфнкель. Так считал, в частности, Финн Иоунссон, крупнейший филолог-исландист конца XIX – начала XX в. Иоунссон считал, что сага была написана (или, вернее, «записана») не позднее 1200 г., а может быть, и раньше. Совсем другое мнение высказал крупнейший исландский литературовед С. Нордаль в своей книге об этой саге (*Sigurður Nordal. Hrafnkatla. Reykjavík, 1940 («Íslenzk fræði». 7)*). Сопоставив «Сагу о Храфнкеле» с источниками, которые он считал более достоверными, Нордаль обнаружил в ней ряд ошибок в фактах, именах, топонимике и т. д. и пришел к выводу, что сага эта вовсе не основана на устной традиции, а представляет собой сознательный художественный вымысел, аналогичный историческим романам Нового времени. Сага была написана, по мнению Нордаля, не раньше последней четверти XIII в., то есть позднее других «саг об исландцах». К аналогичным выводам пришел английский специалист Гордон, статья которого была, по-видимому, неизвестна Нордалю (*S. V. Gordon. On Hrafnkels saga Freysgoða // Medium Aevum. VIII. 1939. С. 1–32*). Некоторые исследователи пошли еще дальше. Так, немецкий исландист Бэтке во введении к своему изданию саги утверждал, что она сочинена автором-христианином с целью показать преимущества христианства перед язычеством, а исландский специалист Херманн Пальссон истолковал сагу как притчу, сочиненную епископом Брандом Йонссоном, чтобы иллюстрировать некоторые положения христианской морали, и видел в событиях, описываемых в саге, намеки на события, современные ее предполагаемому автору (*Hermann Pálsson. Hrafnkels saga og Freysgyðlingar. Reykjavík, 1961; Ero же: Siðfræði Hrafnkels sögu. Reykjavík, 1966*).

Высказывались, однако, и другие мнения. Крупнейший норвежский фольклорист К. Листёл, автор наиболее капитального исследования происхождения «саг об исландцах» (*K. Listøl. The origin of the Icelandic family sagas. Oslo, 1930*), доказывал, что «Сага о Храфнкеле» явно восходит к языческой традиции: запрет пользоваться лошадью, сбрасывание лошади с обрыва, подвешивание человека за щиколотки, то есть принесение его в жертву Одину, – все это языческие обычаи, смысл которых был забыт (*K. Listøl. Tradisjonen i Hrafnkels saga Freysgoða. Arv. 1946. С. 94–110*). Согласно Листёлю, сюжет саги явно основан на дохристианских представлениях о мести. Нордаля и Бэтке опровергал также итальянский скандинавист Сковацци, который указывал, что ошибки в «Саге о Храфнкеле» могли быть обусловлены тем, что в ней была использована местная традиция, отличная от той, которую использовал «более достоверный» источник, а также что эти

ошибки могли возникнуть еще в устной традиции (*M. Scovazzi. La saga di Hrafnkell e il problema delle saghe islandesi. Milano, 1960*).

Перевод сделан по изданию: *Hrafnkels saga Freysgoða* udgivet af Jón Helgason. København, 1955 («Nordisk filologi». Serie A: tekster. 2).

I

Это было во времена конунга Харальда Прекрасноволосого^[185], сына Хальвдана Черного, сына Гудрёда Охотника, сына Хальвдана Щедрого на золото и Скупого на еду, сына Эйстейна Грома, сына Олава Дровосека, шведского конунга. Человек по имени Халльфред привел свой корабль в Исландию, в Широкую Долину. Это местность к морю от Речной Долины. На корабле были его жена и сын по имени Храфнкель, юноша красивый и многообещающий. Тогда ему было пятнадцать лет. Халльфред занял там землю. В ту зиму у них умерла чужеземная рабыня по имени Арнтруда, и с той поры двор Халльфреда стали называть Арнтрудин Двор.

Но весною Халльфред перенес двор к северу через перевал в место, что зовется Козлиная Долина. Как-то ночью приснилось ему, что к нему пришел человек и сказал: «Зря ты лежишь здесь, Халльфред. Перенеси свой двор на запад от Озерной Реки. Там ждет тебя удача».

Он тут же просыпается и переносит двор через Кривую Реку в место, которое с тех пор называют Халльфредов Двор. Там он и жил до самой старости. Но на прежнем месте остались у него кабан и козел. И в самый день его отъезда случился обвал, весь дом засыпало, и животные эти погибли. Оттого это место и зовется с тех пор Козлиная Долина.

II

У Храфнкеля вошло в привычку ездить летом на перевал. Ледниковая Долина была тогда вся заселена вплоть до Моста. Раз Храфнкель подымался по Речной Долине и увидел, что от Ледниковой Долины отходит еще одна, незаселенная. И ему показалось, что эта долина лучше подходит для жилья, чем все те, которые он видел прежде. И, вернувшись домой, Храфнкель попросил у отца свою долю имущества, сказав, что хочет отделиться. Отец не стал ему перечить, и Храфнкель поселился в той долине и назвал свой двор Главным Двором. Храфнкель взял в жены Оддбьёрг, дочь Скьёльдольва из Лососьей Долины. У них было двое сыновей: старшего звали Ториром, а младшего Асбьёрном.

Поселившись в Главном Дворе, Храфнкель стал совершать богатые жертвоприношения и велел построить большое капище. Из всех богов

Храфнкель особенно чтил Фрейра^[186] и уделял ему половину от всего, что было у него самого ценного.

Храфнкель занял всю долину и стал раздавать земли другим людям, но, желая над ними главенствовать, он объявил себя их годи^[187]. Поэтому его стали звать Годи Фрейра. Храфнкель был человек властный и склонный к насилию, но дельный, и ему стала подвластна вся Ледниковая Долина. Со своими людьми бывал он мягок и ласков, а с людьми из Ледниковой Долины строг и неуступчив, и им не приходилось ждать от него справедливости. Храфнкель часто бился на поединках, но никому не платил виры, и никто не получал от него выкупа, что бы он ни сделал.

По Речной Долине трудно проехать из-за каменистых и топких мест, все же отец и сын, дорожа родственными узами, часто ездили друг к другу. Тяготясь дорогою, Халльфред стал подыскивать себе другую, через горы за Речной Долиной, и нашел дорогу гораздо суше, хоть и длиннее. Она называется теперь Халльфредова Дорога. Этим путем ездят только те, кто хорошо знает горы за Речной Долиной.

III

На хуторе Горячий Источник жил человек по имени Бьярни. Он был женат, и жена принесла ему двоих сыновей. Один звался Сам, другой – Эйвинд, оба мужи красивые и многообещающие. Эйвинд жил дома с отцом, а Сам был женат и жил в северной части долины, на хуторе, который называется Двор Игрищ. У него был дома полный достаток. Сам был человек очень заносчивый и хорошо знал законы. Эйвинд же стал купцом, и уехал в Норвегию, и пробыл там зиму. Потом он отправился в чужие страны и остался в Миклагарде^[188]. Он прожил там некоторое время и снискал расположение греческого короля.

Изю всего богатства Храфнкель особенно дорожил своим конем гнедой масти, которого он назвал Конем Фрейра. Половину этого коня он отдал Фрейру, своему другу. Храфнкель так любил этого коня, что дал обет покарать смертью всякого, кто на него сядет.

IV

Жил человек по имени Торбьёрн. Он приходился Бьярни братом и жил в Храфнкелевой Долине, на хуторе, который назывался Холм, к востоку от Главного Двора. Дostatка у Торбьёрна было мало, а ртов в семье много. Старшего сына его звали Эйнаром, он был человек рослый и дельный.

Однажды весною Торбьёрн сказал Эйнару, пусть, мол, приищет себе какую-нибудь работу.

– Ведь здесь мы и сами сумеем управиться. Ты же можешь хорошо устроиться, ведь ты человек дельный. И не думай, что я мало люблю тебя и потому выпроваживаю, ты значишь для меня больше, чем другие мои дети. Меня вынуждает к этому бедность моя и нищета. И другие мои дети станут работниками, ты, однако ж, устроишься лучше них.

Эйнар отвечает:

– Поздно же ты сказал мне об этом, ведь теперь на все лучшие работы люди уже наняты, а мне не улыбается брать то, от чего отказались другие.

Раз Эйнар сел на коня и поехал в Главный Двор. Храфнкель был в доме. Он ласково и радушно приветствует Эйнара. Тот хочет наняться к Храфнкелю. Храфнкель отвечает:

– Что же ты так поздно спохватился? Уж я бы взял тебя первого, а теперь я нанял всех людей, и не могу нанять тебя, кроме как на такую работу, за которую ты не захочешь и взяться.

Эйнар спросил, что же это за работа. Храфнкель сказал, что он еще не нашел человека пасти овец, а между тем пастух ему очень нужен. Эйнар ответил, что его нисколько не заботит, какая работа ему достанется, и прибавил, что он хочет получить харчи на круглый год.

– Я сразу же скажу тебе мои условия, – сказал Храфнкель. – Ты должен пасти пятьдесят овец на летнем пастбище и собирать хворост. За эту работу ты получишь харчи на круглый год. Но еще об одном хочу я условиться с тобою, как я всегда договариваюсь с пастухами. Конь Фрейра пасется в долине со своим табуном. Ты будешь зимою и летом за ним присматривать. Но мне надобно тебя предостеречь: я хочу, чтобы ты никогда на него не садился, как бы ни было тебе нужно. Ибо я клятвенно обещал покарать смертью всякого, кто на него сядет. С ним пасутся двенадцать кобыл. Днем ли, ночью – бери какую хочешь. А теперь делай, как я говорю, потому что есть старая поговорка: невиновен тот, кто предостерег. Теперь ты знаешь мою волю.

Эйнар сказал, что ему не придет в голову садиться на запретного коня, раз у него будет столько других.

V

И вот Эйнар пошел домой за одеждой и перебрался на Главный Двор, а потом на летовье, что зовется Каменник, над Храфнкеловой Долиной.

Летом у Эйнара все отлично ладится, так что до середины лета не пропало ни одной овцы. Но вдруг однажды ночью он недосчитался чуть ли не тридцати овец. Эйнар ищет по всему пастбищу, но ничего не находит. Овец нет почти неделю.

Вот однажды утром Эйнар вышел пораньше: туман, надвинувшийся с юга, рассеялся и моросить перестало. Эйнар берет в руку палку,

захватывает узду и потник и переправляется через реку Каменницу, протекающую под самым летовьем. Там на гальке лежали овцы, которые ночевали на месте. Он погнал их назад к летовью и отправился искать недостающих. Он видит: дальше на отмели пасется табун, и думает отловить себе лошадь, прикидывая, что конный он объедет округу быстрее, чем пеший. Подойдя к лошадям, он погнался за ними, но они были пугливы, так как не привыкли ходить под седлом, все, кроме Коня Фрейра. Конь же стоял как вкопанный. Эйнар подумал, что уже утро и Храфнкель не узнает, что он ездил на коне. И вот он берет коня, взнуздывает его, постилает на спину потник и едет вверх мимо ущелья Каменки, потом еще вверх к ледникам на запад по краю ледников, туда, где берет начало Ледниковая Река, и потом вниз вдоль реки по направлению к Летовью Дымов. На летовьях он спрашивал у всех пастухов, не видел ли кто его овец, но все отвечали, что не видели.

Эйнар проезжал на Коне Фрейра с самого рассвета и до середины вечера. Конь стрелою носил его повсюду, ибо это был добрый конь. Эйнар спохватился, что пора назад, загонять домой тех овец, что на месте. Поехал он тогда через холмы на восток, в Храфнкелеву Долину, и лишь только спустился к Каменнику, слышит овечье блеяние у ущелья, где он проезжал раньше. Поворачивает туда и видит: бегут ему навстречу тридцать овец, те самые, которых он недосчитался неделю назад. И он погнал их домой.

Конь был весь в мыле, и пот капал с каждой его шерстинки. Он весь перепачкался в глине и совсем выбился из сил. Он повалялся по земле, двенадцать раз перекатившись с боку на бок, потом испустил громкое ржанье и помчался вниз по дороге. Эйнар побежал следом и хочет преградить коню путь, поймать его и вернуть в табун, но тот шарахался в сторону и не подпускал Эйнара к себе.

Конь без передышки бежал вниз, в долину, пока не достиг Главного Двора. Храфнкель в это время сидел за столом. Конь громко заржал, подбежав к дверям. Храфнкель обратился к женщине, прислуживавшей ему за столом, и велел ей подойти к дверям:

– Там заржал конь, и похоже по голосу, что это Конь Фрейра.

Она выходит и видит Коня Фрейра в самом неприглядном виде. Она говорит Храфнкелю, что Конь Фрейра стоит у дверей весь в грязи.

– Что нужно моему коню? Что заставило его прискакать домой? – говорит Храфнкель. – Не к добру это.

Потом он выходит и, увидев Коня Фрейра, с ним заговаривает:

– Скверно, что с тобою так обошлись, питомец. Но дома ты пришел в себя и все мне рассказал. Я отомщу за тебя. Ступай теперь в свой табун.

И тот поскакал вверх по долине к табуну.

VI

Храфнкель лег в тот вечер в постель и проспал ночь. Наутро он велел седлать себе коня и поехал на летовье. Он едет одетый в синее. В руке у него секира и больше никакого оружия.

Эйнар согнал всех найденных овец в загон. Сам он улегся на стенке загона и пересчитывал скот, а женщины доили. Они поздоровались с Храфнкелем. Тот спросил, как дела. Эйнар отвечает:

– Было у меня не все ладно: с неделю пропадали тридцать овец, но теперь они нашлись.

Храфнкель говорит, что это не в счет.

– Не случилось ли чего похуже? Не так уж часто пропадали у тебя овцы, как это обычно бывает. Но не ездил ли ты часом вчера на Коне Фрейра?

Тот говорит, что не может этого отрицать. Храфнкель отвечает:

– Как же ты ездил на коне, для тебя запретном, когда здесь довольно таких, на которых тебе позволено ездить? Я бы, пожалуй, простил тебе вину, если бы не дал обета. Но все же хорошо, что ты признался.

И, веря, что не будет счастья человеку, преступившему клятву, он соскочил с коня, подбежал к Эйнару и зарубил его насмерть.

После этого он едет домой в Главный Двор и рассказывает, что случилось. Затем он отправляет другого человека пасти овец на летовье. А Эйнара велит перенести к склону на запад от летовья и ставит на его могиле горку из камней. Она называется Могилей Эйнара и указывает на закат от летовья.

VII

Торбьёрн прослышал у себя на хуторе Холм об убийстве своего сына Эйнара и тяжело воспринял эту весть. Вот садится он на коня и едет в Главный Двор, и требует с Храфнкеля виру за сына. Тот отвечает на это, что случалось ему убивать людей и до Эйнара:

– И для тебя не новость, что я никому не платил виры, и людям приходится мириться с этим. И все ж признаю, что это убийство мне и самому кажется едва ли не худшим из всех, что я совершил. Мы с тобою уже давно соседи. Я относился к тебе хорошо, и ты отвечал мне тем же. У нас с Эйнаром не вышло бы никакой размолвки, если бы он не сел на того коня. Но мы часто раскаиваемся в том, что слишком много болтаем, и реже корим себя за то, что сказали меньше, чем следует. Я хочу теперь показать делом, что считаю этот свой поступок хуже всех, что когда-либо совершал. Я берусь снабжать твое хозяйство молоком в летние месяцы и мясом осенью, и так каждые полгода, пока ты

намерен хозяйствовать. Я сниму с тебя заботу о твоих сыновьях и дочерях и обеспечу для них хорошие браки. И если сыщется что-нибудь в моих хранилищах, в чем случится тебе впредь нуждаться, только скажи мне об этом, и ты отныне не будешь испытывать недостатка ни в чем, что тебе нужно. Хозяйствуй, сколько нравится, а как прискучит, приходи сюда. Я стану заботиться о тебе до самой твоей смерти. Помирился на этом. Не удивлюсь, если многие скажут, что дорого обошелся мне тот человек.

– Я не пойду на это, – ответил Торбьёрн.

– Чего же ты хочешь? – спросил Храфнкель.

Тогда Торбьёрн сказал:

– Чтобы мы выбрали людей рассудить нас.

Храфнкель отвечает:

– Значит, ты равняешь себя со мною? Так мы никогда не помирился!

С этим Торбьёрн уехал. Он поехал вниз по долине и, достигнув Горячего Источника, встретился там с Бьярни, своим братом, и, рассказав ему о случившемся, попросил, чтобы тот принял какое-нибудь участие в этой тяжбе. Бьярни сказал, что не на равных придется им судиться с Храфнкелем:

– Хотя бы мы распоряжались и большими деньгами, все равно нельзя нам меряться силою с Храфнкелем. Правду говорят, что тот мудр, кто себя знает. Он обвел вокруг пальца многих, у кого кулаки были крепче наших. Сдается мне, что ты поступил не по-умному, отказавшись от такого хорошего предложения. Я же не хочу в это ввязываться.

Тут Торбьёрн наговорил своему брату много недобрых слов и сказал, что постыдно так поступать, тем паче в таком важном деле. С этим он уехал, и расстались братья не слишком приветливо.

Он ехал без передышки, пока не спустился ко Двору Игрищ. Постучался в двор, и ему открыли. Торбьёрн спрашивает Сама. Сам радушно встретил родича и пригласил его погостить. Торбьёрн стал отнекиваться. Сам видит, что Торбьёрн невесел, и спрашивает, что такое случилось. Тот рассказал ему про убийство своего сына Эйнара.

– Не велика новость, – сказал Сам, – если Храфнкель кого и убил.

Торбьёрн спрашивает, не согласится ли Сам оказать ему поддержку.

– Дело ведь такое: хотя убитый всех ближе приходится мне, удар задевает и тебя.

– А ты не пытался потребовать у Храфнкаля возмещения?

Торбьёрн рассказал все, что вышло у них с Храфнкелем.

– Мне никогда прежде не доводилось слышать, – говорит Сам, – чтобы Храфнкель предлагал кому-нибудь столько, сколько тебе. Я готов поехать с тобою в Главный Двор, выразим покорность Храфнкелю и поглядим, не отступился ли он от своего предложения. Он, верно, так или иначе пойдет нам навстречу.

– Во-первых, – сказал Торбьёрн, – Храфнкель теперь откажется, а во-вторых, меня и теперь его предложение устраивает ничуть не больше, чем тогда, когда я оттуда уехал.

Сам говорит:

– Трудно, я думаю, меряться с Храфнкелем силами на суде.

Торбьёрн отвечает:

– Вы, молодежь, никогда ничего не добьетесь – так вы всего боитесь. Вижу я, ни у кого нет таких никчемных родичей, как у меня. И мне кажется, низко ведет себя тот человек, кто, как ты, мнит себя знатоком законов и упивается пустячными тяжбами, а между тем отказывается принять на себя это дело, такое бесспорное. Всякий будет укорять тебя, и поделом: ведь ты самый большой хвастун в нашем роду. Теперь я вижу, что к чему.

Сам отвечает:

– Много ли тебе проку, если я возьму это дело и мы оба потерпим неудачу?

Торбьёрн отвечает:

– И все же мне будет большим утешением, если ты поведешь эту тяжбу. А там будь что будет.

Сам отвечает:

– Не по доброй воле иду я на это. Делаю я это больше ради нашего родства. Но знай, мне сдается, что, помогая тебе, я оказываю услугу глупцу.

Тут Сам протянул руку и принял дело Торбьёрна.

VIII

Потом Сам садится на коня и едет долиною вверх к какому-то хутору, и при свидетелях объявляет Храфнкеля убийцей. Храфнкелю стало известно об этом, и ему показалось смешным, что Сам затевает с ним тяжбу.

Вот прошла зима, и весною, когда подошло время вызовов в суд, скачет Сам к Главному Двору и вызывает Храфнкеля на суд за убийство Эйнара. Вслед за тем Сам едет по долине и скликает соседей на тинг^[189], и, пока люди не собрались для поездки, ничего больше не предпринимает.

Храфнкель тоже разослал людей по долине и стал собирать народ. Он набирает семьдесят человек и едет с ними на восток через Перевал Речной Долины и по краю озера, а потом напрямик через холмы в Долину Обвалов, вверх по Долине Обвалов, на юг через Топоровый Перевал к Фьорду Медведицы, оттуда же прямо дорогою тинга через Побережье. На юг от Речной Долины семнадцать дней пути до Полей Тинга.

Вслед за тем как они уехали, собирает людей Сам. Соглашаются с ним ехать все больше бобыли и те, кого он уговорил раньше. Всем этим людям Сам роздал оружие и припасы в дорогу. Сам выезжает из долины другим путем. Он направляется на север к Мостам и едет через мост, а оттуда через Перевал Крапивной Долины. В Крапивной Долине они и заночевали, а оттуда поехали к Междуречью у Плечистых Гор и, перейдя через Черные Горы, спустились в Кривую Долину и на юг к Пескам, а там спустились с Песочной Горы и так – к Полям Тинга. Храфнкеля там еще не было: он задержался потому, что дорога у него была длиннее.

Сам ставит землянку для своих людей в отдалении от того места, где обычно располагаются жители Восточных Фьордов. Немного погодя приезжает на тинг и Храфнкель. Он ставит землянку как обычно. Ему становится известным, что Сам на тинге, и это его забавляет.

Тот тинг был очень многолюдным. На нем собрались почти все знатные люди, жившие тогда в Исландии. Сам всех их разыскивает и просит у них помощи и поддержки. Но все твердят одно: никто не считает себя настолько в долгу перед Самом, чтобы вступать в тяжбу с Храфнкелем Годи и тем подвергать опасности свое доброе имя. Они еще прибавляют, что почти всех, кто тягался с Храфнкелем на тинге, ждала одна участь: всех их Храфнкель заставлял бросить дело, которое они против него затевали.

Сам идет назад к себе в землянку. И было у родичей очень тяжело на сердце, и думали они, что дело их, верно, провалится и не принесет им ничего, кроме позора и унижения. И такое отчаяние охватило родичей, что они не могут ни спать, ни есть: ведь все знатные люди отказали им в помощи, в том числе и те, на кого они особенно уповали.

IX

Однажды ранним утром просыпается старый Торбьёрн. Он будит Сама и просит его встать:

– Не спится мне.

Сам встает и одевается. Они выходят и спускаются к Топоровой Реке, пониже моста. Там они умываются.

Торбьёрн сказал Саму:

– Мое мнение, что тебе надо пригнать наших лошадей, и давай собираться домой. Теперь ясно, что нас не ждет ничего, кроме унижения.

Сам отвечает:

– Это мне нравится! Да ведь ты не желал ничего, кроме как распри с Храфнкелем, и не принял предложения, за которое ухватились бы многие из тех, кто хочет сквитаться за смерть своего родича. Ты упрекал нас в трусости, меня и всех тех, кто не хотел поддерживать

тебя в этом деле. Теперь же я отступлюсь не раньше, чем потеряю всякую надежду хоть чего-нибудь здесь добиться.

Торбьёрн был так тронут этим, что заплакал.

И тут они увидели, как на западном берегу реки, немного ниже того места, где они сидели, вышли из землянки пятеро. Тот, кто шел впереди, был высок ростом, но не очень могучего сложения, одет в травянисто-зеленый плащ и держал меч наизготове. У него были правильные черты лица, яркий румянец, и он был хорош собою. Волосы у него были темно-русые и очень густые. Этот человек был приметен тем, что с левой стороны у него в волосах была светлая прядь.

Сам сказал:

– Встанем-ка и перейдем на западный берег навстречу тем людям.

Они спускаются вдоль реки, и тот, кто шел впереди, первым здоровается с ними и спрашивает, кто они такие. Они ему ответили. Сам спросил у того человека, как его зовут, и он назвался Торкелем и сказал, что он сын Тьостара. Сам спросил, откуда он родом и где живет. Тот сказал, что он родом с Западных Фьордов, а живет у Трескового Фьорда. Сам спросил:

– Не годи ли ты?

Тот ответил, что до этого ему далеко.

– Тогда ты бонд^[190]? – спросил Сам.

Он сказал, что нет. Сам спросил:

– Кто же ты тогда такой?

Тот отвечает:

– Я человек одинокий. Я приехал в Исландию прошлой весной. А семь лет провел в Миклагарде и стал приближенным короля Миклагарда. Но сейчас я живу у своего брата по имени Торгейр.

– А он не годи ли? – спрашивает Сам.

Торкель отвечает:

– Да, он и вправду годи Трескового Фьорда и вообще Западных Фьордов.

– А что, он здесь, на тинге? – спрашивает Сам.

– Он и правда здесь.

– Сколько при нем людей?

– Семьдесят, – говорит Торкель.

– А еще у тебя есть братья?

– Есть еще и третий, – говорит Торкель.

– Кто же? – спрашивает Сам.

– Его зовут Тормод, – отвечает Торкель, – а живет он во Дворах на Лебедином Мысу. Он женат на Тордис, дочери Торольва, сына Скаллагрима из Городища.

– Не окажешь ли ты нам помощи? – спрашивает Сам.

– А что вам нужно? – говорит Торкель.

– Поддержка и сила знатных людей, – говорит Сам, – ибо мы намерены судиться с Храфнкелем Годи по поводу убийства Эйнара,

сына Торбьёрна, и с вашей поддержкой мы вполне ручаемся за исход дела.

Торкель отвечает:

– Но я же сказал, что я не годи.

– Почему это тебя так обделили? Разве ты не такой же сын знатного человека, как и другие твои братья?

Торкель сказал:

– Я не говорил тебе, что мне ничего не досталось, но, прежде чем уехать из Исландии, я передал свою власть годи Торгейру, моему брату, и с тех пор не пытался вернуть ее, потому что мне очень на руку, что он годи. Ступайте поговорите с ним и просите у него поддержки. Он человек недюжинный и благородный, во всем хорошо разбирается, а к тому же молодой и честлюбивый. Такой человек вернее всего вам поможет.

Сам говорит:

– Мы ничего не добьемся, если ты не замолвишь за нас слово.

Торкель отвечает:

– Готов пообещать, что буду скорее за вас, нежели против, потому что, по-моему, это законное право всякого человека требовать возмещения за убийство своего близкого родича. Ступайте же теперь к той землянке и зайдите внутрь. Там все еще спят. Вы увидите там два спальных мешка поперек землянки. В одном спал я, а в другом лежит мой брат Торгейр. Когда он приехал на тинг, у него сделался большой нарыв на ноге, и из-за этого он плохо спал ночью. А теперь нарыв прорвался, и гной вышел, и он после этого заснул. А ногу он выставил из мешка и примостил на подставку – так она у него горит. Пусть этот старик идет в глубь землянки. Он, похоже, совсем слаб глазами и дряхл. Когда ты, старик, – говорит Торкель, – подойдешь к мешку, тебе надо посильнее споткнуться и упасть на подставку. Ухватись за обвязанный палец и дерни как следует, а там увидишь, как Торгейр поведет себя.

Сам сказал:

– Ты, верно, будешь нам добрым советчиком, но это не кажется мне разумным.

Торкель отвечает:

– Что-нибудь одно: либо вам придется делать, как я говорю, либо не просите у меня советов.

Сам в ответ на это сказал:

– Нужно сделать, как он советует.

Торкель сказал, что придет попозже, потому что сейчас он ждет своих людей.

Вот Сам с Торбьёрном заходят в землянку. Там все спали. Вскоре они увидели, где лежит Торгейр. Старый Торбьёрн пробирался впереди, спотыкаясь. Подойдя к спальному мешку, он упал прямо на подставку для ног, схватился за больной палец и дернул. Торгейр проснулся, вскочил и спрашивает, кто это ходит тут, не разбирая дороги, и наступает людям на ноги, которые и без того болят. И Торбьёрн с Самом не нашлись, что ответить.

Тут в землянку вбежал Торкель. Он сказал Торгейру, своему брату:

– Полно рвать и метать, родич, ничего с тобой не случится. Многие хотят одно, а выходит другое, и трудно бывает за всем уследить, когда на душе большая забота. Понятно, у тебя болит нога, которая так сильно нарывала, и никто не чувствует этого лучше тебя. Но может статься, что этому старику доставляет не меньшую боль смерть его сына, ведь он не получил за нее возмещения, а сам он беспомощен. И он чувствует это, как никто другой. Неудивительно, что человек с такую заботой на душе не может равно за всем уследить.

Торгейр говорит:

– Я не думаю, что он может поставить мне это в вину, ведь я-то не убивал его сына, и поэтому он не мне должен мстить за это.

– Он и не собирался тебе за это мстить, – говорит Торкель. – Он налетел на тебя с такою силой нечаянно и поплатился за свою слепоту: ведь он ждал найти у тебя помощь. И это благородно – помочь в нужде старому и беспомощному человеку. Долг, а не корысть побуждает его судиться из-за убийства сына, а все знатные люди отказали им в поддержке, выказав тем самым большое неблагородство.

Торгейр спросил:

– Кого обвиняют эти люди?

Торкель ответил:

– Храфнкель Годи убил ни за что сына Торбьёрна. Он совершает одно преступление за другим и никому ни желает платить виры.

Торгейр сказал:

– Я присоединяюсь к остальным. Насколько я знаю, я ничем таким не обязан этим людям, чтобы пойти на распрю с Храфнкелем. Он, по моему, каждое лето одинаково расправляется со всеми, кто затевает с ним тяжбу; большинству эта тяжба приносит мало почета или вовсе никакого, и со всеми бывает одно и то же. Вот, думаю, почему те, кого не вынуждает долг, но расположены ввязываться в тяжбу с ним.

Торкель говорит:

– Быть может, и я повел бы себя так же, имей я власть. И мне казалось бы, что мало хорошего в распре с Храфнкелем. Но сейчас я смотрю на это иначе: по мне, лучше уж потягаться с тем, от кого все терпят. И мне кажется, что возросло бы уважение ко мне или к кому другому, кто сумел бы взять верх над Храфнкелем, и меня бы не стали меньше уважать, если бы и со мною вышло, как с другими. Ведь что

случается с большинством, может быть и со мною. Но не рискнешь – не получишь.

– Вижу, – говорит Торгейр, – что ты склоняешься к тому, чтобы помочь этим людям. Тогда я, пожалуй, передам тебе свою власть годи. Пусть у тебя будет все то, что доныне было у меня, и таким образом мы поделимся поровну. Тогда помогай им, если тебе нравится.

– Я считаю, – говорит Торкель, – что будет лучше, если власть годи как можно дольше останется у тебя. Никто мне так не по душе на этом месте, как ты, потому что тебе дано больше разума, чем любому из нас, братьев. Я же все никак не решу, за что мне теперь приняться. Ты ведь знаешь, родич, что я мало к чему приложил руку с тех пор, как вернулся в Исландию. Но теперь я вижу, во что ставят мои советы. Я высказал пока все, что хотел. Что ж, Торкель Светлая Прядь пойдет туда, где будут больше ценить его слова!

Торгейр говорит:

– Теперь мне ясно, к чему все клонится, родич. Ты разобиделся, и напрасно. Если тебе так хочется, мы поможем этим людям, к чему бы это ни привело.

Торкель сказал:

– Я прошу только о таком, что, по-моему, лучше исполнить.

– А на что считают себя способными сами эти люди, – спрашивает Торгейр, – чтобы добиться успеха в своей тяжбе?

– Я уже говорил сегодня: нам нужна только поддержка знатных людей, а ведение тяжбы я беру на себя.

Торгейр сказал, что это облегчает помощь.

– А теперь дело за тем, чтобы получше подготовиться к тяжбе. Мне кажется, Торкель хочет, чтобы вы зашли к нему раньше, чем откроется суд. И тогда одно из двух: ваше упорство принесет вам либо утешение, либо унижение больше прежнего, горе и разочарование. Теперь же ступайте домой и будьте веселы, потому что, если уж вы затеваете тяжбу с Храфнкелем, вам все это время надо держаться стойко. И никому не говорите, что мы обещали вам поддержку.

И они пошли к себе в землянку и стали пить пиво и веселиться. Все удивлялись, как это у них так скоро переменялось настроение, ведь, уходя из дому, они были совсем не веселы.

XI

И вот они ждут, когда откроется суд. Тогда Сам созывает своих людей и идет к Скале Закона, где тогда совершался суд. Сам начинает тяжбу решительно, тотчас называет свидетелей и возбуждает дело против Храфнкеля Годи по законам страны, без запинки и веско изложив свое дело. Тут скоро подросли сыновья Тьостара и множество их людей. Их поддержали все, кто приехал с Западного Побережья, и

сразу стало видно, что сыновья Тьостара не имели недостатка в друзьях.

Сам говорил до тех пор, пока не настало время вызывать Храфнкеля защищаться, если только на суде не окажется человека, кто пожелал бы выступить в его защиту, как это полагалось по закону. Все громко выражали одобрение словам Сама, и никто не вызвался защищать Храфнкеля.

Люди прибежали к землянке Храфнкеля и рассказали ему, что происходит. Он не стал мешкать, созвал своих людей и направился к суду, ожидая, что не встретит большого сопротивления. Он хотел отвадить этих людишек от тяжб, думая сорвать суд и посрамить Сама. Но теперь об этом не могло быть и речи. Впереди собралась такая толпа, что Храфнкелю не удалось подойти к суду. Его оттеснили назад, и он даже не слышал речи тех, кто его обвинял. Поэтому ему было невозможно отвести от себя обвинение.

А Сам с таким знанием дела провел тяжбу, что Храфнкель на этом тинге был объявлен вне закона.

Храфнкель тут же вернулся к себе в землянку, велел седлать коней и пустился прочь с тинга, очень недовольный исходом тяжбы: никогда с ним не случалось прежде подобного. Едет он на восток к Перевалу Вересковой Долины, а там на восток к Побережью и нигде не останавливается, покуда не приезжает домой, в Долину Храфнкеля. Там он живет на Главном Дворе как ни в чем не бывало.

А Сам остался на тинге и ходил, задрав нос. Многие очень радовались тому, что все так сложилось и Храфнкель посрамлен: теперь вспомнили, что многих он обижал.

XII

Сам дожидается окончания тинга. Люди снаряжаются домой. Он благодарит братьев за поддержку, а Торгейр спрашивает его, смеясь, что он думает обо всем случившемся. Сам сказал, что, на его взгляд, все сошло хорошо. Торгейр сказал:

– Думаешь, ты чего-то добился по сравнению с прежним?

Сам сказал:

– По-моему, Храфнкель наконец посрамлен, и позор его не скоро забудется. И тут идет речь о немалых деньгах.

– Человек еще не полностью осужден, пока не состоялось изъятие имущества. И полагается, чтобы это было в собственном его доме через четырнадцать ночей после взятия оружия.

А взятием оружия назывался общий разъезд с тинга.

– И думаю, – говорит Торгейр, – что Храфнкель уже вернулся домой и намеревается удержаться в Главном Дворе. Думаю, что он сохранит там власть над вами. Ты же лучше всего поезжай домой и сиди у себя

на хуторе, если сумеешь. Мне кажется, ты достиг своею тяжбой лишь того, что его объявили на суде вне закона. Но думаю, что он и теперь будет не меньше, чем прежде, держать всех в страхе, если тебе не придется и похуже.

- Меня ничуть это не заботит, - говорит Сам.

- Ты храбрый человек, - говорит Торгейр, - и, кажется, родич мой Торкель не думает оставлять тебя на произвол судьбы. Он хочет помогать тебе до тех пор, пока все не решится между тобой и Храфнкелем, и ты сможешь быть тогда спокойным. Вы, верно, понимаете, что теперь мы и подавно будем с тобой заодно, раз уж мы положили на это столько сил. Мы сейчас даже поедem с тобой ради этого к Восточным Фьордам. И может быть, ты знаешь какую-нибудь другую дорогу к Восточным Фьордам?

Сам ответил:

- Я намерен ехать тою же дорогой, что я ехал оттуда.

Сам остался доволен разговором.

XIII

Торгейр выбрал себе людей и взял сорок человек. С Самом тоже ехало сорок. Все они хорошо запаслись оружием и лошадьми.

Едут они тою же дорогой, пока не добираются рано на рассвете до Ледниковой Долины. Они переправляются по мосту через реку. А это было как раз в то утро, когда должно было совершаться изъятие имущества. Торгейр спрашивает, как бы им застать Храфнкеля врасплох. Сам обещал что-нибудь придумать. Он сворачивает с дороги, забирается на крутой холм и едет по гребню между Долиной Храфнкеля и Ледниковой Долиной, пока они не подъехали со стороны гор к тому месту, под которым стояли постройки Главного Двора. Оттуда расходились на перевал поросшие травой тропы, а вниз, в долину, шел крутой спуск. Там-то внизу и стоял двор.

Тут Сам сошел с коня и сказал:

- Пустим здесь наших коней, двадцать человек за ними присмотрят, а мы, шестьдесят числом, побежим к хутору. Думаю, там мало кто на ногах.

Они так и сделали, - это место зовется теперь Конской Тесниной, - и ринулись к хутору.

Час подъема миновал, но в доме еще не встали. Они прошибли бревном дверь и бросились в дом. Храфнкель лежал в постели. Они вытащили его и всех, кто мог носить оружие. Женщин и детей согнали в отдельный дом.

Во дворе стоял сарай. От него к стене жилого дома шла перекладина для сушки белья. Они подводят к ней Храфнкеля и его

людей. Тот стал предлагать большой выкуп за себя и своих людей. Когда же это не помогло, он стал просить сохранить людям жизнь.

– Ведь они ничем перед вами не провинились. Мне же не будет позора, если вы меня и убьете. Я не стану просить пощады. Лишь от унижения прошу меня избавить, оно не принесет вам славы.

Торкель сказал:

– Мы слышали, что ты бывал не очень-то уступчив со своими врагами, и хорошо, что сегодня ты изведешь это на себе.

Они хватают Храфнкеля и его людей и скручивают им руки за спиной. Потом они взломали сарай и сняли с крючьев веревку, достали ножи, проткнули им щиколотки, вдели веревки и вздернули их на перекладину, связав всех восьмерых вместе.

Торгейр сказал:

– Вот и получил ты, Храфнкель, по заслугам, а ведь, верно, еще недавно тебе казалось немыслимым, чтобы кто-нибудь подверг тебя такому позору. А ты что выберешь, Торкель: будешь сидеть здесь возле Храфнкеля и сторожить их или пойдешь с Самом на расстояние полета стрелы от усадьбы и объявишь где-нибудь на каменистом пригорке, где нет ни поля, ни луга, об изъятии имущества?

Это было принято делать тогда, когда солнце стояло прямо на юге.

Торкель сказал:

– Я лучше посижу возле Храфнкеля. Эта работа, кажется, полегче.

Пошли тогда Торгейр с Самом и объявили об изъятии имущества, а возвратясь, сняли Храфнкеля и его людей и положили их на траве возле дома. Кровь уже заливала им глаза.

Торгейр сказал Саму, пусть поступает с Храфнкелем, как знает, «потому что, по-моему, с ним уже немного хлопот».

Сам на это отвечает:

– Выбирай одно из двух, Храфнкель. Первое – это тебя уведут со двора, тебя и всех, кого я пожелаю, и там убьют. Но так как ты кормишь многих, я хочу дать тебе возможность продолжать о них заботиться. Если хочешь сохранить себе жизнь, ступай прочь с Главного Двора со всеми своими людьми и бери с собой добра не больше, чем я тебе выделю, а это будет самая малость. Я же стану жить в твоих владениях и пользоваться всею твоей властью. И ни ты, ни наследники твои пусть на них не притязают. И ты не должен селиться ближе, чем к востоку от Перевала Речной Долины. Если ты примешь такие условия, ударим по рукам.

Храфнкель сказал:

– Многие предпочли бы скорую смерть такому унижению, но я поступлю подобно многим другим и выберу, если есть такой выбор, жизнь. Делаю я это больше ради своих сыновей, потому что их ждет жалкая судьба, если я умру и их покину.

Тогда Храфнкеля развязали, и он сдался на волю Сама. Тот оделил Храфнкеля добром по своему усмотрению и дал ему лишь самую малость. У Храфнкеля осталось его копье, но больше никакого оружия.

В тот же день Храфнкель оставил Главный Двор, а с ним и все его домочадцы. Торкель сказал тогда Саму:

– Не понимаю, зачем ты так делаешь. Ты еще горько раскаешься в том, что оставил ему жизнь.

Сам сказал:

– Будь что будет.

XIV

Храфнкель переселился теперь на восток от Перевала Речной Долины: за Речную Долину и к востоку от Озерной Реки. У конца озера стоял хуторок под названием Крайний Уступ. Храфнкель купил эту землю в долг, потому что у него хватало средств разве что на домашнюю утварь.

Ходило много разговоров о том, как рухнуло его самовластие, и многие вспоминали старую пословицу, что, мол, краток век у гордыни.

Та земля была обильна лесом и обширна, но не обжита, потому и досталась ему так дешево. Но Храфнкель не считался с расходами и валил лес, потому что его было много, и выстроил себе большой хутор, который стали называть Храфнкелевым Двором. С тех пор его всегда считали хорошим хутором.

Первые полгода Храфнкель терпел большие лишения. Подспорьем была ему рыбная ловля. Пока строился хутор, Храфнкель работал не покладая рук. На первую зиму он оставил себе телят и козлят и так хорошо за ними смотрел, что почти все животные под его присмотром выжили. Можно было подумать, что у каждого прямо по две головы. Тем же летом в Озерную Реку пришло множество рыбы. Это очень поддержало хозяйства в округе, и лов оставался хорошим все лето.

XV

Вот Сам принялся хозяйничать на Главном Дворе, где раньше хозяйничал Храфнкель. Он задает пышный пир и зовет на него всех, кто раньше ездил на тинг с Храфнкелем. Сам берется быть их предводителем вместо Храфнкеля. Люди согласились на это, но не всем это нравилось.

Сыновья Тьостара советовали Саму, чтобы он был мягок, и щедр, и отзывчив к своим людям, опора всякому, кто в нем нуждается.

– Тогда что за люди они будут, если не поддержат тебя в любом деле! Мы даем тебе этот совет, желая тебе во всем удачи, потому что

ты кажешься нам стоящим человеком. Теперь же не зевай и будь начеку, ведь от злого надо ждать зла.

Сыновья Тьостара послали за Конем Фрейра и его табуном, сказав, что им хочется взглянуть на животных, о которых столько рассказывают. Лошадей привели к дому, и братья их оглядели.

Торгейр сказал:

– Кобылы, на мой взгляд, пригодятся в хозяйстве. Мой совет: пусть они работают, как могут, там, где от них будет польза, пока не свалятся от старости. А жеребец кажется мне ничуть не лучше любого другого, да, пожалуй, и хуже: много принес он зла. Не хочу, чтобы совершались из-за него новые убийства. Пусть лучше берет его к себе тот, кому он принадлежит.

Они выводят жеребца в поле. Там у реки стоит скала, а под нею глубокий омут. Они заводят жеребца на скалу. Сыновья Тьостара накидывают ему на голову мешок, берут длинные жерди и сталкивают его, с камнем на шее, вниз и так умерщвляют. Это место с тех пор называется Скалой Коня Фрейра.

Там внизу стояло капище, которое принадлежало раньше Храфнкелю. Торкель пожелал зайти в него. Он посрывал с богов все ценности, а потом велел поджечь капище.

Немного погодя собираются гости домой. Сам оделяет обоих братьев богатыми дарами, они клянутся друг другу в нерушимой дружбе и расстаются добрыми друзьями. Братья едут прямою дорогой к Западным Фьордам и возвращаются домой, к Тресковому Фьорду, с большим почетом.

А Сам поселил Торбьёрна на Дворе Игрищ. Теперь он должен был жить там. Жена же Сама переехала к нему на Главный Двор, и Сам стал жить там.

XVI

Храфнкель прослышал у себя на востоке, в Речной Долине, что сыновья Тьостара умертвили Коня Фрейра и сожгли храм, и он сказал:

– Я думаю, это вздор – верить в богов.

И прибавил, что отныне он никогда не станет в них верить. Он сдержал слово и больше никогда не совершал жертвоприношений.

Храфнкель оставался в Храфнкелевом Дворе, и богатство само плыло к нему в руки. Вскоре он снискал большую славу в округе. Всякий готов был встать или сесть по его указке.

В ту пору из Норвегии в Исландию приходило множество кораблей. Большинство земель в округе было занято как раз в то время, когда там жил Храфнкель. Никто не мог там селиться свободно, без Храфнкелева позволения, так что всем приходилось обещать ему свою поддержку. А он обещал всем свою помощь. Он подчинил себе все земли к востоку от

Озерной Реки. И вскоре подвластная ему область стала много больше и многолюднее прежней. Она шла до самой Долины Обвалов и вдоль всей Озерной Реки.

В нраве его теперь произошла перемена, и любить его стали куда больше прежнего. Он по-прежнему отличался щедростью и обязательностью, но любили его гораздо больше, так как он стал мягче и ровнее.

Сам и Храфнкель часто встречались на людях, но никогда не поминали старого. Так прошло шесть зим.

Сам пользовался любовью всех, кто от него зависел, потому что он был человек покладистый и спокойный, всегда приходил на помощь в беде и помнил советы братьев. Сам жил на широкую ногу.

XVII

Рассказывают, что к Китовому Фьорду подошел корабль, а кормчим на нем был Эйвинд, сын Бьярни. Эйвинд провел в чужих странах семь лет. Он многому там научился и стал доблестным мужем. Вскоре ему рассказали обо всех событиях, но он не придавал им большого значения. Он не любил вмешиваться в чужие дела.

Узнав о приезде Эйвинда, Сам тотчас едет к кораблю. Встреча братьев была очень радостной. Сам зовет Эйвинда к себе, и тот охотно соглашается, но просит Сама поехать вперед и выслать лошадей за его товаром. Он вытаскивает корабль на берег и готовит его к зимовке. А Сам едет домой и велит пригнать Эйвинду лошадей. И когда тот распорядился своим товаром, он отправляется в путь к Долине Храфнкеля и едет вдоль Китового Фьорда.

Их было всего пятеро, а шестой – мальчик, который прислуживал Эйвинду. Он был исландец и его родич. Мальчика этого Эйвинд вызволил из нужды, взял с собою и заботился о нем, как о самом себе. Этот поступок Эйвинда был тогда у всех на устах, и таково было всеобщее мнение, что мало людей, ему подобных.

Они поднимаются на Перевал Долины Торира и гонят перед собой шестнадцать навьюченных лошадей. Были там двое слуг Сама и трое гребцов с корабля. Все они были в яркой одежде и держали блестящие щиты. Они миновали Долину Обвалов, переехали через гряду холмов к Речной Долине, к тому месту, что зовется Дровяные Поля, и спустились к пескам Ущельной Реки. Пески эти тянутся от реки на восток, между Двором Халльорма и Храфнкелевым Двором. Едут они вверх вдоль Озерной Реки, ниже поля у Храфнкелева Двора, а там – мимо конца озера и через Ледниковую Реку к Домовому Броду.

Время было между часом подъема и завтраком. На озере женщина мыла холсты. Она увидела, что едут люди. Подхватывает служанка холсты в охапку и бежит домой. Бросает холсты на дворе возле

поленницы и скорее в дом. Храфнкель еще не вставал, в комнатах лежали и некоторые из его домочадцев, работники же разошлись по своим работам. Это было во время сенокоса.

Войдя, женщина заговорила:

– Правду говорили в старину, что, мол, кто стареет, духом слабеет. Мало проку в почете до времени, если потом человек смиряется с бесчестием и не решается отстоять свои права. И диву даешься, как такое могло случиться с тем, кто прежде был храбрецом. А бывают такие, кто, подрастая со своим отцом, кажутся вам ничтожными рядом с вами, а ставши взрослыми, едут в чужие страны и, куда бы ни явились, всюду слынут важными птицами. А как вернутся, мнят себя великой знатью. Эйвинд, сын Бьярни, проезжал здесь Домовым Бродом, и щит у него был такой блестящий, что весь светился. Такой заметный человек как раз подходил бы для мести.

Так говорит служанка с большой горячностью. Храфнкель подымается и ей отвечает:

– Может быть, ты говоришь сущую правду, но это не из-за того, что ты хочешь добра. Теперь тебе прибавится работы. Поезжай, да поживее, на юг к Широким Полям за сыновьями Халльстейна, Сигватом и Снорри. Проси их тотчас ехать ко мне со всеми, кто может держать оружие.

Другую служанку шлет он ко Двору Хрольва за сыновьями Хрольва, Тордом и Халли, и всеми теми, кто там способен держать оружие. И те и другие – все были люди хоть куда. Храфнкель послал и за своими работниками. Всего собралось восемнадцать человек. Они на славу вооружились и скачут в погоню за теми, кто впереди.

XVIII

Эйвинд со своими людьми уже поднялся на перевал. Эйвинд едет на запад, вплоть до середины перевала, до того места, что зовется Тропами Берси. Там тянется голое болото, где тонешь в иле выше щиколотки или по колено, а когда и по пояс. Но под низом там как камень. А к западу есть большое лавовое поле. И когда они вышли на лавовое поле, мальчик оглянулся и сказал Эйвинду:

– Скачут за нами люди, и числом не меньше восемнадцати. Среди них на коне высокий человек весь в синем, и похож он, по-моему, на Храфнкеля Годи, хотя я и давно его не видел.

Эйвинд отвечает:

– Что нам за дело до этого? Не знаю, к чему мне страшиться Храфнкеля. Я не сделал ему ничего плохого. У него, должно быть, дела на западе долины, он едет встретиться со своими друзьями.

Мальчик отвечает:

– У меня предчувствие, что это с тобою хочет он встретиться.

– Насколько я знаю, – говорит Эйвинд, – у них с Самом ничего такого не было с тех пор, как они помирились.

Мальчик отвечает:

– И все же я бы хотел, чтобы ты побыстрее ехал на запад, в долину. Тогда ты будешь в безопасности. Я знаю нрав Храфнкеля: не захватив тебя, он не тронет и нас. Сам убережешься – всех убережешь, вот зверя и нет в ловушке, и это хорошо, что бы с нами ни вышло.

Эйвинд сказал, что он ни за что не станет убегать.

– Потому что я даже не знаю, кто это такие. Людям покажется смешным, если я ни с того ни с сего обращусь в бегство.

Едут они от лавового поля на запад. И вот перед ними другое болото, под названием Бычье, все заросшее травой. Там есть почти непроходимые топи. Потому-то старик Халльфред и проложил тропы поверху, хоть и вышли они длиннее.

Эйвинд едет по болоту на запад. Они сильно увязали и очень задержались. Те же, кто ехал без поклажи, быстро их нагоняли.

Теперь Храфнкель и его люди въезжают в болото. А Эйвинд со своими людьми уже выбрался. Видят они Храфнкеля и обоих его сыновей. Все спрашивают Эйвинда спастись бегством.

– Трудная дорога кончилась. Ты доберешься до Главного Двора, пока между вами болото.

Эйвинд отвечает:

– Не стану бежать от этих людей, если я ничего им не сделал плохого.

Вот выезжают они на гряды. Есть там на гряде горка, а за горкой каменистое поле с редкой порослью травы. Кругом же высокие склоны. Эйвинд едет к полю. Там он спешивается и поджидает тех, других.

Эйвинд говорит:

– Сейчас мы узнаем, что им надо.

Потом они идут на поле и набирают себе камней.

Храфнкель сворачивает с тропы на юг, к полю. Словом не перемолвившись с Эйвиндом, он сразу же напал на него. Эйвинд защищался хорошо и мужественно.

Мальчик Эйвинда решил, что он не настолько силен, чтобы сражаться, вскочил на своего коня и поскакал через холмы на запад, к Главному Двору. Он рассказывает Саму, что стряслось. Сам, недолго думая, послал за людьми. Всего набралось двадцать человек. Они снарядились как следует.

Едет Сам на восток, к перевалу, а потом к месту сражения. А там уже все было кончено. Храфнкель ехал с поля битвы на восток. А Эйвинд и все его люди лежали мертвые. Сам сразу же бросился к брату, не дышит ли он. Но ничего нельзя было поправить: они лежали все пятеро мертвые. Со стороны Храфнкеля тоже пало двенадцать человек, а шестеро уехали. Сам не стал там задерживаться и велел людям ехать

в погоню. Храфнкель и его люди скачут что есть духу, но лошади у них утомлены. Сам сказал:

– Мы можем их настигнуть, ведь у них лошади устали, а наши скачут быстро, но все будет зависеть от того, догоним ли мы их или нет раньше, чем они съедут с перевала.

А Храфнкель уже переехал через Бычье Болото. Вот скачут и те и другие, пока Сам не поднялся на перевал и не увидел, что Храфнкель уже далеко спустился по склону. Видит Сам, что Храфнкелю удастся скрыться. И он сказал:

– Здесь мы повернем назад, потому что у Храфнкеля теперь не будет недостатка в людях.

На этом Сам поворачивает назад и возвращается туда, где лежал Эйвинд, принимается за дело и насыпает курган над ним и его сотоварищами. Эти места называют Поле Эйвинда, Горы Эйвинда и Долина Эйвинда.

XIX

Вот Сам едет со всем товаром домой, на Главный Двор. А возвратившись домой, он шлет за всеми, кто ездит с ним на тинг, и велит явиться к нему утром пораньше. Думает он двинуться на восток через перевал:

– Поедем, что бы ни случилось.

Вечером Сам ложится спать, а людей собралось уже множество.

А Храфнкель прискакал домой и рассказал о случившемся. Он ест, а потом созывает людей, так что собирается у него семьдесят человек, и едет с ними через перевал на запад и, застав Сама врасплох на Главном Дворе, захватывает его в постели и выводит.

И Храфнкель сказал:

– Вот и тебе, Сам, выпало на долю такое, чему бы ты недавно и не поверил: теперь твоя жизнь в моей власти. Но я поступлю с тобою ничуть не менее благородно, чем ты обошелся со мною. Выбирай одно из двух: либо ты будешь убит, либо подчинишься моему решению.

Сам сказал, что выбирает жизнь, но прибавил, что это нелегкий для него выбор. Храфнкель сказал, что он того и ожидал:

– Но тебе досталось от нас по заслугам, и я бы обошелся с тобою вдвое мягче, если бы было с чего. Ты оставишь Главный Двор и переедешь вниз, на Двор Игрищ, и будешь жить там на своем хуторе. Бери с собою все, чем владел Эйвинд. А отсюда возьмешь добра не больше, чем привез сюда сам. Вот и все, что у тебя будет. Я же беру себе назад власть годи вместе с хутором и всеми владениями. Вижу, изрядно умножилось мое богатство, но ты ничем с этого не поживишься. За брата твоего Эйвинда виры тебе не будет, потому что ты затеял постыдную для меня тяжбу по поводу первого твоего родича

и получил за него с лихвою, шесть зим распоряжаясь властью и добром. А убийство Эйвинда и его людей стоит, по мне, не больше, чем раны, полученные мною и моими людьми. Ты изгнал меня из моей округи, а меня устраивает, чтобы ты оставался на Дворе Игрищ. Довольно и этого, если ты не будешь заноситься мне во вред. Ты будешь у меня под властью, покуда мы оба живы. Можешь быть уверен, что придется тебе и похуже, если еще случится нам враждовать.

И вот Сам со всеми своими уезжает и перебирается на Двор Игрищ, и обосновывается теперь там.

XX

А Храфнкель селит на Главном Дворе всех своих людей. Сына своего Торира он поселил на Храфнкелевом Дворе, а сам сохранил за собою власть годи всей округи. Асбьёрн остался жить с отцом, потому что он был помоложе.

Сам жил всю зиму на Дворе Игрищ. Он был молчалив и нелюдим. Многие замечали, что он недоволен своею участью.

А к концу зимы, когда дни стали длиннее, поехал Сам с одним человеком – а лошадей они взяли трех – через мост, потом через Перевал Крапивной Долины и через Ледниковую Реку на гору, оттуда к Комариному Озеру, и оттуда через Речной Перевал и Перевал Светлого Озера, и ехал без отдыха, пока не оказался на западе, у Трескового Фьорда. Его приняли там хорошо. Торкель как раз вернулся из путешествия: четыре зимы его не было в Исландии.

Сам прожил у братьев неделю, отдыхая. А потом он рассказывает им обо всем, что произошло у них с Храфнкелем, и снова просит защиты и помощи.

На этот раз Торгейр говорил больше брата, и он сослался на то, что живут они далеко:

– Большое расстояние нас разделяет. Мы думали, уезжая, что вложили тебе все прямо в руки, так что тебе не составит труда удержать власть. Но случилось, как я и думал, когда говорил, что ты еще пожалеешь, зачем оставил Храфнкелю жизнь. Мы убеждали тебя лишить его жизни, но ты захотел сделать по-своему. Теперь видно, кто из нас оказался проницательнее: Храфнкель оставлял тебя в покое и взялся за месть не прежде, чем мог расправиться с человеком, который показался ему поважнее тебя. Мы никак не можем помочь тебе в этой твоей неудаче. И не такая уж нам охота ссориться с Храфнкелем, чтобы мы захотели снова рисковать своим положением. Но мы хотим позвать тебя сюда со всеми твоими домочадцами, если житье здесь покажется тебе менее неприятным, чем под боком у Храфнкеля.

Сам сказал, что у него нету такого желания, что он хочет вернуться домой, и просил только переменить ему лошадей. Это было тотчас исполнено.

Братья хотели богато одарить Сама, но он не захотел ничего брать и сказал, что малодушные они люди. С этим Сам и уехал домой и жил там до старости. Так ему до конца жизни и не удалось расквитаться с Храфнкелем.

А Храфнкель жил в почете на своем хуторе. Он умер от болезни, и курган его стоит в Долине Храфнкеля за Главным Двором. В курган с ним положили много добра, все его доспехи и славное его копье.

Сыновьям досталась его власть годи. Торир жил на Храфнкелевом Дворе, а Асбьёрн на Главном Дворе. Они делили власть и почитались большими людьми.

На этом кончается рассказ о Храфнкеле.

Сага о Ньяле

Перевод С. Д. Кацнельсона (гл. I-XXXVIII), В. П. Беркова (гл. XXXIX-SXXIV и SXXI-CLIX), М. И. Стеблин-Каменского (гл. SXXV-SXXX) Стихи в переводе О. А. Смирницкой и А. И. Корсуна (с. 387, 463-464) Новая редакция перевода В. П. Беркова

«Сага о Ньяле» (Njáls saga, также Brennu-Njáls saga и Njála) – самая большая из «саг об исландцах», самая знаменитая из исландских саг вообще и одно из величайших прозаических произведений мировой литературы. Захватывающий драматизм действия сочетается в ней с исключительной правдивостью в изображении действующих лиц. Истолкованию этой саги посвящено множество работ, из которых наиболее капитальная принадлежит крупнейшему современному специалисту Э.-О. Свейнссону (*Einar Ól. Sveinsson. Á Njáls búið, bók um mikið listaverk. Reykjavík, 1943; норвежский перевод: Njáls saga, kunstverket. Oslo, 1959*).

В отношении «Саги о Ньяле» (как и в отношении «саг об исландцах» вообще) основная проблема, которая интересовала исследователей, – это проблема правды и вымысла. Всего легче поддается проверке то,

что говорится о месте действия в этой саге. В ней упоминается свыше четырехсот географических названий. Среди них особенно много относящихся к южному побережью Исландии (только две «саги об исландцах» связаны с южным побережьем Исландии, и одна из них – «Сага о Ньяле»). Ошибки в географии Исландии, обнаруженные в «Саге о Ньяле», очень незначительны (кое-где преуменьшено или преувеличено расстояние, неверно указано направление и т. п.). Особое внимание привлекла к себе упоминаемая на с. 388 «лощина в пригорке» около хутора Ньяля, в которой Флоси и его люди привязали лошадей и оставались до вечера. Дело в том, что в действительности никакой лощины там нет. Однако один исландский геолог опубликовал статью, в которой он утверждает, что во времена Ньяля около хутора Ньяля должна была существовать большая лощина. Больше ошибок в «Саге о Ньяле» в отношении географии Норвегии и других стран. Так, например, в саге говорится (на с. 328), что Храпп, убежав от Гудбранда, «пустился в Хладир» и сразу же оказался там. Между тем от «долин», где жил Гудбранд, то есть Гюдбрансдалена, до Хладира, то есть Тронхейма, не меньше двухсот километров.

В научных изданиях «Саги о Ньяле» в примечаниях всегда указывается, упоминается ли данное лицо (а всего в саге упоминается свыше семисот лиц) в других древнеисландских памятниках, и такое упоминание считается доказательством его историчности. Но историчность того, что рассказывается в саге о том или ином лице, как и историчность событий, описываемых в саге, в большинстве случаев никак не могут быть проверены, и, следовательно, невозможно определить, что здесь – правда и что – вымысел. Делались попытки проверить историчность сожжения Ньяля археологическими раскопками на хуторе Бергторов Пригорок. Но эти раскопки не дали ясных результатов. Раскопки предпринимались также у холмов Кнавахолар, где было обнаружено два могильных кургана и где согласно саге (с. 294–296) произошло сражение Гуннара с его врагами (оно упоминается также в «Книге о заселении страны»). Только о важнейших событиях «Саги о Ньяле» есть упоминания в других древнеисландских памятниках. Эти события – гибель Гуннара (990 или 992 г.), принятие христианства в Исландии (1000 г.), учреждение пятого суда (1004 г.), сожжение Ньяля (1010 или 1011 г.), сражение на альтинге (1011 или 1012 г.), битва при Клонтарве (1014 г.).

Хронологическую канву событий, описываемых в саге, удастся установить главным образом благодаря тому, что в саге упоминаются иноземные правители, царствование которых известно. Эти правители – норвежские короли Харальд Серая Шкура (ок. 960 – ок. 965 г.), Хакон Воспитанник Адальстейна, или Хакон Добрый (ок. 945 – ок. 960 г.), и Олав Трюггвасон (995–1000 гг.), норвежские ярлы Хакон Могучий (970–995 гг.) и его сын Эйрик (1000–1015 гг.), датские короли Харальд Синезубый (ок. 940 – ок. 985 г.) и Свен Вилобородый (ок. 985–1014 г.).

Однако в последовательности событий в саге есть некоторые неувязки. Есть в саге и явные анахронизмы. На с. 213 говорится о «каменной палате» Гуннхильд, матери норвежского короля. Однако каменные здания появились в Норвегии только в XII в. На с. 338 говорится о щитах с изображениями льва и оленя. Щиты с такими геральдическими знаками невозможны в конце X в. Они стали модными в XII-XIII вв. Есть анахронизмы и в описываемых в саге процессах на альтинге. Повидимому, правовые установления разных эпох наслоились в саге.

Многочисленными были попытки установить источники «Саги о Ньяле». Бесспорно, конечно, что у нее были какие-то устные источники. Раньше считалось, что ее источниками были две саги: «Сага о Гуннаре» и в собственном смысле «Сага о Ньяле». Но с тех пор, как стало принято подчеркивать книжный характер сагового искусства, устные источники саг никогда не назывались «сагами». Согласно Э. Свейнссону, «Сага о Ньяле» – цельное произведение, написанное одним автором. Однако неоднократные попытки установить этого автора не привели к сколько-нибудь убедительным результатам. Наиболее смелая (но не более убедительная) попытка такого рода была сделана Б. Гвюдмюндссоном, который в то же время истолковывал «Сагу о Ньяле» как роман с ключом, то есть изображение различных людей XII-XIII вв., известных по «Саге о Стурлунгах», под видом героев «эпохи саг», то есть X-XI вв. (*Barði Guðmundsson. Höfundur Njálu, safn ritgerða. Reykjavík, 1958*). Считается бесспорным, что в «Саге о Ньяле» есть две вставки из письменных источников. Во-первых, в главах C – CV использован какой-то письменный рассказ о принятии христианства в Исландии. Эти главы заметно отличаются по стилю от остальной саги. Во-вторых, в главах CLIV (от слов «Ярл Сигурд пригласил к себе на Рождество...» до слов «...как было написано раньше...»), CLV (от слов «...тогда конунг Сигтрюгг рассказал...»), CLVI и CLVII (до слов «Флоси и ярл много говорили об этом сне») использована письменная сага, в которой рассказывалось, в частности, о том, как верховный ирландский король Бриан 23 апреля 1014 г. в битве при Клонтарве, под Дублином, одержал победу над викингскими вождями – дублинским конунгом Сигтрюггом и оркнейским ярлом Сигурдом, но погиб сам. Эти главы тоже заметно отличаются по стилю от остальной саги, и для них характерно нагромождение чудес. Бесспорно также, что в «Саге о Ньяле» использованы письменные судебники. Иногда источник списан так дословно, что приведенное в нем перечисление возможных причин смерти («рана мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной...», с. 408 и др.) не заменено конкретным фактом, то есть указанием на то, какая именно рана нанесена ответчиком, а приведенное в источнике имя свидетеля или судьи не заменено именем, нужным в данном конкретном случае (ср. примеч. 96 на с. 423). Предполагается, что в саге использованы, кроме того, старые письменные генеалогии.

Исследователи обнаруживают в саге влияние других «саг об исландцах» (особенно «Саги о людях из Лососьей Долины»), а также «саг о древних временах» (особенно в описаниях викингских походов и битв с викингами).

Неясно, в какой мере висы, которые цитируются в «Саге о Ньяле», подлинны, то есть сочинены теми, кому они в ней приписываются. Но что касается так называемой «Песни валькирий» (то есть стихов на с. 463–464), то считается, что она была сочинена в начале XI в. на Оркнейский островах. Песнь эта в противоположность большинству вис в «сагах об исландцах» относится не к скальдической, а к эддической поэзии, то есть по стилю и содержанию аналогична песням «Старшей Эдды». Прообразом для этой песни послужили, видимо, рабочие песни женщин, исполняемые за ткацким станком. В песни рассказывается о том, как валькирии ткут боевой стяг, который должен принести тому, кто его несет, победу, но вместе с тем смерть. На таком стяге был обычно изображен ворон. В песни этой отразилось то глубокое впечатление, которое оставила в народе кровопролитная Брианова битва, то есть битва при Клонтарве.

Считается, что «Сага о Ньяле» была написана в конце XIII в., то есть позднее других «саг об исландцах». Она сохранилась во многих рукописях (около 60), из которых 19 относятся к периоду 1300–1500 гг., что свидетельствует о большой популярности саги еще в Средние века. Популярности «Саги о Ньяле» в Исландии, вероятно, способствовало то, что, хотя, как и во всех «сагах об исландцах», действие в ней связано с определенной местностью, в ней чаще, чем в других «сагах об исландцах», упоминается о поездках на альтинг и действие происходит на альтинге, что придает саге общеисландский характер^[191].

I

Жил человек по имени Мёрд, по прозвищу Скрипица. Он был сын Сигвата Рыжего. Двор его стоял на Равнине Кривой Реки. Это был богатый и знатный человек, охотно помогавший в тяжбах. Он так знал законы, что решения, принятые без него, казались незаконными. У него была единственная дочь по имени Унн. Это была красивая девушка, учтивая и хорошего нрава. Она слыла лучшей невестой на Равнине Кривой Реки.

Теперь сага переходит к людям из Долин Широкого Фьорда. Там жил человек по имени Хёскульд. Он был сын Колля из Долин. Его мать звали Торгерд. Она была дочь Торстейна Рыжего, сына Олава Белого, внука Ингьяльда, правнука Хельги. Ингьяльд был сыном Торы, дочери Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны^[192]. Матерью Торстейна Рыжего была Ауд Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Бычья Кость. Хёскульд жил в Хёскульдовом Дворе, в Лососьей

Долине. У Хёскульда был брат по имени Хрут. Его двор назывался Хрутов Двор. Хрут и Хёскульд были единоутробные братья. Отцом Хрута был Херьольв. Хрут был красивый, рослый и сильный человек, искусный в бою, спокойный, очень умный, беспощадный к врагам и хороший помощник в любом большом деле.

Случилось как-то, что у Хёскульда были гости и среди них брат его Хрут. Он сидел рядом с ним. У Хёскульда была дочь по имени Халльгерд. Она играла с другими девочками на полу. Это была красивая и стройная девочка, волосы у нее блестели, как шелк, и были длинные, до пояса. Хёскульд подозревал ее.

– Подойди-ка сюда, – сказал он.

Она тотчас же подошла. Взяв за подбородок, он поцеловал и отпустил ее. Затем Хёскульд спросил Хрута:

– Нравится тебе эта девочка? Красивая, правда?

Хрут промолчал, и Хёскульд повторил вопрос. Тогда Хрут сказал:

– Слов нет, девочка хороша, и немало народу пострадает из-за ее красоты. Не понимаю, однако, в кого она уродилась с такими воровскими глазами.

Хёскульд рассердился, и какое-то время братья не разговаривали друг с другом.

У Халльгерд были братья – Торлейк, отец Болли, Олав, отец Кьяртана, и Бард.

//

Случилось раз, что братья Хёскульд и Хрут поехали вместе на альтинг. Там собралось много народу. Хёскульд сказал как-то Хруту:

– Хотел бы я, брат, чтобы ты нашел себе невесту и посватался.

Хрут на это заметил:

– Я и сам давно подумываю об этом, да все никак не решусь. Но теперь, пожалуй, послушаюсь тебя. Куда же, по-твоему, следует обратиться?

Хёскульд ответил:

– Сюда на тинг съехалось много знатных людей, и выбор богатый. Есть у меня уже кое-что для тебя на примете. У Мёрда Скрипицы, очень умного человека, есть дочь по имени Унн. Он сейчас с дочерью здесь, на тинге. Ты можешь увидеться с нею, если хочешь.

На другой день, когда люди собирались на судилище, они увидели поодаль, возле землянки людей с Кривой Реки, нарядных женщин. Хёскульд сказал Хруту:

– Вот Унн, о которой я тебе говорил. Нравится она тебе?

– Очень, – ответил тот, – но не знаю, будем ли мы с ней счастливы.

Затем они пошли на судилище. Мёрд Скрипица толковал там, по своему обыкновению, законы, а потом удалился в свою землянку.

Хёскульд и Хрут встали и направились к землянке Мёрда. Войдя, они увидели Мёрда в глубине землянки и приветствовали его. Он встал и пошел им навстречу, протянул Хёскульду руку и посадил его рядом с собой, а Хрут сел возле брата. Они поговорили о разном, и наконец Хёскульд сказал:

– Есть у меня к тебе дело. Хрут хочет породниться с тобой и посватать твою дочь. А я хочу помочь ему в этом.

Мёрд отвечает:

– Я знаю, что ты человек выдающийся, но таков ли твой брат?

Хёскульд ответил:

– Я уступаю ему.

Мёрд сказал:

– Много придется тебе выделить брату, ведь она у меня единственная наследница.

– Решим сразу, – говорит Хёскульд. – Хрут получит от меня Гребеночный Мыс и Хрутов Двор вплоть до Трандова Оврага. Кроме того, ему принадлежит торговый корабль, что теперь в плавании.

Тут к Мёрду обратился Хрут:

– Ты, конечно, понимаешь, хозяин, что брат из любви ко мне расхвалил меня сверх всякой меры. Если, однако, по-твоему, дело стоящее, я хотел бы услышать твои условия.

Мёрд ответил:

– Я обдумал эти условия. Она получит в приданое шестьсот локтей сукна, а в твоём доме состояние её должно увеличиться на треть; если же у вас будут наследники, то все имущество будет принадлежать вам обоим поровну.

– Согласен, – сказал Хрут. – Можно звать свидетелей.

После этого все поднялись с мест, подали руки друг другу, и Мёрд объявил свою дочь Унн невестой Хрута. Свадьба должна была состояться спустя полмесяца после середины лета^[193] в доме Мёрда. Затем все разъехались с тинга по домам.

Когда по пути на запад братья проезжали мимо Камней Халльбьёрна, навстречу им попался Тьостольв, сын Бьёрна Золотоноши из Долины Дымов. Тьостольв сообщил им, что в устье Белой Реки пришел корабль и что на нем плыл дядя Хрута Эцур, и он хочет, чтобы Хрут как можно скорее встретился с ним. Услышав это, Хрут попросил Хёскульда поехать с ним к кораблю. Хёскульд согласился, и, когда они приехали к кораблю, Хрут учтиво и радушно приветствовал своего родича Эцура. Эцур пригласил их в свою землянку выпить браги. Затем развьючили лошадей, и братья вошли в землянку и сели пить. Хрут сказал Эцуру:

– Теперь, родич, поезжай ко мне, на запад, и проводи у меня зиму.

– Не получится, племянник. Я привез тебе весть: умер брат твой Эйвинд. Он завещал тебе наследство на Гулатинге^[194], и твои недруги завладеют им, если ты не поедешь.

– Не знаю, как и быть, брат, – говорит Хрут, – ведь я уже распорядился насчет своей свадьбы.

Хёскульд сказал:

– Поезжай на юг и поговори с Мёрдом. Попроси его отложить свадьбу и оставить сговор в силе на три года. А я поеду домой и доставлю твои товары на корабль.

Хрут сказал:

– Я хочу, чтобы ты взял себе муки, лесу и всего, чего еще пожелаешь, из товаров, что привез Эцур.

Хрут велел привести лошадей и отправился на юг, а Хёскульд поехал к себе домой, на запад.

Хрут приехал на Равнину Кривой Реки к Мёрду, и его там хорошо приняли. Хрут рассказал Мёрду обо всем случившемся и попросил совета. Мёрд спрашивает:

– А велико ли наследство?

Хрут ответил, что оно составит двести марок, если достанется ему целиком. Мёрд сказал:

– Это много больше того, что я смогу оставить тебе в наследство. Непременно поезжай, если хочешь.

Затем Хрут вернулся к кораблю и пробыл там все лето, пока корабль не снарядили в путь. Хёскульд привез на корабль все товары Хрута, а Хрут поручил ему приглядывать за добром, пока его не будет в Исландии. Затем Хёскульд уехал к себе домой. Вскоре подул попутный ветер, и они вышли в море. Через три недели они подошли к островам Херпар и оттуда направились дальше на восток, в Вик.

III

Норвегией правил в то время Харальд Серая Шкура^[195], сын Эйрика Кровавая Секира^[196], внук Харальда Прекрасноволосого. Мать его звали Гуннхильд. Она была дочь Эцура Тоти. Они жили в это время на востоке, в Конунгахелле. Дошла до них весть о том, что в Вик пришел корабль. Услышав об этом, Гуннхильд стала расспрашивать, кто из исландцев приехал с кораблем. Ей сказали, что один из них Хрут, племянник Эцура.

– Знаю, – сказала Гуннхильд. – Он хочет получить свое наследство, которое сейчас в руках человека по имени Сотти.

Затем она позвала своего слугу, его звали Эгмунд:

– Я хочу послать тебя в Вик к Эцуру и Хруту. Скажи, что я приглашаю обоих к себе на зиму, и передай, что буду им другом. И если Хрут будет следовать моим советам, я помогу ему получить наследство, а также и в других его делах. Я буду также его заступницей перед конунгом.

Слуга поехал к Эцуру и Хруту. Те оказали ему достойный прием, узнав, что он слуга Гуннхильд. Эгмунд рассказал им тайно о своем поручении. Они посоветовались между собой, и Эцур сказал Хруту:

– Сдается мне, племянник, что решать нам нечего, потому что нрав Гуннхильд мне известен: если мы не захотим поехать к ней, то она немедленно изгонит нас из страны и отнимет все наше добро, если же поедем, то примет нас, как обещала.

Эгмунд вернулся домой и сообщил Гуннхильд, что исполнил ее поручение, и сказал, что они приедут.

Гуннхильд сказала:

– Этого и следовало ожидать, недаром Хрут слывет умным и достойным человеком. А теперь смотри не пропусти, когда они станут приближаться ко двору, и скажи мне.

Хрут с Эцуром выехали на восток, в Конунгахеллу. Когда они приехали туда, к ним вышли родичи и друзья и радушно приветствовали их. Они спросили, здесь ли конунг. Им ответили, что здесь.

Потом они встретили Эгмунда. Он передал им привет от Гуннхильд и добавил: чтобы избежать пересудов она пригласит их только после того, как их примет конунг. Он продолжал:

– Она сказала: «А то подумают, что я их ждала. Но я сделаю все по-своему. Пусть Хрут смело обратится к конунгу и попросится к нему в дружинники». А вот и придворные одежды, которые она прислала тебе, Хрут. В них ты должен предстать перед конунгом.

После этого он ушел. На другой день Хрут сказал:

– Пойдем предстанем перед конунгом.

– Пожалуй, – сказал Эцур.

Они пошли вместе с родичами и друзьями, и их было двенадцать человек. Когда они вошли в палату, конунг пировал. Хрут подошел первым и приветствовал конунга. Тот внимательно поглядел на пришельца, который был хорошо одет, и спросил, как его зовут. Тот назвал себя.

– Ты исландец? – спросил конунг.

Хрут ответил, что исландец.

– Что побудило тебя явиться к нам?

– Я хотел видеть ваше величество, государь! А еще мне надо получить здесь, в стране, большое наследство. Я буду обязан вам, если получу его.

Конунг говорит:

– Всякий найдет поддержку в моих законах в этой стране. Есть ли у тебя еще дела к нам?

– Государь, – сказал Хрут, – я хочу просить вас принять меня в свою дружину и сделать вашим дружинником.

Конунг молчал.

Гуннхильд сказала:

– Сдается мне, что этот человек оказывает вам большую честь. Было бы очень хорошо, сели бы в вашей дружине было много таких людей.

– Он умный человек? – спросил конунг.

– И умный и отважный, – ответила она.

– Мать моя, видно, хочет, чтобы ты добился звания, о котором ты просишь. Но величие наше и обычаи страны требуют, чтобы ты явился ко мне снова через полмесяца. Тогда ты и станешь моим дружинником. А до тех пор ты будешь жить у моей матери.

Гуннхильд сказала Эгмунду:

– Веди их в мой дом и устрой им пир.

Эгмунд вышел с ними и провел их в каменную палату. Она была украшена прекраснейшим пологом. Там же стоял и престол Гуннхильд. Эгмунд сказал:

– Теперь подтвердится все, что я вам прежде говорил о Гуннхильд. Вот ее престол, садись на него и сиди, даже если она сама придет.

Затем он устроил им пир. Они просидели недолго, как явилась Гуннхильд. Хрут вскочил было, чтобы приветствовать ее.

– Сиди, – сказала она, – ты будешь сидеть на этом месте, пока гостишь у меня.

Затем она села подле Хрута и стала пить вместе с ним. А вечером она сказала:

– Будешь этой ночью спать у меня в горнице.

– Как вам будет угодно, – сказал Хрут.

Затем они пошли спать, и она тотчас же заперла горницу изнутри. Они провели там ночь вдвоем, а утром принялись пировать. И все те полмесяца они спали одни в ее горнице. А людям, бывшим при ней, Гуннхильд сказала:

– Вы поплатитесь жизнью, если хоть слово пророните о том, что было у нас с Хрутом.

Хрут подарил ей сто двадцать локтей сукна и двенадцать овчин. Гуннхильд поблагодарила его за подарки. Поцеловав и поблагодарив ее, Хрут стал прощаться. Она пожелала ему счастливого пути. На другой день он явился к конунгу с тремя десятками людей и приветствовал его.

Конунг сказал:

– Видно, ты хочешь, Хрут, чтобы я сдержал обещание.

И Хрут сделался дружинником конунга.

Хрут спросил:

– Где же мне теперь сидеть?

– Пусть моя мать распорядится, – сказал конунг.

И она отвела ему самое почетное место^[197], и он пробыл при конунге в большой чести всю зиму.

IV

Весной Хрут узнал, что Соти отплыл на юг, в Данию, и увез с собой все наследство. Тогда Хрут пошел к Гуннхильд и рассказал ей об этом.

Гуннхильд сказала:

– Я дам тебе два боевых корабля с людьми, и в числе их храбрейшего воина – Ульва Немытого, предводителя нашей стражи. Но ты должен до отъезда повидать конунга.

Хрут так и сделал. Представ пред конунгом, он рассказал ему о том, что узнал о Соти, и о своем намерении отправиться за ним в погоню.

Конунг спросил:

– Какую ратную силу дала тебе моя мать?

– Два боевых корабля во главе с Ульвом Немытым, – ответил Хрут.

– Это немало, – сказал конунг, – но я дам тебе еще два корабля. Тебе понадобится все это войско.

Затем он проводил Хрута до корабля, пожелал ему счастливого пути, и Хрут со своими людьми отплыл на юг.

V

Жил человек по имени Атли. Он был сын ярла^[198] Арнвида из Восточного Гаутланда. Он любил воевать, и его корабли стояли наготове в озере^[199]. У него было шесть кораблей. Его отец не уплатил дани Хакону Воспитаннику Адальстейна и бежал с сыном из Ямталанда в Гаутланд. Атли вывел свои корабли из озера через пролив Стоккссунд, направился на юг, в Данию, и стал в проливе Эйрасунд. Атли был объявлен вне закона как датским, так и шведским конунгом. Хрут направился на юг, в Эйрасунд, и, войдя в пролив, увидел там множество кораблей.

Ульв спросил:

– Что прикажешь делать, исландец?

– Плыть вперед, – сказал Хрут, – попытка не пытка. Мы с Эцуром на нашем корабле пойдем первыми, а ты плыви, как сам знаешь.

– Не бывало еще такого, чтобы другие были мне щитом, – сказал Ульв и поставил свой корабль борт о борт с кораблем Хрута. Так они и поплыли вперед, в глубь пролива.

Те, кто был в проливе, увидели идущие на них корабли и сказали об этом Атли. Тот ответил:

– Удобный случай поживиться. Убирайте палатки и готовьтесь к битве на каждом корабле. А мой корабль будет посередине.

Корабли понеслись вперед. Когда они сблизились на расстояние голоса, Атли поднялся и сказал:

– Очень вы неосмотрительны. Разве вы не видели, что в проливе боевые корабли? Как зовут вашего предводителя?

Хрут назвал себя.

– Чей ты человек? – говорит Атли.

– Дружинник конунга Харальда Серая Шкура.

– Давно уже норвежские конунги нас с отцом недолюбливают, – сказал Атли.

– Тем хуже для тебя, – говорит Хрут.

– Встреча наша с тобой кончится так, – отвечает Атли, – что тебе и рассказать о ней не доведется.

И, схватив копье, он метнул его в корабль Хрута, и оно сразило одного воина. Завязалось сражение, но справиться с кораблями Хрута оказалось нелегко. Ульв храбро сражался, рубил и колол направо и налево.

Воина, который стоял на носу корабля Атли, звали Асольв. Он вскочил на корабль Хрута и уложил четырех человек, прежде чем Хрут заметил его и пошел на него. Когда они сошлись, Асольв пронзил копьем его щит, но тут Хрут зарубил его секирой. Увидев это, Ульв Немытый сказал:

– Здорово ты рубишь, Хрут. Видно, немало ты задолжал Гуннхильд.

– Боюсь я, – говорит Хрут, – что ты говоришь устами покойника.

Тут Атли заметил у Ульва незащищенное место и пронзил его копьем. Началась жестокая сеча. Атли вскочил на корабль Хрута и врубился глубоко вперед. Эцур обернулся к нему, метнул копье, но сам упал навзничь, раненный чужим копьем. Тогда Хрут повернулся к Атли. Тот немедленно ударил секирой в щит Хрута и расколол его сверху донизу. Кто-то камнем попал Атли в руку, и он выронил меч. Хрут подхватил меч, отрубил им Атли ногу, а затем нанес смертельную рану.

Они взяли богатую добычу и увели с собой два лучших корабля. Они там оставались недолго.

С Соти они разминулись в пути. Соти вернулся в Норвегию и, приплыв в Лимгардсиду, высадился на берег. Там он встретил Эгмунда, слугу Гуннхильд. Тот сразу же узнал его и спрашивает:

– Ты сюда ненадолго?

– На три ночи, – говорит Соти.

– А потом куда? – спрашивает Эгмунд.

– На запад, в Англию, – говорит Соти, – и больше никогда не вернусь назад, пока в Норвегии правит Гуннхильд.

Эгмунд поехал оттуда к Гуннхильд, пировавшей неподалеку со своим сыном Гудрёдом, и рассказал ей о намерениях Соти. Она сразу же попросила Гудрёда убить его. Гудрёд тотчас поехал и, напав на Соти врасплох, велел отвести его на берег и там повесить, а добро захватил и отвез матери. Она послала людей доставить все захваченное добро в Конунгахеллу и затем поехала туда сама.

Хрут, захватив много богатой добычи, осенью направился назад. Он поехал к конунгу, и тот хорошо его принял. Он предложил конунгу и его матери взять из добычи, что они хотят, и конунг взял себе треть всей добычи. Гуннхильд сказала Хруту, что отняла у Соты наследство, а самого велела убить. Он поблагодарил ее и отдал ей половину добра.

VI

Хрут провел зиму у конунга и был в большом почете. Когда же наступила весна, он стал молчалив. Гуннхильд заметила это и, оставшись с ним наедине, спросила:

– Что с тобой?

Хрут говорит:

– А то со мной, что как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

– Хочешь в Исландию? – говорит она.

– Да, хочу, – говорит он.

– Уж не осталось ли там у тебя зазноба? – спрашивает она.

– Нет, не осталась, – ответил он.

– А я все же думаю, что осталась, – говорит она.

На том разговор и кончился. Хрут пошел к конунгу и приветствовал его. Конунг спросил:

– Чего ты хочешь, Хрут?

– Я хочу просить, государь, чтобы вы отпустили меня в Исландию.

– Разве тебе там будет больше почета, чем здесь? – говорит конунг.

– Нет, – отвечает Хрут, – но всякому своя судьба.

– Кто сильнее, того не перетянешь, – говорит Гуннхильд, – позвольте ему, государь, ехать, куда ему хочется.

В стране был тогда недород, но конунг все же дал ему с собой муки, сколько тот захотел. Хрут с Эцуром стали снаряжаться в путь, и когда корабли были совсем готовы, Хрут пошел к конунгу и Гуннхильд прощаться. Она отвела его в сторону и сказала:

– Вот золотое запястье, хочу подарить его тебе.

И надела запястье ему на руку.

– Много хороших подарков я получил от тебя, – говорит Хрут.

Она обняла его за шею, поцеловала и сказала:

– Если моя власть над тобой так велика, как я думаю, то не будет у тебя утехи в Исландии с женщиной, что у тебя на уме. А с другими женщинами ты добьешься чего хочешь. Пусть мы оба поплатимся за то, что ты не доверился мне.

Хрут засмеялся и ушел. Затем он предстал перед конунгом и поблагодарил его. Конунг учтиво поговорил с ним и пожелал счастливого пути, добавив, что Хрут отважнейший человек и умелый в обращении со знатными людьми. Хрут тотчас же направился к кораблю.

Им выдался попутный ветер, и они достигли Городищенского Фьорда. Как только корабль причалил, Хрут поехал к себе, на запад, а Эцур стал распоряжаться выгрузкой. Хрут поехал в Хёскульдов Двор. Хёскульд встретил его хорошо, и Хрут рассказал ему все о своем путешествии. Потом они послали человека на восток к Мёрду Скрипице сказать, чтобы тот готовился к свадьбе. А братья вместе поехали к кораблю, и Хёскульд рассказал брату, что пока его не было в Исландии, добро его приумножилось. Хрут сказал:

– Я дам тебе муки столько, чтобы хватило на зиму. Но заслужил ты награду побольше.

После этого они вкатили корабль на берег, укрыли его, а всю кладь отвезли на запад, в Долины. Хрут пробыл дома в Хрутовом Дворе, пока не осталось шесть недель до начала зимы. Затем братья с Эцуром собрались на свадьбу, и с ними шесть десятков человек. Приехали они на Равнину Кривой Реки. Там уже было много гостей. Мужчины сели на скамьях, а женщины заняли свои места. Но невеста была очень печальна. Они попиrowали на свадьбе, и пир был на славу. Мёрд выдал приданое своей дочери, и она уехала с Хрутом на запад.

Когда они приехали домой, Хрут поручил ей все домашнее хозяйство, и всем это понравилось. Но супружеская жизнь у них не ладилась, и так продолжалось до самой весны. Когда наступила весна, Хруту понадобилось поехать на Западные Фьорды, чтобы собрать долги за товары. Перед отъездом жена говорит ему:

– Ты вернешься до того, как люди поедут на тинг?

– А что? – отвечает Хрут.

– Я хочу поехать на тинг, – говорит она, – и повидаться с отцом.

– Что ж, – сказал Хрут, – поедем на тинг.

– Хорошо, – говорит она.

Затем он поехал из дому на запад, к фьордам, и, дав в долг все полученные деньги, возвратился домой. Вскоре он стал собираться на альтинг. Он взял с собой всех своих соседей. Брат его Хёскульд также поехал с ним. Жене Хрут сказал:

– Если тебе все еще хочется на тинг, то собирайся и поедешь со мной.

Она быстро собралась, и они направились на тинг. Приехав на тинг, Унн пошла в землянку своего отца. Он встретил ее хорошо, но она была не в духе. Заметив это, он сказал ей:

– Я видывал тебя повеселее. Что с тобой такое?

Она заплакала, ничего не ответив. Тогда он снова спросил:

– К чему же было ехать на тинг, если ты не хочешь мне довериться? Или тебе, может быть, там, на западе, худо живется?

Она ответила:

– Я бы отдала все на свете за то, чтобы ноги моей там не было.

Мёрд сказал:

– Я тотчас же выясню, в чем дело.

И он послал человека за Хёскульдом и Хрутом. Те сразу же пошли к нему. Когда они вошли, Мёрд встал, учтиво приветствовал их и предложил сесть. Они говорили долго, и все было хорошо. Тут Мёрд сказал Хёскульду:

– Почему моей дочери так не нравится у вас, на западе?

Хрут сказал:

– Пусть сама скажет, если она в обиде на меня.

Но никаких жалоб на Хрута высказано не было. Тогда Хрут предложил спросить соседей и домочадцев, как он обходится с женой. Те отзывались о нем очень хорошо и сказали, что она распоряжается всем в доме, как хочет.

Тогда Мёрд сказал:

– Поезжай-ка ты домой и живи со своим мужем, потому что все свидетели говорят в его пользу, а не в твою.

И вот Хрут с женой вернулись с тинга домой и жили в добром согласии все лето. Но когда наступила зима, дело у них разладилось, и чем ближе к лету, тем больше. Хруту опять понадобилось поехать к фьордам, и он сказал, что его на альтинге не будет. Унн ничего не сказала в ответ, и Хрут собрался и уехал.

VII

Настало время тинга. Унн обратилась к Сигмунду, сыну Эцура, и спросила его, поедет ли он с нею на тинг. Тот ответил, что не поедет, если это может прийтись не по душе его родичу Хруту.

– Я потому обратилась к тебе, что ты обязан мне больше, чем кто-либо другой, – говорит она.

Он ответил:

– Ладно, но при условии, что ты вернешься со мной сюда и ничего не сделаешь тайком ни против Хрута, ни против меня.

Она пообещала. Затем они поехали на тинг. Там был Мёрд, ее отец. Он встретил ее очень радушно и пригласил на все время тинга жить в его землянке. Она приняла приглашение.

Мёрд спросил:

– Что скажешь мне о Хруте, твоём муже?

Она говорит:

– Могу сказать о нем только хорошее, но не все в его власти.

Мёрд помолчал и сказал:

– Ты что-то скрываешь дочь. А кроме меня тебе некому этого поведать. Доверься мне, уж я лучше всех разберусь в твоём деле.

Затем они уединились, чтобы никто не мог их услышать, и Мёрд сказал дочери:

– Расскажи все, что произошло между вами, не бойся.

– Видно, не миновать этого, – говорит она. – Я хочу развестись с Хрутом, и вот почему. Нет мне от него как от мужа никакого проку, хотя силой мужской он не обижен.

– Как же это так? – говорит Мёрд. – Расскажи толком!

Она ответила:

– Когда он приходит ко мне, плоть его так велика, что он не может иметь утех со мной, и как мы оба ни стараемся, ничего у нас не получается. Но по всему видно, что по силе своей мужской он не хуже других мужчин.

Мёрд сказал:

– Ты правильно поступила, рассказав мне все. Я дам тебе совет, и он пойдет тебе на пользу, если ты точно ему последуешь. Ты сейчас поедешь с тинга домой, и муж твой, – а он, наверно, уже вернулся – встретит тебя хорошо. Будь с ним ласкова и обходительна, и ему покажется, что все у вас наладилось. Не выказывай ему ни в чем недовольства. А когда наступит весна, скажись больной и сляг в постель. Хрут поверит твоей болезни и не станет тебя бранить. Скорее даже наоборот, он будет просить всех, чтобы за тобой ухаживали как можно лучше. Потом он отправится вместе с Сигмундом на запад, к фьордам, пробудет там до позднего лета и привезет оттуда все добытое им добро. А когда все, кто собирается поехать на тинг, уедут из Долин, встань с постели и вели людям ехать с тобой. Когда сборы будут кончены, подойди к своему ложу с людьми, которые поедут с тобою. Ты призовешь их в свидетели у твоего ложа и объявишь себя разведенной с ним так, как об этом полагается объявлять на альтинге и в согласии с законом. То же самое повтори у дверей дома. Затем поезжай и держи путь через Пустошь Лососьей Долины и Каменистую Пустошь, потому что никому не придет в голову искать тебя по дороге к Бараньему Фьорду. Так ты будешь ехать, пока не доберешься до меня, а тогда я возьму дело в свои руки, и тебе не придется больше возвращаться к Хруту.

И вот она вернулась с тинга домой, и Хрут уже был дома и встретил ее радушно. Она учтиво ответила ему и была с ним ласкова. Они прожили в ладу всю зиму. А когда наступила весна, она заболела и слегла. Хрут уехал к фьордам и наказал хорошенько ухаживать за больной. А когда настала пора тинга, она собралась в дорогу и сделала все, как ей наказал отец, а затем поехала на тинг. Соседи искали ее, но не нашли. Мёрд принял дочь хорошо и спросил ее, как она выполнила его наставления.

– Я сделала все в точности, – ответила она.

Он пошел на Скалу Закона и объявил о ее разводе с Хрутом. Это было новостью для всех. Затем Унн поехала с отцом домой и больше никогда не возвращалась туда, на запад.

Хрут вернулся домой и был очень удивлен, узнав про отъезд жены. Но он вел себя спокойно и пробыл весь год дома, ни с кем о своем деле не советуясь. На другое лето он поехал на тинг с братом Хёскульдом, взяв с собой множество людей. Приехав на тинг, он спросил, здесь ли Мёрд Скрипица. Ему сказали, что здесь. Все ожидали, что они станут говорить о своем деле, но этого не случилось.

Однажды, когда люди пошли к Скале Закона, Мёрд назвал своих свидетелей и начал тяжбу с Хрутом по поводу приданого дочери, предъявив иск на девятьсот локтей сукна. Он требовал немедленной уплаты, а также возмещения в три марки в случае отказа от немедленной выплаты. Он обращался к суду четверти^[200], которому надлежало разобрать это дело по закону. Он объявил об этом во всеуслышание на Скале Закона.

В ответ на это Хрут сказал:

– Ты затеваешь тяжбу больше из жадности и честолюбия, чем из добрых побуждений и благородства. Но я могу ответить тебе, потому что мои деньги еще не попали в твои руки. Я объявляю и призываю в свидетели всех стоящих здесь, у Скалы Закона, что вызываю тебя на поединок. Я ставлю в заклад все приданое и еще столько же. Пусть тот из нас, кто победит другого, владеет всем этим добром. А если ты откажешься биться со мной, то все твои притязания теряют силу.

Мёрд промолчал и стал совещаться со своими друзьями. Ёрунд Годи сказал ему:

– Не нужен тебе наш совет в этом деле. Сам знаешь: будешь биться с Хрутом – потеряешь не только добро, но и жизнь. А ему что, он и ростом взял, и отваги у него хватает.

Тогда Мёрд заявил, что не будет сражаться с Хрутом. Тут у Скалы Закона поднялся большой шум и крик, и Мёрд был очень пристыжен. А затем люди поехали с тинга домой.

Братья Хёскульд и Хрут поехали на запад, в Долину Дымов, и по пути заехали в Рощу. Там жил тогда Тьостольв, сын Бьёрна Золотоноши. В тот день шел сильный дождь, люди промокли, и для них был разведен огонь. Тьостольв сидел между Хёскульдом и Хрутом, а два мальчика, которые подкармливались в его доме, играли на полу, а возле них девочка. Они много болтали, потому что были еще неразумными. Один из них сказал:

– Я буду Мёрд и вызову тебя на суд, потому что ты не жил со своей женой.

Другой отвечал:

– А я буду Хрут и откажусь вернуть приданое, если ты не будешь биться со мной.

Они повторили это несколько раз. Среди домочадцев раздался хохот. Хёскульд рассердился и стегнул мальчика, который назвался Мёрдом, лозой. Удар пришелся по лицу и рассек кожу. Хёскульд сказал мальчугану:

– Вон отсюда, и не смей шутить над нами.

Но Хрут сказал ему:

– Подойди ко мне.

Мальчуган подошел. Хрут снял золотое кольцо с пальца и дал ему, сказав:

– Уходи и смотри больше никогда никого не задевай.

Мальчик пошел и сказал:

– Я никогда не забуду твоего благородства.

Хрута хвалили за этот поступок. Затем они поехали к себе домой, на запад, и на этом кончается их история с Мёрдом.

IX

Теперь надо рассказать о Халльгерд, дочери Хёскульда, которая тем временем выросла и стала очень красивой девушкой. Она была высокого роста, и ее прозвали поэтому Длинноногой. Волосы у нее были очень красивые и настолько длинные, что могли закрыть ее всю. Но нрава она была вспыльчивого и тяжелого.

Ее воспитателем был Тьостольв. Он был родом с Гебридских островов. Он был силен и искусен в бою и убил много людей, но ни за кого не уплатил виры. О нем говорили, что не ему исправлять нрав Халльгерд.

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Освивра. Его двор стоял на Побережье Средней Горы и назывался Гора. Торвальд был богат. Ему принадлежали Медвежьи Острова, расположенные в Широком Фьорде. Оттуда он получал вяленую рыбу и муку. Торвальд был человек сильный и учтивый, но горячего нрава.

Случилось раз, что отец с сыном заговорили между собой о том, где бы сыскать жену Торвальду. Кого ни перебирали, все казались сыну неподходящими. Тогда Освивр спросил:

– Не хочешь ли посвататься за Халльгерд Длинноногую, дочь Хёскульда?

– Хочу, – говорит тот.

– Вам будет не так легко поладить, – сказал Освивр, – нрав у нее тяжелый, да и ты крут и неуступчив.

– Все же попытаю счастья, – говорит тот. – Все равно меня не отговоришь.

– Тебе с ней жить, – говорит Освивр.

И они поехали свататься в Хёскульдов Двор, и их там хорошо приняли. Они сразу сказали Хёскульду, зачем приехали, и начали сватовство. Хёскульд ответил:

– Мне все о вас известно, но я не хочу обманывать вас: нрав у моей дочки тяжелый. А красоту и учтивость ее вы сами видите.

– Ставь свои условия, – ответил Торвальд. – Нрав ее не удержит меня от сговора.

Затем они стали говорить об условиях, и Хёскульд не спросил согласия дочери, потому что ему хотелось поскорей выдать ее замуж. Они договорились обо всем. Затем Хёскульд и Торвальд ударили по рукам, и Халльгерд была помолвлена с Торвальдом, и Торвальд с Освивром поехали домой.

X

Хёскульд сообщил Халльгерд о сговоре. Она сказала:

– Теперь я уверилась в том, о чем уже давно догадывалась. Ты не так крепко любишь меня, как всегда говоришь, раз даже не счел нужным пригласить меня на сговор. И не такой уж, по-моему, этот брак прекрасный, как тебе кажется.

Видно было, что она чувствует себя так, словно ее выдают за первого встречного. Хёскульд сказал:

– Что мне за дело до твоего честолюбия! Оно мне не помеха в делах. Я решаю, а не ты, раз нет между нами согласия.

– У тебя и твоих родичей честолюбия хоть отбавляй, – говорит она. – Неудивительно, что оно есть и у меня.

И она ушла.

Она пошла, понутив голову, к своему воспитателю Тьостольву и рассказала ему, что с ней собираются сделать. Тьостольв сказал:

– Не тужи. В другой раз не выдадут тебя замуж без твоего согласия, потому что я сделаю все, чего бы ты ни пожелала, не трону лишь твоего отца и Хрута.

Больше она об этом не говорила. Хёскульд приготовился к свадебному пиру и поехал созывать гостей. Приехав в Хрутов Двор, он вызвал Хрута из дому для разговора. Хрут вышел к нему, и Хёскульд рассказал ему про сговор и пригласил к себе.

– Не обижайся, – добавил он, – что я не сообщил тебе об этом сговоре раньше.

– Я предпочел бы остаться в стороне, – говорит Хрут, – потому что не будет счастья от этого брака ни ему, ни ей. Но на свадьбу я приеду, если ты это сочтешь себе за честь.

– Конечно, сочту, – сказал Хёскульд и уехал домой.

Освивр и Торвальд также приглашали гостей. Всего было приглашено не меньше ста двадцати человек.

Жил человек по имени Сван. Он жил у Медвежьего Фьорда во дворе, что зовется Сванов Холм. Этот двор стоит севернее Стейнгримова Фьорда. Сван был очень искусен в колдовстве. Халльгерд приходилась ему племянницей по матери. Он был тяжел нравом и неуживчив. Халльгерд пригласила его на пир и послала за ним Тьостольва. Тот поехал, и между ними сразу же завязался дружеский разговор.

Вот приехали гости на пир, и Халльгерд уселась на женской скамье. Невеста была очень веселой. Тьостольв то и дело подходил к ней, а временами разговаривал со Сваном. Людям эти переговоры показались странными.

Пир был на славу. Хёскульд выдал приданое с величайшей охотой. Потом он спросил Хрута:

– Может, еще чего добавить?

Хрут ответил:

– погоди, тебе еще придется выкладывать деньги из-за Халльгерд, пока же хватит и этого.

XI

Торвальд поехал домой со свадебного пира вместе с женой и Тьостольвом. Тьостольв вел ее коня и вполголоса беседовал с ней. Освивр обернулся и спросил сына:

– Ну, доволен ты женитьбой? Как ты разговаривал с ней?

– Хорошо, – говорит тот, – она была очень приветлива со мной. И хотя бы одно то, что она смеется при каждом моем слове.

– Не нравится мне ее смех, – говорит Освивр, – впрочем, посмотрим.

Наконец они приехали домой. Вечером она села возле мужа, а Тьостольва посадила справа от себя. Тьостольв и Торвальд почти не обменивались словами. Так повелось между ними и впоследствии. Всю зиму они почти не разговаривали.

Халльгерд была очень жадной и непременно добивалась, чтобы у нее было все то, что есть у соседей, однако расходовала все без толку. Когда наступила весна, то запасы вышли – не стало ни муки, ни вяленой рыбы. Халльгерд обратилась к Торвальду:

– Что же ты сидишь сложа руки, ведь в доме нет ни муки, ни рыбы.

Торвальд сказал:

– Я запас на нынешней год не меньше обычного, а ведь у нас всегда всего хватало до лета.

Халльгерд сказала:

– Мне нет дела до того, что вы с отцом здесь подыхали с голоду.

Тут Торвальд рассердился и ударил ее по лицу так, что потекла кровь. Затем он ушел из дому, взяв с собой домочадцев.

Они спустили на воду большую лодку и выплыли восьмером на веслах на Медвежьи Острова и набрали там из своих запасов муки и вяленой рыбы. Рассказывают, что Халльгерд в это время сидела подле дома, понутив голову. Подошел Тьостольв и, увидев кровоподтек на ее лице, спросил:

– Кто это так с тобой обошелся?

– Муж мой Торвальд, – сказала она, – а тебя почему-то не было поблизости, хоть ты и печешься обо мне.

– Я этого не знал, – говорит он, – но отомщу за тебя.

Он направился к берегу и спустил на воду шестивесельную лодку. В руке у него была его большая секира с рукоятью, увитой золотой нитью. Он сел в лодку и поплыл на Медвежьи Острова. Когда он приплыл туда, там были только Торвальд и его спутники. Торвальд укладывал груз в лодку, а его люди подносили груз. Тьостольв вскочил к нему в лодку, стал укладывать груз вместе с ним и сказал:

– Слабоват ты для такой работы, да и мало расторопен.

Торвальд сказал:

– Думаешь, справишься лучше меня?

– С делом, что нам предстоит, – сказал Тьостольв, – я справлюсь лучше. Худо выдана замуж та женщина, которая выдана за тебя. Пусть же ваше супружество станет короче.

Торвальд схватил нож, лежавший рядом, и замахнулся на Тьостольва. Но тот поднял секиру и ударил Торвальда по руке так, что кость переломилась и нож выпал. Тьостольв замахнулся секирой в другой раз и ударом в голову убил Торвальда наповал.

XII

Тут подошли люди Торвальда с грузом. Тьостольв, не долго думая, ударил изо всей силы секирой в борт лодки Торвальда и сделал в ней большую пробоину, а сам прыгнул в свою лодку. В лодку Торвальда хлынула черная, как уголь, вода, и она пошла на дно со всей кладью. Пошел на дно и труп Торвальда. Люди так и не увидели, как он изувечен, и знали только, что его не стало.

Тьостольв греб в глубь фьорда, а те проклинали его, призывая на его голову все бедствия. Он молчал и греб, пока не приплыл домой. Вытащив лодку на берег, он направился к дому с окровавленной секирой на плече. Халльгерд была на дворе и спросила его:

– Твоя секира в крови, что ты сделал?

– А то я сделал, – говорит он, – что выйдешь замуж во второй раз.

– Значит, Торвальд мертв, – говорит она.

– Да, – сказал он, – а теперь придумай, что мне делать.

– Вот что, – сказала она, – я отправлю тебя на север, на Медвежий Фьорд, в Сванов Холм. Сван примет тебя там с распростертыми объятиями. Он так могуч, что никто тебя там не тронет.

Он оседлал коня, сел на него и поехал на север, на Медвежий Фьорд, в Сванов Холм. Сван принял его с распростертыми объятиями и спросил, что нового. Тьостольв рассказал об убийстве Торвальда и обо всем, что случилось. Сван сказал:

– Вот это, я понимаю, мужчина, который не боится действовать. Обещаю, что если они попытаются схватить тебя здесь, то уйдут с величайшим позором.

Теперь надо рассказать о Халльгерд. Она попросила Льота Черного, своего родича, поехать вместе с ней и оседлать для этого лошадей.

– Я хочу вернуться домой к отцу, – сказала она.

Он приготовил все в дорогу. Халльгерд пошла к своим сундукам, отперла их, позвала к себе всех своих домочадцев и каждого чем-нибудь одарила. Все жалели, что она уезжает. И вот она уехала к отцу. Отец ничего не знал о случившемся и принял ее хорошо. Хёскульд спросил Халльгерд:

– А почему Торвальд не приехал с тобой?

Она ответила:

– Его нет в живых.

Хёскульд сказал:

– Это дело рук Тьостольва.

Она подтвердила это.

– Верно сказал мне Хрут, что много несчастья принесет этот брак. Но что тужить о том, чего не воротишь.

Теперь надо рассказать о спутниках Торвальда. Им пришлось ждать, пока к острову не подошли лодки. Они рассказали об убийстве Торвальда и попросили дать им для переезда лодку. Им немедленно дали лодку, и они поплыли к Мысу Дымов. Там они пошли к Освивру и рассказали ему обо всем, что произошло. Он сказал:

– Что посеешь, то и пожнешь. Я понимаю теперь, как все произошло. Халльгерд, должно быть, отправила Тьостольва на Медвежий Фьорд, а сама уехала домой к отцу. Мы должны теперь собрать людей и ехать в погоню за ним на север.

Так они и сделали. Они стали собирать людей и собрали много народу. Потом они поехали к Стейнгримову Фьорду и дальше, через Долины Льотовой и Летовьей Рек, и приехали к Медвежьему Фьорду.

Тут на Свана напала зевота^[201], и он сказал:

– Вот приближается дух-двойник Освивра.

Тьостольв вскочил и схватился было за секиру. Сван сказал:

– Выйди со мной. Здесь много народу не нужно.

Затем они оба вышли из дому. Сван взял козью шкуру, обвязал ею голову^[202] и сказал:

– Встань, туман, нагрянь слепота и морока, на всех, кто тебя преследует.

Теперь надо рассказать, что Освивр и его люди достигли в это время гребня. Там им навстречу поднялся густой туман. Освивр сказал:

– Это, наверное, Сван накликал на нас туман, и мы еще дешево отделаемся, если не случится ничего худшего.

Вскоре такой густой мрак застлал им глаза, что они ничего не видели вокруг. Они спешили, порастеряли коней, а сами забрели кто в болото, а кто в лес, так что чуть было не перекалечились. Не стало у них и оружия. Тогда Освивр сказал:

– Найди я сейчас своего коня и оружие, я повернул бы обратно.

Едва он произнес эти слова, как они все прозрели и нашли своих коней и оружие. Тогда многие стали настаивать на том, чтобы ехать дальше. Только они попытались это сделать, как на них снова напала та же морока. Так повторялось три раза кряду. Тогда Освивр сказал:

– Пусть наш поход будет неудачным, но придется нам повернуть назад. Попробуем счастья иным путем. Мне приходит в голову, что лучше поехать к Хёскульду и попросить у него виру за сына, потому что можно ждать чести лишь от того, у кого она есть.

Они поехали в долины Широкого Фьорда и без особых происшествий достигли Хёскульдова Двора. До них туда приехал из своего двора Хрут. Освивр вызвал из дома Хёскульда и Хрута. Они вышли оба и приветствовали Освивра, а затем стали беседовать. Хёскульд спросил Освивра, откуда он приехал. Тот сказал, что ездил на розыски Тьостольва, но не нашел его. Хёскульд сказал, что Тьостольв, наверное, уехал на север, в Сванов Холм, и что не так-то просто взять его там.

– Я приехал сюда для того, – сказал Освивр, – чтобы просить виру за сына.

Хёскульд возразил:

– Не я убил твоего сына, и не я подстроил его убийство. Но понятно, что ты хочешь получить виру за сына.

Хрут сказал:

– От носа до глаз недалеко, брат. Надо предупредить злые слова и возместить ему утрату сына. Только так ты избавишь дочь от пересудов и уладишь дело. Чем меньше будет разговоров вокруг него, тем лучше.

Хёскульд сказал:

– Берешься ты вынести решение по нашему делу?

– Берусь, – говорит Хрут, – и я не стану щадить тебя в своем решении, потому что, по правде говоря, твоя дочь виновна в смерти Торвальда.

Хрут помолчал немного, потом поднялся и сказал Освивру:

– Дай мне руку и подтверди, что ты предоставляешь мне решить дело.

Освивр встал и сказал:

– Несправедливым бывает решение, если его выносит брат ответчика, но ты высказался так благородно, что я доверяю тебе решение нашего дела.

Затем он протянул Хёскульду руку, и они договорились, что Хрут решит дело и окончит его до отъезда Освивра. Затем Хрут вынес решение, сказав:

– За убийство Торвальда я назначаю виру в две сотни серебра, – это считалось тогда хорошей вирой, – и эта вира, брат, должна быть сразу же и хорошо уплачена.

Хёскульд так и сделал. Тогда Хрут сказал Освивру:

– Я хочу подарить тебе плащ, что я привез из-за моря.

Тот поблагодарил его за подарок и уехал домой довольный. Хрут и Хёскульд приехали затем к нему делить имущество, поделили его в полном согласии с Освивром, вернулись с добром домой, и больше Освивр не упоминается в этой саге.

Халльгерд попросила Хёскульда, чтобы Тьостольв переехал к ним, и он дал свое согласие на это. Долго еще говорили об убийстве Торвальда. А богатство Халльгерд все росло и стало большим.

XIII

Три брата упоминаются в саге: один из них звался Торарин, другой – Раги, третий – Глум. Они были сыновья Олейва Рукоятки. Это были уважаемые и богатые люди. Торарин, известный под прозвищем Брат Раги, был законоговорителем после Храфна, сына Лосося. Он был очень мудрый человек. Его двор стоял у Теплого Ручья, и он владел им вместе с Глумом. Глум был рослый, сильный и красивый человек, долго странствовавший по свету. Третий брат, Раги, был известен тем, что убил многих людей. Братья владели на юге островком Луговым и Мысом Горячего Источника.

Братья, Торарин и Глум, разговаривали как-то между собой. Торарин спросил Глума, не собирается ли он, по своему обыкновению, уехать из Исландии. Тот ответил:

– Наоборот, я, пожалуй, вовсе откажусь от поездок за море.

– Что у тебя на уме? Уж не жениться ли ты задумал? – говорит Торарин.

– Хотел бы, – говорит Глум, – если бы только нашел подходящую девушку.

Тогда Торарин стал перебирать всех девушек на выданье, что жили на Городищенском Фьорде, и спросил, хочет ли он жениться на какой-нибудь из них:

– Тогда я поеду с тобой свататься, – добавил он.

Тот ответил:

– Не хочу я жениться ни на одной из них.

– Назови тогда ту, на которой хочешь жениться, – говорит Торарин.

Глум ответил:

– Если хочешь знать, то это Халльгерд, дочь Хёскульда из Долин.

– По поговорке: пример одного – другим наука, а у тебя что-то совсем не так. Ведь она уже была замужем и сгубила мужа, – говорит Торарин.

Глум сказал:

– Может случиться, что в другой раз этого не случится. Я уверен, что меня она не погубит. Если хочешь оказать мне честь, поезжай со мной сватать ее.

– Что ж, ничего, видно, не поделаешь. От судьбы не уйдешь, – ответил Торарин.

Глум часто заводил такие разговоры с братом, но тот все уклонялся от прямого ответа. Дело все же окончилось тем, что они собрали людей и поехали на запад, в Долины. Всего их было двадцать человек. Хёскульд принял их хорошо и оставил у себя переночевать.

Рано утром Хёскульд послал за Хрутом. Тот приехал, и Хёскульд встретил его на дворе. Хёскульд сказал Хруту, что за люди приехали к нему.

– Что им от тебя нужно? – спросил Хрут.

– Они еще не сказали, зачем приехали, – ответил Хёскульд.

– Видно, у них к тебе дело, – сказал Хрут. – Наверное, они будут сватать твою дочь Халльгерд. Что ты им ответишь?

– А как ты думаешь, что мне надо сказать? – спросил Хёскульд.

– Согласись, но расскажи им как о достоинствах, так и о недостатках невесты.

Не успели братья договорить, как гости вышли из дома.

Хёскульд приветливо поздоровался с ними. Хрут также приветствовал братьев. Затем они приступили к разговору. Торарин сказал:

– Мы приехали сюда, Хёскульд, сватать твою дочь Халльгерд за моего брата Глума. Надо тебе сказать, что он человек очень достойный.

– Знаю, – сказал Хёскульд, – что вы оба с братом достойные люди, но должен сказать вам, что уже раз выдавал дочь замуж, и это принесло нам большое несчастье.

Торарин отвечает:

– Это нас не остановит. Раз на раз не приходится. Может случиться, что на этот раз получится хорошо, хотя в прошлый раз получилось плохо. Да и виноват-то во всем больше всего Тьостольв.

Тогда Хрут сказал:

– Раз вы все-таки не отказываетесь от сватовства, то после того, что случилось с Халльгерд, мой совет вам не брать после свадьбы Тьостольва с собой на юг. А если он приедет с позволения Глума в гости, то пусть гостит не более трех дней. Если же он задержится дольше, то пусть. Глум имеет право его убить и не платить виры. Глум,

конечно, вправе разрешить ему жить у себя, но я бы этого не советовал. И еще скажу: не надо, чтобы сговор был без ведома Халльгерд, как в тот раз. Пусть она знает заранее об этом предложении, пусть увидит Глума и сама решит, выходить ли за него замуж. Тогда она не сможет пенять в случае неудачи на других. Все должно быть без обмана.

Торарин сказал:

– Как всегда, лучше последовать твоему совету.

Затем послали за Халльгерд. Она пришла в сопровождении двух женщин. На ней была голубая накидка из сукна, под накидкой – ярко-красное платье с серебряным пояском. Волосы падали ей на грудь с обеих сторон и были перехвачены поясом. Усевшись между Хрутом и отцом, она приветствовала всех добрыми словами. Она говорила хорошо, не робея, и, спросив о новостях, умолкла. Глум сказал:

– Я и мой брат Торарин потолковали уж тут немного с твоим отцом. Я хотел бы, Халльгерд, взять тебя в жены, если будет на то и твое согласие. Ты должна теперь сама решить, по душе ли тебе это, и если наше сватовство тебе не по душе, то не станем говорить о нем.

Халльгерд сказала:

– Я знаю, что вы оба очень достойные люди. Знаю также, что брак этот будет лучше, чем первый. Но я хочу знать, о чем вы здесь говорили и до чего договорились. Мне кажется, что я буду любить тебя, если мы поладим.

Глум рассказал ей о переговорах, ничего не утаивая. Затем он спросил Хёскульда и Хрута, правильно ли он все рассказал. Хёскульд сказал, что правильно. Тогда Халльгерд сказала отцу:

– Вы с Хрутом в этих переговорах с таким уважением отнеслись ко мне, что я последую вашему совету. Пусть состоится сговор, как вы решите.

Тогда Хрут сказал:

– Нам с Хёскульдом надо назначить свидетелей, а Халльгерд пусть обручится сама, если Торарин найдет это правильным.

– Все правильно, – сказал Торарин.

Затем было определено приданое Халльгерд. Глум должен добавить к приданому еще столько же. Было решено также, что все вновь приобретаемое добро будет делиться между ними поровну. Затем Глум обручился с Халльгерд и поехал со своими людьми домой. Свадьбу должны были сыграть у Хёскульда. До самой свадьбы ничего больше не приключилось.

XIV

Глум и Торарин со множеством достойных людей поехали на запад, в Долины. Приехав в Хёскульдов Двор, они застали там много народу.

Хёскульд и Хрут на одной скамье, а жених – на другой. Халльгерд, красивая и нарядная, сидела на женской скамье. Тьостольв все время расхаживал с секирой на плече и вел себя нагло, но все делали вид, будто не замечают этого. Когда свадьба кончилась, Халльгерд поехала с ними на юг. Приехав домой, на Теплый Ручей, Торарин спросил Халльгерд, хочет ли она распоряжаться всем домом.

– Нет, не хочу, – сказала она.

Халльгерд вела себя тихо всю зиму, и все были ею очень довольны.

Однажды весной братья заговорили между собой об их хозяйстве, и Торарин сказал:

– Я уступлю вам хозяйство на Теплом Ручье, потому что вам здесь будет сподручнее, а сам поеду на юг, на Мыс Горячего Источника, и буду там хозяйничать. А островом Луговым будем владеть сообща.

Глум согласился. Торарин переселился на юг, а Глум с женой остались хозяйничать вдвоем. Халльгерд набрала себе домочадцев. По-прежнему она любила запасать без меры и жить на широкую ногу. Летом она родила девочку. Глум спросил ее, как назвать дочь.

– Назовем ее Торгерд, по матери моего отца. Ведь она ведет свой род по отцу от Сигурда Победителя Дракона.

Девочку окропили водой и называли Торгерд. Когда она подросла, то стала походить на мать. Глум и Халльгерд хорошо ладили между собой. Так продолжалось некоторое время.

С севера, с Медвежьего Фьорда, пришли вести, что Сван поехал весной на рыбную ловлю, на море разразилась буря, их отнесло в Безрыбный Фьорд, и они там погибли. А рыбаки с Холодной Спины говорили, что они видели, как Сван вошел внутрь горы Холодная Спина и был там хорошо встречен, но другие оспаривали это, утверждая, что этого не было. Однако достоверно известно, что нигде его не нашли, ни живого, ни мертвого. Когда Халльгерд узнала об этом, ей стало жаль своего дядю.

Глум предложил Торарину поменяться землями. Торарин сказал, что не хочет:

– Но если я переживу тебя, то я хотел бы получить Теплый Ручей, – добавил он.

Глум рассказал об этом Халльгерд. Она ответила:

– Торарин вправе требовать этого от нас.

XV

Тьостольв как-то избил работника Хёскульда, и Хёскульд выгнал его из дому. Тьостольв взял своего коня и оружие и сказал Хёскульду:

– Уезжаю от тебя и больше никогда к тебе не вернусь.

– Все будут этому только рады, – сказал Хёскульд.

Тьостольв поехал на Теплый Ручей. Халльгерд встретила его хорошо, да и Глум неплохо. Тьостольв рассказал Халльгерд, как ее отец выгнал его из дому, и попросил приютить его. Она ответила, что не может этого решить, пока не переговорит с Глумом.

– Хорошо ли вы ладите между собой? – спрашивает он.

– Очень хорошо, – отвечает она.

Затем она пошла поговорить с Глумом. Она обвила его шею руками и сказала:

– Ты исполнишь то, о чем я попрошу тебя?

– Исполню, если это будет совместимо с честью, – сказал оп. – О чем же ты хочешь меня просить?

Она сказала:

– Тьостольва выгнали из дому, и я хочу, чтобы ты позволил ему жить у нас. Но я не стану перечить тебе, если ты этого не хочешь.

Глум сказал:

– Раз ты так послушна, то я позволяю. Но заранее предупреждаю, что если он сделает что-нибудь недоброе, то пусть немедленно убирается прочь.

Она передала это Тьостольву. Он ответил:

– Ты молодец, я так и думал.

И Тьостольв стал там жить. Некоторое время он вел себя тихо, но вскоре стал снова задирать людей. Начались у него нелады со всеми, кроме Халльгерд, но она никогда не заступалась за него в его ссорах с другими. Торарин упрекнул как-то Глума в том, что тот пустил к себе Тьостольва, и сказал, что все это когда-нибудь плохо кончится, как уже бывало в прошлом. Глум согласился, но все оставил по-прежнему.

XVI

Однажды осенью, когда перегоняли стада с летних пастбищ, Глум недосчитался многих овец. Он сказал Тьостольву:

– Пойди в горы с моими работниками и посмотри, нет ли там моих овец.

– Чтоб я скот искать стал! – ответил Тьостольв. – Хватит и того, что мне придется таскаться вместе с твоими рабами. Поезжай сам, тогда и я поеду с тобой.

Началась перебранка. Халльгерд сидела подле дома. Погода стояла хорошая. Глум подошел к ней и сказал:

– Мы только что поссорились с Тьостольвом, нам нельзя дольше оставаться под одной крышей.

И он рассказал, как все произошло. Халльгерд заступилась за Тьостольва, и они повздорили. Глум слегка ударил ее и сказал:

– Не хочу с тобой больше ссориться. – И ушел.

Она очень любила Глума и не выдержала и разрыдалась. Тогда Тьостольв подошел к ней и сказал:

- Дурно обошлись с тобой, но больше это не повторится.
- Пожалуйста, не мсти ему и не вмешивайся. Тебе нет дела до нашей ссоры.

Тьостольв ушел от нее, усмехаясь.

XVII

Глум позвал людей ехать с ним, и Тьостольв собрался в путь вместе с Глумом. Они поехали вверх по Долине Дымов, мимо Ущелья Бауги и дальше на юг, к Поперечной Горе, и там разделились: одних Глум послал к Столбам, где они нашли много овец, а других – на выгоны, которыми владели люди из Долины Снорри. Случилось так, что Глум и Тьостольв остались одни. Они пошли на юг от Поперечной Горы, нашли там одичалых овец и погнали их на север, но овцы убежали от них в горы. Началась перебранка, и Тьостольв сказал Глуму, что тот только и умеет, что елозить на животе у Халльгерд. Глум сказал:

- Хочешь нажать врага, сделай человеку много добра. Мне ли слушать брань от тебя, холопа.

- Можешь убедиться, что я не холоп, – сказал Тьостольв, – потому что я не стану спасаться от тебя бегством.

Глум рассердился и замахнулся на него ножом, а тот отбил удар секирой, и нож вонзился в нее на два пальца. Тьостольв тотчас же нанес секирой удар и попал в плечо. Ударом разбило лопатку и ключицу, и кровь излилась внутрь. Глум схватился тогда одной рукой за Тьостольва так крепко, что тот упал вместе с ним, но удержать его Глум не смог, так как тут же умер. Тьостольв снял с него золотое кольцо и прикрыл труп камнями. Затем он пошел на Теплый Ручей. Когда он пришел туда, Халльгерд была подле дома и увидела его окровавленную секиру. Он бросил ей кольцо.

- Что случилось и почему твоя секира в крови? – спросила она.

- Не знаю, – сказал он, – понравится ли тебе новость. Глум убит.

- Это, наверное, ты убил его? – говорит она.

- Да, – говорит он.

Она засмеялась^[203] и сказала:

- Ты, я вижу, малый не промах.

- Что посоветуешь мне на этот раз? – спросил он.

- Поезжай к моему дяде Хруту, – говорит она, – он позаботится о тебе.

- Не знаю, – говорит Тьостольв, – разумно ли это. Но все же послушаюсь твоего совета.

Он взял своего коня и той же ночью уехал на запад, в Хрутов Двор. Он привязал коня за домом, подошел к двери и, сильно постучавшись,

отошел к северу от дома. Хрут уже не спал. Он быстро вскочил, набросил на себя одежду, надел обувь и схватил меч. Плащом он обвязал себе левую руку до самого плеча. Когда он выходил, люди в доме проснулись. За домом он увидел рослого человека и узнал в нем Тьостольва. Хрут спросил, что случилось.

- Глум убит, - говорит Тьостольв.
- Чьих рук это дело? - спрашивает Хрут.
- Я убил его, - отвечает Тьостольв.
- Зачем же ты приехал сюда? - говорит Хрут.
- Халльгерд послала меня к тебе, - отвечает Тьостольв.
- Значит, она не хотела этого убийства, - сказал Хрут.

И он взмахнул мечом. Тьостольв увидев это и, не медля, взмахнул секирой. Хрут отскочил в сторону и левой рукой так ловко ударил по лезвию секиры, что та выпала из рук Тьостольва. Затем Хрут ударил Тьостольва мечом по ноге выше колена, так, что почти отсек ему ногу, подскочил к нему и сильно толкнул его. Потом он ударил его мечом по голове и нанес ему смертельную рану. Тьостольв упал навзничь. Тогда из дому вышли домоладцы Хрута и увидели, что произошло. Хрут велел убрать труп Тьостольва и прикрыть его. Затем Хрут поехал к Хёскульду и рассказал ему об убийстве Глума и Тьостольва. Тот опечалился по поводу гибели Глума и поблагодарил за убийство Тьостольва.

Вскоре после этого Торарин, брат Раги, узнал об убийстве своего брата Глума. Он поехал с одиннадцатью спутниками на запад, в Хёскульдов Двор. Хёскульд встретил его с распростертыми объятиями и оставил ночевать. Хёскульд тут же послал за Хрутом, чтобы тот приехал. Хрут тотчас приехал. На другой день они долго обсуждали убийство Глума.

Торарин сказал:

- Ты не собираешься как-нибудь возместить мне смерть брата? Ведь я понес большую потерю.

Хёскульд ответил:

- Не я убил твоего брата, и дочь моя невиновна в его смерти, а Хрут, как только узнал об убийстве, убил Тьостольва.

Торарин ничего не сказал в ответ. Казалось, переговоры ни к чему не приведут.

Тогда Хрут сказал:

- Окажем ему честь. Он и впрямь понес большую потерю, и люди одобряют нас, если мы его одарим. Тогда он останется нашим другом на всю жизнь.

Так они и поступили. Оба брата сделали ему подарки, и он вернулся к себе, на юг. Весной он обменялся с Халльгерд дворами, и она переехала на юг, на Мыс Горячего Источника, а он на Теплый Ручей. И больше о Торарине в этой саге говорить не будет.

XVIII

Теперь надо рассказать о том, что Мёрд Скрипица заболел и умер. Все сочли это большой потерей. Все наследство перешло к его дочери Унн. Она еще не вышла замуж во второй раз. Унн любила жить на широкую ногу и о хозяйстве своем не заботилась. Вскоре она перевела все свое добро, так что у нее ничего, кроме земли и драгоценностей, не осталось.

XIX

Жил человек по имени Гуннар. Он был родичем Унн. Его мать звали Раннвейг. Она была дочерью Сигфуса, сына Сигвата Рыжего, которого убили у Переправы Песчаных Холмов. Отца Гуннара звали Хамунд. Он был сыном Гуннара, по имени которого назван двор Гуннаров Холм, и внук Вауга. Мать Хамунда звали Храфнхильд, она была дочерью Сторольва и внучкой Лосося. Сторольв был брат Храфна Законоговорителя. У Сторольва был сын Орм Могучий.

Гуннар, сын Хамунда, жил в Конце Склона, на гряде Речной Склон. Это был человек рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом обеими руками и в то же время метал копья, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, он всегда попадал без промаха в цель. Он мог подпрыгнуть в полном вооружении больше чем на высоту своего роста и прыгал назад не хуже, чем вперед. Он плавал, как тюлень. Не было такой игры, в которой кто-либо мог состязаться с ним. Говорили, что ловкостью он превосходил всех. Он был хорош собой. Лицо у него было белое, нос прямой, но слегка вздернутый, глаза голубые и зоркие, щеки румяные, волосы русые, густые. Он прекрасно знал правила обхождения, был вынослив, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе друзей. У него было много всякого добра.

Одного из его братьев звали Кольскегт. Это был человек рослый и сильный, великодушный и бесстрашный. Другого брата Гуннара звали Хьёрт. Он был еще ребенком. Братом Гуннара, рожденным вне брака, был Орм Лесная Опушка, но о нем в этой саге не будет речи. У Гуннара была сестра по имени Арнгуд. Она была замужем за Хроаром, годи из Междуречья, сыном Унн Нерожденного и внуком Гардара, открывшего Исландию. У Арнгуд был сын Хамунд Хромой, двор которого назывался Хамундовым Двором.

XX

Жил человек по имени Ньяль. Его отцом был Торгейр Голльпир, сын Торольва. Мать Ньяля звали Асгерд. Она была дочерью херсира^[204] Аскеля Немого. Она приехала в Исландию и поселилась к востоку от Лесной Реки, между Кобыльим Камнем и Ивняковым Отрогом. У нее был еще сын, по имени Торир из Хольта. Он был отцом Торлейва Ворона, от которого происходят люди из лесов, Торгрима Рослого и Ущельного Гейра.

Ньяль жил на Бергторовом Пригорке, на Островной Равнине. Другой его двор назывался Торольвова Гора. Ньяль был богат и хорош собой, но у него не было бороды. Он был таким знатоком законов, что не было ему равных. Он был мудр и ясновидящ и всегда давал хорошие советы. Он был доброжелателен, обходителен и великодушен, прозорлив и памятлив и никому не отказывал в помощи, кто бы к нему ни обращался.

Жену его звали Бергтора. Она была дочерью Скарпхедина. Бергтора была очень домовитая и достойная женщина, но немного суровая. У них с Ньялем было шестеро детей – три дочери и три сына, и о всех них будет позднее речь в этой саге.

XXI

Теперь надо рассказать о том, что когда Унн растратила все свое добро, она поехала в Конец Склона к Гуннару. Тот принял свою родственницу хорошо, и она осталась там ночевать. На другой день они сидели вдвоем и разговаривали. Они долго говорили о разном, пока Унн не сказала, что ей нужны деньги.

– Плохо, – сказал Гуннар.

– Что ты мне посоветуешь делать? – спросила она.

Он ответил:

– Возьми, сколько тебе нужно, из тех денег, которые мне должны люди.

– Я не хочу тратить твои деньги, – говорит она.

– Чего же ты тогда хочешь? – говорит он.

– Я хочу, чтобы ты получил мое добро от Хрута, – говорит она.

– Это дело безнадежное, – говорит он, – раз уж твой отец не мог его получить. А он был большим знатоком законов, я же в них разбираюсь мало.

Она ответила:

– Хрут добился своего силой, а не законом. Отец мой был стар, и люди отсоветовали ему биться с Хрутом. У меня, кроме тебя, больше нет никого, кто мог бы поддержать меня в этом деле.

– Я бы за это дело взялся, – сказал он, – но не знаю, как к нему подступиться.

Она ответила:

– Поезжай на Бергторов Пригорок, к Нялю. Уж он-то что-нибудь придумает. Ведь он твой верный друг.

– Что ж, – говорит Гуннар, – он, верно, не откажет мне в добром совете, как не отказывал многим другим.

Разговор их кончился тем, что Гуннар взялся вести тяжбу, а ей дал денег, сколько ей было нужно, и она уехала домой. Гуннар же вскоре поехал к Нялю. Тот принял его хорошо, и они стали разговаривать. Гуннар сказал:

– Я приехал к тебе за добрым советом.

Няль ответил:

– Мой совет всегда к услугам многих моих друзей, а для тебя я особенно постараюсь.

Гуннар сказал:

– Я хочу сказать тебе, что взялся вести дело Унн против Хрута.

– Трудное это дело, – говорит Няль, – и оно может плохо кончиться. Все же я дам тебе совет, который мне кажется наилучшим. Все кончится благополучно, если ты во всем будешь ему следовать. Но если отступишь от него, то твоя жизнь будет в опасности.

– Ни в чем не отступлю от него, – говорит Гуннар.

Помолчав немного, Няль сказал:

– Я обдумал дело. Вот мой совет.

XXII

– Ты поедешь из дому с двумя спутниками. На тебе должен быть плащ с капюшоном, а под ним шерстяная одежда в коричневых полосах. Под этой одеждой должна быть скрыта твоя хорошая одежда. В руке у тебя пусть будет топорик. Вам нужно взять в дорогу по два коня – одного доброго и другого тощего. Захвати с собой также кузнечный товар. Выезжайте в дорогу рано утром, и как только переедете Белую Реку, закрой капюшоном лицо. Люди станут любопытствовать, кто этот рослый человек, и пусть спутники твои говорят, что это Хедин Торговый из Островного Фьорда и что он везет с собой кузнечный товар. Человек он злобный, пустобрех и всезнайка. Он часто нарушает уговор и набрасывается на людей, если они делают что-нибудь не по его желанию. Поезжай на Городищенский Фьорд, повсюду предлагай свой кузнечный товар, торгуйся и часто нарушай уговор. Тогда пойдет слух, что Хедин Торговый – человек скверный, и это будет недалеко от истины. Ты поедешь сначала в Долину Северной Реки, затем в Бараний Фьорд и в Долину Лососьей Реки и, наконец, приедешь в Хёскульдов Двор. Там остановись и сиди всю ночь у дверей, низко опустив голову. Хёскульд, конечно, предупредит всех своих, чтобы никто не имел дела с Хедином Торговым и что он человек плохой. Утром ты поедешь оттуда на соседний двор. Там предложи свой товар,

и пусть сверху у тебя лежат самые заваливающие вещи, но ты отрицай их недостатки. Хозяин, конечно, станет разглядывать товар и найдет в нем недостатки, но ты вырывай товар у него из рук и бранись. Хозяин скажет, что ничего другого от тебя и ждать нельзя, раз ты со всеми такой. Тогда ты набросишься на него, хоть это и не в твоих привычках, но смотри умерь силу, чтобы тебя не узнали. Тогда пошлют кого-нибудь в Хрутов Двор сказать Хруту, что надо как-нибудь развести вас. Он тотчас пошлет за тобой, и ты должен немедленно поехать к нему. Тебе отведут место на скамье против почетного сиденья, на котором будет сидеть Хрут. Ты поздоровайся с ним, и он приветливо ответит тебе. Он спросит, не с севера ли ты, и ты отвечай, что ты с Островного Фьорда. Он спросит, много ли там знатных людей. «Много там подлости», – скажешь ты. «Знаешь ли ты людей из Долины Дымов?» – спросит он. «Я всю Исландию знаю», – скажешь ты. «Есть ли в Долине Дымов доблестные люди?» – спросит он. «Воры там все и злодеи», – скажешь ты. Хруту это покажется забавным, и он рассмеется. Вы заговорите о людях с Восточных Фьордов, и ты должен всех поносить. Наконец у вас пойдет разговор о людях с Равнины Кривой Реки. Скажи, что там никого не осталось с тех пор, как умер Мёрд Скрипица. Хрут спросит, почему ты думаешь, что после Мёрда Скрипицы там никого не осталось. На это ты ответишь, что он был так мудр и так искусно вел тяжбы, что его доброе имя ни разу не пострадало. Хрут спросит, известно ли тебе что-либо о том, какое у него с ним было дело. «Известно мне, – скажешь, – что он лишил тебя жены и ты остался ни при чем». Тогда Хрут ответит: «Разве ты не считаешь уроном для него, что он не добился добра, из-за которого затевал тяжбу?» – «На это я могу хорошо возразить тебе, – скажешь ты. – Ты вызвал его на поединок, а он был стар, и друзья отсоветовали ему биться с тобой, тем дело и кончилось». – «Вызвать-то я его вызвал, – скажет Хрут, – и глупым людям это показалось законным. Но ведь он мог бы возобновить тяжбу на другом тинге, если б у него хватило духу». – «Знаю я это», – скажешь ты. Тогда он спросит тебя: «Разве ты понимаешь что-нибудь в законах?» – «Там у нас, на севере, я слыл знатоком, – скажешь ты, – но все же Расскажи мне, как нужно возобновлять тяжбу». Хрут спросит, какую тяжбу ты имеешь в виду. «Ту тяжбу, – скажешь ты, – до которой мне дела нет, тяжбу Унн о ее приданом». – «Нужно вызвать меня на суд так, чтобы я слышал или в моем доме», – скажет Хрут. «Ну-ка вызови, – скажешь ты, – а я повторю за тобой». Тогда Хрут начнет говорить вызов, а ты слушай внимательно, как он говорит. Затем Хрут скажет, чтобы ты повторил вызов. Ты начнешь повторять, но неправильно, так, чтобы из двух слов едва одно было на месте. Тогда Хрут станет смеяться и не заподозрит тебя ни в чем. Он скажет, что мало было в твоём вызове правильного. Ты свалишь все на своих спутников, скажешь, что они сбили тебя. Затем попроси Хрута, чтобы он начал все сначала и позволил тебе повторять за ним каждое слово. Он позволит тебе и снова начнет

вызывать на суд. На этот раз ты должен повторить за ним вызов правильно. Затем спроси Хрута, правильно ли ты говорил вызов. Он ответит, что все равно это ни к чему. Тогда скажи тихо, чтобы слышали твои спутники: «Я вызываю тебя на суд по поручению Унн, дочери Мёрда». А когда люди заснут, возьмите тихо сбрую и выходите из дома. Седла вы понесете на выгон, к добрым коням, и уезжайте на этих конях, а тощих оставьте. Поедете вы сперва в горы, за пастбища, и пробудете там три ночи – сколько примерно вас будут искать. Затем ты поедешь домой, на юг, и будешь ехать только ночами, а днем отлеживаться. А на тинг мы с тобой поедем вместе, и я поддержу тебя в тяжбе.

Гуннар поблагодарил его и поехал домой.

XXIII

Две ночи спустя Гуннар выехал с двумя спутниками из дому. Спустя некоторое время они приехали на Пустошь Синих Лесов. Там им навстречу попались верховые, спросившие, кто тот рослый человек, лица которого не видно. Спутники его ответили, что это Хедин Торговый. Тогда те сказали, что худшей встречи у них, наверное, не будет, раз они встретились с ним, а Хедин сделал вид, будто собирается наброситься на них, но те и другие поехали своей дорогой.

Гуннар сделал все, как ему было сказано. Он остался в Хёскульдовом Дворе на ночь, а оттуда спустился по долине до ближайшего двора. Там он стал предлагать свой кузнечный товар и продал три вещи. Хозяин нашел изъяны в товарах и обвинил его в обмане. Хедин сразу же набросился на хозяина. Об этом сказали Хруту, и он послал за Хедином. Тот сразу поехал к Хруту, и его там хорошо встретили. Хрут отвел ему место напротив себя. Разговор у них пошел примерно так, как предвидел Ньяль. Затем Хрут сказал ему, как надо возобновить тяжбу, и произнес вызов на суд, а тот повторил за ним, но неправильно. Хрут усмехнулся и ничего дурного не заподозрил. Тогда тот попросил Хрута произнести вызов еще раз. Хрут согласился. На этот раз Хедин говорил правильно и призвал своих спутников в свидетели того, что он вызвал Хрута на суд по поручению Унн, дочери Мёрда. Вечером они легли спать, как и все остальные, но как только Хрут уснул, взяли одежду и оружие, вышли из дома и направились к своим лошадям. Они перебрались через речку, поехали по тому ее берегу, на котором стоит Стадный Холм, доехали до конца долины и остановились в горах, возле Перевала Ястребиной Долины. Найти их там можно было, только подъехав к ним вплотную.

Хёскульд проснулся этой ночью в своем дворе еще до полуночи и разбудил домочадцев.

– Я хочу рассказать вам свой сон, – сказал он. – Мне приснилось, будто из дому вышел медведь, да такой большой, что другого такого не сыскать. За ним послушно бежали два пса. Медведь направился в Хрутов Двор и вошел в дом. Тут я проснулся. Хочу теперь спросить вас, не бросилось ли вам что-нибудь в глаза в том высоком человеке, который заезжал сюда.

Один из его людей сказал:

– Я заметил под рукавом у него золотую оторочку и красную ткань. А на правой руке у него было золотое запястье.

Хёскульд сказал:

– Это дух-двойник Гуннара с Конца Склона. Только теперь я сообразил это. Надо поехать в Хрутов Двор.

Так они и сделали. Они вышли все, поехали в Хрутов Двор и постучали в дверь. Вышел человек и впустил их. Они сразу же вошли. Хрут еще лежал в своей спальной камерке и спросил, кто приехал. Хёскульд назвал себя и спросил, не гостят ли в доме чужие. Тот отвечает:

– Хедин Торговый здесь.

Хёскульд говорит:

– Нет, этот человек пошире в плечах. Наверное, это Гуннар с Конца Склона.

– Тогда ему удалось провести меня, – говорит Хрут.

– Что же произошло? – спрашивает Хёскульд.

– Я научил его, как возобновить тяжбу Унн, и сам вызвал себя на суд, а он повторял вслед за мной. Теперь он воспользуется этим, чтобы начать тяжбу, и это будет его право.

– Тебя обвели вокруг пальца, – говорит Хёскульд. – Наверное, Гуннар не сам придумал все это. Должно быть, это придумал Ньяль, потому что нет ему равных по уму.

Стали они искать Хедина, но того уже и след простыл. Тогда они собрали людей, три дня разыскивали его, но не нашли. Гуннар поехал на юг, в Ястребиную Долину, и дальше на восток через перевал, а затем на север, к Каменистой Пустоши, и, наконец, вернулся домой. Он встретился с Ньялем и сказал ему, что все удалось.

XXIV

Гуннар поехал на альтинг. Хрут и Хёскульд также поехали на тинг, и с ними много народу. Гуннар начал тяжбу на тинге и назначил соседей^[205], которые должны были вынести решение. Хрут и его люди хотели было силой помешать ему, но не решились. Затем Гуннар обратился к суду людей с Широкого Фьорда и предложил Хруту выслушать его присягу в том, что он будет честно вести дело, а также выслушать его иск и все доказательства. Затем он принес присягу,

изложил свой иск и попросил свидетелей подтвердить, что вызов на суд был произведен правильно. Ньяля при этом не было. Наконец Гуннар предложил ответчику защищаться. Хрут назвал своих свидетелей и объявил тяжбу несостоятельной.

– Гуннар, – сказал он, – упустил три свидетельства, которые должны были быть заслушаны на суде: первое – об объявлении у супружеского ложа, второе – об объявлении у дверей дома и третье – об объявлении на Скале Закона.

В это время на суде появился Ньяль и сказал, что может еще спасти дело, если они хотят, чтобы тяжба продолжалась.

– Не хочу, – сказал Гуннар. – Я намерен предложить Хруту то же, что он предложил моему родичу Мёрду. Хрут и Хёскульд, вам слышно меня?

– Слышно, – сказал Хрут, – чего ты хочешь?

Гуннар сказал:

– Пусть присутствующие будут свидетелями, что я вызываю тебя, Хрут, биться со мной на поединке сегодня, на острове, что неподалеку здесь, на Секирной Реке. А если ты не хочешь биться со мной, то должен сегодня же выплатить все сполна.

И Гуннар ушел с суда со всеми своими спутниками. Хёскульд с Хрутом также ушли к себе, и больше не было ни обвинения, ни защиты по этому делу.

Войдя к себе в землянку, Хрут сказал:

– Никогда еще не бывало, чтобы меня вызывали на поединок, а я уклонялся.

– Ты, я вижу, собираешься принять вызов, – сказал Хёскульд, – но послушайся моего совета и не делай этого, потому что если ты станешь биться с Гуннаром, то тебе придется не лучше, чем пришлось бы Мёрду, если бы он стал биться с тобой. Лучше нам вдвоем выплатить Гуннару все деньги.

Затем они спросили своих людей, какую долю они согласны внести. Те ответили, что внесут столько, сколько Хрут захочет.

– Пойдем тогда к землянке Гуннара, – сказал Хёскульд, – и выплатим все сполна.

Они пошли к землянке Гуннара и вызвали его. Он вышел и стал в дверях землянки. Хёскульд сказал:

– Принимай деньги.

Гуннар сказал:

– Выкладывайте. Я готов принять их.

Они выплатили ему все деньги сполна. Тогда Хёскульд сказал:

– Не заслужил ты этих денег, и не будет тебе от них проку.

– Будет прок, – сказал Гуннар, – потому что иск был справедливый.

Хрут ответил:

– Ты еще поплатишься.

– Чему быть, того не миновать, – ответил Гуннар.

Хрут с Хёскульдом ушли к себе в землянку. Хёскульд был очень возмущен.

– Неужели, – сказал он, – Гуннар так и не заплатит за эту проделку?

– Конечно, заплатит, – сказал Хрут, – но это будет не наша месть и не наша слава. Скорее всего, он еще подружится с нашей родней.

На том разговор их кончился.

Гуннар показал Ньялю деньги.

– Повезло, – сказал тот.

– Все благодаря твоей помощи, – сказал Гуннар.

Люди разъехались с тинга по домам, и Гуннару эта тяжба принесла большую славу. Он отдал Унн все деньги и не пожелал ничего оставить себе, сказав лишь, что она и ее родичи, по его мнению, отныне обязаны ему больше, чем кому-либо другому. Она сказала, что так оно и есть.

XXV

Жил человек по имени Вальгард. Он жил в Капище у Кривой Реки. Он был сыном годи Ёрунда, внуком Храфна Глупого, правнуком Вальгарда, праправнуком Эвара, а Эвар был сыном Вемунда Речистого, внуком Торольва Носатого с Заливов, правнуком Транда Старого, праправнуком Харальда Боезуба и прапраправнуком Хрёрека Метательное Кольцо. Мать Харальда Боезуба была Ауд, дочь Ивара Приобретателя и внучка Хальвдана Храброго. Вальгард, по прозвищу Серый, был братом Ульва Аургоди, от которого пошли люди с Мыса. Ульв Аургоди был отцом Сварта, дедом Лодмунда, прадедом Сигфуса и прапрадедом Семунда Мудрого. От Вальгарда же произошел Кольбейн Младший.

Братья, Ульв Аургоди и Вальгард Серый, поехали сватать Унн, и она вышла замуж за Вальгарда, не посоветовавшись ни с кем из своих родичей. Этот брак не понравился Гуннару и Ньялю, а также многим другим, потому что Вальгард был человек коварный, и его не любили. У них с Унн родился сын по имени Мёрд. О нем будет часто говориться в этой саге. Когда он вырос, он стал пакостить своим родичам, и всего больше Гуннару. Он был человек хитрый и злобный.

Теперь надо назвать сыновей Ньяля. Старшего из них звали Скарпхедин. Это был человек рослый, сильный и искусный в бою. Плавал он, как тюлень, и не было ему равных в беге. Он был решителен, бесстрашен и остер на язык, но обычно сдержан. Волосы у него были русые и курчавые, глаза зоркие, лицо бледное, черты лица резкие, нос с горбинкой, зубы крупные, и несколько некрасивый рот. Однако вид у него был очень воинственный.

Другого сына Ньяля звали Грим. Волосы у него были темные. Он был красивее Скарпхедина и тоже рослый и сильный. Третьего сына Ньяля

звали Хельги. Он был хорош собой. Волосы у него были густые. Это был сильный юноша, искусный в бою, умный и хорошо владевший собой. Все сыновья Няля были еще не женаты. Четвертого сына Няля звали Хёскульд. Это был внебрачный сын Няля. Его мать звали Хродню. Она была дочерью Хёскульда и сестрой Ингьяльда с Ключей.

Няль спросил Скарпхедина, не хочет ли он жениться. Тот сказал, что решать отцу. Няль сосватал ему тогда Торхильд, дочь Храфна с Торольвовою Горы, где у него был потом второй двор. Скарпхедин женился на Торхильд, но остался жить с отцом. Гриму Няль сосватал Астрид с Глубокой Реки. Она была очень богатая вдова. Он женился на ней и тоже остался жить с Нялем.

XXVI

Жил человек по имени Асgrim. Он был сын Лодейного Грима, внук Асгрима, правнук Андотта Вороны. Мать его звали Йорунн. Она была дочь Тейта и внучка Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Мать Тейта была Хельга, дочь Торда Бороды, внучка Храппа и правнучка Бьёрна Бычьа Кость. Мать Йорунн была Алов, дочь херсира Бёдвара, внучка Викингского Кари. Брата Асгрима, сына Лодейного Грима, звали Сигфус. Его дочь Торгерд была мать Сигфуса, отца Семунда Мудрого. Гаук, сын Трандиля, был побратимом Асгрима. Он был человек очень храбрый и во всем искусный. Они с Асгримом плохо ладили, так что в конце концов Асgrim убил Гаука. У Асгрима было два сына, и обоих звали Торхалль. Оба подавали большие надежды. У Асгрима был еще один сын, Грим, и дочь Торхалла. Она была очень красивая, благовоспитанная и добродетельная девушка.

Няль завел как-то разговор со своим сыном Хельги. Он сказал:

– Я нашел тебе невесту, сын, если ты послушаешься моего совета.

– Конечно, слушаюсь, – сказал тот, – ведь я знаю, что ты желаешь мне добра, а также что ты хорошо разбираешься в любом деле. Кого же ты выбрал?

– Будем сватать дочь Асгрима, сына Лодейного Грима, это лучшая невеста в округе.

XXVII

Немного спустя они отправились сватать невесту. Они перебрались через Бычью Реку и поехали дальше, пока не достигли Междуречья. Асgrim был дома. Он принял их хорошо и оставил ночевать. На другой день они приступили к разговору. Няль попросил выдать Торхаллу за своего сына Хельги. Асgrim ответил согласием, сказав, что ни с кем бы не породнился охотнее, чем с ними. Они обсудили все подробности.

Асгрим обручил Хельги с девушкой, и был назначен день свадьбы. Гуннар был на свадебном пиру, и многие другие знатные люди. После свадьбы Ньяль предложил взять на воспитание Торхалля, одного из сыновей Асгрима. Торхалль поехал к нему и долго жил у него. Он полюбил Ньяля больше родного отца. Ньяль познакомил его с законами, так что тот стал одним из лучших знатоков законов в Исландии.

XXVIII

В Устье Орлиного Гнезда вошел корабль. Владельцем корабля был Халльвард Белый из Вика. Он остановился в Конце Склона и провел у Гуннара всю зиму. Он стал уговаривать Гуннара поехать за море. Гуннар больше отмалчивался, хотя и был не против поездки. А весной он поехал на Бергторов Пригорок и спросил Ньяля, советует ли тот ему ехать за море.

– По-моему, стоит, – говорит Ньяль, – тебя, конечно, повсюду ждет удача.

– А ты не позаботишься о моем добре, пока меня здесь не будет? – говорит Гуннар. – Я хочу, чтобы Кольскегг поехал со мной, а ты присмотрел бы за моим хозяйством вместе с моей матерью.

– За этим дело не станет, – говорит Ньяль, – я исполню все, о чем ты просишь.

– Спасибо, – говорит Гуннар.

После этого он поехал домой. Норвежец вновь завел с ним речь о поездке за море. Гуннар спросил, случалось ли ему бывать в других странах. Тот ответил, что бывал во всех странах между Норвегией и Гардарики^[206]:

– Я и в Бьярмаланд^[207] плавал, – добавил он.

– Поплывешь со мной в восточные земли?^[208] – спрашивает Гуннар.

– Конечно, поплыву, – отвечает тот.

И Гуннар отправился с ним в плавание, а Ньяль взял на себя заботу о хозяйстве Гуннара.

XXIX

Гуннар уехал из Исландии вместе с братом Кольскеггом. Они приплыли в Тунсберг и пробыли там всю зиму. В Норвегии в это время сменились правители. Харальд Серая Шкура и Гуннхильд умерли. Страной стал править ярл Хакон, сын Сигурда, внук Хакона, правнук Грьотгарда. Мать Хакона звалась Бергльот. Она была дочерью ярла Торира и Алов Красы Года, дочери Харальда Прекрасноволосого.

Халльвард спросил Гуннара, не хочет ли он посетить ярла Хакона.

- Нет, не хочу, - ответил Гуннар. - У тебя есть боевые корабли? - спросил он потом.

- У меня их два, - ответил тот.

- Тогда я хотел бы, чтобы мы отправились в викингский поход, - сказал Гуннар, - и набрали людей для этого.

- Согласен, - ответил Халльвард.

Затем они поехали в Вик, взяли оба корабля и снарядились в путь. Набрать людей им было легко, потому что о Гуннаре шла добрая слава.

- Куда ты отправишь путь? - спрашивает Гуннар.

- На остров Хисинг к моему родичу Эльвиру.

- Зачем он тебе? - говорит Гуннар.

- Он хороший человек, - отвечает Халльвард, - он даст нам подмогу для похода.

- Тогда поедем к нему вдвоем, - говорит Гуннар.

Снарядившись в путь, они поехали на остров Хисинг, и их там хорошо приняли. Гуннар пробыл там совсем недолго, но успел очень понравиться Эльвиру. Эльвир спросил, куда он собирается. Халльвард сказал, что Гуннар собирается в поход, чтобы добыть себе богатство.

- Безрассудная затея, - сказал Эльвир, - у вас недостаточно людей.

- Можешь дать нам подмогу, - говорит Халльвард.

- Я дам подмогу Гуннару, - говорит Эльвир. - Хоть ты мне и родич, а в него я верю больше, чем в тебя.

- Что же ты дашь нам в подмогу? - спрашивает Халльвард.

- Два боевых корабля, один с двадцатью, другой с тридцатью скамьями для гребцов.

- А кто будет на этих кораблях? - спрашивает Халльвард.

- На один я посажу своих работников, на другой - бондов. Но я слышал, что на реке неспокойно, и не знаю, сумеете ли вы выбраться в море.

- Кто же это там пошаливает? - спрашивает Халльвард.

- Два брата, - говорит Эльвир, - одного зовут Вандиль, а другого - Карл, они сыновья Сисульва Старого из Гаутланда.

Халльвард рассказал Гуннару, что Эльвир дал им два корабля. Гуннар обрадовался. Они стали готовиться к отъезду и наконец снарядились в путь. Они пошли к Эльвиру и поблагодарили его, а тот посоветовал им поостеречься братьев.

XXX

Гуннар vyplывает на своих кораблях из реки Гаутельв. Они с Кольскеггом были на одном корабле, а Халльвард - на другом. И вот они увидели впереди корабли. Гуннар сказал:

- Надо приготовиться на случай, если они нападут на нас; если же они на нас не нападут, то и мы их не станем трогать.

Так они и сделали: приготовились на своих кораблях к бою. Те же отвели корабли в стороны, оставив проход посредине, и Гуннар поплыл вперед между кораблей. Тогда Вандиль схватил крюк, забросил его на корабль Гуннара и тотчас же притянул корабль к себе. У Гуннара был хороший меч, подарок Эльвира. Он обнажил меч – шлема он не надел, – и, не медля, перескочил на нос корабля Вандиля и тотчас же зарубил одного из противников.

Карл подошел на своем корабле с другой стороны и метнул копье поперек корабля, метясь в Гуннара. Но Гуннар увидел летевшее в него копье, ловко увернулся и, перехватив его левой рукой, метнул обратно на корабль Карла, и оно сразило человека, в которого попало. Кольскегг схватил якорь и закинул его на корабль Карла. Зубец якоря угодил в борт и пробил его. В пробоину хлынула черная, как уголь, вода, и все люди стали прыгать с этого корабля на другие.

Гуннар перепрыгнул обратно на свой корабль. Тут подоспел на своем корабле Халльвард, и завязалась жестокая битва. Люди увидели, что их предводитель бесстрашен, и каждый старался изо всех сил. Гуннар то метал копья, то рубил мечом, и многие погибли от его руки. Кольскегг хорошо помогал ему. Карл перескочил на корабль к брату своему Вандилю, и там они сражались весь день. Днем Кольскегг дал себе передышку на корабле Гуннара. Увидев это, Гуннар сказал ему:

– Себя ты не щадишь, а с другими обошелся помягче: им уже теперь из-за тебя никогда пить не захочется.

Тогда Кольскегг взял ковш, полный меда, выпил его и снова стал сражаться. Наконец оба брата вскочили на корабль, где были Вандиль с братом, и Кольскегг стал наступать по одному борту, а Гуннар – по другому. Навстречу Гуннару двинул Вандиль. Он, не медля, взмахнул мечом, и удар пришелся в щит. Гуннар резко отвел в сторону щит с застрявшим в нем мечом, и меч переломился у рукояти. Тут же Гуннар нанес ответный удар, и казалось, что не один, а три меча в воздухе, и Вандиль увидел, что нет ему спасения. Гуннар отрубил ему обе ноги. Между тем Кольскегг пронзил Карла копьем. Они взяли богатую добычу.

Оттуда они направились на юг, к Дании, а затем на восток, в Смаланд, и всюду одерживали победы. Осенью они не вернулись.

На другое лето они поплыли в Равали^[209] и встретили там викингов. Они, не медля, вступили с ними в битву и одержали победу. Затем они поплыли на восток, к острову Эйсюсла^[210], и простояли на якоре некоторое время у какого-то мыса. Они увидели человека, спускавшегося с мыса. Гуннар сошел к нему на берег, и они вступили в разговор. Гуннар спросил, как его зовут, и тот назвался Тови. Гуннар спросил, что ему надо.

– Тебя ищу, – ответил тот. – Тут, за мысом, стоят боевые корабли, и я хочу рассказать тебе, чьи они. Это корабли двух братьев. Одного зовут Халльgrim, а другого Кольскегг. Оба лихие воины, и у них очень

хорошее оружие. У Халльгрима есть заколдованное копье с широким наконечником, и ничем другим его не убить. Есть у этого копья еще одно свойство: перед смертельным ударом, оно издает тонкий звон. Такая в нем чудодейственная сила. А у Кольскегга есть меч, лучше которого не сыскать. Войска у них в полтора раза больше, чем у вас. У них много добра, и оно спрятано на берегу, но я точно знаю место. Они выслали вперед дозорный корабль и все о вас знают. Теперь они готовятся к бою и собираются напасть на вас, как только изготоятся. Вам остается одно из двух: либо немедленно уходите прочь, либо как можно скорее приготовьтесь к бою. Если вы одержите победу, то я покажу, где спрятано их добро.

Гуннар дал ему золотое кольцо и, вернувшись к своим, сообщил им, что по ту сторону мыса стоят боевые корабли.

– Они все про нас знают, – добавил он. – Возьмемся же за оружие и хорошенько подготовимся к бою, потому что здесь можно взять большую добычу.

Они стали готовиться к бою, и когда закончили приготовления, увидели, что к ним приближаются корабли. Завязалась битва. Они сражались долго, и немало народу пало в этом бою. Гуннар сразил многих воинов. Халльгрим с братом перескочили на Гуннаров корабль. Гуннар резко повернулся к ним. Халльгрим замахнулся на него копьем. Там поперек судна шла балка, и Гуннар отскочил за нее, а щит выставил перед ней. Халльгрим пронзил щит и всадил копье в балку. Гуннар нанес ему удар по руке и раздробил кость, но меч в руку не врезался. Копье выпало у Халльгрима из рук. Гуннар поднял его и убил Халльгрима наповал. С тех пор он с этим копьем не расставался.

Тезки же продолжали сражаться, и было неясно, кто возьмет верх. Тут подоспел Гуннар и нанес Кольскеггу смертельный удар. Викинги запросили пощады, и Гуннар уважил их просьбу. После этого он распорядился осмотреть убитых и снять с них то добро, что было на них, а тем, кого он пощадил, дал одежду и доспехи и отпустил на родину. Они уплыли, а Гуннар взял себе все оставшееся после них богатство.

После сражения к Гуннару явился Тови и вызвался провести его к месту, где викинги спрятали свое добро, добавив, что там они найдут добра побольше и поценнее того, что им досталось в бою. Гуннар согласился. Он сошел с Тови на берег и направился следом за ним в лес. Они пришли к месту, где была навалена куча деревьев. Тови сказал, что под кучей клад. Они растащили деревья и нашли под ними золото и серебро, а также одежду и хорошее оружие. Они перенесли все это добро на корабль. Гуннар спросил у Тови, чего он хочет в награду.

– Я датчанин, – ответил Тови, – и хотел бы, чтобы ты доставил меня к моим родичам

Гуннар спросил, как он попал в восточные земли.

– Викинги взяли меня в плен, – ответил Тови, – и высадили на берег здесь, на Эйсюсле, и с тех пор я тут.

XXXI

Гуннар взял его с собой.

– А теперь направимся в северные земли, – сказал он Кольскеггу и Халльварду.

Те охотно согласились и сказали, чтобы он распоряжался. Гуннар отплыл, увозя с собой большое богатство. У него было теперь десять кораблей. Он поплыл в Данию, в Хейдабёр. Данией правил тогда конунг Харальд, сын Горма. Ему сказали, что Гуннару нет равных во всей Исландии. Конунг послал к нему своих людей и пригласил к себе. Гуннар не замедлил поехать к нему. Конунг принял его хорошо и посадил рядом с собой. Там Гуннар оставался полмесяца. Конунг забавлялся тем, что просил Гуннара состязаться в играх с его людьми, и никто не мог сравниться с ним.

Конунг сказал Гуннару:

– Я полагаю, что вряд ли сыщется равный тебе.

Конунг предложил Гуннару жениться и обещал ему большие почести, если бы тот пожелал остаться. Гуннар поблагодарил конунга за предложение и сказал:

– Я хотел бы сперва поехать в Исландию, чтобы повидаться с друзьями и родичами.

– Тогда ты к нам больше не вернешься, – говорит конунг.

– Это уж как судьбе будет угодно, государь, – говорит Гуннар.

Гуннар подарил конунгу хороший боевой корабль и много другого добра, а конунг подарил ему одежду со своего плеча, расшитые золотом рукавицы, повязку на лоб с золотой тесьмой и меховую шапку из Гардарики.

Гуннар поехал на север, в Хисинг. Эльвир встретил его с распростертыми объятиями. Гуннар вернул Эльвиру его корабли, сказав, что вся кладь на них – доля Эльвира в добыче. Эльвир принял подарок, похвалил его за щедрость и предложил погостить у него. Халльвард спросил Гуннара, не хочет ли он посетить ярла Хакона. Гуннар ответил, что на этот раз не прочь:

– Потому что, – добавил он, – теперь я уже не так зелен, как тогда.

Они снарядились в путь и выехали на север, в Трандхейм, к ярлу Хакону. Тот принял Гуннара хорошо и предложил остаться на зиму. Гуннар согласился и заслужил там общее уважение. На праздник середины зимы ярл подарил ему золотое запястье. Гуннару там понравилась Бергльот, родственница ярла. Люди полагают, что ярл выдал бы ее за него, если бы Гуннар стал этого добиваться.

Весной ярл спросил Гуннара, что он собирается делать дальше. Тот ответил, что хочет поехать в Исландию. Ярл сказал, что год был плохой и поэтому мало кораблей пойдет в море:

– Но все же, – продолжал он, – ты получишь столько муки и лесу, сколько пожелаешь.

Гуннар поблагодарил его, быстро снарядил свой корабль и вместе с Халльвардом и Кольскеггом отплыл в Исландию. В начале лета они прибыли туда и бросили якорь в Устье Орлиного Гнезда. Это было перед самым альтингом. Гуннар поехал с корабля домой, а людей оставил для разгрузки. Кольскегг поехал с ним. Дома все обрадовались их приезду. Гуннар и Кольскегг были приветливы со своими домочадцами, и держались по-прежнему просто.

Гуннар спросил, не в отъезде ли Ньяль. Ему ответили, что он у себя дома. Тогда он велел подать коня и поскакал с Кольскеггом на Бергторов Пригорок. Ньяль обрадовался их приезду и попросил остаться переночевать. Гуннар рассказал ему о своих странствиях, и Ньяль назвал его великим воином:

– Немало довелось тебе испытать, – добавил он, – но еще больше испытаний у тебя впереди, потому что многие станут тебе завидовать.

– Я хотел бы жить в мире со всеми, – говорит Гуннар.

– Многое с тобой случится, – говорит Ньяль, – и придется тебе все время защищаться.

– В таком случае, – говорит Гуннар, – важно, чтобы право было на моей стороне.

– Так оно и будет, – говорит Ньяль, – если только не придется тебе расплачиваться за чужие поступки.

Ньяль спросил Гуннара, собирается ли он на тинг. Гуннар ответил, что собирается, и спросил, поедет ли Ньяль. Тот ответил, что не поедет:

– И я хотел бы, – добавил он, – чтобы и ты не ездил.

Гуннар одарил Ньяля богатыми подарками и, поблагодарив его за заботы о своем хозяйстве, уехал домой.

Кольскегг стал склонять его к поездке на тинг. Он сказал:

– Там тебе прибавится славы, ибо много будет о тебе разговоров.

– Мне это не по душе, – сказал Гуннар. – Но я охотно повидаюсь с хорошими людьми.

Халльвард тоже бы там и предложил поехать на тинг вместе.

И они все поехали на тинг. Они были так роскошно одеты, что не было равных им на тинге, и люди выбегали из каждой землянки, чтобы

подивиться на них. Гуннар поселился в землянке людей Кривой Реки, своих родичей. Много народу приходило повидать Гуннара и узнать от него новости. Он был со всеми приветлив и весел и рассказывал им все, что они желали.

Случилось однажды, что, идя от Скалы Закона, Гуннар проходил мимо землянки людей с Мшистой Горы. Он увидел там нарядно одетых женщин, которые шли ему навстречу. Впереди шла женщина, которая была одета всех нарядней. Когда они встретились, она обратилась к нему с приветом. Он учтиво ответил и спросил, кто она такая. Она назвалась Халльгерд и сказала, что она дочь Хёскульда, сына Колля из Долин. Она без стеснения обратилась к нему и попросила рассказать о его странствиях, а он ответил, что не откажет в ее просьбе. Они уселись вдвоем и стали беседовать. На ней было красное платье, а на платье богатые украшения. Сверху на ней была пурпурная накидка, донизу отороченная кружевом. Волосы падали ей на грудь, и были они густые и красивые. Гуннар был в одеянии, подаренном ему конунгом Харальдом, сыном Горма. На руке у него было золотое запястье, подарок ярла Хакона. Они громко разговаривали долгое время. Наконец Гуннар спросил, замужем ли она. Она ответила, что нет.

– Да и немного найдется таких, кто бы посватался ко мне, – сказала она.

– Что ж, нет достойных тебя? – спросил он.

– Не в том дело, – сказала она. – Я бы не за всякого пошла.

– А что бы ты сказала мне, если бы я стал тебя сватать?

– Вряд ли ты это надумаешь, – сказала она.

– Ошибаешься, – ответил он.

– А коли так, то пойди поговори с моим отцом.

На том разговор кончился. Гуннар тотчас же отправился к землянке людей из Долин и, встретив перед ней людей, спросил их, там ли Хёскульд. Те ответили, что в землянке. Гуннар вошел. Хёскульд и Хрут встретили его с распростертыми объятиями. Он сел между ними, и в их разговоре ничто не напоминало об их былой вражде. Наконец Гуннар спросил, что бы ему братья сказали, если бы он посватался к Халльгерд.

– Мы не отказали бы, – ответил Хёскульд, – если только ты и впрямь решил жениться на ней.

Гуннар подтвердил, что это так.

– Но мы с тобой в свое время расстались не по-доброму, – добавил Хёскульд, – и люди не поверят, что сговор между нами возможен. А как ты смотришь на этот брак, брат мой Хрут?

Хрут ответил:

– По-моему, он будет неравным.

– Почему? – спросил Гуннар.

– Скажу тебе правду, – ответил Хрут. – Ты человек доблестный и достойный, а она человек ненадежный, не хочу тебя обманывать.

– Спасибо тебе за это, – сказала Гуннар, – но мне все же сдается, что вы не позабыли старой вражды, раз отвергаете мое сватовство.

– Не так это, – сказал Хрут. – Но тебе, я вижу, не совладать с собой. Однако, даже если сговор и не состоится, мы бы хотели остаться твоими друзьями.

– Я говорил с нею, – сказал Гуннар, – и она согласна выйти за меня.

Хрут сказал:

– Так я и думал. Страсть вскружила вам обоим голову, и вы готовы на этот безрассудный брак. Но тем опаснее он для вас.

И Хрут рассказал Гуннару о нраве Халльгерд и открыл ему глаза на многие ее недостатки. Все же, в конце концов, они заключили брачную сделку. Затем послали за Халльгерд и все обсудили при ней. Как и в прошлый раз, она сама помолвила себя. Свадьбу на этот раз решили справлять в Конце Склона и до поры до времени хранить все в тайне. Но вышло так, что все о сговоре узнали.

Вернувшись с тинга домой, Гуннар поехал на Бергторов Пригорок и рассказал Ньялю о сговоре. Тот принял новость очень неодобрительно. Гуннар спросил его, почему он так против этого сговора.

– Если она переедет сюда, на восток, ждать бед, – сказал Ньяль.

– Ей не расстроить нашу дружбу, – сказал Гуннар.

– Ей это почти удастся, – сказал Ньяль. – А тебе не раз придется расплачиваться за жену.

Гуннар пригласил на свадьбу Ньяля и всех, кого бы он ни пожелал взять с собой. Ньяль обещал приехать. Затем Гуннар поехал домой и объехал всю округу, приглашая людей.

XXXIV

Жил человек по имени Траин. Он был сыном Сигфуса и внуком Сигвата Рыжего. Он жил у Каменистой Реки, на Речном Склоне. Он был родичем Гуннара и очень уважаемым человеком. Женой его была Торхильд, по прозвищу Женщина Скальд. Она была очень остра на язык и любила насмешки. Траин не очень любил ее. Его тоже пригласили на свадьбу в Конец Склона, и жена его должна была потчевать гостей вместе с Бергторой, дочерью Скарпхедина, женой Ньяля.

Другого сына Сигфуса звали Кетиль. Он жил в Лесу, восточнее Лесной Реки. Женой его была Торгерд, дочь Ньяля. Третьего сына Сигфуса звали Торкель, четвертого Мёрд, пятого Ламби, шестого – Сигмунд, седьмого – Сигурд. Все они приходились Гуннару родичами и были доблестными воинами. Гуннар пригласил их всех к себе на свадьбу. Пригласил он также Вальгарда Серого и Ульва Аургоди и их сыновей – Рунольва и Мёрда.

Хёскульд и Хрут прибыли на свадьбу со множеством людей. Были там и сыновья Хёскульда – Торлейк и Олав. С ними приехала невеста и дочь ее Торгерд. Это была очень красивая девушка, и ей было тогда четырнадцать лет. Много приехало с ней и других женщин. Были там также Торхалла, дочь Асгрима, сына Лодейного Грима, и две дочери Няля – Торгерд и Хельга.

У Гуннара собралось много гостей, и он рассадил их так: сам он сидел по одну сторону стола, посередине, а слева от него сидел Траин, сын Сигфуса, дальше – Ульв Аургоди, затем – Вальгард Серый, затем – Мёрд и Рунольв, а дальше – остальные сыновья Сигфуса. Ламби сидел с самого края. По правую руку от Гуннара сидел Няль, за ним – Скарпхедин, затем Хавр Мудрый, затем Ингьяльд с Ключей, затем – сыновья Торира из Хольта. Торир пожелал занять самое крайнее место в ряду знатных людей. Все были довольны своими местами. Хёскульд сидел посередине по другую сторону, и слева от него – сыновья его. Хрут сидел справа от него. Про остальных не рассказывается, где они сидели. Невеста сидела на женской скамье посередине, и по одну сторону от нее – дочь ее Торгерд, а по другую Торхалла, дочь Асгрима, сына Лодейного Грима. Торхильд потчевала гостей. Вдвоем с Бергторой они подавали еду на стол.

Траин, сын Сигфуса, не сводил глаз с Торгерд, дочери Глума. Это заметила его жена Торхильд. Она рассердилась и сказала вису: Ну и стыд! Уставился, Так и ест глазами!

– Траин! – воскликнула она.

Он тут же поднялся из-за стола, назвал своих свидетелей и объявил о разводе с ней.

– Я не потерплю ее насмешек и брани, – сказал он.

Он так рьяно взялся за дело, что не пожелал дольше оставаться на свадебном пиру, если она не уедет. И она уехала. После этого все снова уселись на свои места, стали пить и веселиться. Вдруг Траин сказал:

– Я не стану скрывать, что у меня на уме. Хёскульд, сын Колля из Долин, я хочу спросить тебя, выдашь ли ты за меня твою внучку Торгерд?

– Не знаю, что и сказать, – ответил тот. – Мне кажется, что не так уж ты хорошо обошелся со своей прежней женой. Что он за человек, Гуннар?

Гуннар ответил:

– Не скажу, потому что он мой родич. Лучше скажи-ка ты, Няль, тебе все поверят.

Няль сказал:

– О нем надо сказать, что он человек богатый, достойный и знатный. За него вполне можно выдать невесту.

Хёскульд сказал тогда:

– А что ты посоветуешь, брат мой Хрут?

Хрут сказал:

– Можешь выдать за него невесту, он ей ровня.

Тут они стали договариваться и пришли к согласию во всем. Затем Гуннар поднялся с места, и Траин с ним, и они подошли к женской скамье. Гуннар спросил мать и дочь, согласны ли они на сговор. Те ответили, что не возражают, и Халльгерд помолвила свою дочь. Тогда женщин рассадили по-новому: теперь Торхалла сидела между обеими невестами. Свадебный пир продолжался. А когда свадьба кончилась, Хёскульд и его люди поехали на запад, а люди с Кривой Реки – к своим дворам. Гуннар поднес многим подарки, и его за это хвалили. Халльгерд стала хозяйкой у него в доме. Она любила жить на широкую ногу и всем распоряжаться. Торгерд принялась за хозяйство у Каменистой Реки и стала домовитой хозяйкой.

XXXV

У Гуннара и Ньяля повелось, что каждую зиму один из друзей гостил у другого. И вот наступил черед Гуннара гостить у Ньяля, и Гуннар с Халльгерд поехали на Бергторов Пригорок. Хельги с женой в то время не было дома. Ньяль встретил Гуннара хорошо, и когда Гуннар с женой пробыли там некоторое время, вернулись домой Хельги с женой Торхаллой. Как-то раз Бергтора с Торхаллой подошли к женской скамье, и Бергтора сказала Халльгерд:

– Уступи-ка ей место!

Та ответила:

– И не подумаю. Не желаю сидеть в углу, словно старуха.

– В этом доме я распоряжаюсь, – сказала Бергтора.

И Торхалла заняла место на скамье.

Бергтора подошла к столу с водой для умыванья рук. Халльгерд взяла Бергтору за руку и сказала:

– Вы с Ньялем под стать друг другу: у тебя все ногти вросли, а он безбородый.

– Твоя правда, – сказала Бергтора. – Но никто из нас не попрекает этим другого. А вот у тебя муж Торвальд бородатый был, но ты велела убить его.

– Если ты, Гуннар, не отомстишь за эти слова, – сказала Халльгерд, – какой мне прок от того, что мой муж самый храбрый человек в Исландии.

Тот вскочил, вышел из-за стола и сказал:

– Я еду домой. Со своими домочадцами можешь браниться, но не в чужом доме. Ньяль мне делал только добро, и тебе не рассорить нас, словно малых детей.

И они собрались домой.

– Попомни мое слово, Бергтора, – сказала Халльгерд, – мы с тобой еще посчитаемся.

Бергтора сказала, что ей от этого лучше не станет. Гуннар не проронил при этом ни слова. Он поехал домой, в Конец Склона, и пробыл всю зиму дома. И вот наступает лето, и пора ехать на альтинг.

XXXVI

Гуннар собрался на тинг и, прежде чем выехать из дому, сказал Халльгерд:

– Веди себя мирно, пока меня нет дома, и не ссорься с моими друзьями.

– Ну их, твоих друзей! – ответила она.

Гуннар уехал на тинг. Он видел, что говорить с ней бесполезно. На тинг приехали также Ньяль и его сыновья.

Теперь надо рассказать о том, что тем временем происходило дома. У Ньяля с Гуннаром был общий лес на горе Красные Оползни. Они его не делили, и каждый, бывало, рубил там, сколько ему было нужно, и ни один не попрекал другого за порубку. У Халльгерд был надсмотрщик по имени Коль. Он давно жил у нее и был отъявленным злодеем. У Ньяля с Бергторой был работник по имени Сварт, которым они не могли нахвалиться. Бергтора сказала ему, чтобы он поехал на Красные Оползни и нарубил деревьев.

– А я пришлю людей, чтобы отвезли лес домой, – сказала она.

Тот сказал, что выполнит поручение. Он поехал на Красные Оползни и собирался пробыть там неделю. Между тем в Конец Склона пришли со стороны Лесной Реки нищие и рассказали, что Сварт на Красных Оползнях и нарубил там очень много лесу.

– Наверное, Бергтора замышляет совсем меня ограбить, – сказала Халльгерд. – Но я позабочусь о том, чтобы ему больше не пришлось рубить лес!

Мать Гуннара Раннвейг услышала это и сказала:

– Бывали у нас раньше хорошие хозяйки, но чтобы они замышляли убийство – такого еще не бывало.

Прошла ночь, и наутро Халльгерд завела разговор с Колема.

– Есть у меня для тебя работа, – сказала она и дала ему в руки оружие. – Поезжай-ка на Красные Оползни, там ты встретишь Сварта.

– И что мне с ним сделать? – спросил он.

– Такой злодей, а еще спрашиваешь! – сказала она. – Убей его.

– Ладно, – сказал он, – хоть и похоже, что мне придется поплатиться за это жизнью.

– Боишься? – сказала она. – И это после всего, что я для тебя сделала! Раз ты сомневаешься, придется мне, видно, обратиться к кому-нибудь другому.

Коль взял секиру и, сильно рассерженный, сел на одного из коней Гуннара и поехал к Лесной Реке. Там он спешился и стал ждать в лесу, пока люди не кончат убирать лес и Сварт не останется один. Затем Коль бросился на Сварта и сказал:

– Не один ты горазд рубить!

И, ударив его секирой по голове, убил наповал, а затем уехал домой и рассказал об убийстве Халльгерд. Она сказала:

– Я позабочусь, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Это было бы хорошо, – сказал он, – однако совсем другое видел я во сне, перед тем как совершил убийство.

Вот поднялись люди в лес, нашли там Сварта зарубленным и унесли домой. Халльгерд послала к Гуннару на тинг человека рассказать об убийстве. Гуннар не стал бранить Халльгерд перед посланцем, и люди сперва не знали, доволен ли он вестью или нет. Немного погодя Гуннар встал и попросил своих людей пойти с ним. Они пошли к землянке Няля. Гуннар послал человека, чтобы он попросил Няля выйти. Няля тотчас же вышел, и они стали разговаривать.

Гуннар сказал:

– Я должен сообщить тебе об убийстве. Убит твой работник Сварт, а виновны в убийстве моя жена и мой надсмотрщик Коль.

Няля молчал, пока Гуннар не закончил рассказ. Затем Няля сказал:

– Не надо давать ей воли.

Гуннар сказал:

– Теперь рассуди нас, как сам сочтешь нужным.

Няля сказал:

– Нелегко тебе будет без конца расплачиваться за поступки Халльгерд. Ведь в другой раз дело может обернуться хуже, чем сейчас со мной, да и это дело еще не улажено. Надо подумать, как бы нам с тобой решить его по-дружески. Думаю, это нам удастся. Но все же это будет для тебя тяжелым испытанием.

Няля согласился рассудить дело и сказал:

– Я не хочу запрашивать с тебя лишнего. Уплати мне двенадцать эйриров серебра, но я ставлю условием нашего примирения, чтобы, если кто-нибудь из моего дома провинится, ты рассудил нас не строже.

Гуннар сполна выплатил деньги и затем поехал домой. Няля и его сыновья также вернулись домой с тинга. Увидев деньги, Бергтора сказала:

– В меру уплачено, но пусть ровно столько же будет уплачено за Коля, когда придет время.

Гуннар приехал домой с тинга и стал выговаривать Халльгерд. Она ответила, что и за людей получше не всегда платят виру.

– Конечно, – сказал Гуннар, – ты натворишь что-нибудь, а я должен за тебя улаживать.

Халльгерд все похвалялась убийством Сварта, и Бергторе это не нравилось.

Однажды Ньяль отправился с сыновьями на Торольвову Гору, чтобы распорядиться там по хозяйству. В тот же день Бергтора, выйдя из дому, увидела, что едет человек на вороном коне. Она остановилась и не вошла в дом. В руке у человека было копье, а у пояса – короткий меч. Она спросила, как его зовут.

– Меня зовут Атли, – ответил тот.

Она спросила, откуда он.

– Я с Восточных Фьордов, – ответил он.

– Куда держишь путь? – спросила она.

– У меня нет своего двора, – сказал он. – Я хотел повидать Ньяля и Скарпхебина и спросить, не возьмут ли они меня к себе.

– Что ты умеешь делать? – спросила она.

– Обрабатывать землю и многое другое, – сказал он. – Но не стану скрывать от тебя, что нрав у меня крутой и что кое-кому пришлось перевязывать раны, нанесенные мной.

– Я не стану укорять тебя в том, что ты не трус.

Атли сказал:

– Не ты ли распоряжаешься здесь?

– Я жена Ньяля, – сказала она, – и распоряжаюсь наймом людей не меньше, чем он сам.

– А меня возьмешь? – спросил тот.

– Пожалуй возьму, – сказала она, – если обещаешь выполнять любые мои поручения, вплоть до убийства.

– Для этого у тебя и без меня найдутся люди, – сказал он, – так что я вряд ли понадоблюсь.

– Я ставлю условия, какие хочу, – ответила она.

– Ладно, согласен, – сказал он.

И она взяла его в дом. Вернувшись с сыновьями домой, Ньяль спросил Бергтору, что это за человек.

– Это твой работник, – ответила она. – Я приняла его в дом. Он сказал, что не любит сидеть сложа руки.

– Видно по нему, что он на многое годен, – сказал Ньяль, – но не знаю, на добрые ли дела.

Скарпхебин был очень расположен к Атли. Летом Ньяль отправился с сыновьями на тинг. Гуннар тоже был на тинге. Ньяль захватил с собой кошель с деньгами. Скарпхебин спросил:

– Что это за деньги, отец?

– Это деньги, которые заплатил мне Гуннар за нашего работника.

– Наверное, они понадобятся, – сказал Скарпхебин, ухмыляясь.

Теперь надо рассказать о том, что случилось дома. Атли спросил как-то Бергтору, что он должен сегодня делать.

– Я придумала тебе работу, – сказала она. – Поезжай, найди Коля и сегодня же убей его, если хочешь угодить мне.

– Мы с ним одного поля ягоды, – сказал Атли, – оба злодеи. Но я постараюсь, чтобы одного из нас не стало.

– Желаю удачи, – сказала она. – За работу получишь награду.

Он захватил с собой оружие, сел на коня, поднялся на Речной Склон и встретил там людей, ехавших с Конца Склона. Это были люди из Леса. Они спросили Атли, куда он едет. Тот ответил, что разыскивает лошадь.

– Мелкое это дело для такого работника, – сказали они. – Порасспроси-ка тех, кто проезжал здесь ночью.

– Кого же? – спросил он.

– Коля Убийцу, работника Халльгерд, – ответили они. – Он недавно проехал с пастбища. Он не спал всю ночь.

– Страшновато встречаться с ним, – сказал Атли. – Он человек злой и как бы не обошелся со мной, как с другими.

– Ты как-то не очень похож на труса, – сказали они.

И они указали ему, куда проехал Коля. Атли хлестнул своего коня и поскакал во весь опор. Нагнав Коля, он сказал ему:

– Ну как твои вьюки держатся?

– Не твое это дело, мерзавец, – сказал Коля, – и не дело людей с Бергторова Пригорка.

– Самое трудное, – сказал Атли, – у тебя еще впереди: смерть!

И Атли всадил ему копьё прямо в грудь. Коля хотел ударить его секирой, но промахнулся, свалился с коня и сразу же испустил дух. Атли поехал обратно и, повстречав работников Халльгерд, сказал им:

– Поезжайте и возьмите коня: Коля свалился с седла и лежит мертвый.

– Это ты убил его, – сказали они.

– Да уж, наверное, Халльгерд решит, что он умер не своей смертью.

Затем Атли поехал домой и рассказал все Бергторе. Та поблагодарила его за то, что он сделал, и за сказанные им слова.

– Не знаю, – сказал он, – как на все это посмотрит Ньяль.

– Он не станет сердиться, – сказала она. – Ведь он захватил с собой на тинг виру за раба, что мы получили прошлым летом. Теперь эти деньги пойдут за Коля. Но хотя и будет заключена мировая, все же тебе надо быть начеку, потому что мировая Халльгерд не остановит.

– Ты собираешься, – спросил Атли, – послать кого-нибудь к Ньялю и сообщить об убийстве?

– Нет, – сказала она, – я бы предпочла, чтобы вира за Коля не была уплачена.

На этом их разговор кончился.

Халльгерд рассказали об убийстве Коля и о словах Атли.

Она сказала, что оплатит Атли и послала человека на тинг сообщить Гуннару об убийстве Коля. Гуннар ответил немногословно и послал человека сообщить Нялю. Тот ничего не ответил. Скарпхедин сказал:

– Что-то рабы стали нынче давать себе волю. Раньше они, бывало, дрались, и только, а теперь начали убивать друг друга.

И он ухмыльнулся.

Ньяль снял со стены кошелек с деньгами и вышел из землянки. Сыновья пошли с ним. Они пришли к землянке Гуннара, и Скарпхедин попросил человека, стоявшего в дверях:

– Скажи Гуннару, что мой отец хочет его видеть.

Тот сказал Гуннару. Гуннар немедленно вышел и приветливо поздоровался с Нялем. Затем они стали разговаривать.

– Нехорошо это, – говорит Ньяль, – что моя жена нарушила мировую и велела убить твоего работника.

– Не буду ее за это бранить, – говорит Гуннар.

– Рассуди ты теперь наше дело, – говорит Ньяль.

– Хорошо, – говорит Гуннар, – я расцениваю обоих работников, Сварта и Коля, одинаково. Заплати мне двенадцать эйриров серебра.

Ньяль взял кошелек и выплатил Гуннару деньги. Гуннар увидел, что это те самые деньги, которые он сам заплатил в свое время. Ньяль вернулся в свою землянку, и все осталось между ними по-прежнему.

Когда Ньяль вернулся домой, он стал выговаривать Бергторе. Но она сказала, что никогда не уступит Халльгерд. Халльгерд же очень бранила Гуннара за то, что он пошел на мировую. Но Гуннар сказал, что он никогда не откажется от дружбы с Нялем и его сыновьями. Она очень сердилась, но Гуннар не стал обращать на это внимания. Больше в этом году ничего особенного не случилось.

XXXVIII

Весной Ньяль сказал Атли:

– Я хочу, чтобы ты уехал на Восточные Фьорды. Там ты будешь в безопасности от Халльгерд.

– Я ее не боюсь, – сказал Атли, – и хотел бы, если можно, остаться дома.

– Не советую, – сказал Ньяль.

– Лучше мне погибнуть в твоём доме, – сказал Атли, – чем менять хозяина. Но я прошу тебя, если меня убьют, пусть за меня уплатят виру не как за раба.

– За тебя будет уплачена вира как за свободного, – сказал Ньяль, – а Бергтора позаботится о том, чтобы ты не остался неотомщенным.

После этого Атли был принят в семью.

А теперь надо рассказать о том, что Халльгерд послала человека на Медвежий Фьорд за своим родичем Брюньольвом Сварливым. Он был злодей каких мало. Гуннар ничего об этом не знал. Халльгерд сказала, что Брюньольв был бы хорошим надсмотрщиком. Когда Брюньольв приехал, Гуннар спросил его, что ему нужно. Тот ответил, что приехал жить у него.

– Судя по тому, что я слышал о тебе, вряд ли ты украсишь наш дом, – сказал Гуннар. – Но я не прогоню прочь родича Халльгерд, если она хочет, чтобы он жил с нами.

Гуннар был с ним сдержан, но не враждебен. Между тем подошло время тинга. Гуннар с Кольскеггом поехали на тинг и, приехав, встретили там Ньяля с сыновьями, и все они были по-прежнему друзьями.

Бергтора обратилась к Атли:

– Поезжай-ка на Торольвову Гору и поработай там с неделю.

Атли поехал туда и стал жечь уголь в лесу.

Халльгерд сказала Брюньольву:

– Мне сказали, что Атли уехал из дома и работает на Торольвовой Горе.

– Как ты думаешь, что он там делает? – говорит он.

– Что-нибудь в лесу, – говорит она.

– Что же я должен с ним сделать? – говорит он.

– Убить его, – говорит она.

Он промолчал.

– Тьостольв бы не побоялся убить Атли, – сказала она, – если бы был в живых.

– Недолго придется тебе попрекать меня, – сказал Брюньольв.

Он взял свое оружие, сел на коня и поехал на Торольвову Гору. Он увидел большое облако дыма к востоку от двора. Он подъехал ближе, сошел с коня, привязал его и пошел на дым. Вскоре он увидел угольную яму и человека подле нее. Он увидел также копье, воткнутое в землю рядом с этим человеком. Брюньольв подошел к нему с той стороны, куда относилось дым, а Атли был так поглощен работой, что не заметил его. Брюньольв ударил его секирой по голове, но Атли так резко отшатнулся, что секира выпала у Брюньольва из рук. Атли схватил копье и метнул его. Брюньольв бросился на землю, и копье пролетело над ним.

– Тебе удалось застигнуть меня врасплох, – сказал Атли. – Халльгерд будет довольна, когда ты расскажешь ей о моей смерти. Меня утешает лишь то, что недолго тебе придется ждать такой же смерти. Возьми же свою секиру, вот она лежит возле меня.

Тот ничего не ответил и не взял секиры, пока Атли не умер. Он поехал на двор и объявил об убийстве, а после этого вернулся домой и рассказал обо всем Халльгерд. Та послала человека на Бергторов Пригород сказать Бергторе, что свершилась месть за убийство Коля.

Затем Халльгерд послала человека на тинг сообщить Гуннару об убийстве Атли.

Гуннар поднялся с места, и Кольскегг с ним. Кольскегг сказал:

– Много горя еще принесут тебе родичи Халльгерд.

И они пошли к Нялю. Гуннар сказал:

– Я пришел сообщить тебе об убийстве Атли.

Он назвал убийцу.

– Я хочу предложить тебе виру за него. Назначай сам, сколько мне заплатить.

Ньяль сказал:

– Мы уговорились с тобой не ссориться. Но я не хочу назначать за него виру, как за раба.

Гуннар счел это справедливым и протянул Нялю руку. Тот назвал свидетелей, и они заключили мировую. Скарпхедин сказал:

– Халльгерд не дает нашим людям умирать от старости.

Гуннар ответил:

– Твоя мать, наверное, решит, что долг платежом красен.

Ньяль назначил виру в сотню серебра, и Гуннар тут же выплатил ее. Многие из тех, кто был при этом, сказали, что вира слишком велика. Но Гуннар рассердился и сказал, что полную виру платили и за менее отважных людей, чем Атли. После этого они поехали с тинга домой. Бергтора, увидев деньги, сказала Нялю:

– Я вижу, ты сдержал слово. Теперь мой черед.

– Нет в этом нужды, – сказал Ньяль, – незачем тебе стараться.

– Мне кажется, что ты ждал от меня другого, – сказала она, – но пусть будет по-твоему.

Халльгерд сказала Гуннару:

– Неужели ты заплатил сотню серебра за убийство Атли и посчитал его свободным?

– Он и был свободным, – ответил Гуннар, – и я не оставлю без виры людей Няля.

– Вы стоите один другого, оба вы трусы.

– Поживем – увидим, – сказал он.

После этого Гуннар долго не разговаривал с ней, пока наконец она не смирилась. В продолжение года все было спокойно. Весной Ньяль не взял новых работников в дом. Настало лето, и люди поехали на тинг.

XXXIX

Жил человек по имени Торд, по прозвищу Вольноотпущенников Сын. Его отца звали Сигтрюгг, он был вольноотпущенником Асгерд и утонул в Лесной Реке. Поэтому Торд с тех пор жил у Няля. Он был большой и сильный человек. Он воспитал всех сыновей Няля. Ему

полюбилась Гудфинна, дочь Торольва, родственница Ньяля. Она вела у Ньяля хозяйство и теперь ждала ребенка^[211].

Бергтора повела с Тордом Вольноотпущенниковым Сыном разговор:

– Поезжай и убей Брюньольва.

– Убийство – это не по мне, – сказал он, – но если ты хочешь, я это сделаю.

– Я хочу этого, – сказала она.

Он сел на лошадь и поехал в Конец Склона. Там он велел вызвать Халльгерд и спросил ее, где Брюньольв.

– А что тебе от него нужно? – спросила она.

– Я хочу, чтобы он сказал мне, где спрятал тело Атли. Мне сказали, что он плохо завалил его.

Она указала ему, куда идти, и сказала, что он внизу, на Поле Между Реками.

– Смотри же, – сказал Торд, – чтобы с ним не случилось того же, что и Атли.

– Убийство – это не по тебе, – сказала она. – Ничего не случится, если вы встретитесь.

– Я никогда не видел человеческой крови и не знаю, что со мной будет, когда я ее увижу, – сказал он и побежал от двора вниз, к Полю Между Реками.

Раннвейг, мать Гуннара, слышала их разговор.

– Ты обозвала его трусом, Халльгерд, – сказала она, – по, по-моему, он смелый человек, и твоему родичу придется узнать это.

Брюньольв и Торд встретились на дороге. Торд сказал:

– Защищайся, Брюньольв! Не хочу я подло поступать с тобой.

Брюньольв поскакал на Торда и хотел ударить его секирой. Но Торд перерубил Брюньольву рукоять секиры у самых рук и снова ударил его секирой. Удар пришелся в грудь, и секира вошла в тело. Брюньольв упал с лошади и тут же испустил дух. Торд встретил пастуха Халльгерд и объявил ему, что убил Брюньольва. Он рассказал, где лежит убитый, и попросил сказать Халльгерд об убийстве. После этого он поехал на Бергторов Пригорок и рассказал Бергторе и другим людям об убийстве.

– Славное дело, – сказала она.

Пастух рассказал Халльгерд об убийстве. Она пришла в ярость и сказала, что так этого не оставит.

XL

И вот эта весть дошла до тинга. Ньяль велел, чтобы ему рассказали ее три раза, и затем сказал:

– Не думал я, что столько людей станут убийцами.

Скарпхедин сказал:

– Все равно недолго оставалось жить человеку, которого убил наш воспитатель, никогда не выдавший человеческой крови! Многие, зная наш нрав, наверное, сочтут, что это скорее следовало сделать нам, братьям.

– Тебе недолго придется ждать, – сказал Няль, – дойдет очередь и до тебя. Нужда заставит.

Затем они разыскали Гуннара и рассказали ему об убийстве. Гуннар сказал:

– Потеря невелика. Однако же это был свободный человек.

Няль сразу же предложил ему виру. Гуннар согласился, и сам должен был назначить ее. Он назначил сотню серебра. Няль тут же заплатил деньги, и на том они помирились.

XLI

Жил человек по имени Сигмунд. Его отцом был Ламби, сын Сигхвата Рыжего. Он много путешествовал, был человеком обходительным и красивым, рослым и сильным и очень честолюбивым. Он был хорошим скальдом и человеком, сведущим во многих других искусствах. При этом он был надменен, насмешлив и заносчив. Он поселился на востоке, на Роговом Фьорде. У него был товарищ по имени Скьёльд, швед родом и очень неуживчивый человек.

Сигмунд и Скьёльд сели на лошадей, отправились на запад и ехали до тех пор, пока не добрались до Конца Склона. Гуннар принял их хорошо. Они с Сигмундом были близкими родственниками. Гуннар предложил Сигмунду пробыть у него зиму, и тот сказал, что согласен, если с ним будет его товарищ Скьёльд.

– Мне говорили о нем, – сказал Гуннар, – что дружба с ним не смягчает твой нрав, а он у тебя и так не мягкий. К тому же жизнь здесь не простая, и мне хотелось бы дать вам, моим родичам, совет: не поддавайтесь подстрекательствам жены моей Халльгерд, потому что многие ее поступки мне совсем не нравятся.

– Предостерегать не грех, – сказал Сигмунд.

– Тогда прими мой совет, – сказал Гуннар. – Много выпадет тебе искушений, по всегда держись около меня и слушайся моих советов.

После этого они остались у Гуннара. Халльгерд очень благоволила к Сигмунду, а со временем их дружба зашла так далеко, что она стала делать ему подарки и прислуживать не хуже, чем своему мужу. И многие заговорили об этом с неодобрением и не понимали, в чем здесь дело.

Халльгерд сказала Гуннару:

– Негоже, что ты взял за Брюньольва, моего родича, всего сотню серебра. Я отомщу за него, если сумею, – сказала она.

Гуннар сказал, что не хочет спорить с ней, и ушел. Он разыскал Кольскегга и сказал ему:

– Поезжай, разыщи Ньяля и скажи ему, чтобы Торд остерегался, потому что хотя вира и заплачена, мне не верится, что мир не будет нарушен.

Тот поехал и передал его слова Ньялю, а Ньяль – Торду. Ньяль поблагодарил Кольскегга, и тот поехал домой.

Однажды случилось, что Ньяль и Торд были во дворе. Там на лугу обычно расхаживал козел, и никто не смел прогонять его.

– Странно, – сказал Торд.

– Что странно? – спросил Ньяль.

– Мне кажется, что козел лежит здесь, в лощинке, и весь в крови.

Ньяль сказал, что никакого козла там нет.

– Тогда что же это? – спросил Торд.

– Тебе, верно осталось недолго жить, – сказал Ньяль, – и ты видишь своего духа-двойника^[212]. Остерегайся!

– Ничто мне не поможет, – сказал Торд, – если мне так на роду написано.

Халльгерд завела разговор с Траином, сыном Сигфуса, и сказала ему:

– Ты был бы мне хорошим родичем, если бы убил Торда Вольноотпущенникова Сына.

– Нет, этого я делать не стану, – сказал он, – потому что тогда я навлеку на себя гнев моего родича Гуннара. Такое убийство ни к чему хорошему не приведет, потому что за него нам сразу же отомстят.

– Кто же нам отомстит? – спросила она. – Уж не безбородый ли?

– Нет, не он, – ответил Траин, – а его сыновья.

Затем они долго тихо говорили о чем-то между собой, и никто не знал, о чем у них шла речь.

Однажды случилось, что Гуннар уехал со двора. Дома остался Сигмунд и его товарищ. С Каменистой Реки приехал Траин, и они все сидели вместе с Халльгерд перед домом и разговаривали. Тут Халльгерд сказала:

– Сигмунд и его товарищ Скъёльд обещали мне убить Торда Вольноотпущенникова Сына, а ты, Траин, обещал быть при этом.

Они все подтвердили, что обещали это.

– Тогда я скажу, что вам надо сделать, – сказала она. – Поезжайте на восток, к Роговому Фьорду, за своими товарами и возвращайтесь домой после начала тинга, потому что, если вы будете дома, Гуннар захочет, чтобы вы поехали на тинг вместе с ним. Ньяль, и его сыновья, и Гуннар будут на тинге, и тогда вы убьете Торда.

Они пообещали, что так и сделают. Затем они собрались ехать на восток, к фьорду, и Гуннар ничего не заподозрил.

Гуннар поехал на тинг. Ньяль послал Торда Вольноотпущенникова Сына на восток, к подножью Островных Гор, и сказал ему, чтобы он не

задерживался больше чем на одну ночь. Тот поехал туда, но на обратном пути не смог переправиться через реку, потому что вода стояла так высоко, что даже верхом было не перебраться на другой берег. Няль прождал его сутки, потому что собирался ехать на тинг вместе с ним. Он сказал Бергторе, чтобы она отправила Торда на тинг, когда он вернется домой. Через две ночи Торд вернулся. Бергтора сказала ему, чтобы он ехал на тинг:

– Но сначала, – добавила она, – поезжай на Торольвову Гору и присмотри там за хозяйством, да не задерживайся больше чем на одну или две ночи.

XLII

Сигмунд с товарищем вернулись с востока. Халльгерд сказала им, что Торд еще дома, но в скором времени уедет на тинг.

– Вот вам удобный случай, – продолжала она. – Не сумеете им воспользоваться, другого такого вам никогда не представится.

В Конец Склона пришли люди с Торольвовой Горы и сказали Халльгерд, что Торд там. Халльгерд пошла к сыновьям Сигфуса и сказала:

– Сейчас Торд на Торольвовой Горе. Вот вам случай убить его, когда он поедет домой.

– Так и сделаем, – сказал Сигмунд.

Они вышли из дому, взяли оружие и лошадей и поехали по дороге, по которой должен был ехать Торд. Сигмунд сказал Траину:

– Не стоит тебе ввязываться в это дело, мы и без тебя управимся.

– Ладно, – сказал он.

Вскоре к ним подъехал Торд. Сигмунд сказал ему:

– Сдавайся, сейчас тебе конец.

– Не сдамся, – сказал Торд, – бейся со мной.

– Не буду, – сказал Сигмунд, – мы воспользуемся тем, что нас больше. Неудивительно, что Скарпхедин, твой воспитанник, смел, ведь, как говорят, яблоко от яблони недалеко падает.

– Это ты изведаешь, – сказал Торд, – потому что Скарпхедин отомстит за меня.

Затем они бросились на него, и он сломал им обоим древки копий – так храбро он защищался. Скъёльд отрубил ему руку, но тот какое-то время защищался другой рукой, пока Сигмунд не пронзил его копьем. Тут он свалился замертво. Они завалили его тело землей и камнями. Траин сказал:

– Скверное мы сделали дело, и сыновья Няля осерчают, когда узнают об этом убийстве.

Они поехали домой и сказали о случившемся Халльгерд. Она очень обрадовалась. Раннвейг, мать Гуннара, сказала:

– Говорится, что недолго рука радуется удару. Так будет и в этом случае. Однако Гуннар на этот раз вызволит тебя. Но ежели Халльгерд еще раз удастся подбить тебя на подобное дело, тебе несдобровать.

Халльгерд послала человека на Бергторов Пригорок рассказать об убийстве, а другого послала на тинг рассказать об убийстве Гуннару. Бергтора сказала, что не станет тратить бранных слов на Халльгерд, потому что за такие дела мстят не словами.

XLIII

Когда человек, что был послан на тинг, рассказал Гуннару об убийстве, тот сказал:

– Плохая это весть. За всю жизнь не приходилось слышать худшей. Нам нужно сейчас же пойти к Ньялю, и я надеюсь, что он поступит великодушно, хоть это и будет для него тяжким ударом.

Они отправились к Ньялю и вызвали его, чтобы поговорить с ним. Он сразу же вышел к Гуннару. Они начали разговор, и сначала с ними не было никого, кроме Кольскегга.

– Печальную весть должен я сообщить тебе, – сказал Гуннар, – Торд Вольноотпущенников Сын убит. Назначь виру за него сам.

– Хорошо, я назначу виру. Но очень может быть, что мне придется выслушать упреки моей жены и сыновей, потому что им это придется очень не по душе. Но я все же решусь на это, потому что знаю, что имею дело с честным человеком. А еще, я не хочу, чтобы из-за меня настал конец нашей дружбе.

– Ты не хочешь, чтобы при нашем разговоре были твои сыновья? – спросил Гуннар.

– Нет, – ответил Ньяль, – потому что моего слова они не нарушат. Но если они будут сейчас здесь, то не дадут нам помириться.

– Ладно, – сказал Гуннар, – пусть ты один будешь принимать виру.

Они подали друг другу руки и быстро договорились. Ньяль сказал:

– Я назначаю две сотни серебра. Или, по-твоему, это много?

– По-моему, это не слишком много, – ответил Гуннар и пошел в свою землянку.

Сыновья Ньяля пришли в землянку, и Скарпхедин спросил у отца, откуда у него такие большие деньги. Ньяль сказал:

– Знай же: Торд, что воспитывал вас, убит, но мы с Гуннаром помирились, и он заплатил двойную виру.

– Кто убил его? – спросил Скарпхедин.

– Сигмунд и Скьёльд, а Траин был при этом, – сказал Ньяль.

– Видно, нелегко было справиться с ним, – сказал Скарпхедин, – но когда же нам представится случай поднять оружие?

– Скоро, – сказал Ньяль, – и тогда никто не станет тебя удерживать, а пока что я хочу, чтобы вы не нарушали моего слова.

- Не нарушим, - сказал Скарпхедин, - но если между нами снова ляжет тень, то мы припомним старые обиды.
- Тогда я не стану вам мешать, - сказал Ньяль.

XLIV

И вот народ разъехался с тинга по домам. Когда Гуннар вернулся, он сказал Сигмунду:

- Неудачливый ты человек, и дурным делам отдаешь себя. На этот раз я за тебя заплатил, но больше на подстрекательства не поддавайся. Ты не такой, как я. Ты часто насмехаешься и издеваешься над людьми. Я человек другого склада. Потому-то ты дружишь с Халльгерд, что у вас много общего.

Гуннар долго укорял его, но тот отвечал ему учтиво и сказал, что с этих пор будет прислушиваться к его советам больше, чем раньше. Гуннар сказал, что тогда все будет хорошо.

Гуннар и Ньяль оставались друзьями, хотя между их домашними приязни не было.

Однажды случилось, что в Конец Склона с Бергторова Пригорка пришли нищенки. Они были болтливы и злоязычны. У Халльгерд был дом, где женщины занимались рукоделием, и она часто там сидела. С ней были Торгерд, ее дочь, Траин, Сигмунд и много женщин. Ни Гуннара, ни Кольскегга там не было. Нищенки вошли в дом, Халльгерд поздоровалась с ними, велела дать им место и спросила, где они ночевали. Те ответили, что на Бергторовом Пригорке.

- А что поделывал Ньяль? - спросила она.
- Старался усидеть, - сказали они.
- Что делали сыновья Ньяля? - спросила она. - Ведь они считают себя совсем особенными.
- Росту-то они большого, да разума у них мало, - сказали они. - Скарпхедин точил секиру, Грим ладил древко к копьё, Хельги прилаживал рукоять к мечу, а Хёскульд приделывал ручку к щиту.
- Они, верно, что-то задумали, - сказала Халльгерд.
- Этого мы не знаем, - ответили они.
- А что делали работники Ньяля? - спросила Халльгерд.
- Один возил навоз на холмы, а что делали другие, не знаем.
- Зачем это? - спросила Халльгерд.
- Он сказал, что там землю нужно удобрить получше, чем в других местах, - сказали они.
- Не во всем разумен Ньяль, - сказала Халльгерд, - хоть он и все знает.
- О чем это ты? - спросили они.
- Сейчас скажу, - сказала Халльгерд. - Почему бы ему не унавозить себе подбородок, чтобы быть как другие мужчины? Мы зовем его

безбородым, а его сыновей – навознобородыми. Сложи об этом стихи, Сигмунд. Покажи нам, что ты скальд.

– Я готов, – сказал он и сложил три или четыре висы, и все эти висы были злые.

– Молодец, – сказала Халльгерд, – что слушаешься меня.

Тут вошел Гуннар. Он стоял перед домом и все слышал. Все вздрогнули, когда увидели, что он вошел, и смолкли, хотя до этого стоял громкий смех. Гуннар был в сильном гневе и сказал Сигмунду:

– Глупый ты человек, и впустую давать тебе советы, раз ты поносишь сыновей Ньяля и, что еще хуже, его самого – после всего того, что ты сделал им. Ты за это поплатишься жизнью. А если кто-нибудь повторит эти насмешки, то я выгоню его, и он станет моим врагом.

Все так его боялись, что никто не посмел повторить эти насмешки. Затем он ушел.

Нищенки поговорили между собой и решили, что Бергтора наградит их, если они расскажут ей, что слышали. Затем они пошли туда и, не дожидаясь вопросов, рассказали Бергторе наедине все, что слышали.

Когда мужчины сидели за столом, Бергтора сказала:

– Вам есть подарки. И мало вам будет чести, если вы не оплатите за них.

– Что это за подарки? – спросил Скарпхедин.

– Вам, моим сыновьям, один подарок всем вместе: вас называли навознобородыми, а моего мужа – безбородым.

– Мы не женщины, – сказал Скарпхедин, – чтобы сердиться из-за мелочей.

– Зато за вас рассердился Гуннар, – сказала она, – а его считают человеком мирным. Если вы снесете эту обиду, то снесете и любой позор.

– Нашей старухе нравится подстрекать нас, – сказал Скарпхедин и ухмыльнулся, но на лбу у него выступил пот, а щеки покрылись красными пятнами. Это было необычно. Грим молчал, закусив губу. Хельги сидел как ни в чем не бывало. Хёскульд пошел с Бергторой, но она снова вернулась, вне себя от злости. Ньяль сказал:

– Тот, кто тихо едет, тоже добирается до цели, хозяйка. Но ведь, как говорится, о мести всегда судят по-разному: одним она кажется справедливой, другим – наоборот.

А вечером, когда Ньяль лежал в постели, он услышал, что кто-то снял со стены секиру, и она громко зазвенела. Там была каморка, где обычно висели щиты. И вот Ньяль видит, что их нет на месте. Он спрашивает:

– Кто снял наши щиты?

– Твои сыновья взяли их, – отвечает Бергтора.

Ньяль тотчас же обулся, вышел во двор и зашел с другой стороны дома. Он видит, что сыновья идут по пригорку. Он говорит:

– Куда это вы, Скарпхедин?

– Искать твоих овец.

Ньяль говорит:

– Вы бы не стали брать оружие, если бы и впрямь собирались за овцами, – у вас, верно, иное дело.

– Мы едем ловить лососей, отец!

– Коли так, то желаю удачного лова.

Они ушли, а Ньяль пошел назад, в дом, и сказал Бергторе:

– Там твои сыновья в полном вооружении. Это ты их, верно, на что-то подбила.

– Я поблагодарю их от всего сердца, если они мне расскажут, что убили Сигмунда.

XLV

Вот сыновья Ньяля подошли к Речному Склону, переночевали под ним, а когда стало рассветать, поехали в Конец Склона. В это же утро Сигмунд и Скъёльд собрались ехать за лошадьми. Они захватили уздечки, взяли на лугу лошадей и уехали. Лошадей они нашли между двумя ручьями. Скарпхедин увидел их, потому что Сигмунд был в красном плаще. Скарпхедин спросил:

– Вы видите красное чучело?

Они взгляделись и сказали, что видят. Скарпхедин сказал:

– Ты, Хёскульд, останься здесь. Тебе ведь часто приходится ездить в этих местах одному, без защиты. Я беру на себя Сигмунда – это будет, по-моему, подвигом, достойным мужчины, а вы, Грим и Хельги, убьете Скъёльда.

Хёскульд сел на землю, а они подошли к тем двоим. Скарпхедин сказал Сигмунду:

– Бери оружие и защищайся! Вот что теперь тебе нужно, а не порочить нас в стихах!

Сигмунд стал вооружаться, а Скарпхедин тем временем ждал. Скъёльд схватился с Гримом и Хельги, и начался жестокий бой. У Сигмунда был на голове шлем, у пояса меч, а в руках щит и копье. Он бросился на Скарпхедина, тотчас же нанес ему удар копьем и попал в щит. Скарпхедин отрубил древко копья, поднял секиру и разрубил Сигмунду щит до середины. Сигмунд нанес Скарпхедину удар мечом и попал в щит, так что меч застрял. Скарпхедин с такой силой рванул щит, что Сигмунд выпустил меч. Скарпхедин ударил Сигмунда секирой. Сигмунд был в кожаном панцире, но удар пришелся в плечо, и секира рассекла лопатку. Скарпхедин дернул секиру к себе, и Сигмунд упал на колени, но тотчас же вскочил на ноги.

– Ты стал было передо мной на колени, – сказал Скарпхедин, – а прежде чем мы расстанемся, ляжешь навзничь.

– Плохо мое дело, – сказал Сигмунд.

Скарпхедин ударил его по шлему, а потом нанес ему смертельный удар.

Грим отрубил Скъёльду ступню, а Хельги проткнул его копьем, и он сразу умер.

Тут Скарпхедин увидел пастуха Халльгерд. Он отрубил мертвому Сигмунду голову, дал ее пастуху и попросил отнести Халльгерд. Он сказал:

– Она узнает, не эта ли голова сочиняла о нас порочащие стихи.

Как только они уехали, пастух бросил голову на землю, потому что боялся это сделать при них. А они ехали, пока у Лесной Реки не встретили людей. Они рассказали им о том, что случилось. Скарпхедин объявил, что убил Сигмунда, а Грим и Хельги – что убили Скъёльда. Потом они поехали домой и рассказали Ньялю о том, что случилось. Тот сказал так:

– Славное дело! Тут уж нам не назначат виры!

Теперь надо рассказать о том, что пастух вернулся в Конец Склона. Он рассказал Халльгерд о том, что случилось.

– Скарпхедин дал мне в руки голову Сигмунда и попросил отнести ее тебе, но я побоялся, потому что не знал, как ты отнесешься к этому, – сказал он.

– Плохо, что ты этого не сделал, – сказала она, – я отдала бы ее Гуннару, чтобы он отомстил за своего родича или сделался бы всеобщим посмешищем.

Затем она пошла к Гуннару и сказала:

– Знай же, что Сигмунд, твой родич, убит. Его убил Скарпхедин и велел отнести мне голову.

– Этого следовало ожидать, – сказала Гуннар. – Что посеешь, то и пожнешь, а вы со Скарпхедином сделали немало зла друг другу.

И Гуннар ушел. Он не начал тяжбы из-за убийства и ничего не предпринял. Халльгерд часто напоминала ему о том, что за Сигмунда не заплачена вира. Но Гуннар не обращал на ее слова внимания.

Прошли три тинга, на которых, как люди думали, Гуннар мог бы начать тяжбу. И вот у него случилось трудное дело, которое он не знал, как решить. Он поехал к Ньялю. Тот принял Гуннара очень хорошо. Гуннар сказал Ньялю:

– Я приехал просить у тебя совета в трудном деле.

– Ты вправе просить его, – сказал Ньяль и дал ему совет.

Гуннар встал и поблагодарил его. Тогда Ньяль взял Гуннара за руку и сказал:

– Давно пора заплатить виру за твоего родича Сигмунда.

– За него давно заплачено, – сказал Гуннар, – но я не откажусь, если ты делаешь мне почетное предложение.

Гуннар никогда не говорил плохо о сыновьях Ньяля. Ньяль хотел, чтобы Гуннар сам назначил виру. Тот назначил две сотни серебра, а за

Скьёльда не назначил ничего. Ньяль сразу же уплатил сполна. Гуннар объявил об их примирении на тинге в Лощинах^[213], когда там было всего больше народу. Он рассказал о том, как они поладили, и о злых словах, из-за которых погиб Сигмунд. Он сказал, что, если кто будет повторять эти слова, пусть пеняет на себя. Гуннар и Ньяль говорили, что ничто не может их поссорить. Так оно и было, и они всегда были друзьями.

XLVI

Жил человек по имени Гицур Белый. Его отцом был Тейт, сын Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Мать Гицура звали Алов. Она была дочерью херсира Бёдвара, сына Викингского Кари. Гицур был отцом епископа Ислейва^[214]. Мать Тейта, Хельга, была дочерью Торда Бороды, внучкой Храппа, правнучкой Бьёрна Бычья Кость. Двор Гицура Белого назывался Мшистая Гора. Он был очень влиятельным человеком.

Еще будет в саге речь о человеке по имени Гейр. Его звали Гейр Годи. Его мать, Торкатла, была дочерью Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Двор Гейра назывался Склон. Они с Гицуром во всем помогали друг другу.

В это время в Капище, на Равнине Кривой Реки, жил Мёрд, сын Вальгарда. Он был человек хитрый и злобный. Вальгард, его отец, в то время уехал из Исландии, а матери не было в живых. Он сильно завидовал Гуннару с Конца Склона. Он был богат, но его не любили.

XLVII

Жил человек по имени Откель. Его отцом был Скарв, сын Халлькеля, что бился с Гримом с Гримова Мыса и одолел его в поединке. Халлькель и Кетильбьёрн Старый были братьями. Двор Откеля назывался Церковный Двор. Жену его звали Торгерд. Его отцом был Мар, сын Брёндольва, внук Наддада Фарерского. Откель был богат. Его сына звали Торгейром, он был молод годами, но неглуп.

Жил человек по имени Скамкель. Его двор тоже назывался Капище. Он был богат, но лжив, неполадлив и неуживчив. Он был другом Откеля. Халлькелем звали брата Откеля. Он был высок и силен и жил у Откеля. У них был брат по имени Халльбьёрн Белый. Он привез с собой в Исландию одного раба по имени Мелькольв. Он был ирландцем, и все его очень не любили. Халльбьёрн поехал пожить к Откелю и взял с собой Мелькольва. Раб часто поговаривал, что хотел бы, чтобы его хозяином был Откель. Откель был приветлив с ним и подарил ему нож, пояс и всю одежду, а раб делал для него все, что тот хотел. Откель попросил брата продать ему раба. Тот сказал, что отдаст ему раба, но что он не такая уж большая ценность, как ему кажется. Как только раб

оказался у Откеля, он стал работать все хуже и хуже. Откель часто жаловался Халльбьёрну Белому на то, что раб, как ему кажется, мало работает, Халльбьёрн отвечал, что лень – еще не худшее качество у этого раба.

В ту пору выдался неурожайный год, и людям повсюду стало не хватать сена и съестных припасов. Гуннар со многими делился сеном и съестными припасами, и все, кто приходил к нему, получали, что им было нужно, пока у Гуннара было что давать. Но вот случилось, что и Гуннару стало не хватать сена и съестных припасов. Тогда Гуннар велел Кольскеггу, Траину, сыну Сигфуса, и Ламби, сыну Сигурда, поехать с ним. Они поехали в Церковный Двор и вызвали Откеля. Он принял их хорошо. Гуннар сказал:

– Я приехал просить тебя продать мне сена и съестных припасов, если они у тебя есть.

Откель отвечает:

– Есть у меня и то и другое, но ничего тебе я не продам.

– Тогда ты, может, дашь мне так, – говорит Гуннар, – а я потом с тобой рассчитаюсь?

– Нет, – говорит Откель.

Скамкель настраивал его против Гуннара.

Тогда Траин, сын Сигфуса, сказал:

– А давайте возьмем, что нам нужно, и положим деньги взамен.

Скамкель ответил:

– Плохи дела людей с Мшистой Горы, если сыновья Сигфуса собираются грабить их.

– Я не хочу грабить, – сказал Гуннар.

– Не хочешь ли купить у меня раба? – спросил Откель.

– Пожалуй, – сказал Гуннар.

Затем Гуннар купил раба и уехал.

Ньяль узнал о случившемся и сказал:

– Плохо, что Гуннару не дали купить, что он хотел. Чего же хорошего ждать другим людям, если даже таким, как он, не получить того, что им нужно?

– Стоит ли столько говорить об этом? Гораздо лучше дать ему и съестных припасов, и сена, если у тебя ни в том ни в другом нет недостатка, – сказала Бергтора.

Ньяль сказал:

– Золотые слова. Помогу ему, чем смогу.

Он собрался с сыновьями на Торольвову Гору, и они навьючили пятнадцать лошадей сеном, а пять лошадей – съестными припасами. Затем он приехал в Конец Склона и вызвал Гуннара. Тот принял их хорошо. Ньяль сказал:

– Вот сено и съестные припасы, я хочу подарить их тебе. Я хочу, чтобы ты, если тебе понадобится что-нибудь, никогда не искал помощи ни у кого, кроме меня.

– Хороши твои подарки, – сказал Гуннар, – но еще ценнее для меня твоя дружба и дружба твоих сыновей.

Затем Ньяль поехал домой. И вот наступило лето.

XLVIII

Гуннар поехал на тинг. У него останавливалось много народу с востока, с побережья. Гуннар пригласил их погостить у него на обратном пути с тинга. Ньяль и его сыновья тоже были на тинге. Тинг был мирный.

Теперь надо рассказать о том, как Халльгерд завела разговор с рабом Мелькольвом.

– Я хочу послать тебя с поручением, – сказала она, – поезжай в Церковный Двор.

– Зачем мне туда ехать? – спросил он.

– Украдешь там два вьюка съестных припасов – сыру и масла, а затем подожжешь клеть, и все подумают, что это случилось из-за небрежности, и никто не подумает, что была кража.

Раб сказал:

– Совершал я дурные поступки, но вором никогда не был.

– Послушать только! – сказала она. – Ты, вор и убийца, строишь из себя честного человека! Попробуй только не поехать, и я велю убить тебя.

Он знал, что если он не поедет, она так и сделает. И вот он взял двух лошадей, покрыл их подвьючными попонами и поехал в Церковный Двор. Собака не залаяла – она узнала его и побежала ему навстречу. Потом он подъехал к клету, нагрузил сыром и маслом двух лошадей, поджег клеть, а собаку убил. Он поехал вверх по Кривой Реке. Тут у него лопнул ремень на обуви, и он взял нож и починил ремень. Но нож и пояс он забыл на этом месте. Доехав до Конца Склона, он хватился ножа, но вернуться не решился. Он отдал сыр и масло Халльгерд, и она была очень довольна.

Утром, когда люди в Церковном Дворе встали, они увидели, что случилось. Тогда послали на тинг человека рассказать о случившемся Откелю. Он принял весть спокойно и сказал, что это, наверное, приключилось из-за того, что дом, в котором очаг, и клеть, стоят стена к стене. Все решили, что так оно и было.

Вот люди стали разъезжаться с тинга, и многие заехали в Конец Склона. Халльгерд поставила на стол еду, и среди прочего – сыр и масло. Гуннар знал, что такой еды в доме не было, и спросил Халльгерд, откуда это все.

– Оттуда, откуда надо, – сказала она. – Не мужское это дело думать о том, что подается на стол.

Гуннар рассердился и сказал:

– Значит, я стал укрывателем краденого, – и ударил ее по щеке.

Она сказала, что запомнит пощечину и оплатит при случае за нее. Она вышла во двор, и он с ней. Со столов все унесли и подали мясо. Все решили, что это угощение, наверное, попало в дом честным путем, и люди, ехавшие с тинга, отправились дальше.

XLIX

Теперь надо рассказать о том, как Скамкель поехал искать овец вверх по Кривой Реке и видит, что на дороге что-то блестит. Оказалось, это нож и пояс. Вещи эти кажутся ему знакомыми, и он отправляется с ними в Церковный Двор. Откель был на дворе, когда Скамкель приехал. Скамкель сказал Откелю:

– Узнаешь эти вещи?

– Конечно, узнаю, – сказал Откель.

– Чьи же они? – спросил Скамкель.

– Раба Мелькольва, – сказал Откель.

– Их должны признать и другие, – сказал Скамкель, – я поддерживаю тебя.

Они показали эти вещи многим людям, и все их узнали.

Тогда Скамкель сказал:

– Что ты думаешь теперь делать?

Откель сказал:

– Надо съездить к Мёрду, сыну Вальгарда, и попросить у него совета.

После этого они поехали в Капище, показали эти вещи Мёрду и спросили, узнает ли он их. Он сказал, что узнает:

– Что же теперь, – добавил он. – Вы собираетесь искать что-нибудь в Конце Склона?

– Наше дело непростое, – сказал Скамкель, – в нем замешаны большие люди.

– Это верно, – сказал Мёрд, – но все же я, кажется, знаю такие вещи о доме Гуннара, которых вы не знаете.

– Мы тебе заплатим, – сказали они, – если ты нам поможешь.

Мёрд ответил:

– Дорого мне обойдутся эти деньги, но я все же, пожалуй, возьму их.

Они дали ему три марки серебра, чтобы он помог им. Он посоветовал им послать женщин со своего двора с мелким товаром, предлагать его хозяйкам и посмотреть, чем им станут платить.

– Потому что, – добавил он, – обычно все прежде всего отдают краденое, если оно у них есть. Так будет и в этом случае, если клеть сгорела не сама, а ее подожгли. Пусть потом женщины покажут мне,

что им дали. Однако, как только улики будут найдены, я этим делом больше заниматься не буду.

Они согласились и поехали домой. Мёрд разослал по округе женщин, и они ходили с полмесяца и вернулись с большой ношей. Мёрд спросил их, где им дали больше всего. Они сказали, что всего больше им дали в Конце Склона и что Халльгерд была щедрее всех. Он спросил, что им там дали.

– Сыру, – ответили они.

Он захотел взглянуть на этот сыр. Они показали ему – это были большие ломти. Он взял их и спрятал.

Вскоре после этого Мёрд поехал к Откелю. Он попросил дать ему форму для сыра, которая была у Торгерд. Тот так и сделал. Он положил в нее ломти сыра, и они точно уложились в ней. Они увидели, что Халльгерд дала им целый сыр. Мёрд сказал:

– Теперь вы видите, что сыр украла, конечно, Халльгерд.

Они собрали все улики. Тогда Мёрд сказал, что больше он этим делом заниматься не будет. На том они и расстались.

Однажды Кольскегг завел с Гуннаром разговор и сказал:

– Скверное это дело, но все говорят, что кража и пожар в Церковном Дворе дело рук Халльгерд.

Гуннар сказал, что так оно, наверное, и есть:

– Что же теперь делать? – добавил он.

Кольскегг сказал:

– Видно, тебе придется расплачиваться за свою жену. По-моему, тебе надо бы съездить к Откелю и предложить ему хороший выкуп.

– Совет хорош, – сказал Гуннар, – так я и сделаю.

Вскоре после этого Гуннар послал за Траином, сыном Сигфуса, и Ламби, сыном Сигурда, и те тотчас же пришли. Гуннар сказал им, что собирается делать. Они одобрили его решение. Гуннар поехал с одиннадцатью провожатыми в Церковный Двор и вызвал Откеля. Там был Скамкель, и он сказал:

– Я выйду с тобой. Дело здесь такое, что ум хорошо, а два лучше. Мне хотелось бы быть рядом с тобой, когда это тебе всего нужнее, а сейчас так оно, видимо, и будет. Мой тебе совет: держись смело.

Затем они вышли во двор – Откель, Скамкель, Халлькель и Халльбьёрн. Они поздоровались с Гуннаром. Откель спросил, куда он направляется.

– Всего лишь сюда, – ответил Гуннар. – Я приехал, чтобы сказать тебе, что в большом ущербе, который ты понес, виновны моя жена и раб, которого я купил у тебя.

– Этого можно было ожидать, – сказал Халльбьёрн.

Гуннар сказал:

– Я хочу сделать тебе хорошее предложение: я предлагаю, чтобы это дело рассудили лучшие люди в нашей округе.

Скамкель сказал:

- Предложение твое звучит заманчиво, однако же оно несправедливо: тебя люди любят, а Откеля – нет.

- Тогда я предлагаю, чтобы я сам решил это дело и сразу кончил его. Я предлагаю тебе мою дружбу и готов на месте заплатить сполна. Я уплачу тебе двойную цену.

Скамкель сказал Откелю:

- Не соглашайся. Неразумно давать ему решать дело, когда ты сам должен его решать.

Откель сказал:

- Я не согласен, чтобы ты сам решал это дело, Гуннар!

Гуннар сказал:

- Я вижу, что тебя настраивают против меня, и придет время, когда я рассчитаюсь с теми, кто это делает. Ну, решай сам.

Откель нагнулся к Скамкелю и спросил:

- Что мне ответить?

- Скажи, что предложение это хорошее, но что ты хочешь, чтобы спор ваш разрешили Гицур Белый и Гейр Годи. Тогда народ станет говорить, что ты похож на своего деда Халлькеля, который был очень доблестным человеком.

Откель сказал:

- Это хорошее предложение. Но я все же хочу, чтобы ты дал мне время посоветоваться с Гицуром Белым и Гейром Годи.

Гуннар сказал:

- Делай как знаешь. Но люди скажут, ты сам не знаешь, что для тебя почетно, раз не принял предложение.

Гуннар отправился домой. Когда он уехал, Халльбьёрн сказал:

- Какие вы с ним разные! Гуннар сделал тебе хорошее предложение, а ты не пожелал принять его. Ты что же, собираешься ссориться с Гуннаром, которому нет равного? И какой он хороший человек, что не взял назад своего предложения, дав нам согласиться на него позднее. Мне думается, тебе надо сейчас же поехать к Гицуру Белому и Гейру Годи.

Откель велел подать коня и собрался в путь. Откель был слаб глазами. Скамкель пошел проводить его и сказал:

- Странно, что твой брат не захотел поехать вместо тебя. Давай я поеду, я ведь знаю, как неохотно ты пускаешься в такие поездки.

- Что ж, спасибо, – сказал Откель, – но смотри говори одну правду.

- Хорошо, – сказал Скамкель.

И Скамкель взял его коня и дорожную одежду, а Откель вернулся домой. Халльбьёрн был во дворе и сказал Откелю:

- Дружба с рабом до добра не доводит. Нам придется всю жизнь раскаиваться в том, что ты не принял этого предложения. Неразумно посылать такого лживого человека по делу, от которого, можно сказать, зависит жизнь людей.

- Ты уж, верно, трусишь, - сказал Откель, - если Гуннар замахнется своим копьем, раз ты сейчас испугался.

- Неизвестно еще, кто трусливее. Ты ведь тоже знаешь, что Гуннар недолго метится копьем, когда он в гневе.

Откель сказал:

- Все вы трусы, кроме Скамкеля.

И оба были в гневе.

L

Скамкель приехал на Мшистую Гору и пересказал все предложения Гицуру.

- Мне думается, - сказал Гицур, - что предложения эти очень хорошие. Почему же он не принял их?

- Главным образом потому, что все хотели оказать тебе честь. Поэтому он и стал ждать твоего решения. Так будет лучше для всех.

Скамкель остался у него на ночь. Гицур послал человека за Гейром Годи, и тот скоро приехал. Тут Гицур рассказал ему обо всем и спросил:

- Что теперь делать?

- То, что ты уже, наверное, и без меня решил: повести дело так, чтобы нам было от него всего больше проку. А пока пусть Скамкель повторит нам свой рассказ, чтобы мы знали, как он расскажет во второй раз.

Так и сделали. Гицур сказал:

- Ты, должно быть, рассказал все правильно. И все же ты мне кажешься злодеем, каких я не видывал. Если ты честный человек, то, значит, внешность обманчива.

Скамкель отправился назад и поехал сначала в Церковный Двор и вызвал Откеля. Тот принял Скамкеля хорошо. Скамкель передал ему поклон от Гицура и Гейра и сказал:

- Из этого дела незачем делать тайну. Гейр Годи и Гицур считают, что улаживать его любовно не следует. Они посоветовали вызвать Гуннара на суд и обвинить в соучастии в краже, а Халльгерд - в краже.

Откель сказал:

- Сделаем, как они посоветовали.

- Больше всего им понравилось, - сказал Скамкель, - что ты держался очень смело, и я всячески хвалил тебя.

Тут Откель рассказал все своим братьям, и Халльбьёрн сказал:

- По-моему, все это бесстыдная ложь.

Вот наступает пора последних дней вызова на суд перед альтингом^[215]. Откель велел братьям и Скамкелю ехать в Конец Склона, чтобы вызвать Гуннара на суд. Халльбьёрн согласился поехать, но сказал, что им еще придется пожалеть об этой поездке. И вот поехало их двенадцать человек в Конец Склона. Когда они подъехали туда,

Гуннар был на дворе, но он увидел их, лишь когда они подъехали к самому дому. Он не вошел в дом. Откель тотчас же велел объявить вызов на суд. Когда они объявили его, Скамкель спросил:

– Правильно ли, хозяин?

– Сами знаете, – сказал Гуннар, – а тебе, Скамкель, я еще припомню эту поездку и твои нашептывания.

– Нам не страшно, – сказал Скамкель, – пока секира еще не поднята.

Гуннар был в сильнейшем гневе. Он вошел в дом и рассказал обо всем Кольскеггу. Кольскегг сказал:

– Плохо, что нас не было на дворе. Будь мы при этом, им бы пришлось убраться с позором.

Гуннар сказал:

– Всему свое время. Но мало чести принесет им эта поездка.

Вскоре после этого Гуннар поехал и рассказал обо всем Ньялю. Ньяль сказал:

– Не тревожься, потому что эта тяжба принесет тебе большую честь еще прежде, чем кончится этот тинг. Мы все поможем тебе словом и делом.

Гуннар поблагодарил его и поехал домой.

LI

Откель с братьями и Скамкелем поехали на тинг.

Гуннар, все сыновья Сигфуса, Ньяль и его сыновья тоже поехали на тинг. Они были заодно с Гуннаром, и люди говорили, что никто не держался так сплоченно.

Однажды Гуннар подошел к землянке людей из Долин. У землянки были Хрут и Хёскульд, и они радостно приветствовали Гуннара. Гуннар рассказал им все о своем деле.

– Что советует Ньяль? – спросил Хрут.

– Он велел мне пойти к вам, братьям, и сказать, что будет согласен с советом, который вы дадите.

– Он хочет, стало быть, – сказал Хрут, – чтобы я дал совет как родич. Ладно. Если они не предоставят тебе самому решить дело, вызови на поединок Гицура Белого, а Кольскегг пусть вызовет Гейра Годи. Против Откеля же и его людей народ найдется, ведь нас здесь столько, что ты добьешься всего, чего хочешь.

Гуннар пошел к себе в землянку и рассказал все Ньялю. Ульв Аургоди узнал о замысле и рассказал о нем Гицуру. Гицур спросил Откеля:

– Кто посоветовал тебе вызвать на суд Гуннара?

– Скамкель сказал мне, что так посоветовали вы с Гейром Годи.

– А где же этот мерзавец? – спросил Гицур. – Он все переврал.

– Он лежит больной в землянке, – сказал Откель.

– Чтоб ему никогда не встать! – сказал Гицур. – А теперь давайте все вместе пойдем к Гуннару и предложим ему самому решить дело. Но я, правда, не знаю, согласится ли он теперь на это.

Многие поносили Скамкеля, и он пролежал больным весь тинг.

Гицур и его люди пошли к Гуннару. Гуннару передали об этом в землянку, и они все вышли и стали перед землянкой, Гицур Белый шел первым. Он сказал:

– Мы предлагаем тебе, Гуннар, самому решить дело.

– Не вяжется это с твоим советом вызвать меня на суд, – сказал Гуннар.

– Ни я, ни Гейр, такого совета не давали, – сказал Гицур.

– Тогда ты не откажись доказать, что не виноват, – сказал Гуннар.

– Чего ты хочешь? – спросил Гицур.

– Чтобы ты поклялся, – ответил Гуннар.

– Хорошо, – сказал Гицур, – если ты согласишься сам решить дело.

– Я уже давно это предлагал, – сказал Гуннар, – но теперь, думается мне, дело разрослось.

Ньяль сказал:

– Не отказывайся сам решать дело. Чем труднее дело, тем больше тебе чести.

Гуннар сказал:

– Ради моих друзей я решу дело. Но советую Откелю больше не задевать меня.

Тогда послали за Хёскульдом и Хрутом, и они пришли. Тут Гицур и Гейр дали клятву, а Гуннар решил дело. Он ни с кем не советовался и сказал так:

– Я решаю, что я заплачу тебе за клеть и припасы, что были в ней, но за раба не заплачу ничего, потому что ты скрыл от меня его порок^[216]. Я верну его тебе, ибо там ушам место, где они выросли. А за то, что вы вызвали меня на суд, чтобы насмеяться надо мной, я присуждаю тебе уплатить столько же, сколько стоит все это добро, клеть и то, что сгорело в ней. Но если вам больше по душе, чтобы мы были в ссоре, то воля ваша. Тогда я знаю, что мне делать, и сделаю это.

Гицур ответил:

– Мы не хотим, чтобы ты что-нибудь платил, но просим тебя быть другом Откелю.

– Никогда, пока я жив, этому не бывать, – сказал Гуннар. – Пусть он дружит со Скамкелем, он уже давно доверяет ему.

Гицур сказал:

– Мы все хотим уладить дело полюбовно, хоть ты и один ставишь свои условия.

Они скрепили договор рукопожатиями, и Гуннар сказал Откелю:

– Тебе бы лучше переехать к своим родичам. Но если хочешь оставаться в наших местах, то не задевай меня.

Гицур сказал:

– Совет хорош, и он ему последует.

Это дело принесло много чести Гуннару. Народ поехал с тинга по домам. Гуннар оставался у себя дома, и некоторое время все было спокойно.

LII

Жил человек по имени Рунольв. Он был сыном Ульва Аургоди. Он жил в Долине, к востоку от Лесной Реки. По дороге с тинга он остановился у Откеля. Откель подарил ему черного быка, которому было девять лет. Рунольв поблагодарил его за подарок и пригласил приехать к нему, когда тот захочет. Но, несмотря на приглашение, Откель не приезжал. Рунольв часто посылал к нему людей и напоминал, что ждет его, и тот всякий раз обещал, что приедет.

У Откеля было два буланных коня с темной полосой на спине. Это были лучшие верховые лошади во всей округе, и они так любили друг друга, что всегда бегали вместе.

У Откеля жил норвежец по имени Аудольв. Ему полюбилась Сигню, дочь Откеля. Аудольв был высок ростом и силен.

LIII

Весною Откель сказал, что они поедут на восток, в Долину, погостить, и все очень обрадовались этому. С Откелем поехали два его брата, Скамкель, Аудольв и еще трое людей. Откель ехал на одном из буланных, а другой бежал рядом. Они направились к Лесной Реке, и Откель скакал впереди. Вдруг обе лошади испугались и, свернув с дороги, помчались к Речному Склону. Откелю пришлось теперь скакать быстрее, чем ему хотелось.

В то же время Гуннар вышел один из дому, взяв в одну руку лукошко с зерном, а в другую – топор. Он доходит до своей пашни и начинает сеять. Плащ и топор он положил на землю неподалеку и какое-то время сеет.

Теперь нужно рассказать об Откеле, что он скачет быстрее, чем ему хотелось. На ногах у него шпоры. Он скачет по пашне, и они с Гуннаром не видят друг друга. И как раз когда Гуннар выпрямился, Откель наехал на него, задел шпорой Гуннара около уха и так сильно оцарапал его, что сразу потекла кровь. Тут подъехали спутники Откеля.

– Все видят, – сказал Гуннар, – что ты нанес мне кровавую рану. Так поступать не подобает. Сначала ты вызвал меня на суд, а теперь наезжаешь на меня и пинаешь меня ногами.

– Ах, какой ты смелый! У тебя был такой же грозный вид на тинге, когда ты замахивался копьем.

Гуннар сказал:

– Когда мы в следующий раз встретимся с тобой, ты увидишь мое копье.

На этом они расстались, а Скамкель громко крикнул:

– Здорово вы скачете, приятели!

Гуннар вернулся домой и никому не рассказал о том, что с ним случилось, и никто не знал, что его ранил человек. Но однажды он рассказал о том, что приключилось, своему брату Кольскеггу, и Кольскегг сказал:

– Расскажи это и другим, чтобы потом не говорили, что ты винишь мертвого: если свидетели заранее не будут знать того, что случилось, то твои противники смогут объявить это все неправдой.

Тогда Гуннар рассказал о том, что с ним случилось, своим соседям, и поначалу это не вызвало разговоров

Между тем Откель приехал в Долину. Их приняли там хорошо, и они пробыли там неделю. Откель рассказал Рунольву обо всем, что у него приключилось с Гуннаром, и кто-то спросил, как Гуннар держал себя при этом. Скамкель сказал:

– Не будь он знатным человеком, я бы сказал, что он плакал.

– Дурные это слова, – сказал Рунольв, – и когда вы с Гуннаром встретитесь в следующий раз, ты увидишь, что Гуннар не из плаксивых. Как бы людям получше тебя не пришлось расплачиваться за твои злые речи. Думается, что, когда вы поедете домой, надо бы мне поехать с вами, потому что мне-то Гуннар не причинит зла.

– Не надо, – сказал Откель. – Я переправлюсь через реку пониже.

Рунольв сделал ему богатые подарки и сказал, что они, наверное, больше не увидятся. Откель попросил его позаботиться о его сыне, если так случится.

LIV

Теперь надо рассказать о том, как Гуннар был на дворе в Конце Склона и увидел, что к дому скачет его пастух. Пастух въехал во двор, и Гуннар спросил:

– Что ты скачешь так быстро?

– Я хотел сослужить тебе службу. Я видел, что вниз вдоль Лесной Реки едут восемь человек и четверо из них – в крашенных одеждах.

Гуннар сказал:

– Это, верно, Откель.

Пастух сказал:

– Я слышал от Скамкеля много обидных речей. В Долине он сказал, что ты плакал, когда они наехали на тебя. Я говорю тебе об этом, потому что не нравятся мне злые речи плохих людей.

– Не стоит обижаться на слова, – сказал Гуннар. – Но с этих пор ты будешь делать только такую работу, какую захочешь.

– Передать что-нибудь твоему брату Кольскеггу?

– Ложись спать, – сказал Гуннар, – я скажу Кольскеггу сам.

Пастух улегся и тотчас уснул. Гуннар взял свое седло и оседлал лошадь пастуха. Он взял щит, привязал к поясу меч, подарок Эльвира, надел на голову шлем и взял копье. Копье громко зазвенело, и Раннвейг, его мать, услышала это. Она вышла к нему и сказала:

– Сын, ты в сильном гневе. Таким я тебя еще не видала.

Гуннар вышел, воткнул копье в землю, вскочил в седло и ускорился. Раннвейг вошла в дом. Там было очень шумно.

– Вы говорите громко, – сказала она, – но еще громче звенело копье Гуннара, когда он выходил из дому.

Кольскегг услышал это и сказал:

– Это неспроста.

– Это хорошо, – сказала Халльгерд. – Теперь им придется узнать, убегает ли он от них с плачем.

Кольскегг берет оружие, садится на коня и скачет следом во весь опор. Гуннар едет наискось через Поле Между Реками к Овражным Пням, а оттуда к Кривой Реке и затем к броду у Капища. Там был загон, и несколько женщин доили овец. Гуннар спешился и привязал коня.

Тут подъехали Откель и его спутники. На тропе у брода лежали плоские камни^[217]. Гуннар сказал подъехавшим:

– Теперь защищайтесь – вот мое копье! Сейчас узнаете, заплачу ли я.

Они быстро спешились и бросились на Гуннара, Халльбьёрн первым.

– погоди! – сказал Гуннар. – Тебя-то я как раз и не хотел бы трогать, но когда мне приходится защищаться, я не щаю никого.

– Не могу, – сказал Халльбьёрн. – Ты ведь собираешься убить моего брата, и мне было бы стыдно сидеть сложа руки.

И с этими словами он обеими руками направил в Гуннара большое копье. Гуннар выставил щит, но Халльбьёрн пробил его. Гуннар с такой силой рванул щит книзу, что он воткнулся в землю, и так быстро выхватил меч, что глазом невозможно было уследить. Он ударил Халльбьёрна мечом по руке выше запястья и отсек ему кисть. Скамкель забежал сзади и хотел было ударить Гуннара большой секирой. Гуннар резко повернулся к нему и сам ударил копьем по секире так, что та выскользнула у Скамкеля из рук и упала в реку. Затем Гуннар пронзил Скамкеля, поднял его на копье и бросил вниз головой на дорогу.

Аудольв выхватил копье и метнул в Гуннара. Гуннар на лету перехватил копье и тотчас швырнул обратно. Копье пробilo щит, прошло через тело норвежца и воткнулось в землю. Откель хотел ударить Гуннара мечом, он целился в ногу ниже колена, но тот подпрыгнул, и удар пришелся мимо. Гуннар пронзил его копьем.

Тут подбегает Кольскегг, бросается на Халлькеля и наносит ему мечом смертельный удар. Так они убили всех восьмерых.

Одна из женщин видела все и побежала домой. Она рассказала обо всем Мёрду и попросила его разнять их.

– Это, верно, такие люди, – говорит он, – что мне едва ли будет жаль, если они перебьют друг друга.

– Не говори так, – говорит она, – среди них твой родич Гуннар и твой друг Откель.

– Ты, подлая, всегда болтаешь вздор, – сказал он и остался лежать дома, пока они бились.

Гуннар и Кольскегг отправились после боя домой. Они быстро поскакали по песчаному берегу, и Гуннар упал с лошади, но вскочил на ноги. Кольскегг сказал:

– Здорово ты скачешь, брат!

– Как раз этими словами оскорбил меня Скамкель, когда я сказал ему: «Вы наехали на меня».

– Теперь ты за это отомстил, – говорит Кольскегг.

– Не знаю, – говорит Гуннар. – Наверное, другие храбрее меня: мне нелегко решиться убить человека.

LV

Люди узнали о случившемся, и многие говорили, что этого и следовало ожидать. Гуннар поехал на Бергторов Пригорок и рассказал обо всем Ньялю. Ньяль сказал:

– Многое ты совершил, но и немало тебе пришлось испытать.

– Ну, а что будет дальше? – говорит Гуннар.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, – говорит Ньяль, – о том, что еще не случилось? Ты поедешь на тинг, будешь пользоваться моими советами, и дело это принесет тебе большую честь. Это будет началом твоих подвигов.

– Тогда дай мне добрый совет, – говорит Гуннар.

– Хорошо, – говорит Ньяль. – Никогда не убивай никого из другого поколения того же рода, никогда не нарушай мира, который помогли тебе заключить добрые люди, а особенно в этом деле.

Гуннар сказал:

– Уж от кого-кого, а от меня этого ждать нельзя.

– Конечно, – говорит Ньяль, – помни, однако, что если такое все же случится, то жить тебе останется недолго. А не случится этого, ты доживешь до старости.

Гуннар спросил:

– А ты знаешь, что тебя погубит?

– Знаю, – говорит Ньяль.

– Что же? – говорит Гуннар.

– То, о чем люди никогда бы не подумали, – говорит Ньяль.

После этого Гуннар поехал домой.

К Гицуру Белому и Гейру Годи был послан человек, потому что они должны были начать тяжбу об убийстве Откеля. Они оба встретились и стали советоваться, что делать. Они решили, что тяжбу следует вести строго по закону. Затем они стали думать, кому из них вести тяжбу, но никто не захотел браться за нее.

– Мое мнение, – говорит Гицур, – тут возможны два решения: либо один из нас начнет тяжбу, и тогда нам надо будет бросить жребий, кому ее вести, либо вира вовсе не будет заплачена. Надо помнить, что начать эту тяжбу будет трудно, потому что у Гуннара много родичей и друзей. Поэтому и тот из нас, на кого жребий не выпадет, тоже должен будет поехать помогать и не оставаться в стороне, пока тяжба не будет закончена. – Затем они бросили жребий, и начать тяжбу выпало Гейру Годи.

Вскоре после этого они поехали на восток, переправились через реки и добрались до места боя на Кривой Реке. Они выкопали тела и показали раны свидетелям. Затем они объявили, сколько было ран и кто нанес их, и призвали десять соседей в свидетели. Они узнали, что Гуннар с тремя десятками своих людей дома. Тогда Гейр Годи спросил, не поедет ли Гицур туда с сотней людей.

– Нет, не поеду, – отвечает тот, – хотя бы нас было и намного больше.

После этого они вернулись домой. Весть о начале тяжбы разнеслась по всей округе. Люди поговаривали, что тинг, наверное, будет беспокойный.

LVI

Жил человек по имени Скафти^[218]. Его отцом был Тородд, а матерью Тородда была Торвёр. Отцом Торвёр был Тормод Рукоять, сын Олейва Широкого, внук Эльвира Детолуба^[219]. Скафти и его отец были влиятельными людьми и хорошими знатоками законов. Тородда считали человеком ненадежным и хитрым. Они помогали Гицуру Белому во всех его делах.

С Речного Склона и с Кривой Реки на тинг приехало очень много народу. Гуннара так любили, что все хотели поддержать его. И вот они все приехали на тинг и покрыли свои землянки. На стороне Гицура Белого были следующие знатные люди: Скафти, сын Тородда, Асgrim, сын Лодейного Грима, Одд с Козлячьей Скалы и Халльдор, сын Эрнольва.

Однажды все пошли к Скале Закона. Тут Гейр Годи встал и объявил, что обвиняет Гуннара в убийстве Откеля, Халльбьёрна Белого, Аудольва и Скамкеля. Затем он объявил, что обвиняет Кольскегга в

убийстве Халлькеля. Когда он все это объявил, люди нашли, что он говорил хорошо. Затем люди пошли от Скалы Закона.

Вот подходит время, когда суды должны начать разбор дел. Обе стороны собрали много народу. Гейр Годи и Гицур Белый стояли к югу от суда людей с Кривой Реки, Гуннар и Ньяль – к северу. Гейр Годи предложил Гуннару выслушать его присягу в том, что он будет честно вести дело, и принес такую присягу. После этого он изложил свой иск. Затем его свидетели подтвердили, что он объявил о ранах, которые нанесли обвиняемые. Потом он попросил свидетелей, назначенных истцом и ответчиком, занять свои места. Затем он предложил отвести лишних свидетелей. После этого он попросил свидетелей вынести свое решение. Те выступили, призвали себе свидетелей и заявили, что об Аудольве они вообще не хотят ничего говорить, потому что он норвежец и его настоящий истец в Норвегии, и поэтому им незачем высказываться по этому поводу. Затем они высказались по делу Откеля и нашли, что Гуннар виновен в том, в чем его обвиняют. После этого Гейр Годи предложил Гуннару начать защиту и назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде.

Гуннар, со своей стороны, предложил Гейру Годи выслушать его присягу и его защитную речь, которую он собирался произнести. Затем он принес присягу. Гуннар сказал:

– Вот моя защита. Я назвал свидетелей того, что Откель нанес мне кровавую рану своей шпорой, и заявил им, что Откель должен будет за это поплатиться. Я возражаю, Гейр Годи, против того, чтобы в этой тяжбе меня обвиняли, а также против того, чтобы судьи меня судили, и весь твой иск объявляю неправильным. Я запрещаю тебе это запрещением бесспорным, верным и полным, как и положено запрещать по установлениям альтинга и общенародным законам. Но это еще не все, – сказал Гуннар.

– Ты, может, хочешь вызвать меня на поединок, как обычно делаешь, не считаясь с законом? – говорит Гейр.

– Нет, – говорит Гуннар, – я хочу обвинить тебя со Скалы Закона в том, что ты незаконно обвинил меня в убийстве Аудольва, до которого вам нет никакого дела. Я хочу, чтобы тебя за это присудили к изгнанию на три года.

Ньяль сказал:

– Так дальше идти не может, потому что так тяжбе никогда не будет конца. Как мне кажется, обе стороны во многом правы. Ведь среди убийств, которые ты совершил, есть такие, о которых нельзя сказать, что за них тебя нельзя осудить. Но и у тебя против него есть иск, по которому он тоже может быть осужден. Да и ты, Гейр Годи, должен знать, что требование о твоём изгнании еще не отклонено, и оно не будет отклонено, если ты не поступишь, как я говорю.

Годи Торродд сказал:

– Нам кажется, что лучше всего было бы сейчас им помириться. Что же ты ничего не говоришь, Гицур Белый?

– Мне кажется, – говорит Гицур, – что нашей тяжбе нужна сильная поддержка. Видно, что друзья Гуннара вблизи, и лучше всего для нас было бы, чтобы уважаемые люди решили наше дело, если Гуннар ничего не имеет против.

– Я всегда хотел мира, – говорит Гуннар. – Вы во многом можете обвинять меня, но я скажу, что был вынужден сделать все это.

По совету мудрейших людей дело было передано третейскому суду на решение. Дело решали шесть человек. Сразу же на тинге было вынесено решение. Было решено, что за Скамкеля виры платить не нужно. Вместо виры за него зачелся удар шпорой. За всех остальных убитых надо было заплатить виру, как полагалось. Родичи Гуннара дали ему денег, чтобы за всех убитых было тотчас же, на тинге, уплачено. Затем Гейр Годи и Гицур Белый поклялись Гуннару жить с ним в мире.

Гуннар поехал с тинга домой, поблагодарил людей за помощь, а многим сделал подарки. Это дело принесло Гуннару большую славу. И вот он живет у себя дома в большой чести.

LVII

Жил человек по имени Старкад. Его отец был Бёрк Синезубобородый, сын Торкеля Связанные Ноги, который занял землю возле Горы Треугольной. Он был женат, и его жену звали Халльбера. Она была дочерью Хроальда Рыжего и Хильдигунн, дочери Торстейна Воробья. Матерью Хильдигунн была Унн, дочь Эйвинда Окуня, сестра Модольва Мудрого, от которого пошли Модольвинги. Сыновьями Старкада и Халльберы были Торгейр, Бёрк и Торкель. Хильдигунн Врачей была их сестрой. Они были люди крутого нрава, заносчивые и неуживчивые. Они не давали покоя людям во всей округе.

LVIII

Жил человек по имени Эгиль. Его отцом был Коль, сын Оттара Шара, который занял землю между Ручьем Соти и Пеструшечьим Озером. Братом Эгиля был Энунд из Великаньего Леса, отец Халли Сильного, который вместе с сыновьями Кетиля Красноречивого был при убийстве Торира из Хольта. Эгиль жил в Песчаном Овраге. У него были сыновья Коль, Оттар и Хаук. Их матерью была Стейнвёр, сестра Старкада. Сыновья Эгиля были высоки ростом, заносчивы и очень неуживчивы. Они всегда были заодно с сыновьями Старкада. Их

сестрой была Гудрун Ночное Солнце. Она была очень обходительная женщина.

Эгиль взял к себе жить двух норвежцев: одного из них звали Торир, другого – Торгрим. Они были в Исландии в первый раз. Оба были богаты, и у них было много друзей. Оба были храбры и искусны в бою.

У Старкада был добрый жеребец гнедой масти, о котором говорили, что в бою нет коня, равного ему.

Однажды случилось, что трое братьев из Песчаного Оврага были в хуторе под Горой Треугольной. Они долго беседовали обо всех бондах Речного Склона, и речь зашла о том, решится ли кто-нибудь выставить своего коня на бой с их конем. При этом разговоре были люди, которые хотели похвалить их и подольститься к ним, и они сказали, что никто на такой бой не решится и что ни у кого нет такого коня. Тогда Хильдигунн сказала:

– Я знаю человека, который решится на этот бой.

– Назови его, – говорят они.

– Гуннар с Конца Склона, у него есть бурый жеребец, и он, наверное, решится выставить его на бой с вашим и со всеми другими.

– Вам, женщинам, кажется, – говорят они, – что Гуннару нет равного. Но если дело кончилось позором для Гейра Годи или Гицура Белого, это вовсе еще не означает, что то же будет с нами.

– С вами будет еще похуже, – говорит она. И они стали пререкаться.

Старкад сказал:

– Я бы меньше всего хотел, чтобы вы задели Гуннара, потому что вам будет трудно идти против его счастливой судьбы.

– Но ты разрешишь нам, – говорят они, – вызвать его на бой коней?

– Разрешу, – говорит он, – если вы поведете себя с ним честно.

Они пообещали.

И вот они поехали в Конец Склона. Гуннар был дома и вышел во двор. Кольскегг и Хьёрт вышли с ним. Они учтиво поздоровались с подъехавшими и спросили, куда те держат путь.

– Не дальше этих мест, – отвечают те. – Нам сказали, что у тебя есть добрый жеребец, и мы хотим вызвать тебя на бой коней.

– Не с чего ходить рассказам о моем жеребце: он еще молод и ни разу не испытан.

– Ты все же, наверное, не откажешься устроить бой коней, – говорят они. – Хильдигунн сказала, что ты гордишься своим жеребцом.

– А с чего это вы говорили об этом? – спрашивает Гуннар.

– Потому что были люди, – говорят они, – которые сказали, что не найдется никого, кто решился бы выставить своего коня на бой с нашим жеребцом.

– Я решусь, – говорит Гуннар, – хоть и кажутся мне недружелюбными эти речи.

– Значит, договорились? – спрашивают они.

– Вам хочется, чтобы все было по-вашему. Все же пусть будет так, что от боя наших коней и другие люди получают удовольствие, а мы сами не наживем неприятностей. Еще я хочу, чтобы вы не позорили меня. Однако, если вы поступите со мной, как поступали с другими людьми, то я, поверьте, отплачу вам, и вам не поздоровится. Как вы со мной поступите, так и я с вами.

Затем они поехали домой. Старкад спросил их, как они съездили. Они сказали, что Гуннар их вызов принял.

– Он согласился на бой коней, и мы договорились, когда этот бой будет. Он явно боится проиграть, и пытался отказаться.

– Увидите, – сказала Хильдигунн, – Гуннара трудно вызвать на бой, но еще труднее с ним справиться, если уж ему от боя не уклониться.

Гуннар поехал к Нялю и рассказал ему о бое коней и о своем разговоре с сыновьями Эгиля.

– Как ты думаешь, чем кончится этот бой коней? – спросил он.

– Ты одержишь верх, – сказал Няль, – но многим этот бой принесет смерть.

– Может быть, и мне? – спросил Гуннар.

– Нет, тебе этот бой смерти не принесет, – сказал Няль, – но эту старую ссору они припомнят, когда начнут новую. Тебе останется только защищаться.

Затем Гуннар поехал домой.

LIX

Тут Гуннар узнал о смерти своего тестя Хёскульда. А через несколько дней Торгерд, жена Траина, разрешилась на хуторе у Каменной Реки мальчиком. Она послала к своей матери человека с просьбой решить, как назвать мальчика – Глумом или Хёскульдом. Та выбрала имя Хёскульд.

У Гуннара и Халльгерд было двое сыновей. Одного звали Хёгни, а другого Грани. Хёгни был искусен во всем, молчалив, недоверчив и правдив.

И вот люди поехали на бой коней. Народу собралось очень много: там были и Гуннар с братьями, и сыновья Сигфуса, и Няль со всеми своими сыновьями. Приехал и Старкад со своими сыновьями, и Эгиль со своими. Они сказали, что пора пускать лошадей. Гуннар сказал, что согласен. Скарпхедин спросил:

– Хочешь, я буду натравливать твоего коня, Гуннар?

– Не надо, – говорит Гуннар.

– Так было бы лучше, – говорит Скарпхедин. – Тогда с обеих сторон были бы люди неуступчивые.

– Не много тебе нужно сказать или сделать, – говорит Гуннар, – чтобы разгорелась ссора. Если же я сам буду натравливать своего коня, то дело не так скоро дойдет до ссоры, хотя ее все равно не миновать.

После этого коней вывели и поставили друг против друга. Гуннар приготовился натравливать своего коня, которого держал Скарпхедин. На Гуннаре была красная одежда и серебряный пояс, а в руке он держал жердь. И вот кони сшиблись и стали так яростно кусать друг друга, что их и не нужно было натравливать. Все были очень довольны. Тут Торгейр и Коль решили ударить своего коня так, чтобы тот толкнул коня Гуннара, и посмотреть, не упадет ли Гуннар. И вот кони сшиблись, и Торгейр и Коль тут же подскочили сзади к своему коню. Но Гуннар заставил своего коня рвануться навстречу, и Торгейр и Коль упали навзничь, а их конь повалился поверх них. Они сразу же вскочили и бросились на Гуннара. Тот увернулся, схватил Коля и швырнул его на землю так, что тот лишился чувств. Тогда Торгейр, сын Старкада, ударил Гуннарова коня и выбил ему глаз, а Гуннар ударил Торгейра жердью, и тот лишился чувств. Гуннар подошел к своему коню и сказал Кольскеггу:

– Прикончи коня! Незачем ему жить кривым!

Кольскегг зарубил коня. Тут Торгейр вскочил, схватил свое оружие и хотел было кинуться на Гуннара, но ему помешали, и началась свалка. Скарпхедин сказал:

– Надоело мне толкаться. Нам более пристало биться с оружием в руках.

Гуннар был так спокоен, что его держал всего один человек. Он не сказал ни одного злого слова. Ньяль пытался помирить дерущихся или успокоить их. Торгейр сказал, что не желает мириться, а хотел бы убить Гуннара за его удар жердью. Кольскегг сказал:

– Гуннар слишком твердо стоит на земле, чтобы упасть от одних слов. Так будет и на этот раз.

И вот народ разъехался с боя коней по домам. На Гуннара никто не напал. Так прошел год.

Летом на тинге Гуннар встретил своего шурина Олава Павлина, и тот пригласил его к себе в гости, но велел быть осторожным:

– Ведь они готовы на все. Никогда не ездь один.

Олав дал ему много добрых советов, и они очень подружились.

LX

Асгрим, сын Лодейного Грима, предъявил на тинге иск к Ульву, сыну Угги. Однако в этом иске Асгрима, как это часто случалось, было слабое место. Дело в том, что вместо девяти свидетелей он призвал всего пять. Поэтому его противники объявили иск неправильным. Гуннар сказал:

– Я вызову тебя на поединок, Ульв, сын Угги, если ты не уступишь в этом справедливом деле. Ньяль и мой друг Хельги могут рассчитывать на то, что я не оставлю тебя в трудном деле, Асgrim, даже если их и нет здесь.

– Я не с тобой сужусь, – говорит Ульв.

– Но тебе придется иметь дело со мной, – говорит Гуннар.

Дело кончилось тем, что Ульву пришлось заплатить все сполна. Тогда Асgrim сказал Гуннару:

– Приглашаю тебя к себе летом, и во всех тяжбах я всегда буду только на твоей стороне.

Гуннар поехал домой с тинга. Вскоре после этого он встретился с Ньялем. Тот сказал Гуннару, чтобы он был осторожен, потому что, как ему говорили, люди из-под Треугольной Горы собираются напасть на него. Он посоветовал Гуннару, чтобы тот никогда не ездил без достаточного числа спутников и всегда был при оружии. Гуннар пообещал последовать этому совету и сказал, что Асgrim пригласил его к себе.

– И я собираюсь поехать к нему осенью, – прибавил он.

– Пусть, пока ты не выедешь, никто этого не знает, а также того, сколько времени тебя не будет дома. Предлагаю тебе, чтобы с тобой поехали мои сыновья.

На том и порешили.

Вот наступает восьмая неделя лета. Гуннар сказал Кольскеггу:

– Собирайся в дорогу, поедem в гости в Междуречье.

– Послать за сыновьями Ньяля? – спросил Кольскегг.

– Нет, – ответил Гуннар, – незачем их из-за меня беспокоить.

LXI

Вот едут они втроем, Гуннар с братьями. У Гуннара были с собой его копье и меч, подарок Эльвира, а у Кольскегга – меч. Хьёрт также был при оружии. Они приехали в Междуречье, и Асgrim принял их хорошо, и они пробыли у него некоторое время. Затем они объявили, что собираются ехать домой. Асgrim сделал им богатые подарки и предложил проводить их. Гуннар сказал, что в этом нет нужды, и Асgrim остался дома.

Жил человек по имени Сигурд Свиная Голова. Он обещал сообщать, куда поехал Гуннар. Вот он приехал под Треугольную Горю и рассказал, где теперь Гуннар, и сказал, что не будет удобнее случая, чем сейчас, когда он сам – третий.

– Сколько нам нужно людей, – говорит Старкад, – для засады?

– Если народу будет мало, нам с ним не справиться, – говорит Сигурд. – Нужно не меньше тридцати человек.

– Где устроим засаду?

– На холмах Кнавахолар, – отвечает Сигурд, – там, пока они не подъедут совсем близко, нас не будет видно.

– Поезжай в Песчаный Овраг, – говорит Старкад, – и скажи Эгилью, чтобы их приехало сюда пятнадцать человек. А мы, тоже пятнадцать числом, поедem прямо отсюда к этим холмам.

Торгейр сказал Хильдигунн:

– Вот эта рука покажет тебе сегодня убитого Гуннара.

– А мне думается, – сказала она, – что после встречи с ним ты вернешься, понурившись.

Старкад со своими тремя сыновьями отправился из-под Горы Треугольной, а с ними еще одиннадцать человек. Они приехали к холмам Кнавахолар и стали ждать. А Сигурд приехал в Песчаный Овраг и сказал:

– Меня, Эгиль, послали сюда Старкад с сыновьями сказать тебе, чтобы ты со своими сыновьями отправился к холмам Кнавахолар подстеречь Гуннара.

– Сколько нас должно поехать? – говорит Эгиль.

– Со мной – пятнадцать, – отвечает Сигурд.

Коль сказал:

– Теперь я померюсь силами с Кольскеггом.

– Не многовато ли ты берешь на себя? – говорит Сигурд.

Эгиль попросил норвежцев, чтобы они поехали с ним. Они ответили, что Гуннар не сделал им ничего плохого.

– Но, видно, дело нешуточное, – сказал Торир, если против троих собирается такое множество народу.

Эгиль ушел в сильном гневе. Тогда хозяйка сказала норвежцу:

– Жаль, что моя дочь Гудруд не пожалела своей чести и спала с тобой, а ты боишься поехать со своим хозяином и тестем. Да ты просто трус.

– Я поеду с твоим мужем. Но ни он, ни я не воротимся назад.

Затем он отправился к своему товарищу Торгриму и сказал:

– Возьми ключи от моих сундуков. Мне они уже ни к чему. Пожалуйста, возьми себе из нашего добра все, что тебе захочется. Но уезжай из Исландии и не вздумай мстить за меня. А если не уедешь отсюда, то погибнешь.

И норвежец поехал вместе со всеми.

LXII

Теперь надо рассказать о том, что Гуннар едет на восток через Бычью Реку. Но только он отъехал от реки, как его стал одолевать сон, и он сказал, что они будут здесь отдыхать. Так и сделали. Он крепко заснул и стонал во сне. Кольскегг сказал:

– Гуннару, наверное, что-то снится.

Хьёрт сказал:

– Я бы разбудил его.

– Не надо, – сказал Кольскегг, – пусть поспит.

Гуннар спал долго. Он сбросил с себя щит, ему было очень жарко.

Кольскегг спросил:

– Что тебе приснилось, брат?

– Мне приснился такой сон, что, приснись он мне раньше, я бы не выехал из Междуречья всего с двумя спутниками.

– Расскажи, – попросил Кольскегг.

– Мне приснилось, будто я проезжаю мимо холмов Кнавахолар. И будто вижу там множество волков, и они бросаются на меня со всех сторон, а я защищаюсь. Я перестрелял всех волков, что были ближе всего ко мне, но они подобрались ко мне так близко, что стрелять из лука я уже не мог. Тогда я взял меч в одну руку и копье в другую и стал рубить и колоть. Щитом я не прикрывался, и я даже не знаю, что меня защищало. Мы с тобой, Кольскегг, перебили множество волков. Но будто Хьёрта они одолели, разорвали ему грудь, и у одного из них в зубах было его сердце. Но я будто пришел в такой гнев, что разрубил этого волка надвое у плеч, и после этого остальные волки убежали. Вот тебе мой совет, Хьёрт, брат мой, – возвращайся в Междуречье.

– Не вернись, – сказал Хьёрт. – Я поеду с тобой, хоть и знаю, что мне не уйти живым.

Затем они снова пустились в путь и подъехали к холмам Кнавахолар. Кольскегг сказал:

– Видишь, брат, там, за холмами, множество копий и вооруженных людей?

– Я не сомневался, – отвечает Гуннар, – что мой сон сбудется.

– Что нам теперь делать? – говорит Кольскегг. – Ты, наверное, не захочешь отступить бегством.

– Такого повода для насмешек мы им не дадим, – отвечает Гуннар. – Мы поедem к Кривой Реке, на мыс, там удобно защищаться.

Они выехали на мыс и приготовились защищаться. Коль крикнул, когда они поехали туда:

– Ты что же, бежишь, Гуннар?

Кольскегг ответил:

– Расскажешь об этом, если доживешь до завтра.

LXIII

Старкад стал подбадривать своих людей, и они бросились к мысу. Сигурд Свиная Голова шел впереди всех. В одной руке он держал небольшой щит, а в другой копье. Гуннар увидел его и выстрелил из лука. Когда тот заметил летящую стрелу, он поднял щит, но стрела пробила щит, вошла в глаз и вышла из затылка. Сигурд был первым

убитым. Вторую стрелу Гуннар пустил в Ульвхедина, управителя Старкада. Стрела попала ему в живот, и он упал под ноги одному бонду, а бонд – на него. Тогда Кольскегг метнул камень, попал бонду в голову, и тому пришел конец. Тут Старкад сказал:

– Не годится, чтобы он стрелял из лука. Идем же вперед на него смело и решительно.

И так каждый стал подбадривать другого. Гуннар защищался, стреляя из лука, пока было можно. Потом он отбросил лук, взялся за копье и меч и стал наносить удары обеими руками. Разгорелся жестокий бой, и Гуннар с Кольскеггом перебили много врагов. Тут Торгейр, сын Старкада, говорит:

– Я пообещал Хильдигунн принести твою голову, Гуннар!

– Вряд ли ей это нужно, – отвечает Гуннар. – Тебе, во всяком случае, надо подойти поближе ко мне.

Торгейр сказал брату:

– Давайте бросимся на него все разом. У него нет щита, и он будет в наших руках.

Бёрк и Торкель ринулись вперед и опередили Торгейра. Бёрк хотел было ударить Гуннара мечом, но Гуннар так сильно взмахнул копьем, что выбил у Бёрка из руки меч. Тут он увидел, что по другую руку от него, совсем близко, стоит Торкель. Гуннар стоял, слегка согнув ногу. Он взмахнул мечом и перерубил Торкелю шею, так что голова отлетела. Коль, сын Эгиля, сказал:

– Дайте я схвачусь с Кольскеггом! Я давно говорю, что мы с ним не уступаем друг другу в бою.

– Сейчас проверим, – говорит Кольскегг.

Коль направил в него копье. Кольскегг только что убил одного противника и был занят, так что не успел выставить щит, и копье задело ему бедро. Кольскегг рванулся к Коль, и так ударил мечом, что перерубил ему ногу в бедре. Он спросил:

– Ну как, попал я?

Коль сказал:

– Я поплатился за то, что не закрылся щитом.

И он какое-то время стоял на одной ноге и смотрел на обрубок другой. Тогда Кольскегг сказал:

– Нечего смотреть. Ноги нет, это точно.

Тут Коль упал мертвым на землю.

Когда Эгиль увидел это, он бросился на Гуннара и попытался нанести удар мечом, но Гуннар встретил его своим копьем, и удар пришелся Эгилю в живот. Затем он поднял его на копье и бросил в реку. Тут Старкад сказал:

– Жалкий ты человек, Торир Норвежец, если можешь сидеть сложа руки, когда убит твой хозяин и тесть Эгиль!

Норвежец в сильном гневе вскочил. Хьёрт к этому времени убил двух человек. Норвежец бросается на него и ударяет его мечом в грудь.

Хьёрт тут же падает мертвым на землю. Гуннар видит это, бросается к норвежцу и разрубает его надвое. Немного погодя Гуннар бросает копье в Бёрка. Оно пробивает его насквозь и втыкается в землю. Тут Кольскегг отрубает голову Хауку, сыну Эгиля, а Гуннар отрубает по локоть руку Оттару.

Тогда Старкад сказал:

– Бежим! Ведь это не люди!

Гуннар сказал:

– Позор вам будет, когда станете рассказывать об этом бое, если по вам не будет видно, что вы в нем участвовали.

С этими словами Гуннар бросился на Старкада и его сына Торгейра и нанес им раны. На этом бой кончился. Гуннар ранил многих из тех, кто бежал. Четырнадцать человек сложили голову в бою, и Хьёрт был пятнадцатым. Гуннар на щите доставил Хьёрта домой, и там его похоронили. Многие оплакивали его, потому что его любили.

Старкад тоже вернулся домой. Хильдигунн стала лечить ему и Торгейру раны и сказала:

– Вы, верно, много дали бы за то, чтобы у вас не было этой ссоры с Гуннаром.

– Твоя правда! – ответил Старкад.

LXIV

Стейнвёр из Песчаного Оврага сказала норвежцу Торгриму, чтобы он не уезжал, а остался вести ее хозяйство и помнил бы о смерти своего хозяина и родича. Тот ответил:

– Мой товарищ Торир предсказал мне, что я погибну от руки Гуннара, если останусь в Исландии. А он, наверное, знал мою судьбу, потому что предвидел свою смерть.

– Я отдам тебе в жены свою дочь Гудрун и все свое богатство.

– Не думал я, что ты предложишь такую высокую цену, – сказал он.

И они порешили на том, что он возьмет в жены Гудрун. Свадьбу сыграли летом.

Гуннар с Кольскеггом отправились на Бергторов Пригорок. Ньяль с сыновьями был на дворе, они пошли навстречу Гуннару и приветливо поздоровались с ним. Затем они стали беседовать. Гуннар сказал:

– Я приехал сюда просить у тебя помощи и доброго совета.

Ньяль ответил:

– Ты их получишь.

– Я убил много людей и попал в очень трудное положение. Мне хотелось бы знать, – говорит Гуннар, – что, по-твоему, надо делать.

– Многие скажут, – говорит Ньяль, – что тебя к этому вынудили. Но дай мне время подумать.

Ньяль ушел и долго думал наедине. Вернувшись, он сказал:

– Я все обдумал, и мне кажется, что действовать надо настойчиво и решительно. У моей родственницы Торфинны должен быть ребенок от Торгейра. Я передаю тебе право обвинить его в прелюбодеянии. Я передаю тебе также право начать тяжбу против Старкада, который тоже должен быть объявлен вне закона, потому что он совершил порубку в моем лесу на Гряде Треугольной Горы. Ты начнешь оба дела. Поедешь к месту вашего боя, выкопаешь тела, покажешь раны свидетелям и объявишь, что ни за кого из убитых виры не полагается, потому что они собрались с целью напасть на тебя и твоих братьев и убить вас. Но если дело будет разбираться на тинге и тебе скажут, что ты еще до этого ударил Торгейра и поэтому не вправе предъявлять иск ни за себя, ни за других, то я отвечу на это и скажу, что снял с тебя все обвинения на тинге в Лощинах^[220], так что ты теперь вправе предъявлять иск и за себя, и за других. Тогда они должны будут разобрать твой иск. Тебе также надо найти Тюрвинга с Ягодного Мыса, и он передаст тебе право вести тяжбу против Энунда из Великаньего Леса, который должен предъявить иск по поводу убийства своего брата Эгиля.

Гуннар поехал сначала домой. А через несколько дней он с сыновьями Ньяля поехал к месту, где были зарыты тела убитых. Они выкопали всех похороненных. Гуннар объявил, что виры за них не полагается, потому что они замыслили нападение и убийство, и уехал домой.

LXV

В ту же самую осень Вальгард Серый вернулся в Исландию и отправился домой, в Капище. Торгейр поехал к Вальгарду и Мёрду и рассказал им о том, что Гуннар отказывается платить виру за всех, кого он убил. Вальгард сказал, что это ему, наверное, посоветовал Ньяль и что Ньяль насоветовал ему еще много чего. Торгейр попросил у Вальгарда и его сына Мёрда помощи и поддержки, но они долго отговаривались и запрашивали много денег. В конце концов порешили на том, что Мёрд посватается к Торкатле, дочери Гицура Белого, и что Торгейр сразу же поедет с ним и его отцом на запад, на тот берег реки.

На другой день они, двенадцать числом, выехали из дому и добрались до Мшистой Горы. Там их встретили приветливо. Затем они попросили Гицура выдать дочь замуж за Мёрда. Он в конце концов согласился, и они договорились, что свадьбу сыграют через полмесяца на Мшистой Горе. Затем они поехали домой. На свадьбу они назвали множество народу. Гостей было много, и пир был на славу. Торкатла отправилась с Мёрдом домой и стала вести хозяйство, а Вальгард в это лето уплыл из Исландии.

Мёрд подбивал Торгейра начать дело против Гуннара. Торгейр поехал к Энунду и предложил ему, чтобы тот начал дело об убийстве своего брата Эгиля и его сыновей, и прибавил:

– А я начну дело об убийстве моих братьев и о ранении моем и моего отца.

Тот сказал, что готов. И вот они отправились, объявили об убийстве и назначили девять соседей места боя.

В Конце Склона узнали обо всех этих приготовлениях. Гуннар поехал к Ньялю, рассказал ему обо всем и спросил, что ему теперь делать.

– Тебе теперь надо, – сказал Ньяль, – назначить своих соседей места боя, а также соседей жилья и назвать свидетелей. Назови Коля убийцей твоего брата Хьёрта, потому что ты имеешь право назвать убийцей любого из участников нападения. Затем ты обвинишь Коля в убийстве, хотя его и нет в живых. Потом ты назовешь своих свидетелей и пригласишь соседей на альтинг высказаться, не были ли те нападающими, когда был убит Хьёрт. Вызови также на суд Торгейра по делу о прелюбодеянии и Энунда из Великаньего Леса по делу Тюрвинга.

Гуннар сделал все, как ему посоветовал Ньяль. Приготовления эти показались людям странными. И вот дело должно было разбираться на тинге. Гуннар, Ньяль с сыновьями и сыновья Сигфуса поехали на тинг. Еще до этого Гуннар послал человека к своим шурьям, чтобы те приехали на тинг, взяв с собой побольше народу, и велел сказать им, что тяжба будет трудная. Они собрали у себя на западе множество народу. Мёрд, Рунольв из Долины, люди с Треугольной Горы и Энунд из Великаньего Леса тоже отправились на тинг, и, приехав туда, они присоединились к Гицуру Белому и Гейру Году.

LXVI

Гуннар, сыновья Сигфуса и сыновья Ньяля все держались вместе и вели себя так решительно, что тот, кто стоял у них на пути, должен был остерегаться, чтобы его не сбили с ног. Ни о чем люди не говорили на тинге больше, чем об этой тяжбе.

Гуннар вышел навстречу своим шурьям, Олаву и другим, и они приветливо поздоровались с ним. Они стали расспрашивать Гуннара о бое, и он им точно и беспристрастно рассказал все, как было. Он также рассказал о том, что он предпринял после боя. Олав сказал:

– Хорошо, что Ньяль так верно помогает тебе во всяком деле.

Гуннар сказал, что никогда не сможет полностью отблагодарить за это. Он попросил у них помощи, и они согласились.

И вот каждая сторона предъявила свой иск, и оба иска стали разбираться. Мёрд спросил, как может такой человек, как Гуннар,

который, ударив Торгейра, лишил себя права выступать перед судом, предъявлять иск. Ньяль говорит:

- А ты был на тинге в Лощинах осенью?

- Да, конечно, - говорит Мёрд.

- Слышал ли ты, - говорит Ньяль, - что Гуннар предлагал ему полное примирение?

- Конечно, слышал, - говорит Мёрд.

- Тогда я объявил, - говорит Ньяль, - что Гуннар получил право выступать перед судом с любым делом.

- Это было правильно, - говорит Мёрд, - но почему же убийцей Хьёрда Гуннар объявил Коля, тогда как убил его норвежец?

- Это было правильно, - говорит Ньяль, - потому что он назвал его убийцей при свидетелях.

- Может быть, это и правильно, - говорит Мёрд, - но почему же Гуннар объявил, что ни за кого из убитых не надо платить виру?

- Об этом и спрашивать нечего, - говорит Ньяль, - ведь они поехали, чтобы ранить и убивать.

- Но Гуннар остался невредим, - говорит Мёрд.

Ньяль сказал:

- Братья Гуннара Кольскегг и Хьёрт были там, и один из них был убит, а другой ранен.

- Закон на вашей стороне, - ответил Мёрд, - как мне ни тяжело подчиниться вам.

Тут вышел Хьяльти, сын Скегги из Долины Бычьей Реки, и сказал:

- До сих пор я не вмешивался в ваш спор. Но теперь мне хотелось бы знать, что значат, Гуннар, для тебя мои слова и моя дружба?

- Чего ты хочешь? - спросил Гуннар.

- Я хочу, - ответил Хьяльти, - чтобы достойные люди вынесли справедливое решение по этому делу.

Гуннар ответил:

- Тогда никогда не выступай против меня, с кем бы у меня ни была тяжба.

- Обещаю, - ответил Хьяльти.

После этого он взялся за переговоры с противником Гуннара и добился того, что все помирились и поклялись не мстить друг другу. Ранение Торгейра сняло иск о прелюбодеянии, ранение Старкада - иск о порубке. За братьев Торгейра была заплачена половинная вира, потому что они напали на Гуннара. Убийство Эгиля из Песчаного Оврага сняло иск Тюрвинга. Убийство Хьёрта было приравнено к убийству Коля и норвежца. За других была заплачена половинная вира. Среди судей были Ньяль, Асгрим, сын Лодейного Грима, и Хьяльти, сын Скегги.

Старкад и люди из Песчаного Оврага были должны Ньялю много денег, и Ньяль отдал эти деньги Гуннару в счет его виры им. У Гуннара было на тинге так много друзей, что он на месте выплатил виру за все убийства и сделал много подарков знатным людям, которые помогали

ему. Дело принесло ему большую славу, и все были согласны, что нет ему равного во всей южной четверти.

Гуннар отправился с тинга домой. И вот он живет спокойно у себя дома, а его противники очень завидуют его славе.

LXVII

Теперь надо рассказать о Торгейре, сыне Откеля. Он стал человеком рослым и сильным, честным и правдивым, но несколько легковверным. Самые уважаемые люди дружили с ним, а родичи любили его.

Однажды Торгейр, сын Старкада, отправился к своему родичу Мёрду.

- Обидно мне, - сказал он, - что так кончилась моя тяжба с Гуннаром. Но я заплатил тебе за то, чтобы ты мне помогал, пока мы оба живы. Мне хотелось, чтобы ты придумал, что делать. Но подумай как следует! Я говорю об этом с тобой так открыто, так как знаю, что Гуннар тебе заклятый враг, а ты - ему. Я хорошо отблагодарю тебя, если ты постарайся.

- Всем всегда кажется, - сказал Мёрд, - что я люблю деньги. Так и на этот раз. Трудно устроить так, чтобы ты не нарушил мир и при этом добился своего. Но я слышал, что Кольскегг хочет вернуть себе четвертую часть земли на Перешейке, которую отдали твоему отцу как виру за сына. Он получил право на этот иск от своей матери, и это Гуннар посоветовал ему заплатить деньги, но землю не отдавать. Подождем пока, что будет дальше, и объявим, что он нарушил договор с нами. Кроме этого, он отобрал пашню у Торгейра, сына Откеля, и тем самым нарушил договор с ним. А ты поезжай к Торгейру, сыну Откеля, и втяни его в дело. Нападите с ним на Гуннара. Если же вам не удастся его убить, то нападите еще раз. Вот что я тебе скажу: Ньяль предсказал ему, что если он убьет кого-нибудь из другого поколения того же рода, и при этом он нарушит заключенный договор, то сразу погибнет. Втяни в дело Торгейра, потому что Гуннар убил его отца. Если вы с ним вдвоем нападете на Гуннара, то ты прикройся щитом, а Торгейр пусть смело бросится на него, и Гуннар убьет его. Тогда окажется, что Гуннар убил человека из другого поколения того же рода, а ты спасешься бегством. И если ему суждено от этого погибнуть, то он нарушит договор. Итак, подождем.

После этого Торгейр поехал домой и тайно рассказал все своему отцу. Они порешили, что будут действовать так, чтобы никто ничего не знал.

LXVIII

Через некоторое время Торгейр, сын Старкада, отправился в Церковный Двор к своему тезке. Они прошептались весь день. Под конец Торгейр, сын Старкада, подарил своему тезке золоченое копье и затем уехал домой. Они очень подружились.

Осенью на тинге в Лощинах Кольскегг предъявил иск на землю на Перешейке, а Гуннар назвал свидетелей и предложил людям из-под Треугольной Горы деньги или землю в других местах по законной цене. Торгейр назвал свидетелей того, что Гуннар нарушил договор с ними. На этом тинг кончился.

Проходит год. Тезки постоянно встречаются, крепко дружат.

Как-то раз Кольскегг говорит Гуннару:

– Я слышал, что тезки очень подружились. Многие говорят, что им доверять нельзя. Советую тебе быть поосторожнее.

– Мне не миновать смерти, – говорит Гуннар, – где бы я ни был, если мне так на роду написано.

На том разговор кончился.

Осенью Гуннар велел работникам одну неделю работать дома, а другую – внизу, на Островах, чтобы кончить уборку сена. Он распорядился, чтобы все уехали, и остался один с женщинами.

Торгейр из-под Треугольной Горы отправился к своему тезке, и когда они встретились, то начали, как обычно, разговор. Торгейр, сын Старкада, сказал:

– Мне бы хотелось, чтобы мы набрались духу и напали на Гуннара.

– При встречах с Гуннаром, – ответил Торгейр, сын Откеля, – победа доставалась немногим. И я не хотел бы нарушать договор.

– Они нарушили договор, а не мы, – сказал Торгейр, сын Старкада. – Ведь Гуннар отобрал у тебя пашню, а у нас с отцом – Перешеек.

И они решили напасть на Гуннара. Тут Торгейр говорит, что Гуннар через несколько дней останется один дома, и предлагает:

– Возьми одиннадцать человек и приезжай ко мне, и со мной будет столько же.

После этого Торгейр поехал домой.

LXIX

Когда Кольскегг с работниками пробыли на Островах три дня. Торгейр, сын Старкада, проведал про это и послал сказать своему тезке, чтобы тот встретился с ним на Гряде Горы Треугольной. Он въехал на гряду и стал там ждать тезку.

Гуннар в это время оставался один дома. Тезки подъезжают к лесу, и вдруг их так начинает клонить ко сну, что они не в силах ехать дальше. Они вешают щиты на ветви, привязывают лошадей и кладут возле себя оружие.

Ньяль в эту ночь был на Торольвовой Горе. Ему не спалось, и он то выходил из дома, то входил. Торхильд спросила Ньяля, почему ему не спится.

– Что-то чудится мне, – ответил Ньяль. – Я вижу духов-двойников многих врагов Гуннара. Одно странно: видно, что у них недоброе на уме, но ведут они себя неосторожно.

Немного погодя к дверям подъехал какой-то человек, спешил и вошел в дом. Оказалось, что это пастух Торхильд и Скарпхедина. Торхильд спросила:

– Ну, нашел овец?

– Я нашел кое-что поважнее, – ответил тот.

– Что же это? – спросил Ньяль.

– Там, на горе, в лесу, я нашел двадцать четыре человека. Лошади их были привязаны, щиты висели на ветвях, а сами они спали.

Он все так точно заметил, что мог описать все их оружие и одежду, и Ньяль узнал каждого из них. Ньяль сказал пастуху:

– Побольше бы таких слуг! Не забуду этой твоей услуги. А сейчас я хочу тебя послать по делу.

Тот сказал, что готов.

– Отправляйся, – сказал Ньяль, – в Конец Склона и скажи Гуннару, чтобы он ехал к Каменистой Реке и собрал людей. А я поеду к тем, в лес, и пугну их так, что они повернут обратно. Хорошо, что на этот раз они ничего не добьются, а потеряют немало.

Теперь надо рассказать о Ньяле. Он подъехал к тезкам и сказал:

– Что-то вы неосторожно разлеглись. Зачем вы сюда приехали? С Гуннаром шутки плохи. Ведь если говорить правду, то вы замыслили убийство. Но знайте, что Гуннар уже собирает людей и скоро будет здесь. Он перебьет вас, если вы тотчас не отправитесь восвояси.

Они не стали мешкать. Перепуганные, они похватили оружие, вскочили на коней и поскакали к Треугольной Горе.

Ньяль поехал к Гуннару и сказал:

– Не распускай народ, а я поеду и попытаюсь уладить все мирно: они сейчас, наверное, крепко перепуганы. А за то, что они замыслили убить тебя – в этом они все замешаны, – им придется заплатить не меньше, чем пришлось бы заплатить за убийство одного из тезок, если бы такое случилось. Я возьму эти деньги на сохранение и позабочусь о том, чтобы они были под рукой, когда тебе понадобятся.

Гуннар поблагодарил его за помощь.

Ньяль поехал под Треугольную Гору и сказал тезкам, что Гуннар не собирается распускать своих людей, пока не рассчитается с ними. Они были в сильном страхе. Они сделали различные предложения и

попросили Ньяля передать эти предложения Гуннару. Ньяль сказал, что передаст только такое предложение, за которым не скрывается обмана. Они попросили его рассудить их и сказали, что выполнят любое решение, которое он вынесет. Ньяль сказал, что он вынесет решение не иначе как на тинге и в присутствии самых уважаемых людей. Они согласились на это.

Ньяль свел обе стороны вместе. Они пожали руки в знак того, что помирились и обязуются сохранять мир. Ньяль должен был вынести решение и по своему усмотрению назвать судей.

Немного погодя они встретились с Мёрдом, сыном Вальгарда. Мёрд очень корил их за то, что они поручили Ньялю рассудить их, поскольку он большой друг Гуннара, и сказал, что это им дорого обойдется.

Вот люди, как обычно, поехали на альтинг. Обе стороны тоже были на тинге. Ньяль попросил внимания и спросил всех самых уважаемых людей, которые были на тинге, чего, по их мнению, может требовать Гуннар за то, что его замышляли убить. Они ответили, что такой человек, как Гуннар, вправе требовать очень многого. Ньяль спросил, кто должен быть ответчиком: все, кто хотел напасть на Гуннара, или только их главари. Они ответили, что главари в первую очередь, но и другие тоже.

– Немало найдется людей, – сказал Мёрд, – которые скажут, что все это произошло по вине Гуннара, потому что он первым нарушил мир с обоими Торгейрами.

– Это не называется нарушить мир, – ответил Ньяль, – когда один человек пользуется законом против другого. Ведь закон хранит страну, а беззаконие губит.

И Ньяль сказал, что Гуннар предлагал в обмен на Перешеек землю или деньги. Тогда оба Торгейра увидели, что Мёрд их обманул. Они очень бранили его и сказали, что из-за него им приходится платить виру. Ньяль назвал двенадцать судей. Каждый из тех, кто ездил с Торгейрами, должен был заплатить по сотне серебра, а сами тезки – по две сотни. Ньяль взял эти деньги себе на хранение, а обе стороны поклялись соблюдать мир. Ньяль подсказывал им слова клятвы.

Потом Гуннар поехал с тинга на запад, в Долины, в Стадный Холм. Олав Павлин принял его хорошо. Гуннар пробыл у него полмесяца. Он много ездил по Долинам и повсюду был желанным гостем. На прощанье Олав сказал:

– Я хочу подарить тебе три вещи: золотое запястье и плащ, которыми владел король ирландцев Мюркьяртан^[221], и большого пса, которого мне подарили в Ирландии. Он помощник не хуже крепкого мужчины. Кроме того, у него человеческий ум: если он знает, что человек твой недруг, он будет лаять на него, но он никогда не будет лаять на твоего друга. Он видит в каждом человеке, желает ли он тебе добра или зла. Ради тебя он не пожалеет и своей жизни. Этого пса зовут Черный.

Затем он сказал псу:

– Теперь твой хозяин – Гуннар, служи ему верой и правдой.

Пес тотчас подошел к Гуннару и улегся у его ног.

Олав сказал Гуннару, чтобы он был осторожен, потому что у него много завистников.

– Ведь тебя считают самым знаменитым человеком во всей стране, – сказал он.

Гуннар поблагодарил его за подарки и добрый совет и поехал домой.

Гуннар пробыл некоторое время дома, и все было спокойно.

LXXI

Немного погодя оба Торгейра встретились с Мёрдом. Они были недовольны им. Они считали, что потеряли из-за Мёрда много денег и ничего не получили взамен. Они сказали ему, чтобы он придумал, как по-новому навредить Гуннару. Мёрд согласился и сказал:

– Вот мой совет: пусть Торгейр, сын Откеля, соблазнит Ормхильд, родственницу Гуннара. Гуннар ожесточится против тебя. А я тогда распушу слух, что Гуннар не собирается оставить это так. А немного погодя вы нападете на Гуннара, но не у него дома. Нельзя пытаться напасть на него дома, пока жив его пес.

Они порешили между собой, что так и сделают.

Проходит лето. Торгейр зачастил к Ормхильд. Гуннару это очень не нравилось, и он ожесточился против Торгейра. Так продолжалось всю зиму. Наступает лето, и их тайные встречи становятся еще чаще. Торгейр, сын Откеля, часто встречается также с Торгейром из-под Треугольной Горы и Мёрдом, и они договариваются напасть на Гуннара, когда тот поедет на Острова посмотреть, как работают его люди.

Однажды Мёрд узнал, что Гуннар уехал на Острова, и послал человека под Треугольную Гору сказать Торгейру, что сейчас самый удобный случай напасть на Гуннара. Те, не медля, выехали, двенадцать числом, и когда они приехали в Церковный Двор, то их там ждало других двенадцать человек. Они решили спуститься к Кривой Реке и там ждать Гуннара в засаде.

LXXII

Когда Гуннар отправился с Островов домой, Кольскегг поехал с ним. У Гуннара был с собой лук со стрелами и копье. У Кольскегга был короткий меч и все остальное оружие.

И вот случилось, что, когда Гуннар с братом подъезжали к Кривой Реке, на его копье выступила кровь. Кольскегг спросил, что это

означает. Гуннар ответил, что в других странах это называют кровавым дождем, и прибавил:

– Эльвир говорил мне, что это бывает перед жестокими боями.

Они продолжали путь, пока не увидели, что на берегу реки сидят люди, а неподалеку от них привязаны кони. Гуннар сказал:

– Это засада.

Кольскегг ответил:

– Им уже давно нельзя было верить. Что же нам теперь делать?

– Проскачем мимо них к броду, – ответил Гуннар, – и там подготовимся к защите.

Те, кто был на берегу, заметили их и тотчас же пустились к ним. Гуннар натянул лук, высыпал перед собой стрелы и, как только те подошли к нему на выстрел, стал стрелять. Он многих ранил своими стрелами, а кое-кого и убил.

Тогда Торгейр, сын Откеля, сказал:

– Так не годится! Вперед, на него!

Они бросились на Гуннара. Впереди шел Энунд Красивый, родич Торгейра. Гуннар ударил его копьем, расколол щит надвое и пронзил Энунда насквозь. Эгмунд Чуб забежал сзади Гуннара, но Кольскегг увидел это, отрубил ему обе ноги и бросил его в реку, так что тот сразу же утонул. Разгорелся жестокий бой. Гуннар одной рукой рубил, а другой колол. Кольскегг уложил немало врагов и многих ранил.

Торгейр, сын Старкада, сказал своему тезке:

– Как-то не видно, что тебе надо отомстить за отца.

Тот ответил:

– Ты прав, я немного успел. Однако ты и от меня отстаешь, так что не смей меня подзуживать.

И в сильном гневе он бросился на Гуннара и пробил ему копьем щит и руку. Гуннар с такой силой рванул щит, что копье переломилось у наконечника. Гуннар увидел близко от себя другого человека и нанес ему смертельный удар. После этого он схватил свое копье двумя руками. Тут к нему подбегает с занесенным мечом Торгейр, сын Откеля. В сильном гневе Гуннар быстро оборачивается к нему и пронзает его копьем, поднимает в воздух и швыряет в реку. Тело течением отнесло вниз к броду и выбросило на камень. С тех пор этот брод зовется Бродом Торгейра.

Тогда Торгейр, сын Старкада, сказал:

– Бежим! Теперь уж нам победы не видать.

И они все пустились бежать.

– Бежим следом за ними, – сказал Кольскегг. – Бери лук и стрелы, ты еще можешь приблизиться на выстрел к Торгейру, сыну Старкада.

Гуннар ответил:

– Если мы заплатим виру только за тех, кто остался здесь лежать, то и тогда в наших кошельках ничего не останется.

- Денег у тебя хватит, - сказал Кольскегг, - а Торгейр не успокоится, пока не убьет тебя.

- Много таких Торгейров должно стоять на моем пути, чтобы я испугался, - ответил Гуннар.

После этого они поехали домой и рассказали о том, что случилось. Халльгерд обрадовалась вестям и очень хвалила Гуннара и Кольскегга. А Раннвейг сказала:

- Может быть, вы и совершили подвиг, но у меня предчувствие, что это не к добру.

LXXIII

Весть разнеслась по всей округе, и многих опечалила смерть Торгейра. Гицур Белый и его люди отправились на место боя, объявили об убийстве и вызвали соседей на тинг. Затем они уехали на запад, к себе домой.

Ньяль и Гуннар встретились и говорили о бое.

Ньяль сказал Гуннару:

- Будь осторожен: ты убил человека из другого поколения того же рода. Помни, что если ты теперь нарушишь договор, который заключишь, то погибнешь.

- Я не собираюсь его нарушать, - ответил Гуннар. - Но мне понадобится на тинге твоя помощь.

Ньяль ответил:

- Я буду верен тебе до конца своих дней.

Гуннар отправился домой. Подошло время тинга, и обе стороны собрали множество народу. На тинге все без конца гадали, чем кончится эта тяжба.

Гицур и Гейр Годи стали решать, кому из них предъявить иск об убийстве Торгейра. Кончилось тем, что Гицур взял это на себя. Он предъявил иск со Скалы Закона и сказал так:

- Я обвиняю Гуннара, сына Хамунда, в том, что он незаконно первым напал на Торгейра, сына Откеля, и нанес ему глубокую рану, от которой Торгейр умер. Я утверждаю, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Из его имущества половина причитается мне, а другая половина - тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должен разбираться этот иск. Я объявляю об этом во всеуслышание со Скалы Закона. Я объявляю, что Гуннар, сын Хамунда, должен быть судим и объявлен вне закона.

Во второй раз Гицур назвал своих свидетелей^[222] и обвинил Гуннара, сына Хамунда, в том, что он нанес Торгейру, сына Откеля, глубокую рану, от которой тот умер, на месте, где Гуннар перед этим незаконно

напал первым на Торгейра. Затем он объявил все, как в первый раз. Потом он спросил, к какому тингу относится Гуннар и из каких он мест.

После этого люди пошли от Скалы Закона, и все нашли, что он говорил хорошо. Гуннар держался спокойно и говорил мало.

И вот подошло время, когда суды должны были разбирать дела. Гуннар стоял к северу от суда людей из Долины Кривой Реки, Гицур – к югу. Гицур назвал свидетелей и предложил Гуннару выслушать его присягу, изложение дела и все доказательства, которые он собирался привести. После этого он принес присягу. Затем он изложил свое дело суду. Потом он предложил свидетелям подтвердить, что он предъявил свой иск на тинге. Затем он предложил соседям занять свои места, а противникам – отвести лишних соседей.

LXXIV

Тогда Ньяль сказал:

– Довольно! Нельзя больше сидеть сложа руки. Пойдем туда, где сидят соседи.

Они пошли к ним и отвели четырех из них. Оставшимся пяти они предложили сказать, не выехали ли оба Торгейра со своими людьми со злым умыслом против Гуннара. Те, не колеблясь, ответили, что так оно и было. Тогда Ньяль сказал, что это законный отвод иска и что он выступит на суде с этим отводом, если противники не согласятся на примирение. Многие знатные люди поддержали это предложение и порешили на том, что дело рассудят двенадцать человек. Обе стороны дали друг другу руки в знак примирения. После этого было решено, какая вира должна быть заплачена, и она должна была быть заплачена тут же, на тинге, а Гуннар и Кольскегг должны были оставить Исландию на три года. Но если Гуннар не уедет из страны, то родичи убитого имеют право его убить, если смогут это сделать. Гуннар не подал виду, что недоволен решением.

Гуннар спросил Ньяля о деньгах, которые давал ему на хранение. Ньяль отдавал их в рост и вернул все сполна. Денег как раз хватило на все, что Гуннар должен был заплатить.

Вот люди стали разъезжаться по домам. Гуннар и Ньяль поехали с тинга вместе. Ньяль сказал Гуннару:

– Прошу тебя, друг, не нарушай этого договора. Помни, о чем мы условились. Первая твоя поездка в чужие страны принесла тебе большую славу, а эта принесет еще большую. Ты вернешься с большим почетом и доживешь до глубокой старости, и никто здесь не посмеет тягаться с тобой. Но если ты не уедешь из Исландии и нарушишь договор, то тебя здесь убьют, а хуже этого ничего для твоих друзей не может быть.

Гуннар ответил, что не собирается нарушать договор. Он поехал домой и рассказал о решении суда. Раннвейг сказала, что ему надо уехать из Исландии, и пусть тем временем его враги грызутся с кем-нибудь другим.

LXXV

Траин, сын Сигфуса, объявил своей жене, что летом собирается уехать из Исландии. Она ответила, что это хорошо. Он договорился с Хёгни Белым, что тот перевезет его. Гуннар и Кольскегг договорились с Арифинном из Вика.

Сыновья Няля, Грим и Хельги, попросились у отца за море. Няль сказал:

– Трудной будет для вас эта поездка, и неизвестно, останетесь ли вы в живых. Правда, вы прославитесь и отличитесь. Но очень может быть, что, уже когда вы вернетесь, будут у вас беды.

Они все же просили его отпустить их, и наконец он сказал, что, если они хотят, то могут ехать. Они договорились с Бардом Черным и Олавом, сыном Кетиля из Эльды, что те перевезут их.

Пошла молва, что лучшие люди покидают округу.

К этому времени подросли сыновья Гуннара – Хёгни и Грани. Они были непохожи друг на друга. Грани был во многом в мать, а Хёгни был доброго нрава.

Гуннар велел перевезти к кораблю товары свои и брата. Когда весь груз Гуннара был на корабле, а сам корабль почти совсем снаряжен, Гуннар отправился на Бергторов Пригорок и на другие дворы проведать знакомых и поблагодарить всех, кто ему помогал.

На другой день он собрался ехать на корабль и сказал всем домочадцам, что уезжает навсегда. Все опечалились, но подумали, что он еще вернется. Собравшись в путь, Гуннар обнял каждого на прощанье. Все вышли проводить его. Он воткнул копье в землю, вскочил в седло и уехал с Кольскеггом.

Вот они подъезжают к Лесной Реке. Тут конь Гуннара споткнулся, и он соскочил с коня. Взгляд его упал на склон горы и на его двор на этом склоне, и он сказал:

– Красив этот склон! Таким красивым я его еще никогда не видел: желтые поля и скошенные луга. Я вернусь домой и никуда не поеду.

– Не доставляй такой радости врагам, – говорит Кольскегг. – Не нарушай договора. Да никому и в голову не придет, что ты можешь его нарушить. И ты ведь знаешь, что иначе все случится так, как предсказал Няль.

– Я не поеду, – говорит Гуннар, – и мне бы не хотелось, чтобы ты уезжал.

– Нет, – говорит Кольскегг. – Я не отступлюсь от своего слова и сделаю то, чего от меня ждут. Ничто другое не может разлучить меня с тобой. Скажи родичам и матери, что я не собираюсь больше возвращаться в Исландию, потому что я узнаю о твоей смерти, брат, и тогда уже ничто не побудит меня возвратиться.

Они распрощались. Гуннар вернулся домой, в Конец Склона, а Кольскегг поехал к кораблю и уплыл из Исландии.

Халльгерд обрадовалась, когда Гуннар вернулся домой, мать же его ничего не сказала.

Эту осень и зиму Гуннар провел дома. При нем было немного людей. Олав Павлин пригласил к себе в гости Гуннара и Халльгерд и предложил оставить дом на мать и Хёгни. Гуннар сначала согласился, но потом ему расхотелось ехать.

А на следующее лето на альтинге Гицур и Гейр объявили Гуннара вне закона. Прежде чем тинг окончился, Гицур созвал в Ущелье Сходок всех врагов Гуннара – Старкада из-под Треугольной Горы и его сына Торгейра, Мёрда и Вальгарда Серого, Гейра Годи и Хьяльти, сына Скегги, Торбранда и Асбранда, сыновей Торлейка, Эйлива и его сына Энунда, Энунда из Великаньего Леса, Торгрима из Песчаного Оврага.

Гицур сказал:

– Я предлагаю этим летом напасть на Гуннара и убить его.

Хьяльти сказал:

– Я обещал Гуннару здесь, на тинге, когда он послушался моих уговоров, что не нападу на него. Так тому и быть.

После этих слов Хьяльти ушел, а те, что остались, решили напасть на Гуннара, подали друг другу руки в знак уговора и постановили взять виру с того, кто уговор нарушит. Мёрд должен был выведать, когда лучше всего напасть на Гуннара. Всего их было четыре десятка человек. Они считали, что им будет легко справиться с Гуннаром, раз уехали Кольскегг, Траин и многие друзья Гуннара.

Люди стали разъезжаться с тинга по домам. Ньяль отправился к Гуннару и рассказал ему, что он объявлен вне закона и что его замышляют убить.

– Спасибо, – сказал Гуннар, – что предостерегаешь меня.

– Я бы хотел, – сказал Ньяль, – чтобы к тебе переехали мои сыновья Скарпхедин и Хёскульд. Они не пожалеют жизни ради тебя.

– Я не хочу, – ответил Гуннар, – чтобы из-за меня убили твоих сыновей. Ты вправе ждать от меня лучшего.

– Все равно, – сказал Ньяль. – Ведь, когда ты погибнешь, мстить за тебя придется моим сыновьям.

– Очень может быть, – ответил Гуннар, – но я бы не хотел, чтобы и эта вина лежала на мне. Мне бы хотелось лишь попросить вас позаботиться о моем сыне Хёгни, а о Грани я ничего не скажу, потому что он редко делает то, что мне по нраву.

Ньяль обещал выполнить его просьбу и поехал домой.

Рассказывают, что Гуннар ездил на все сходки и тинги, и враги ни разу не осмелились поднять на него руку. Некоторое время он вел себя так, словно не был объявлен вне закона.

LXXVI

Осенью Мёрд, сын Вальгарда, передал через гонца, что все люди Гуннара будут убирать сено внизу, на Островах, и Гуннар будет дома один. Узнав об этом, Гицур Белый и Гейр Годи, поехали через реку и пески на восток, в Капище. Они послали человека под Треугольную Гору, к Старкаду. Все, кто должен был напасть на Гуннара, собрались там и стали решать, что им делать. Мёрд сказал, что они не смогут захватить Гуннара врасплох, если не возьмут с собой из соседнего двора бонда по имени Торкель и не заставят его войти к Гуннару во двор и увести пса Черного.

Затем они отправились на восток, в Конец Склона, и послали за Торкелем. Схватили его и сказали, что либо убьют его, либо он уведет пса. Он предпочел остаться в живых и поехал с ними.

В Конце Склона от ограды к постройкам вела дорога, обнесенная валами. Там они остановились, и Торкель пошел к дому. Пес лежал на крыше, и Торкель заманил его с собой в овраг. Тут пес увидел людей, бросился на Торкеля и вцепился ему в бедро. Энунд из Великаньего Леса ударил пса секирой по голове и рассек ему череп. Пес громко залаял и свалился мертвым. Им показалось, что они никогда не слышали такого лая.

LXXVII

Гуннар проснулся в доме и сказал:

– Жестоко обошлись с тобой, друг Черный! Но кто знает, может быть, и я скоро отправлюсь за тобой.

Дом у Гуннара был весь деревянный, с дощатой крышей, а в ней были окошки, которые закрывались ставнями. Гуннар спал в каморке, вместе с Халльгерд и своей матерью.

Подходя, они еще не знали, дома ли Гуннар. Порешили, чтобы сначала кто-нибудь подкрался и разведal, и уселись на землю. Норвежец Торгрим поднялся на крышу. Гуннар увидел в окошке его красную одежду и нанес ему удар копьем. Торгрим покачнулся, выпустил из рук щит и свалился с крыши. Он подошел к Гицуру и его людям, сидевшим на земле. Гицур посмотрел на него и спросил:

– Ну что, дома Гуннар?

Торгрим ответил:

– Сами узнаете. Вот копье его точно дома.

И замертво упал на землю.

Они бросились к дому. Гуннар стал стрелять в них из лука и так хорошо защищался, что они ничего не могли поделать. Тогда несколько человек вскочили на крышу, чтобы оттуда напасть на Гуннара. Но и там их настигали его стрелы, так что они ничего не могли поделать. Так продолжалось некоторое время.

Они отдохнули снова и бросились в бой. Гуннар опять стал стрелять в них, и они опять ничего не могли поделать и отступили во второй раз. Тогда Гицур Белый сказал:

– Смелее вперед! Иначе ничего не выйдет.

В третий раз они бросились в бой и долго старались подобраться к Гуннару, но им снова пришлось отступить.

Гуннар сказал:

– Снаружи, на краю крыши, лежит стрела: это их стрела, и я пущу ее в них. Им будет зазорно, если я их раню их же оружием.

Раннвейг сказала:

– Не делай этого, не подзадоривай их. Ведь они уже отступили.

Но Гуннар схватил стрелу и выпустил ее в них. Стрела попала в Эйлива, сына Энунда, и нанесла ему тяжелую рану. Он стоял поодаль от других, и они не заметили, что он ранен.

– Там показалась рука с золотым запястьем и взяла стрелу, что лежала на крыше, – сказал Гицур. – Не стал бы он искать стрел снаружи, если бы у него их хватало. Нападем на него еще раз.

Мёрд сказал:

– Давайте подожжем дом!

– Ни за что! – сказал Гицур. – Даже под страхом смерти! Ты мог бы подать нам совет получше, ведь ты слынешь таким хитрецом.

На земле лежали веревки, которыми обычно скрепляли постройки. Мёрд сказал:

– Давайте возьмем эти веревки, привяжем их к концам конька крыши, другие концы привяжем к камням, станем закручивать веревки палками, и свернем крышу.

Они взяли веревки и проделали все, как предложил Мёрд. Гуннар и опомниться не успел, как они свернули крышу с дома. Тогда он принялся стрелять из лука, и они никак не могли подобраться к нему. Мёрд снова предложил поджечь дом. Гицур сказал:

– Зачем ты предлагаешь то, что всем нам претит? Мы никогда на это не пойдем.

В это время Торбранд, сын Торлейка, вскакивает на крышу и перерубает Гуннару тетиву. Гуннар хватается обеими руками копьё, бросается к Торбранду, пронзает его и сбрасывает на землю. Тут подбегает брат Торбранда Асбранд. Гуннар наносит ему удар копьём, но тот выставляет щит. Копьё пробивает щит насквозь и вонзается в руку. Гуннар поворачивает копьё с такой силой, что щит

раскалывается, у Асбранда ломается кость руки и он падает со стены. До этого Гуннар ранил восьмерых человек и убил двоих.

Сам Гуннар был дважды ранен, но все говорили, что он не думал ни о ранах, ни о смерти.

Он сказал Халльгерд:

– Дай мне две пряди из своих волос и сплетите с матерью из них тетиву.

– А это тебе очень нужно? – говорит она.

– Иначе я погиб, – говорит он, – потому что им не одолеть меня, пока я могу стрелять из лука.

– Тогда я припомню тебе твою пощечину, – говорит она. – Мне все равно, сколько ты еще продержишься.

– Всякий по-своему хочет прославиться, – говорит Гуннар. – Больше я тебя просить не буду.

А Раннвейг сказала:

– Подло ты поступаешь, и не скоро забудется твой позорный поступок.

Гуннар защищался отважно и доблестно и нанес еще восьмерым такие тяжкие раны, что многие от них едва не умерли. Он защищался, пока не свалился от усталости. Они нанесли ему много тяжелых ран, но он все же вырвался у них из рук и снова долго защищался. В конце концов они убили его.

О его гибели Торкель Скальд Людей с Гаутельва сложил такую вису:

Ведомо нам, как в доме
Недругов Гуннар встретил,
Копьем отражая натиск
Кормчих коня морского^[223].

В буре огней Одина^[224]

Шестнадцать ратников ранил

И двух убил наповал

Славный дробитель гривен^[225].

Гицур сказал:

– Большого быка мы свалили. Нелегко нам пришлось, и, пока люди живут в нашей стране, они не забудут, как защищался Гуннар.

Он пошел к Раннвейг и спросил:

– Разрешешь нам похоронить двоих убитых из наших на твоей земле?

– Охотно дам землю двоим, а еще охотнее всем вам, – ответила она.

– Тебе можно простить эти слова, – сказал он, – потому что велика твоя потеря.

И он велел, чтобы никто ничего не грабил и не разрушал. Затем они уехали.

Тут Торгейр, сын Старкада, сказал:

– Нам нельзя оставаться в своих домах из-за сыновей Сигфуса, разве что ты, Гицур, или ты, Гейр, побудете некоторое время здесь, на юге.

И они бросили жребий, кому из них оставаться, и жребий выпал Гейру. Потом он отправился на Мысок и стал там жить. У него был сын по имени Хроальд. Он прижил его вне брака. Мать Хроальда звали Бьяртей, она была сестрой Торвальда Хворого, которого убили у Конского Ручья на Гримовом Мысу. Хроальд хвалился тем, что нанес Гуннару смертельную рану. Теперь Хроальд стал жить с отцом. Торгейр, сын Старкада, хвастался другой раной, которую он нанес Гуннару.

Гицур оставался дома, на Мшистой Горе. Повсюду люди осуждали убийство Гуннара, и многие оплакивали его смерть.

LXXVIII

Ньяль был очень опечален смертью Гуннара, в печали были и сыновья Сигфуса. Они спросили Ньяля, можно ли предъявить иск по поводу убийства Гуннара или вообще начать тяжбу. Он ответил, что нельзя, раз Гуннар был объявлен вне закона, и что лучше унижить врагов, убив нескольких из них в отместку за Гуннара.

Насыпали курган, и в нем похоронили Гуннара сидя. Раннвейг не захотела, чтобы копье Гуннара положили в курган. Она сказала, что пусть лишь тот возьмет его в руки, кто захочет отомстить за Гуннара. К копью Гуннара поэтому никто не притронулся. Раннвейг была так зла на Халльгерд, что едва сдерживалась, чтобы не убить ее. Она говорила, что сын погиб из-за нее. Тогда Халльгерд переселилась на Каменную Реку со своим сыном Грани. Они поделили имущество: Хёгни получил землю в Конце Склона и все хозяйство там, а Грани получил земли, которые сдавались внаем.

Как-то раз случилось в Конце Склона, что пастух и работница гнали скот мимо Гуннарова кургана, и им почудилось, будто Гуннар веселится и поет в кургане. Они пошли домой и рассказали об этом матери Гуннара Раннвейг, а она велела передать это Ньялю. Они отправились на Бергторов Пригорок и рассказали о случившемся Ньялю. Он попросил их повторить рассказ три раза. После этого он долго вполголоса разговаривал со Скарпхеდიном. Тот взял свою секиру и отправился в Конец Склона. Хёгни и Раннвейг приняли его очень хорошо и очень обрадовались ему. Раннвейг попросила его погостить у них подольше, и он согласился. Он и Хёгни всегда были вместе. Хёгни был человек отважный и во всем искусный, но недоверчивый, и поэтому они не решились рассказать ему о том, что случилось.

Однажды Скарпхедин и Хёгни были на южной стороне Гуннарова кургана. Ярко светила луна, но иногда набегало облако. Им показалось, что курган раскрылся и что Гуннар повернулся в нем и смотрит на луну. Им почудилось, будто в кургане горят четыре огня, и в нем очень светло, и будто Гуннар весел, и лицо у него радостное. Он сказал вису, притом так громко, что его было бы слышно, даже если бы они стояли дальше:

Молвил отец Хёгни,
Посох богини павших^[226],
Тот, чье сердце не знало
Страха на поле брани:

Вовек шлемоносный воин
В вихре дротов^[227] не дрогнет,
Скорее умрет, чем отступит,
Скорее умрет, чем отступит.

После этого курган закрылся.

– Ты бы поверил, если бы рассказали тебе такое? – спросил Скарпхедин.

– Поверил бы, – говорит тот, – если бы мне это рассказал Ньяль, потому что я слышал, что он никогда не говорит неправды.

– Неспроста, – говорит Скарпхедин, – Гуннар сам явился нам и сказал, что скорее бы умер, чем уступил врагам. Это он дает нам совет.

– Мне ничего не сделать, – говорит Хёгни, – без твоей помощи.

– Я не забыл, – говорит Скарпхедин, – как поступил Гуннар после убийства вашего родича Сигмунда. Сделаю все, что в моих силах. Ведь мой отец обещал Гуннару, что мы поможем тебе или его матери.

После этого они пошли домой, в Конец Склона.

LXXIX

– Поедем сегодня же ночью, – говорит Скарпхедин, – потому что если они узнают, что я здесь, то станут осторожнее.

– Пусть будет по-твоему, – говорит Хёгни.

Когда все улеглись спать, они взяли оружие. Хёгни снял копье Гуннара, и оно громко зазвенело. Раннвейг, вне себя от гнева, вскочила и сказала:

– Кто берет копье Гуннара? Ведь я запретила трогать его?

– Я хочу, – говорит Хёгни, – отдать его отцу, пусть оно будет с ним в Вальгалле^[228] и пусть он там сражается им.

– До этого ты еще сам сразишься им и отомстишь за отца, потому что оно предвещает смерть – одного или нескольких.

Хёгни вышел во двор и передал Скарпхедину разговор с бабушкой. Затем они направились на Мысок. Два ворона всю дорогу летели за ними^[229].

Ночью они добрались до Мыска и погнали скот к домам. Тогда из дома выскочили Хроальд и Тьёрви и стали отгонять скот обратно. Оба были при оружии. Скарпхедин вскочил и сказал:

– Нечего осматриваться, ты не ошибаешься!

И Скарпхедин нанес Тьёрви смертельный удар. У Хроальда в руке было копье. Хёгни бросился на него. Хроальд хотел ударить Хёгни копьем, но тот перерубил древко и пронзил его копьем Гуннара. Они оставили убитых и отправились под Треугольную Гору.

Скарпхедин подбежал к дому и стал вырывать траву. Те, кто были внутри, подумали, что это скот. Старкад и Торгейр схватили оружие и одежду и выбежали во двор. Но когда Старкад увидел Скарпхедина, он испугался и хотел повернуть обратно, Скарпхедин зарубил его у ограды, а Хёгни подбежал к Торгейру и убил его копьем Гуннара.

Оттуда они направились в Капище. Мёрд был на лугу перед домом. Он стал просить пощады и предложил помириться. Скарпхедин рассказал Мёрду об убийстве тех четверых и прибавил:

– А ты либо отправишься той же дорогой, либо предоставишь Хёгни самому рассудить вас, если только он согласится.

Хёгни ответил, что не собирается мириться с убийцей своего отца, но в конце концов все же согласился сам решить дело.

LXXX

Ньяль немало помог тому, что родичи Старкада и Торгейра согласились на примирение. Был созван тинг и выбраны судьи. Было сосчитано все, даже нападение на Гуннара, хотя он и был вне закона. Мёрд заплатил сполна всю разницу^[230], потому что решение по его делу вынесли только после того, как решили дело Скарпхедина и Хёгни. Тогда состоялось полное примирение.

На тинге было много разговоров о тяжбе Гейра Годи и Хёгни. Она кончилась тем, что они помирились и с тех пор жили в мире. Гейр Годи до самой смерти прожил на Склоне, и больше о нем в этой саге рассказываться не будет. Ньяль сосватал Хёгни Альвхейд, дочь Ветрлиди Скальда, и тот женился на ней. Их сыном был Ари, который уплыл на Шетландские острова и там женился. Его потомком был Эйнар Шетландец, очень доблестный человек. Хёгни и Ньяль оставались друзьями, но о Хёгни больше не будет рассказываться в этой саге.

LXXXI

Теперь надо рассказать о Кольскегге. Он приплыл в Норвегию и пробыл зиму в Вике, а на следующее лето поехал в Данию и стал служить конунгу Свейну Вилобородому. Он был у него в большой чести.

Однажды ночью ему приснилось, будто к нему пришел какой-то человек, весь в сиянии, разбудил его и сказал:

– Встань и иди со мной!

– Что тебе от меня нужно? – спросил Кольскегг.

– Я найду тебе жену, и ты будешь моим рыцарем.

И будто он согласился. Тут он проснулся.

Он пошел к одному мудрому человеку и рассказал ему свой сон. Тот растолковал этот сон так, что он отправится в южные страны и станет рыцарем Господним.

Кольскегг крестился в Дании, но там ему пришлось не по душе, и он отправился на восток, в Гардарики, и пробыл там зиму. Оттуда он поехал в Миклагард и вступил там в варяжскую дружину. Последнее, что о нем слышали, было, что он там женился, был предводителем варяжской дружины и оставался там до самой смерти. Больше о нем в этой саге рассказываться не будет.

LXXXII

Теперь надо рассказать о том, что Траин, сын Сигфуса, приехал в Норвегию. Они пристали к берегу у Халогаланда, а оттуда поплыли на юг, в Трандхейм, в Хладир. Как только ярл Хакон услышал про это, он послал к ним людей, чтобы те разузнали, кто они такие. Они вернулись и рассказали ему. Тогда ярл послал за Траином, сыном Сигфуса, и тот явился к нему. Ярл спросил, какого он рода. Траин ответил, что он близкий родич Гуннара с Конца Склона. Ярл сказал:

– Тем лучше для тебя, потому что я видал много исландцев, но не видал равных ему.

Траин сказал:

– Государь, разрешите мне остаться у вас на зиму.

Ярл разрешил. Траин пробыл у него зиму и был в большой чести.

Жил человек по имени Коля. Он был викинг. Он был сыном Асмунда Ясеновый Бок из Смаланда. Его становище было на реке Гаутельве. У него было пять кораблей и большая дружина. С Гаутельвы он поплыл в Норвегию, высадился на берег в Вестфольде и напал на Халльварда Соты. Они нашли Халльварда на чердаке. Он там храбро защищался, пока они не подожгли дом. Тогда он сдался, но они убили его и, захватив большую добычу, отправились в Льодхус. Ярл Хакон услышал об этом и велел объявить Колю вне закона по всей стране и положил награду за его голову.

Однажды ярл сказал так:

– Плохо, что нет здесь Гуннара с Конца Склона. Он бы убил моего врага, которого я объявил вне закона. А теперь исландцы убьют Гуннара. Жаль, что он не приехал к нам.

Траин, сын Сигфуса, ответил:

– Я не Гуннар, однако же я его родич, и готов отправиться в поход на твоего врага.

Ярл сказал:

– Охотно принимаю твое предложение и хорошо снаряжу тебя в поход.

Тогда Эйрик, сын ярла, сказал:

– Ты много наобещал, но неизвестно, удастся ли тебе все исполнить. Поход будет очень трудным, потому что викинг этот свиреп и справиться с ним нелегко. Тебе придется тщательно выбрать людей и корабли для этого похода.

Траин сказал:

– Я отправляюсь в поход, каким бы он ни был трудным.

Ярл дал ему пять кораблей с гребцами. С ним поплыли Гуннар, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда. Гуннар был племянником Траина и жил у него смолоду. Они очень любили друг друга. Сын ярла Эйрик пошел с ними. Он проверил оружие и людей и отдал распоряжения, какие ему показались нужными. Затем, когда они снарядились, Эйрик дал им провожатого.

Они поплыли на юг вдоль берега, и где бы ни приставали, получали, по распоряжению ярла, все, что им было нужно. Они поплыли на восток, в Льодхус. Тут они узнали, что Коль уплыл на восток, в Данию. Они тоже поплыли туда. Когда они приехали на юг, в Хельсингьяборг, им встретила лодка с людьми. Эти люди сказали, что Коль неподалеку и пробудет там еще некоторое время. Погода в тот день стояла хорошая.

Тут Коль увидел подплывающие корабли и сказал, что в эту ночь ему снился ярл Хакон и что это, наверное, его люди, и велел своим воинам взяться за оружие. Они приготовились к защите, и битва началась.

Они бились долго, но никто не мог победить. Тогда Коль вскочил на корабль Траина, мечом расчистил себе путь и убил много людей. На нем был золоченый шлем. Тут Траин увидел, что так не годится. Он стал подбадривать своих людей, а сам бросился вперед и схватился с Коль. Коль ударил мечом в щит Траина, так что щит раскололся. Но тут в руку Коля попал камень, и меч выпал у него из рук. Тогда Траин ударил Коля мечом и отрубил ему ногу. После этого они убили Коля. Траин отрубил ему голову и выбросил тело за борт, а голову сохранил.

Они взяли там богатую добычу, и поплыли в Трандхейм, и явились к ярлу. Ярл принял Траина хорошо. Тот показал ему голову Коля, и ярл поблагодарил его за подвиг. Тогда Эйрик сказал, что его надо наградить не только словами. Ярл ответил, что это верно, и попросил

Траина пройти с ним. Они пошли туда, где для ярла строили корабли. По распоряжению ярла там был построен корабль, непохожий на обычные боевые корабли. Он был богато украшен, и на носу у него была голова коршуна.

Ярл сказал:

– Ты любишь красивые и богатые вещи, Траин. Да и родич твой Гуннар любил их. Так вот, я хочу подарить тебе этот корабль. Он называется «Коршун». Пусть этот подарок будет знаком моего расположения к тебе. Я хочу, чтобы ты оставался у меня, сколько тебе захочется.

Ярл должен был отправиться в поход на восток, к границе, чтобы встретиться с шведским конунгом. Траин все лето сопровождал ярла. Он был кормчим на «Коршуне» и правил им так искусно, что мало кто мог с ним сравниться, и ему очень завидовали. Видно было, что ярл высоко ценил Гуннара, потому что осаживал каждого, кто задевал Траина.

Траин пробыл у ярла всю зиму. Весною ярл спросил Траина, что он собирается делать: остаться в Норвегии или поехать в Исландию, но тот ответил, что еще сам не решил и что хотел бы сначала дождаться вестей из Исландии. Ярл сказал, что пусть будет так, как ему хочется, и Траин остался у ярла. Тут из Исландии пришла весть о смерти Гуннара с Конца Склона. Многим показалось это большим событием. Ярл не пожелал, чтобы Траин уехал в Исландию, и тот остался.

LXXXIII

Теперь надо рассказать о том, что Грим и Хельги, сыновья Няля, уехали из Исландии в то самое лето, что и Траин со своими людьми. Они были на корабле Олава из Эльды, сына Кетиля, и Барда. Их застиг в пути такой сильный северный ветер, что их отнесло к югу, и был такой густой туман, что они не знали, где плывут, и они долго пробыли в открытом море. Наконец они оказались на очень мелком месте и решили, что, наверное, недалеко земля. Сыновья Няля спросили, не знает ли Бард, что за страны лежат поблизости.

– Разные это могут быть страны, – сказал тот, – смотря какой ветер пригнал нас сюда, – Оркнейские острова, или Шотландия, или Ирландия.

Через два дня они увидели землю по обоим бортам и большие буруны во фьорде. Они бросили якорь перед бурунами. Непогода стала стихать и к утру улеглась, и тут они видят, что от берега к ним направляются тринадцать кораблей.

Тогда Бард сказал:

– Что нам делать? Ведь эти люди нападут на нас.

И они стали решать, защищаться им или сдаваться, но не успели они принять решение, как викинги подплыли к ним. Они спросили друг друга, как звать старших на кораблях. Старшие торговых людей назвали себя и спросили в ответ, кто стоит во главе дружины викингов. Те назвались Грьотгардом и Снекольвом, сыновьями Моддана из Дунгальсбёра в Шотландии, родичами короля скоттов Мелькольва.

– Выбирайте, – сказал Грьотгард, – либо вы сойдете на берег, а мы возьмем ваше добро, либо мы будем биться с вами и убьем всех, кого сможем.

Хельги ответил:

– Торговые люди хотят защищаться.

Тогда торговые люди сказали:

– Будь ты проклят, несчастный! Где нам защищаться? Да и жизнь дороже добра!

Тогда Грим стал кричать викингам так, чтобы заглушить гневный ропот торговых людей. Бард и Олав сказали:

– Подумайте о том, что исландцы будут насмехаться над вашей трусостью! Берите лучше оружие и защищайтесь!

Тогда все взялись за оружие и дали друг другу клятву не сдаваться, пока смогут защищаться.

LXXXIV

Викинги стали пускать в них стрелы, и начался бой. Торговые люди храбро защищались. Снекольв бросился на Олава и проткнул его копьем. Грим с такой силой ударил Снекольва копьем, что тот упал за борт. Тут Хельги встал рядом с Гримом, и они прогнали с корабля всех викингов. Сыновья Ньяля были всегда там, где в них больше всего была нужда. Викинги кричали торговым людям, чтобы те сдавались, но они отвечали, что никогда не сдадутся.

В этот миг их взгляд упал на море. Они увидели, что с юга, из-за мыса, выходят не меньше десяти кораблей и быстро приближаются к ним, а на кораблях – щит к щиту. На корабле, который шел первым, у мачты стоял человек. Он был одет в шелковую одежду, на голове у него был золоченый шлем. Волосы у него были длинные и красивые, а в руке он держал золоченое копье. Он спросил:

– Кто это играет здесь в такую неравную игру?

Хельги назвал себя и сказал, что их противников зовут Грьотгард и Снекольв.

– А кто хозяева кораблей? – спросил он.

Хельги ответил:

– Только один из них остался в живых – Бард Черный, другой, который звался Олавом, убит в бою.

– Вы исландцы? – спросил он.

– Конечно, – сказал Хельги.

Он спросил их, чьи они сыновья. Они ответили ему. Тогда он понял, кто перед ним, и сказал:

– Знамениты имена отца вашего и ваши.

– А ты кто? – спросил Хельги.

– Я Кари, сын Сёльмунда.

– Откуда ты плывешь? – спросил Хельги.

– С Гебридских островов.

– Ты приплыл вовремя, – сказал Хельги, – чтобы немного помочь нам.

– Я готов помочь вам, чем смогу, – сказал Кари, – а чего вы просите?

– Чтобы ты напал на них, – сказал Хельги.

Кари сказал, что согласен. Они напали на викингов, и битва возобновилась. Вскоре Кари вскочил на корабль Снекольва. Тот повернулся к нему и хотел было ударить его мечом. Кари отпрыгнул назад через балку, которая шла поперек корабля. Снекольв так ударил по балке, что все лезвие меча вошло в нее. Тогда Кари ударил его мечом в плечо. Удар был такой сильный, что меч отсек руку от плеча, и Снекольв сразу испустил дух. Тут Грьотгард метнул копье в Кари. Кари увидел это и подпрыгнул, и копье в него не попало. В это время к Кари подоспели Хельги и Грим. Хельги бросился на Грьотгарда и проткнул его своим мечом, и тому пришел конец. Тогда они прошли через все корабли. Викинги стали просить пощады. Они всем оставили жизнь, но забрали все добро. После этого они поплыли к островам.

LXXXV

Оркнейскими островами правил ярл по имени Сигурд. Он был сын Хлёдвира, внук Торфинна Кроителя Черепов, правнук Эйнара Торфяного, праправнук Рёгнвальда, ярла из Мёри, и прапраправнук Эйстейна Гремущки. Кари был дружинником ярла Сигурда. Он возвращался с Гебридских островов, где получал дань с ярла Гилли. Кари предложил сыновьям Ньяля поехать с ним на остров Лошадиный^[231]. Он сказал, что ярл их хорошо примет. Они согласились и поплыли с Кари и приехали на остров Лошадиный. Кари проводил их к ярлу и рассказал ему, что это за люди.

– Как они встретились тебе? – спросил ярл.

– Я встретил их в шотландских фьордах. Они сражались там с сыновьями ярла Моддана и так храбро защищались, что все время бросались от одного борта к другому и всегда были там, где в них больше всего была нужда. Я хочу предложить им остаться в твоей дружине.

– Пусть будет по-твоему, – сказал ярл, – раз ты уж и раньше оказал им такую помощь.

Они пробыли у ярла зиму и были в большой чести. Но со временем Хельги помрачнел.

Ярл не понимал причины и спросил его, почему он так молчалив и чем он недоволен.

– Может быть, тебе не нравится здесь? – говорит ярл.

– Нет, мне здесь нравится, – говорит Хельги.

– Так что же тогда тебя заботит? – говорит ярл.

– Есть ли у вас владения в Шотландии? – говорит Хельги.

– Как будто есть, – говорит ярл, – а что?

Хельги говорит:

– Похоже на то, что скотты убили вашего наместника и перехватили всех лазутчиков, чтобы ни один из них не перешел через пролив Петтландсфьорд^[232].

Ярл спросил:

– Ты ясновидец?

– Это еще не проверено, – ответил Хельги.

– Я окажу тебе еще большие почести, – сказал ярл, – если окажется, что ты прав. В противном случае тебе придется поплатиться.

– Не такой он человек, – сказал Кари. – Он, наверное, говорит правду, потому что отец его ясновидец.

После этого ярл послал людей на юг, на остров Страумей^[233], к своему наместнику Арильоту. А Арильот послал людей на юг, через пролив Петтландсфьорд. Те расспросили тамошний народ и узнали, что ярлы Хунди и Мельснати убили в Трасвике^[234] свояка ярла Сигурда Хаварда. Арильот послал тогда сказать ярлу Сигурду, чтобы тот отправился на юг с большой дружиной и выгнал этих ярлов из страны.

LXXXVI

Как только ярл узнал об этом, он собрал большое войско. Затем он отправился с этим войском на юг, и с ним Кари и сыновья Ньяля. Они приехали на Катанес^[235]. Ярлу принадлежали в Шотландии Росс и Мюреви, Сюдриланд и Далир. Из этих мест к ним пришли люди и сказали, что ярлы неподалеку с большим войском.

Тогда ярл Сигурд повел туда свое войско. Место, у которого они встретились, называется мысом Дунгальсгнипа^[236]. Началась жестокая битва. Скотты пустили часть войска в обход, и те напали сзади на людей ярла, и там полегло много народу, пока сыновья Ньяля не обратились против них и не заставили их бежать. Разгорелся еще более жестокий бой. Хельги с братом бросились вперед к знамени ярла и храбро сражались. Кари встретился с ярлом Мельснати, и Мельснати метнул копье в Кари, но Кари поймал его и бросил обратно, и оно пронзило ярла. Тогда ярл Хунди обратился в бегство.

Они преследовали бегущих, пока не услышали, что Мелькольв собрал в Дунгальсбёре большое войско. Тогда ярл стал держать совет со своими людьми, и все говорили, что нужно вернуться и что нельзя биться с таким большим войском, и они вернулись.

Когда ярл приехал на Страумей, они поделили добычу. Потом он поплыл на север, на остров Лошадиный, и с ним были сыновья Ньяля и Кари. Ярл устроил большой пир, и на этом пиру он подарил Кари добрый меч и золоченое копье, Хельги – золотое запястье и плащ, а Гриму – щит и меч. Он сделал Грима и Хельги своими дружинниками и поблагодарил их за храбрость в битве.

Они пробыли у ярла эту зиму и еще лето, пока Кари не отправился в поход. Они поплыли с ним, и много воевали в это лето, и всюду одерживали победы. Они бились с конунгом Гудрёдом с острова Мэн, и победили его, и, взяв большую добычу, вернулись назад. Они снова пробыли у ярла всю зиму.

Весною сыновья Ньяля попросились съездить в Норвегию.

Ярл сказал, что они могут ехать, куда хотят, и дал им хороший корабль и сильных гребцов. Кари сказал, что летом приедет в Норвегию с данью для ярла Хакона и что они там встретятся. Так они и договорились. После этого сыновья Ньяля вышли в море, поплыли в Норвегию и подошли к Трандхейму.

LXXXVII

Жил человек по имени Кольбейн. Он был сыном Арильот. Он был родом из Трандхейма. В то лето, когда Траин и сыновья Ньяля отплыли в Норвегию, он отправился в Исландию. Следующую зиму он пробыл на востоке, в Широкой Долине, а затем, летом, снарядил в Заливе Гаути свой корабль. Когда они закончили, к ним подплыл на лодке какой-то человек, привязал ее к кораблю, а сам поднялся на борт, чтобы поговорить с Кольбейном. Кольбейн спросил, как его зовут.

– Мое имя Храпп, – говорит тот.

– Что тебе от меня нужно? – спрашивает Кольбейн.

– Я хочу попросить тебя, – говорит Храпп, – перевезти меня через море.

– А кто твой отец? – спрашивает Кольбейн.

Храпп отвечает:

– Я сын Эргумлейди и внук Гейрольва Вояки.

Кольбейн спрашивает:

– Почему тебе надо уехать?

– Я убил человека, – говорит Храпп.

– Кого же ты убил? – спрашивает Кольбейн. – И кто будет мстить тебе за него?

Храпп отвечает:

– Я убил Эрлюга, сына Эрлюга, внука Хродгейра Белого, и люди с Оружейного Фьорда будут мстить мне за него.

– Думается мне, – говорит Кольбейн, – что худо придется тому, кто перевезет тебя.

– Я друг моему другу, но мщу, если мне делают зло, а кроме того, у меня хватит денег, чтобы заплатить за переезд.

И Кольбейн взял его с собой.

Вскоре подул попутный ветер, и они вышли в море. У Храппа в море кончились припасы, и он подсел к тем, кто был рядом, но те стали поносить его. Слово за слово – и началась драка. Храпп сразу же побил двоих. Об этом сказали Кольбейну, и тот сказал Храппу, что поделится с ним припасами, и Храпп согласился.

Они подошли к берегу и стали у мыса Агданес. Кольбейн спросил, где деньги, что Храпп обещал за переезд. Храпп ответил:

– Они в Исландии.

– Ты, наверное, еще немало народу одурачишь. Но я тебя прощаю.

Храпп поблагодарил и спросил:

– Что посоветуешь на прощанье?

– Во-первых, – сказал Кольбейн, – поскорее убирайся с корабля, потому что все норвежцы станут дурно говорить о тебе, а во-вторых, никогда не обманывай того, кто оказывает тебе услугу.

После этого Храпп, взяв оружие, сошел на берег. У него была большая секира с рукоятью, увитой золотой нитью. Он шел, пока не добрался до Долины, к Гудбранду^[237]. Гудбранд был большим другом ярла Хакона. Они вместе владели капищем, которое открывали, только когда приезжал ярл. Это было одно из двух самых больших капищ в Норвегии, второе было в Хладире. Сына Гудбранда звали Трандом, а дочь – Гудрун.

Храпп стал перед Гудбрандом и учтиво поздоровался с ним. Тот спросил его, кто он такой. Храпп назвал себя и сказал, что он из Исландии. Затем он попросил Гудбранда, чтобы тот взял его к себе. Гудбранд сказал:

– Ты не кажешься мне удачливым человеком.

– Сдается, что люди лгут, – ответил Храпп, – когда говорят, что ты принимаешь всех, кто тебя попросит об этом, и что нет человека щедрее тебя. Но я стану говорить иначе, если ты не примешь меня.

Гудбранд сказал:

– Ты останешься здесь.

– А где ты велишь мне сесть? – спросил Храпп.

– На нижней скамье против моего почетного сиденья.

Храпп уселся на свое место. Ему было о чем порассказать, и сначала это нравилось Гудбранду и многим другим. Но потом многим стало казаться, что он слишком много балагурит.

А затем он начал часто беседовать с Гудрун, так что многие стали поговаривать, что он, наверное, соблазнит ее. Когда Гудбранд узнал об

этом, он крепко выбранил ее за то, что она разговаривала с Храппом, и велел ей остерегаться говорить с ним о чем-нибудь наедине. Она сначала держала слово, но вскоре все опять пошло по-старому. Тогда Гудбранд велел своему надсмотрщику Асварду всюду ходить за ней, куда бы она ни шла.

Однажды случилось, что она пошла погулять в орешник, и Асвард с ней. Храпп пошел следом и нашел их. Он взял ее за руку и увел. Асвард начал искать ее и нашел их лежащими в кустах. Он подбежал к ним с поднятой секирой и хотел ударить Храппа по ноге, но тот увернулся, и удар пришелся мимо. Храпп мигом вскочил на ноги и схватил свою секиру. Асвард хотел убежать, но Храпп разрубил ему спину. Тогда Гудрун сказала:

– После того, что ты сейчас сделал, тебе нельзя больше оставаться у моего отца. Однако еще больше его разгневает другое: я беременна.

Храпп говорит:

– Об этом он узнает от меня самого. Я пойду домой и сообщу ему обе новости.

– Тогда тебе не уйти живым, – говорит она.

– Будь что будет, – говорит он.

После этого он отвел ее к другим женщинам, а сам пошел домой. Гудбранд сидел на почетном сиденье, и с ним было мало народу. Храпп стал перед ним, держа секиру. Гудбранд спросил:

– Отчего у тебя секира в крови?

– Я вылечил Асварда от боли в спине.

– Вряд ли от доброго сердца, – говорит Гудбранд, – ты, видно, убил его.

– Верно, – говорит Храпп.

– За что же? – спрашивает Гудбранд.

– По-вашему, это, наверное, мелочь, – говорит Храпп, – он хотел отрубить мне ногу.

– А что же ты такое сделал? – спрашивает Гудбранд.

– Что я сделал, его вовсе не касалось, – говорит Храпп.

– Все же скажи, что это было.

Храпп сказал:

– Если уж тебе так хочется знать, то я лежал с твоей дочкой, а ему это не понравилось.

Гудбранд сказал:

– Люди! Схватить его и убить!

– Мало же ты чтишь меня, твоего зятя, – говорит Храпп. – Да и нет у тебя людей, которым по плечу схватить меня.

Люди бросились на него, но он вывернулся. Они побежали следом, но он скрылся в лесу, и они его не поймали. Гудбранд собрал народ и велел обыскать лес, но Храппа не нашли, потому что лес был большой и густой.

Храпп шел по лесу, пока не набрел на поляну. Там он увидел жильё и человека, который на дворе рубил дрова. Он спросил этого человека, как его зовут, и тот назвался Тови, а Тови спросил, как его зовут, и он назвался Храппом, как его и звали. Храпп спросил, почему он живет вдали от людей.

– Потому, – ответил тот, – что здесь я могу ни с кем не водиться.

– Странные у нас с тобой дела, – сказал Храпп. – Но прежде я скажу тебе, кто я такой. Я жил у Гудбранда в Долинах и убежал оттуда, потому что убил его надсмотрщика. Я знаю, что оба мы злодеи, потому что ты не ушел бы сюда от людей, если бы тебе не надо было скрываться. Выбирай: либо я расскажу о тебе людям, либо все, что здесь есть, будет принадлежать нам обоим.

Тови ответил:

– Ты верно сказал. Я похитил женщину, и она живет здесь со мной. Многие искали меня.

Потом он провел Храппа к себе. Постройки у него были небольшие, но прочные. Тови сказал жене, что позволил Храппу остаться у них.

– Вряд ли этот человек принесет счастье, – сказала та. – Но пусть будет по-твоему.

И Храпп остался у них. Он много бродил и никогда не бывал дома. Он все время ходил на свиданья с Гудрун. Гудбранд и его сын Транд подстерегли его, но им никак не удавалось его поймать. Так прошел целый год.

Гудбранд велел рассказать ярлу Хакону о том, какое зло причинил ему Храпп, и ярл велел объявить Храппа вне закона и положил награду за его голову. Он обещал сам поехать и изловить его. Но не поехал, потому что ему казалось, что поймать Храппа дело нетрудное, раз тот сам так неосторожен.

LXXXVIII

Теперь надо рассказать о том, что летом сыновья Ньяля отправились с Оркнейских островов в Норвегию и были там летом на торжище. Траин, сын Сигфуса, снаряжал тогда свой корабль, чтобы плыть в Исландию, и заканчивал приготовления.

В это время ярл Хакон приехал к Гудбранду на пир. Ночью Храпп Убийца прокрался к капищу ярла и Гудбранда и вошел в него. Там он увидел сидящую Торгерд Жену Хельги^[238]. Она была ростом со взрослого мужчину. На руке к ней было большое золотое запястье, а на голове – убор из полотна. Он сорвал с нее убор и снял золотое запястье. Тут он увидел Тора на колеснице и снял с него другое золотое запястье. Третье он снял с Ирпы^[239]. Затем он вытащил всех богов из капища и снял с них все убранство. Потом поджег капище и спалил его. После этого он ушел. В это время уже начало светать.

Вот он идет по полю. Вдруг выскакивают шесть вооруженных людей и бросаются на него. Он храбро защищается. Дело кончается тем, что он убивает троих и смертельно ранит Транда, а двое убегают в лес, и поэтому не могут рассказать ярлу о том, что случилось. Затем он подошел к Транду и сказал:

– Я мог бы сейчас убить тебя, однако не сделаю этого. Я окажу тебе, моему шурина, больше чести, чем вы с отцом оказали мне.

Тут Храпп хочет вернуться обратно в лес, но видит, что между ним и лесом появились люди. Он не решается идти в лес, а ложится в кустах и затаивается.

Ярл Хакон и Гудбранд пошли в тот день рано утром в капище и увидели, что оно сожжено, а боги стоят на дворе, и все убранство с них снято. Тогда Гудбранд сказал:

– Великая сила дана нашим богам, раз они сами вышли из огня.

– Не вышли боги сами, – сказал ярл. – Это, верно, какой-то человек сжег капище и вынес богов. Но боги мстят не сразу. Человека, который сделал это, изгонят из Вальгаллы, и ему будет не вернуться туда.

В этот миг к ним подбежали четверо из людей ярла и рассказали о несчастье, которое приключилось: они нашли в поле трех человек убитыми и Транда смертельно раненным.

– Чьих рук это дело? – спросил ярл.

– Храппа Убийцы, – сказали они.

– Значит, и капище сжег он, – сказал ярл.

Они сказали, что похоже на то.

– Где бы он мог теперь быть? – спросил ярл.

Они ответили, что, по словам Транда, Храпп спрятался где-то в кустах. Ярл отправился туда на поиски, но Храппа там уже не было. Ярл велел людям искать его, но они его не нашли. Ярл сам искал вместе со всеми. Потом он сказал, что надо немного отдохнуть. Сам он отошел в сторону и запретил идти за собой. Он пробыл некоторое время один, стоя на коленях и закрыв глаза руками. Затем он вернулся к своим людям и сказал:

– Идите за мной.

Они последовали за ним. Он пошел в сторону от дороги, по которой они шли раньше, и пришел в небольшую лощину. Вдруг перед ними вскочил Храпп, который спрятался там. Ярл велел своим людям бежать за ним, но тот был так проворен, что они не смогли его догнать. Храпп пустился в Хладир.

В это время Траин, сын Сигфуса, и сыновья Няля собирались выйти в море. Храпп подбежал к сыновьям Няля и сказал:

– Спасите, добрые люди! Ярл хочет убить меня.

Хельги посмотрел на него и сказал:

– Мне кажется, что человек ты неудачливый, и лучше не брать тебя.

– Я бы хотел, – говорит Храпп, – доставить вам много бед.

– Дай срок, – говорит Хельги, – и я отомщу тебе за эти слова.

Тогда Храпп побежал к Траину, сыну Сигфуса, и попросил у него помощи.

– Что же грозит тебе? – спросил Траин.

– Я сжег капище ярла и убил несколько человек. Он скоро будет здесь, потому что он сам гонится за мной.

– Не пристало мне это, – говорит Траин. – Ярл сделал мне много добра.

Тогда Храпп показал ему сокровища, которые унес из капища, и предложил ему. Траин сказал, что возьмет их лишь за деньги. Храпп сказал:

– Я останусь здесь, пусть меня убьют на твоих глазах, и тогда все люди будут укорять тебя.

Тут они увидели, что едет ярл и его люди. Тогда Траин согласился взять Храппа, велел приготовить лодку и поплыл к кораблю. Он сказал:

– Чтобы тебе спрятаться как следует, надо выбить дно у двух бочек, а ты в них залезешь.

Так и сделали. Храпп залез в бочки, их связали вместе и бросили за борт. Тут подъехал ярл со своими людьми к сыновьям Ньяля и спросил, не было ли здесь Храппа. Они сказали, что был. Ярл спросил, куда он делся. Они сказали, что не знают. Ярл сказал:

– Тот, кто скажет мне, где Храпп, получит от меня большую награду.

Тогда Грим тихо сказал Хельги:

– Почему бы нам не сказать? Я не уверен, что Траин оплатит нам добром, если мы не скажем.

– И все же не надо говорить, – сказал Хельги. – Ведь речь идет о его жизни.

Грим сказал:

– Может статься, что ярл станет мстить нам, потому что он в таком гневе, что должен сорвать его на ком-нибудь.

– Не стоит об этом думать, – сказал Хельги. – Однако при первой возможности надо выходить в море.

Они подплыли к одному острову и стали ждать попутного ветра. Ярл ходил от одного корабельщика к другому и расспрашивал их, но те отвечали, что ничего о Храппе не знают. Тогда ярл сказал:

– Пойдемте теперь к моему другу Траину. Если он что-нибудь знает о Храппе, он его выдаст.

Они сели на боевой корабль и поплыли к кораблю Траина. Тот увидел, что подплывает ярл, встал и учтиво поздоровался с ним. Ярл приветливо ответил ему и сказал:

– Мы ищем одного исландца по имени Храпп. Он причинил нам много зла. Мы хотим попросить вас, чтобы вы выдали его нам или сказали, где он.

Траин сказал:

– Государь! Вы знаете, что я с опасностью для жизни убил человека, которого вы объявили вне закона, и получил за это от вас большие почести.

– Теперь почестей будет еще больше, – сказал ярл.

Траин задумался о том, что ярл оценит выше^[240], но все же сказал, что Храппа у него нет, и предложил ярлу обыскать корабль. Ярл искал недолго. Потом он вернулся на берег, отошел от всех и был в таком гневе, что никто не решался заговорить с ним. Ярл сказал:

– Проводите меня к сыновьям Няля, и я заставлю их сказать мне правду.

Тогда ему сказали, что они вышли в море.

– Значит, поздно, – сказал ярл. – Однако возле корабля Траина были две бочки, и в них мог прятаться человек. Если Траин спрятал Храппа, то он должен быть там. Поедем снова к нему на корабль.

Траин увидел, что ярл снова направляется к нему, и сказал:

– В прошлый раз ярл был в сильном гневе, но сейчас он разгневан вдвойне. Дело идет о жизни всех, кто здесь на корабле.

Все обещали молчать, потому что каждый из них очень боялся за себя. Они взяли из груза несколько мешков, а на их место положили Храппа. Сверху они прикрыли его другими, более легкими мешками. Только они кончили, подплыл ярл. Траин учтиво приветствовал его. Ярл не сразу ответил на его приветствие. Все увидели, что ярл в сильном гневе. Ярл сказал Траину:

– Выдай мне Храппа, потому что я точно знаю, что ты прячешь его.

– Где же я мог спрятать его, государь? – говорит Траин.

– Тебе лучше знать, – говорит ярл, – но, по-моему, в тот раз ты прятал его в бочках.

– Я не хочу, государь, чтобы вы подозревали меня во лжи. Лучше обыщите корабль.

Тогда ярл взошел на корабль, обыскал его, но ничего не нашел.

– Снимаешь ли ты с меня подозрение? – говорит Траин.

– Нет, конечно, – говорит ярл. – Но одного я не могу взять в толк: почему мы не находим его? Ведь когда я на берегу, то ясно вижу все, но когда я здесь, я ничего не вижу.

И он велел гребцам, чтобы они отвезли его на берег. Он был в таком гневе, что никто не решался с ним говорить. С ним был его сын Свейн. Он сказал:

– Странно, что ты срываешь злость на невиновных.

Ярл снова уединился. Затем он вернулся и сказал:

– Едемте опять на корабль.

Они так и сделали.

– Где они могли его прятать? – спросил Свейн.

– Это все равно, – сказал ярл, – потому что там его уже теперь нет. Возле груза лежали два мешка, и Храпп, наверное, был среди груза вместо них.

Траин сказал:

– Они снова отчаливают от берега и, наверное, направляются к нам. Вынем его из груза и положим на его место что-нибудь другое, но мешки оставим лежать как есть.

Они так и сделали. Траин продолжал:

– Спрячем Храппа в парусе, что на рее.

Они так и сделали. Тут к ним подъехал ярл. Он был в страшном гневе и сказал:

– Выдашь ты мне этого человека, Траин, или нет? Но на этот раз наказание будет строже.

Траин сказал:

– Я давно бы выдал его, если бы он был у меня. Но где же он может быть?

– Среди груза, – говорит ярл.

– Почему же вы не искали его там в прошлый раз?

– Это не пришло нам в голову, – говорит ярл.

Они опять обыскали весь корабль, но Храппа не нашли.

– Снимаете ли вы теперь с меня подозрение? – говорит Траин.

– Нет, конечно, – говорит ярл, – потому что я знаю, что ты спрятал этого человека, хотя и не могу его найти. Но пусть уж лучше ты подло поступишь по отношению ко мне, чем я по отношению к тебе.

И он отправился к берегу.

– Мне кажется, я вижу теперь, – сказал ярл, – что Траин спрятал Храппа в парусе.

В это время подул попутный ветер, и Траин вышел в море. Тогда он произнес слова, которые после этого долго помнили люди:

Стрелой мчит «Коршун»,

Не струсит Траин.

Когда ярл узнал про эти слова Траина, он сказал:

– Причиной всему не мое неразумие, а связь между их судьбами, которая и сгубит их обоих.

Траин был в пути недолго. Он приплыл в Исландию и поехал к себе домой.

Храпп поехал с Траином и прожил у него этот год, а на следующую весну Траин дал ему двор, который стал называться Храппов Двор, и Храпп стал жить там. Однако больше он жил на Каменистой Реке и всегда бывал там причиной раздора. Одни говорили, что он сошелся с Халльгерд и соблазнил ее, но другие говорили, что это не так.

Траин отдал свой корабль Мёрду Беззаботному, своему родичу. Этот Мёрд убил Одда, сына Халльдора, на востоке, в Заливе Гаути на Медведицыном Фьорде. Все родичи Траина считали его своим вождем.

Теперь надо рассказать о том, что, когда ярл Хакон упустил Траина, он сказал своему сыну Свейну:

– Возьмем четыре боевых корабля, и поплывем за сыновьями Ньяля, и убьем их, потому что они, наверное, были заодно с Траином.

– Нехорошо, – говорит Свейн, – упустить виноватого и взвалить вину на невиновных.

– Это мое дело, – говорит ярл.

И они отправились вслед за сыновьями Ньяля и нашли их у одного острова. Грим первым увидел корабли ярла и сказал Хельги:

– Сюда идут боевые корабли, и я знаю, что это ярл. Не с миром идет он сюда.

– Говорят, – сказал Хельги, – что всякий храбр, защищая свою жизнь, кто бы ни шел против него. Придется и нам защищать свои жизни.

Все попросили его предводительствовать, и они взялись за оружие. Тут подъехал ярл и крикнул им, чтобы они сдавались. Хельги ответил, что они будут защищаться до конца. Ярл пообещал пощаду каждому, кто сложит оружие, но все так любили Хельги, что предпочитали погибнуть с ним. Ярл и его люди бросились на них, но те храбро защищались, и всякий раз сыновья Ньяля оказывались там, где в них всего больше была нужда. Ярл несколько раз предлагал им сдаться, обещая пощадить, но они все время отвечали одно и то же: они ни за что не сдадутся. Тогда на них бросился Аслак с острова Лангей. Он три раза поднимался на их корабль. Тут Грим сказал:

– Очень уж ты стараешься, и пусть твои труды не пропадут даром.

И он схватил копье и метнул его Аслаку в горло, и тот скончался на месте. Вскоре Хельги убил Эгиля, знаменосца ярла. Тогда на них бросился Свейн, сын Хакона, и велел своим людям сжать их со всех сторон щитами так, чтобы они не смогли отбиваться, и тогда их схватили. Ярл хотел, чтобы их убили на месте, но Свейн сказал, что этого делать нельзя, потому что уже ночь^[241]. Тогда ярл сказал:

– Убейте их утром, а на ночь свяжите покрепче.

– Пусть будет так, – сказал Свейн, – но людей храбрее я до сих пор не встречал. Очень жаль убивать их.

Ярл сказал:

– Они убили двух самых храбрых из моих людей, и за это их надо убить.

– Тем больше им чести как воинам, – сказал Свейн. – Но пусть будет по-твоему.

Тогда их связали и заковали. Затем ярл улегся спать, и когда он заснул, Грим сказал Хельги:

– Хотел бы я выбраться отсюда.

– Надо что-нибудь придумать, – говорит Хельги.

Тут Грим видит, что около них лежит какая-то секира лезвием вверх. Грим подползает к ней и перерезает об нее тетиву, которой были связаны его руки, однако при этом сильно ранит себе руку.

Затем он освободил Хельги. После этого они перелезли через борт корабля и выбрались на берег, а ярл и его люди ничего не заметили. Они сбили с себя оковы и пошли на другую сторону острова. В это время начало светать. Они увидели корабль и узнали, что это корабль Кари, сына Сёльмунда. Они пошли к нему, и рассказали, как плохо с ними обошлись, и показали свои раны. Они сказали, что ярл и его люди, наверное, еще спят.

– Жаль, – сказал Кари, – что вам пришлось столько вытерпеть. Но что же теперь, по-вашему, надо делать?

– Напасть на ярла и убить его, – сказали они.

– Не удастся, – сказал Кари, – как вам этого ни хочется. Однако надо узнать, там ли он еще.

Они поплыли туда, но ярла там уже не было. Тогда Кари поплыл в Хладир к ярлу и передал ему дань. Ярл спросил:

– У тебя сыновья Няля?

– Конечно, – сказал Кари.

– Ты выдашь мне сыновей Няля?

– Нет, не выдам, – сказал Кари.

– Можешь поклясться, что вы с ними не хотели напасть на меня? – спросил ярл.

Тогда сын ярла Эйрик сказал:

– Не надо его просить об этом: Кари всегда был нашим другом. Если бы я был с вами, то ничего бы не случилось. Сыновей Няля никто бы не тронул, а наказание понесли бы те, кто его заслужил. Теперь же мне кажется, что пристало бы поднести сыновьям Няля богатые подарки за то, что им пришлось от нас вынести, и за их раны.

Ярл сказал:

– Это верно, но я не знаю, захотят ли они мириться.

И ярл поручил Кари спросить сыновей Няля, не хотят ли они помириться. Кари спросил Хельги, примет ли он возмещение от ярла.

– Я приму его от его сына Эйрика, но не хочу иметь никакого дела с ярлом.

Кари передал Эйрику их ответ.

– Пусть будет так, – сказал Эйрик. – Он получит возмещение от меня, если ему так больше нравится. И скажи им, что я приглашаю их к себе и что отец не сделает им ничего худого.

Они приняли приглашение, поехали к Эйрику и пробыли у него до тех пор, пока Кари не снарядился, чтобы плыть на запад. Тогда Эйрик устроил в честь Кари пир и поднес ему и сыновьям Няля подарки. После этого Кари отправился на запад, за море, к ярлу Сигурду. Тот принял их очень хорошо, и они пробыли у него всю зиму.

Весной Кари попросил сыновей Ньяля, чтобы они отправились с ним в поход. Грим сказал, что поедет с ним, если тот поплывет с ним в Исландию. Кари согласился. Тогда они отправились с ним в поход. Они воевали на юге, в Ангульсей^[242], и на всех Гебридских островах. Затем они поплыли к Сальтири^[243]. Там они сошли на берег и стали биться с местными жителями. Они захватили богатую добычу и вернулись назад к своим кораблям. Оттуда они поплыли на юг, в Уэльс, где много воевали. Затем они поплыли к острову Мэн. Там они встретили Гудрёда, конунга с острова Мэн, завязали с ним бой, победили его и убили Дунгаля, сына конунга. Они захватили там богатую добычу. Оттуда они поплыли на север, к острову Кола^[244], и встретили ярла Гилли. Он их принял хорошо, и они побыли у него некоторое время. Ярл поехал с ними на Оркнейские острова, к ярлу Сигурду. А весной ярл Сигурд отдал свою сестру Нерейд за ярла Гилли. После этого ярл Гилли вернулся на Гебридские острова.

XC

В то лето Кари и сыновья Ньяля собрались плыть в Исландию, и когда приготовления были закончены, они пошли к ярлу. Тот поднес им богатые подарки, и они расстались добрыми друзьями. И вот они вышли в море. Им выдался попутный ветер, так что они вскоре приплыли в Пески. Они раздобыли себе лошадей и поехали на Бергторов Пригород. Когда они приехали домой, все им очень обрадовались. Они перевезли домой свою добычу и вытащили корабль на зиму на берег. Ту зиму Кари пробыл у Ньяля. А весной Кари посватался к дочери Ньяля Хельге, и Грим и Хельги поддержали его. Дело кончилось тем, что она обручилась с Кари, и они уговорились о времени свадьбы. Свадьбу сыграли за полмесяца до середины лета. Тот год Кари с женой прожили у Ньяля. Затем Кари купил землю на востоке, на Проливных Островах в Болотной Долине, и завел там хозяйство. Кари с женой поручили одному человеку смотреть там за хозяйством, а сами все время жили у Ньяля.

XCI

Хозяйство Храппа было в Храпповом Дворе, но он жил все время на Каменистой Реке и всегда бывал там причиной раздора. Однако Траин покровительствовал ему.

Однажды, когда Кетиль из Леса был на Бергторовом Пригорке, случилось, что сыновья Ньяля рассказали, что им пришлось вытерпеть из-за Траина, сына Сигфуса, и сказали, что очень злы на него за это. Ньяль сказал, что было бы лучше всего, если бы Кетиль передал это

своему брату Траину. Тот обещался, и они дали Кетилю срок поговорить с Траином.

Через некоторое время они спросили Кетиля, что слышно, но тот сказал, что не стал передавать их слова Траину.

– Траину кажется, что я слишком ценю родство с вами, – сказал он.

Тогда они поняли, что дело повернулось не в их пользу, и больше об этом не говорили. Они попросили у отца совета. Они сказали, что не могут примириться с тем, чтобы все так осталось. Ньяль ответил:

– Дело это совсем непростое. Если вы их убьете, то люди сочтут, что вы убили невиновных. Мой совет вам – сделайте так, чтобы с ними поговорило об этом деле как можно больше народу. И если они станут говорить о вас дурное, то эти люди смогут быть потом свидетелями. Пусть с ними поговорит Кари, потому что человек он спокойный и рассудительный. Вражда между вами будет расти, потому что ваши враги не будут жалеть бранных слов, когда с ними будут говорить об этом другие люди, не знающие, что с вами произошло. Ведь они люди глупые. Может даже случиться, что станут говорить, будто мои сыновья не спешат отомстить за себя, но вам придется на какое-то время примириться с этим, потому что обо всем можно судить с двух сторон. Так что действуйте лишь тогда, когда вас оскорбят ваши враги и вы твердо решите им мстить. Но если бы вы с самого начала посоветовались со мной, то обо всем этом не было бы сказано ни слова и не было бы вам никакого позора. Но теперь вам придется много терпеть, и над вами будут насмехаться все больше и больше, так что вам не избавиться от позора, не взявшись за оружие. И вам долго придется тащить эту сеть, прежде чем вы вытащите рыбу.

На том разговор и кончился. Многие люди говорили об этом деле.

Однажды братья попросили Кари, чтобы он поехал на Каменистую Реку. Кари сказал, что в иное место он поехал бы охотнее, но что он все же поедет, если так советует Ньяль. После этого Кари поехал к Траину. Они поговорили о деле, но каждый из них остался при своем мнении. Кари вернулся домой, и сыновья Ньяля спросили его, как их дела. Кари сказал, что не станет передавать слов Траина.

– Да вы, наверное, и сами их услышите, он таиться не станет, – сказал он.

У Траина на дворе было пятнадцать человек, которые могли биться, и восемь из них повсюду ездили с ним. Траин очень любил красивые и богатые вещи и всегда разъезжал в синем плаще и золоченом шлеме, с копьем, которое ему подарил ярл, красивым щитом и мечом у пояса. С ним всегда ездили Гуннар, сын Ламби, Ламби, сын Сигурда, и Грани, сын Гуннара с Конца Склона. Храпп Убийца был всегда рядом с ним. Одного из людей Траина звали Лодином, он тоже всегда ездил с Траином. Брата Лодина звали Бьёрви, и тот тоже всегда ездил с Траином. Особенно плохо о сыновьях Ньяля говорили Храпп Убийца и

Грани, и они были виноваты больше всех в том, что сыновьям Ньяля не было предложено возмещение.

Сыновья Ньяля часто говорили с Кари о том, чтобы он поехал с ними, и, наконец, он сказал, что было бы хорошо услышать ответ Траина. Тогда они собрались, четверо сыновей Ньяля и Кари – пятый, и поехали на Каменистую Реку. Там у дома было широкое крыльцо, на котором могло стоять много народу. На крыльце стояла какая-то женщина. Она увидела подъезжающих и сказала Траину. Он велел своим людям взять оружие и выйти на крыльцо. Те так и сделали. Траин стоял посредине. По обе стороны от него стояли Храпп Убийца и Грани, сын Гуннара, затем Гуннар, сын Ламби, потом Лодин и Тьёрви, потом Ламби, сын Сигурда, а потом остальные, друг возле друга, потому что все были дома. Скарпхедин и его спутники подъехали к дому. Он ехал первым, за ним Кари, потом Хёскульд, потом Грим, потом Хельги. Когда они подъехали к дому, никто из тех, кто стоял там, не поздоровался с ними. Скарпхедин сказал:

– Видно, все мы желанные гости.

Халльгерд стояла на крыльце и вполголоса разговаривала с Храппом. Она сказала:

– Ни для кого из нас, кто стоит здесь, вы не желанные гости.

Скарпхедин сказал:

– Кому дело до твоих слов. Ведь ты не то приживалка, не то шлюха.

– Ты заплатишься за эти слова прежде, чем соберешься обратно, – сказала Халльгерд.

Хельги сказал:

– Я приехал к тебе, Траин, спросить, дашь ли ты мне возмещение за то, что мне пришлось вынести из-за тебя в Норвегии?

Траин сказал:

– Вот уже никогда не думал, что вы свою храбрость будете в деньги обращать. Долго вы еще собираетесь клянчить у меня?

– Многие говорят, – сказал Хельги, – что ты должен предложить возмещение, раз дело шло о твоей жизни.

Тогда Храпп сказал:

– Таково уже счастье. Каждому досталось по заслугам – вам испытания, а мы ускользнули.

– Невелико счастье нарушить верность ярлу, – сказал Хельги, – и в награду заполучить тебя.

– Не хочешь ли попросить возмещения у меня? – спросил Храпп. – Я бы уж заплатил тебе по-своему!

– Если нам придется иметь дело с тобой, – сказал Хельги, – тебе несдобровать.

Скарпхедин сказал:

– Хватит браниться с Храппом! Лучше мы ему шкуру в красный цвет окрасим.

Храпп сказал:

– Помолчи, Скарпхедин! Я-то уж не пожалею своей секиры, чтобы раскроить тебе голову.

– Еще посмотрим, – сказал Скарпхедин, – кто из нас чей труп забросает камнями.

– Убирайтесь домой, навознобородые, – сказала Халльгерд. – Мы теперь всегда будем называть вас так, а вашего отца – безбородым.

Пока они собирались домой, все, кто был там, обозвали их так, кроме Траина, он останавливал других. Сыновья Ньяля и Кари поехали домой. Приехав домой, они рассказали обо всем отцу.

– Призвали вы кого-нибудь в свидетели этих слов? – спросил Ньяль.

– Нет, – ответил Скарпхедин, – мы не судиться с ними собираемся, а биться.

– Теперь уж никто не поверит, – сказала Бергтора, – что у вас хватит мужества взяться за оружие.

– Не старайся, хозяйка, – сказал Кари, – подбивать своих сыновей. У них храбрости и так хватает.

После этого отец, сыновья и Кари долго разговаривали вполголоса между собой.

XCII

Люди много говорили об этой ссоре. Все считали, что этим дело не кончится.

Рунольв, сын Ульва Аургоди из Долины, был близким другом Траина. Он пригласил к себе Траина, и было условлено, что тот поедет на восток, в Долину, через три недели или месяц после начала зимы. С Траином поехали Храпп Убийца, Грани, сын Гуннара, Гуннар, сын Ламби, Ламби, сын Сигурда, Лодин и Тьёрви. Их было восемь человек. С ними должны были ехать также Торгерд и Халльгерд. Траин объявил, что собирается погостить в Лесу у своего брата Кетилья, и сказал, сколько ночей его не будет дома. Все они поехали в полном вооружении. Когда они переправились через Лесную Реку на восток, им повстречались нищенки, которые попросили перевезти их через реку на запад. Они так и сделали. Потом они поехали в Долину, и там их хорошо приняли. Кетиль из Леса уже приехал туда. Они пробыли там три ночи.

Рунольв и Кетиль просили Траина, чтобы тот помирился с сыновьями Ньяля. Но он сердито ответил, что никогда им ничего не заплатит, и сказал, что они его не застанут врасплох, где бы он с ними ни встретился.

– Может, и так, – сказал Рунольв, – но мне думается, что с тех пор, как умер Гуннар с Конца Склона, нет им равных. И очень может быть, что для кого-нибудь из вас это кончится плохо.

Траин сказал, что не боится этого.

После этого он поехал в Лес и пробыл там две ночи. Затем он поехал в Долину. И там и тут он получил на прощанье хорошие подарки. Лесная Река в ту пору не была покрыта льдом целиком: лед был только у берегов, а посередине реки только местами были ледовые мостики. Траин сказал, что собирается вечером отправляться домой. Рунольв ответил, что ему лучше бы остаться и что было бы осммотрительнее не ехать домой в день, который он сам называл. Траин ответил:

– Это было бы трусостью. Я на это не пойду.

Нищенки, которых они перевезли через реку, пришли на Бергторов Пригород, и Бергтора спросила их, откуда они, и они сказали ей, что они с востока, из-под Островных Гор.

– Кто перевез вас через Лесную Реку? – спросила Бергтора.

– Очень важные люди, – сказали они.

– Кто же эти люди? – спросила Бергтора.

– Траин, сын Сигфуса, – сказали они, – и его дружина. Однако нам очень не понравилось, что они так много и дурно говорили о твоём муже и его сыновьях.

Бергтора сказала:

– Собака лает – ветер носит.

И Бергтора дала им подарки и спросила, когда Траин вернется домой. Они сказали, что он уехал из дому на четыре или пять ночей. Потом они уехали. Затем Бергтора рассказала все своим сыновьям и своему зятю Кари, и они долго вели между собой тайную беседу.

В то самое утро, когда Траин ехал с востока домой, Ньяль проснулся рано и услышал, что секира Скарпхедаина звякнула о стену. Ньяль встал, вышел во двор и увидел, что все его сыновья и зять его Кари вооружены. Впереди шел Скарпхедин. На нем была синяя одежда. В руках у него был небольшой круглый щит, а на плече – секира. За ним шел Кари. Он был в шелковой одежде. На голове у него был золоченый шлем, а в руках – щит, на котором был нарисован лев. За ним шел Хельги. Он был в красной одежде. На голове у него был шлем, а в руках – красный щит, на котором был нарисован олень. Все были в крашенных одеждах.

Ньяль крикнул Скарпхедину:

– Ты куда собрался, сынок?

– Искать овец, – сказал тот.

– Ты уже раз ответил мне так, – сказал Ньяль, – но охотились вы тогда на людей.

Скарпхедин рассмеялся и сказал:

– Слышите, что наш старик говорит? Он что-то заподозрил.

– Когда ты говорил такое раньше? – спросил Кари.

– Когда убил Сигмунда Белого, родича Гуннара, – сказал Скарпхедин.

– За что? – спросил Кари.

– Он убил моего воспитателя Торда Вольноотпущенникова Сына, – сказал Скарпхедин.

Ньяль вошел в дом, а они поехали на Красные Оползни и стали там ждать. Оттуда они могли увидеть, когда те поедут из Долины. День выдался солнечный и ясный.

Вот Траин со своими людьми едет по песчаному берегу из Долины. Ламби, сын Сигурда, говорит:

– У Красных Оползней на солнце сверкают щиты. Наверное, там засада.

– Повернем вниз к реке, – говорит Траин, – тогда они направятся нам навстречу, если у них есть к нам дело.

И они повернули вниз к реке. Скарпхедин сказал:

– Раз они свернули с пути, значит увидели нас. Нам теперь остается только бежать вниз, им наперерез.

Кари сказал:

– Многие на нашем месте остались бы в засаде, а не пошли бы им навстречу: ведь их восемь, а нас пятеро.

Они побежали вниз к реке и увидели ниже себя ледовый мост. Они решили переправиться по нему. Траин и его люди остановились перед этим мостом на льду. Траин сказал:

– Что этим людям нужно? Их пятеро, а нас – восемь.

Ламби, сын Сигурда, сказал:

– Я думаю, что они не побоялись бы напасть на нас, даже если бы нас было девять.

Траин сбросил с себя плащ и снял шлем.

У Скарпхедина, когда они бежали к реке, лопнул ремень на обуви, и он остановился.

– Ты что там мешкаешь, Скарпхедин? – спросил Грим.

– Ремень завязываю, – сказал тот.

– Бежим вперед, – сказал Кари, – он нас догонит.

И они быстро побежали к ледовому мосту. Завязав ремень, Скарпхедин вскочил и поднял секиру. Он побежал прямо к реке, но она была такой глубокой, что ее нигде было не перейти. Лед у другого берега был толстый и гладкий, как стекло, и Траин со своими людьми стоял посредине льдины. Скарпхедин перепрыгнул через незамерзшую реку и покатился на ногах по льду. Лед был очень гладкий, так что он мчался, как птица. Траин только собрался надеть шлем. Но Скарпхедин подоспел раньше, ударил его по голове секирой, которая называлась Великанша Битвы, и разрубил ему голову до зубов, так что они упали на лед. Все это произошло так быстро, что никто его не тронул, и он стремглав покатился дальше. Тьёрви кинул ему под ноги щит, но он перепрыгнул через него, устоял на ногах и докатился до берега.

Тут к нему подбежал Кари и остальные.

– Молодец! – говорит Кари.

– Теперь ваш черед, – говорит Скарпхедин.

Тогда они кинулись на врагов. Грим и Хельги высмотрели Храппа и сразу же бросились на него. Храпп хотел было ударить Грима секирой, но Хельги увидел это и ударил Храппа по руке так, что отсек ее, и секира упала. Храпп сказал:

– Полезное ты сделал дело, потому что многим людям эта рука принесла вред и смерть.

– Теперь тебе настал конец, – сказал Грим и пронзил его копьем. Храпп упал и испустил дух.

Тьёрви пошел на Кари и метнул в него копье, но Кари подпрыгнул, и копье пролетело у него под ногами. Тогда Кари кинулся на Тьёрви и ударил его мечом в грудь, так что меч глубоко вошел в тело, и тому сразу же пришел конец. Тогда Скарпхедин схватил Гуннара, сына Ламби, и Грани, сына Гуннара, и сказал:

– Я поймал двух щенков! Что с ними делать?

– Делай, что хочешь, – говорит Хельги, – можешь убить их обоих, если есть желание.

– Что-то не хочется мне, – говорит Скарпхедин, – и помогать Хёгни, и убивать его брата.

– Настанет час, – говорит Хельги, – когда ты пожалеешь, что не убил его, потому что он никогда не будет тебе верен, как и остальные, что сейчас здесь.

Скарпхедин говорит:

– Не боюсь я их.

И они оставили в живых Грани, сына Гуннара, Гуннара, сына Ламби, Ламби, сына Сигурда, и Лодина.

Потом они поехали домой, и Ньяль спросил их, что произошло. Они все подробно рассказали ему. Ньяль сказал:

– Большое это событие. Но очень может быть, что из-за него погибнет один из моих сыновей, а то и несколько.

Гуннар, сын Ламби, перевез тело Траина на Каменистую Реку и там его похоронили.

XCIII

Кетиль из Леса был женат на дочери Ньяля Торгерд и был братом Траина. Он оказался в трудном положении и поехал к Ньялю. Он спросил Ньяля, собирается ли тот платить виру за убийство Траина. Ньяль ответил:

– Я хочу заплатить так, чтобы все были довольны. И мне хотелось бы, чтобы ты уговорил своих братьев, которые имеют право на виру, принять ее.

Кетиль сказал, что охотно сделает это, и поехал сначала домой. Вскоре после этого он пригласил всех своих братьев в Конец Склона. Там он начал их уговаривать, и Хёгни помогал ему в этом. Дело кончилось тем, что были выбраны судьи и назначено место встречи. За убийство Траина была положена вира, и все получили деньги, как им полагалось по закону. Затем обе стороны обещали соблюдать мир и

подтвердили это клятвами. Няль щедро заплатил виру. Некоторое время все было спокойно.

Однажды Няль поехал в Лес, и они проговорили с Кетилем целый день. Вечером Няль вернулся домой, и никто не узнал, о чем они разговаривали. Затем Кетиль поехал на Каменистую Реку и сказал Торгерд:

– Я очень любил брата моего Траина и хочу доказать это: я предлагаю взять на воспитание Хёскульда, сына Траина.

– Я согласна, – сказала она, – если только ты сделаешь все, что сможешь, для этого мальчика, когда он вырастет. Ты отомстишь за него, если его убьют. Ты дашь ему денег на вено, когда он будет жениться. Поклянись в этом.

Он согласился. И вот Хёскульд переехал к Кетилю и некоторое время жил у него.

XCIV

Однажды Няль поехал в Лес. Его приняли хорошо, и он заночевал там. Вечером Няль позвал к себе мальчика Хёскульда, и тот сразу пошел к нему. У Няля на пальце был золотой перстень, и он показал его мальчику. Тот взял перстень, посмотрел на него и надел себе на палец. Няль спросил:

– Хочешь, я подарю тебе этот перстень?

– Хочу, – говорит мальчик.

– Знаешь ли ты, – говорит Няль, – кто убил твоего отца?

Мальчик отвечает:

– Я знаю, что его убил Скарпхедин, но незачем нам об этом вспоминать, ведь был заключен мир и сполна заплачена вира.

– Твой ответ, – говорит Няль, – лучше моего вопроса. Ты станешь хорошим человеком.

– Я рад твоему предсказанию, – говорит Хёскульд, – я ведь знаю, что ты видишь будущее и никогда не обманываешь.

Няль говорит:

– Я хочу предложить тебе: давай я возьму тебя на воспитание.

Хёскульд сказал, что примет от Няля все, что тот ему предложит.

Дело кончилось тем, что Хёскульд переехал к Нялю, своему новому приемному отцу. Няль заботился о том, чтобы с мальчиком не случилось ничего худого, и очень его любил. Сыновья Няля всегда водили его за руку и старались доставить ему радость.

Пришло время, и Хёскульд вырос. Он был высок ростом и силен, очень хорош собой, и у него были красивые волосы. Он был приветлив, щедр, сдержан, прекрасно владел оружием, всегда хорошо говорил о людях, и все его очень любили. Сыновья Няля и Хёскульд никогда не расставались.

XCV

Жил человек по имени Флоси. Его отцом был Торд Годи Фрейра, сын Эцура, внук Асбьёрна, правнук Бьёрна Бычья Кость. Матерью Флоси была Ингунн, дочь Торира с Осинового Холма, внучка Хамунда Адская Кожа, правнучка Хьёра, праправнучка Хальва, который предводительствовал своими витязями, прапраправнучка Хьёрлейва Женолюба. Матерью Торира была Игнуин, дочь Хельги Тощего, который занял землю на Островном Фьорде. Флоси был женат на Стейнвёр, дочери Халля с Побережья. Она была рождена вне брака. Ее матерью была Сёльвёр, дочь Херьольва Белого.

Флоси жил на Свиной Горе и был очень знатным человеком. Он был высок ростом, силен и честолюбив. Его брата звали Старкад. Он был сводным братом Флоси. Матерью Старкада была Траслауг, дочь Торстейна Воробья и внучка Гейрлейва, а матерью Траслауг была Унн, дочь Эйвинда Окуня, первопоселенца, и сестра Модольва Мудрого. У Флоси были братья Торгейр, Стейн, Кольбейн и Эгиль. Дочь Старкада, брата Флоси, звали Хильдигунн. Она была очень красива собой, и работа у нее спорилась. Она была такой искусницей в рукоделии, что мало кто из женщин мог сравниться с ней. Она была крута нравом и, когда нужно, очень храбра.

XCVI

Жил человек по имени Халль, а по прозвищу Халль с Побережья. Он был сыном Торстейна и внуком Бёдвара. Мать Халля Тордис была дочерью Эцура, внучкой Хродлауга, правнучкой ярла Рёгнвальда из Мёри, праправнучкой Эйстейна Гремущки. Халль был женат на Йорейд, дочери Тидранди Мудрого, внучке Кетиля Грома, правнучке Торира Глухаря из Верадаля. Братьями Йорейд были Кетиль Гром из Залива Ньёрда и Торвальд, отец Хельги, одного из сыновей Дроплауг. Сестру Йорейд звали Халлькатла, она была матерью Торкеля, сына Гейтира, и Тидранди. У Халля был брат Торстейн по прозвищу Пузатый. Он был отцом Коля, которого потом Кари убил в Уэльсе. Сыновьями Халля с Побережья были Торстейн, Эгиль, Торвард, Льот и Тидранди, про которого рассказывают, что его погубили дисы^[245].

Жил человек по имени Торир, а по прозвищу Торир из Хольта. Его сыновьями были Торгейр Ущельный Гейр, Торлейв Ворон и Торgrim Большой.

XCVII

Теперь надо рассказать о том, что Няль сказал однажды Хёскульду:

– Хотелось бы мне женить тебя, сынок.

Тот сказал, что это ему по душе, попросил Няля взяться за сватовство и спросил, где он думает искать ему невесту. Няль ответил:

– У Старкада, сына Торда Годи Фрейра, есть дочь Хильдигунн. Это лучшая из всех невест, которых я знаю.

Хёскульд сказал:

– Решай, отец. Я поступлю так, как ты хочешь.

– На ней мы и остановимся, – сказал Няль.

Вскоре после этого Няль пригласил поехать с ним сыновей Сигфуса, всех своих сыновей и Кари, сына Сёльмунда. Они поехали на восток, на Свиную Гору, и там их хорошо приняли. На следующий день Няль и Флоси начали разговор. Они поговорили о том и о сем, а потом Няль сказал:

– Привело меня сюда одно дело: мы приехали сватать твою племянницу Хильдигунн.

– Кому? – спросил Флоси.

– Хёскульду, сыну Траина, моему воспитаннику, – сказал Няль.

– Хорошая мысль, – сказал Флоси, – хотя и велика опасность, что между вашим и его родом разгорится вражда. А что ты можешь сказать о Хёскульде?

– О нем я могу сказать только хорошее, – сказал Няль. – А еще я дам столько денег, сколько вы сочтете нужным, если примете наше сватовство.

– Позовем ее, – предложил Флоси, – и узнаем, нравится ли ей жених.

Ее позвали, и она пришла. Флоси сказал ей, что к ней сватаются. Она сказала, что у нее большие помыслы, и прибавила:

– Я не знаю, как мне быть, ведь мне придется иметь дело с такими важными людьми, а у этого человека нет годорда. А ты мне говорил, что ты не выдашь меня замуж за человека без годорда.

– Достаточно и того, – сказал Флоси, – что ты не хочешь выходить за него замуж. Тогда я не буду пускаться с ними в разговоры и откажу им.

– Я не говорю, – сказал она, – что не выйду замуж за Хёскульда, если ему добудут годорд. Но иначе я не соглашусь.

Няль сказал:

– Тогда я прошу, чтобы мне дали три года сроку.

Флоси согласился:

– Я ставлю еще одно условие, – сказала Хильдигунн. – Если брак состоится, то мы будем жить здесь, на востоке.

Няль сказал, что пусть это решает Хёскульд. А Хёскульд сказал, что он верит многим, но никому он не верит так, как своему воспитателю. И они поехали домой, на запад.

Ньяль начал искать для Хёскульда годорд, но никто не хотел отдавать свой. Наступает лето, а затем и время альтинга. В это лето на тинге было много распрей. Многие по привычке ездили к Ньялю, но он давал такие советы, от которых нечего было ждать толку, и все иски и защиты оказались неправильными. И пошли большие раздоры оттого, что тяжбы не были решены, и люди разъехались с тинга по домам, не помирившись.

Приходит время следующего тинга. Ньяль поехал на тинг, и сначала тинг шел спокойно, пока Ньяль не сказал, что пора объявить о своих делах. Многие сказали, что от этого будет мало толку, потому что никто не может добиться решения своего дела, хотя ответчики и вызваны на тинг.

– Лучше мы попытаемся, – сказали они, – решить наши тяжбы копьем и мечом.

– Так нельзя, – сказал Ньяль. – Ничего хорошего не получится, если в стране не будут соблюдаться законы. Но вы правы в своих жалобах, и это дело наше, людей, которые знают законы и исправляют их, и следует найти выход. По-моему, было бы хорошо нам, знатым людям, собраться и поговорить.

И они пошли в судилище. Ньяль сказал:

– Я обращаюсь к тебе, Скафти, сын Тородда, и к другим знатым людям! Мне думается, что сложилось безвыходное положение, когда дело разбирается в суде четверти и запутывается так, что его невозможно ни кончить, ни продолжать разбирать дальше. По-моему, было бы хорошо, если бы у нас был пятый суд^[246], где бы разбирались дела, которые не смог решить суд четверти.

– Кого ж ты предложишь, – спросил Скафти, – в этот пятый суд? Ведь из прежних годордов образуются суды четвертей, по три дюжины судей в каждой четверти.

– По-моему, хорошим выходом было бы учредить новые годорды: из каждой четверти выбрать людей, которые больше всего подходят для того, чтобы быть годи, и позволить всем, кто хочет, войти к ним в годорд.

– Нам этот совет нравится, – говорит Скафти, – но какие же дела должны разбираться в этом суде?

– Здесь должны разбираться дела, – отвечает Ньяль, – о всяких непорядках на тинге, дела о лжесвидетельствах и неверных показаниях. Кроме того, здесь будут разбираться те нерешенные дела, по которым судьи в судах четвертей не смогли прийти к согласию. Все они будут направляться в пятый суд. Пятый суд станет также разбирать дела о тех, кто давал или брал взятки. На этом суде должны будут даваться самые сильные клятвы, и каждую клятву должны будут подкреплять двое, которые будут своею честью отвечать за верность клятвы. Также, если одна сторона ведет дело правильно, а другая неправильно, то дело должно решаться в пользу тех, кто действует

правильно. Дела должны разбираться здесь, как и в судах четвертей, с той только разницей, что когда назначены четыре дюжины судей в пятый суд, то истец должен отвести из числа судей шестерых, а ответчик – еще шестерых. Если же ответчик не пожелает никого отвести, то истец должен отвести всю дюжину. Если же истец этого не сделает, то весь суд будет неправильным, потому что судить должны три дюжины судей.

После этого Скафти, сын Тородда, ввел закон о пятом суде и все остальное, что было сказано. Потом люди пошли к Скале Закона. Были учреждены новые годорды. Вот какие новые годорды были учреждены в северной четверти: годорд людей с Песков на Среднем Фьорде и годорд людей с Лиственного Кряжа на Островном Фьорде.

Тогда Ньяль попросил внимания и сказал:

– Многим известно, что произошло между моими сыновьями и людьми с Каменистой Реки. Люди знают, что мои сыновья убили Траина, сына Сигфуса. Но мы все же помирились, и я взял на воспитание Хёскульда. Я посватал его, а чтобы жениться, ему надо быть годи. Но никто не хочет отдавать свой годорд. Я хочу попросить вас, чтобы вы разрешили мне учредить новый годорд на Белом Мысу для Хёскульда.

Все согласились на это. После этого он учредил новый годорд для Хёскульда, и с тех пор того стали называть Хёскульд, годи Белого Мыса.

Затем люди стали разъезжаться с тинга по домам.

Ньяль пробыл дома недолго и вскоре вместе с сыновьями поехал на восток, на Свиную Гору. Он попросил Флоси отдать племянницу, и тот сказал, что сдержит свое обещание. Хильдигунн посватала за Хёскульда и договорились о свадьбе. На этом дело было кончено, и они поехали домой.

Потом они снова поехали, на этот раз на свадьбу. После празднества Флоси выделил Хильдигунн ее долю и выдал ей все сполна.

Хёскульд с Хильдигунн поехали на Бергторов Пригорок и пробыли там год. Хильдигунн и Бергтора ладили хорошо. А следующей весной Ньяль купил землю в Оссабёре и дал ее Хёскульду. Хёскульд переехал туда, и Ньяль набрал ему людей.

Они все жили так дружно, что никто из них ничего не решал, не посоветовавшись с другими. Хёскульд прожил долго в Оссабёре. Они заботились о чести друг друга, и сыновья Ньяля всегда ездили с ним. Их дружба была такой тесной, что каждую осень они приглашали друг друга к себе в гости и подносили друг другу богатые подарки.

Так прошло немало времени.

Жил человек по имени Лютинг. Его двор назывался Самов Двор. Он был женат на Стейнвёер, дочери Сигфуса, сестре Траина, Лютинг был высок ростом, силен, богат и крут нравом.

Однажды случилось, что у Лютинга на Самовом Дворе были гости: он пригласил к себе Хёскульда и сыновей Сигфуса, и они все приехали. Еще там были Грани, сын Гуннара, Гуннар, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда.

У Хёскульда, сына Ньяля, и его матери был двор Холм, и он всегда ездил туда с Бергторова Пригорка через Самов Двор. У Хёскульда был сын по имени Амунди. Он родился слепым, но был высок ростом и силен. У Лютинга было два брата. Одного звали Халльстейн, другого – Халльгрим. Они всегда и везде затевали ссоры и постоянно жили у своего брата, потому что никто больше не мог с ними ладить.

Однажды Лютинг был на дворе, но время от времени заходил в дом. Только он вошел в дом, как следом со двора вошла женщина. Она сказала:

– Жаль, что вы не видели, как сейчас через двор проехала одна важная птица.

– О какой это важной птице, – спросил Лютинг, – ты говоришь?

– Хёскульд, сын Ньяля, проехал через двор, – сказала она.

Лютинг сказал:

– Он часто проезжает через наш двор, и мне это не очень нравится. Поезжай-ка, Хёскульд, со мной, если хочешь отомстить за своего отца и убить Хёскульда, сына Ньяля.

– Не хочу я этого, – сказал Хёскульд, годи Белого Мыса, – я отплатил бы тогда Ньялю, моему воспитателю, черной неблагодарностью. Пусть твое приглашение принесет тебе несчастье!

Он выскочил из-за стола, велел подвести своих лошадей и поехал домой.

Тогда Лютинг сказал Грани, сыну Гуннара:

– Ты был при том, как убили Траина, и помнишь убийство, и ты также, Гуннар, сын Ламби, и ты, Ламби, сын Сигурда. Я предлагаю, чтобы мы сегодня же вечером напали на него и убили.

– Нет, – сказал Грани, – я не пойду против сыновей Ньяля и не нарушу договора, который был заключен при посредничестве достойных людей.

То же самое сказали и сыновья Сигфуса, и все другие, и они решили уехать. Когда они уехали, Лютинг сказал:

– Все знают, что я не получил никакой виры за своего шурина Траина. И я не примирюсь с тем, что он не отомщен.

Он велел обоим своим братьям и трем работникам поехать с ним. Они пустились по дороге, по которой должен был ехать Хёскульд, и стали поджидать его в засаде, к северу от двора, в одной лощине. Они ждали до вечера. Наконец Хёскульд подъехал к ним. Они выскочили с оружием в руках и набросились на него. Хёскульд защищался так

смело, что им никак было не одолеть его. Он ранил Лютинга в руку и убил двоих из его людей, но в конце концов его убили. Они нанесли Хёскульду шестнадцать ран, но голову ему не отрубили. Затем они поехали в леса, к востоку от Кривой Реки, и спрятались там.

В этот же вечер пастух Хродню нашел Хёскульда мертвым, поехал домой и сказал Хродню об убийстве ее сына. Она сказала:

– Не может быть, что его нет в живых. Разве голова отрублена?

– Нет, – сказал он.

– Поверю лишь, если сама увижу, – сказала она, – приведи мою лошадь и повозку.

Он так и сделал и собрал все, что было нужно в дорогу, и затем они поехали туда, где лежал Хёскульд. Она осмотрела его раны и сказала:

– Я так и думала: он еще жив, а Няль может лечить раны и потяжелее этих.

Они взяли тело, положили его на повозку и поехали к Бергторову Пригорку. Там они внесли Хёскульда в овчарню и посадили, прислонив к стене. Затем оба пошли к дому и постучали в дверь. На стук вышел работник, и Хродню прошла мимо него прямо в каморку, где спал Няль. Она спросила, не спит ли он. Он сказал, что спал, но сейчас проснулся, и спросил:

– Зачем ты пришла так рано?

Хродню сказала:

– Вставай с постели, оставь мою соперницу и выйди на двор. Пусть выйдет и она, и твои сыновья.

Они встали и вышли из дома. Скарпхедин сказал:

– Возьмем с собой оружие.

Няль ничего на это не сказал, и они вернулись в дом и вышли с оружием. Хродню шла впереди и привела их к овчарне. Она вошла внутрь и попросила их пройти за ней. Она подняла светильник и сказала:

– Вот твой сын Хёскульд, Няль! Он весь изранен, и ему нужна помощь.

Няль сказал:

– Признаки смерти вижу я на его лице, а не признаки жизни. Почему ты не закрыла ему ноздри?

– Я хотела, чтобы это сделал Скарпхедин^[247], – сказала она.

Скарпхедин подошел к Хёскульду и закрыл ему ноздри. Затем он спросил отца:

– Кто, по-твоему, убил его?

Няль ответил:

– Наверное, его убили Лютинг из Самова Двора и его братья.

Хродню сказала:

– Я поручаю тебе, Скарпхедин, отомстить за брата, и я жду, что хотя он и не рожден в браке, ты поступишь как должно и отдашь этому все силы.

Бергтора сказала:

– Странные вы люди! Убиваете людей, когда у вас на то нет причин, а сейчас будете жевать жвачку, пока дело так ничем и не кончится: ведь эта весть сейчас же дойдет до Хёскульда, годи Белого Мыса, он предложит вам виру и помириться, и вам придется согласиться. Если вы вообще хотите действовать, то действуйте сейчас же.

Скарпхедин сказал:

– Вот и мать подстрекает нас законным подстрекательством^[248].

И они выбежали из овчарни. Хродню пошла домой с Ньялем и осталась там на ночь.

XCIX

Теперь надо рассказать о Скарпхедине и его братьях. Они направились к Кривой Реке. Скарпхедин сказал:

– Постоим и послушаем.

Затем он сказал:

– Тише! Я слышу там, у реки, голоса. Кого вы берете на себя – Лютинга или двух его братьев?

Они сказали, что предпочитают взять на себя одного Лютинга.

– Для нас он всего важнее, – сказал Скарпхедин. – Плохо будет, если он уйдет от нас. И думаю, он, скорее всего, не уйдет, если я возьму его на себя.

– Когда подберемся к нему поближе, постараемся прицелиться так, чтобы ему не уйти от нас, – сказал Хельги.

Затем они пошли туда, где Скарпхедин слышал человеческие голоса, и увидели, что у ручья стоят Лютинг и его братья. Скарпхедин перепрыгивает на другой берег, покрытый галькой. Там стоит Халльгрим с братьями. Скарпхедин ударяет мечом Халльгрима по бедру так, что сразу же отсекает ногу, а другой рукой хватает Халлькеля. Лютинг хочет ударить Скарпхедина копьем, но тут подоспел Хельги и поставил щит, и копье застряло в нем. Лютинг поднял камень и кинул его в Скарпхедина, так что тот отпустил Халлькеля. Халлькель хочет взбежать на склон, покрытый галькой, но при этом падает на колени. Скарпхедин кидает в него секиру и разрубает ему спину. Лютинг пускается наутек, но Грим и Хельги бросаются следом и оба наносят ему раны. Лютинг кидается от них в реку, добирается до своих лошадей и скачет в Оссабёр.

Хёскульд был дома и сразу же вышел к нему. Лютинг рассказал ему, что случилось.

– От тебя можно было этого ожидать, – говорит Хёскульд. – Безрассудный ты совершил поступок. Правильно говорится, что недолго радуется рука удару. Не знаю, уцелеешь ли ты.

– Верно, – говорит Лютинг, – я едва спасся, я все же хочу, чтобы ты помирил меня с Нялем и его сыновьями и чтобы я сохранил свое добро.
– Пусть будет по-твоему, – говорит Хёскульд.

Затем Хёскульд велел оседлать своего коня и поехал на Бергторов Пригорок с пятью спутниками. Сыновья Няля уже вернулись и легли спать. Хёскульд разыскал Няля, и они начали разговор. Хёскульд сказал Нялю:

– Я приехал сюда просить за моего родича Лютинга. Он совершил тяжкое преступление против вас: нарушил мир и убил твоего сына.

Няль сказал:

– По-моему, Лютинг уже поплатился за это смертью своих братьев. Если я и веду разговоры о мире, то только из дружбы к тебе. И ставлю условием мира, чтобы за убийство братьев Лютинга вира не платилась. Лютинг не получит также виры за свои раны, но заплатит полную виру за Хёскульда.

Хёскульд сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты один рассудил это дело.

Няль ответил:

– Будь по-твоему.

– Может, ты хочешь, чтобы при этом были твои сыновья? – спросил Хёскульд.

Няль ответил:

– Это нас к миру не приблизит. Но мир, который я заключу, они будут соблюдать.

Тогда Хёскульд сказал:

– Так и порешим, а ты обещай Лютингу, что твои сыновья не будут мстить ему.

– Хорошо, – сказал Няль. – Я хочу, чтобы он заплатил две сотни серебра за убийство Хёскульда. Жить он может оставаться на Самовом Дворе, но я думаю, что ему было бы лучше продать свою землю и уехать. Ни я, ни мои сыновья мира не нарушим, но может статься, что найдется в этих местах кто-нибудь другой, кого ему следует остерегаться. Если же тебе кажется, будто я изгоняю его из этих мест, то пусть он остается здесь, но тогда ему грозит большая опасность.

Хёскульд уехал домой. Сыновья Няля проснулись и спросили отца, кто это приезжал, а он ответил им, что это был Хёскульд, его воспитанник.

– Он, верно, просил за Лютинга, – сказал Скарпхедин.

– Да, – сказал Няль.

– Это плохо, – сказал Грим.

– Хёскульд не просил бы за него, – сказал Няль, – если б ты его убил, как собирался.

– Не будем упрекать отца, – сказал Скарпхедин.

Теперь надо сказать о том, что этот мир между ними не был нарушен.

В Норвегии произошла смена правителей: ярла Хакона не стало, и его место занял Олав, сын Трюггви. А конец ярлу Хакону пришел оттого, что раб Карк перерезал ему горло в Римуле, в Гаулардале.

В то же время пришла весть о том, что в Норвегии сменилась вера. Народ оставил старую веру, и конунг крестил западные страны – Шетландские, Оркнейские и Фарерские острова.

Многие говорили в присутствии Ньяля, что оставить старую веру – это большое святотатство. Ньяль сказал тогда:

– Мне представляется, что новая вера гораздо лучше, и благо тому, кто обратится к ней. И если люди, которые учат этой вере, приедут сюда, то я горячо поддержу их.

Он часто ходил один, сторонясь людей, и что-то бормотал про себя.

В ту же самую осень на востоке страны, в том месте Медведицына Фьорда, что зовется Заливом Гаути, пристал корабль. Хозяина корабля звали Тангбрандом. Он был сыном графа Вильбальдуса из Саксонии. Тангбранд был послан в Исландию конунгом Олавом, сыном Трюггви, чтобы проповедовать новую веру. Его сопровождал исландец по имени Гудлейв. Он был сыном Ари, внуком Мара, правнуком Атли, праправнуком Ульва Косого. А Ульв Косой был сыном Хёгни Белого, внуком Отрюгга, правнуком Облауда, праправнуком Хьёрлейва Женолюба, конунга Хёрдаланда. Гудлейв убил на своем веку немало народу, был бесстрашен и решителен.

На Медведицыном Мысу жили два брата. Одного из них звали Торлейвом, а другого Кетилем. Их отцом был Хольмстейн, сын Эцура из Широкой Долины. Они созвали народ и запретили людям торговать с пришельцами. Об этом узнал Халль с Побережья. Он жил у Купальной Реки, на Лебедином Фьорде. С тремя десятками своих людей он поехал к кораблю, сразу разыскал Тангбранда и спросил его:

– Что, плохо торгуете?

Тот согласился.

– Вот зачем я к тебе приехал, – говорит Халль. – Я хочу вас всех пригласить к себе и постараться наладить ваш торг.

Тангбранд поблагодарил и отправился с ним.

Однажды осенью Тангбранд рано утром вышел во двор, велел расставить палатку и стал петь в палатке обедню, притом очень торжественно, потому что был великий праздник. Халль спросил Тангбранда:

– В честь кого сегодня праздник?

– Ангела Михаила, – отвечает тот.

– Каков он, этот ангел? – спрашивает Халль.

– Очень хорош, – отвечает Тангбранд. – Он взвешивает все, что ты делаешь хорошо.

Халль говорит:

– Я бы хотел иметь его своим другом.

– Это возможно, – отвечает Тангбранд. – Обратись сегодня к нему и к Богу.

– Но я бы хотел поставить условием, – говорит Халль, – чтобы ты пообещал мне от его имени, что он станет тогда моим ангелом-хранителем.

– Обещаю, – говорит Тангбранд.

Тогда Халль крестился со всеми своими домочадцами.

CI

Следующей весной Тангбранд отправился проповедовать христианство, и Халль поехал вместе с ним. Они добрались через Лагунную Пустошь до Столбовых Гор. Там в то время стоял двор Торкеля. Он больше всех поносил веру и вызвал Тангбранда на поединок. Тангбранд вместо щита взял в бой распятие, и бой кончился тем, что Тангбранд победил, убив Торкеля.

Оттуда они отправились в Роговый Фьорд и остановились в Городищенской Гавани, к западу от Точильных Песков. Там стоял двор Хильдира Старого. У него был сын Глум, который потом ездил поджигать двор Ньяля вместе с Флоси. Хильдир принял новую веру вместе со всеми своими домочадцами. Оттуда они отправились в Горные Дворы и остановились у Телячьей Горы. Там стоял двор Коля, сына Торстейна, родича Халля. Он принял новую веру со всеми домочадцами. Оттуда они отправились к реке Широкой. Там стоял двор Эцура, сына Хроальда, родича Халля. Он принял неполное крещение. Оттуда они отправились на Свиную Гору, и Флоси принял неполное крещение и пообещал поддержать их на тинге. Оттуда они отправились на запад, в Лесные Дворы, и остановились в Церковном Дворе. Там стоял двор Сурта, сына Асбьёрна, внука Торстейна, правнука Кетиля Глупого. Сурт и все эти его предки были христианами. После этого они из Лесных Дворов отправились на Склон Мыса. Тут весть об их поездке разнеслась повсюду.

Жил человек по имени Хедин Колдун. Его двор стоял в Старухиной Долине. Язычники заплатили ему за то, чтобы он убил Тангбранда и перебил его спутников. Он отправился на Орлиную Пустошь и совершил там большое жертвоприношение. Когда Тангбранд поехал с востока, то под его конем разверзлась земля^[249], но он успел соскочить с коня и прыгнуть на край пропасти. Земля поглотила коня со всем, что на нем было, и больше его не видели. Тут Тангбранд возблагодарил Бога.

Гудлейв искал Хедина Колдуна и нашел его на Орлиной Пустоши. Он преследовал его до Старухиной Долины, и когда приблизился к нему, метнул в него копье и пронзил насквозь.

Оттуда они отправились в Проливные Острова и собрали там народ. Они стали проповедовать новую веру, и Ингьяльд, сын Торкеля Навозного Жука, принял крещение. Оттуда они отправились на Речной Склон и стали проповедовать там новую веру. Против новой веры больше всех были Ветрлиди Скальд и его сын Ари, и поэтому они убили Ветрлиди. Об этом сложена такая виса:

Ветрлиди Скальд на юге
Жало брани^[250] направил
Прямо в ограду духа^[251]
Улля зуба кольчуги^[252].

Но Гудлейв, воин удалый,
Ударом поверг Ветрлиди,
Молотом смерти^[253] разбил
Наковальню земли шелома^[254].

Оттуда Тангбранд отправился на Бергторов Пригорок. Ньяль со всеми домочадцами принял новую веру, но Мёрд и Вальгард очень ей противились.

Оттуда они поехали на запад, через реку, в Ястребиную Долину и крестили там Халля. Ему было тогда три года. Оттуда они отправились на Гримов Мыс. Там Торвальд Хворый собрал против него народ и послал сказать Ульву, сыну Угги, чтобы тот напал на Тангбранда и убил его. При этом он сказал вису:

Один сорочки Эндила^[255]
С просьбою шлет такую
К Ульву, сыну Угги, —
Другом он был мне верным,

Пусть поскорее с обрыва
Сбросит того, кто богов,
Как трус презренный, порочит,
Я же второго сброшу.

Ульв, сын Угги, сказал в ответ другую вису:

Просишь немало, пловец
Пролива влаги Вальгаллы^[256],
Но клеть моего языка^[257]
Не клюнет на эту наживку.

Меня не поймает на удочку
Седок скакуна океана^[258],

Я живо заметил ловушку
В коварных твоих уговорах.

– И я не собираюсь, – прибавил он, – загребать для него жар своими руками. Как бы ему не подавиться своим языком.

После этого посланный отправился обратно к Торвальду Хворому и передал ему слова Ульва. У Торвальда собралось много народа, и он предложил устроить засаду против Тангбранда и Гудлейва на Пустоши Синих Лесов. Тангбранд и Гудлейв выехали из Ястребиной Долины. Навстречу им попался всадник, который спросил, кто здесь Гудлейв, и когда тот назвался, сказал:

– Благодарю своего брата Торгильса с Дымных Холмов за весть, которую я передам тебе: они устроили против тебя много засад, и Торвальд Хворой ждет тебя со своими людьми у Конского Ручья на Гримовом Мысу.

– Мы все равно поедem к нему, – сказал Гудлейв.

И они повернули вниз, к Конскому Ручью. Торвальд был уже на другом берегу ручья. Гудлейв сказал Тангбранду:

– Вот он – Торвальд. Вперед, на него!

Тангбранд метнул в Торвальда копье, и оно пронзило его насквозь, а Гудлейв ударил его мечом по плечу и отрубил руку, так что Торвальду тут же пришел конец.

После этого они отправились на тинг. Родичи Торвальда чуть было не набросились на них, но Тангбранда защитили Ньяль и люди с Восточных Фьордов.

Хьяльти, сын Skeggi, сложил тогда вису:
Уж, верно, не сробею
Назвать собакой Фрейю.
Что Один, а что Фрейя —
Стоят один другого!

Хьяльти и Гицур Белый в то лето уехали из Исландии. А корабль Тангбранда разбился на востоке, у мыса Буландепеса. Название этого корабля было «Бык». Тангбранд стал разъезжать по всему западу Исландии. Ему навстречу выступила Стейпунн, мать Рева Скальда. Она пыталась обратить Тангбранда в язычество и долго говорила с ним. Тангбранд молчал, пока она говорила, но потом начал долгую речь и оспорил все, что она сказала.

– Слыхал ли ты, – спросила она, – что Тор вызвал Христа на поединок, но тот не решился биться с Тором?

– Я слыхал, – ответил Тангбранд, – что Тор был бы лишь прахом и пеплом, если бы Бог не захотел, чтобы он жил.

– А знаешь ли ты, – спросила она, – кто разбил твой корабль?

– А ты что можешь сказать об этом? – спросил он.

– Вот что я скажу тебе, – ответила она:

Недруг отродья Грейп^[259],
Грозный, дракона морского^[260]
Разбил и на берег бросил, —
Не берегли его боги.

Расколот в мелкие щепы
Струг колокольного стража^[261]
Верно, Христос позабыл
О быке обиталища рыбы^[262].

И она сказала еще одну вису;
Долго тресковой тропю^[263]
Тор скакуна морского^[264]
Гнал, в волнах швыряя,
И в ярости бросил на скалы.

Больше не плыть под парусом
Полену земли тюленей^[265],
Разбит Тангбрандов корабль
Ураганом врага Хрунгнира^[266].

После этого Тангбранд и Стейпунн расстались, и он отправился со своими спутниками на Крутое Побережье.

СIII

На Крутом Побережье, на Пастбище, стоял двор Геста, сына Оддлейва. Он был очень мудрым человеком и мог предсказывать судьбу. Он задал пир Тангбранду и его людям. Их приехало на Пастбище шесть десятков человек. А там, говорили, собралось две сотни язычников и еще ждали берсерка^[267] по имени Отрюгг. Все его очень боялись. О нем рассказывали, что он не боится ни огня, ни меча. И язычники были в большом испуге.

Тут Тангбранд спросил, не хочет ли кто-нибудь принять новую веру, но все язычники отказались.

– Я хочу предложить вам испытать, – говорит Тангбранд, – какая вера лучше. Давайте разложим три костра: вы, язычники, освятите один, я – другой, а третий оставим неосвященным. Если берсерк испугается того костра, который я освятил, но пройдет через ваш, то вы примете новую веру.

– Предложение хорошее, – говорит Гест, – я и мои домочадцы согласны.

Когда Гест сказал это, еще многие согласились. Тут сказали, что на двор пришел берсерк. Развели огонь, и костры запылали. Люди

схватили свое оружие, быстро расселись по скамьям и стали ждать. Берсерк вбежал с оружием в дом. Он проходит через огонь, который освятили язычники, и подходит к огню, который освятил Тангбранд, но не решается пройти через него и говорит, что весь горит. Он замахивается мечом на тех, кто сидит на скамье, но при взмахе им попадает в поперечную балку.

Тангбранд ударяет его распятием по руке, и происходит великое чудо: меч падает у берсерка из руки. Тогда Тангбранд ударяет его мечом в грудь, а Гудлейв отрубает ему руку. Тут набежал народ и убил берсерка.

После этого Тангбранд спросил, не хотят ли они принять новую веру. Гест сказал, что никогда не обещает того, чего бы не собирался выполнить. Тогда Тангбранд крестил Геста, и всех его домочадцев, и еще много народу. После этого Тангбранд стал советоваться с Гестом, не поехать ли ему на Западные Фьорды, но тот стал отговаривать его.

– Народ там, – сказал он, – суровый и неподатливый. Но если уж этой вере суждено одержать верх, то она одержит верх и на альтинге, а там будут знатные люди отовсюду.

– Я уже говорил на тинге, – отвечал Тангбранд, – и как раз там-то мне и пришлось труднее всего.

– Однако твоя заслуга велика, – сказал Гест, – если даже и другим выпадет жребий сделать новую веру законом. Говорят ведь, что дерево не от первого удара падает.

После этого Гест поднес Тангбранду богатые подарки, и тот отправился обратно в южную четверть, а оттуда на Восточные Фьорды. Он остановился на Бергторовом Пригорке, и Ньяль поднес ему богатые подарки. Затем он отправился на восток, на Лебединый Фьорд, к Халлю с Побережья. Он велел починить свой корабль, и язычники назвали его «Железная корзина». На этом корабле Тангбранд уплыл из Исландии вместе с Гудлейвом.

В то же самое лето на тинге Хьяльти, сын Скегги, был приговорен к изгнанию за богохульство.

CIV

Тангбранд рассказал конунгу Олаву о всем том зле, которое ему причинили исландцы. Он сказал, что они так сведущи в колдовстве, что земля разверзлась под его конем и поглотила его. Тогда конунг Олав пришел в такой гнев, что велел схватить всех исландцев, что были в Норвегии, и бросить в темницу и хотел казнить их. Тут выступили Гицур Белый и Хьяльти и предложили поручиться за этих людей и поехать в Исландию, чтобы проповедовать там христианство. Конунгу это понравилось, и так все они избежали смерти.

Гицур и Хьяльти быстро приготовили свои корабли, чтобы плыть в Исландию, и когда прошло десять недель лета, пристали к берегу у Песков. Там они раздобыли себе коней и наняли людей, чтобы разгрузить корабль. И вот они отправились, тридцать числом, на тинг и послали сказать христианам, чтобы те были готовы. Хьяльти остался у Форельной Горы, потому что узнал, что осужден на изгнание за богохульство. Но когда они спускались от Края Ущелья к Кипящему Котлу, Хьяльти догнал их и сказал, что не хочет показать язычникам виду, что боится их.

Тут к ним подъехало много христиан, и они въехали на тинг, готовые к бою. Язычники тоже приготовились к бою, и еще немного – и весь тинг начал бы биться. Но этого, однако, не случилось.

CV

Жил человек по имени Торгейр^[268]. Его двор был на Светлом Озере. Его отцом был Тьёрви, сын Торкеля Длинного. Его мать звали Торунн, она была дочерью Торстейна, внучкой Сигмунда, правнучкой Гнупа-Барда. Жену его звали Гудрид, она была дочерью Торкеля Черного из Хлейдраргарда. Его братом был Орм Карман на Спине, отец Хленни Старого из Грязей. Орм и Торкель были сыновьями Торира Лопоухого, сына Кетиля Тюленя, внука Арнольва, правнука Бьёрнольва. А Бьёрнольв был сыном Грима Мохнатые Щеки, внуком Кетиля Лосося, правнуком Халльбьёрна Полутролля с Храфнисты.

Христиане покрыли свои землянки. Гицур и Хьяльти были в землянке людей с Мшистой Горы. На следующий день обе стороны пошли к Скале Закона. И христиане, и язычники называли своих свидетелей и заявили друг другу, что не будут иметь законов общих для тех и других. На Скале Закона поднялся такой сильный шум, что никто не слышал слов другого. Затем народ разошелся, и все сочли, что дело принимает скверный оборот.

Христиане выбрали своим законоговорителем Халля с Побережья, а тот пошел к годи Торгейру со Светлого Озера и дал ему три марки серебра за то, чтобы тот выступил как законоговоритель. Это было опасное решение, потому что Торгейр был язычником. Торгейр пролежал весь день, накрыв голову меховым плащом, так что никто не мог заговорить с ним. На следующий день народ пошел к Скале Закона. Торгейр потребовал тишины и сказал:

– Мне думается, что дела наши запутаются безнадежно, если у нас не будет одних законов для всех. Если закон не будет един, то и мира не будет, а этого допускать нельзя. Теперь я хочу спросить язычников и христиан, согласны ли они, чтобы у них были общие законы, которые я сейчас скажу.

Все сказали, что согласны. Тогда он сказал, что хочет, чтобы они поклялись сдержать свое слово. Они согласились, и он принял от них клятву.

– Вот начало наших законов, – сказал он. – Все люди должны быть у нас в Исландии христианами и верить в единого Бога – Отца, Сына и Святого Духа. Они должны оставить всякое идолопоклонство, не бросать детей и не есть конины. Если кто открыто нарушит этот закон, то будет осужден на трехгодичное изгнание, если же сделает это тайно, то останется безнаказанным.

Но эта оговорка была отменена уже через несколько лет, и тогда никто не смел совершать языческие обряды ни тайно, ни открыто.

Потом он сказал о соблюдении воскресений и постов, Рождества и Пасхи и всех других великих праздников.

Язычникам казалось, что их коварно обманули, но новая вера уже была введена законом, и все люди в Исландии обращены в христианство. И народ разъехался с тинга по домам.

CVI

А вот что приключилось тремя годами позднее на тинге в Лощинах. Амунди Слепой, сын Хёскульда, внук Ньяля, был на тинге. Он велел, чтобы его провели между землянок. Он подошел к землянке, в которой был Лютинг из Сомова Двора. Он велел, чтобы его ввели в землянку, туда, где сидел Лютинг. Он сказал:

– Здесь Лютинг из Сомова Двора?

– А что тебе нужно? – спрашивает Лютинг.

– Я хочу знать, – говорит Амунди, – какую виру ты собираешься мне заплатить за моего отца. Я рожден вне брака, и не получил никакой виры.

– Я заплатил за убийство твоего отца полную виру твоему деду и твоим дядьям, а мне за моих братьев виру не заплатили. Если я и поступил плохо, то со мной тоже обошлись жестоко.

– Я не спрашиваю тебя, – говорит Амунди, – заплатил ли ты им виру или нет, я знаю, что вы помирились. Я спрашиваю тебя, какую виру ты заплатишь мне.

– Никакой, – отвечает Лютинг.

– Я не понимаю, – говорит Амунди, – как Бог допускает такое. Ты поразил меня в самое сердце. Могу сказать тебе, что если бы у меня оба глаза были зрячие, то я либо заставил бы тебя заплатить виру за моего отца, либо отомстил за него. Теперь же пусть судит нас Бог!

И он направился к выходу. Но когда он проходил через дверь землянки, он обернулся. Тут он прозрел. Он сказал:

– Хвала Господу! Теперь видно, чего он хочет.

Он вбежал в землянку, подбежал к Лютингу и ударил его секирой по голове, так что секира вошла по самый обух, а потом рванул ее на себя. Лютинг упал ничком и тут же умер.

Амунди пошел к дверям землянки, и как только он дошел до того места, где прозрел, глаза его снова сомкнулись, и с тех пор он оставался слепым всю свою жизнь. После этого он велел отвести себя к Нялю и его сыновьям. Он рассказал им об убийстве Лютинга.

– Нельзя тебя винить, – говорит Няль, – потому что этого было не миновать. И пусть это будет наукой людям, которые отказывают в вине тем, кто имеет на нее полное право.

Затем Няль предложил примирение родичам Лютинга. Хёскульд, годи Белого Мыса, уговорил родичей Лютинга принять виру. Дело было передано в суд, и была назначена половинная вира, потому что требование Амунди было сочтено справедливым. После этого перешли к клятвам, и родичи Лютинга дали Амунди клятву в том, что будут соблюдать мир. Люди разъехались с тинга по домам. И некоторое время все было спокойно.

CVII

Вальгард Серый вернулся в Исландию. Он был язычником. Он отправился в Капище, к своему сыну Мёрду, и пробыл там зиму. Он сказал Мёрду:

– Я много ездил по нашей округе и не узнаю ее. Я поехал на Белый Мыс и увидел, что там построено много стен для землянок и место неузнаваемо. Я поехал также на тинг в Лощинах, и увидел там, что все стены нашей землянки разрушены. Что значит все это надругательство?

Мёрд ответил:

– Тут учреждены новые годорды и пятый суд. Народ вышел из моего годорда и вошел в годорд Хёскульда.

Вальгард сказал:

– Плохо же ты отблагодарил меня за годорд, который я дал тебе. Не так подобает мужчине вести себя. Я хочу, чтобы ты отплатил им: погубил их всех. А для этого натрави их друг на друга, пустив в ход клевету, чтобы сыновья Няля убили Хёскульда. Многие захотят отомстить за него, и тут сыновей Няля убьют.

– Мне не суметь, – отвечает Мёрд.

– Я помогу советом, – говорит Вальгард. – Ты пригласишь сыновей Няля и отпустишь их с подарками. Порочащие слухи ты станешь распускать тогда, когда дружба ваша станет такой тесной, что они будут верить тебе не меньше, чем себе. Тогда ты сможешь отомстить Скарпхедину за то, что он присвоил твои деньги после смерти Гуннара.

Ты снова станешь полноправным годи, только когда никого из них не будет в живых.

Так они и порешили сделать.

Мёрд сказал:

– Я бы хотел, отец, чтобы ты крестился. Ты ведь стар.

– Не хочу, – ответил Вальгард. – А вот мне бы хотелось, чтобы ты оставил новую веру, и мы бы посмотрели, что из этого выйдет.

Мёрд сказал, что не сделает этого. Вальгард сломал Мёрду крест и все святыя знаки. Тут Вальгард заболел и умер, и его похоронили в кургане.

CVIII

Немного погодя Мёрд поехал на Бергторов Пригорок и встретился со Скарпхеდიном и его братьями. Он вел очень ласковые речи и говорил весь день. Он сказал, что хотел бы подружиться с ними. Скарпхедин принял все это хорошо, но сказал, что раньше тот не искал их дружбы. И вот они так подружились, что никто из них не мог ничего решить, не посоветовавшись с другим.

Ньялю с самого начала не нравилось, что Мёрд ездит к ним, и он всегда выказывал свое недовольство.

Однажды случилось, что Мёрд приехал на Бергторов Пригорок. Он сказал сыновьям Ньяля:

– Я хочу устроить пир, чтобы справить тризну по отцу. И собираюсь пригласить на этот пир вас, сыновей Ньяля, и Кари и обещаю вам, что без подарков вы не уедете.

Они пообещали приехать. Он отправился домой и приготовил все для пира. Он пригласил многих бондов, и на этом пиру было множество народу. Туда приехали и сыновья Ньяля, и Кари. Мёрд подарил Скарпхедину золотую пряжку, Кари – серебряный пояс, а Гриму с Хельги тоже поднес богатые подарки. Они вернулись домой, и стали хвалиться своими подарками, и показали их Ньялю. Тот сказал, что эти подарки им, наверное, дорого обойдутся.

– Остерегайтесь, как бы вам не пришлось заплатить за них цену, которую он сам положит, – сказал он.

CIX

Немного погодя Хёскульд и сыновья Ньяля пригласили друг друга в гости. Сначала Хёскульд поехал к сыновьям Ньяля. У Скарпхедина был бурый конь-четырёхлеток, крупный и статный. Конь этот был некладеный и никогда не выводился на бой с другими конями. Этого

коня Скарпхедин подарил Хёскульд, и еще двух кобыл в придачу. Они все поднесли Хёскульду подарки и уверили друг друга в дружбе.

Затем Хёскульд пригласил их к себе в Оссабёр. У него там было уже много гостей. Он еще до этого велел сломать свой главный дом, но у него было три сарая, в которых приготовили постели. Приехали все, кого он пригласил. Пир вышел на славу. И когда настала пора разъезжаться по домам, Хёскульд поднес гостям богатые подарки и поехал проводить сыновей Ньяля. С ним поехали сыновья Сигфуса и все домочадцы. Сыновья Ньяля и Хёскульд уверяли друг друга в том, что никому их не рассорить.

Немного погодя Мёрд приехал в Оссабёр и сказал Хёскульду, что ему нужно поговорить с ним. Они начали разговор. Мёрд сказал:

– Какие вы разные люди, ты и сыновья Ньяля! Ты сделал им богатые подарки, а они одарили тебя подарками, которые лишь позорят тебя.

– Докажи, – говорит Хёскульд.

– Они подарили тебе коня, которого называли Молокососом в насмешку над тобой, потому что ты тоже кажешься им не испытанным в бою. А еще я могу тебе сказать, что они завидуют тому, что у тебя есть годорд. Его принял на тинге Скарпхедин, когда ты еще не приезжал на тинг во время пятого суда. Скарпхедин и не собирался вовсе выпускать его из своих рук.

– Неправда, – говорит Хёскульд. – Я получил его во время осеннего тинга.

– Тогда, значит, это Ньяль заставил его, – говорит Мёрд. – А еще они нарушили уговор с Лютингом.

– В этом, думается мне, они невиновны, – говорит Хёскульд.

– Но ты не сможешь отрицать, – говорит Мёрд, – что, когда вы со Скарпхеდიном ехали к Лесной Реке, у него из-за пояса выпала секира, которой он собирался убить тебя.

– Это был, – отвечает Хёскульд, – его дровяной топор, и я видел, как он затыкал его себе за пояс. Короче говоря: сколько бы ты ни рассказывал дурного о сыновьях Ньяля, я этому не поверю. А если бы даже и оказалось, что ты говоришь правду и что нужно либо мне убить их, либо им меня, то я бы охотнее погиб от их руки, чем причинил им зло. А тебе должно быть стыдно, что ты говоришь такое.

После этого Мёрд поехал домой.

Немного погодя Мёрд отправился к сыновьям Ньяля. Он много говорил с ними и с Кари.

– Я слыхал, – сказал Мёрд, – что Хёскульд говорил, будто ты, Скарпхедин, нарушил мирный уговор с Лютингом. А еще я узнал, что ему показалось, будто ты замышлял убить его, когда вы с ним ехали к Лесной Реке. Но мне кажется, что он тоже замышлял убить тебя, когда пригласил тебя на пир и отвел тебе для ночлега сарай, который стоял дальше всего от других домов. Всю ночь туда подносили дрова, и он собирался сжечь тебя в этом сарае. Но тут случилось так, что ночью

приехал Хёгни, и из замысла ничего не вышло, потому что они побоялись его. Затем он поехал вас провожать, и с ним было множество народу. Тогда он в другой раз хотел напасть на вас и велел Грани, сыну Гуннара, и Гуннару, сыну Ламби, убить вас. Но они трусили и не решились напасть на вас.

Когда он рассказал им это, они сначала спорили с ним, но потом в конце концов поверили. Они остыли к Хёскульд и почти не разговаривали с ним, когда встречали его, а Хёскульд тоже охладил к ним. Так проходит некоторое время.

Осенью Хёскульд отправился в гости на восток, на Свиную Гору, и Флоси принял его хорошо. Хильдигунн тоже была там. Флоси говорит Хёскульду:

– Мне сказала Хильдигунн, что между тобой и сыновьями Ньяля легла тень. Мне это не нравится, и я хочу предложить тебе, чтобы ты не уезжал обратно. Я поселю тебя в Скафтафелле, а в Оссабёре поселю своего брата Торгейра.

– Могут тогда найтись люди, – говорит Хёскульд, – которые скажут, что я бежал оттуда со страху, а я этого не хочу.

– Тогда очень может быть, – говорит Флоси, – что это плохо кончится.

– Очень жаль, – говорит Хёскульд, – потому что пусть лучше я погибну и за меня не заплатят виру, чем чтобы из-за меня пострадали многие.

Через несколько дней Хёскульд собрался ехать домой. Флоси подарил ему алый плащ, отделанный по краям до самого низа золотом. Хёскульд уехал домой, в Оссабёр. Некоторое время все было спокойно.

Хёскульда так любили, что у него почти не было врагов. Но с сыновьями Ньяля он всю зиму так и оставался в разладе.

Ньяль взял себе на воспитание сына Кари по имени Торд. А еще он воспитал Торхалля, сына Асгрима и внука Лодейного Грима. Торхалль был человеком смелым и решительным. Он так научился законам у Ньяля, что стал одним из трех величайших законников в Исландии.

СХ

В тот год выдалась ранняя весна, и люди стали сеять хлеб.

Однако случилось, что Мёрд приехал на Бергторов Пригорок. Он тотчас отошел в сторону с сыновьями Ньяля и Кари, чтобы поговорить. Как обычно, он стал клеветать на Хёскульда, рассказывать о нем всякие новые небылицы и подбивать Скарпхеда и остальных убить Хёскульда. Он сказал, что Хёскульд опередит их, если они сейчас же не нападут на него.

– Мы согласны, – говорит Скарпхедин, – если ты поедешь с нами.

– За этим дело не станет, – говорит Мёрд.

Они договорились о нападении, и Мёрд должен был приехать к ним вечером.

Бергтора спросила Няля:

– О чем это они говорят на дворе?

– Они задумали что-то, не посоветовавшись со мной, – говорит Няля, – а меня редко обходят, когда задумывают что-нибудь хорошее.

В этот вечер ни Скарпхедин, ни его братья, ни Кари не ложились. В ту же самую ночь приехал Мёрд, сын Вальгарда, и сыновья Няля и Кари взяли оружие и ускакали. Они доехали до Оссабёра и стали ждать у изгороди. Погода была хорошая, и солнце уже взошло.

CXI

В это время Хёскульд, годи Белого Мыса, проснулся. Он оделся и накинул плащ, который ему подарил Флоси. В одну руку он взял лукошко с зерном, в другую – меч, пошел на поле, огороженное изгородью, и стал сеять.

Скарпхедин и его люди договорились, что нападут на него все. Скарпхедин выскочил из-под изгороди, и когда Хёскульд увидел его, он хотел бежать. Тут Скарпхедин бросился на него и сказал:

– Не вздумай бежать, годи Белого Мыса!

С этими словами он ударил его секирой по голове, и Хёскульд упал на колени и сказал:

– Бог да поможет мне и простит вас.

Тогда они все бросились на него и стали наносить ему раны.

Мёрд сказал:

– Я кое-что придумал.

– Что же ты придумал? – спросил Скарпхедин.

– Я предлагаю, чтобы я сначала поехал домой, а затем на Каменистую Реку и там рассказал о том, что случилось, и осудил бы вас. Я уверен, что Торгерд попросит меня объявить об убийстве. Я так и сделаю, и это испортит им все дело^[269]. А еще я пошлю человека в Оссабёр разузнать, что они собираются предпринять, и там этот человек услышит о том, что случилось. А я сделаю вид, будто я узнаю об этом от них.

– Конечно, сделай так, – говорит Скарпхедин.

Братья и Кари поехали домой. Приехав домой, они рассказали Нялю о том, что произошло.

– Это печальное событие, – говорит Няля. – Горестно узнать про него, и если сказать правду, оно меня так печалит, что лучше было бы, если бы погибли двое моих сыновей, а Хёскульд оставался в живых.

– Не станем на тебя обижаться, – говорит Скарпхедин. – Ты человек старый, и понятно, что ты это принимаешь так близко к сердцу.

- Не в годах тут дело, - говорит Ньяль, - просто я лучше вашего знаю, что за этим последует.

- А что же последует за этим? - спрашивает Скарпхедин.

- Моя смерть, - говорит Ньяль, - смерть моей жены и всех моих сыновей.

- А что ты мне предскажешь? - спрашивает Кари.

- Трудно им будет идти наперекор твоей счастливой судьбе, - говорит Ньяль, - потому что ты переживешь их всех.

Смерть Хёскульда так печалила Ньяля, что он никогда не мог говорить о ней без слез.

CXII

Хильдигунн проснулась и заметила, что Хёскульда нет в постели. Она сказала:

- Тяжелые мне снились сны и недобрые. Поищите Хёскульда!

Люди обыскали весь двор, но Хёскульда не нашли. Тогда она оделась и с двумя работниками пошла в поле. Они нашли Хёскульда убитым. Тут пришел пастух Мёрда, сына Вальгарда, и рассказал ей, что сыновья Ньяля проехали отсюда.

- Скарпхедин подозревал меня и объявил, что это он убил Хёскульда, - сказал он.

- Немалый это подвиг, - сказала она, - если он один совершил его.

Она взяла плащ, вытерла им всю кровь и завернула в него спекшиеся сгустки. Она сложила плащ и спрятала его к себе в ларь. Затем она послала человека на Каменистую Реку рассказать о том, что случилось. Мёрд уже был там и успел раньше рассказать новость. Туда приехал Кетиль из Леса. Торгерд сказала Кетилю:

- Вот Хёскульда и нет в живых. Вспомни же, что ты обещал.

- Может быть, - говорит Кетиль, - что я тогда наобещал слишком много. Я не думал, что случится то, что случилось. Теперь я попал в трудное положение. Ведь я женат на дочери Ньяля, а, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

- Хочешь ли ты, - спрашивает Торгерд, - чтобы Мёрд объявил об убийстве?

- Не знаю, - говорит Кетиль. - Мне кажется, что от него больше зла, чем добра.

Но когда Мёрд поговорил с Кетилем, то ему, как и другим, показалось, что на Мёрда можно положиться, и было решено, что Мёрд объявит об убийстве и начнет тяжбу на тинге. Мёрд отправился в Оссабёр. Явились девяттеро соседей, которые ближе всех жили к месту убийства. У Мёрда с собой было десять человек. Он показал соседям раны Хёскульда, назвал очевидцев ран и перечислил, кто какую рану нанес, кроме одной. Он прикинулся, что не знает, кто ее нанес

ее он сам. Он назвал убийцей Скарпхедина, а нанесшими раны – его братьев и Кари. Затем он пригласил на альтинг девятерых соседей места убийства. После этого он уехал домой. Он почти не встречался с сыновьями Ньяля, и они были неприветливы друг с другом, когда встречались, потому что так договорились.

Весть об убийстве Хёскульда разнеслась повсюду, и все осуждали убийц.

Сыновья Ньяля поехали к Асгриму, сыну Лодейного Грима, и попросили у него помощи.

– Вы можете рассчитывать, – ответил он, – на любую мою помощь. Но я чую беду, потому что многие против вас и повсюду вас осуждают за это убийство.

И вот сыновья Ньяля отправились домой.

CXIII

Жил человек по имени Гудмунд Могучий. Двор его был у Островного Фьорда и назывался Подмаренничные Поля. Его отцом был Эйольв, сын Эйнара, внук Аудуна Безволосого, правнук Торольва Жира^[270], праправнук Торстейна Прокаженного, праправнук Грима Камбана. Мать Гудмунда звали Халльберой. Она была дочерью Тородда Шлема, а мать Халльберы звали Регинлейв, и она была дочерью Семунда с Гебридских островов. По нему зовется склон Семунда у Полуостровного Фьорда. Матерью Эйольва, отца Гудмунда, была Вальгерд, дочь Рунольва. Матерью Вальгерд была Вальборг, а ее матерью была Йорунн Нерожденная, дочь конунга Освальда Святого. Матерью Эйнара, отца Эйольва, была Хельга, дочь Хельги Тощего, который поселился у Островного Фьорда. Хельги был сыном Эйвинда Норвежца и Раварты, дочери ирландского короля Кьярваля. Матерью Хельги, дочери Хельги Тощего, была Торунн Рогатая, дочь Кетиля Плосконосого, внука Бьёрна Бычьего Кость, правнучка херсира Грима. Матерью Грима была Хервёр, а матерью Хервёр была Торгерд, дочь Халейга, конунга Халогаланда.

Жену Гудмунда Могучего звали Торлауг. Она была дочерью Атли Сильного, сын Эйлива Орла, внука Барда с Рукава, правнука Кетиля Лисицы, праправнука Скида Старого. Мать Торлауг звали Хердис. Она была дочерью Торда с Мыса, сына Бьёрна Жир в Корыте, внука Хроальда. А Хроальд был сыном Бьёрна Железный Бок, внуком Рагнара Кожаные Штаны, правнуком Сигурда Кольцо, праправнуком Рандвера, прапраправнуком Радбарда. Матерью Хердис, дочери Торда, была Торгерд, дочь Скиди. Ее матерью была Фридгерд, дочь ирландского короля Кьярваля.

Гудмунд был очень знатным и богатым человеком. У него была сотня домочадцев. Он притеснял всех знатных людей на севере страны,

так что одни оставили свои дворы и переехали из этих мест, других он убил, а третьи отдали ему свои годорды. От него пошли все самые знатные люди страны: люди с Мыска и Стурлунги, люди из Лощины и люди с Реки, епископ Кетиль и многие именитые люди. Гудмунд был другом Асгрима, сына Лодейного Грима, и тот рассчитывал на его помощь.

CXIV

Жил человек по имени Снорри, по прозвищу Годи. Он жил на Священной Горе, пока Гудрун, дочь Освивра, не купила у него этот двор, где и прожила до конца своей жизни. Снорри тогда переселился на Лощинный Фьорд и жил в Селингедальском Междуречье. Отца Снорри звали Торгримом. Он был сыном Торстейна Трескоеда, внуком Торольва Бородача с Мостра, правнуком Арнольва Рыбогона. Однако Ари Мудрый считает, что отцом Торольва был Торгильс Китовый Бок. Торольв Бородач с Мостра был женат на Оск, дочери Торстейна Рыжего. Мать Торгрима звали Тора. Она была дочерью Олейва Фейлана, сына Торстейна Рыжего, внука Олейва Белого, правнука Ингьяльда, праправнука Хельги. А мать Ингьяльда звали Тора. Она была дочерью Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны. Матерью Снорри Годи была Тордис, дочь Кислого, сестра Гисли. Снорри был близким другом Асгрима, сына Лодейного Грима, и тот рассчитывал на его помощь. Снорри был самым умным человеком в Исландии из тех, кто не мог предвидеть будущее. Он был добр со своими друзьями, но непримирим к врагам.

В этот год на тинг поехало много народу из всех четвертей, и на тинге было начато много тяжб.

CXV

Флоси узнал об убийстве Хёскульда и очень опечалился и разгневался, но не подал виду. Ему сказали, что против убийц Хёскульда собираются начать тяжбу, но он промолчал. Он послал сказать Халлю с Побережья, своему тестю, и Льоту, своему сыну, чтобы они взяли с собой на тинг побольше народу. Люди считали, что Льот обещает стать со временем самым большим человеком на востоке страны. Ему было предсказано, что если он съездит три раза на тинг и вернется домой целым и невредимым, то станет самым большим человеком и старшим в роду. В прошлое лето он уже ездил на тинг и теперь собирался поехать туда во второй раз. Флоси послал человека к Колю, сыну Торстейна, и Глуму, сыну Хильдира, внуку Гейрлейва,

правнуку Энунда Карман на Спине, и к Модольву, сыну Кетиля. Они все поехали вместе с Флоси. Халль тоже обещал собрать много народу.

Флоси доехал до Церковного Двора и остановился у Сурта, сына Асбьёрна. Оттуда он послал за своим племянником Кольбейном, сыном Эгиля, и тот приехал к нему. Затем он отправился на Склон Мыса. Там жил Торgrim Щеголь, сын Торкеля Красивого. Флоси сказал ему, чтобы он поехал с ним на тинг, и тот согласился и сказал Флоси:

– Я никогда не видал тебя таким печальным. Впрочем, это понятно.

Флоси ответил:

– Случилось такое, что я отдал бы все, что у меня есть, за то, чтобы этого не случилось. Из дурного зерна не может вырасти ничего хорошего.

Затем он поехал через Орлиную Пустошь и вечером приехал в Солнечные Дворы. Там был двор Лодмунда, сына Ульва. Он был большим другом Флоси, и тот остался у него ночевать. А наутро Лодмунд вместе с Флоси отправился в Долину. Там был двор Рунольва, сына Ульва Аургоди. Флоси сказал Рунольву:

– Сейчас мы услышим от тебя правду о том, как убили Хёскульда, годи Белого Мыса. Ты ведь человек правдивый и живешь неподалеку от места, где все это случилось, так что я поверю всему, что ты мне расскажешь, почему это произошло.

Рунольв сказал:

– Никакими словами не приукрасишь правды: он убит совершенно без всякой причины. Все оплакивают его. Но никто не оплакивает его больше, чем Ньяль, его воспитатель.

– Тогда им будет нелегко заручиться поддержкой, – говорит Флоси.

– Конечно, – говорит Рунольв, – если ничего не случится.

– А что пока сделано? – спрашивает Флоси.

– Уже вызваны на тинг соседи, – отвечает Рунольв, – и объявлено об убийстве.

– Кто же сделал это? – говорит Флоси.

– Мёрд, сын Вальгарда, – отвечает Рунольв.

– А можно на него положиться? – спрашивает Флоси.

– Он мой родич, – говорит Рунольв, – но все же, правду говоря, люди видят от него больше зла, чем добра. Вот о чем я хочу попросить тебя, Флоси: смири свой гнев и согласись на то, что было бы всего лучше. Ведь Ньяль и другие уважаемые люди сделают тебе почетное предложение.

Флоси сказал:

– Поезжай на тинг, Рунольв! Твои слова будут для меня большой поддержкой, если ничего худого не случится.

На этом они кончили разговор, и Рунольв обещал поехать на тинг.

Рунольв послал человека к своему родичу Хавру Мудрому. Тот сразу же приехал.

Оттуда Флоси отправился в Оссабёр. Хильдигунн была во дворе. Она сказала:

– Пусть все мужчины выйдут навстречу, когда будет подъезжать Флоси, а женщины пусть уберут в доме и приготовят для Флоси почетное сиденье.

И вот Флоси въехал во двор. Хильдигунн вышла к нему и сказала:

– Добро пожаловать, родич! Сердце мое радуется твоему приезду.

– Здесь мы поедим, – говорит Флоси, – и отправимся дальше.

Тут привязали их лошадей. Флоси вошел в дом и уселся. Он сбросил на пол почетное сиденье и сказал:

– Я не конунг и не ярл. Нечего подставлять мне почетное сиденье и нечего насмехаться надо мной.

Хильдигунн стояла рядом и сказала:

– Жаль, что тебе это не нравится: мы сделали это от чистого сердца.

Флоси сказал:

– Если ты это сделала от чистого сердца, то тогда добро само наградит себя, а зло само покарает себя.

Хильдигунн засмеялась холодным смехом и сказала:

– Что об этом говорить, то ли будет потом!

Она уселась рядом с Флоси, и они долго разговаривали вполголоса. Затем поставили столы, и Флоси и его люди стали умывать руки. Флоси посмотрел на полотенце и увидел, что оно все в дырах и с одного конца у него оторвал кусок. Он швырнул его на скамью и не захотел им вытираться^[271]. Он оторвал кусок скатерти, вытер им руки и бросил его своим людям. Затем Флоси сел за стол и велел своим людям приниматься за еду. Тут вошла Хильдигунн, откинула со лба волосы и заплакала. Флоси сказал:

– Тяжело у тебя на душе, племянница! Но это хорошо, ведь ты оплакиваешь хорошего человека.

– Чем ты отплатишь за убийство Хёскульда? – спросила она. – Окажешь ли ты мне помощь?

Флоси сказал:

– Я доведу твою тяжбу до конца или добьюсь такого мира, о котором лучшие люди скажут, что он почетен для нас.

Она сказала:

– Хёскульд отомстил бы, если бы ему пришлось мстить за тебя.

Флоси ответил:

– Немало в тебе злобы. Ясно, чего ты хочешь.

Хильдигунн сказала:

– Арнор, сын Эрнольва из Лесов Водопадной Реки, причинил твоему отцу Торду Годи Фрейра меньше зла, но Кольбейн и Эгиль, твои братья, убили его на тинге в Скафтафелле.

И Хильдигунн пошла в свою спальную каморку и открыла ларь. Она вынула из него плащ, который Флоси в свое время подарил Хёскульду. В этом плаще Хёскульд был убит, и она сохранила на нем всю его кровь. С плащом в руках она молча подошла к Флоси. Флоси уже поел, и со стола было убрано. Хильдигунн накрыла Флоси плащом, так что его всего обсыпало засохшей кровью. Тогда она сказала:

– Этот плащ ты, Флоси, подарил Хёскульду, и я хочу вернуть его тебе назад. Он был на нем, когда его убили. Я призываю Бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми чудесами твоего Христа, твоей честью и твоей доблестью отомстить за те раны, которые были нанесены Хёскульду. Иначе пусть всякий зовет тебя подлым человеком!

Флоси сбросил плащ ей на руки и сказал:

– Страшный ты человек! Ты хочешь, чтобы мы взялись за дело, которое сулит нам всем несчастье. Правду говорят, что гибельны советы женщины.

Флоси был в таком волнении, что лицо его делалось то красным, как кровь, то бледным, как трава, то синим, как смерть.

Флоси и его люди сели на коней и уехали. Они отправились к Лесному Броду и стали поджидать там сыновей Сигфуса и других своих людей.

Ингьяльд, брат Хродню, матери Хёскульда, сына Ньяля, жил в Ключах. Ингьяльд и Хродню были детьми Хёскульда Белого, сына Ингьяльда Сильного, внука Гейрфинна Рыжего, правнука Сёльви, праправнука Гиннстейна Убийцы Берсерков. Ингьяльд был женат на Траслауг, дочери Эгиля, сына Торда Годи Фрейра. Матерью Эгиля была Траслауг, дочь Торстейна Воробья. Матерью Траслауг была Унн, дочь Эйвинда Окуня.

Флоси послал сказать Ингьяльду, чтобы тот приехал.

Ингьяльд тотчас отправился к нему и с ним четырнадцать человек. Ингьяльд был человек рослый, сильный и неразговорчивый. Он был бесстрашным воином и охотно помогал деньгами своим друзьям. Флоси приветливо поздоровался с ним и сказал:

– В трудное дело попали мы с тобой, родич! Нелегко нам выпутаться. Я прошу тебя оказывать мне поддержку, пока оно не кончится.

Ингьяльд сказал:

– В трудном я оказался положении. Ведь я в родстве с Ньялем и его сыновьями, да и многое другое меня останавливает.

Флоси сказал:

– Мне казалось, что, когда я отдавал за тебя свою племянницу, ты обещал мне поддерживать меня в любом деле.

– Наверное, – ответил Ингьяльд, – я так и сделаю. Но сначала я все же хочу заехать домой, а оттуда уже я поеду на тинг.

CXVII

Сыновья Сигфуса узнали, что Флоси у Лесного Брода, и поехали туда к нему. Там были Кетиль из Леса и его брат Ламби, Торкель и Мёрд, сыновья Сигфуса, и их брат Сигмунд, а еще Ламби, сын Сигурда, Гуннар, сын Ламби, Грани, сын Гуннара, и Вебранд, сын Хамунда. Флоси встал им навстречу и приветливо поздоровался с ними. Они подошли к реке, и Флоси попросил их правдиво рассказать обо всем, и их рассказ ни в чем не разошелся с рассказом Рунольва из Долины. Флоси сказал Кетилю из Леса:

– Вот о чем я хочу спросить тебя. Будешь ли ты и другие сыновья Сигфуса поддерживать меня до конца в этой тяжбе?

Кетиль сказал:

– Я бы хотел, чтобы мы помирились. Но я дал клятву поддерживать тебя в этой тяжбе, пока она так или иначе не кончится, и не щадить своей жизни.

Флоси сказал:

– Ты храбрый человек, побольше бы таких, как ты.

Тут сразу заговорили Грани, сын Гуннара, и Гуннар, сын Ламби:

– Мы хотим, чтобы наших врагов объявили вне закона и убили.

Флоси сказал:

– Неизвестно, мы ли будем решать это дело.

Грани сказал:

– Когда они убили Траина на Лесной Реке, а потом его сына Хёскульда, я решил, что никогда не заключу с ними настоящего мира. Я бы хотел быть там, где их всех убьют.

Флоси сказал:

– Ты был так близко от них, что мог бы отомстить, если бы у тебя достало силы и храбрости. Мне кажется, что ты и многие другие будете потом готовы дорого заплатить, чтобы оказаться непричастными к тому, чего вы сейчас желаете. Я ясно вижу, что если мы убьем Ньяля или его сыновей, то так много народу будет против нас, что нам придется валяться в ногах у многих и просить о поддержке, прежде чем мы выпутаемся из этого трудного дела. А еще будьте готовы к тому, что многие из тех, у кого до этого времени были большие богатства, обеднеют, а кое-кто потеряет и добро, и жизнь.

Мёрд, сын Вальгарда, приехал к Флоси и сказал ему, что хочет со всеми своими людьми поехать с ним на тинг. Флоси был доволен этим и стал сватать его дочь Раннвейг своему племяннику Старкаду, что жил на Столбовой Горе. Флоси думал обеспечить себе этим верность его и его людей. Мёрд не имел ничего против, но предоставил решить это

Гицуру Белому и предложил поговорить об этом на тинге. Мёрд был женат на Торкатле, дочери Гицура Белого. Мёрд и Флоси вместе отправились на тинг и говорили друг с другом с утра до вечера.

CXVIII

Ньяль сказал Скарпхедину:

– Что вы теперь собираетесь делать – ты с братьями и ваш зять?

Скарпхедин ответил:

– Мы не ждем, что нам подскажут сны. Скажу тебе, что мы поедem в Междуречье к Асгриму, сыну Лодейного Грима, а оттуда на тинг. А куда ты, отец, собираешься?

Ньяль сказал:

– Я поеду на тинг, потому что для меня дело чести не оставлять вас, пока я жив. Мне думается, что многие захотят мне помочь, так что от меня вам будет лишь польза и никакого вреда.

Там был Торхалль, сын Асгрима, воспитанник Ньяля. Сыновья Ньяля смеялись над ним, потому что он был в коричневом плаще с полосами, и спрашивали, сколько он еще собирается проносить его. Он отвечал:

– Я сброшу его, когда мне придется начинать тяжбу об убийстве моего воспитателя.

Ньяль сказал:

– В самую трудную пору от тебя будет всего больше проку.

И вот они, все почти три десятка числом, выехали из дому и добрались до Бычьей Реки. Там их нагнали родичи Ньяля, Торлейв Ворон и Торgrim Большой, сыновья Торира и Хольта. Они предложили сыновьям Ньяля, что поедут с ними и будут оказывать им поддержку и помощь, и те приняли их предложение. Они все вместе переправились через Бычью Реку и добрались до Берега Лососьей Реки. Там к ним вышел Хьяльти, сын Skeggi. Ньяль начал с ним разговор, и они долго беседовали вполголоса. Хьяльти сказал:

– Я человек не скрытный, не стану скрывать свои мысли и на этот раз. Ньяль попросил меня о помощи. Я согласился и пообещал ему своих людей. Он уже давно заплатил мне, как и многим другим, своими добрыми советами.

Хьяльти рассказал Ньялю все, что знал, о поездках Флоси.

Они послали Торхалля вперед, в Междуречье, сказать, что приедут туда к вечеру. Асgrim тотчас же приготовился к встрече и был перед домом, когда Ньяль въехал во двор. Ньяль был в синем плаще, на голове у него была войлочная шляпа, а в руках – небольшая секира. Асgrim снял Ньяля с коня, отнес его в дом и посадил на почетное сиденье. Затем в дом вошли все сыновья Ньяля и Кари. Тогда Асgrim вышел во двор. Хьяльти хотел было повернуть обратно, ему показалось, что их слишком много, но Асgrim взялся за уздечку, сказал, чтобы он не

уезжал, и велел расседлать их коней. Он ввел Хьяльти в дом и посадил его возле Ньяля. А Торлейв с братом и их люди сидели на второй скамье. Асgrim уселся на скамейку перед Ньялем и спросил:

– Какие у тебя предчувствия насчет нашего дела?

Ньяль ответил:

– Пожалуй, плохие: боюсь, что не будет удачливых людей на нашей стороне. – И прибавил: – Пошли за всеми людьми, которые ездят с тобой на тинг, и поезжай на тинг со мной.

– Я так и собирался, – сказал Асgrim, – и еще обещаю тебе, что, пока у меня будут люди, я никогда не отступлюсь от вас.

Все, кто там был, поблагодарили его и нашли, что это благородно с его стороны.

Они переночевали там, а на следующий день собрались все люди Асgrима. Затем они все вместе отправились на тинг и, добравшись туда, покрыли свои землянки.

CXIX

Флоси уже приехал на тинг и занял свою землянку. Рунольв занял землянку людей из Долины, а Мёрд – землянку людей с Кривой Реки. С востока, из самых дальних мест, приехал Халль с Побережья, но кроме него почти никто не приехал. Однако Халль привел с собой из своих мест много народу. Он сразу же пошел к Флоси и попросил его помириться. Халль был человек умный и миролюбивый. Флоси приветливо отвечал ему, но ничего не обещал. Халль спросил его, кто обещал ему поддержку. Флоси назвал Мёрда, сына Вальгарда, и сказал, что посватал его дочь за своего родича Старкада. Халль сказал, что выбор этот удачен, но Мёрд человек ненадежный.

– Ты убедишься в этом еще до конца тинга, – прибавил он.

На том разговор их окончился.

Однажды Ньяль и Асgrim долго разговаривали вполголоса. Потом Асgrim встал и сказал сыновьям Ньяля:

– Пойдемте искать себе друзей, чтобы наши противники не оказались сильнее нас. Ведь тяжба эта будет очень трудная.

И Асgrim вышел, а за ним Хельги, сын Ньяля, потом Кари, сын Сёльмунда, потом Грим, сын Ньяля, потом Скарпхедин, потом Торхаль, потом Торgrim Большой, потом Торлейв Ворон. Они дошли до землянки Гицура Белого и вошли в нее. Увидев их, Гицур встал, предложил им сесть и стал угощать. Асgrim сказал:

– Не за тем мы пришли. Будем говорить открыто: на какую твою поддержку я могу рассчитывать, родич?

Гицур сказал:

– Моя сестра Йорунн, наверное, рассчитывает, что я не откажусь помочь тебе. Пусть так и будет, пусть у нас будет одна судьба.

Асgrim поблагодарил его и ушел. Тогда Скарпхедин спросил:

– Куда теперь?

Асgrim ответил:

– К землянке людей из Эльфуса.

И они пошли туда. Асgrim спросил, в землянке ли Скафти, сын Тородда. Ему ответили, что в землянке. Тогда они вошли туда. Скафти сидел на скамье. Он поздоровался с Асgrimом и учтиво его принял. Скафти предложил Асgrиму сесть рядом с собой. Асgrim ответил, что зашел ненадолго, и прибавил:

– У меня к тебе есть дело.

– Расскажи, – говорит Скафти.

– Хочу попросить тебя, чтобы ты оказал поддержку мне и моим родичам.

– Вот уж не думал, – отвечает Скафти, – что ваши неурядицы дойдут до моего жилища.

Асgrim говорит:

– Нехорошие это слова. Плохо отказывать людям в помощи, когда у них в ней крайняя нужда.

– Кто этот человек, – спрашивает Скафти, – что зашел пятым, а сам высок ростом, бледен лицом, неудачлив с виду, суров и зловещ?

Тот отвечает:

– Скарпхедином зовут меня, и ты меня много раз видел на тинге. Но я, верно, поумнее тебя, потому что мне не надо спрашивать, как тебя зовут. Тебя зовут Скафти, сын Тородда, а раньше ты называл себя Щетинной Головой, когда убил Кетиля из Эльды. Ты выбрил себе тогда голову и вымазал ее дегтем. Затем ты заплатил рабам за то, чтобы они вырезали полоску дерна, и заполз под нее на ночь. Потом ты отправился к Торольву, сыну Лофта с Песков, и он взял тебя к себе и отнес на корабль в мешке от муки.

После этого они ушли. Скарпхедин сказал:

– Куда пойдем теперь?

– К землянке Снорри Годи.

И они пошли к землянке Снорри. Там перед землянкой стоял какой-то человек. Асgrim спросил его, в землянке ли Снорри. Тот ответил, что в землянке. Асgrim и все его спутники вошли в землянку. Снорри сидел на скамье. Асgrim подошел к нему и учтиво поздоровался. Снорри встретил его приветливо и попросил сесть. Асgrim сказал, что зашел ненадолго, и прибавил:

– У меня к тебе есть дело.

Снорри попросил рассказать о нем. Асgrim сказал:

– Я хотел бы, чтобы ты поддержал меня на суде и помог мне, потому что ты человек умный и решительный.

– Плохо идут сейчас в суде наши собственные дела, – ответил Снорри. – И так уже против нас поднялось много народу. Поэтому нам сейчас никак не с руки впутываться в дела людей из другой четверти.

– Что же, может, ты и прав, – сказал Асгрим. – Ты ведь нам ничего не должен.

– Я знаю, ты хороший человек, – сказал Снорри. – Поэтому я обещаю тебе, что не пойду против тебя и не стану помогать твоим недругам.

Асгрим поблагодарил его. Снорри сказал:

– Кто этот человек с резкими чертами лица, что зашел пятым, а сам бледен лицом, скалит зубы и держит на плече секиру?

– Хедином зовут меня, – отвечает тот. – А некоторые зовут меня полным именем – Скарпхедин. Может, хочешь еще что-нибудь сказать мне?

Снорри сказал:

– Только то, что человек ты, по-видимому, суровый и заносчивый. Но я вижу, что удача скоро изменит тебе, и недолго тебе осталось жить.

– Что ж, – говорит Скарпхедин. – Этот долг все должны заплатить. Но ты лучше бы отомстил за смерть своего отца, чем пророчествами заниматься.

– Мне это уже многие говорили, – отвечает Снорри. – Но меня этим не рассердишь.

После этого они вышли, так и не заручившись здесь никакой поддержкой. Оттуда они направились к землянке людей с Полуостровного Фьорда. Это была землянка Хавра Богатого. Его отцом был Торкель, сын Эйрика из Долин Богов, внук Гейрмунда, правнук Хроальда, праправнук Эйрика Торчащая Борода, что убил Грьотгарда в Сокнардале, в Норвегии. Мать Хавра звали Торунн. Она была дочерью Асбьёрна Лысого с Темной Реки, сына Хроссбьёрна.

Асгрим и его люди вошли в землянку. Хавр сидел в землянке на середине скамьи и разговаривал с каким-то человеком. Асгрим подошел к нему и поздоровался. Тот учтиво ответил и предложил сесть. Асгрим сказал:

– Я хотел бы попросить тебя оказать поддержку мне и моим родичам.

Хавр сразу же ответил, что не хочет ввязываться в их неурядицы.

– Но я хочу спросить, – сказал он, – кто этот бледный человек, который зашел пятым? У него такой страшный вид, словно он вышел со дна морского.

Скарпхедин сказал:

– Не твое дело, молочная рожа, кто я такой! И если ты будешь сидеть в засаде, я не побоюсь пройти мимо. Мне ничуть не страшно, когда такие, как ты, стоят на моем пути. Ты бы лучше разыскал свою сестру Сванлауг. Эйдис Железный Нож и Коль Наковальня похитили ее из твоего дома, а ты и не пикнул.

Асгрим сказал:

– Идем отсюда, нечего нам ждать здесь поддержки.

Затем они пошли к землянке людей с Подмаренничных Полей и спросили, там ли Гудмунд Могучий. Им сказали, что там. Тогда они

вошли в землянку. Посреди землянки стояло почетное сиденье, и на нем сидел Гудмунд Могучий. Асгрим подошел к нему и поздоровался. Гудмунд учтиво ответил и предложил сесть. Асгрим сказал:

– Не сидеть я пришел, а просить у тебя поддержки, потому что ты человек честолобивый и очень знатный.

Гудмунд ответил:

– Я не пойду против вас, а если найду возможным, то и поддержу. Тогда мы и поговорим об этом.

Он отнесся к ним очень благосклонно. Асгрим поблагодарил Гудмунда за его слова. Гудмунд сказал:

– Среди вас есть один человек, на которого я все смотрю. Мало я видел людей, похожих на него.

– Кто же это? – спросил Асгрим.

– Он зашел пятым, – ответил Гудмунд. – Волосы у него темные, лицо бледное, он высок ростом, силен на вид и так решителен, что я охотнее имел бы среди своих людей его, чем десять других. И все же он человек неудачливый.

Скарпхедин сказал:

– Я знаю, ты говоришь обо мне. Мы оба с тобой неудачливы, но каждый по-своему. Меня корят за убийство Хёскульда, годи Белого Мыса, и поделом. Тебя же поносят Торкель Дерзкий и Торир, сын Хельги, и это тебе очень обидно.

И они вышли. Скарпхедин сказал:

– Куда же нам теперь пойти?

– К землянке людей со Светлого Озера, – сказал Асгрим.

Эту землянку покрыл Торкель Дерзкий. Его отцом был годи Торгейр, сын Тьёрви, внук Торкеля Длинного. Мать Торгейра звали Торунн, она была дочерью Торстейна, внучкой Сигмунда, правнучкой Гнупа-Барда. Мать Торкеля Дерзкого звали Гудрид, она была дочерью Торкеля Черного из Хлейдраргарда, внучкой Торира Лопоухого, правнучкой Кетиля Тюленя, праправнучкой Арнольва, прапраправнучкой Бьёрнольва. Отцом Бьёрнольва был Грим Мохнатые Щеки, сын Кетиля Лосося, внук Халльбьёрна Полутролля. Торкель Дерзкий уезжал из Исландии и отличился в чужих странах. Он убил разбойника на востоке, в лесу Ямтаског. Затем он отправился на восток, в Швецию, и присоединился к Сёрквиру Старику, и они ходили походом в восточные страны. А восточнее побережья Балагардссыды^[272] Торкель однажды вечером отправился за водой для своих. Там он встретил морское чудище и долго бился с ним. Дело кончилось тем, что он убил чудище. Оттуда он поехал на восток, в Адальсюслу^[273]. Там он убил летающего дракона. Затем он вернулся обратно в Швецию, оттуда – в Норвегию, а потом поехал в Исландию. Он велел вырезать эти подвиги над своей постелью и перед своим почетным сиденьем, а еще он со своими братьями бился на осеннем тинге людей со Светлого Озера с Гудмундом Могучим, и люди со Светлого Озера победили. Поэтому

Торир, сын Хельги, и Торкель Дерзкий поносили Гудмунда. Торкель говорил, что нет никого в Исландии, с кем бы он не вышел на поединок или кого бы он испугался. Его звали Торкелем Дерзким, потому что он не щадил никого, с кем бы ему ни приходилось встретиться, ни на словах, ни на деле.

СХХ

Асгрим и его спутники пошли к землянке Торкеля. Асгрим сказал своим спутникам:

– Это землянка Торкеля Дерзкого, могучего воина, и нам было бы очень важно заручиться его поддержкой. Нам надо держаться здесь осторожно, потому что он человек своевольный и крутой. Я хочу попросить тебя, Скарпхедин, чтобы ты не вмешивался в наш разговор.

Скарпхедин усмехнулся в ответ. На нем был синий плащ и полосатые синие штаны, а на ногах высокие черные сапоги. Пояс у него был серебряный, а в руках он держал секиру, которой убил Траина и которую называл Великанша Битвы, и небольшой щит. Голова у него была повязана шелковой лентой, украшенной золотом, а волосы зачесаны за уши. Вид у него был на редкость воинственный, и все, даже те, кто его никогда не видел, узнавали его. Он шел, не опережая других и не отставая. Они вошли внутрь землянки. Торкель сидел посередине скамьи, а его люди по обе стороны от него. Асгрим поздоровался с ним, и Торкель учтиво ответил ему. Асгрим сказал:

– Мы пришли сюда просить у тебя поддержки в нашей тяжбе.

Торкель сказал:

– На что вам моя поддержка, раз вы уже ходили к Гудмунду? Он вам, верно, обещал поддержку?

– Нет, его поддержкой мы не заручились, – сказал Асгрим.

Торкель сказал:

– Видно, ваше дело показалось Гудмунду неправым. Да так оно и есть, потому что хуже того, что вы сделали, никто еще никогда не делал. И я знаю, что привело тебя сюда: ты решил, что я не так щепетилен, как Гудмунд, и поддержу неправо дело.

Асгрим промолчал, видя, что дела их плохи.

Торкель сказал:

– Кто этот высокий и зловещий человек с резкими чертами лица, что зашел пятым, а сам бледен и, судя по его виду, неудачлив и злобен?

Скарпхедин сказал:

– Меня зовут Скарпхедином, и нечего тебе поносить меня ни с того ни с сего обидными словами. Ведь со мной никогда не случилось, чтобы я притеснял своего отца и дрался с ним, как ты со своим. И ты ведь мало ездил на тинг и мало занимался делами тинга. Тебе, видно, сподручнее варить сыры с горсткой домочадцев у себя на дворе на

Секирной Реке. Выковыряй-ка лучше у себя из зубов кусок кобыльей задницы, которую ты сожрал перед тем, как ехать на тинг, – еще твой пастух увидел это и удивился, как это ты можешь делать такие гнусности.

Торкель вскочил в сильном гневе, схватил меч и сказал:

– Этот меч я добыл в Швеции, убив одного могучего воина. После этого я убил им множество народу. И когда я доберусь до тебя, то проткну тебя за эти поносные речи.

Скарпхедин стоял, подняв секиру. Он усмехнулся и сказал:

– Эту секиру я держал в руке, когда прыгнул на двенадцать локтей через Лесную Реку и убил Траина, сына Сигфуса. Там стояло восемь человек, но ни один ничего не мог мне сделать. Еще не бывало случая, чтобы я промахнулся, нанося этой секирой удар по врагу.

Он оттолкнул братьев и зятя Кари и подошел к Торкелю. Он сказал:

– Выбирай, Торкель Дерзкий! Либо спрячь меч в ножны и садись на место, либо я хвачу тебя секирой по голове и раскрою ее до плеч.

Тут Торкель сел на место и спрятал меч в ножны. Такого с ним никогда не бывало ни до этого, ни после. Асgrim со своими спутниками вышли из землянки.

Скарпхедин сказал:

– Куда пойдем теперь?

Асgrim ответил:

– Домой, к себе в землянку!

– Вот мы идем, устав просить, к себе домой! – сказал Скарпхедин.

Асgrim повернулся к нему и сказал:

– Частенько ты был резковат на язык, но на этот раз, мне кажется, Торкелю досталось от тебя поделом.

И они пошли домой, к своей землянке, и подробно рассказали Ньялю обо всем. Он сказал:

– Будь что будет, раз уж так суждено.

Гудмунд Могучий узнал, что произошло между Скарпхедином и Торкелем, и сказал так:

– Вы, верно, знаете, что случилось со мной и людьми со Светлого Озера. Но я не понес от них такого посрамления, какое понес Торкель от Скарпхедииа. И это очень хорошо.

Потом Гудмунд сказал Эйнару с Поперечной Реки, своему брату:

– Возьми всех моих людей, поезжай и поддержи сыновей Ньяля, когда начнется суд. А если им понадобятся люди и на следующее лето, то я сам помогу им.

Эйнар согласился и велел передать это Асгриму. Асgrim сказал:

– Немного у нас таких благородных людей, как Гудмунд!

И рассказал потом об этом Ньялю.

На следующий день встретились Асгрим, Гицур Белый, Хьяльти, сын Скегги, и Эйнар с Поперечной Реки. А еще был там Мёрд, сын Вальгарда. Он тем временем отказался от права вести тяжбу и передал его сыновьям Сигфуса. Асгрим сказал:

– К тебе первому я обращаюсь, Гицур Белый. И к вам, Хьяльти и Эйнар. Я хочу рассказать вам, как обстоит наше дело. Вы, верно, знаете, что Мёрд начал тяжбу против нас. Но дело в том, что Мёрд сам участвовал в убийстве Хёскульда и нанес ему рану, виновник которой не был назван. Мне кажется, что этот иск будет вообще незаконным.

– Так давайте сейчас же объявим об этом, – говорит Хьяльти.

Торхалль, сын Асгрима, говорит:

– Разумнее было бы скрыть это до того, как начнется суд.

– Почему? – спрашивает Хьяльти.

Торхалль отвечает:

– Если они сейчас узнают, что повели дело неправильно, то смогут все исправить, послав тотчас же с тинга человека домой, чтобы вызвать ответчиков на суд, а соседей назвать на тинге. Тогда иск будет законным.

– Мудрый ты человек, Торхалль, – говорят они, – и пусть будет по-твоему.

После этого все разошлись по землянкам.

Сыновья Сигфуса предъявили свой иск со Скалы Закона, спросили ответчиков о том, какого они тинга и где живут. В ночь с четверга на пятницу должен был начаться суд. До тех пор на тинге все было спокойно. Многие старались помирить тяжущихся, но Флоси противился этому, а у других было столько отговорок, что ясно было: из этих попыток вряд ли что выйдет.

И вот в ночь с четверга на пятницу начался суд. Все, кто был на тинге, пошли на суд. Флоси со своими людьми стоял к югу от суда людей с Кривой Реки. С ним были Халль с Побережья, Рунольв из Долины, сын Ульва Аургоди, и другие, кто обещал Флоси поддержку. А к северу от суда людей с Кривой Реки стояли Асгрим и Гицур Белый, Хьяльти и Эйнар с Поперечной Реки. Сыновья же Ньяля, Кари, Торлейв Ворон и Торгрим Большой, остались, вооруженные, дома, в землянке, так что едва ли кто-нибудь решился бы напасть на них.

Ньяль предложил судьям занять свои места. Сыновья Сигфуса начали тяжбу. Они назвали свидетелей и предложили сыновьям Ньяля выслушать их присягу. Затем они дали присягу. Потом они изложили дело. После этого они попросили выступить свидетелей. Затем они предложили соседям занять свои места. Потом они предложили ответчикам отвести неправомочных соседей.

Торкель, сын Асгрима, назвал свидетелей и объявил тяжбу незаконной, потому что тот, кто начал ее, сам преступил закон и должен быть осужден.

– О ком это ты говоришь? – спросил Флоси.

Торхалль ответил:

– Мёрд, сын Вальгарда, участвовал в убийстве Хёскульда вместе с сыновьями Ньяля и нанес ему ту самую рану, виновник которой не был назван, когда называли свидетелей ран. Вы ничего не можете возразить мне против того, что тяжба незаконна.

CXXII

Ньяль встал и сказал:

– Я прошу вас, Халль с Побережья, Флоси, все сыновья Сигфуса и все наши люди, чтобы вы не уходили и выслушали, что я вам скажу.

Они послушались. Тогда он сказал:

– Мне кажется, что дело безнадежно запуталось. Этого можно было ждать, потому что нехороший у него корень. Я хочу сказать вам, что Хёскульда я любил больше, чем своих родных сыновей. И когда я узнал, что он убит, мне показалось, что погас сладчайший свет очей моих. Лучше бы я потерял всех моих сыновей, а он остался в живых. И вот я прошу вас, Халль с Побережья, Рунольв из Долины, Гицур Белый, Эйнар с Поперечной Реки и Хавр Мудрый, чтобы мне дали заплатить виру за убийство, которое совершили мои сыновья, и я бы хотел, чтобы нас рассудили те, кому это всего больше пристало.

Гицур, Эйнар и Хавр по очереди подолгу обращались к Флоси и просили его помириться, обещая ему взамен свою дружбу.

Флоси на все отвечал учтиво, но, однако, ничего не обещал. Халль с Побережья сказал Флоси:

– Собираешься ли ты сейчас исполнить мою просьбу, как ты мне обещал, когда я вывез из Исландии твоего родича Торгрима, сына Кетиля Толстого, который убил Халля Рыжего?

Флоси сказал:

– Исполню, тесть! Потому что ты станешь просить меня лишь о том, от чего мне будет только больше чести.

Халль сказал:

– Тогда я хочу, чтобы ты как можно скорее помирился, дал бы уважаемым людям рассудить дело и приобрел бы дружбу лучших людей.

Флоси сказал:

– Так знайте же, что я последую совету моего тестя Халля и других уважаемых людей. Пусть он и уважаемые люди с обеих сторон, выбранные по закону, рассудят дело. По-моему, Ньяль заслужил, чтобы я сделал это для него.

Ньяль поблагодарил его и их всех, и те, кто был при этом, сказали, что Флоси поступил хорошо. Флоси сказал:

– Теперь я назову моих судей. Первым я называю моего тестя Халля, потом Эцура с Широкой Реки, Сурта, сына Асбьёрна из Церковного

Двора, Модольва, сына Кетиля, – он жил тогда в Грядях, – Хавра и Рунольва из Долины. Все, наверное, согласятся, что из моих людей эти самые подходящие.

Тут он попросил Ньяля назвать своих судей. Ньяль встал и сказал:

– Я называю первым Асгрима, сына Лодейного Грима, затем Хьяльти, сына Скегги, Гицура Белого, Эйнара с Поперечной Реки, Снорри Годи и Гудмунда Могучего.

После этого Ньяль, Флоси и сыновья Сигфуса дали друг другу руки, и Ньяль от имени всех своих сыновей и Кари обязался соблюдать то, что решат эти двенадцать человек. Можно сказать, что все, кто был на тинге, обрадовались этому. Послали людей за Снорри и Гудмундом, потому что они оставались в своих землянках. Было решено, что судьи будут заседать в судилище, а все остальные должны уйти.

CXXIII

Снорри Годи сказал так:

– Вот нас здесь двенадцать человек судей, которые должны вынести решение. Я хочу попросить вас всех: давайте не запутывать дело так, чтобы их нельзя было помирить.

Гудмунд сказал:

– Хотите ли вы изгнать кого-нибудь из его четверти или из страны?

– Нет, – ответил Снорри, – ведь такое редко кончается добром. Из-за этого возникают раздоры, и люди убивают друг друга. Пусть лучше они уплатят такую большую виру, чтобы не было никого в нашей стране, за кого было бы заплачено больше, чем за Хёскульда.

Все поддержали его слова. Затем они стали совещаться и никак не могли договориться, кто из них первым должен назначить размер виру. Кончилось тем, что бросили жребий, и Снорри выпало первому назначить виру. Он сказал:

– Я долго раздумывать не собираюсь, а сразу скажу вам, что я предлагаю. Пусть за Хёскульда заплатят тройную виру – это будет шесть сотен серебра. Если же вам кажется, что это слишком много или слишком мало, поправьте меня.

Они ответили, что им поправлять нечего.

– И к этому еще условие, что все деньги должны быть выплачены на тинге.

Тогда Гицур Белый сказал:

– Мне думается, что это едва ли возможно. У них, наверное, хватит денег, только чтобы заплатить небольшую часть.

Гудмунд сказал:

– Я знаю, чего хочет Снорри. Он хочет, чтобы мы все, судьи, дали каждый по столько, сколько нам велит наша щедрость. Тогда многие последуют нашему примеру.

Халль с Побережья поблагодарил его и сказал, что охотно даст столько же, сколько тот, кто даст больше всех. Тогда все судьи согласились на предложение Гудмунда. После этого они договорились, что Халль произнесет решение со Скалы Закона, и разошлись. Потом ударили в колокол, и все пошли к Скале Закона. Халль встал и сказал:

– По делу, которое мы рассматривали, мы пришли к единодушному решению и положили шесть сотен серебра. Мы, судьи, хотим внести половину, и все сполна должно быть выплачено здесь, на тинге. Я обращаюсь с просьбой ко всем: пусть всякий даст сколько-нибудь, ради Бога.

Все согласились. Халль назвал тогда свидетелей решения, чтобы никто не посмел нарушать его. Ньяль поблагодарил судей за решение. Скарпхедин стоял при этом молча рядом и усмехался. Потом люди стали расходиться от Скалы Закона по землянкам. А судьи собрали на Церковном Дворе все деньги, которые они обещали дать. Сыновья Ньяля и Кари отдали все деньги, которые у них были с собой. Это составило сотню серебра. Ньяль принес все деньги, которые у него были. Это была вторая сотня серебра. Затем все эти деньги были отнесены в судилище, и все дали столько, что было собрано все сполна до последнего пеннинга. Ньяль взял длинное шелковое одеяние и заморские сапоги и положил сверху. После этого Халль сказал Ньялю, чтобы он пошел за своими сыновьями.

– А я пойду за Флоси, и пусть они дадут друг другу клятвы в том, что будут соблюдать мир.

Тогда Ньяль пошел к себе в землянку и сказал сыновьям:

– Ну, наше дело кончилось хорошо: мы помирились, и все деньги собраны. Теперь и нам, и им надо пойти и принести клятвы о том, что будет соблюдаться мир. И я хочу попросить вас, чтобы вы ничего не сделали такого, что бы все испортило.

Скарпхедин провел рукой по лбу и усмехнулся. И вот они все пошли в судилище. Халль пошел к Флоси и сказал ему:

– Иди теперь в судилище: деньги все внесены сполна и собраны в одном месте.

Флоси попросил сыновей Сигфуса пойти с ним. Они все вышли из землянки и направились в судилище. Ньяль и его сыновья тоже пошли в судилище. Скарпхедин пошел к среднему ряду скамей и остановился там. Флоси вошел в судилище посмотреть на деньги и сказал:

– Большие это деньги и хорошие, и выплачены они сполна, как и следовало ждать.

Затем он поднял шелковое одеяние и спросил, кто его сюда положил, но никто ему не ответил. Он снова помахал одеянием и спросил, кто положил его, и рассмеялся. Никто ему не ответил. Флоси сказал:

– Что же, никто из вас не знает, чья это одежда, или вы боитесь сказать мне об этом?

Скарпхедин сказал:

– А как ты думаешь, кто это положил?

Флоси сказал:

– Если хочешь знать, я отвечу тебе, что, по-моему, это положил твой отец – безбородый старик, так что многие, когда глядят на него, не знают, мужчина он или женщина.

Скарпхедин сказал:

– Подло поносить старика, которого еще никогда не оскорблял ни один честный человек. Вам должно быть известно, что он мужчина, потому что он прижил со своей женой сыновей. И мало наших родичей похоронено у нашего двора, за кого бы мы не отомстили.

И Скарпхедин взял в руки шелковое одеяние, и бросил Флоси синие штаны, и сказал, что они ему нужнее. Флоси спросил:

– Почему это они мне нужнее?

Скарпхедин сказал:

– Потому что, как говорят, ты жена великана со Свиной Горы и каждую девятую ночь он приходит к тебе как к жене.

Тогда Флоси отпихнул ногой деньги и сказал, что ему не надо ни пеннинга из них. Пусть будет одно из двух: либо за убийство Хёскульда так и не будет заплачено, либо он отомстит за него. И Флоси не стал мириться и сказал сыновьям Сигфуса:

– Идемте теперь домой. Пусть у всех у нас будет одна судьба.

После этого они пошли домой, к себе в землянку.

Халль сказал:

– Слишком неудачливые люди замешаны здесь.

Ньяль с сыновьями пошел к себе в землянку. Он сказал:

– Вот и сбывается то, что я давно предчувствовал: это дело для нас добром не кончится.

– Не думаю, – говорит Скарпхедин. – По закону они ничего нам сделать не могут.

– Сбудется такое, – говорит Ньяль, – что хуже для всех и быть не может.

Люди, которые внесли деньги, стали поговаривать о том, чтобы взять их обратно. Гудмунд сказал:

– Таким позором я себя не покрою: я ни сейчас, ни когда-нибудь потом не возьму обратно того, что дал.

– Хорошо сказано, – сказали они и тоже не захотели брать назад свои деньги.

Снорри Годи сказал:

– Мой совет такой: пусть Гицур Белый и Хьяльти, сын Скегги, сохраняют эти деньги до следующего альтинга. У меня такое предчувствие, что они скоро нам понадобятся.

Хьяльти взял на хранение одну половину этих денег, а Гицур – другую. И вот люди разошлись по своим землянкам.

Флоси позвал всех своих людей в Ущелье Сходок и сам пошел туда. И вот там собрались все его люди. Всего их было сто человек. Флоси сказал сыновьям Сигфуса:

– Как бы я мог помочь вам, чтобы вы были довольны?

Гуннар, сын Ламби, сказал:

– Мы не будем довольны, пока не будут убиты все братья, сыновья Ньяля.

Флоси сказал:

– Я хочу пообещать сыновьям Сигфуса, что не отступлюсь, пока кто-нибудь из нас – либо мы, либо они – не склонится перед другим. А еще я хочу знать, если ли здесь кто-нибудь, кто не хочет быть заодно с нами в этом деле.

Но все сказали, что хотят. Флоси сказал:

– Пусть теперь каждый подойдет ко мне и поклянется, что не отступится.

Все подошли к Флоси и поклялись ему. Флоси сказал:

– Подадим руки в знак того, что тот, кто отступится от этого дела, лишится имущества и жизни.

Вот кто из знатных людей был с Флоси: Коль, сын Торстейна Пузатого, племянник Халля с Побережья; Хроальд, сын Эцура с Широкой Реки; Эцур, сын Энунда Карман на Спине; Торстейн Красивый, сын Гейрлейва; Глум, сын Хильдира; Модольв, сын Кетиля; Торир, сын Торда Злого из Муравьиного Междуречья; братья Флоси – Кольбейн и Эгиль; Кетиль, сын Сигфуса, и его братья Мёрд, Торкель и Ламби; Грани, сын Гуннара; Гуннар, сын Ламби, и его брат Сигурд; Ингьяльд с Ключей; Хроар, сын Хамунда.

Флоси сказал сыновьям Сигфуса:

– Выберите себе вождя, который, по-вашему, всего лучше подходит для этого, потому что во главе всего этого дела должен стоять один человек.

Кетиль из Леса ответил:

– Если выбирать нам, мне и моим братьям, то мы бы не задумываясь решили, что выбор должен пасть на тебя. Рода ты знатного, и человек ты большой, ты непреклонен и мудр. Нам думается, что ты ради нас возьмешься за это дело.

Флоси сказал:

– Пожалуй, что я соглашусь на вашу просьбу. Я вам сейчас же скажу, что нам надо сначала делать. Советую, чтобы каждый из вас с тинга поехал к себе домой и присмотрел летом за хозяйством, пока на лугах убирают сено. Я тоже поеду домой и пробуду лето дома. Но в воскресенье, когда до начала зимы останется восемь недель, я велю, чтобы мне дома отслужили обедню, а потом поеду на запад через

Пески Гагарьей Горы. У каждого из нас должно быть с собой по два коня. Я не возьму с собой никого, кроме тех, кто дал мне сейчас клятву, потому что народу у нас достаточно, если нас столько и останется. Я проеду все воскресенье и всю ночь, и на второй вечер недели я буду на Гряде Треугольной Горы, примерно в первой половине вечера. Вы все, кто дал клятву, тоже будете там в это время. Если кто-нибудь из тех, кто дал клятву, не приедет, то это, если нам ничто не помешает, будет стоить ему жизни.

Кетиль сказал:

– Как это может быть, чтобы ты выехал из дому в воскресенье, а на второй день недели приехал на Гряду Треугольной Горы?

Флоси ответил:

– Я выеду из Междуречья Реки Скафты и поеду севернее Ледника Островных Гор и оттуда вниз, в Землю Богов. Это может удасться, если я буду ехать быстро. Я расскажу вам о моем замысле: когда мы соберемся там, мы все поедem к Бергторову Пригорку и пойдem на сыновей Ньяля огнем и мечом. Мы не уедem оттуда, пока хоть один из них останется в живых. Держите этот уговор в тайне, потому что от этого зависит жизнь всех нас. А теперь пусть нам приведут наших коней, и поедem по домам.

Они разошлись по своим землянкам. После этого Флоси велел оседлать своего коня, и все поехали по домам, никого не ожидая. Флоси не хотел встречаться со своим тестем Халлем, потому что он был уверен, что тот станет отговаривать его от всяких злых умыслов.

Ньяль с сыновьями поехал с тинга домой, и они все пробыли лето дома. Ньяль спросил Кари, собирается ли он съездить на восток, в свой двор Проливные Острова. Кари ответил:

– Я не поеду на восток, потому что у меня с вами должна быть одна судьба.

Ньяль поблагодарил его и сказал, что ждал от него этого. На дворе всегда было вместе с работниками около трех десятков мужчин, способных носить оружие.

Однажды случилось, что Хродню, дочь Хёскульда, приехала в Ключи. Ее брат Ингьяльд встретил ее приветливо. Она не ответила на приветствие, а попросила выйти с ней. Ингьяльд послушался и вышел с ней, и они оба отошли от двора. Тут она схватила его за руку, и они сели. Она спросила:

– Правда ли, что ты поклялся напасть на Ньяля и убить его и его сыновей?

Он ответил:

– Правда.

– Нет на свете человека подлее тебя, – говорит она, – ведь Ньяль три раза спасал тебя от объявления вне закона.

– Теперь уж ничего не поделаешь, – говорит он, – я поплачусь жизнью, если не сдержу клятвы.

– Нет, это не так, – говорит она. – Ты останешься в живых и будешь считаться честным человеком, если ты не предашь того, кому больше всего обязан.

Тут она вынула из котомки полотняную шапку, всю в крови и дырах, и сказала:

– Эта шапка была на голове у Хёскульда, сына Няля, когда они убили его. Пристало ли тебе быть на стороне тех, кто против Няля?

Он ответил:

– Хорошо. Будь что будет, я не пойду против Няля. Но я знаю, что они отплатят мне за это.

Она сказала:

– Ты бы оказал большую услугу Нялю и его сыновьям, если бы рассказал ему обо всем этом замысле.

– Этого я не сделаю, – говорит Ингьяльд, – потому что я буду самым последним человеком, если открою, что они мне доверили. Но отступить от их дела – поступок мужественный, так как я знаю, что они будут за это мстить. А ты скажи Нялю и его сыновьям, чтобы они все это лето были начеку и всегда имели при себе много народу. Это будет разумным советом.

После этого она отправилась на Бергторов Пригорок и рассказала Нялю об их разговоре. Няль поблагодарил ее и сказал, что она хорошо сделала:

– Ведь если бы он пошел против меня, то он поступил бы подлее их всех.

После этого она пошла домой, а Няль рассказал все сыновьям.

На Бергторовом Пригорке жила старуха по имени Сеунн. Она многое знала и была ясновидящей. Но она была очень стара, и сыновья Няля называли ее дурочкой, потому что она много болтала. Однако многое из того, что она говорила, сбывалось.

Однажды она схватила палку и зашла за дом, где стоял стог сена. Она стала бить стог палкой и проклинать его, приговаривая, что он принесет несчастье. Скарпхедин рассмеялся и спросил, за что это она так рассердилась на стог. Старуха сказала:

– Этот стог подожгут, когда будут сжигать Няля и мою воспитанницу Бергтору. Бросьте его в воду или сожгите его побыстрее.

– Не станем мы этого делать, – сказал Скарпхедин, – потому что если уж нам суждено сгореть, то найдется чем поджечь наш дом, даже если стога и не будет.

Старуха все лето болтала о том, что стог надо убрать, но этого так и не сделали.

В Дымах, на Поприще, жил Рунольв, сын Торстейна. Его сына звали Хильдиглум. В ночь на воскресенье, за двенадцать недель до зимы, Хильдиглум вышел из дому и услышал сильный грохот. Ему показалось, что земля и небо трясутся. Хильдиглум посмотрел на запад и увидел там огненный круг и в нем человека на сером коне. Этот человек скакал во весь опор и быстро пронесся мимо. В руках у него была пылающая головня. Он проехал так близко от Хильдиглума, что тот мог хорошо рассмотреть его. Он был черен как смола. Он сказал громким голосом такую вису:

Скачет мой конь —
Влажная челка,
Иней на гриве,
Зло я несущу.
Горит головня,

Отравы полна.
Козни Флоси —
Огонь на ветру.
Козни Флоси —
Огонь на ветру.

Хильдиглуму показалось, что он бросил головню на восток, в горы, и там вспыхнул такой большой пожар, что гор не стало видно. Хильдиглуму показалось затем, что он поскакал на восток, в огонь, и там исчез. Затем Хильдиглум вошел обратно в дом и долго лежал без чувств, прежде чем снова пришел в себя. Он помнил все, что увидел, и рассказал своему отцу, а тот велел ему рассказать Хьяльти, сыну Скегги. Хильдиглум поехал и рассказал ему.

– Ты видел призрак, – сказал Хьяльти. – Это не к добру.

CXXVI

Когда до зимы оставалось два месяца, Флоси снарядился для поездки на запад и созвал к себе всех, кто обещал поехать с ним. У каждого из них было две лошади и хорошее оружие. Они все собрались на Свиной Горе и заночевали там. Флоси велел рано отслужить воскресную службу. Затем он сел за стол. Он сказал всем своим домочадцам, что каждый из них должен делать, пока его не будет дома, и пошел к лошадям.

Флоси и его люди поехали на запад через Пески. Он велел ехать сначала не слишком быстро и дожидаться всех, кому понадобится задержаться. Он сказал, что они приедут загодя. Они ехали на запад через Лесные Дворы и приехали в Церковный Двор. Здесь Флоси велел всем пойти в церковь и помолиться. Они так и сделали. Затем они снова

сели на лошадей и поехали в горы к Рыбным Озерам, объехали их с запада, направились на запад через Пески, оставили по левую руку Ледник Островных Гор и спустились через Землю Богов к Лесной Реке. На второй день недели, после полудня, они приехали к Гряде Треугольной Горы и оставались там до вечера. Там собрались все, кроме Ингьяльда с Ключей. Сыновья Сигфуса очень поносили его. Но Флоси сказал, чтобы они не бранили его, пока его нет с ними.

– Мы оплатим ему после, – сказал он.

CXXVII

Теперь надо рассказать о том, что происходило на Бергторовом Пригорке. Грим и Хельги поехали в Холмы, где их дети были на воспитании, и сказали отцу, что не вернутся домой к вечеру. Они пробыли в Холмах весь день. И вот пришли туда нищенки и сказали, что они издалека. Их спросили, что они могут рассказать. Они сказали, что ничего не могут рассказать важного:

– Но кое-что новое мы можем рассказать, – добавили они.

Их стали спрашивать, что они могут сказать нового, и просили не скрывать ничего. Тогда они согласились.

– Мы спускались с Речного Склона и увидели, что сыновья Сигфуса едут в полном вооружении к Гряде Треугольной Горы. Их было всего пятнадцать человек. Мы видели также Грани, сына Гуннара, и Гуннара, сына Ламби, которые направились туда же. Их было всего пять человек. Наверное, там теперь готовятся большие дела.

Тогда Хельги, сын Ньяля, сказал:

– Это, наверное, Флоси приехал с востока, и все они собираются к нему. Нам с Гримом нужно теперь быть там, где Скарпхедин.

Грим сказал, что это верно, и они поехали домой.

В этот самый вечер Бергтора сказала своим домочадцам:

– Выбирайте все, что каждому по вкусу, потому что сегодня вечером я последний раз подаю вам еду.

– Не может этого быть, – сказали те, кто был при этом.

– Однако это так, – сказала она. – И я могла бы еще многое сказать, если бы хотела. Например, что Грим и Хельги вернутся домой еще до того, как люди встанут из-за столов, и если это сбудется, то сбудется и все, что я говорю.

Потом она стала ставить еду на столы, а Ньяль сказал:

– Что-то странное видится мне. Я смотрю вокруг, и мне чудится, что в доме нет стен и что все в крови, стол и еда.

Всех это поразило, кроме Скарпхебина. А он сказал, что нечего падать духом и давать другим повод для насмешек:

– Ведь с нас, конечно, больше спросится, чем с других, – добавил он.

Грим и Хельги вернулись домой до того, как столы были убраны, и всех это поразило. Ньяль спросил, почему они так быстро вернулись, и они рассказали о том, что услышали. Тогда Ньяль велел, чтобы никто не ложился и все были настороже.

CXXVIII

Теперь надо рассказать о Флоси. Он сказал своим людям:

– Поедьте к Бергторову Пригорку, чтобы быть там до вечера.

Они так и сделали. В пригорке была лощина, и они въехали в нее, привязали лошадей и оставались там, пока совсем не смерклось. Флоси сказал:

– Теперь пойдите к усадьбе. Будем держаться сплоченно и осмотрительно и поглядим, что они станут делать.

Ньяль, его сыновья, Кари и все домочадцы стояли перед домом. Их было около трех десятков человек. Флоси остановился и сказал:

– Посмотрим, что они станут делать. Мне кажется, что, если они будут стоять перед домом, нам с ними не справиться.

– Зря мы тогда приехали, – говорит Грани, сын Гуннара, – если боимся напасть на них.

– Нет, не зря, – говорит Флоси. – Мы нападём на них, даже если они будут стоять перед домом. Но нам это дорого обойдется, и многие из нас уже не смогут рассказать о том, кто победил.

Ньяль сказал своим людям:

– Как вы думаете, много ли у них народу?

– Народу у них много, и действуют они слаженно, – говорит Скарпхедин. – Однако потому-то они и остановились, что сомневаются, удастся ли им справиться с нами.

– Им это не удастся, – говорит Ньяль. – Пусть все войдут в дом. Трудно им было справиться с Гуннаром с Конца Склона, а он был один. Здесь же постройки прочные, так что нападающим с нами не сладить.

– Едва ли ты прав, – говорит Скарпхедин. – На Гуннара напали люди настолько благородные, что они скорее отступили бы, чем сожгли его в доме. А эти сразу подожгут дом, если не смогут справиться с нами иначе, потому что они пойдут на все, лишь бы одолеть нас. Они понимают, что если мы останемся в живых, то они погибнут. А мне что-то не хочется, чтобы меня выкуривали, как лисицу из норы.

Ньяль сказал сыновьям:

– Вы опять не хотите слушаться меня и не считаетесь со мной. Когда вы были моложе, вы так не делали, и вам же было лучше.

Хельги сказал:

– Сделаем, как хочет отец. Так будет лучше.

– Я в этом не уверен, – сказал Скарпхедин, – потому что ему недолго осталось жить. Но в угоду отцу я охотно сгорю с ним вместе, потому что не боюсь смерти.

Потом он сказал Кари:

– Давай держаться вместе, зять! Пусть ни один из нас не оставит другого.

– Я так и собирался, – говорит Кари. – Но если суждено иначе, то чему быть, того не миновать.

– Отомсти за нас, – говорит Скарпхедин, – а мы отомстим за тебя, если останемся в живых.

Кари обещал, что отомстит. Затем они вошли в дом и расположились у дверей.

Флоси сказал:

– Недолго им осталось жить, раз они вошли в дом. Теперь нам надо побыстрее подойти к дому, расположиться потеснее перед дверьми и смотреть, чтобы никто не ушел – ни Кари, ни сыновья Няля. Иначе мы погибли.

Флоси и его люди подошли к дому и окружили его, на случай если бы в нем оказались потайные двери. Хроальд, сын Эцура, подскочил туда, где стоял Скарпхедин, и хотел ударить его копьем. Но Скарпхедин секирой отрубил ему древко копья и нанес удар в щит, так что щит прижало к Хроальду, а загнутое острие секиры попало ему в лицо, и он упал навзничь и сразу же умер.

Кари сказал:

– Удачный удар и на этот раз, Скарпхедин! Ты у нас самый отважный!

– Этого я не знаю, – сказал Скарпхедин и усмехнулся.

Кари, Грим и Хельги бросали копья из дома и ранили многих, а Флоси и его люди ничего не могли поделать. Тогда Флоси сказал:

– Мы понесли большой урон. Многие из наших ранены, и убит тот, кого мы меньше всего хотели бы потерять. Ясно, что оружием нам с ними не справиться, тем более что не все сражаются так храбро, как обещали. Нам надо что-то предпринять. Есть два выхода, и оба они плохие: один – это отступить, но тогда мы погибли, второй – это сжечь их в доме, но тогда мы берем большой грех на душу, ведь мы христиане. Придется нам все же поджечь дом, и поскорее.

CXXIX

Они высекли огонь и сложили большой костер перед дверьми. Тогда Скарпхедин сказал:

– Разводите огонь, молодцы? Не собираетесь ли что-нибудь жарить?

Грани, сын Гуннара, ответил:

– Собираемся, и жару для тебя хватит.

Скарпхедин сказал:

– Так-то ты платишь мне за то, что я отомстил за твоего отца. И ценишь ты в жизни всего больше то, что и ценить-то не стоит.

Тогда женщины залили огонь сывороткой. Коль, сын Торстейна, сказал Флоси:

– Вот что я придумал: я видел каморку над поперечной балкой в главном доме. Надо, чтобы она загорелась, а для этого нужно поджечь стог сена, который стоит рядом с домом.

И они подожгли стог. Те, кто был внутри, заметили это, только когда весь дом уже был охвачен пламенем. Тут Флоси и его люди развели большие костры перед всеми дверьми. Тогда женщины, которые были внутри, начали жаловаться. Ньяль сказал им:

– Держитесь стойко и не жалуйтесь. Ведь ваши страдания – это одна короткая буря, а второй такой потом долго не будет. Помните также, что Бог милостив. Он не позволит, чтобы вас жгли и в этом, и в том мире.

Так он увещевал их и подбадривал также другими речами. Теперь запылали все постройки. Тогда Ньяль подошел к дверям и сказал:

– Здесь ли Флоси? Слышит ли он меня?

Флоси сказал, что слышит. Ньяль продолжал:

– Может быть, ты помиришься с моими сыновьями или позволишь некоторым людям выйти?

Флоси отвечает:

– Я не намерен мириться с твоими сыновьями. Мы рассчитаемся с ними до конца и не отступим, пока всех их не станет. Но пусть из дома выйдут женщины, дети и домочадцы.

Тогда Ньяль вошел в дом и сказал:

– Пусть выйдут все, кому позволено выйти. Выходи и ты тоже, Торхалла, дочь Асгрима, и все выходите, кому позволено.

Торхалла сказала:

– Не думала я, что мы так расстанемся с Хельги. Но я заставляю моего отца и моих братьев отомстить за убийства, которые здесь совершаются.

Ньяль сказал:

– Да будет тебе удача, потому что ты хорошая женщина.

Потом она вышла из дома, и с ней много других. Астрид с Глубокой Реки сказала Хельги, сыну Ньяля:

– Выйди со мной вместе, я наброшу на тебя женскую накидку и повяжу тебе голову платком.

Хельги сначала отговаривался, но потом уступил просьбам. Астрид повязала ему голову платком, а Торхильд набросила на него женскую накидку, и он вышел из дома между ними. Тогда же вышли дочери Ньяля Торгерд и Хельга и много другого народу. Но когда из дома вышел Хельги, Флоси сказал:

– Женщина, что там идет, высока ростом и широка в плечах. Схватите-ка ее!

Когда Хельги услышал это, он сбросил с себя женскую одежду. У него в руке был меч, и он нанес им удар человеку, который хотел схватить его, и отрубил ему низ щита и ногу. Тогда подоспел Флоси и ударил мечом Хельги по шее так, что у него отлетела голова. Затем он подошел к дверям и сказал, что хочет говорить с Ньялем и Бергторой. Ньяль вышел, и Флоси сказал:

– Я хочу предложить тебе, чтобы ты вышел из дома, потому что ты погибнешь в огне безвинный.

Ньяль сказал:

– Я не выйду, потому что я человек старый и не смогу отомстить за своих сыновей, а жить с позором я не хочу.

Тогда Флоси сказал Бергторе:

– Выходи, хозяйка! Я совсем не хочу, чтобы ты погибла в огне.

Бергтора сказала:

– Молодой я была дана Ньялю, и я обещала ему, что у нас с ним будет одна судьба.

И они оба вернулись в дом. Бергтора сказала:

– Что нам теперь делать?

– Мы пойдем и ляжем в нашу постель, – сказал Ньяль.

Тогда она сказала маленькому Торду, сыну Кари:

– Тебя вынесут из дома, и ты не сгоришь.

– Но ведь ты обещала мне, бабушка, – сказал мальчик, – что мы никогда не расстанемся. Пусть так и будет. Лучше я умру с вами, чем останусь в живых.

Тогда она отнесла мальчика в постель, а Ньяль сказал своему управителю:

– Смотри, где мы ляжем и как мы расположимся в постели, потому что я не собираюсь двигаться с места, как бы меня ни беспокоил дым или огонь. Заметь хорошенько, где надо будет искать наши кости.

Тот сказал, что так и сделает. Незадолго перед этим был зарезан бык, и там лежала его шкура. Ньяль сказал управителю, чтобы он покрыл их этой шкурой, и тот обещал сделать это. Затем они легли оба в постель и положили мальчика между собой. Они перекрестили себя и мальчика и поручили свою душу Богу. Это были последние слова, которые от них слышали. Управитель взял шкуру, накрыл их ею и вышел. Кетиль из Леса встретил его и вытащил из дома. Он подробно расспросил о своем зяте Ньяле, и тот рассказал ему всю правду. Кетиль сказал:

– Большое горе сулил нам рок, и нам обоим выпало на долю это великое несчастье.

Скарпхедин видел, как его отец улегся в постель, и сказал:

– Рано наш отец ложится спать, но это и неудивительно, ведь он человек старый.

Потом Скарпхедин, Кари и Грим стали подхватывать падавшие сверху головни и метать их в людей Флоси. Это продолжалось некоторое время. А люди Флоси стали метать в них копья, но те перехватывали все копья в воздухе и метали обратно. Тогда Флоси велел своим людям прекратить эту перестрелку.

– Всякая схватка с ними будет теперь для нас невыгодна, – сказал он. – Подождите, пока огонь одолеет их.

Они так и сделали. С крыши стали падать балки. Скарпхедин сказал:

– Наверное, моего отца нет в живых: не слышно, чтобы он стонал или кашлял.

Они пошли в конец главного дома. Там свалилась поперечная балка, она сильно обгорела в середине. Кари сказал Скарпхедину:

– Взбеги по ней, а я помогу тебе и потом взбегу вслед за тобой, и тогда мы оба спасемся, потому что весь дым относит в эту сторону.

Скарпхедин сказал:

– Беги ты первый, а я побегу сразу же за тобой.

– Это не годится, – говорит Кари, – потому что я могу выбраться из дома и в другом месте, если здесь не выйдет.

– Я не согласен, – говорит Скарпхедин. – Беги ты первым, а я побегу за тобой.

Кари сказал:

– Каждый человек должен стараться спасти свою жизнь, если это возможно. Так сделаю и я. Но нам с тобой больше не придется увидаться, потому что, если я выберусь из огня, у меня не хватит духа броситься назад к тебе в пламя, и каждый из нас пойдет тогда своим путем.

– Меня веселит мысль, – говорит Скарпхедин, – что если ты спасешься, зять, то отомстишь за нас.

Тогда Кари взял в руку пылающую головню и взбежал по балке. Он швырнул головню с крыши, и она упала на тех, кто стоял около дома. Они отскочили. На Кари пылала вся одежда и волосы. Он прыгнул с крыши и побежал в ту сторону, куда относил дым. Тогда тот, кто был всех ближе, сказал:

– Не человек ли там спрыгнул с крыши?

– Что ты, – сказал другой, – это Скарпхедин бросил в нас головней.

И они больше не стали думать об этом. А Кари добежал до ручья, бросился в него и потушил на себе огонь. Оттуда он перебежал, скрываясь в дыму, в яму и там лег отдохнуть. Эта яма называется с тех пор Ямой Кари.

Теперь надо рассказать о Скарпхедине. Он побежал вверх по балке вслед за Кари, но когда он добежал до того места, где балка больше обгорела, она рухнула под ним. Скарпхедин успел спрыгнуть вниз и сразу же снова бросился вверх по балке и взбежал на стену, но тут балка съехала под ним со стены, и он свалился вниз. Тогда Скарпхедин сказал:

– Теперь ясно, что мне суждено.

Он пошел вдоль боковой стены. Гуннар, сын Ламби, вскочил на стену и увидел Скарпхедина. Он сказал:

– Ты, кажется, плачешь, Скарпхедин?

– Нет, – отвечает тот, – но глаза и впрямь пощипывает. А ты, кажется, смеешься?

– Конечно, – говорит Гуннар, – и я ни разу не смеялся с тех пор, как ты убил Траина на Лесной Реке.

Скарпхедин сказал:

– Вот тебе на память об этом!

Он вынул из кошелька зуб, который выбил у Траина, и бросил его в Гуннара. Зуб попал ему прямо в глаз, так что глаз вытек на щеку, а Гуннар свалился со стены.

Потом Скарпхедин пошел к своему брату Гриму. Они взялись за руки и стали затапывать огонь, но когда дошли до середины дома, Грим упал мертвый.

Скарпхедин пошел тогда в конец дома. Раздался сильный грохот. Это обрушилась крыша. Скарпхедин оказался между обрушившейся крышей и стеной и не мог оттуда выбраться.

Флоси и его люди оставались у сгоревших построек до самого утра. Какой-то человек подъехал к ним. Флоси спросил, как его зовут. Тот сказал, что его зовут Гейрмунд и что он родич сыновей Сигфуса.

– Большое дело вы сделали, – говорит он.

Флоси отвечает:

– Люди будут называть это и большим делом, и злым делом. Но теперь уже ничего не поделаешь.

– Сколько здесь знатных людей погибло? – спрашивает Гейрмунд.

Флоси отвечает:

– Здесь погибли Ньяль и Бергтора, все их сыновья, Торд, сын Кари, Кари, сын Сёльмунда, и Торд Вольноотпущенник. О других мы не можем точно сказать, потому что не знаем их.

Гейрмунд сказал:

– Ты назвал среди погибших того, кто на самом деле спасся и с кем я разговаривал сегодня утром.

– Кто же это? – говорит Флоси.

– Я и мой сосед Бард встретили Кари, сына Сёльмунда, – говорит Гейрмунд, – и Бард дал ему свою лошадь. У него обгорели волосы и одежда.

– Было у него при себе какое-нибудь оружие? – говорит Флоси.

– У него был меч Усыпитель Жизни, – говорит Гейрмунд. – Лезвие его посинело, и мы сказали, что оно, наверное, потеряло закал, но он ответил на это, что закалит снова его в крови сыновей Сигфуса или других участников сожжения Ньяля.

– Что он сказал о Скарпхедине и Гримере?

Гейрмунд отвечает:

– Он сказал, что они оба были еще живы, когда он с ними расстался, но, наверное, теперь уже их нет в живых.

Флоси сказал:

– То, что ты нам сказал, не обещает нам мира, потому что спасся человек, который всего больше похож на Гуннара с Конца Склона. Знайте, сыновья Сигфуса и все вы, что из-за этого пожара начнется такая большая тяжба, что многим она будет стоить головы, а некоторым всего добра. Я думаю, что никто из вас, сыновей Сигфуса, не посмеет теперь жить у себя дома, и нельзя вас за это осуждать. Я приглашаю вас всех к себе на восток, и пусть у нас будет одна судьба.

Они поблагодарили его. Тогда Модольв, сын Кетиля, сказал вису:

Столб один-единый

Устоял от жилища Ньяля.

Ловко того, что хотели,

Достигли потомки Сигфуса.

Ныне за гибель Хёскульда

Ньяль сполна расквитался,

Людей и дома дотла

Светлое пламя спалило.

– Другим чем-нибудь надо похвалиться, – сказал Флоси, – а не тем, что мы сожгли Ньяля. В этом нет ничего славного.

Флоси взошел затем на стену, и с ним Глум, сын Хильдира, и некоторые другие. Глум спросил:

– Умер Скарпхедин или нет?

Другие сказали, что, наверное, он уже давно умер. Огонь иногда вырывался наружу, иногда гас. Тогда они услышали, что внизу, в огне, кто-то сказал вису:

Влагу ресниц не скоро

Осушит осина злата^[274],

Плача о стойком в сече

Клене моста великана^[275]

.....

.....

Смертоносные пели копья.

Кончил воитель вису.

Грани, сын Гуннара, сказал:

– Живой или мертвый сказал Скарпхедин эту вису?

– Не буду гадать, – говорит Флоси.

– Давайте искать Скарпхедина или других людей, которые здесь сгорели, – говорит Грани.

– Не надо этого делать, – говорит Флоси. – Только такие глупые люди, как ты, могут заниматься этим, когда народ собирается по всей округе. Тот, кто теперь промедлит, струсит потом так, что не будет знать, куда бежать. Мой совет: уехать нам всем отсюда как можно скорее.

Флоси и его люди поспешно пошли к лошадям, и Флоси спросил Гейрмунда:

– А что, Ингьяльд у себя в Ключах?

Гейрмунд ответил, что он, наверное, у себя дома.

– Вот человек, – сказал Флоси, – который нарушил данную нам клятву и все свои обещания.

Флоси сказал тогда сыновьям Сигфуса:

– Как вы хотите поступить с Ингьяльдом? Вы его простите или же мы поедem и убьем его?

Они все ответили, что хотят сразу же поехать и убить его. Тогда Флоси вскочил на свою лошадь, и за ним все другие, и они уехали.

Флоси ехал впереди. Он направился к Кривой Реке и потом вверх по ней. Он увидел человека, едущего ему навстречу по другой стороне реки. Он узнал в нем Ингьяльда с Ключей. Флоси окликнул его. Ингьяльд остановился и повернулся к реке. Флоси сказал ему:

– Ты нарушил договор с нами и должен лишиться своего добра и жизни. Сыновья Сигфуса хотят убить тебя. Так что плохи твои дела. Но я не убью тебя, если ты предоставишь мне право рассудить нас.

Ингьяльд отвечает:

– Я скорее поеду к Кари, чем предоставлю тебе право рассудить нас. А сыновьям Сигфуса я отвечу, что боюсь их не больше, чем они меня.

– Подожди тогда, – говорит Флоси. – Если ты не трус, я pošлю тебе подарок.

– Подожду, конечно, – говорит Ингьяльд.

В это время к Флоси подъехал его племянник Торстейн, сын Кольбейна, с копьем в руке. Он был один из самых храбрых среди людей Флоси и очень достойный человек. Флоси выхватил у него копье и метнул в Ингьяльда. Оно попало в него с левой стороны, пронзило щит ниже рукояти и раскололо его на куски, вонзилось в бедро выше колена и застряло в седле. Флоси спросил у Ингьяльда:

– Что, попал?

– Попал, – говорит Ингьяльд, – но я называю это царапиной, а не раной.

Ингьяльд выдернул копье из раны и сказал Флоси:

– Теперь ты подожди, если ты не трус.

И он метнул копье через реку. Флоси увидел, что копье летит прямо в него и осадил лошадь, так что копье пролетело перед самой грудью Флоси, но попало не в него, а прямо в Торстейна, и тот сразу же свалился с лошади мертвый. А Ингьяльд скрылся в лесу, и они его не догнали. Тогда Флоси сказал своим людям:

– Мы потеряли много людей. Вы знаете также, как нам теперь не повезло. Мой совет – ехать на Гряды Треугольной Горы. Оттуда нам будет видно любое скопление всадников по всей округе. Ведь они теперь будут собирать народ отовсюду и думать, что мы поехали на восток от Гряды Треугольной Горы. Они будут думать, что мы поехали на восток, в горы и дальше в наши края. Большая часть их поедет туда, и только несколько человек поедут вдоль берега моря к Ивняковому Отрогу, потому что им будет казаться менее вероятным, что мы поехали туда. Что же до нас, то я советую ехать на Треугольную Горы и ждать там, пока солнце не зайдет в третий раз.

Так они и сделали.

CXXXI

Теперь надо рассказать о Кари, что он вылез из ямы, в которой отдыхал. Он шел, пока не встретил Барда, и между ними произошел разговор, о котором рассказал Гейрмунд. Оттуда Кари отправился к Мёрду, сыну Вальгарда, и рассказал ему о том, что случилось. Тот очень огорчился. Кари сказал, что для мужчины есть дело более достойное, чем оплакивать мертвых, и попросил его лучше собрать людей и привести их к Лесному Броду.

После этого он поехал в Долину Бычьей Реки к Хьяльти, сыну Скегги. И когда он переправился через Бычью Реку, он увидел, что ему навстречу быстро скачет какой-то человек. Кари подождал его и узнал Ингьяльда с Ключей. Он увидел, что у того все бедро залито кровью. Он спросил Ингьяльда, кто его ранил, и тот рассказал ему.

– Где вы встретились? – говорит Кари.

– У Кривой Реки, – говорит Ингьяльд, – он метнул в меня через реку копье.

– А ты ему отплатил? – спрашивает Кари.

– Я метнул копье обратно, – отвечает Ингьяльд, – и они сказали, что я попал в кого-то и тот сразу же умер.

– Ты не знаешь, – говорит Кари, – в кого ты попал?

– По-моему, в Торстейна, племянника Флоси, – говорит Ингьяльд.

– Славное дело! – говорит Кари.

После этого они оба поехали к Хьяльти, сыну Скегги, и рассказали ему о том, что случилось. Он возмущен и сказал, что надо непременно догнать их и убить. Затем он стал собирать народ и созвал всех. И вот

они с Кари и со всем народом поехали навстречу Мёрду, сыну Вальгарда, и встретились с ним у Лесного Брода. Мёрд уже ждал их, и с ним было много народу. Они разделились для преследования: одни поехали нижней дорогой к Ивняковому Отрогу, другие – к Речному Склону, третьи – верхней дорогой, через Гряды Треугольной Горы и в Землю Богов, затем на север, к Пескам, четвертые – к Рыбным Озерам и повернули обратно, пятые – на восток, в Холм, нижней дорогой, и рассказали Торгейру о том, что случилось, и спросили его, не проезжали ли те здесь. Торгейр сказал:

– Я, конечно, человек небольшой, но все же Флоси надо хорошенько подумать, прежде чем проезжать у меня перед глазами. Ведь он убил моего дядю Ньяля и моих двоюродных братьев. А вам ничего не остается иного, как вернуться назад, потому что вы ищите не там, где нужно. А Кари скажите, что, если он хочет, пусть приезжает сюда и остановится у меня. Но если он приезжать сюда не захочет, то, если ему угодно, я присмотрю за его хозяйством в Проливных Островках. Скажите, что я помогу ему, как смогу, и поеду с ним на альтинг. А еще пусть он знает, что я и мои братья как самые близкие родственники убитых имеем право предъявить обвинение на суде. Мы думаем повести тяжбу так, чтобы, если это удастся, их объявили вне закона, а закон отомстит им. Но с вами я сейчас не поеду, так как знаю, что это ни к чему: они сейчас будут очень осторожны.

И вот они вернулись обратно и встретились все в Капище. Они говорили, что опозорились, оттого что не нашли убийц, но Мёрд сказал, что это не так. Многие стали предлагать поехать к Речному Склону и разграбить все добро тех, кто замешан в этом деле, но все же предоставили решать Мёрду. Тот сказал, что это было бы величайшей глупостью. Они спросили его, почему он так говорит.

– Потому, – ответил он, – что если мы не тронем их дворы, то они заедут присмотреть за хозяйством и навестить жен, и тогда со временем мы сможем их подстеречь. Вы можете не сомневаться, что я буду верен Кари, потому что должен отвечать и за самого себя.

Хьяльти сказал ему, чтобы он делал, как обещал. Затем Хьяльти пригласил Кари к себе, и тот сказал, что приедет к нему первому. Они передали, что Торгейр приглашал его, но он сказал, что воспользуется этим предложением позже и что все должно удасться хорошо, как говорит ему его предчувствие, если будет много таких людей. После этого они отпустили всех.

Флоси и его люди видели всё это со своей горы. Флоси сказал:

– Возьмем теперь своих коней и уедем, сейчас уже можно.

Сыновья Сигфуса спросили, можно ли им вернуться по домам и отдать распоряжения по хозяйству.

– Мёрд рассчитывает, – сказал Флоси, – на то, что вы навестите своих жен, и я догадываюсь, что это он посоветовал не трогать ваши

дворы. Поэтому я советую вам не разъезжаться и всем поехать со мной на восток.

Все послушались этого совета, и вот они все пустились в путь – севернее ледника, а затем на восток, на Свиную Гору. Флоси сразу же послал людей сделать запасы, чтобы у них ни в чем не было недостатка.

Флоси никогда не хвастался тем, что сделал. Но никогда также не выказывал страха. Он пробыл дома всю зиму, далеко за праздник середины зимы.

CXXXII

Кари сказал Хьяльти, чтобы тот поехал с ним искать кости Ньяля:

– Ведь все поверят твоим рассказам и тому, что ты увидел.

Хьяльти сказал, что охотно перевезет кости Ньяля в церковь. Их поехало пятнадцать человек. Они поехали на восток через Бычью Реку и приглашали людей ехать с ними. Так их собралось с соседями Ньяля до сотни человек.

Они приехали на Бергторов Пригорок к полудню. Хьяльти спросил Кари, где мог бы лежать Ньяль, и Кари указал им место. Там надо было убрать очень много пепла. Они нашли шкуру, и оказалось, что обоих – Ньяля и Бергтору – огонь не тронул. Все возблагодарили Бога и сочли это большим чудом. Затем вынули мальчика, который лежал между ними, и у него обгорел только палец, который он высунул из-под кожи. Вынесли Ньяля, а потом Бергтору. Затем все подошли посмотреть на их тела. Хьяльти сказал:

– Какими кажутся вам эти тела?

Они ответили:

– Мы бы хотели сначала послушать, что ты скажешь.

Хьяльти сказал:

– Я вам скажу, что думаю, не таясь. Тело Бергторы кажется мне таким, каким я и думал его найти, и оно даже хорошо выглядит, но тело Ньяля и его лик кажутся мне такими сияющими^[276], что я еще ни у одного покойника не видал такого сияющего тела.

Все согласились с ним. Затем они принялись искать Скарпхедина. Те, кому было позволено выйти из горящего дома, показали место, где Флоси со своими людьми слышал, как была сказана виса. Там крыша обвалилась возле передней стены, и Хьяльти сказал, что копать надо там. Тогда они так и сделали и нашли тело Скарпхедина. Он стоял у стены. У него обгорели ноги почти до колен, но больше ничего на нем не обгорело. Он закусил себе усы. Глаза у него были открыты и не вытаращены. Секиру он загнал в стену так глубоко, что она вошла по самую середину лезвия и не потеряла закалки. Затем секиру вытащили. Хьяльти поднял ее и сказал:

– Это редкое оружие, и мало кто сможет носить его.

Кари сказал:

– Я знаю человека, который сможет носить эту секиру.

– Кто это? – спросил Хьяльти.

– Торгейр Ущельный Гейр, – ответил Кари. – По-моему, он теперь самый большой человек в роду.

После этого со Скарпхедина сняли одежду. Она не сгорела. Руки у него были сложены крестом, правая поверх левой. Они нашли на нем два ожога, один между лопаток, а другой на груди, и оба они имели очертания креста, так что люди решили, что он сам выжег их на себе. Все нашли, что находиться возле мертвого Скарпхедина оказалось легче, чем они думали, потому что теперь его никто не боялся.

Они принялись искать Грима и нашли его кости в середине главного дома. Напротив него, под продольной стеной, они нашли Торда Вольноотпущенника, а в ткацкой – старуху Сиунн и еще троих человек. Всего они нашли кости одиннадцати человек. После этого они перевезли тела в церковь.

Затем Хьяльти поехал домой, и Кари с ним. У Ингьяльда опухла нога. Тогда он поехал к Хьяльти, и тот вылечил его, но Ингьяльд остался хромым.

Кари поехал в Междуречье к Асгриму, сыну Лодейного Грима. Торхалла уже приехала домой и успела рассказать о том, что случилось. Асgrim принял Кари с распростертыми объятиями и сказал ему, чтобы он оставался у него на весь год. Кари согласился. Тогда Асgrim пригласил к себе всех, кто был на Бергторовом Пригорке. Кари сказал, что это хорошее предложение, и прибавил:

– Я принимаю его от их имени.

Тогда все приехали к Асгриму.

Когда Торхаллю, сыну Асгрима, сказали, что Ньяля, его воспитателя, нет в живых и что он сожжен, то он так расстроился, что весь побагровел и у него из ушей так хлынула струями кровь, что ее было не унять. Он лишился чувств, и лишь тогда кровь остановилась. После этого он встал и сказал, что держал себя малодушно, и прибавил:

– Я бы только хотел суметь отомстить кому-нибудь из тех, кто сжег его, за то, что сейчас со мной приключилось.

Другие сказали, что никто не сочтет это за позор, но он ответил, что не хочет отступать от своих слов.

Асgrim спросил Кари, какой помощи он может ждать от тех, что живут восточнее рек. Кари ответил, что Мёрд, сын Вальгарда, и Хьяльти, сын Скеggi, помогут ему, чем могут, а также Торгейр Ущельный Гейр и все его братья. Асgrim сказал, что это была бы большая сила.

– На какую помощь от тебя мы можем рассчитывать? – спрашивает Кари.

– На все, что в моих силах, – отвечает Асгрим, – и на мою жизнь в придачу.

– Так и поступай, – говорит Кари.

– Я вовлек в наше дело и Гицура и спросил у него совета, – говорит Асгрим.

– Это хорошо, – говорит Кари, – что же он предложил?

Асгрим отвечает:

– Он предложил, чтобы мы до весны ничего не делали, а там поехали на восток и начали против Флоси тяжбу об убийстве Хельги^[277], вызвали на суд соседей места убийства и объявили на тинге о поджоге. Я также спросил Гицура, кому следует вести тяжбу об убийстве, и он сказал, что Мёрду, хочет он того или нет. «Пусть ему достанется самое трудное, потому что он вел себя позорнее всех. Кари всякий раз при встрече с Мёрдом будет в гневе, и это поможет мне заставить его согласиться», сказал мне Гицур.

Тогда Кари сказал:

– Мы будем следовать твоим советам, пока ты сможешь давать их нам и стоять во главе нас.

Надо сказать о Кари, что он не мог спать по ночам. Однажды ночью Асгрим проснулся и услышал, что Кари не спит.

Асгрим сказал:

– Тебе не спится ночью?

Тогда Кари сказал вису:

Сон ко мне не идет,

Вовсе не сплю я отныне,

О Ньёрд перекладины лука^[278],

Все вспоминаю Ньяля,

С той самой поры, как осенью
Сгорел он, – свежо мое горе, —
Сожженный в доме деревьями
Огня ограды сражений^[279].

Кари ни о ком так часто не говорил, как о Ньяле и Скарпхедине. Он никогда не поносил своих врагов и никогда ничем не угрожал им.

CXXXIII

Однажды ночью на Свиной Горе случилось, что Флоси застонал во сне. Глум, сын Хильдира, стал будить его, но долго не мог добудиться. Наконец Флоси сказал:

– Пусть позовут ко мне Кетиля из Леса.

Кетиль пришел. Флоси сказал:

– Я хочу рассказать тебе свой сон.

– Хорошо, – говорит Кетиль.

– Приснилось мне, – говорит Флоси, – будто я у Гагарьей Горы. Я выхожу из дома, смотрю на гору, и она открывается. Из нее вышел человек в одежде из козьих шкур и с железным посохом в руке. Он шел и звал моих людей, сначала одних, потом других, и звал их по именам. Первым он позвал Грима Рыжего и Арни, сына Коля. Мне это показалось странным. И будто он потом позвал Эйольва, сына Бельверка, Льота, сына Халля с Побережья, и еще каких-то людей. Потом он помолчал. А затем он позвал пятерых из наших людей – сыновей Сигфуса, твоих братьев. После этого он позвал других пятерых – среди них Ламби, Модольва и Глума. Потом он позвал еще троих. Под конец он позвал Гуннара, сына Ламби, и Коля, сына Торстейна. После этого он подошел ко мне. Я спросил у него, что нового. Он сказал, что мог бы рассказать кое-какие новости. Тогда я спросил, как его зовут, и он назвался Железным Гримом. Я спросил его, куда он держит путь, и он ответил, что держит путь на альтинг.

– Что ты будешь там делать? – спросил я.

Он ответил:

– Сначала я отведу соседей, потом судей, а затем я приготовлю поле боя.

И тогда он сказал:

Срок исполнится: встанет
Ратной стали властитель^[280],
Скоро опоры шлемов^[281]
С плеч полетят на землю,

Слышу, сюда все ближе
Черного лязг железа.
Смертной росой кровь
Многим покроет ноги.

Он ударил посохом, и раздался сильный грохот. После этого он вошел в гору, а меня охватил страх. И вот мне хочется, чтобы ты сказал, что, по-твоему, означает мой сон.

– Мне думается, – сказал Кетиль, – что все, кто был назван, скоро погибнут. А раз это так, мне думается, что нам не следует никому говорить об этом сне.

Флоси сказал, что так и сделает.

Вот проходит зима, и кончается праздник середины зимы. Флоси говорит своим людям:

– Я полагаю, нам надо отправиться из дому, потому что, как мне думается, нас не оставят в покое. Мы отправимся сейчас просить помощи. Теперь сбудется то, что я вам говорил, – у многих нам придется валяться в ногах, прежде чем кончится это дело.

CXXXIV

После этого они все собрались в путь. Флоси был в штанах, закрывавших всю ногу и ступню, потому что собирался идти пешком^[282]. Он знал, что тогда и другим покажется легче идти пешком.

Сначала они отправились на Шишечное Поле, на следующий день – на Широку Реку, с Широкой Реки – на Телячью Гору, оттуда – на Мыс Бьярни у Рогового Фьорда, оттуда – на Столбовую Гору у Лагуны, а затем на Купальную Реку, к Халлю с Побережья. Флоси был женат на его дочери Стейнвёр.

Халль принял их очень хорошо. Флоси сказал ему:

– Я хочу попросить тебя, тесть, чтобы ты поехал на тинг со всеми своими людьми, которые ездят туда с тобой.

Халль ответил:

– Сбылась пословица, что недолго рука радуется удару. Многие из твоих людей, которые всех больше подбивали других на злое дело, теперь не смеют и голову поднять. Но что до меня, то я должен помочь тебе, насколько это в моих силах.

Флоси сказал:

– Что посоветуешь мне теперь делать?

Халль сказал:

– Отправляйтесь на север, до самого Оружейного Фьорда, и проси у всех знатных людей помощи. Она тебе понадобится еще до конца тинга.

Флоси пробыл там три ночи, отдохнул и оттуда отправился на восток, на Козлиные Плиты, а оттуда – в Медведицын Фьорд. Там они переночевали. Оттуда они пошли на восток, в Широку Долину в Сенных Долинах. Там жил Халльбьёрн Сильный. Он был женат на Оддню, сестре Сёрли, сына Бродд-Хельги. Флоси там приняли хорошо. Халльбьёрн много расспрашивал его о сожжении Ньяля, и Флоси подробно рассказал ему обо всем. Халльбьёрн спросил, как далеко Флоси направляется на север, и тот ответил, что держит путь к Оружейному Фьорду. Тут Флоси вынул из своего пояса кошелек и сказал, что хочет подарить его Халльбьёрну. Тот взял деньги, но сказал, что Флоси незачем делать ему подарки.

– Однако я хотел бы знать, чем могу отплатить тебе, – сказал он.

– Мне деньги не нужны, – сказал Флоси, – но я хотел бы, чтобы ты поехал со мной на тинг и поддержал бы меня в моем деле. Правда, я не могу просить тебя: ведь ты мне не родич и не свойственник

Халльбьёрн сказал:

– Я обещаю, что поеду с тобой на тинг и помогу в твоём деле, как помог бы своему брату.

Флоси поблагодарил его. Оттуда он пошел через Перевал Широкой Долины, а затем к Двору Храфнкеля. Этим двором владел Храфнкель, сын Торира, внук Храфнкеля, правнук Храфна. Флоси там приняли хорошо, и он попросил Храфнкеля, чтобы тот поехал с ним на тинг и помог ему. Храфнкель долго отговаривался, но в конце концов

пообещал, что его сын Торир поедет со всеми своими людьми и поможет ему так же, как годи его тинга. Флоси поблагодарил его и пошел к Двору Берси. Этим двором владел Хольмстейн, сын Берси Мудрого. Он принял Флоси очень хорошо. Флоси попросил о помощи. Хольмстейн сказал, что он уже вознагражден за эту помощь.

Оттуда они пошли к Двору Вальтёва. Этим двором владел Сёрли, сын Бродд-Хельги, брат Бьярни, сына Бродд-Хельги. Он был женат на Тордис, дочери Гудмунда Могучего с Подмаренничных Полей. Их приняли там хорошо. А наутро Флоси стал просить Сёрли, чтобы тот поехал с ним на тинг, и предложил ему за это денег.

– Я ничего не могу сказать, – ответил тот, – пока не узнаю, на чьей стороне Гудмунд Могучий, мой тесть, потому что я буду помогать ему, на чьей бы стороне он ни был.

Флоси сказал:

– По твоему ответу я вижу, что правит в твоём доме жена.

Флоси встал и велел своим людям взять одежду и оружие. Они ушли, так и не заручившись поддержкой. Они направились через Озерную Реку и дальше через горы к Заливу Ньёрда. Там жили двое братьев – Торкель Мудрейший и его брат Торвальд. Их отцом был Кетиль Гром, сын Тидранди Мудрого, внук Кетиля Грома, правнук Торира Глухаря. Матерью Торкеля Мудрейшего и Торвальда была Ингвильд, дочь Торкеля Мудрейшего. Флоси там приняли хорошо. Он рассказал братьям о своём деле и попросил у них помощи, но они отказывались, пока он не подарил каждому из них за помощь три марки серебра. Тогда они согласились помочь Флоси. Ингвильд, их мать, стояла рядом, когда они пообещали поехать с ним на тинг, и начала плакать. Торкель спросил:

– Что ты плачешь, мать?

Она ответила:

– Мне приснилось, что твой брат Торвальд был в красной одежде, и она была такая тесная, словно была пришита к его телу. И будто на ногах у него были красные чулки, обвитые плохими обвязками. И мне было жалко смотреть на него, потому что я знала, что ему очень неудобно в этой одежде, но я ничего не могла поделать.

Они рассмеялись, назвали этот сон глупостью и сказали, что ее пустые слова не удержат их от поездки на тинг. Флоси горячо поблагодарил их и отправился оттуда в Оружейный Фьорд.

Он пришел в Капище. Этим двором владел Бьярни, сын Бродд-Хельги, внук Торгильса, правнук Торстейна Белого. Отцом Торстейна Белого был Эльвир, сын Эйвальда, внук Бычьего Торира. Матерью Бьярни была Халла, дочь Лютинга. Матерью Бродд-Хельги была Асвёр, дочь Торира, сына Граут-Атли, внука Торира Глухаря. Бьярни, сын Бродд-Хельги, был женат на Раннвейг, дочери Торгейра, сына Эйрика из Долины Богов, внука Гейрмунда, правнука Хроальда, праправнука

Эйрика Торчащая Борода. Бьярни принял Флоси с распростертыми объятиями. Флоси предложил Бьярни деньги за помощь. Бьярни сказал:

– Я никогда не продавал своего мужества или своей помощи за деньги. А теперь, когда тебе нужна поддержка, я поступлю, как твой друг, поеду с тобой на тинг и помогу, как помог бы своему брату.

– Уж не знаю, как тебя благодарить, – сказал Флоси, – впрочем, я от тебя этого и ждал.

После этого Флоси поехал к Крестовый Залив. Торкель, сын Гейтира, был еще раньше его большим другом. Флоси рассказал ему о своем деле. Торкель сказал, что обязан помочь Флоси, как может, и не отступаться от его дела. Торкель поднес Флоси на прощанье богатые подарки.

Оттуда Флоси отправился на север, к Оружейному Фьорду, и там в Речную Долину. Он остановился у Хольмстейна, сына Берси Мудрого, и сказал ему, что все захотели помочь ему в его нужде, кроме Сёрли, сына Бродд-Хельги. Хольмстейн сказал, что причина в том, что Сёрли человек мирный. Хольмстейн поднес Флоси богатые подарки.

Флоси отправился вверх по Речной Долине, а оттуда на юг горами через Секирную Лаву, вниз по Долине Жженого Рога, вышел к западной части Лебединого Фьорда и остановился лишь на Купальной Реке у своего тестя Халля. Там Флоси со своими людьми отдыхал полмесяца. Флоси спросил Халля, что он посоветует, как ему вести себя и что делать. Халль сказал:

– Я советую тебе, чтобы ты оставался дома вместе с сыновьями Сигфуса и присматривал за хозяйством, а они пусть пошлют людей смотреть за их хозяйством. Поезжайте теперь домой, а когда вы поедете на тинг, то поезжайте все вместе и не разделяйтесь. Потом пусть сыновья Сигфуса поедут к своим женам. Мы тоже поедem на тинг – я, Льот, мой сын, и все наши люди, – и мы поможем тебе, чем только сможем.

Флоси поблагодарил его. На прощанье Халль поднес ему богатые подарки.

После Флоси уехал с Купальной Реки, и о его поездке рассказывать нечего, пока он не вернулся домой, на Свиную Гору. Он пробыл тут остаток зимы и все лето до самого тинга.

CXXXV

Теперь надо рассказать о том, как Торхалль, сын Асгрима, и Кари, сын Сёльмунда, однажды поехали на Мшистую Гору к Гицуру Белому. Он встретил их с распростертыми объятиями, и они пробыли у него очень долго. Однажды, когда они говорили с Гицуром Белым о сожжении Ньяля, Гицур назвал большим счастьем, что Кари выбрался из огня. Тут у Кари с языка слетела виса:

Дуб топора^[283], разъяренный,
Не думал бежать из дыма,
Скрывшего стены дома
Ньяля, о клен сражений^[284]

Там горели в огне
Тополи пламени Тунда^[285]
Люди, внимлите правде
Об этой беде великой!

Тогда Гицур сказал:

– Можно понять, что ты этого не забываешь. Однако не будем сейчас больше говорить об этом.

Кари сказал, что хочет ехать домой. Гицур сказал ему:

– Хотелось бы мне дать тебе совет. Не едь домой, а отправляйся отсюда на восток, к подножию Островных Гор, к Торгейру Ущельному Гейру и Торлейву Ворону. Они поедут на запад вместе с тобой, потому что они главные истцы в деле. Пусть с ними поедет их брат Торгрим Большой. Вы поедете к Мёрду, сыну Вальгарда. Передай ему мои слова, чтобы он начал тяжбу против Флоси об убийстве Хельги, сына Ньяля. А если он станет возражать, прикинься страшно разгневанным и сделай вид, будто хочешь ударить его секирой по голове. Если же он не подчинится, пригрози ему моим гневом. А еще скажи ему, что я велю Торкатле, моей дочери, уйти от него и вернуться ко мне, домой. Ему этого не вынести, потому что он в ней души не чает.

Кари поблагодарил за совет. Кари не просил его о помощи, потому что думал, что Гицур и в этом случае, как всегда и во всем, поступит как друг.

Оттуда Кари отправился на восток, через реки, к Речному Склону, через Лесную Реку и потом к Ивняковому Отрогу. Они добрались до Холма. Торгейр очень обрадовался их приезду. Он рассказал им о путешествии Флоси и о том, какую большую помощь он получил в Восточных Фьордах. Кари ответил, что нет ничего удивительного в том, что Флоси просит помощи, – ведь ему есть за что держать ответ. Торгейр сказал:

– Чем хуже у них будут дела, тем лучше.

Кари передал Торгейру советы Гицура. Затем они поехали на запад, на Равнину Кривой Реки, к Мёрду, сыну Вальгарда. Он принял их хорошо. Кари передал ему слова его тестя Гицура. Мёрд колебался и говорил, что против Флоси дело вести труднее, чем против десятерых других. Кари сказал:

– Ты держишь себя точно так, как он предсказал. Всем ты плох: ты и труслив, и нерешителен. А кончится все это тем, что Торкатла уедет домой к отцу, и поделом тебе будет.

Она тут же собралась и сказала, что уже давно готова к тому, что им с Мёрдом придется расстаться. Тогда Мёрд сразу повел совсем другие речи, попросил, чтобы она сменила гнев на милость, и взял на себя тяжбу. Кари сказал:

– Теперь, раз ты взял на себя тяжбу, действуй смело, ведь дело идет о твоей жизни.

Мёрд сказал, что сделает все, чтобы с честью довести дело до конца.

После этого он созвал к себе девятерых соседей. Это все были соседи места убийства. Мёрд взял за руку Торстейна и назвал двух свидетелей.

– Я призываю вас в свидетели того, – сказал он, – что Торгейр, сын Торира, передал мне право вести тяжбу против Флоси, сына Торда, об убийстве Хельга, сына Ньяля, и все доказательства, которые относятся к делу. Ты передаешь мне эту тяжбу, чтобы я преследовал их по закону или мирился и пользовался всеми правами законного истца. Ты передаешь мне по закону, и я принимаю по закону.

В другой раз Мёрд назвал свидетелей.

– Я призываю вас в свидетели того, – сказал он, – что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, и нанес ему рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я объявляю об этом при пяти соседях места убийства, – и он назвал их всех, – и объявляю по закону. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

Еще раз он назвал свидетелей.

– Я призываю вас в свидетели того, – сказал он, – что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой он умер, на месте, где Флоси, сын Торда, перед этим незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. Я объявляю об этом при пяти соседях места убийства, – и он назвал их всех, – и объявляю по закону. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд назвал свидетелей в четвертый раз.

– Я призываю вас в свидетели того, – сказал он, – что я требую, чтобы все эти девятеро соседей места убийства, – и он назвал их всех по именам, – поехали на альтинг и засвидетельствовали, что Флоси, сын Торда, первым незаконно напал на Хельги, сына Ньяля, на том месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я требую, чтобы вы сказали все, что вас обязывает сказать закон, чего я потребую от вас на суде и что относится к этому делу. Я требую этого от вас по закону, так что вы сами слышите. Я требую этого по тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

Мёрд назвал своих свидетелей.

– Я призываю вас в свидетели того, что я потребовал от этих девятерых соседей места боя, чтобы они поехали на альтинг и засвидетельствовали, нанес ли Флоси, сын Торда, Хельги, сыну Ньяля, рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги погиб на том месте, где Флоси, сын Торда, первым незаконно напал на Хельги, сына Ньяля. Я требую от вас, чтобы вы сказали всё, что вас обязывает сказать закон, чего я потребую от вас на суде и что относится к делу. Я требую этого от вас законным требованием, так что вы сами его слышите. Я требую этого по тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд сказал:

– Вот тяжба начата, как вы меня просили. Я хочу теперь попросить тебя, Торгейр, чтобы ты заехал за мной, когда поедешь на тинг, и чтобы мы поехали вместе с твоими и моими людьми и всемерно поддерживали бы друг друга. Моих людей я соберу как раз к началу тинга. Я буду во всем верен вам.

Они сказали, что согласны, и поклялись друг другу в том, что ни один из них не оставит другого, пока этого не захочет Кари, и что каждый из них отдаст свою жизнь за другого. Они договорились встретиться на тинге и дружески расстались.

Торгейр поехал обратно на восток, а Кари поехал на запад, через реки, в Междуречье, к Асгриму. Тот его принял очень хорошо. Кари рассказал Асгриму обо всех советах Гицура Белого и о начале тяжбы.

– Я ожидал, – сказал Асgrim, – что он поступит правильно, и он не обманул моих ожиданий.

Асgrim спросил:

– Какие у тебя вести о Флоси?

Кари ответил:

– Он ходил на восток до самого Оружейного Фьорда, и почти все знатные люди обещали ему помочь и поехать с ним на тинг. Они ожидают также помощи от людей из Долины Дымов, со Светлого Озера и Секирного Фьорда.

Они много еще говорили об этом.

И вот подходит время альтинга. У Торхалля, сына Асгрима, так разболелась нога, что над лодыжкой она распухла и стала толстой, как бедро женщины. Он мог ходить, только опираясь на палку. Он был человеком высокого роста и сильным, темноволосым и смуглым, сдержанным в речах, но горячим. Он был одним из трех величайших знатоков законов в Исландии.

Вот подходит время ехать на тинг.

Асgrim сказал Кари:

– Поезжай к началу тинга и покрой наши землянки. Пусть с тобой поедет и мой сын Торхалль, потому что ты будешь с ним добрее и

заботливее, чем все другие. Он ведь хром, а на этом тинге он нам будет очень нужен. Пусть с вами поедет еще двадцать человек.

После этого они собрались в путь и поехали на тинг, покрыли там землянки и удобно расположились.

CXXXVI

Флоси и десятью десять человек, которые вместе с ним были при сожжении Ньяля, отправились на запад. Они доехали до Речного Склона. Там сыновья Сигфуса распорядились по хозяйству и пробыли день, а вечером поехали на запад, через Бычью Реку, переночевали там, а рано утром сели на коней и поехали дальше. Флоси сказал своим людям:

– Теперь мы поедem в Междуречье, к Асгриму и подразним его. Они охотно согласились.

Когда они подъехали к Междуречью, Асгрим и с ним еще несколько человек стояли перед домом. Как только подъезжающие показались, они их сразу же увидели. Люди Асгрима сказали:

– Это, наверное, Торгейр Ущельный Гейр.

Асгрим сказал:

– Нет, не думаю, потому что эти люди приближаются со смехом и криками, а родичи Ньяля, такие, как Торгейр, не смеялись бы, пока не отомщено сожжение Ньяля. Мне думается другое, хотя, может быть, вам это покажется невероятным. По-моему, это Флоси, а с ним его поджигатели, и они, верно, хотят подразнить нас. Войдемте все в дом.

Они так и сделали. Асгрим велел подмести в доме и повесить стены, принести столы и накрыть их. Он велел поставить второй ряд скамеек.

Флоси въехал на луг перед домом и сказал своим людям, чтобы они спешили и вошли в дом. Те послушались, и Флоси со своими людьми вошел в дом. Асгрим сидел на поперечной скамье. Флоси посмотрел на скамьи и увидел, что приготовлено все, что только нужно. Асгрим не поздоровался с ними, а сказал Флоси:

– Столы накрыты – приготовлена еда для тех, кому она нужна.

Флоси и его люди сели за столы, а оружие свое прислонили к стене. Те, кто не уместился на скамьях у стены, сели на скамейки, поставленные спереди, а четверо стояли с оружием перед местом, где сидел Флоси, во время всей еды. Пока они ели, Асгрим молчал, но лицо его побагровело. Когда они поели, женщины убрали со столов, и некоторые из них внесли воду для рук. Флоси не торопился, словно был у себя дома. В углу лежал дровяной топор. Асгрим обеими руками схватил его, вскочил на скамью у стены, собираясь ударить Флоси по голове. Глум, сын Хильдира, успел увидеть, что тот задумал. Он тотчас вскочил, выхватил топор у Асгрима из рук и повернул его лезвием к

Асгриму; Глум был силен. Тут набежал народ, и они хотели наброситься на Асгрима, но Флоси сказал, чтобы никто его не трогал.

– Слишком тяжелому испытанию мы его подвергли, – сказал он, – но он держал себя как должно и показал, что у него есть мужество.

Флоси сказал Асгриму:

– Мы сейчас распрощаемся здесь, но встретимся на тинге и там рассчитаемся.

– Ладно, – сказал Асgrim, – но мне бы хотелось, чтобы, когда тинг кончится, вы поджали хвосты.

Флоси ничего не ответил.

Тогда они все вышли, сели на коней и ускакали. Они доехали до Озера Горячих Источников и переночевали там. Наутро они добрались до Пастбищных Полей и расположились на отдых. Там к ним подъехало много разных людей. Там был Халль с Побережья, и там были все люди с Восточных Фьордов. Флоси очень обрадовался им и рассказал им о своем путешествии и случае с Асгримом. Многие хвалили Флоси и говорили, что он поступил отважно. Но Халль сказал:

– А я сужу иначе. По-моему, ты поступил неразумно. Они и так слишком хорошо помнят о своем горе, чтобы им снова напоминать о нем. Люди обычно себе же вредят, когда оскорбляют других.

Халлю явно казалось, что Флоси зашел слишком далеко.

Оттуда они все вместе отправились дальше и добрались до верхнего поля тинга, построились там в боевой порядок и затем поехали вниз к тингу. Флоси заранее, еще до того как поехал на тинг, велел покрыть землянку Крепостцу, а люди с Восточных Фьордов разъехались по своим землянкам.

CXXXVII

Торгейр Ущельный Гейр отправился на запад, и с ним много людей. С ним были его братья Торлейв Ворон и Торgrim Большой. Они приехали в Капище к Мёрду, сыну Вальгарда, и подождали, пока тот соберется. Мёрд взял с собой всех, кто мог носить оружие, и они могли убедиться в том, что он вполне надежен.

Потом они поехали на запад и перебрались через реки. Там они стали ждать Хьяльти, сына Skeggi. Вскоре подъехал Хьяльти. Они ему очень обрадовались. Затем все вместе они поехали дальше. Они остановились в Дымах, в Епископском Междуречье, и стали ждать Асгрима. Он подъехал к ним, и они поехали на запад через Мостовую Реку. Асgrim рассказал тогда обо всем, что произошло у него с Флоси. Торгейр сказал:

– Хотелось бы, чтобы мы испытали их храбрость еще до конца тинга.

Они доехали до Пастбищных Полей. Там к ним присоединился Гицур Белый, и с ним много его людей. Они долго говорили меж собой. Они добрались до верхнего поля тинга, построились там все в боевой порядок и потом поехали к тингу. Флоси и все его люди бросились к оружию, и чуть было не разгорелся бой, но Асgrim и его спутники боя не приняли и проехали к своим землянкам. Этот день прошел спокойно, и никаких столкновений не было. Из всех четвертей страны съехались знатные люди, и никто не помнил, чтобы когда-нибудь на тинге было бы столько народу.

CXXXVIII

Жил человек по имени Эйольв. Его отцом был Бёльверк, сын Эйольва Серого из Выдрей Долины, внук Торда Ревуна, правнук Олейва Фейлана. Матерью Эйольва была Хродню, дочь Скегги со Среднего Фьорда, Эйольв был человеком очень уважаемым и на редкость хорошо разбирался в законах, так что он был одним из трех величайших знатоков законов в Исландии. Он был очень красив лицом, высок и силен и обещал стать со временем большим человеком. Он был жаден до денег, как и все его родичи.

Однажды Флоси пошел к землянке Бьярни, сына Бродд-Хельги. Бьярни принял его с распростертыми объятиями, и Флоси сел рядом с ним. Они долго говорили. Флоси сказал Бьярни:

– Что нам теперь делать?

Бьярни ответил:

– Положение непростое. Мне кажется, что разумнее всего было бы просить себе поддержки, потому что они собирают против нас большие силы. И я хочу спросить тебя, Флоси, есть ли среди ваших людей хороший знаток законов. Ведь у вас на выбор две возможности: либо просить мира – и это было бы очень хорошо, либо отвести обвинение, найдя в нем ошибки, хотя в этом случае и сочтут, что вы действуете слишком дерзко. Мне думается, что вам лучше выбрать второе, потому что вы уже раньше держали себя дерзко, и теперь вам не пристало смиряться.

Флоси сказал:

– Раз уж ты спрашиваешь о знатоках законов, то сразу же тебе отвечу, что нет их среди наших людей, и мне не на кого надеяться, кроме твоего родича Торкеля, сына Гейтира.

Бьярни сказал:

– Его в расчет брать нельзя. Хоть он и знает законы, но слишком осторожен. Нечего и думать, что он нам может быть щитом. Однако он будет тебе верен не меньше других, потому что храбрости у него хватает. Но должен тебе сказать, что тому, кто будет возражать против обвинения в сожжении Ньяля, это будет стоить жизни. А я бы не хотел,

чтобы это случилось с моим родичем Торкелем. Попробуйте счастья в другом месте.

Флоси сказал, что не знает, кто лучшие знатоки законов.

Бьярни сказал:

– Есть человек по имени Эйольв. Он сын Бёльверка. Он самый лучший знаток законов в западной четверти. Чтобы втянуть его в дело, придется дать ему много денег, но за этим мы не постоим. Нам надо также не расставаться с оружием на всех сборищах и все время быть начеку, однако не нападать на них и лишь защищаться, если они на нас нападут. А теперь я пойду с тобой просить помощи, потому что мне кажется, что нельзя больше сидеть сложа руки.

Они вышли из землянки и пошли к людям с Восточных Фьордов. Бьярни переговорил с Лютингом, Блейингом и Хрои, сыном Арнстейна, и быстро добился от них того, чего просил. Затем они отправились к Колю, сыну Скути Убийцы, и к Эйвинду, сыну Торкеля, внуку годи Аскеля, и попросили у них помощи. Те долго отнекивались, но в конце концов взяли три марки серебра и согласились. Затем они пошли к землянке людей со Светлого Озера и пробыли у них некоторое время. Флоси попросил у них помощи, но они были несговорчивы и непокладисты. Тогда Флоси пришел в большой гнев и сказал:

– Скверно вы поступаете! У себя в округе вы жадны и несправедливы, а на тинге не хотите помочь людям, когда вас просят об этом. Вас еще не раз станут поносить на тинге и попрекать тем, что вы забыли, как Скарпхедин насмеялся над вами, людьми со Светлого Озера.

После этого он завел с ними тайный разговор, предложил им денег за помощь и убеждал их красивыми словами. Кончилось тем, что они обещали помочь и даже настолько расхрабрились, что обещали биться вместе с Флоси, если это понадобится. Бьярни сказал Флоси:

– Ты молодец. Ты настоящий вождь, ты смел и решителен и умеешь постоять за себя.

Затем они отправились на запад, через Секирную Реку, к землянке Крепостце. Перед землянкой они увидели много людей. Среди них был человек в пурпурном плаще, накинутом на плечи, с золотой повязкой на голове и с секирой, увитой серебряной нитью, в руке. Бьярни сказал:

– Нам повезло. Вот он сам, Эйольв, сын Бельверка.

Они подошли к Эйольву и поздоровались с ним, Эйольв сразу узнал Бьярни и приветливо отвечал ему. Бьярни взял Эйольва за руку, отвел его в Ущелье Сходок и сказал Флоси, чтобы он и его люди шли следом. Люди Эйольва тоже пошли с ними. Им было велено остаться наверху, на краю ущелья, и следить оттуда. Флоси и его спутники дошли до места, где в ущелье спускается тропа. Флоси сказал, что здесь удобно сидеть и видно далеко. Они уселись. Всего их было четверо, не больше. Тут Бьярни сказал Эйольву:

– Мы пришли к тебе, друг, потому что нам очень нужна твоя помощь.

Эйольв сказал:

– Здесь на тинге немало достойных людей, и вам нетрудно найти таких, кто помог бы вам больше, чем я.

Бьярни сказал:

– Ты неправ. Ведь у тебя много достоинств, в которых никто здесь, на тинге, тебя не превосходит. Прежде всего ты знатного рода, как и все, кто пошел от Рагнара Кожаные Штаны. Родители твои тоже решали большие и важные дела на тинге и у себя в округе и всегда одерживали верх. Мне думается, что и ты, наверное, как твои родичи, будешь удачлив в тяжбах.

Эйольв сказал:

– Ты говоришь складно, но мне кажется, что я не заслужил твоих похвал.

Тогда Флоси сказал:

– Я не буду скрывать от тебя того, что у нас на уме. Мы хотим попросить тебя, чтобы ты помог нам в нашей тяжбе, пошел с нами на суд, нашел ошибки в обвинении, если они есть, назвал эти ошибки от нашего имени и вообще помогал нам во всем, что может случиться.

Эйольв в гневе вскочил и сказал, что никто не смеет рассчитывать на то, чтобы загребать жар его руками или прикрываться им, как щитом, если он сам этого не хочет.

– Теперь я вижу, – сказал он, – к чему клонились ваши красивые речи, которые вы вели со мной.

Халльбьёрн Сильный схватил его и усадил между собой и Бьярни и сказал:

– Дерево не падает от первого удара, друг. Посиди-ка немного с нами.

Флоси снял с руки золотое запястье и сказал:

– Я хочу дать тебе это запястье, Эйольв, за дружбу твою и помощь и хочу показать тебе, что вовсе не думаю загребать жар твоими руками. Не побрезгуй моим подарком, потому что никому здесь на тинге я не дарил ничего подобного.

Запястье было такое большое и так искусно сделано, что стоило двенадцать сотен локтей полосатого сукна. Халльбьёрн надел запястье на руку Эйольва. Эйольв сказал:

– Я, пожалуй, возьму запястье, раз ты такой хороший человек. Можешь рассчитывать, что я буду вести тяжбу и сделаю все, что потребуется.

Бьярни сказал:

– Вот и хорошо. Мы с Халльбьёрном можем быть свидетелями того, что ты берешься вести тяжбу.

Тогда Эйольв и Флоси встали и подали друг другу руки. Эйольв взял на себя от Флоси все права и обязанности защитника в этой тяжбе, а

также, в случае если бы из защиты возникла новая тяжба, – часто то, что в одной тяжбе защита, в другой – обвинение, – все права обвинения по этой новой тяжбе, будь то в пятом суде или в суде четверти. Флоси передал ему права, как полагалось по закону, а он принял их, как полагалось по закону. Тогда он сказал Флоси и Бьярни:

– Вот я, как вы просили, и взялся вести тяжбу. Но мне хочется, чтобы вы сначала об этом молчали. А если дело попадет в пятый суд, то особенно остерегайтесь говорить, что вы заплатили мне за помощь.

Тут Флоси, Бьярни и все остальные встали. Флоси и Бьярни разошлись по своим землянкам, а Эйольв пошел в землянку Снорри Годи и сел рядом с ним. Они проговорили долго. Вдруг Снорри Годи схватил Эйольва за руку, засучил ему рукав и увидел, что у того на руке большое золотое запястье. Снорри спросил:

– Это запястье куплено или подарено?

Эйольв не нашелся, что ответить, и промолчал.

Снорри сказал:

– Ясно, ты получил его в подарок. Как бы это запястье не стоило тебе головы.

Эйольв вскочил и ушел. Он не хотел продолжать разговор. Когда Снорри увидел, что Эйольв встал, он сказал:

– Скорее всего ты еще до конца тинга узнаешь, что за подарок ты получил.

И Эйольв ушел в свою землянку.

CXXXIX

Теперь надо рассказать о том, что Асгрим, сын Лодейного Грима, и Кари, сын Сёльмунда, встретились с Гицуром Белым, Хьяльти, сыном Скегги, Торгейром Ущельным Гейром и Мёрдом, сыном Вальгарда. Асгрим повел такую речь:

– Нам можно говорить не таясь, потому что здесь собрались лишь люди, которые доверяют друг другу. Я хочу спросить вас, известно ли вам что-нибудь о замыслах Флоси. Мне думается, нам надо решать, что делать.

Гицур Белый отвечал:

– Снорри Годи послал ко мне человека сказать, что Флоси получил большую поддержку от людей северной четверти, а Эйольв, сын Бельверка, его родич, получил от кого-то золотое запястье и пытался скрыть это. Снорри сказал, что, как ему кажется, Эйольв, сын Бельверка, взялся выставить против нашего обвинения законные возражения, и за это ему, наверное, дали запястье.

Все согласились, что так оно, видно, и есть. Гицур сказал:

– Мой зять Мёрд, сын Вальгарда, взялся за дело, которое покажется всем очень трудным, – вести тяжбу против Флоси. И я хочу, чтобы вы

поделили между собой другие тяжбы, потому что скоро уже будет пора объявлять о тяжбах на Скале Закона. И нам нужно будет просить себе помощи.

Асgrim ответил:

– Ты прав. Но мы хотим, чтобы ты пошел с нами просить о помощи.

Гицур сказал, что согласен. После этого он выбрал самых умных из их людей, чтобы они его сопровождали. Это были Хьяльти, сын Скегги, Асgrim, Кари и Торгейр Ущельный Гейр. Тогда Гицур сказал:

– Пойдем сначала к землянке Скафти, сына Тородда.

Они так и сделали. Гицур шел первым, за ним Хьяльти, за ним Кари, за ним Асgrim, за ним Торгейр Ущельный Гейр, за ним его братья. Они пошли в землянку. Скафти сидел на поперечной скамье. Когда он увидел Гицура, он поднялся навстречу ему, приветливо поздоровался с ним и всеми его спутниками и предложил Гицуру сесть рядом с ним. Тот сел. Гицур сказал Асgrиму:

– Расскажи теперь, что мы просим у Скафти помощи, а я добавлю, что найду нужным.

Асgrim сказал:

– Мы пришли сюда, Скафти, просить у тебя помощи и поддержки.

Скафти сказал:

– В прошлый раз, когда я не захотел помочь вам в вашей тяжбе, я показался вам несговорчивым.

Гицур сказал:

– Теперь дело идет о другом. Теперь надо начать тяжбу об убийстве бонда Ньяля и хозяйки Бергторы, которые оба были безвинно сожжены в своем доме, и трех сыновей Ньяля и многих других хороших людей. И ты ведь не захочешь отказать людям в поддержке и в помощи твоим родичам и родичам твоей жены.

Скафти ответил:

– Когда Скарпхедин сказал мне, что я сам вымазал себе голову дегтем, скрывался под полоской дерна, которую сам велел вырезать, и был в таком страхе, что Торольв, сын Лофта, отнес меня к себе на корабль в мешке с мукой и отвез в Исландию, тогда я решил, что не буду участвовать в тяжбе об его убийстве.

Гицур сказал:

– Стоит ли сейчас вспоминать эти слова, когда уже нет в живых того, кто их сказал. Помоги мне, если ты не хочешь сделать этого ради других.

Скафти ответил:

– Тебя эта тяжба не касается, если только ты сам не захочешь ввязаться в нее.

Гицур очень рассердился и сказал:

– Не похож ты на своего отца. Правда, и он был не без изъяна, но он всегда помогал людям, когда у них была в этом нужда.

Скафти сказал:

– Разные мы с вами люди. Вы думали, что совершаете великие подвиги, – ты, Гицур Белый, когда напал на Гуннара с Конца Склона, а ты, Асгрим, когда убил своего побратима Гаука.

Асгрим ответил:

– Никто не упрекает за лучшее, если знает худшее. Но едва ли кто скажет, что я убил Гаука прежде, чем был вынужден сделать это. Тебя, пожалуй, можно простить, когда ты отказываешь нам в помощи, но непростительно, что ты поносишь нас. Мне бы только хотелось, чтобы еще до конца тинга наша тяжба принесла тебе величайший позор и чтобы никто его тебе не возместил.

Гицур и все его спутники встали и вышли. Они направились к землянке Снорри Годи и вошли в нее. Снорри был в землянке и сидел на поперечной скамье. Он сразу же узнал вошедших, поднялся им навстречу, назвал желанными гостями и усадил рядом с собой. После этого они спросили друг друга, что слышно нового. Асгрим сказал Снорри:

– Мы с моим родичем Гицуром пришли сюда, чтобы просить у тебя помощи.

Снорри ответил:

– Вы вправе просить ее – вы хотите начать тяжбу об убийстве ваших родичей. Мы получили не один добрый совет от Ньяля, хоть теперь об этом и мало кто помнит. Однако я не знаю, какая помощь вам всего больше нужна.

Асгрим ответил:

– Нам будет всего нужнее помощь, если нам придется биться на тинге.

Снорри сказал:

– Верно, тогда вам придется туго. Скорее всего, дело пойдет так: вы будете очень настойчиво вести тяжбу, а они будут так же упорно защищаться, и ни одна сторона не признает себя неправой. Вы этого не потерпите и нападете на них, и вам не останется ничего другого, кроме как заставить их заплатить своим позором и унижением за убийство ваших родичей.

Было видно, что он всячески подстрекает их. Тогда Гицур сказал:

– Ты хорошо говоришь, Снорри. Ты всегда поступал смело и решительно, когда это требовалось.

Асгрим сказал:

– Я бы хотел знать, чем ты нам поможешь, если случится так, как ты говоришь.

Снорри сказал:

– Я докажу тебе свою дружбу так, что это будет к вашей большой чести, но на суд я не пойду. А если вы будете биться на тинге, то нападайте лишь тогда, когда будете вполне уверены в себе, потому что противники у вас сильные. Если же вас одолеют, то отступайте к нам сюда, потому что мои люди будут построены здесь в боевом порядке и

будут готовы помочь вам. Но если случится, что они отступят перед вами, то я думаю, что они решат бежать в Ущелье Сходок, где удобно защищаться, и если они доберутся туда, то вам с ними никогда не справиться. Я возьму на себя построить против них своих людей и не подпустить их к укрытию. Но преследовать их мы не станем, направятся ли они на север или на юг по реке. И когда вы перебьете из них примерно столько, за скольких у вас хватит денег уплатить виру, не расставаясь с вашими годордами и не покидая ваших округ, тогда я прибегу со своими людьми и разниму вас. А вы должны будете послушаться меня, когда я сделаю это.

Гицур горячо поблагодарил его и сказал, что это было бы для них лучше всего. После этого они все вышли из землянки. Гицур спросил:

– Куда мы пойдем теперь?

– К землянке людей с Подмаренничных Полей, – сказал Асгрим.

И они направились туда.

CXL

Когда они вошли в землянку, они увидели, что в ней сидит Гудмунд Могучий и разговаривает со своим воспитанником Эйнар, сыном Коналя. Эйнар был умным человеком. Они подошли к Гудмунду. Он хорошо принял их и велел освободить для них в землянке место, чтобы все они могли сесть. Они спросили друг друга, что слышно нового. Асгрим сказал:

– Мы хотим попросить у тебя, Гудмунд, надежной поддержки. Гудмунд спросил:

– Вы были уже у кого-нибудь из знатных людей?

Они ответили, что были у Скафти и у Снорри Годи и рассказали так, чтобы не слышали другие, как их там встретили. Тогда Гудмунд сказал:

– В прошлый раз я был несговорчив и малодушен. На этот раз я буду настолько же сговорчив, насколько в тот раз был несговорчив. Я пойду с вами на суд со всеми моими людьми, и помогу вам, как смогу, буду биться с вашими врагами, и, если будет нужно, отдам свою жизнь. А Скафти я отплачу тем, что его сын Торстейн Волчья Пасть будет биться на нашей стороне, потому что не отважится пойти против моего желания, ведь он женат на моей дочери Йодис. Тогда Скафти захочет разнять нас.

Они поблагодарили его и еще долго проговорили так, что никто не мог их слышать. Гудмунд сказал им, чтобы они больше не лежали в ногах у других знатных людей, что это недостойно:

– Попытаем счастья с теми людьми, которые у нас уже есть. На все сборища на тинге ходите вооруженными, но боя пока не начинайте.

Тут они все вышли и направились домой, в свои землянки. И вот подходит время тинга.

Однажды люди пошли к Скале Закона. Асgrim, сын Лодейного Грима, Гицур Белый, Гудмунд Могучий и Снорри Годи были наверху, рядом со Скалой Закона, а люди с Восточных Фьордов были ниже их. Мёрд, сын Вальгарда, стоял возле Гицура, своего тестя. Мёрд был на редкость красноречив. Гицур сказал ему, чтобы он выступил с обвинением в убийстве и говорил так громко, чтобы его было хорошо слышно. Мёрд назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, напал на Хельги, сына Ньяля, и нанес ему рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я говорю, что за это он должен быть объявлен вне закона и изгнан, и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

На Скале Закона поднялся сильный шум, потому что он говорил хорошо и складно.

Мёрд заговорил снова.

– Я призываю вас в свидетели того, – сказал он, – что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер на месте, где Флоси, сын Торда, незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. Я говорю, что за это ты, Флоси, должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать тебе пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что ты должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд сел.

Флоси внимательно выслушал его и не проронил ни слова. Торгейр Ущельный Гейр встал, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, я обвиняю Глума, сына Хильдира, в том, что он высек огонь и поджег дом на Бергторовом Пригорке, так что в доме сгорели Ньяль, сын Торгейра, и Бергтора, дочь Скарпхедина, и все те люди, что погибли там. Я говорю, что он за это должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Глум, сын Хильдира, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона.

Кари, сын Сёльмунда, предъявил обвинение Колю, сыну Торстейна, Гуннару, сыну Ламби, и Грани, сыну Гуннара, и люди нашли, что он говорил на редкость хорошо. Торлейв Ворон предъявил обвинение сыновьям Сигфуса, а его брат Торгрим Большой – Модольву, сыну Кетиля, Ламби, сыну Сигурда, и Хроару, сыну Хамунда, брату Лейдольва Сильного. Асgrim, сын Лодейного Грима, предъявил обвинение Лейдольву и Торстейну, сыну Гейрлейва, Арии, сыну Коля, и Гриму Рыжему. Все они говорили хорошо.

После этого другие предъявили свои обвинения, и на это ушла большая часть дня. Потом народ стал расходиться по своим землянкам.

Эйольв, сын Бельверка, пошел с Флоси к его землянке. Они зашли на восток от землянки. Флоси спросил его, видит ли он какую-нибудь ошибку в этих обвинениях.

– Нет, – говорит Эйольв.

– Что же теперь делать? – говорит Флоси.

– Положение трудное, но вот что я тебе советую, – говорит Эйольв. – Передай свой годорд своему брату Торгейру, а сам войди в годорд к годи Аскелю, сыну Торкеля из Долины Дымов. И если они не будут этого знать, то может случиться, что они допустят здесь ошибку, потому что они предъявят обвинение в суд восточной четверти, а им нужно будет подавать его в суд северной четверти, и они это упустят. А если они предъявят обвинение не в тот суд, в который нужно, то против них можно начать тяжбу в пятом суде. Эту тяжбу мы и начнем против них, но только уж в самом крайнем случае.

Флоси сказал:

– Может быть, окупится наше запястье.

– Этого я не знаю, – сказал Эйольв, – но в тяжбе я вам помогу так, что люди увидят, что здесь ничего больше не поделаешь. Пошли теперь за Аскелем, а Торгейр пусть сейчас же придет к тебе и с ним еще один человек.

Вскоре туда пришел Торгейр и принял годорд. Потом туда пришел и Аскель, и Флоси объявил, что он входит теперь в его годорд. Кроме них, никто больше об этом не знал.

CXLII

Все было спокойно до тех пор, пока не настало время, когда должны были начаться суды. Обе стороны приготовились и вооружились. И те и другие прикрепили к шлемам боевые значки.

Торхалль, сын Асгрима, сказал:

– Держите себя в руках и делайте все тщательно. А если встретитесь с какой-нибудь трудностью, дайте мне как можно скорее знать, и я помогу вам советом.

Асgrim и его спутники посмотрели на него и увидели, что все лицо у него побагровело, а на глазах выступили слезы, крупные, как град. Он велел, чтобы ему принесли его копье. Это копье ему подарил Скарпхедин, и оно было большой драгоценностью. Когда они ушли, Асgrim сказал:

– Нелегко было моему сыну Торхаллю оставаться в землянке, и я не знаю, что он теперь надумал. Мы же сейчас выступим с Мёрдом, сыном Вальгарда, и сделаем вид, будто у нас нет никаких других тяжб, потому что главный наш враг – Флоси.

Асgrim послал человека за Гицуром Белым, Хьяльти и Гудмундом. Они все собрались и сразу же пошли к суду восточной четверти. Они стали к югу от суда, а Флоси и с ним все люди с Восточных Фьордов – к северу от суда. С Флоси, кроме этого, были люди из Долины Дымов и со Светлого Озера. Там был и Эйольв, сын Бёльверка. Флоси наклонился к нему и сказал:

– Дела наши неплохи, возможно, что все будет, как ты предполагал.

– Молчи! – сказал Эйольв. – Придет время, и мы этим воспользуемся.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и предложил кинуть жребий, кому из тех людей, кто требует объявления вне закона, первым излагать свое дело, кому за ним и кому потом. Он предложил это согласно закону, перед судом, так что судьи слышали. Затем бросили жребий, и первым изложить свое дело выпало ему. Мёрд, сын Вальгарда, назвал снова своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предохраняю себя от того, чтобы мое дело было объявлено незаконным, если я неправильно выражусь или оговорюсь. Я оставляю за собой право поправлять все свои слова до тех пор, пока не изложу правильно свое дело. Я призываю вас в свидетели этого для себя или для других, кому это свидетельство будет нужно или выгодно.

Мёрд сказал:

– Я призываю вас в свидетели того что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или всем другим людям, кому он передал по закону свою защиту, выслушать мою присягу, изложение моего дела и все доказательства, которые я собираюсь привести против него. Я предлагаю это согласно закону, перед судом, так, чтобы все судьи слышали.

Мёрд сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я приношу присягу на книге, как полагается по закону, и говорю Богу, что буду вести тяжбу по правде, по совести и по закону и выполню все, что полагается по закону, пока я веду эту тяжбу.

Затем он сказал так:

– Я назвал свидетелем Тородда, а другим – Торбьёрна^[286], когда я обвинил Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, когда Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я сказал, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я сказал, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться это обвинение. Я объявил об этом по закону. Я объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявил о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира. Когда я предъявлял обвинение, я говорил теми же словами, которыми я сейчас излагаю свое дело. Я излагаю дело в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что я сказал, когда предъявлял обвинение.

Мёрд сказал:

– Я назвал свидетелей Тородда, а другим – Торбьёрна, когда я обвинил Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер, на месте, где Флоси, сын Торда, до этого незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. Я сказал, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я сказал, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться это обвинение. Я объявил об этом по закону. Я объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим

летом и объявлен вне закона. Я объявил о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира. Когда я предъявлял обвинение, я говорил теми же словами, которыми я сейчас излагаю свое дело. Я излагаю дело в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что я сказал, когда предъявлял обвинение.

Свидетели того, как Мёрд предъявлял обвинение, выступили перед судом, и один из них дал показание, а второй подтвердил его. Он сказал так:

– Мёрд призвал в свидетели Тородда и вторым свидетелем меня, а меня зовут Торбьёрном, – и он назвал имя своего отца, – Мёрд призвал нас в свидетели, что он обвинил Флоси, сына Торда, в том, что тот незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Он сказал, что Флоси за это должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Он сказал, что Флоси должен лишиться всего добра и половина его должна отойти ему, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Он объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться это обвинение. Он объявил об этом по закону. Он объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Он объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Он объявил о тяжбе, переданной ему Торгейром, сыном Торира. Когда он предъявлял обвинение, он говорил теми же словами, которыми он изложил свое дело и которыми мы сейчас даем наше показание. Мы дали правильно наше свидетельское показание, и оба согласны во всем. Мы дали наше показание в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что сказал Мёрд, когда предъявлял обвинение.

Во второй раз они дали суду свое показание, и на этот раз сначала назвали рану, а нападение потом, по все остальные слова они сказали, как в первый раз, и добавили, что дают свое показание в суде восточной четверти, в согласии с тем, что сказал Мёрд, когда предъявлял обвинение.

Затем перед судом выступили свидетели того, как Торгейр передал Мёрду ведение тяжбы, и один из них сказал, а другой согласился, что Мёрд, сын Вальгарда, и Торгейр, сын Торира, призвали их в свидетели того, что Торгейр, сын Торира, передал Мёрду, сыну Вальгарда, право вести тяжбу против Флоси, сына Торда, об убийстве Хельги, сына Ньяля:

– Он передал ему эту тяжбу и все доказательства, которые относятся к делу. Он передал ему эту тяжбу, чтобы тот преследовал противников по закону или мирился и пользовался всеми правами законного истца. Торгейр передал по закону, и Мёрд принял по закону.

Таким образом, они дали в суде восточной четверти Йону свои показания о передаче тяжбы теми же словами, которыми Торгейр и Мёрд призвали их в свидетели.

Всем свидетелям было предложено принести присягу до того, как они дали показания, а также судьям.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю девятерым соседям, которых я вызвал сюда по тяжбе против Флоси, сына Торда, сесть на западном берегу реки, чтобы другая сторона отвела тех из них, которые неправомерны. Я предлагаю по закону на суде, так что судьи слышат.

Мёрд снова назвал свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или другому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, отвести неправомерных соседей из тех, которым я предложил сесть на западном берегу реки. Я предлагаю по закону на суде, так что все судьи слышат.

Мёрд снова назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что теперь выполнено все, что требуется по закону при ведении тяжбы: предложено принести присягу, принесена присяга, изложено дело, даны свидетельские показания о предъявлении обвинения, даны свидетельские показания о передаче тяжбы, соседям предложено занять место, предложено отвести неправомерных соседей. Я призываю вас в свидетели того, что выполнено по этой тяжбе, и того, что я не хочу ее проиграть, если я оставляю суд, чтобы искать доказательств или по другим делам.

Флоси и его люди подошли к месту, где сидели соседи. Флоси сказал им:

– Сыновья Сигфуса должны знать, правомочны ли соседи, которые вызваны сюда.

Кетиль из Мёрка ответил:

– Один из этих соседей крестил Мёрда, сына Вальгарда, а другой его троюродный родственник.

Тогда они высчитали родство и подкрепили свои слова присягой. Эйольв назвал своих свидетелей в том, что он требует от соседей, чтобы они не расходились, пока из них не будут отведены неправомерные. Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я отвожу этих людей из числа соседей, – и он назвал их имена и имена их отцов, – на том основании, что один из них троюродный родственник Мёрда, а другой с ним в духовном родстве^[287], и поэтому оба они по закону должны быть отведены. Вы выведены по закону из числа соседей, потому что против вас объявлен законный отвод. Я отвожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам. Я отвожу вас по переданной мне тяжбе Флоси, сына Торда.

Тогда все люди стали говорить, что дела Мёрда плохи, и все решили, что защита получила преимущество перед обвинением.

Асгрим сказал Мёрду:

– Их дело еще не выиграно, хоть они и думают, что нанесли нам сильный удар. Надо найти моего сына Торхалля и послушать, что он нам посоветует.

К Торхаллю послали надежного человека, чтобы тот как можно точнее рассказал ему, как обстоит дело с их тяжбой и что Флоси и его люди объявили соседей неправомочными. Торхалль сказал:

– Я сделаю так, что вы не проиграете тяжбы. Скажи пославшим тебя, чтобы они не верили, что их перехитрили, потому что хитрец Эйольв на этот раз дал маху. Ступай теперь скорее к ним и скажи, чтобы Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом и назвал своих свидетелей в том, что их отвод неправилен.

И он подробно рассказал, как им надо действовать.

Посланный вернулся и передал им советы Торхалля. Мёрд, сын Вальгарда, выступил тогда перед судом, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я объявляю неправильным отвод Эйольва, сына Бёльверка. А причина этому та, что он отвел соседей не как родственников истца, а как родственников того, кто ведет тяжбу. Я призвал вас в свидетели для меня или для того, кому это свидетельство может понадобиться.

После этого он предложил свидетелям дать суду свои показания. Он подошел к месту, где сидели соседи, и сказал, чтобы те из них, которые стояли, садились, поскольку они правомочны. Тогда все сказали, что Торхалль не ударил лицом в грязь, и все нашли, что у обвинения теперь дела лучше, чем у защиты.

Флоси спросил Эйольва:

– Как, по-твоему, это законно?

– Конечно, – ответил тот, – мы тут действительно промахнулись. Но мы еще с ними потягаемся!

Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я отвел этих двух человек из числа соседей, – и он назвал их обоих, – потому что вы сидите на чужой земле, а не на своей. Я не могу допустить, чтобы вы были среди соседей, потому что против вас объявлен законный отвод. Я отвожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам.

Эйольв сказал, что на этот раз для него будет полной неожиданностью, если его опровергнут. Все нашли, что теперь у защиты дела лучше, чем у обвинения. Все очень хвалили Эйольва и говорили, что нет никого, кто бы мог сравниться с ним в знании законов.

Мёрд, сын Вальгарда, и Асгрим, сын Лодейного Грима, послали человека к Торхаллю рассказать, что случилось. Когда Торхаллю все

рассказали, он спросил, какое имущество есть у этих двоих соседей. Посланный сказал:

– Один из них живет молоком, у него есть и коровы и овцы, а другой владеет третью земли, на которой ведет хозяйство со своей семьей, он сам кормит себя, и у него общий очаг с одним человеком, который снимает землю, и одним пастухом.

Торхалль сказал:

– И в этот раз, как и в прошлый, они промахнулись, Я очень быстро опровергну их, сколько бы Эйольв ни хвастался, что закон на их стороне.

Торхалль очень подробно рассказал посланному, как им надо действовать. Посланный вернулся и передал советы Торхалля Мёрду и Асгриму. Мёрд выступил перед судом, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я объявляю неправильным отвод Эйольва, сына Бёльверка, поскольку он отвел из числа соседей людей, которые имеют право выносить решение как соседи. Всякий имеет право выступать на суде как сосед, у кого есть три сотни земли или больше, даже если у него нет скота, но тот, кто живет молоком, тоже имеет право выступать как сосед, даже если он снимает землю.

После этого он предложил свидетелям дать суду свои показания. Он подошел к месту, где были соседи, и предложил им сесть, и сказал, что они правомочны.

Поднялся сильный шум и крик, и все сказали, что Флоси и Эйольв потерпели поражение, и все решили, что у обвинения сейчас дела лучше, чем у защиты.

Флоси сказал Эйольву:

– Это правильно?

Эйольв сказал, что не знает точно. Тогда они послали человека к законоговорителю Скафти, чтобы спросить его, правильно ли это. Он велел передать им ответ, что это, конечно, правильно, хоть и немногие знают это. Это было передано Флоси и его людям. Тогда Эйольв спросил сыновей Сигфуса о других соседях, которые были вызваны на суд. Они ответили, что четверо из них вызваны неправильно.

– Потому что те, кто живет ближе к месту убийства, остались дома, – сказали они.

Эйольв назвал своих свидетелей того, что он отводит всех этих четверых из числа соседей, и отвел их, как полагается по закону. После этого он сказал оставшимся пяти соседям:

– Вы должны быть справедливы к обеим сторонам. Теперь вы должны выступить перед судом, когда вас вызовут, и назвать своих свидетелей в том, что вы не можете вынести решения, потому что вас пятеро, тогда как должно быть девятеро. Если же Торхалль и тут вывернется, то, значит, он может выиграть любую тяжбу.

Видно было, что Флоси и Эйольв очень горды своим успехом. Поднялся сильный шум, и все говорили, что тяжба о сожжении Ньяля проиграна и что дела у защиты теперь лучше, чем у обвинения.

Асгрим сказал Мёрду:

– Рано им хвастаться, ведь еще не спросили Торхалля. Ньяль говорил мне, что он так научил Торхалля законам, что в сложном положении тот окажется величайшим законником в Исландии.

К Торхаллю послали человека сказать, что случилось на суде, и передать хвастливые речи Флоси и Эйольва и мнение народа, что дело Мёрда проиграно,

– Хорошо, – говорит Торхалль, – но и это не принесет им почета. Ступай к Мёрду и скажи ему, чтобы он назвал свидетелей и принес присягу в том, что большинство соседей вызвано правильно. Пусть он велит свидетелям дать свои показания суду. Тем самым он спасет свою тяжбу. Правда, ему придется заплатить по три марки серебра за каждого, кого он вызвал неправильно, но из-за этого затевать тяжбу на этом тинге нельзя.

Посланный вернулся и точно передал им слова Торхалля. Мёрд выступил перед судом, назвал своих свидетелей и принес присягу в том, что большинство соседей вызвано правильно. Он сказал, что спас свою тяжбу, и добавил:

– Так что нашим недругам надо гордиться чем-нибудь другим, а не тем, что мы здесь дали маху.

Поднялся сильный шум, и люди говорили, что Мёрд хорошо ведет дело, а Флоси и его люди лишь хитрят и крючкотворствуют. Флоси спросил Эйольва, правильно ли возражение их противников, но тот сказал, что не знает и что об этом может сказать лишь законоговоритель. Тогда Торкель, сын Гейтира, отправился к законоговорителю, рассказал ему, что случилось, и спросил его от их имени, правильно ли то, что сказал Мёрд. Скафти ответил:

– Нынче больше великих законников, чем я думал. Но если сказать тебе правду, то он совершенно прав, и тут возразить нечего, хоть я и думал, что я один знаю этот закон теперь, когда Ньяля нет в живых, потому что, по-моему, только он знал его.

Торкель вернулся к Флоси и Эйольву и сказал, что такой закон есть.

Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом, назвал свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я требую, чтобы соседи, которых я вызвал для этой тяжбы против Флоси, сына Торда, вынесли бы решение, виновен он или нет. Я требую этого по закону, на суде, так что все судьи слышат это.

Соседи Мёрда выступили перед судом. Один из них произнес решение, а все другие подтвердили его. Он сказал следующее:

– Мёрд, сын Вальгарда, вызвал нас, девятих соседей, но нас здесь только пятеро, так как четверо из нас были отведены. Были под

присягой даны показания против этих четверых, которые должны были вынести решение вместе с нами. Мы должны теперь по закону вынести решение. Нас вызвали для того, чтобы мы решили, напал ли незаконно первым Флоси, сын Торда, на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Он потребовал от нас, чтобы мы сказали всё, к чему нас обязывает закон, чего бы он мог потребовать на суде и что относится к этой тяжбе. Он потребовал этого по закону. Он потребовал этого так, что мы слышали. Он потребовал этого по тяжбе, переданной ему Торгейром, сыном Торира. Мы все принесли присягу, и вынесли решение, и были все единодушны в нашем решении. Мы выносим решение против Флоси и объявляем, что он виновен в том, в чем его обвиняют. Мы выносим это наше решение в суде восточной четверти Йону, как этого от нас потребовал Мёрд.

– Вот наше общее решение, – сказали они.

Они снова сказали свое решение, но назвали рану сначала, а нападение – после, но все остальное они сказали как раньше. Они вынесли решение против Флоси и нашли его виновным.

Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом и назвал своих свидетелей в том, что соседи, которых он вызвал по своей тяжбе против Флоси, сына Торда, вынесли решение и признали его виновным. Он назвал этих свидетелей для себя и для тех, кому это свидетельство будет нужно или выгодно.

Мёрд снова назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, изложить свои возражения против того обвинения, которое я предъявил ему, потому что теперь выполнено все, что требуется по закону при ведении тяжбы: даны все свидетельские показания, вынесено решение соседями, названы свидетели этого решения и всего, что говорилось на суде. А если в их защите окажется что-нибудь, что мне нужно для ведения моей тяжбы, то я сохраняю за собой право использовать это. Я предлагаю по закону, на суде, так что судьи слышат это.

– Я смеюсь в душе, Эйольв, – сказал Флоси, – когда думаю, как им придется хмуриться и чесать себе затылки, когда ты изложишь свое возражение.

CXLIII

Эйольв, сын Бёльверка, выступил перед судом, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что мое законное возражение против этого обвинения состоит в том, что вы ведете тяжбу в суде восточной четверти, между тем как Флоси заявил, что входит в годорд к годи Аскелю. Здесь есть свидетели, которые присутствовали при том, как это случилось, и которые подтвердят, что Флоси сначала передал свой годорд своему брату Торгейру, а затем заявил, что входит в годорд к годи Аскелю. Я называю этих свидетелей для себя или для тех, кому это свидетельство будет нужно.

Эйольв опять назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Мёрду, который должен вести эту тяжбу, или главному истцу выслушать мою присягу и мои возражения против обвинения, которые я выдвину, и также все те доказательства, которые я приведу. Я предлагаю по закону, на суде, так что судьи слышат это.

Эйольв опять назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я приношу присягу на книге, как полагается по закону, и говорю Богу, что я буду вести защиту по совести, по правде и по закону и выполню все, что мне полагается по закону выполнить на этом тинге.

Эйольв сказал:

– Этих двух человек я призываю в свидетели того, что мое возражение заключается в том, что тяжба была начата не в том суде, в котором она должна была быть начата. Поэтому я объявляю их тяжбу незаконной. Я выдвигаю свое возражение в суде восточной четверти.

После этого он велел, чтобы свидетели дали суду все те показания, которые относятся к делу. Затем он назвал свидетелей всех доказательств защиты, которые были приведены.

Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я запрещаю судьям разбирать тяжбу Мёрда, потому что теперь в суд поступило законное возражение. Я запрещаю это запрещением законным, бесспорным, полным и верным, как мне и положено запрещать на суде по установлениям альтинга и общенародным законам.

После этого он предложил суду вывести решение о его возражении.

Асгрим и его люди начали тяжбы об умышленном сожжении, и эти тяжбы пошли своим чередом.

CXLIV

Теперь надо рассказать о том, что Асгрим и его люди послали человека к Торхаллю и велели рассказать ему, в какое трудное положение они попали. Торхалль ответил:

– Жаль, что меня там не было! Ведь при мне этого бы не случилось. Понимаю их замысел: они собираются вызвать вас в пятый суд за

противозаконное ведение тяжбы. Они, наверное, также собираются добиться того, чтобы дело о сожжении осталось нерешенным, потому что они сейчас ни перед чем не остановятся. Ступай как можно скорее и скажи, чтобы Мёрд вызвал на суд Флоси и Эйольва за то, что они дали или получили на суде деньги, и потребовал бы для них изгнания. Пусть он также вызовет их на суд за то, что они приводили свидетельские показания, которые не относятся к делу, и поэтому виновны в незаконном ведении тяжбы. Передай им мои слова, что если один человек дважды приговорен к изгнанию, это равносильно объявлению его вне закона. Вы должны как можно скорее предъявить ваш иск, чтобы он разбирался раньше их иска.

Посланный ушел и передал Мёрду и Асгриму слова Торхалля. После этого они пошли к Скале Закона. Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я вызываю на суд Флоси, сына Торда, за то, что он на тинге дал за помощь себе деньги Эйольву, сыну Бёльверка. Я заявляю, что за это он должен быть приговорен к изгнанию и лишь тогда иметь право на отъезд из Исландии, если он уплатит судьям, которые будут отбирать у него добро, марку серебра. В противном случае он будет объявлен вне закона. Я заявляю, что он лишится всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина – тем людям из его четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я вызываю его в пятый суд, где по закону эта тяжба должна разбираться. Я прошу суд разобрать эту тяжбу и приговорить ответчика к изгнанию. Я обращаюсь в суд с законной просьбой. Я обращаюсь в суд со Скалы Закона так, чтобы все слышали меня.

Так же он обвинил Эйольва, сына Бёльверка, в том, что тот взял деньги. И с этой тяжбой он обратился в пятый суд.

Во второй раз он обвинил Флоси и Эйольва в том, что они привели суду свидетельства, которые по закону не относятся к делу, и тем самым оказались виновными в незаконном ведении тяжбы. Он заявил, что и за это они должны быть приговорены к изгнанию.

После этого они ушли и направились в судилище. Там как раз собрался пятый суд.

Когда Асgrim и Мёрд ушли, судьи не могли договориться, какой им вынести приговор. Одни из них хотели решить дело в пользу Флоси, а другие – в пользу Асгрима и Мёрда. Тут Флоси и Эйольв смогли заявить, что судьи не единодушны в решении. Там они и оставались, пока производились вызовы на суд. Вскоре после этого Флоси и Эйольву сказали, что они вызваны со Скалы Закона в пятый суд по двум тяжбам каждый. Эйольв сказал:

– Неудачно мы поступили, оставшись здесь. Они опередили нас со своим вызовом на суд. Тут сказала хитрость Торхалля, а по уму ему нет равного. Теперь они могут первыми начать против нас тяжбу, а это

им и нужно. Но мы все же пойдем к Скале Закона и начнем с ними тяжбу, хотя бы от этого и было мало толку.

Они отправились к Скале Закона, и Эйольв вызвал своих противников на суд за незаконное ведение тяжбы. После этого они пошли в пятый суд.

Когда Мёрд и Асgrim пришли в пятый суд, Мёрд назвал своих свидетелей и предложил выслушать его присягу, изложение его дела и все те доказательства, которые он собирался привести против Флоси и Эйольва. Он предложил это на суде, как полагалось по закону, так что все судьи слышали это.

В пятом суде двое должны были подтверждать присягу и присягать сами. Мёрд назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я даю присягу пятому суду – да будет Бог милостив ко мне в этом мире и в ином – в том, что я буду вести свое дело по правде, по совести и по закону; что я считаю Флоси виновным в том, в чем я его обвиняю и что будет доказано; что я не давал денег этому суду ради своей тяжбы и не буду давать; что я не получал денег и не буду их получать ни в законных, ни в противозаконных целях.

Двое подтверждающих присягу Мёрда выступили перед судом, назвали своих свидетелей и сказали;

– Мы призываем вас в свидетели того, что мы даем присягу на книге, как полагается по закону, – да будет Бог милостив к нам в этом мире и в ином, – в том, что мы отвечаем своей честью за то, что Мёрд будет вести свое дело по правде, по совести и по закону; что он не давал денег этому суду ради своей тяжбы и не будет давать, не получал денег и не будет их получать ни в законных, ни в противозаконных целях.

Еще раньше Мёрд вызвал на суд по своей тяжбе девятерых соседей с поля тинга. После этого Мёрд назвал свидетелей и изложил все четыре дела, которые он выдвигал против Флоси и Эйольва. Излагая свое дело, Мёрд говорил теми же словами, как когда он объявлял о нем. Он сказал на пятом суде, что по каждому из этих дел он требует изгнания, как он требовал этого, когда объявлял о них. Мёрд назвал своих свидетелей и предложил девятерым соседям занять места на западном берегу реки. Мёрд назвал своих свидетелей и предложил Флоси и Эйольву отвести неправомочных соседей. Они подошли, чтобы отвести неправомочных соседей, но не смогли никого из них отвести и отошли раздосадованные. Мёрд назвал своих свидетелей и попросил этих девятерых соседей, которых он вызвал, вынести решение за или против. Соседи Мёрда выступили перед судом, и один из них произнес решение, а другие подтвердили его. Они все дали присягу пятому суду, и вынесли решение против Флоси, и нашли его виновным. Они произнесли свое решение в пятом суде перед тем человеком, которому Мёрд изложил свое дело. Затем они сказали то, что им было положено

сказать по всем делам, и все было выполнено, как полагается по закону.

Эйольв, сын Бёльверка, и Флоси со своими людьми пытались найти неправильность в ходе суда, но ничего не смогли найти.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что девятеро соседей, которых я вызывал на тяжбу против Флоси, сына Торда, и Эйольва, сына Бёльверка, вынесли решение и нашли их виновными.

И он назвал этих свидетелей.

Он снова назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, изложить свои возражения, потому что сейчас выполнено все, что требуется по делу: предложено выслушать присягу, дана присяга, изложено дело, даны все показания, соседям предложено занять места, предложено отвести неправомочных соседей, соседями вынесено решение и названы свидетели этого решения.

И он назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде.

Тогда встал тот, кому было изложено дело^[288], и повторил все сказанное на суде. Сначала он повторил, как Мёрд предложил выслушать свою присягу, изложение всего дела и все показания. Затем он повторил, как присягали Мёрд и подтверждающие его присягу. После этого он повторил, как Мёрд изложил дело, и сказал, что говорит теми же словами, которыми Мёрд говорил, излагая свое дело и объявляя о нем.

Он изложил дело пятому суду так, как он говорил, когда объявлял о нем.

После этого он повторил, как были даны показания о вызове в суд, и повторил все слова, которыми Мёрд вызвал на суд и которые говорили свидетели этого вызова.

– И которые я, – добавил он, – говорю в своем повторении.

Они дали свои показания пятому суду в тех же словах, которые он говорил, когда вызывал на суд.

После этого он повторил, как Мёрд предложил соседям занять свои места. Затем он повторил, как Мёрд предложил Флоси или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, отвести неправомочных соседей. Потом он повторил, как соседи выступили перед судом, вынесли решение и нашли Флоси виновным.

– Девятеро соседей, – сказал он, – вынесли свое решение перед пятым судом.

После этого он повторил, как Мёрд назвал свидетелей того, что решение вынесено. Затем он повторил, как Мёрд назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде, и предложил ответчику изложить свои возражения.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того что я запрещаю Флоси, сыну Торда, или другому человеку, кому он передал по закону защиту своего дела, выступать с возражениями, потому что теперь выполнено все, что полагается по закону, и повторено все сказанное на суде.

После этого повторяющий произнес и это.

Мёрд назвал своих свидетелей и потребовал от судей, чтобы они вынесли приговор. Тогда Гицур Белый сказал:

– Ты еще не все сделал, Мёрд, ведь четыре дюжины судей не могут судить.

Флоси спросил Эйольва:

– Что теперь делать?

Тогда Эйольв ответил:

– Надо придумать выход. Но подождем! Мне кажется, что они неправильно ведут дело. Ведь Мёрд уже потребовал приговора. Теперь им надо вывести из числа судей шестерых человек, а затем они должны при свидетелях предложить нам вывести других шестерых. Мы этого не сделаем, и тогда им самим нужно будет вывести других шестерых человек, и тут-то они, наверное, и промахнутся. А если они их не выведут, тогда вся их тяжба окажется недействительной, потому что судить должны три дюжины судей.

Флоси сказал:

– Умный ты человек, Эйольв! Не так-то просто тягаться с тобой.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

– Я призываю вас в свидетели того, что я вывожу из числа судей этих шестерых человек. – И он назвал их всех по именам. – Я запрещаю вам заседать в суде. Я вывожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам.

После этого он при свидетелях предложил Флоси и Эйольву вывести из числа судей других шестерых человек. Они, однако, сделать это не захотели. Тогда Мёрд сказал судьям, чтобы они судили. Когда приговор был вынесен, Эйольв, назвал своих свидетелей и объявил неправильным приговор и все, что его противники предприняли, на том основании, что судили три с половиной дюжины судей, тогда как должны были судить три дюжины.

– А теперь мы начнем в пятом суде тяжбу против вас, сказал он, – и добьемся того, что вас осудят.

Гицур Белый сказал Мёрду:

– Большой ты допустил промах. Крупная это неудача. Что же нам теперь делать, родич Асгрим?

Асгрим сказал:

– Пошлем человека к моему сыну Торхаллю и послушаем, что он нам посоветует.

Тут Снорри Годи узнал, как обстоят дела, и стал строить в боевой порядок своих людей ниже Ущелья Сходок, между ущельем и землянкой Крепостцой, и заранее объяснил, что им делать.

Посланный пришел между тем к Торхаллю и рассказал о случившемся – о том, что Мёрд, сын Вальгарда, и все его люди будут осуждены и что вся тяжба проиграна. Когда Торхалль услышал это, он был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Он вскочил с постели, схватил двумя руками копье, которое ему подарил Скарпхедин, и проткнул им себе ногу. Когда он выдернул копье, то на него налипли мясо и стержень нарыва, а кровь и гной хлынули потоком, так что по полу потек ручей. Тут он, не хромя, вышел из землянки и зашагал так быстро, что посланному было не поспеть за ним. Он шел, пока не пришел в пятый суд. Там ему попался Грим Рыжий, родич Флоси, и лишь только они встретились, Торхалль ударил его копьем в щит, так что щит раскололся, а копье пронзило Грима насквозь, и наконечник копья вышел у того между лопаток. Торхалль сбросил его с копья мертвым.

Кари, сын Сёльмунда, увидел это и сказал Асгриму:

– Вот пришел твой сын Торхалль и уже убил врага. Большим будет для нас позором, если ни у кого, кроме него, не хватит духу отомстить за сожжение Няля!

– Такого не будет, – ответил Асgrim, – идем на них!

Все стали кричать, и раздался боевой клич. Флоси и его люди приготовились к защите, и обе стороны стали подзадоривать друг друга. Кари, сын Сёльмунда, бросился туда, где были Арни, сын Коля, Халльбьёрн Сильный. Как только Халльбьёрн увидел Кари, он взмахнул мечом, целясь ему в ногу, но Кари подпрыгнул, и Халльбьёрн промахнулся. Кари кинулся на Арни, сына Коля, ударил его мечом по плечу и разрубил ему плечевую кость, и ключицу, и всю грудь. Арни тут же упал мертвым на землю. После этого Кари ударил мечом Халльбьёрна, разрубил ему щит и отсек большой палец ноги. Хольмстейн метнул в Кари копье, но он поймал его в воздухе и кинул обратно, и тут еще одному из людей Флоси пришел конец.

Торгейр Ущельный Гейр бросился на Халльбьёрна Сильного. Торгейр с такой силой ударил его копьем, что Халльбьёрн упал, с трудом поднялся на ноги и тотчас же отступил. Тут Торгейру попался Торвальд, сын Кетиля Грома, и он сразу ударил его секирой Великанша Битвы, которая раньше принадлежала Скарпхедину. Торвальд выставил щит, но Торгейр разрубил щит донизу, а передним концом секиры глубоко рассек Торвальду грудь, так что тот тут же упал мертвым на землю.

Теперь надо рассказать о том, что Асgrim, сын Лодейного Грима, его сын Торхалль, Хьяльти, сын Skeggi, и Гицур Белый бросились к тому месту, где были Флоси, сыновья Сигфуса и другие участники сожжения

Ньяля. Там разгорелся жестокий бой, и они бились так яростно, что Флоси и его люди в конце концов отступили.

Гудмунд Могучий, Мёрд, сын Вальгарда, и Торгейр бросились туда, где были люди с Секирного Фьорда, люди с Восточных Фьордов и люди из Долины Дымов. Там разгорелся жестокий бой. Кари, сын Сёльмунда, бросился на Бьярни, сына Бродд-Хельги. Кари поднял копье и ударил им в щит Бьярни. Тот рванул щит в сторону, чтобы копье не пронзило его. Он хотел ударить Кари мечом по ноге, но Кари отдернул ногу и повернулся на пятке, так что Бьярни промахнулся. Кари тотчас ударил его мечом, но тут подоспел какой-то человек и прикрыл Бьярни щитом. Кари рассек ему весь щит, а концом меча распорол ему ногу от бедра донизу. Человек этот тотчас упал и до конца своей жизни оставался калекой. Тут Кари схватил двумя руками копье, кинулся на Бьярни и ударил его. Чтобы избежать удара, Бьярни не оставалось ничего, кроме как свалиться на бок. Как только он поднялся на ноги, он отступил.

Торгейр Ущельный Гейр бросился на Хольмстейпа, сына Берси Мудрого, и Торкеля, сына Гейтира. Дело кончилось тем, что оба отступили. Люди Гудмунда Могучего стали громко издеваться над ними.

Торвард, сын Тьёрви со Светлого Озера, был тяжело ранен: стрела попала ему в руку, и люди говорили, что стрелял Халльдор, сын Гудмунда Могучего. Ему так и не заплатили виры за эту рану до конца его дней. Бой был жаркий. Хотя здесь и рассказывается о некоторых происшествиях, на деле случилось гораздо больше, но об этом не сохранилось рассказов.

Флоси сказал своим людям, чтобы, если их станут одолевать враги, они пробивались к укрытию в Ущелье Сходок, потому что там можно нападать только с одной стороны. Но люди Халля с Побережья и его сына Льота отступили под натиском Асгрима и его сына Торхалля и отошли вниз, к востоку от Секирной Реки. Тогда Халль сказал Льоту:

– Большая беда, когда бьется весь тинг! Надо нам просить себе помощи, чтобы разнять дерущихся, как бы нас потом кое-кто в этом и не упрекал. Подожди у конца моста, а я пойду в землянку просить помощи.

Льот сказал:

– Если я увижу, что Флоси и его людям нужна наша помощь, то я сразу же побегу к ним.

– Делай как знаешь, – сказал Халль, – но я прошу тебя подождать меня.

Тут люди Флоси обратились в бегство. Они все побежали на западный берег Секирной Реки, а Асgrim и Гицур Белый со всем своим войском бросились следом. Флоси и его люди пустились вверх между рекой и землянкой Крепостцой. Но там так тесно стояли люди, которых построил Снорри Годи, что людям Флоси было не пройти. Снорри Годи крикнул Флоси:

– Что вы бежите сломя голову? Кто вас гонит?

Флоси отвечает:

– Зачем ты спрашиваешь, ты ведь знаешь. Не из-за тебя ли нам нельзя укрыться в Ущелье Сходок?

– Нет, не из-за меня, – говорит Снорри, – но я знаю из-за кого и могу тебе сказать, если хочешь: из-за Торвальда Курчавая Борода и Коля.

Их обоих уже не было в живых. Это были на редкость скверные люди.

Тогда Снорри сказал своим людям:

– Рубите их мечами, колите их копьями, и гоните их прочь отсюда! Они недолго удержатся здесь, если те нападут на них снизу. Но не преследуйте их, пусть они там бьются друг с другом.

У Скафти, сына Тородда, был сын Торстейн Волчья Пасть, как написано выше. Он бился на стороне своего тестя Гудмунда Могучего. Когда Скафти узнал его, он пошел к землянке Снорри Годи, чтобы попросить его пойти с ним разнимать дерущихся. Когда он подходил к дверям землянки Снорри, бой был в полном разгаре. Асгрим и его люди как раз подходили снизу. Тогда Торхалль сказал своему отцу Асгриму:

– Вот он, Скафти, сын Тородда, отец!

Асгрим сказал:

– Я это вижу, сын.

И он метнул копье в Скафти и попал ему чуть пониже самого толстого места икры, и копье пронзило обе ноги. Скафти упал и не мог подняться. Те, кто стоял рядом, сумели только втащить Скафти ничком в землянку одного мечевщика.

Асгрим и его люди наступали с таким жаром, что Флоси и его люди отступили на юг вдоль реки к землянке людей с Подмаренничных Полей. Там перед одной из землянок стоял человек по имени Сёльви. Он варил в большом котле мясо и только что вытащил его из кипящего котла. Тут он увидел бегущих людей с Восточных Фьордов. Они уже были недалеко. Тогда он сказал:

– Что же, они все трусы, что ли, люди с Восточных Фьордов? И даже Торкель, сын Гейтира, бежит. Верно, лгали о нем, когда говорили, что он сама храбрость. Сейчас он бежит быстрее всех.

Халльбьёрн Сильный был рядом и сказал:

– Не придется тебе говорить, что они все трусы!

С этими словами он схватил Сёльви, поднял в воздух и кинул головой в котел. Тому сразу же пришел конец. Но тут напали и на Халльбьёрна, и он бросился бежать.

Флоси метнул копье в Бруни, сына Хавлиди. Копье попало ему в живот, и он тут же умер. Он был из людей Гудмунда Могучего. Торстейн, сын Хленни, выдернул копье из раны и метнул его обратно в Флоси. Копье попало Флоси в ногу и сильно ранило его. Он упал, но тотчас же поднялся. Тогда они кинулись к землянке людей с Оружейного Фьорда.

Льот и Халль со всеми своими людьми перешли на западный берег реки, а когда вышли на лавовое поле, кто-то из людей Гудмунда Могучего кинул в них копье, и оно попало в живот Льоту. Он тотчас же упал мертвым на землю, и люди так никогда и не узнали, кто его убил. Флоси и его люди пустились вверх, мимо землянки людей с Оружейного Фьорда. Тогда Торгейр сказал Кари, сыну Сёльмунда:

– Вон он там, Эйольв, сын Бёльверка, отплати ему за запястье!

Кари выхватил копье у стоявшего рядом человека и метнул его в Эйольва. Копье попало Эйольву в живот и прошло насквозь, и Эйольв сразу же упал мертвым на землю.

Тут бой немного стих. Снорри Годи подошел теперь со своими людьми. С ним был и Скафти. Они тотчас бросились между дерущимися и разделили их, так что те больше не могли биться. Халль присоединился к ним и тоже стал разнимать дерущихся. Тогда было объявлено перемирие до конца тинга. Тут занялись убитыми, отнесли их в церковь и перевязали раненых.

На следующий день люди пошли к Скале Закона. Халль с Побережья встал и потребовал тишины. Все тотчас смолкли, и он сказал:

– Много погибло людей, и много раздору было на тинге. Я хочу и на этот раз показать вам, что я человек негордый. Я хочу попросить Асгрима и всех других предводителей в этой тяжбе, чтобы они предложили нам условия примирения, которые обе стороны могли бы принять.

И он говорил еще много и красноречиво.

Кари сказал:

– Пусть другие мирятся, если хотят, но я мириться не буду: ведь вы захотите приравнять эти убийства к сожжению Ньяля, а мы этого не потерпим.

То же самое сказал Торгейр Ущельный Гейр. Тогда встал Скафти, сын Тородда, и сказал:

– Ты бы, Кари, лучше не удирал бы тогда, а нынче не отказывался от примирения.

Тогда Кари сказал три висы:

Посох сорочки Сёрли^[289],
Как смеешь меня порочить,
Болтать, будто Кари струсил?
Не потерплю обиды!
Не ты ли, рыжебородый,
В ужасе жался к землянкам.
Когда на ограду сечи^[290]
Градом летели стрелы?

Скальд не боялся. Скафти,
Вот кто страху набрался!

Все не решался, бедняга,
В нашу сечу вмешаться.
Совсем ему было худо,
Спасибо, рабы пожалели,
В землянку втащили волоком,
Скрыли у скоморохов.

Рано, владыки злата,
Низкие люди, вздумали
Вы над сожжением Ньяля,
Грима и Хельги глумиться.
Что ж, на исходе тинга
Заговорят по-другому,
Забудут смеяться дробители
Клада рыбы долины^[291].

Раздался громкий смех. Снорри Годи усмехнулся и сказал
вполголоса, но так, что многие слышали:
Скафти нас разнимает,
Асгрим копьем замахнулся,
Хольмстейн бежит поневоле,
Нехотя бьет Торкель.

Люди очень смеялись.

Халль с Побережья сказал:

– Все люди знают, какое горе постигло меня, когда погиб мой сын
Льот. Многие думают, что за него должна быть заплачена вира большая,
чем за всех других, кто погиб здесь. Но я хочу принести жертву ради
мира и отказаться от виры за сына и все же дать клятву моим
противникам в том, что буду соблюдать мир. Я прошу тебя, Снорри
Годи, и других уважаемых людей сделать так, чтобы мы помирились на
этих условиях.

После этого он сел, и все громко и одобрительно зашумели и стали
очень хвалить его миролюбие.

Снорри Годи встал и говорил долго и красноречиво. Он просил
Асгрима, Гицура и других предводителей с их стороны, чтобы они
согласились на примирение. Асгрим сказал:

– Когда Флоси заехал ко мне домой, я решил, что никогда не стану с
ним мириться. Но теперь, Снорри Годи, ради тебя и ради других наших
друзей я согласен мириться.

Торлейв Ворон и Торгрим Большой тоже сказали, что они готовы на
примирение, и стали всячески уговаривать помириться своего брата
Торгейра Ущельного Гейра, но тот отказался и сказал, что всегда будет
заодно с Кари.

Тогда Гицур Белый сказал:

– Пусть теперь Флоси решает, согласен ли он на примирение, если не все станут мириться.

Флоси сказал, что согласен, и добавил:

– Мне тем приятнее, – сказал он, – чем меньше уважаемых людей будет моими врагами.

Гудмунд Могучий сказал:

– Я со своей стороны хочу предложить, чтобы был заключен мир и заплачена вира за те убийства, которые были совершены здесь на тинге, а также за сожжение Ньяля.

То же самое сказали Гицур Белый, Хьяльти, Асgrim и Мёрд, сын Вальгарда. После этого состоялось примирение. Было решено передать дело двенадцати судьям, и в знак этого все подали друг другу руки. Во главе суда стоял Снорри Годи, а с ним другие уважаемые люди. Убийства с двух сторон были приравнены друг другу, и за те, которые оказались сверх этого, была положена вира. Было назначено наказание и за сожжение: за Ньяля была положена тройная вира, за Бергтору – двойная. Убийство Скарпхедина было приравнено к убийству Хёскульда, годи Белого Мыса. По двойной вине было положено за Грима и Хельги и по одной вине за каждого из тех, кто сгорел в доме. По поводу убийства Торда, сына Кари, не было заключено соглашения. Флоси и все участники сожжения Ньяля были приговорены к изгнанию из страны, но могли не уезжать в это лето, если хотели. Если бы, однако, они не уехали по прошествии трех лет, то они должны были быть объявлены вне закона. Было сказано, что об этом должно быть объявлено на осеннем тинге или на весеннем, как им будет угодно. Флоси должен был уехать из Исландии на три года. Гуннару, сыну Ламби, Грани, сыну Гуннара, Глуму, сыну Хильдира, и Колю, сыну Торстейна, было запрещено возвращаться в Исландию. Тогда Флоси спросили, хочет ли он назначить виру за свою рану, но он сказал, что не хочет. Было решено, что за Эйольва, сына Бёльверка, из-за его незаконных поступков и нечестности вира не будет положена.

После этого все подали друг другу руки в знак примирения и потом честно сдержали уговор.

Асgrim и его люди поднесли Снорри Годи богатые подарки. Это дело снискало ему большую славу. Скафти за его рану никакой виры положено не было.

Гицур Белый, Хьяльти и Асgrim пригласили к себе Гудмунда Могучего. Он принял приглашения, и каждый из них подарил ему по золотому запястью. Гудмунд отправился на север, к себе домой, и все очень хвалили его за то, как он вел себя в этом деле. Торгейр Ущельный Гейр предложил Кари поехать с ним, но сначала они поехали с Гудмундом на север, в горы. Кари подарил Гудмунду золотую пряжку, а Торгейр – серебряный пояс. И пряжка и пояс были очень большими драгоценностями. Они расстались лучшими друзьями. Гудмунд

отправился на север, к себе домой, и больше о нем в этой саге рассказываться не будет.

Кари со своими спутниками поехал с гор на юг, в Приходы, а оттуда на Бычью Реку.

Флоси и с ним все участники сожжения Ньяля отправились на восток, к Речному Склону. Флоси позволил сыновьям Сигфуса присмотреть за хозяйством. Тут он узнал, что Торгейр и Кари уехали на север с Гудмундом Могучим. Тогда участники сожжения Ньяля решили, что Кари со своими людьми собирается задержаться на севере. Тут сыновья Сигфуса попросились съездить на восток, к подножию Островных Гор по денежным делам: им нужно было получить долг на Склоне Мыса. Флоси разрешил им поехать, но сказал, чтобы они были настороже и не задерживались. Сам Флоси отправился горами, через Землю Богов, севернее Ледника Островных Гор, и не останавливался, пока не приехал к себе домой, на Свиную Гору.

Теперь надо сказать о том, что Халль с Побережья отказался от виры за сына и тем помог добиться мира. И вот все, кто был на тинге, собрали ему виру, и денег набралось не меньше чем восемь сотен серебра, и это была четверная вира. А все, кто был с Флоси, не получили никакой виры за свои раны, и это их очень злило.

Сыновья Сигфуса пробыли дома два дня, а на третий поехали на восток, к Дырявым Горам, и заночевали там. Всего их было пятнадцать человек, и они совсем не думали об опасности. Из Дырявых Гор они выехали поздно и думали к вечеру добраться до Склона Мыса. В Старухиной Долине они остановились на отдых и рассчитывали там хорошенько выспаться.

CXLVI

Кари, сын Сёльмунда, и Торгейр в тот же день поехали на восток, через Лесную Реку к Ивняковому Междуречью. Там они встретили нескольких женщин. Те узнали их и сказали:

– Невеселый у вас вид, не то что у сыновей Сигфуса, да и едете вы неосторожно.

Торгейр сказал:

– Почему вы говорите так о сыновьях Сигфуса? Какие у вас вести о них?

– Они ночевали на Дырявых Горах, – ответили женщины, – а к вечеру собирались быть в Болотной Долине. Нас порадовало, что они боятся вас и спрашивают, когда вы вернетесь домой.

И они пошли своей дорогой, а Кари и Торгейр пустили коней вскачь. Торгейр сказал:

– Что нам сейчас делать? Чего бы тебе больше всего хотелось? Хочешь, поедem следом за ними?

Кари ответил:

– Поехать следом за ними я не прочь. Но о том, чего мне всего больше хочется, я говорить не буду: ведь часто бывает, что люди, которых убивают на словах, живут долго. Я знаю, скольких ты возьмешь на себя. Ты возьмешь на себя восьмерых, и это будет меньше, чем когда ты убил семерых в ущелье^[292], спустившись к ним по веревке. Вы ведь в вашем роду все такие – вы всегда думаете о славе. Я не могу не поехать с тобой, хотя бы для того, чтобы потом рассказать о том, что произошло. Поедем-ка вдвоем за ними: я ведь вижу, что ты это и задумал.

Они поехали на восток верхней дорогой, не заезжая в Холм: они не хотели замешивать братьев Торгейра в то, что могло случиться. И они поехали дальше на восток, в Болотную Долину. Там они встретили человека, который вез торф на лошади. Он сказал:

– Маловато у тебя нынче народу, друг Торгейр!

– Ну и что? – спросил Торгейр.

– А то, что на ловца и зверь бежит. Здесь проезжали сыновья Сигфуса. Они, наверное, проспят весь день в Старухиной Долине, потому что собираются добраться сегодня к вечеру лишь до Склона Мыса.

После этого они разъехались, и Торгейр и Кари пустились на восток по Орлиной Пустоши, и нечего рассказать об их поездке, пока они не добрались до Реки Старухиной Долины. Вода в реке стояла высоко. Они поехали по берегу вверх по течению, потому что увидали там оседланных коней. Подъехав, они увидели, что там, в лощинке, спят люди, а над ними воткнуты их копья. Они взяли копья и побросали их в реку.

Торгейр сказал:

– Разбудим их?

Кари ответил:

– Зачем спрашиваешь? Ведь ты уже сам считаешь, что позорно убивать лежачего.

И они окрикнули спящих. Те все проснулись и кинулись к оружию. Кари и Торгейр бросились на них, лишь когда те вооружились. Торгейр кинулся на Торкеля, сына Сигфуса. В этот миг кто-то забежал сзади, но не успел ничего сделать Торгейру, как тот двумя руками поднял секиру Великанша Битвы и ударил его обухом по голове так, что череп разлетелся на мелкие куски. Человек мертвым рухнул на землю. А Торгейр поднял секиру, и ударил Торкеля по плечу, и отсек руку. На Кари кинулись Мёрд, сын Сигфуса, Сигурд, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда. Ламби кинулся на Кари сзади и хотел ударить его копьем, но Кари увидел его и подпрыгнул, расставив ноги, так что копье воткнулось в землю, а Кари прыгнул на древко и сломал его. В одной руке у него было копье, в другой – меч, а щита не было. Правой рукой он ударил копьем Сигурда, сына Ламби, в грудь, и копье вышло у того

между лопаток. Сигурд тотчас упал мертвый. Лево́й рукой Кари ударил мечом Мёрда, сына Сигфуса, в поя́сницу и разрубил его до самого хребта. Тот упал ничком и тут же умер. Потом Кари, как волчок, повернулся на пятке, к Ламби, сыну Сигурда, и тот счел за благо пуститься наутек.

Тут Торгейр бросился на Лейдольва Сильного, и оба одновременно ударили друг друга мечами. Удар Лейдольва был таким сильным, что меч снес всю часть щита. Торгейр же двумя руками ударил секирой, и задний ее угол расколол щит, а передний – рассек ключицу и глубоко раскроил Лейдольву грудь. Тут подоспел Кари и перерубил Лейдольву бедро, так что Лейдольв упал и тут же умер.

Кетиль из Леса сказал:

– Бежим к лошадям! Нам с ними не справиться, они сильнее нас.

И они побежали к лошадям и вскочили на них.

Торгейр сказал:

– Хочешь, поскачем за ними? Мы, пожалуй, убьем еще кое-кого.

– Последним из них скачет Кетиль из Леса, а его я не хочу убивать: мы с ним женаты на сестрах, и он всегда держал себя хорошо в нашей тяжбе.

Тут они сели на коней и ехали, пока не приехали в Холм. Торгейр сказал братьям, чтобы они уехали на восток, в Леса. У них там был другой двор, и Торгейр не хотел, чтобы его братьев называли нарушителями мира. Там у Торгейра было всегда не меньше трех десятков человек, способных носить оружие. Радость была большая. Все решили, что Торгейр и Кари прославились еще больше. Люди часто вспоминали этот случай, как они вдвоем напали на пятнадцать человек, убили пятерых из них, а девятерых уцелевших обратили в бегство.

Теперь надо рассказать о Кетиле. Он со своими людьми скакал во весь опор, пока не добрался до Свиной Горы. Они рассказали, какая нелегкая им выпала поездка. Флоси сказал, что этого следовало ждать, и добавил:

– Это вам предостережение, чтобы вы никогда больше так не разъезжали.

Флоси был человек на редкость веселый и гостеприимный. Рассказывают, что во многом он был настоящий вождь. Он пробыл дома лето и зиму. А после праздника середины зимы к нему приехал Халль с Побережья со своим сыном Колем. Флоси очень им обрадовался. Они часто говорили о случившемся. Флоси сказал, что они уже понесли тяжелые потери. Халль сказал, что предвидел это. Флоси спросил у него, что, как ему кажется, сейчас лучше всего сделать. Халль ответил:

– Мой совет тебе помирись, если можешь, с Торгейром. Но уговорить его помириться будет очень трудно.

– Ты думаешь, убийства тогда кончатся? – говорит Флоси.

– Нет, не думаю, – говорит Халль, – но у тебя станет меньше врагов, если Кари останется один. Если же ты не помиришься с Торгейром, то тебе не миновать смерти.

– Какие же нам предложить ему условия для примирения? – говорит Флоси.

– Вам покажутся тяжелыми, – говорит Халль, – условия, которые он примет. Он захочет мириться, если ему не надо будет ничего платить за то, что он сделал, и если он получит свою треть виры за Ньяля и его сыновей.

– Тяжелые это условия, – говорит Флоси.

– Для тебя эти условия не такие тяжелые, – говорит Халль, – потому что убийство сыновей Сигфуса тебя не касается. Виру за их убийство должны требовать их братья, а Хамунд Хромой – за убийство своего сына Лейдольва. Ты теперь можешь помириться с Торгейром, потому что я поеду с тобой к нему, а меня он примет неплохо. Но пусть никто из тех, кто замешан в этом деле, не отваживается оставаться в своих дворах на Речном Склоне, если они не помирятся, потому что для них это – верная смерть. Зная нрав Торгейра, надо ждать, что мира им не будет.

И вот послали за сыновьями Сигфуса. Рассказали им, в чем дело, и в конце концов, благодаря уговорам Халля, они согласились с ним во всем и сказали, что готовы мириться. Грани, сын Гуннара, и Гуннар, сын Ламби, сказали:

– Ясно, что если Кари останется один, то он будет страшен нам не больше, чем мы ему.

– Не говорите так, – сказал Халль. – Многое вам придется вынести от него, и большие будут у вас потери, прежде чем ваши счета с ним будут кончены.

На том их разговор закончился.

CXLVII

Халль с Побережья, его сын Коль и с ними еще четыре человека отправились на запад через пески Гагарьей Горы и дальше через Орлиную Пустошь и не останавливались, пока не доехали до Болотной Долины. Там они спросили, дома ли у себя, в Холме, Торгейр, и им сказали, что, наверное, дома. Халля спросили, куда он держит путь.

– Туда, в Холм, – ответил он.

Люди одобрили его намерение. Халль и его спутники отдохнули, а потом сели на коней и к вечеру приехали в Солнечные Дворы. Там они переночевали, а на следующий день приехали в Холм. Торгейр, Кари и их люди были перед домом и узнали подъезжающего Халля. Он был в синем плаще, а в руке держал небольшую секиру, увитую серебряной нитью. Когда они въехали на луг перед домом, Торгейр вышел им

навстречу и снял Халля с седла. Он и Кари расцеловались с Халлем, ввели его в дом, усадили на почетное сиденье и стали спрашивать о новостях. Он заночевал у них.

Наутро Халль завел с Торгейром разговор о примирении и рассказал, что они ему предлагают. Он говорил красноречиво и примирительно. Торгейр ответил:

– Тебе, наверное, известно, что я отказался мириться с участниками сожжения Ньяля.

– То было другое дело, – говорит Халль, – вы были тогда разгорячены битвой. С тех пор вы убили немало людей.

– Это верно, – говорит Торгейр. – А какие условия вы предложите Кари?

– Мы ему предложим почетные условия, – говорит Халль, – если он захочет мириться.

Тогда Кари сказал:

– Я хочу попросить тебя, Торгейр, чтобы ты помирился, потому что тебе это будет лишь на пользу.

– Не хочется мне мириться и разлучаться с тобой, разве что и ты помиришься, как я, – говорит Торгейр.

– Нет, я не хочу мириться, – говорит Кари. – Правда, мы отомстили, по-моему, за сожжение Ньяля, но за своего сына я еще не отомстил, и собираюсь, если это мне удастся, один отомстить за него.

Но Торгейр не хотел мириться до тех пор, пока Кари не сказал ему, что рассердится, если он не помирится. Тогда Торгейр пообещал не трогать Флоси и его людей до встречи и заключения мира, а Халль пообещал то же самое от имени Флоси и сыновей Сигфуса. Перед расставанием Торгейр подарил Халлю золотое запястье и пурпурный плащ, а Кари – серебряное ожерелье с тремя золотыми крестами. Халль сердечно поблагодарил их за подарки и уехал с большим почетом. Не останавливаясь, он доехал до Свиной Горы. Флоси принял его хорошо. Халль рассказал Флоси обо всем, чего ему удалось достигнуть и о чем он говорил с Торгейром: о том, что Торгейр не хотел мириться, пока Кари не сказал, что рассердится, если он не помирится.

– Однако Кари мириться не захотел, – добавил он.

Флоси сказал:

– Мало таких людей, как Кари. Хотел бы я быть таким, как он!

Халль со своими людьми пробыл у него некоторое время. В условленный день они поехали на запад на мирную встречу. Они встретились на Склоне Мыса, как и уговаривались. Стали говорить об условиях примирения. Все шло, как говорил Халль. Торгейр оговорил, что Кари всегда будет жить у него, если захочет.

– Пусть никто из вас не делает ему никакого зла в моем доме, – сказал он. – И я не хочу собирать со всех вас деньги. Я хочу, чтобы ты, Флоси, один поручился бы мне за всех и собрал со своих товарищей

деньги. Еще я хочу, чтобы соблюдено было решение, которое было вынесено на тинге. Я хочу, Флоси, чтобы ты заплатил мне мою треть.

Флоси быстро согласился на все это. Торгейр не отказался ни от изгнания участников сожжения Ньяля из страны, ни от изгнания их из округа.

Затем Флоси и Халль поехали домой, на восток. Халль сказал Флоси:

– Соблюдай этот договор, зять: уезжай из Исландии, соверши паломничество в Рим и заплати виру. Если ты мужественно выполнишь все, что тебе положено, тебя будут считать достойным человеком, хоть ты и замешан в этом деле.

Флоси сказал, что так и сделает. Халль отправился домой, на восток, а Флоси поехал к себе, на Свиную Гору, и после этого был дома.

CXLVIII

Торгейр поехал домой с мирной встречи. Кари спросил его, как прошло примирение. Торгейр сказал, что они полностью помирились. Кари сел на коня и хотел уехать.

– Незачем тебе уезжать, – говорит Торгейр, – ведь мы договорились при примирении, что ты можешь жить здесь сколько хочешь.

Кари сказал:

– Нет, друг! Ведь как только я убью кого-нибудь, они скажут, что ты помогал мне, а я этого не хочу. Но мне хотелось бы оставить свое добро тебе и Хельге, дочери Ньяля, моей жене, и дочерям. Тогда враги не наложат на него руку.

Торгейр согласился на то, о чем попросил его Кари. Он взял себе добро Кари, и в знак этого они подали друг другу руки. После этого Кари уехал. У него были с собой два коня, одежда и немного золота и серебра.

Кари объехал с запада Ивняковый Отрог и поехал вверх вдоль Лесной Реки в Торов Лес. Там стояло три двора, которые все назывались Лес. Средним из них владел человек по имени Бьёрн и по кличке Белый. Его отцом был Кадаль, сын Бьяльви. Бьяльви был вольноотпущенником Асгерд, матери Ньяля и Торира из Хольта. Бьёрн был женат на женщине по имени Вальгерд. Она была дочерью Торбранда, сына Асбранда. Мать ее звали Гудлаут. Она была сестрою Хамунда, отца Гуннара с Конца Склона. Ее отдали за Бьёрна ради денег, и она его не любила, но у них были дети. Жили они богато. Бьёрн был человек самодовольный, а жене его это не нравилось. У него были острые глаза и быстрые ноги.

Кари приехал к нему погостить, и они приняли его с распростертыми объятьями. Он переночевал у них, а наутро сказал Бьёрну:

– Я бы хотел, чтобы ты разрешил мне поселиться у тебя. Мне кажется, что у тебя мне было бы хорошо. Я бы хотел, чтобы ты ездил со мной, потому что ты зорек, проворен и, мне думается, надежен в бою.

– Ни в остроте глаза, ни в отваге или мужестве я никому не уступаю, – ответил Бьёрн. – Но ты, верно, пришел ко мне потому, что тебе некуда деться. Что ж, раз ты просишь меня, Кари, то я не поступлю с тобой, как с человеком заурядным. И, конечно, окажу тебе любую помощь, какую ты у меня попросишь.

Его хозяйка сказала:

– Черт бы тебя побрал с твоим хвастовством и бахвальством! Лучше бы ты не болтал и не обманывал его! Я охотно буду кормить Кари и делать для него все, что ему нужно. Но на мужество Бьёрна, Кари, ты не очень-то рассчитывай, потому что я боюсь, что тебе на деле придется увидеть совсем другое.

Бьёрн сказал:

– Частенько ты меня поносила, а я вот уверен, что ни от кого не пущусь бежать. А доказывает мою храбрость то, что никто не смеет со мной связываться.

Кари тайно прожил у него некоторое время, и мало кто знал об этом. Люди думали, что Кари уехал на север к Гудмунду Могучему, потому что Кари велел Бьёрну сказать всем соседям, что он в пути встретил Кари и тот направлялся в Землю Богов, а оттуда к Гудмунду Могучему. Весть об этом прошла по всей округе.

CXLIX

Флоси завел разговор со своими товарищами, участниками сожжения Ньяля.

– Рано нам складывать руки, – сказал он, – нам надо подумать об отъезде из Исландии и о том, чтобы уплатить виры. Мы должны честно выполнить все, что нам положено. Пусть каждый из нас договорится о своем отъезде туда, где ему нравится.

Они предложили ему распоряжаться. Флоси сказал:

– Поедем на восток, к Роговому Фьорду. Там у берега стоит корабль Эйольва Носа из Трандхейма. Он хочет жениться, но ему это не удастся, если он не осядет здесь. Мы купим у него корабль. Нам надо взять с собой мало добра, но много людей. А корабль большой и возьмет нас всех.

На этом разговор и кончился.

Вскоре после этого они поехали на восток и не останавливались, пока не добрались до Мыса Бьярни у Рогового Фьорда. Там они встретили Эйольва. Он жил там всю зиму. Флоси приняли хорошо, и он заночевал там со своими людьми. А наутро Флоси стал просить Эйольва продать корабль. Тот сказал, что продать корабль он не прочь, если ему

дадут за него то, что он хочет. Флоси спросил, чем ему заплатить за корабль. Норвежец сказал, что хочет получить за него землю, притом неподалеку оттуда, и рассказал Флоси, чего от него требует бонд. Флоси сказал, что поможет ему, чтобы сделка с бондом состоялась, а потом купит корабль. Норвежец обрадовался. Флоси предложил ему землю в Городищенской Гавани. Норвежец стал договариваться с бондом, а Флоси был при этом. Флоси замолвил за него слово, и сделка состоялась. Он уступил норвежцу землю в Городищенской Гавани, а тот отдал ему корабль, и они подали друг другу руки в подтверждение сделки. Флоси получил еще от норвежца товаров на двадцать сотен: это входило в их уговор. После этого Флоси пустился в обратный путь. Люди так любили его, что одалживали ему или дарили товары всюду, где он хотел.

И вот Флоси вернулся к себе на Свиную Гору и пробыл некоторое время дома. Он послал Коля, сына Торстейна, и Гуннара, сына Ламби, на Роговый Фьорд. Они должны были быть у корабля, приготовиться к отъезду, разбить палатки, убрать товары в мешки и собрать в дорогу все, что требуется.

Теперь надо рассказать о том, что сыновья Сигфуса сказали Флоси, что хотят поехать на запад, на Речной Склон, присмотреть за хозяйством и взять там товары и все, что им нужно.

– Кари нам теперь остерегаться нечего, – сказали они, – раз он сейчас на севере.

Флоси отвечает:

– Не знаю, правду ли говорят о поездке Кари. По-моему, часто слухи из близких мест оказываются ложными. Я советую вам: пусть вас поедет много народу, и не разделяйтесь и будьте как можно осторожнее. А ты, Кетиль из Леса, вспомни сон, который я рассказал тебе и который ты попросил меня держать в тайне. Ведь с тобой едут многие из тех, кто был назван в этом сне.

Кетиль говорит:

– Чему быть, того не миновать. Но, предостерегая нас, ты желаешь нам добра.

Больше они об этом не говорили.

После этого сыновья Сигфуса собрались в дорогу, а также и те люди, что должны были ехать с ними. Всего их было восемнадцать человек. И вот они поехали. Перед отъездом они поцеловались с Флоси. Он пожелал им доброго пути и сказал, что кое с кем из тех, кто уезжает, больше уже не увидится. Но их это не остановило, и они пустились в дорогу. Флоси сказал, чтобы они взяли его товары в Средней Земле, Оползнях и Лесных дворах и перевезли их на восток. Затем они поехали в Междуречье реки Скафты, а оттуда горами, севернее Ледника Островных Гор, в Землю Богов и дальше лесами в Торев Лес.

Бьёрн из Леса увидел едущих и сразу же вышел к ним навстречу, и они приветливо поздоровались. Сыновья Сигфуса спросили его о Кари, сыне Сёльмунда.

– Я встретил Кари, – говорит Бьёрн, – но это было уже очень давно. Он ехал отсюда в Гусиные Пески и держал путь к Гудмунду Могучему. Мне показалось, что он боится вас и что он остался совсем один.

Грани, сын Гуннара, сказал:

– Со временем он станет еще больше бояться нас! Он узнает нас, когда нам придется биться с ним! Теперь, когда он остался один, мы его совсем не боимся.

Кетиль из Леса велел ему замолчать и перестать бахвалиться. Бьёрн спросил их, когда они собираются обратно.

– Мы пробудем с неделю на Речном Склоне, – сказали они.

Они сказали ему также, когда поедут обратно той же горной дорогой. На этом они расстались.

Сыновья Сигфуса поехали к своим дворам, и их домочадцы очень им обрадовались. Там они пробыли неделю. А Бьёрн возвращается домой, встречается с Кари и рассказывает ему о поездке и замыслах сыновей Сигфуса. Кари сказал, что он оказал ему большую услугу. Бьёрн сказал:

– Уж я-то не изменю человеку, которому обещал верность и заботу.

Его хозяйка сказала:

– Не хватает только, чтобы ты еще был и предателем!

После этого Кари пробыл у них шесть дней.

CL

Кари сказал Бьёрну:

– Теперь поедем горами на восток, в Междуречье реки Скафты, а оттуда тайно по местности, где живут люди из гедорда Флоси. Я хочу сесть на корабль, уходящий из Исландии, на востоке, в Лебедином Фьорде.

Бьёрн сказал:

– Это очень опасная поездка. Мало кто, кроме нас с тобой, отважится на нее.

Хозяйка сказала:

– Если ты окажешься для Кари плохим спутником, то знай, что никогда тебе больше не бывать в моей постели. Придется тогда моим родичам делить наше добро.

– Едва ли, хозяйка, – ответил Бьёрн, – придется нам подумать о разводе, потому что я докажу, какой я в бою доблестный воин и герой.

И вот они отправились в тот же день в горы, все время избегая обычной дороги. Они проехали вниз, в Междуречье реки Скафты, мимо всех дворов, к Скафте, а там завели своих коней в лошину. Сами они легли в засаду, так что никто их не мог видеть.

Кари сказал тогда Бьёрну:

– Что будем делать, если они поедут на нас с гор?

– Выбор у нас небольшой, – сказал Бьёрн, – либо уехать на север по склону, и пропустить их, либо подождать, не отстанет ли кто-нибудь из них, и тогда напасть.

Они много говорили об этом, и Бьёрн то говорил, что побежит со всех ног, то говорил, что останется ждать, чтобы напасть на врагов. Кари это очень веселило.

Сыновья Сигфуса выехали из дому в тот день, когда собирались. Они приехали в Лес и постучали в дверь, желая вызвать Бьёрна. Вышла хозяйка и поздоровалась с ними. Они сразу же спросили ее о Бьёрне, и она ответила, что он поехал к подножию Островных Гор, а оттуда на восток, к Ивняковому Междуречью и в Холм.

– Ему там надо получить деньги, – добавила она

Они поверили, потому что знали, что Бьёрну действительно нужно получить там деньги. Тогда они поехали на восток, в горы, и, не останавливаясь, добрались до Междуречья Скафты, и направились вниз к Скафте, и расположились на отдых там, где и думали Кари и Бьёрн. Затем они разделились. Кетиль из Леса и с ним еще восемь человек поехали на восток, в Среднюю Землю, а остальные улеглись спать. Тут, откуда ни возьмись, к ним подъезжают Бьёрн и Кари. Там в реку вдавался небольшой мыс. Кари вышел на него и попросил Бьёрна, чтобы тот стал позади него и не очень лез на рожон.

– Однако помогай мне, как можешь, – сказал он.

– Я никогда, – сказал Бьёрн, – не прикрывался никем, как щитом. Но пусть будет по-твоему. С моей хитростью и храбростью я смогу быть опасен нашим врагам.

Тут они все вскочили и бросились на Кари. Проворней всех оказался Модольв, сын Кетилия. Он ударил Кари копьем, но тот выставил щит, и копье застряло в нем. Кари рванул к себе щит с такой силой, что копье сломалось. Он взмахнул мечом и ударил им Модольва. Тот встретил удар ударом, и меч Кари пришелся в рукоять, отскочил от нее и отсек Модольву руку в запястье. Рука упала на землю вместе с мечом. Тут Кари ударил мечом Модольва в бок между ребер. Модольв упал на землю и тут же умер.

Грани, сын Гуннара, схватил копье и метнул его в Кари, но тот воткнул свой щит в землю и, левой рукой поймав копье на лету, метнул его обратно в Грани и тут же снова схватил свой щит левой рукой. Грани выставил перед собой щит, но копье пробило его, вонзилось Грани в бедро пониже паха, прошло через него и воткнулось в землю. Грани не мог освободиться от копья, пока его товарищи не оттащили его в лощинку и не прикрыли щитами. Тогда один человек бросился на Кари и хотел отрубить ему ногу. Он зашел к нему сбоку, но тут Бьёрн отрубил этому человеку руку и снова спрятался за спину Кари, так что

они ничего не смогли ему сделать. Кари наотмашь взмахнул мечом и разрубил этого человека надвое по поясу.

Тут Ламби, сын Сигфуса, бросился на Кари и хотел ударить его мечом, но тот выставил щит, и меч лишь плашмя скользнул по нему. Кари ударил его мечом в грудь так, что острие меча вышло у того между лопаток, и Ламби пришел конец. Тут на Кари бросился Торстейн, сын Гейрлейва, и хотел ударить его в бок. Кари увидел Торстейна и ударил его мечом поперек спины так, что рассек надвое. Вскоре после этого он нанес смертельный удар доброму бонду Гуннару из Лощиин.

Бьёрн ранил троих человек, которые хотели добраться до Кари, но ни разу не выходил настолько вперед, чтобы подвергнуться опасности. Он, как и Кари, не был ранен. Между тем все их противники были ранены. Тогда они вскочили на коней, и поскакали что было мочи вдоль реки Скафты, и были в таком страхе, что не заезжали во дворы и не посмели никому рассказать о случившемся. Кари и Бьёрн кричали им вслед, когда они убегали. Они поехали на восток, в Лесные Дворы, и не останавливались, пока не добрались до Свиной Горы. Когда они приехали туда, Флоси не было дома, и поэтому никто не стал преследовать Кари и Бьёрна. Все сочли, что их поездка была позорной.

Кари поехал в Лощину и объявил там обо всех убийствах. Он сказал, что убил бонда и еще пятерых и ранил Грани. Он сказал, что Грани лучше было бы перевезти в дом, если он остался в живых. Бьёрн сказал, что не хочет убивать его, хоть он и заслужил этого. Но те, кто отвечал ему, сказали, что он-то убил не так уж много народу. Бьёрн сказал, что мог бы уложить столько людей с Побережья, сколько бы захотел. Они ответили, что это, конечно, было бы ужасно. И вот Кари и Бьёрн уехали.

CLI

Кари спросил Бьёрна:

– Что нам теперь делать?

Бьёрн ответил:

– Как по-твоему, мы должны действовать очень хитро?

– Да, – ответил Кари, – конечно.

– Тогда нечего долго раздумывать, – сказал Бьёрн. – Мы одурачим их всех, как великанов: сделаем вид, будто едем на север, в горы, а когда нас закроет откос, повернем вниз вдоль реки Скафты и спрячемся в укромном месте и, если за нами будет погоня, переждем, пока нас будут искать особенно рьяно.

Кари сказал:

– Ладно. Я как раз так и собирался поступить.

– Увидишь, что я малый непромах и что ума у меня не меньше, чем храбрости.

Они с Кари поехали, как и собирались, вниз вдоль Скафты. Рукава реки отходили на восток и юго-восток. Они повернули вниз по среднему из рукавов и не останавливались, пока не приехали в Среднюю Землю, к болоту, которое называется Круглым. Всюду вокруг была лава.

Кари велел Бьёрну присмотреть за лошадьми и быть начеку.

– Меня очень клонит в сон, – сказал он.

Кари улегся на землю, а Бьёрн стал смотреть за лошадьми. Кари проспал очень недолго, когда Бьёрн разбудил его. Он уже собрал лошадей, и они стояли рядом. Он сказал:

– Плохо тебе пришлось бы без меня. Другой, не такой храбрый, как я, на моем бы месте убежал: сюда приближаются твои враги! Приготовься как следует.

Кари зашел под нависающий выступ скалы. Бьёрн спросил:

– А мне где встать?

Кари ответил:

– Выбирай сам: либо встань позади меня и прикрывайся щитом, если только он тебе понадобится, либо садись на коня и скачи отсюда что есть мочи.

– Такого я не сделаю, – сказал Бьёрн, – по многим причинам. Во-первых, если я уеду, злые языки скажут, что я покинул тебя из трусости. Во-вторых, я знаю, что они не захотят упустить меня и двое или трое поскачут за мной, и тогда я ничем не смогу помочь тебе. Поэтому я лучше останусь, пока смогу, и буду биться вместе с тобой.

Они прождали недолго, и на болоте появились навьюченные лошади и с ними трое человек. Кари сказал:

– Они нас не видят.

– Пусть проезжают мимо, – сказал Бьёрн.

Те проехали, но за ними показались еще шестеро. Они подъехали, тотчас спрыгнули с коней и бросились на Кари с Бьёрном. Первым на него бросился Глум, сын Хильдира, и хотел ударить копьем. Кари повернулся на пятке, и Глум промахнулся, так что копье ударилось о скалу. Бьёрн увидел это и тотчас перерубил мечом древко копья Глуму. Кари пригнулся и ударил Глума по бедру и отсек ему всю ногу, так что Глум тут же умер. Тут на Кари бросились сыновья Торфинна – Вебранд и Асбранд. Кари кинулся на Вебранда и пронзил его мечом, а после этого отрубил обе ноги Асбранду. В этот миг ранили и Кари, и Бьёрна. Тут на Кари бросился Кетиль из Леса и хотел ударить копьем. Кари отдернул ногу, и копье воткнулось в землю. Кари прыгнул на древко и сломал его. Он схватил Кетиля. Тут подбежал Бьёрн и хотел убить его. Кари сказал:

– Оставь! Я пощажу Кетиля. И если тебе, Кетиль, даже доведется еще раз попасть в мои руки, то я все равно не убью тебя.

Кетиль ничего ему не ответил и уехал за своими спутниками. Он рассказал, что случилось, тем, кто еще не знал этого. Они рассказали об этом также людям по всей округе. Те все тотчас вооружились и

поехали вдоль всех рек в горы, так далеко на север, что поиски продолжались три дня. После этого люди вернулись к своим домам, а Кетиль и его спутники поехали на восток, к Свиной Горе, и рассказали там обо всем, что случилось. Флоси их рассказ взволновал мало, и он сказал, что вряд ли дело этим кончится:

– Нет у нас в стране человека, равного Кари, – добавил он.

CLII

Теперь надо рассказать о том, что Кари поехал в Пески. Он отвел своих коней к подножью песчаного холма, и для них нарезали дикого овса, чтобы кони не погибли от голода. Кари рассчитал все так точно, что уехал, как раз когда кончились поиски. Ночью он проехал все эти места и направился в горы той же самой дорогой, какой они приехали сюда. Они не останавливались, пока не доехали до Леса. Бьёрн сказал тогда Кари:

– Похвали меня перед моей женой, потому что она не поверит ни одному моему слову, а для меня очень важно, чтобы она поверила. Отплати мне за всю ту помощь, которую я тебе оказал.

– Ладно, – сказал Кари.

После этого они въехали во двор. Хозяйка обрадовалась им и спросила, что слышно нового. Бьёрн ответил:

– Теперь нам придется туго, старуха!

Она ничего не ответила и усмехнулась. Потом она спросила:

– Как вел себя Бьёрн, Кари?

Кари ответил:

– У кого нет брата, тот не защищен с тыла. Бьёрн держался молодцом. Он ранил троих и сам был ранен. Он мне помог как только мог.

Они пробыли там три ночи. После этого они отправились в Холм, к Торгейру, и рассказали ему о случившемся, потому что новости туда еще не дошли. Торгейр поблагодарил Кари, и было видно, что он очень рад тому, что случилось. Он спросил Кари, чего тот еще не сделал из того, что собирался. Кари ответил:

– Я, если представится случай, собираюсь убить Гуннара, сына Ламби, и Коля, сына Торстейна. Тогда убитых нами будет пятнадцать человек, считая тех пятерых, которых мы убили вместе. А еще у меня к тебе есть просьба.

Торгейр сказал, что сделает для него все, что он попросит.

– Я хочу, чтобы ты взял под свое покровительство человека по имени Бьёрн, который бился вместе со мной, и поменялся с ним дворами, и дал ему здесь, у тебя, полное хозяйство. Защити его, чтобы никто не мстил ему. Ведь для такого знатного человека, как ты, это ничего не стоит.

– Хорошо, – сказал Торгейр.

Он передал Бьёрну все хозяйство в Асольвовой Хижине и взял себе Лес. Торгейр сам перевез всех домочадцев Бьёрна и все его добро в Асольвову Хижину. Он уладил все дела Бьёрна и помирил его со всеми. С Бьёрном стали теперь считаться гораздо больше, чем раньше.

Кари пустился в путь и не останавливался, пока не приехал к Асгриму, сыну Лодейного Грима. Тот принял Кари прекрасно. Кари рассказал ему обо всем, что случилось во время боев. Асgrim очень обрадовался новостям и спросил Кари, что он собирается делать. Кари ответил:

– Я собираюсь уехать из Исландии вслед за ними, подстеречь их и, если удастся, убить.

Асgrim сказал, что нет ему равного в отваге.

Кари пробыл у него несколько дней. Затем он поехал к Гицуру Белому, и тот принял его с распростертыми объятьями. Кари пробыл у него некоторое время. Он сказал Гицуру, что собирается поехать в Пески. На прощанье Гицур подарил Кари добрый меч. После этого Кари поехал в Пески и договорился с Кольбейном Черным, что тот перевезет его через море. Кольбейн был с Оркнейских островов. Он был верным другом Кари и очень храбрым человеком. Он принял Кари с распростертыми объятьями и сказал, что теперь у них будет одна судьба.

CLIII

Теперь надо рассказать о Флоси. Он поехал на восток, к Роговому Фьорду, и с ним отправилась большая часть его людей. Они перевезли с собой свои товары, дорожные запасы и все остальное, что собирались взять с собой. Затем они подготовили к отплытию корабль. Флоси оставался при корабле, пока тот не был снаряжен. Когда выдался попутный ветер, они вышли в море. Плавание было долгим: стояла непогода, и они много блуждали по морю.

Однажды ночью случилось, что на их корабль обрушились три больших вала. Тогда Флоси сказал, что, наверное, поблизости земля и это прибой. Стоял густой туман, непогода усиливалась, и на них налетел сильный шквал. Не успели они оглянуться, как их выбросило на берег. Люди спаслись, но весь корабль разбило в щепы, и добро спасти не удалось. Они стали искать, где бы согреться. На другой день они поднялись на холм. Погода стояла хорошая. Флоси спросил, узнает ли кто-нибудь эту страну. Среди них были двое, кто плавал раньше, и они сказали, что, конечно, узнают эти места.

– Нас прибило к Оркнейским островам, к острову Лошадиному.

– Нас могло прибить и поудачнее, – сказал Флоси, – ведь Хельги, сын Няля, которого я убил, был дружинником ярла Сигурда, сына Хлёдвир.

Они отыскиали себе укрытие, нарвали мху и покрылись им. Они пролежали недолго, и тут Флоси сказал:

– Нельзя нам больше лежать здесь, потому что жители увидят нас.

Тогда они встали и стали держать совет. Флоси сказал своим людям:

– Пойдемте все вместе и сдадимся ярлу. Нам ведь не остается ничего другого, потому что, если ярл этого захочет, мы все равно попадем к нему в руки.

Тогда они все ушли оттуда. Флоси сказал, чтобы они никому не рассказывали о случившемся и о своей поездке, пока он сам не расскажет обо всем ярлу. Они шли, пока не встретили людей, которые проводили их к ярлу. Они пришли к ярлу, и Флоси и все его люди поздоровались с ним. Ярл спросил, кто они такие. Флоси назвал себя и сказал, из какой он местности Исландии. Ярл уже знал о сожжении Няля и поэтому сразу же узнал их. Тогда он спросил Флоси:

– Что ты расскажешь мне о Хельги, сыне Няля, моем дружиннике?

– То, – ответил Флоси, – что я отрубил ему голову.

Ярл велел их схватить, что и было сделано. Тут подошел Торстейн, сын Халля с Побережья. Флоси был женат на сестре Торстейна Стейнвёр. Торстейн был дружинником ярла Сигурда. Когда он увидел, что Флоси схватили, он обратился к ярлу и предложил за Флоси все свое добро. Ярл долго был в страшном гневе, но наконец, благодаря заступничеству Торстейна и многих уважаемых людей, – потому что у Торстейна было немало друзей и многие просили вместе с ним, – ярл уступил и помиловал Флоси и всех его людей. Следуя обычаем могущественных людей, ярл взял Флоси на место Хельги, сына Няля. И вот Флоси стал дружинником ярла Сигурда, и скоро ярл очень полюбил его.

CLIV

Через полмесяца после того, как Флоси со своими людьми вышел в море из Рогового Фьорда, Кари и Кольбейн Черный отплыли из Песков. Им выдался попутный ветер, и они пробыли в пути недолго. Они приплыли к острову Красивому^[293], что лежит между Шетландскими и Оркнейскими островами. Человек по имени Давид Белый пригласил к себе Кари. Он рассказал все, что узнал о поездке Флоси и его людей. Он был хорошим другом Кари, и тот пробыл у него зиму. Вскоре к ним с запада, с острова Лошадиного, пришли вести обо всем, что там происходило.

Ярл Сигурд пригласил к себе на Рождество ярла Билли с Гебридских островов, своего зятя. Ярл Гилли был женат на Сванлауг^[294], сестре ярла Сигурда. Тогда же к ярлу Сигурду приехал из Ирландии конунг Сигтрюгг, сын Олава Кварана. Его мать звали Кормлёд. Она была женщиной на редкость красивой и хороша во всем, что не зависело от ее воли, но, как говорят, во всем, что от нее зависело, она показывала себя только с худой стороны. Брианом звался король, который раньше был женат на ней, но к этому времени они развелись. Он был лучшим из королей. Его двор был в Канкараборге^[295], в Ирландии. У него был брат по имени Ульв Пугало, величайший витязь и воитель. У Бриана был воспитанник по имени Кертьяльвад. Он был сыном конунга Кюльвира, который много воевал против короля Бриана, бежал от него из страны и ушел в монастырь. Но когда король Бриан совершал паломничество в Рим, он встретил конунга Кюльвира, и они помирились. Король Бриан взял к себе его сына Кертьяльвада и полюбил его больше, чем своих сыновей. К этому времени. Кертьяльвад уже вырос и был одним из самых храбрых мужей.

Одного из сыновей короля Бриана звали Дунгад, другого – Маргад, а третьего – Тадк, а мы называем его Танн. Он был младшим из них. Старшие сыновья короля Бриана были уже юношами, и они были очень доблестными людьми. Кормлёд не была матерью детей короля Бриана. После развода она так возненавидела короля Бриана, что жаждала его смерти. Провинившимся против него король Бриан трижды прощал вину, но если они совершали еще проступки, то их судили по закону. Из этого видно, каким королем он был.

Кормлёд все время подбивала своего сына Сигтрюгга убить короля Бриана. Поэтому она послала его к ярлу Сигурду просить помощи. Перед Рождеством Сигтрюгг прибыл на Оркнейские острова. Туда приехал тогда же и ярл Гилли, как было написано раньше.

Людей рассадили так, что конунг сидел посреди почетного сиденья, а по обе стороны от него сидели ярлы. Люди Сигтрюгга и Гилли сидели дальше от входа, а от ярла Сигурда ко входу сидели Флоси и Торстейн, сын Халля. Все места в палате были заняты людьми.

Конунг Сигтрюгг и ярл Гилли захотели послушать о сожжении Няля и о том, что произошло после. Рассказать об этом было велено Гуннару, сыну Ламби, и ему подставили скамейку.

CLV

В это время Кари, Кольбейн и Давид Белый, не замеченные никем, приехали на остров Лошадиный. Они сошли на берег, оставив всего несколько человек сторожить корабль. Кари со своими спутниками тотчас отправился ко двору ярла и подошел к палате во время пира. Он

остановился снаружи и стал прислушиваться. Как раз в это время Гуннар вел рассказ.

Конунг Сигтрюгг спросил:

– Как держал себя Скарпхедин во время пожара?

– Поначалу хорошо, – сказал Гуннар, – но потом он заплакал.

Он рассказал все очень пристрастно и при этом много лгал. Кари этого не вытерпел. Он вбежал в палату с обнаженным мечом и сказал такую вису:

Хватит вам, Ньёрды сражений^[296],

Сожжением Ньяля хвалиться!

Всем ведь известно воинам

О том, как жестоко мы мстили.

Взяли немалую плату

С даятелей злата^[297] дерзких,

Долго, терзая трупы,

Вороны пировали.

Тут он бросился в глубь палаты и с такой силой ударил Гуннара, сына Ламби, мечом по шее, что голова отлетела на стол, который стоял перед конунгом и ярлами. Все столы и одежда ярлов были залиты кровью. Ярл Сигурд узнал того, кто совершил убийство, и вскричал:

– Схватите Кари и убейте его!

Кари до этого был дружинником ярла Сигурда, и все очень любили сто. Поэтому, несмотря на слова ярла, никто не сдвинулся с места. Кари сказал:

– Многие скажут, государь, что я сделал это ради вас, чтобы отомстить за вашего дружинника.

Флоси сказал:

– Кари имел на это право: ведь он не мирился с нами. Он сделал то, что он должен был сделать.

Кари ушел, и его не стали преследовать. Он отправился со своими спутниками к кораблю. Погода стояла хорошая, и они поплыли на юг, в Катанес. Они сошли на берег в Трасвике, где жил знатный человек по имени Скегги. Они прожили у него долго.

Оркнейцы же прибрали столы и вынесли убитого. Ярлу сказали, что Кари уплыл в Шотландию. Конунг Сигтрюгг сказал:

– Надо быть великим воином, чтобы так смело броситься на врага, ничего не боясь.

Ярл Сигурд сказал:

– Нет человека, равного Кари по храбрости.

Тут заговорил Флоси и рассказал все о сожжении Ньяля. Он говорил беспристрастно, и ему поверили.

Тогда конунг Сигтрюгг рассказал о своей просьбе ярлу Сигурду и попросил его пойти с ним войной против короля Бриана. Ярл долго

отговаривался, но наконец согласился и выставил свои условия. Он выговорил себе, что женится на его матери и станет королем Ирландии, если они одолеют Бриана.

Все советовали ярлу Сигурду не ввязываться в эту распрю, но ничего не помогло. Они расстались на том, что ярл Сигурд пообещал пойти в поход, а конунг Сигтрюгг пообещал ему руку своей матери и королевство. Они уговорились, что ярл Сигурд прибудет со всем своим войском в Дублин в Вербное воскресенье.

После этого Сигтрюгг отправился на юг, в Ирландию, и сказал Кормлёд, своей матери, что ярл согласился помочь им, а также о том, что он пообещал ярлу. Она обрадовалась, но сказала, что им нужно собрать еще больше войска. Сигтрюгг спросил, что она имеет в виду. Она ответила, что в море, западнее острова Мэн, стояли двое викингов с тремя десятками кораблей, и добавила:

– Они такие храбрые воины, что никому не устоять против них. Одного из них зовут Оспак, а другого – Бродир. Поезжай к ним и обещай, чего бы они ни просили, чтобы заручиться их помощью.

И вот Сигтрюгг отправился к викингам. Он нашел их у острова Мэн. Он им тотчас же изложил свое дело, но Бродир отказывался, пока Сигтрюгг не пообещал ему королевство и руку своей матери. Их уговор должен был остаться в тайне, чтобы ярл Сигурд ничего не знал. Бродир тоже должен был прибыть в Вербное воскресенье в Дублин. Конунг Сигтрюгг отправился домой к своей матери и рассказал ей, как обстоит дело.

После этого Оспак и Бродир стали держать совет. Бродир рассказал Оспаку обо всем своем разговоре с Сигтрюггом и попросил его, чтобы тот пошел с ним на короля Бриана. Он сказал, что это для него очень важно. Оспак сказал, что не хочет биться против такого хорошего короля. Они оба разгневались и разделили свое войско. Оспак взял себе десять кораблей, а Бродир – двадцать. Оспак был язычником и необыкновенно умным человеком. Он поставил свои корабли в проливе, а Бродир – подальше в море. Бродир был раньше христианином и диаконом, но отошел от веры, стал предателем Бога, начал приносить языческие жертвы и был необычайно сведущ в колдовстве. У него были доспехи, которые не брало железо.

Он был высок ростом и силен, и у него были такие длинные волосы, что он их закладывал за пояс. Они были черного цвета.

CLVI

Однажды ночью над Бродиром и его людьми раздался страшный грохот, так что все проснулись, вскочили и оделись. Шел кипящий кровавый дождь. Они прикрылись щитами, но все же многие получили

ожоги. Это чудо длилось до утра. На каждом корабле погибло по человеку. После этого они проспали весь день.

На следующую ночь снова раздался грохот, и все снова вскочили. Тут мечи выскочили из ножен, а секиры и копья взлетели в воздух и начали сражаться. Оружие с такой силой нападало на людей, что им пришлось прикрываться щитами, и все же многие были ранены и на каждом корабле погибло по человеку. Это чудо продолжалось до утра. После этого они снова проспали весь день.

На третью ночь опять раздался такой же грохот. На них налетело воронье, и казалось, что клювы и когти у птиц железные. Вороны бросались на них с такой силой, что им пришлось защищаться мечами и прикрываться щитами. Это продолжалось до утра. И снова погибло по человеку на каждом корабле. Лишь тогда они заснули. Когда Бродир проснулся, он тяжело вздохнул и велел спустить на воду лодку.

– Я хочу поехать к Оспаку, моему побратиму, – сказал он.

Он сел в лодку, а с ним еще несколько человек. Когда он приехал к Оспаку, он рассказал ему обо всех чудесах, которые явились ему, и попросил, чтобы Оспак объяснил ему, что они предвещают. Оспак ничего не хотел говорить ему, пока тот не пообещал, что не тронет его. Но Оспак все же отложил разговор до ночи, потому что Бродир никогда никого не убивал ночью. Наконец Оспак сказал:

– Когда на вас падал кровавый дождь, то это означало, что вы прольете много крови, своей и чужой. Когда раздался страшный грохот, то это был грохот, слышный во всем мире, и он означал, что вы все скоро погибнете. Когда на вас набросилось оружие, то это предвещало скорую битву. И когда на вас накинулись вороны, то это были те враги, которым вы доверились и которые утащат вас в ад на муки.

Бродир пришел в такую ярость, что не мог вымолвить ни слова. Он отправился к своим людям и велел им запереть корабли Оспака в проливе и привязать их канатами к берегу. Он собирался наутро перебить всех. Оспак разгадал весь его замысел. Тогда он дал обет принять христианство и поехать к королю Бриану и быть с ним до конца его дней. Затем он велел прикрыть все суда, баграми протолкнуть их вдоль берега и перерубить канаты людей Бродира. Корабли начало сносить вместе, а люди на борту заснули. Оспак со своими людьми вышел из фьорда и поплыл на запад, в Ирландию. Они не останавливались, пока не доплыли до Канкараборга. Тут Оспак рассказал королю Бриану все, что узнал, крестился и отдал себя под защиту короля. После этого король Бриан велел собрать по всему своему королевству людей, и все войско должно было прийти к Дублину на Вербной неделе.

Ярл Сигурд, сын Хлёдвира, собрался в поход с Оркнейских островов. Флоси вызвался поехать с ним. Ярл не захотел этого, так как тому надо было совершить обещанное паломничество в Рим. Флоси предложил ему пятнадцать своих людей для похода, и ярл взял их. Флоси поплыл с ярлом Гилли на Гебридские острова. С ярлом отправились Торстейн, сын Халля, а также Храфн Рыжий и Эрлинг с острова Страумей. Ярл не захотел, чтобы Харек поехал с ним, но сказал, что даст ему знать первому.

Ярл со всем своим войском прибыл в Дублин в Вербное воскресенье. Тогда же прибыл и Бродир со всем своим войском. Пользуясь колдовскими чарами, Бродир решил узнать исход боя, и полученное им предсказание гласило, что если бой будет в пятницу, то король Бриан погибнет, но одержит победу, если же бой будет раньше, то погибнут все его противники. Тогда Бродир сказал, что нельзя биться до пятницы.

В четверг к Кормлёд и ее людям подъехал человек на сером в яблоках коне. В руке у него было копье. Он долго говорил с Бродиром и Кормлёд.

Король Бриан со всем своим войском подошел к городу. В пятницу войско вышло из города, и обе стороны построились в боевом порядке. Бродир стоял на одном крыле войска, а конунг Сигтрюгг – на другом. Ярл Сигурд стоял посередине войска.

Теперь надо рассказать о том, что король Бриан не захотел сражаться в Страстную пятницу. Его люди прикрыли его стеной щитов, а войско выстроилось перед ним. Ульв Пугало стоял с краю, напротив Бродира, а на другом краю, напротив Сигтрюгга, стояли Оспак и сыновья короля Бриана.

Посередине войска стоял Кертъяльвад, и перед ним несли знамена.

И вот войска сошлись. Разгорелся жесточайший бой. Бродир прошел сквозь строй своих противников, кося всех, кто стоял на его пути, но его самого железо не брало. Ульв Пугало бросился на него и нанес ему три таких сильных удара, что Бродир всякий раз падал и едва поднимался на ноги. Как только он снова встал, он пустился в бегство и скрылся в лесу. Ярл Сигурд ожесточенно сражался с Кертъяльвадом. Кертъяльвад наступал так яростно, что косил всех, кто стоял на его пути. Он пробился сквозь войско ярла Сигурда до знамени и убил знаменосца. Тогда ярл поставил к знамени другого человека. Снова разгорелся жестокий бой. Кертъяльвад тотчас сразил нового знаменосца, а также одного за другим и всех тех, кто стоял поблизости. Тогда ярл Сигурд сказал Торстейну, сыну Халля, чтобы тот взял знамя. Торстейн только собрался взять знамя, как Амунди Белый сказал:

– Не бери знамя, Торстейн! Ведь всех, кто его держит, убивают.

– Храфн Рыжий! – сказал ярл. – Возьми ты знамя!

Но Храфн отвечал:

– Возьми сам своего черта!^[298]

Ярл сказал:

– Что ж, куда нищий, туда и его сума.

И он снял знамя с древка и спрятал его на себе, в своей одежде. Вскоре после этого Амунди Белый был убит. Немного погодя и ярла пронзили копьем.

Оспак прошел через все войско противника. Он был тяжело ранен и потерял уже обоих сыновей Бриана. Сигтрюгг бежал от него. Тогда все войско обратилось в бегство.

Торстейн, сын Халля, отстал от других бегущих, чтобы завязать ремень на своей обуви. Тут Кертьяльвад спросил его, почему он не бежит.

– Потому, – ответил Торстейн, – что я не доберусь до ночи домой. Ведь мой дом в Исландии.

И Кертьяльвад пощадил его.

Храфна Рыжего загнали в реку. Ему показалось, что на дне реки ад и что будто черти хотят затащить его к себе. Тогда он сказал:

– Апостол Петр! Я, твой верный пес, уже дважды бегал в Рим и побегу туда в третий раз, если ты позволишь.

Тогда черти отпустили его и он перебрался через реку.

Тут Бродир увидал, что войско короля Бриана преследует бегущих и возле стены щитов вокруг короля мало народу. Он бросился туда из лесу, пробил стену щитов и нанес королю удар мечом. Мальчик Тадк поднял руку, и меч отсек его руку и голову короля. Но кровь короля попала на обрубок руки мальчика, и рука тотчас срослась. Тогда Бродир громко крикнул:

– Пусть пойдет из уст в уста, что Бродир убил Бриана!

Тогда побежали за теми, кто преследовал бегущих, и сказали им о гибели короля Бриана. Ульв Пугало и Кертьяльвад тотчас бросились назад. Они окружили Бродира и его людей и закидали их поленьями. Тогда Бродира схватили. Ульв Пугало вспорол ему живот, привязал конец его кишок к дубу и стал водить его вокруг, пока все кишки не намотались на дерево. Лишь тогда Бродир умер. Всех людей его тоже перебили.

После этого они взяли тело короля Бриана и приготовили к погребению. Голова короля приросла к туловищу. Пятнадцать участников сожжения Ньяля погибли в битве с Брианом. Там были убиты Халльдор, сын Гудмунда, и Эрлинг с острова Страумей.

А вот что случилось в Страстную пятницу в Катанесе. Человек по имени Дёрруд вышел из дому и увидел, что двенадцать человек подъехали к дому, где женщины занимаются рукоделием, и вошли внутрь. Он подошел к этому дому, заглянул в окошко и увидел, что там внутри сидят какие-то женщины и ткут. У станка вместо грузил были человеческие головы, утком и основой были человеческие кишки, нить

подбивалась мечом, а вместо колков были стрелы. Они пели такие висы:

Соткана ткань
Большая, как туча,
Чтоб возвестить
Воинам гибель.
Окропим ее кровью.
Накрепко ткань.
Стальную от копий,
Кровавым утком
Битвы свирепой
Ткать мы должны.

Сделаем ткань
Из кишок человеческих.
Вместо грузил
На станке черепа,
А перекладины —
Копья в крови.
Гребень железный,
Стрелы – колки.
Будем мечами
Ткань подбивать.

Хьяртримуль, Хильд,
Саннгрид и Свипуль^[299],
Мечи обнажив,
Начали ткать.
Сломаются копья,
Треснут щиты,
Если псы шлема^[300]
Вцепятся в них.

Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Был он в руках
У конунга юного.
Выйдем вперед,
Ринемся в бой,
Где наши друзья
Удары наносят.

Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Конунгу вслед

Пора нам скакать.
Гёндуль и Гунн^[301]
За ним помчались,
Кровь на щитах
Увидят они.

Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Рвутся вперед
Смелые воины.
Конунга жизнь
Мы защитим, —
Нам выбирать,
Кто в сече погибнет.

Будут землей
Люди владеть,
Что жили досель
На мысах дальних.
Бриану конунгу
Смерть суждена.
Сигурда ярла
Копья пронзят.

Ирам готов
Горький удел.
Память о нем
Вечною будет.
Соткана ткань.
Поле боя в крови.
О мертвых по свету
Молва прошумит.

Страшно теперь
Оглянуться. Смотри!
По небу мчатся
Багровые тучи.
Воинов кровь
Окрасила воздух, —
Только валькириям
Это воспеть!

Спели мы славно
О конунге юном.
Слава поющим!

Слышавший нас
Песню запомнит,
Людям расскажет
О том, что слышал
От жен копыеносных.

Мечи обнажив,
На диких конях,
Не знающих седел,
Прочь мы умчимся.

Потом они разодрали свою ткань сверху донизу и порвали ее в клочья, и каждая из них взяла то, что у нее осталось в руке. Дёрруд отошел от окошка и пошел домой, а женщины сели на коней и усаkali, шестеро – на юг и шестеро – на север.

То же самое случилось на Фарерских островах с Брандом, сыном Гнейсти.

А в Исландии, на Свиной Горе, у священника в Страстную пятницу на ризе выступила кровь, так что ему пришлось переодеться. А на Купальной Реке в Страстную пятницу священнику почудилось, что у алтаря разверзлась морская бездна, и он увидел в ней такие ужасы, что долго не мог продолжать службу.

А на Оркнейских островах случилось вот что. Хареку почудилось, что он видит ярла Сигурда, а с ним еще нескольких человек. Хареке сел на коня и поскакал к ярлу. Было видно, как они встретились, и поскакали вниз по склону с горы, и скрылись из виду. С тех пор их не видели, и от Харека не осталось и следа.

А ярлу Гилли на Гебридских островах приснилось, будто к нему пришел какой-то человек, который назвался Хервидом и сказал, что он из Ирландии, и будто ярл спросил у него, что нового, и тогда этот человек сказал такую вису:

Я в Ирландии видел
Страшную сечу. Герои
В грое мечей рубились,
Щиты разбивали в щепы.

Пал, истекая кровью,
Сигурд на поле брани.
Пал и Бриан отважный,
В битве добыв победу.

Флоси и ярл много говорили об этом сне. Неделю спустя приехал Храфн Рыжий и привез им вести о битве с Брианом и о смерти короля, ярла Сигурда, Бродира и всех викингов. Флоси спросил:

– Что расскажешь о моих людях?

– Они все погибли, – сказал Храфн, – а твоего шурина Торстейна Кертьяльвад помиловал, и тот остался у него.

Флоси сказал ярлу, что хочет уехать.

– Нам надо совершить наше паломничество в Рим, – сказал он.

Ярл ответил ему, что он может ехать, когда хочет, и подарил ему корабль и все, что нужно для пути, и еще много серебра. Они поплыли в Уэльс и пробыли там некоторое время.

CLVIII

Кари, сын Сёльмунда, попросил Скегги, чтобы тот дал ему корабль. Скегги дал ему корабль со всеми гребцами. Кари, Давид Белый и Кольбейн Черный взошли на него и поплыли на юг мимо шотландских фьордов. Там они встретили людей с Гебридских островов, и те рассказали Кари о том, что произошло в Ирландии и что Флоси со своими людьми поплыл в Уэльс. Когда Кари узнал об этом, он сказал своим спутникам, что хочет поплыть на юг, в Уэльс, чтобы встретиться с Флоси и его людьми. Он предложил тем, кто хочет, оставить его и сказал, что не хочет никого обманывать: он считает, что еще не отомстил за свои обиды. Никто не захотел оставить его. И вот он поплыл на юг, в Уэльс, и они пристали в небольшом укромном заливе.

В то же самое утро Коль, сын Торстейна, пошел в город менять серебро. Он больше всех поносил тех, кто был сожжен с Ньялем. Коль часто беседовал с одной знатной дамой, и дело уже шло к тому, что он должен был жениться на ней и поселиться там. В это самое утро Кари отправился в город. Он подошел к месту, где Коль отсчитывал серебро. Кари узнал его и, обнажив меч, кинулся на него и нанес ему удар по шее. Коль как раз отсчитывал серебро, и, отлетая от туловища, голова сказала «десять». Кари сказал:

– Пусть скажут Флоси, что Кари, сын Сёльмунда, убил Коля, сына Торстейна. Я объявляю, что я совершил это убийство.

Затем Кари пошел к своему кораблю и рассказал своим спутникам об убийстве.

После этого они поплыли на север, в Бервик, вытащили корабль на берег и отправились в Хвитсборг, что в Шотландии, и пробыли у ярла Мелькольва этот год.

А когда Флоси узнал об убийстве Коля, он позаботился о его погребении и дал много денег на гробницу. Флоси никогда не говорил худого слова о Кари.

Оттуда Флоси отправился через море на юг и там начал свое паломничество. Он шел пешком и не останавливался, пока не пришел в Рим. Там он был в большом почете, так что сам папа отпустил ему грехи, а он дал за это много денег.

Он отправился назад восточным путем^[302], останавливался во многих городах, бывал у знатных людей и повсюду был в большой чести. Он пробыл зиму в Норвегии, и ярл Эйрик подарил ему корабль, чтобы плыть в Исландию, и дал много муки. Многие другие люди тоже оказали ему большие почести. И вот он отплыл в Исландию и пристал в Роговом Фьорде. Затем он поехал домой, на Свиную Горю. Так он выполнил все, что должен был выполнить по договору, – уезжал из страны и заплатил виры.

CLIX

Теперь надо рассказать о том, что на следующее лето Кари отправился к своему кораблю и поплыл через море на юг. Он начал свое паломничество в Нормандии, дошел до Рима, получил отпущение грехов и западным путем^[303] отправился обратно. Он сел в Нормандии на свой корабль и поплыл через море на север, в Дувр. Оттуда поплыл на запад, обогнул Уэльс, прошел на север мимо шотландских фьордов и не останавливался, пока не приплыл в Трасвик на Катанесе, к Скегги. Он передал корабль Кольбейну и Давиду. Кольбейн на этом корабле поплыл в Норвегию, а Давид остался на острове Красивом. Кари пробыл эту зиму на Катанесе. В эту зиму умерла его жена в Исландии. На следующее лето Кари собрался плыть в Исландию. Скегги дал ему корабль. Их было на корабле восемнадцать человек. Они замешкались со сборами, но все же вышли в море, и плавание было долгим. Наконец они подошли к Мысу Ингольва, и там их корабль разбился в щепы, однако люди спаслись. Валил густой снег. Люди спросили Кари, что делать, и он сказал, что надо идти к Свиной Горе испытать благодать Флоси.

Не медля, они пошли на Свиную Горю. Флоси был в доме. Он узнал Кари, когда тот вошел, кинулся ему навстречу, поцеловался с ним и усадил рядом с собой на почетное сиденье. Флоси предложил Кари пробыть у него зиму, и тот согласился. Они полностью помирились, Флоси просватал Кари свою племянницу Хильдигунн, которая была раньше замужем за Хёскульдом, годи Белого Мыса.

Они поселились сначала на Широкой Реке.

Люди рассказывают, что Флоси так кончил свою жизнь. Однажды, когда он состарился, он поехал в Норвегию за лесом для дома и пробыл ту зиму в Норвегии. А летом он замешкался со сборами. Люди говорили ему, что корабль у него плохой. Но Флоси отвечал, что его корабль достаточно хорош для того, кто стар и близок к смерти, и он взошел на него и отправился в море, и больше об этом корабле ничего не было слышно.

Вот кто был детьми Кари и Хельги, дочери Ньяля: Торгерд, Рагнейд, Вальгерд и Торд, что сгорел с Ньялем. А детьми Кари и Хильдигунн

были Старкад, Торд и Флоси. У Флоси был сын Кольбейн. Он был одним из самых выдающихся людей в роду.

На этом я кончаю сагу о сожженном Ньяле.

Сага о Хёрде и островитянах

Перевод О. А. Смирницкой

«Сага о Хёрде и островитянах» (*Harðar saga ok Hólmverja*, иначе – *Harðar saga Grimkelssonar* или *Harðar saga Grimkelssonar ok Geris*), так же как и «Сага о Гисли» и «Сага о Греттире», – это трагическая история человека, оказавшегося вне закона в обществе, в котором он живет. С Гисли у Хёрда и то общее, что его жена, подобно жене Гисли, делит с ним его изгнание из общества, а его сестра, подобно сестре Гисли, пытается убить убийцу своего брата. Но в отличие от Гисли и Греттира Хёрд не скрывается в одиночку, а во главе других объявленных вне закона вступает в открытый конфликт с обществом, в котором он живет. Действие в саге происходит в районе Хвальфьорда (то есть Китового Фьорда) на западе Исландии в конце X в. (гибель Хёрда и его товарищей датируют ок. 989 г.).

Считается, что в том виде, в котором сага сохранилась, она написана в начале XIV в. и представляет собой переработку саги о Хёрде, написанной в начале XIII в. и основанной непосредственно на устной традиции, то есть устной саге (см. *V. Lachmann. Das Alter der Harðarsaga. Berlin, 1932 («Palaestra», 183))*. Высказывалось предположение, что автором старой редакции саги был Стюрмир Карасон (умер в 1245 г.), который упоминается в саге на с. 519. Считается, что в результате переработки старой редакции саги в сагу (особенно в ту ее часть, где рассказывается о приключениях Хёрда вне Исландии) были введены мотивы, излюбленные в «сагах о древних временах», – обет героя на пиру, схватка с могильным жителем, охраняющим сокровище, морское сражение с викингами, побег пленника, закованного в оковы, козни злых колдуний и т. п. Все эти авантюрно-сказочные мотивы чужды классическим «сагам об исландцах». Языческие реминисценции в саге – помощь, оказываемая герою Одином (с. 489), разговор с богами в капище (с. 493) – тоже, по-видимому, из «саг о древних временах», а не непосредственно из устной традиции. Считается, что все висы в саге сочинены при переработке старой редакции саги, то есть не исконны в ней.

Сага сохранилась в пергаменте, написанном вскоре после 1400 г., и многих бумажных списках с него. Сохранился также фрагмент пергамента, написанного в конце XIV в. и содержащего начало саги в

другой, более старой редакции. Перевод сделан по изданию: Íslendinga sögur, Íslendingasagnaútgáfan. XII. Reykjavík, 1953.

I

Во времена Харальда Прекрасноволосого^[304] была заселена почти вся Исландия, ибо люди, а особенно люди знатного рода и гордого нрава и с достатком, не хотели терпеть его гнета и насилия. Им казалось, что уж лучше бежать, оставив свои владения, чем сносить чье бы то ни было своеволие и притеснение, хотя бы и самого конунга. Из таких людей был и Бьёрн Золотоноша. Он поплыл из Долины Оркадаля в Исландию и занял земли в Южной Долине Дымов – от Реки Грима и до Реки Долины Флоки, и поселился на Золотоношином Дворе. Были у него сыновья: Свартхёвди, Гейрмунд и Тьостольв. Но о них в этой саге ничего не рассказывается.

Старшего сына Бьёрна звали Гримкелем. Он был рослым и сильным. Бьёрн Золотоноша стал большим человеком и разбогател. Гримкель, сын Бьёрна, посватался за Раннвейг, дочь Торбьёрна с Орлиного Бугра, и на ней женился. Не прожили они вместе и трех зим, как Раннвейг заболела и умерла. У них осталась дочь по имени Турид. Она росла у человека по имени Сигурд Рыло. Он жил на хуторе, который назывался Под Горой. Турид была собою красива и большая искусница, но нрава несколько сурового. Всё же ее любили.

II

Гримкель сперва жил южнее, на горах, неподалеку от Эльвус-Озера^[305]. Это место и поныне зовется Гримкелев Двор, теперь там овчарни. У Гримкеля был большой годорд. Был он человек богатый и могущественный, говорят, не чуждался и насилия. После смерти жены он перенес двор к Эльвус-Озеру: он решил, что там лучше земли. Там он и жил до самой смерти. Его прозвали Гримкелем Годи.

В Пастбищном Заливе, неподалеку от Эльвус-Озера, жил человек по имени Хёгни. Жену его звали Торбьёрг. У них была дочь по имени Гудрид. Она была красива, и все ее любили. Хёгни был низкого рода, но человек достойный. Торбьёрг, жена его, была куда знатнее, но они жили в добром согласии.

Вальбрандом звали человека, жившего на Широком Дворе в Северной Долине Дымов. Он был сыном Вальтьова Старого.

Сына Вальбранда звали Торви. У отца с сыном был годорд. Торви был человек умный, и его повсюду знали.

У Вальбранда и Торви рос Сигурд, сын Гунихильд. Он был родичем Торви. Его прозывали Сигурд Приемыш Торви. Он подавал большие надежды и был во всем искусен.

Была у Вальбранда еще и дочь по имени Сигню. Она вышла замуж за Торгейра со Средней Горы, сына Финна Богача, сына Халльдора, сына Хёгни. Ко времени этих событий Торгейр уже умер. Сына их звали Гримом. Это был многообещающий юноша, он рос у матери. Сигню жила на Дворе Сигню, неподалеку от Широкого Двора. Была она женщина недюжинная, острая на язык, гордого и непреклонного нрава. В доме у нее рос юноша по имени Грим. Его прозывали Грим Малыш. Он был приемным сыном Сигню. Он пользовался уважением и был человеком расторопным и притом умным.

В Южной Долине Дымов, в Роще, жил Колль, сын Кьяллака. Это был очень знатный человек.

III

Торвальдом звали человека, жившего у Озерного Рога, в Сорочьей Долине. Был он рослый и сильный. Жену его звали Торгрима, а по прозвищу Мастерца. Она была изрядно сведуща в колдовстве. Сына их звали Индриди. Он был рослым и подавал большие надежды. Торгрима пережила мужа. А овдовев, она поселилась в Лощине, в Сорочьей Долине, разбогатела там и обрела большую силу.

Рассказывают, что однажды летом Гримкель Годи поехал на тинг. Вот как-то вышел он в сопровождении многих людей из своей землянки и пошел прямо в землянку к Вальбранду. Вальбранд приветливо его встретил, потому что Гримкель был давно ему знаком. Они садятся и заводят беседу. Гримкель сказал:

– Дошло до меня, Вальбранд, что есть у тебя дочь по имени Сигню, недюжинная женщина. Хочу я к ней посвататься, если ты отдашь ее за меня.

Вальбранд отвечает:

– Нам известно, что ты хорошего рода и богат, да и сам удалец каких мало. Я не стану тебе отказывать.

Разговор их кончается тем, что Вальбранд обещает свою дочь Гримкелю Годи, и свадьбу назначают через два месяца на Эльвус-Озере.

Торви, сына Вальбранда, на тинге не было. Возвратившись с тинга домой, Вальбранд рассказал ему новости. Торви отвечает:

– Недорого вы цените мои советы, раз даже не посчитали нужным спросить меня в таком деле. Я же не думаю, что ты замыслил подходящий брак для своей дочери. Мало счастья сулит он Сигню, ведь человек этот стар, да и суров нравом.

Торви сказал тогда вису:

Тяжкие вести: отдана
Гримкелю нива гривен^[306]
Волею старого тополя
Распри костров кольчуги^[307].

Скоро изведает тяжкие
Горести роща сокровищ^[308],
В доме у старого мужа
Навек распростится с радостью.

Сигню узнала о сговоре и была не слишком-то ему рада. И когда брат с сестрою встретились, Торви сказал, что ему не по душе этот брак.

– Мы с тобою любим друг друга, – говорит он. – И мне вовсе не нравится, что тебя со всем твоим добром выдают на сторону.

Она отвечает:

– Я кое-что придумала, брат. Не надо расстраивать нашей свадьбы. А я передам тебе право на все мое добро, но с условием: ты выплатишь все приданое, которое даст за мною отец. Сотен двадцать еще наверняка останется. Хочу я отдать их тебе в память нашей дружбы вместе с двумя самыми ценными моими сокровищами. Одно – это доброе мое ожерелье, а другое – мой конь Черногривый.

Торви был рад этому и стал мягче с нею разговаривать.

IV

Вот готовятся люди к свадебной поездке. Среди самых уважаемых гостей пригласили и Колля из Рощи. Отец с сыном просили его возглавить поездку, ибо сам Вальбранд был стар ехать, а Торви не захотел. Вот отправились Колль с невестою в путь, а всего поехало тридцать человек. На ночь они остановились у Поперечной Горы, в Южной Долине Дымов.

Грим Малыш, приемный сын Сигню, должен был стеречь там лошадей. Собирая их поутру, он недосчитался Черногривого, коня Сигню. Грим пошел искать его на север, за горами, в Долине Флоки. Он шел по следам на росе. И там, в долине, он нашел коня в обвале, мертвого. Он снял с ног у него путы, что надел на ночь, пошел назад и говорит Сигню, что так, мол, и так, конь ее добрый погиб. Она отвечает:

– Это великое несчастье, и, верно, не к добру оно. Лучше повернуть назад, не хочу я дальше ехать.

Колль сказал, что негоже так делать, и это не причина, чтобы ей отменять такую поездку. Колль настоял на своем, и они едут дальше и приезжают к Эльвус-Озеру. А там уже собралось у Гримкеля много гостей. Был там пир горой, и все прошло хорошо, честь по чести.

Когда закончился пир, Колль и другие гости разъехались, а Сигню осталась и с нею ее приемная мать по имени Тордис и Грим Малыш. Гримкель проводил Колля богатыми подарками и дружелюбно с ним разговаривал, а о Вальбранде и Торви думал, что они открыто оскорбили его, не приехав на свадьбу. Узнал он и про вису Торви, но уже ничего не мог сделать. Не стало согласия между Гримкелем и Сигню. Он хмурился, а она все больше молчала. И не шло у них дело на лад, потому что не было у них общих друзей, кроме одного Грима Малыша. Он умел угодить обоим. Так прошел первый год.

V

Весною Грим Малыш пришел к Сигню поговорить и сказал, что хочет уехать.

– Мне не вмоготу ходить между вами посредником, – говорит он, – и, право, лучше уж нам расстаться по-хорошему.

Сигню сказала:

– Поговори сперва об этом с Гримкелем и послушайся его совета, это будет самое для тебя лучшее. Ведь я от души хочу, чтобы тебе было хорошо, а он, кажется, желает тебе добра.

Грим так и делает: говорит хозяину, что, мол, хочет уехать, если тот одобрит его решение. Гримкель отвечает:

– Мой тебе совет, оставайся дома, и тебе будет здесь еще лучше, чем раньше. Тебе очень нужна Сигню, да и ты очень нам нужен, ведь благодаря тебе мы становимся мягче.

Грим последовал совету и прожил дома еще год, и оба они, Гримкель с женою, были к нему расположены. А весною Грим снова завел разговор с Гримкелем, что так или иначе, но он уедет. Гримкель очень этому воспротивился.

– Тогда посватай мне Гудрид, дочь Хёгни, – говорит Грим, – раз ты хочешь, чтобы я остался.

Гримкель отвечает:

– Ты, однако, дорого себя ценишь! Ведь вы с нею неровня: ты беден, а Хёгни – богач.

Грим сказал:

– Все-таки ты, конечно, сможешь это уладить.

Гримкель отвечает:

– Могу попытаться.

Вот идет он в Пастбищный Залив, и его там хорошо приняли. Он сватает Гудрид за Грима:

– Нужно сказать о нем, что он и умен и все у него спорится. Он будет хорошей подмогой в хозяйстве, ничего не упустит, что нужно. Ты-то ведь уж старишься, и, по-моему, это самый подходящий тебе зять.

Хёгни отвечает:

– Ты часто лучше пекся о моей чести, нежели сейчас, но здесь решать матери с дочерью.

Гримкель сказал, что им незачем выкладывать много добра.

– Речь идет не о большем, чем ты сам готов дать за дочерью. Чутье мне подсказывает, что тебе будет немалый прок от Грима.

Что тут долго рассказывать. Кончился их разговор тем, что Грим женился на Гудрид. Свадьбу сыграли на Эльвус-Озере, и пир был на славу. Жили они в согласии. Они пробыли там зиму и были довольны друг другом.

Но весною Грим с женою захотели уехать. Он сказал о том Сигню, а она просила его поговорить с Гримкелем и сказала, что всего лучше, если он последует совету Гримкеля. Вот заводит он с Гримкелем разговор, что хочет уехать. Тот отвечает:

– Думаю, что на этот раз будет правильно пойти тебе навстречу и позволить тебе поступить по-своему, ибо похоже на то, что тебе будет удача.

Тогда Грим купил землю к югу от Расселин, и назвал это место Гримовым Двором, и с тех пор жил там. Гримкель снабдил его всем нужным для хозяйства, а Хёгни заплатил за землю. Вскоре богатство стало само плыть Гриму в руки. Все у него было, словно о двух головах. И скоро он прослыл одним из лучших хозяев.

VI

Рассказывают, что Сигню, дочери Вальбранда, приснился сон. Снилось ей, будто из их с Гримкелем ложа выросло большое и очень красивое дерево. У дерева были такие корни, что они простирались до всех построек у них на дворе, но будто бы цвело оно не столь пышным цветом, как ей хотелось.

Она рассказала сон Тордис, своей приемной матери, и та истолковала его так, что у них с Гримкелем родится ребенок и он будет знаменитым и достойным человеком. Она сказала, что это, верно, будет мальчик и многие будут возвеличивать его за все, что он совершит.

– Но я бы не удивилась, если бы он погиб, так и не достигнув полного цвета: ведь тебе привиделось, что не столь пышно цвело то большое дерево, как бы тебе хотелось. И не скажу наверное, что он заслужит большую любовь всех своих родичей.

VII

Через некоторое время у Сигню родился мальчик. Ему дали имя Хёрд. Скоро он стал большим и красивым, но в одном отставал поначалу: ему было три года, а он все не ходил. Все очень дивились

такому отставанию, ведь во всем остальном он превосходил других своих сверстников.

Вот однажды, во время жертвоприношения в капище на Эльвус-Озере, – а Гримкель усердно приносил жертвы богам, – сидела Сигню посреди горницы и наряжалась. А доброе ее ожерелье лежало у ней на коленях. Маленький Хёрд стоял у столба, и тут он впервые отступил от столба, и бросился прямо к матери, и ткнулся в ее колени. Ожерелье упало и раскололось на три части. Сигню очень рассердилась и сказала:

– Плох был твой первый шаг, и еще много плохих впереди. Но последний будет всех хуже.

Она сказала вису:

На пол упало сокровище,
На три куска раскололось.
Кто соберет осколки,
Кто мне вернет ожерелье?

Плох был твой первый шаг.
Хуже будут другие.
Но последний твой шаг
Будет худшим из всех.

В это время в покои вошел Гримкель. Он слышал, что она сказала. Он молча подхватил мальчика на руки, очень разгневанный ее словами. Он сказал вису:

Горести ждут рожденного
Дисой одежд^[309] жестокой:
Первенца первый шаг
Встречен зловещею речью.

Время придет – вспомнится
Эта угроза герою:
Век человеческий короче
Жизни злобного слова.

Гримкель до того рассердился, что не захотел оставлять мальчика дома. Он едет к Гриму Малышу и Гудрид и просит их взять Хёрда к себе на воспитание. Они с готовностью согласились и были рады взять его, видя в этом для себя подарок судьбы.

Годом раньше у Грима Малыша и Гудрид родился сын, и ему дали имя Гейр. Он скоро вырос большим и красивым и во всем искусным, но все-таки уступал Хёрду. Они росли теперь вместе и вскоре крепко сдружились.

С той поры Сигню еще больше тяготилась своей жизнью, и совсем разладилось у них с Гримкелем.

Ей снова приснился сон, будто она увидела, как и прежде, высокое дерево с большими корнями, ветвистое и все в цвету. Снова сказала приемная мать, что сон этот к рождению ребенка, и это будет девочка, и от нее пойдет великий род, раз Сигню приснилось такое ветвистое дерево:

– А столько цветов на нем, так это, верно, к перемене веры. Будет у ее потомков вера, которую тогда провозгласят, и она будет лучше нынешней.

VIII

После летнего тинга Сигню стала просить, чтобы Гримкель отпустил ее на север проводить родичей. Он согласился, но сказал, чтобы она оставалась там не более полумесяца. С нею отправились двое работников и Тордис, ее приемная мать.

Они поехали на север, в Долину Дымов, Торви встретил их очень радушно и просил Сигню погостить у него зиму, не то, мол, он будет думать, что она мало его любит. Она сказала, что ее отпустили самое большее на полмесяца. Торви сказал, что не стоит придавать этому значения, и она сдалась на уговоры его и настояния.

Зимой их стали приглашать в гости. И когда они были в гостях на Хуторе, умерла скоропостижно приемная мать Сигню. Ее похоронили в Холме Тордис. Это неподалеку от Хутора.

Сигню была очень удручена этим и поехала домой, на Широкий Двор. А немного погодя пришел ей срок разрешиться от бремени, и роды проходили очень тяжело. Торви разговаривал с нею и сказал, что никогда и не ждал ничего хорошего от ее брака и не мог забыть этого Гримкелю. Она же сказала, что, по всему судя, худшее еще впереди. Она родила девочку, крупную и крепкую. Торви не хотел кропить ее водою, пока не минует опасность для жизни Сигню. Но та так в постели и умерла.

Тогда Торви впал в такую ярость, что задумал бросить ребенка. Он велел Сигурду, своему приемному сыну, взять ребенка и отнести к Реке Долины Дымов и там утопить. Сигурд сказал, что это было бы очень дурным делом, но все же не посмел прекословить Торви. Вот взял Сигурд девочку и пустился с нею в путь. Девочка показалась ему красивой, и у него рука не поднялась бросить ее в воду. Тогда он поворачивает ко Двору Сигню и кладет ребенка у ворот, надеясь, что его скоро найдут. А хозяин, Грим, сын Сигню, как раз стоял перед домом. Он подходит к ребенку, берет на руки и относит домой. А жене своей Хельге велит сказать, что больная, будто это она родила девочку. Он окропил девочку водою и дал ей имя Торбьёрг.

Грим, сын Сигню, поехал на Широкий Двор. Он увидел, что со двора выходит много людей. Это шли за телом Сигню к могиле. Торви сказал Гриму, что мать его умерла:

– И я хочу распорядиться всем, что от нее осталось. Мы, правда, должны отдать ее добро Гримкелю, но предпочитаем удружить тебе.

Грим сказал, что тот говорит дело. Потом они похоронили Сигню и разошлись.

Вот повстречались Сигурд и Грим. Сигурд говорит, что не миновать ему гнева Торви, как только тот узнает, что он сохранил жизнь ребенку.

– Я знаю, что делать, – говорит Грим. – В отплату за счастье, что ты принес, я помогу тебе уехать из Исландии.

Он так и сделал. Послал Сигурда на юг, к Пескам, и дал ему двух коней, одного со всею поклажей. Оттуда Сигурд и уехал.

На другой день пришел Торви на Двор Сигню и спросил, отчего это лежит Хельга, потому что не было слышно, что ей подошел срок родить. Тут он признал лежавшего подле ребенка и сказал:

– Великая это дерзость, что вы посмели воспитывать ребенка, которого я велел бросить.

Хельга отвечает:

– Не чужой это Гриму ребенок, и простительно, что он спас его.

Тогда Торви спросил, где Грим. Она сказала, что он с работниками. Торви пошел туда и застал Грима. Торви был вне себя и сказал, что Грим поступил донельзя дерзко. Он спросил, знает ли тот что-нибудь о Сигурде, – мол, Сигурд поплатится за то, что нарушил его волю, и наказание было бы Гримкелю как раз по заслугам. Грим сказал, что он отослал Сигурда в Западные Фьорды, на корабль.

Это очень разгневало Торви. Он взял девочку, но не посмел лишить ее жизни, потому что умерщвлять ребенка, уже окропленного водой, считалось тогда убийством. Он относит девочку домой и отдает ее на воспитание одной служанке, но одежды ей для девочки не дает и от работ освободить не хочет.

IX

Сигмундом звали одного человека. Он ходил с женою и с сыном по имени Хельги по дворам и побирался. Приходя на хутор, они чаще всего оставались в гостинном доме, если только не звали Сигмунда в покои развлечься его рассказами.

Тою осенью Сигмунд пришел со своими на хутор Широкий Двор. Торви приветливо его встретил и сказал:

– Вы больше не останетесь в гостинном доме, потому что я расположен к тебе и ты кажешься мне удачливым.

Тот отвечает:

– Пусть не обманет тебя предчувствие, раз ты так думаешь.

Торви говорит, что хочет оказать ему честь:

– Хочу отдать тебе ребенка на воспитание.

Сигмунд отвечает:

– Все ж мы неровня, раз я буду воспитывать тебе ребенка. Ведь, как говорится, кто растит для другого ребенка, тот из двоих и меньший.

Торви сказал:

– Ступай с ребенком на Эльвус-Озеро.

Сигмунд соглашается. Вот берет он Торбьёрг, привязывает ее себе за спину и уходит. А Торви вздумал все это в поношение Гримкелю, и ему казалось, что Сигмунд как раз годится на то, чтобы бродяжничать с девочкой. Он не хотел посылать на это человека получше Сигмунда, потому что всего можно было ждать от Гримкеля, если бы ему принес ребенка человек, которому было бы не зазорно мстить.

Сигмунду теперь был повсюду хороший прием: куда они ни придут, все считали, что надо получше обойтись с девочкой, да заодно и с теми, кто с нею ходит. А потому Сигмунд выбирал себе путь подлиннее. Он пошел на запад, берегом Утиной Заводи, и мимо Каменистых Дворов и, не пропустив ни единого мыса, повернул на восток, идя через Оградный Залив и Эльвус. И вот однажды под вечер пришел Сигмунд со своими к Эльвус-Озеру. Он весь промок и продрог. Он расположился у двери, а Гримкель сидел на хозяйском месте, положив меч на колени. Он спросил, кто это там пришел. Сигмунд отвечает:

– Это Сигмунд, воспитатель твоей дочки, дорогой хозяин, и дочка твоя Торбьёрг, лучшая из детей.

Гримкель сказал:

– Только послушайте, что говорит этот бродяга! Это ты-то воспитатель моей дочери, ты, презреннейший из нищих! Однако ж нет однообразия в ненависти ко мне Торви: сперва довел до смерти мать, теперь выгнал побираться ребенка.

Гримкель сказал тогда вису:

Скоро же свел в могилу

Торви опору покровов^[310].

Зло на меня замышляет,

Тем лишь и тешит душу.

Выгнал родич злокозненный

Рощу колец^[311] на дорогу.

Настала пора: сквитаюсь

Сполна с властителем стали^[312].

Гримкель угадал весь замысел Торви и потому не захотел оставлять у себя девочку. Велел он Сигмунду убираться подобру-поздорову, а не то дождется – переломают ему кости или того хуже. Пришлось им тут же уйти вместе с девочкой. Они шли через Мыс Грима и через Купальную Долину и вовсе бросили заботиться о девочке, потому что

они и не чаяли когда-нибудь сбыть ее с рук. Сигмунду казалось, что он попался на удочку, согласившись взять у Торви этого ребенка.

Вот однажды пришли они к часу завтрака в Гримов Двор. Они говорят Гриму Малышу, что есть у них с собою младенец. Грим хочет взглянуть на младенца, о котором столько рассказывают, Сигмунд не хочет разворачивать ребенка, говоря, что потом его никак не успокоишь. Но Грим сказал, что нечего обращать внимания на такие пустяки. Вот развернули ребенка и показали Гриму. Он сказал:

– Это и впрямь ребенок Сигню, у него ее глаза. Сигню, верно, ждала бы от меня, что я не допущу ее ребенка до нищенства, если это будет в моих силах. Торви хочет опозорить всех родичей этого ребенка, а позор падет на него самого. Я возьму у тебя, Сигмунд, этого беспомощного младенца.

Тот только рад этому. Они пробыли там день, а потом пошли вниз по Концовой Пустоши. Многие думали, что своим поступком Грим легко мог навлечь на себя гнев Гримкеля Годи, который ни перед чем не остановится.

X

На исходе дней переезда^[313] Гримкель выехал из дому и поехал через Уступ в Эльвус, потом на восток через Орлиное Гнездо и, миновав Болота, вверх, к Холмам Оддгейра, а там – к Гримову Мысу и, заночевав в Купальной Долине, вернулся домой.

Всех бондов, кого ни встречал, созвал он на сбор к Средней Горе и велел быть там через два дня: Гримкель был годи всех этих мест. К Средней Горе съехалось шестьдесят человек из его годорда. Гримкель рассказывает им, что произошло у них с Торви, и говорит, что дело не ждет и он намерен ехать к Торви с вызовом в суд. Все находят, что он прав. Они поехали мимо Края Ущелья, потом – к Расселинам и к Ярму, а там спустились нижней дорогой к Глазницам и прямо к Широкому Двору.

Торви дома не было: он поехал на побережье Белой Реки. Гримкель вызвал Торви в суд за посягательство на жизнь Торбьёрг и присвоение приданого Сигню. Он вызвал его в суд альтинга и поехал домой. Ни о чем теперь столько не говорили, сколько о тяжбе Гримкеля и Торви.

Узнав об этом, Грим Малыш едет из дому в Залив Дымов, к законоговорителю Торкелю Луна. Зашел у них разговор о тяжбе Гримкеля с Торви. Грим спрашивает, чем, по мнению Торкеля, все это кончится. Торкель говорит, что нечего ждать хорошего там, где сойдутся такие ретивые люди. Грим сказал:

– Как бы мне хотелось, чтобы ты принял участие в их примирении, ведь ты и мудр и доброжелателен.

Торкель отвечает:

– Твоя просьба высказана хорошо и уместно, и я охотно возьмусь мирить их.

Грим сказал:

– Я хочу дать тебе серебра за их примирение.

Он насыпал на колени Торкелю сотню серебра и поблагодарил его за обещание постараться их примирить. Торкель сказал, что он поступает хорошо:

– Но учти: я только выразил надежду помирить их, но ничего не обещаю.

Грим отвечает:

– Твоя надежда стоит большего, чем твердое обещание других.

Потом Грим уехал. Вот настает время тинга. С обеих сторон съезжается много народу.

Грим был на тинге. Он пошел повидаться с Торкелем Луна и просил его не щадить труда на примирение и сказал, что ему будет много славы, если он помирит таких знатных мужей.

Торкель сделал так. Сперва он пошел к Гримкелю Годи и завел с ним разговор о тяжбе. Гримкель отвечает:

– Тут разговор короткий. Во всем, что касается дел наших с Торви и его ко мне ненависти, мне довольно и своего суда, без посредников. А мой суд таков, чтобы вынесен был приговор уплатить не меньше двенадцати сотен трехлокотным сукном.

Торкель вызвался быть судьей между ними:

– Посудите сами, к чему все это ведет. Ведь миру конец, когда вы не помиретесь. Мы же будем помогать тем, кто больше прислушивается к нашим словам, а слова наши требуют к себе уважения. И это стоит поболее того, о чем теперь спор между вами.

Тогда Гримкель сказал:

– Согласен. Пусть нас рассудит Торкель. Всем известна его справедливость.

Торви видит, что ему ничего другого не остается, как согласиться.

Торкель сказал:

– Вот мой суд и приговор. Пусть Торви уплатит Гримкелю шесть сотен трехлокотным сукном, а остальное на шесть зим в рассрочку, всего же двенадцать сотен.

Он считал, что такой суд будет самым справедливым.

Гримкель отвечает:

– Не буду возражать против такого решения, я ведь сам поручил его Торкелю, но это еще далеко не все. Добро это причитается Хёрду, моему сыну, как материнское наследство.

Торви сказал, что он не уплатит Хёрду этих денег, если он того же стоит, что и его отец.

Гримкель сказал, что это еще вопрос, чего бы он тогда стоил, но Хёрду, мол, было бы хуже, если бы оправдалась поговорка, что люди рождаются в дядю по матери:

– Ведь ты оборотень! Чего уж хуже, если он пойдет этим в тебя.

Тут поднялся страшный крик. Оба остались недовольны решением, все же оно осталось в силе.

Прошел год, и наступил другой. Гримкель посватался за Сигрид, дочь Торбьёрна с Мечевого Мыса. Ему ответили согласием, потому что знали его за человека богатого и родовитого, хоть он уже и порядком состарился. Отдали Сигрид за Гримкеля, а свадьбу сыграли у него, на Эльвус-Озере. Все прошло хорошо, как должно. Они с Гримкелем хорошо друг с другом ладили. Гримкель теперь немного поуспокоился.

XI

Иллуги звали одного человека. Он жил на хуторе Островок, на Полевом Мысе. Он был сыном Хрольва с Козьей Земли, сына Ульва, сына Грима из Халогаланда. Братом Иллуги был Сёльви, отец Торда, отца Магнуса Священника с Холма Дымов. Сестрою Иллуги была Халльдора, жена Гицура Белого, мать Вильборг, матери Йорунн, матери Гудрун, матери Эйнара, отца Магнуса Епископа. Иллуги был человек рослый и сильный и очень богатый. Он поехал на Эльвус-Озеро сватать себе Турид, дочь Гримкеля от первой жены. Гримкель дал свое согласие, потому что он хорошо знал Иллуги. Вот состоялось обручение. Хёрда при этом не было.

Свадьбу назначили через два месяца на Эльвус-Озере. И когда подошел срок, Иллуги собрался ехать на свадьбу и взял с собою тридцать человек. Был с ним Торстейн Бычий Шип с Грязного Двора, человек уважаемый, и Тормод со Склона на побережье Китового Фьорда. Они переехали фьорд у Килевого Мыса, потом проехали севернее Мшистой Горы, оттуда вверх, мимо Вильборгиного Ключа, оттуда – к Скалам Йоры, а там – к Пастбищному Заливу и к Эльвус-Озеру и были там рано утром. Иллуги спросил:

– А где Хёрд? Что-то я его не вижу. Или его не пригласили?

Гримкель сказал, что он может прийти и так:

– Я не посылал ему особого приглашения.

Иллуги говорит:

– Это не дело!

Он едет на Гримов Двор. Дверь была заперта. Они постучались. Подошел к двери Гейр и спросил, кто там. Иллуги назвался и спросил, дома ли Хёрд. Гейр сказал, что тот дома. Иллуги сказал:

– Попроси его выйти, я хочу с ним повидаться.

Гейр пошел в дом и снова вышел со словами, что Хёрд захворал и лежит. Иллуги зашел сам, потому что Хёрд так и не пожелал выйти. Иллуги спросил:

– Как твоё здоровье, Хёрд?

Тот ответил, что не так плохо. Иллуги сказал:

– Я очень хочу, чтобы ты поехал со мною ко мне на свадьбу и заключил со мною дружбу.

Хёрд сказал, что он мог бы сказать об этом и пораньше, если ему так это важно:

– Не хочу я ехать, потому что ты в этом деле мало меня спрашивал.

Так Иллуги ничего и не добился от Хёрда, кроме заносчивых слов. С тем и уехал. Немного погодя Гейр сказал Хёрду:

– Нам будет больше чести, если мы все-таки поедem на свадьбу. Я пойду приведу коней.

Хёрд сказал, что ему неохота. Гейр сказал:

– Поедем! Мне будет радость, а тебе честь.

И вот Хёрд поехал. Едут они следом за теми. Иллуги очень обрадовался, когда они подъехали, и вел себя, как если бы Хёрд не говорил ему заносчивых слов. Вот приехали они на свадьбу, и их хорошо там встретили. Хёрд сидел рядом с Иллуги. Пир удался на славу. Они поехали с пира все вместе и ехали до Вильборгиного Ключа. Там пути их разошлись. Иллуги сказал:

– Здесь мы с тобою расстанемся, Хёрд, и я бы хотел, чтобы была между нами добрая дружба. Хочу я подарить тебе вот этот щит.

Хёрд сказал:

– У Грима, моего приемного отца, хватает щепок.

И он сказал вису:

Щит никудышный дал мне
Гривен дробитель^[314] в подарок.

Эта луна ладьи^[315]

Ему самому пригодится.

Пускай делитель колец^[316],
Любящий Хлин полотен^[317],
Хранит у себя сокровище
До бури костров крови^[318].

Тогда Иллуги сказал:

– Ну, прими от меня в знак дружбы это запястье, раз ты не хочешь щита.

Хёрд принял запястье. Это была добрая вещь.

– Не знаю, – говорит Хёрд, – почему у меня предчувствие, что ты не всегда будешь мне хорошим зятем. Но время покажет.

Потом они расстались без многих прощальных слов, но на этот раз мирно.

Приехав домой, Хёрд сказал Торбьёрг:

– Хочу я отдать тебе запястье, которое дал мне Иллуги, потому что я никого так не люблю, как тебя. Ты же помни этот подарок, когда я умру, ибо я знаю, что ты меня переживешь.

Торбьёрг отвечает и говорит так:

Если прослышу,
Что ты и правда
В поле сражен,
Оружьем повержен, —

Замыслом умным,
Тайным советом
Сумею сгубить
Твоего убийцу.

Хёрду было двенадцать зим, когда все это происходило. Он уже сравнялся по силе с сильнейшими людьми округи.

Прошло время. И вот Гейру минуло шестнадцать зим, а Хёрду пятнадцать. Он был тогда на голову выше всех других мужей. Никто не мог отвести ему глаза, потому что он видел всё как есть. У него были прекраснейшие волосы и великая сила. Он лучше всех плавал, был на все горазд. Кожа у него была белая, а волосы светлые. Лицо у него было широкое, и черты лица крупные, нос с горбинкой, глаза голубые и довольно большие, и взгляд острый. Был он широкоплеч, тонок в поясе и крепок в груди, руки и ноги имел стройные и, словом, вырос всем хорош.

Гейр был не так силен, но и ему было мало равных. Он был на все горазд, хоть и не мог сравняться с Хёрдом.

XII

В то лето подошел с моря корабль к Пескам. Хозяином корабля был человек по имени Брюньольв, сын Торбьёрна, сына Грьотгарда, родом из Вика. На корабле было тридцать гребцов.

Они приплыли в Исландию незадолго до тинга. Брюньольв поехал на тинг и жил в землянке у Гримкеля Годи.

Часто он говаривал, что его разбирает любопытство взглянуть на Хёрда.

– Мне много рассказывали, – говорит, – о красоте его и искусстве.

И как раз так вышло, что Хёрд приехал на тинг. Приехал с ним и Гейр, ибо они никогда не разлучались. Необыкновенная любовь была между побратимами, их ничто не разделяло – ни слово, ни дело. Они встречаются с Брюньольвом. Они сразу пришли друг другу по сердцу. Брюньольв сказал, что ему не преувеличили ни роста Хёрда, ни его красоты.

– По-моему, Хёрд, – говорит Брюньольв, – тебе сейчас самое время поехать в чужие страны и послужить именитым мужам. Я хочу с тобой подружиться и отдать тебе полкорабля.

Хёрд сказал:

– Не слишком ли ты полагаешься на незнакомого человека? Но я, пожалуй, отвечу согласиём на твоё предложение. Однако ж не обещаю ехать, пока не узнаю, как обстоят дела с моим снаряжением, потому что сейчас у меня мало что есть.

Гейр сказал:

– Хорошее предложение, побратим, и, по-моему, сулит удачу. Я советую тебе согласиться.

Хёрд сказал:

– Не хочу обращаться за помощью к Гримкелю.

Гейр сказал, что напрасно:

– Ведь он очень тебя любит. Хотел бы я, чтобы ты был посговорчивей. И прими с благодарностью то, что предлагает тебе Брюньольв.

Вот едут они с тинга домой. И дома Хёрд рассказал обо всем своей сестре Торбьёрг. Она сказала, что, верно, Брюньольв благородный человек.

Гейр все склонял его к путешествию.

– Хотел бы я, – говорит, – чтобы ты взял себе в услужение Хельги, сына Сигмунда.

Торбьёрг отвечает:

– Я бы не советовала. Мне кажется, все они, родичи Сигмунда, несут с собою одни беды. Никогда не забудется мне то горе, которое я извела, когда они носили меня по дворам.

Хёрд говорит:

– У меня не лежит сердце к Хельги, потому что они все были виновниками величайшего нашего позора.

И он сказал вису:

Ведомы ль смертным муки
Горше, чем в сердце Торбьёрг?
Брату сама рассказала
Сестра о своих страданиях,

Когда, отдавши Сигмунду

Ауд льдины ладони^[319].

Торви обрек сироту

Бродить по дворам, побираясь.

Но Хельги очень домогается, чтобы его взяли, да и Гейр очень за него заступается. Так в конце концов и порешили, что Хельги поедет с ними, и Хёрд сказал, что придет время – они еще об этом пожалеют. Вслед за этим Хёрд просит у Гримкеля товару на шестьдесят сотен, из них двадцать сотен полосатыми тканями.

Гримкель сказал:

– Вот они, гордыня твоя и жадность!

Он молча вышел. Но Сигрид, жена Гримкеля, сказала, что это означает его согласие:

– Ибо это не больше того, на что он рассчитывал.

Гримкель дал весь товар, и они свезли его на хутор Под Горою к Сигурду Рылу, вышли тем же летом с Брюньольвом в море и благополучно достигли Бергена.

XIII

В то время Норвегией правил конунг Харальд Серая Шкура^[320]. Вскоре они подыскивали себе жилье, и Брюньольв очень помог им в этом, потому что он всячески о них заботился.

Вот как-то раз Брюньольв уехал внутрь страны, и Гейр один вышел из дому. На нем был меховой плащ. Вот видит Гейр: к нему направляются какие-то люди, и один из них в синем плаще с капюшоном. Скоро они подошли и спрашивают Гейра, как его зовут. Гейр без утайки называет свое имя и спрашивает кто они такие. Их вожак назвался Арнтором, казначеем Гунихильд, матери конунга. Они приценились к плащу Гейра, но тот не хотел его продавать. Тогда один из них сорвал с него плащ. Гейр не тронулся с места и схватился за меч. Они стали громко смеяться, и потешались над ним, и дразнили, что вот, мол, исландец не удержал плаща. Гейр не стерпел их насмешек и потери плаща и пришел в ярость. Он хватает плащ, и каждый тянет в свою сторону. Арнтор вцепился в плащ и силится вырвать. Тут Гейр взмахнул мечом и отрубил Арнтору руку повыше локтя. Затем он схватил плащ и убежал домой, потому что они все растерялись. А ножны его остались там. Люди занялись Арнтором, потому что он совсем истекал кровью.

Когда Гейр пришел домой, Хёрд спросил его, отчего на его мече кровь. Гейр рассказал, что случилось. Хёрд отвечает:

– Ты поступил, как и следовало. Но нам теперь нельзя сидеть, сложа руки.

Арнтор совсем обессилел от потери крови и упал на руки тем, кто стоял рядом, и вскоре умер от потери крови. А Хёрд посылает за исландцами, которые там были. Был там Тинд, сын Халлькеля, брат Иллуги Черного. Они не теряют времени, приходят к Хёрду, и всего собирается двадцать четыре человека. В городе затрубили тревогу и доносят конунгу, что убит один из его людей. Конунг тотчас является и требует выдать Гейра:

– Потому что он убил моего друга и казначея моей матери.

Хёрд отвечает:

– Честь не велит нам предавать своего человека вашему оружию. Но мы готовы предложить: сам назначь виру за убитого, только оставь Гейру жизнь и не калечь его.

Во время этого разговора вернулся Брюньольв. Он сказал:

– Государь, сделай доброе дело. Заклинаю тебя твоею честью и моею дружбой: прими выкуп за своего человека, ибо многие расстанутся с жизнью раньше, чем будет убит Гейр.

Конунг отвечает:

– Так и быть, Брюньольв. Уступлю твоей просьбе и пойду на мировую с Гейром, приму виру, но только приму за себя, а не за свою мать.

Брюньольв поблагодарил его. Он уплатил конунгу за Гейра и сверх того дал ему богатые подарки, потому что он был очень богат и вдобавок благороднейший человек. Когда конунг ушел, Брюньольв сказал:

– Не поручусь, что мне удастся защитить вас здесь от Гунихильд. Лучше я пошлю вас на восток, в Вик, к Торбьёрну, моему отцу, под защиту его и покровительство.

Хёрд отвечает:

– Я полагаюсь на твою предусмотрительность, потому что ты – благородный человек.

Они тут же поехали на восток, в Вик. Торбьёрн, уведомленный сыном, хорошо их принял. С ними хорошо там обходились и почитали за славных мужей. Многие находили, что Хельги не изменяет к лучшему нрав Хёрда. С приходом зимы туда приехал и Брюньольв. Они стали жить все вместе в большой дружбе.

А весной Торбьёрн завел разговор с Хёрдом, что он хочет послать их на восток, в Гаутланд^[321]:

– К моему другу Харальду-ярлу, и ему будет от меня знак. Мне известно, что скоро здесь будет Гунихильд, и я тогда не смогу защитить вас от нее.

Хёрд сказал, что здесь решать отцу с сыном. Вот они снаряжают корабль.

XIV

Снарядившись в дорогу, побратимы по-дружески распрощались с отцом и сыном, и держат теперь путь на восток, в Гаутланд, и предстают перед Харальдом-ярлом. Тот, увидев знак Торбьёрна, своего друга, хорошо их принял. У ярла был сын по имени Хроар, он тогда был в походе, и дочь по имени Хельга, замечательная красавица. Харальд-ярл сажает Хёрда подле себя, на место своего сына Хроара. Они прожили там лето.

Осенью возвратился из похода Хроар. Его хорошо встретили.

Хёрд вернул ему его место. Вскоре Хёрд и Хроар сделались друзьями.

Подошло время к празднику середины зимы^[322]. И когда все собрались в первый вечер праздника и сидели вместе, поднялся Хроар и сказал:

– Вот я встаю на чурбан и клятвенно обещаю, что еще до следующего праздника середины зимы я проникну в курган викинга Соти.

Ярл сказал:

– Много ты наобещал, и одному тебе этой клятвы не выполнить, потому что Соти и живой был могучим великаном, а теперь, мертвый, он вдвое ужаснее.

Хёрд тогда встал и сказал:

– Не верно ли будет последовать твоему примеру? Я клятвенно обещаю пойти с тобою в курган Соти и выйти оттуда не раньше тебя.

Гейр поклялся идти за Хёрдом туда или в любое другое место и никогда с ним не расставаться, если на то не будет воли Хёрда. Хельги же поклялся следовать повсюду за Хёрдом и Гейром, если он только сможет, и никого не ставить выше их, пока они оба живы.

Хёрд отвечает:

– Наверяд ли мы намного переживем друг друга. Ты же позаботься, как бы не быть тебе причиной нашей смерти, а то и смерти многих других мужей.

– Ладно, – говорит Хельги.

Ярл был расположен к Хёрду и говорил, что ждет большой славы сыну своему Хроару от того, что он совершит вместе с Хёрдом.

XV

Весною Хроар собрался ехать к кургану Соти и взял с собою одиннадцать человек. Они ехали через лесную чащу. И Хёрд заметил, что в одном месте отходит от лесной дороги глухая тропинка. Он идет по этой тропинке и выезжает на поляну. И видит: стоит на поляне большой и красивый дом. Перед домом стоял человек в полосатом синем плаще с капюшоном. Он здоровается с Хёрдом, называя его по имени. Хёрд приветливо с ним заговорил и спросил, как его зовут:

– Ведь я не узнаю тебя, хоть ты и говоришь со мною будто со знакомым.

– Меня зовут Бьёрн, – говорит тот, – и я узнал тебя с первого взгляда, хоть никогда прежде и не видывал. Я был другом твоих родичей, и это тебе пригодится. Знаю, вы хотите проникнуть в курган викинга Соти, но ничего у вас не выйдет, если вы будете уповать только на свои силы. И если будет так, как я ожидаю, и курган вам не поддастся, тогда приходи, я тебе помогу.

На этом они расстаются. Хёрд скачет обратно к Хроару. Рано утром они подъезжают к кургану и принимаются разрывать его и к вечеру

доходят до бревен. Но на следующее утро курган снова цел. То же было и на другой день. Тогда Хёрд поехал к Бьёрну и рассказал ему, как было дело.

– Все случилось, как я и предвидел, – сказал Бьёрн, – ибо я-то знал, что за страшный великан этот Соти. Я хочу тебе дать этот вот меч. Вонзи его в отверстие кургана и там увидишь, закроется он или нет.

Вот едет Хёрд назад, к кургану. Хроар сказал, что лучше уехать и больше не связываться с этим нечистым. Другие тоже стояли за это. Тогда Хёрд сказал:

– Не годится нарушать свой обет. Попробуем снова.

На третий день снова стали они разрывать курган. Опять дошли до бревен. Тогда Хёрд втыкает в отверстие кургана меч, который дал ему Бьёрн. Ночью они спят, а наутро подходят к кургану, и там все так, как они оставили. На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери. Хёрд всем велел остерегаться зловонного воздуха, выходящего из кургана, но сам стоял за дверью, когда зловоние было всего сильнее. Двое людей так и упали замертво от той вони, что выходила из кургана: их разбирало любопытство, и они послушались Хёрда.

Тогда Хёрд сказал:

– Кто хочет войти в курган? По-моему, это должен сделать тот, кто клялся одолеть Соти.

Хроар молчал. Тогда, видя, что никто не собирается спускаться в курган, Хёрд воткнул в землю два кола с веревкой.

– Я полезу в курган, – говорит, – но только пусть будут моими три сокровища, которые я там выберу.

Хроар сказал, что до него, так он согласен. И другие тоже не возражали. Тогда Хёрд сказал:

– Я хочу, Гейр, чтобы ты подержал веревку, потому что доверяю тебе больше всех.

Затем Хёрд полез в курган, а Гейр держал веревку. Хёрд не нашел в кургане никаких сокровищ и сказал Гейру, пусть спустится к нему в курган и прихватит с собою огонь и восковую свечку.

– У них, – говорит он, – большая сила. А Хроару и Хельги скажи: пусть последят за веревкой.

Так и сделали, и Гейр стал спускаться в курган. Хёрд наконец отыскал дверь, и они взломали ее. Тут задрожала вся земля, и свет потух. Наружу вырвалась ужасная вонь. За дверью, в боковом склепе был слабый свет. Они увидели ладью и в ней великие сокровища. Соти сидел на носу корабля, и на него было страшно смотреть. Гейр остался стоять в дверях, а Хёрд подошел и хотел взять сокровища. Соти сказал так:

Зачем ты, Хёрд,
Послушался Хроара,
Вторгся в дом

Обитателей праха?

Ведь Соти сроду
Вреда не делал
Владыке дерзкому
Дракона крови^[323].

Хёрд сказал:
Затем я решился
К тебе наведаться,
Твои, привиденье,
Отнять сокровища,
Что от людей

Было мне ведомо,
Знал я: доселе
Земля не носила
Такого злодея,
Как викинг Соти.

Тогда Соти вскочил и набросился на Хёрда. Трудной была эта схватка для Хёрда, потому что силы у него были уже на исходе. Соти так сжал Хёрда, что все мышцы скрутились у него узлами. Хёрд велел Гейру засветить свечу и посмотреть, что тогда будет с Соти. И как только свет упал на Соти, он лишился силы и рухнул на землю. Тогда Хёрд стащил с руки у Соти золотое запястье. Это было замечательное сокровище, и люди говорят, что второго такого запястья еще не бывало в Исландии. Лишившись запястья, Соти сказал так:

Хёрд у меня
Отнял обручье.
Это сокровище
Мне было дороже
Всего другого

Бремени Грани^[324]
Но берегись,
Несет оно гибель
Всем, кто посмеет
Им завладеть.

Хёрд сказал:
Знаю, исполнятся
Злые пророчества,
Вещими будут
Слова лиходея,

Все же придется
Дряхлому призраку
Ныне расстаться
С костром потока^[325].

– Знай же, – говорит Соти, – что это запястье принесет тебе смерть, тебе и всем тем, кто им завладеет, пока оно не достанется женщине.

Хёрд велел Гейру посветить на Соти и посмотреть, как он тогда заговорит. Но Соти не стал дожидаться света и ушел в землю. Так они и расстались. Хёрд и Гейр взяли все сундуки и все сокровища, что они нашли, и отнесли к веревке. Хёрд взял меч и шлем Соти, это все были замечательные сокровища. Вот они дергают за веревку, и им ясно, что люди ушли с кургана. Хёрд полез по веревке и выбрался из кургана. Гейр привязал к веревке сокровища, и Хёрд вытянул их наверх.

Теперь надо рассказать о Хроаре и Хельги. Когда задрожала земля, все, кто там стоял, обезумели от страха, кроме Хроара и Хельги, так что тем пришлось их всех держать. Когда они встретились, не было конца их радости, словно бы Гейр с Хёрдом вернулись с того света. Хроар спросил у Хёрда, что с ними было, и Хёрд сказал вису:

Старый Соти свиреп,
Страха не ведает в схватке,
Было нелегким делом
Сладить с кленом лады^[326],

Но худо пришлось злодею.
Взвыл он, свет завидев,
Сник колдун окаянный,
Мигом ушел в землю.

Вот они поехали назад со всей добычей. А Бьёрна они так и не нашли, и люди уверились, что это был не иначе как Один. Все считали, что этим походом в курган Хёрд стяжал себе великую славу.

Хёрд тогда сказал Хроару:

– Теперь я считаю своими те три сокровища, которые выберу.

Хроар сказал, что так оно и есть:

– Они причитаются тебе по праву.

– Тогда, – сказал Хёрд, – я выбираю меч, запястье и шлем.

Потом они поделили все остальное, и все были довольны. Ярл не захотел ничего себе брать, когда они ему предложили, говоря, что Хёрд заслужил большую долю сокровища. Живут они там в большой чести, и так проходит год.

Весною Хёрд сказал, что ему хочется в Исландию, но ярл и Хроар очень его удерживали, говоря, что никогда еще не приезжал к ним подобный человек. Хёрд сказал:

– При одном условии: отдайте мне в жены Хельгу Ярлову Дочь.

Ярл дал свое согласие. Хельга и Хроар тоже были рады этому браку. Хёрд очень любил свою жену Хельгу. У него стало много добра.

Летом названные братья Хёрд, Хроар, Гейр и Хельги отправились все в поход на четырех кораблях. Каждый правил своим кораблем. Они добыли много добра и великую славу, и поход их был удачен.

XVII

Теперь надо вернуться к рассказу о том, что Сигурд Приемыш Торви отплыл от Песков, приехал в Норвегию и провел там зиму. А летом он сел на корабль с купцами и поплыл на юг, в Данию. Там тогда правил конунг Харальд, сын Горма^[327]. Сигурд показал себя большим храбрецом и полюбился конунгу. Скоро прибавилось у него и богатства и честолубия, и он примкнул к викингам и выказал себя у них удальцом каких мало. Так прошло несколько лет, пока Сигурд не сделался предводителем у викингов. Под его началом ходило пять кораблей.

Как-то летом поплыл он на восток, в Балагардсиду. Уже вечерело, когда он зашел в залив Свинасунд. Они там заночевали. А наутро они и не заметили, как подплыли к ним викинги на семи кораблях. Они спросили, кто тут на этих кораблях главный. На носу одного корабля стоял человек рослый и черноволосый. Он сказал, что его зовут Бьёрн Синий Бок и он сын Ульвхебина, сына Ульвхама, сына Ульва, сына Ульвхама Оборотня. Он спросил, кто с ним разговаривает. Сигурд назвался.

– Ну выбирайте: пойдете распоясанные на берег^[328], отдав нам корабли и добро, или будете сражаться с нами.

– Лучше мы будем защищать свое добро и свободу и погибнем с честью.

И вот те и другие готовятся к бою. Разгорается там жесточайшая битва. Сигурд смело бросается в бой, и кончается дело тем, что обезлюдели все корабли у Сигурда и три у Бьёрна. Сигурд один оставался в живых, и он долго защищался, покуда его не зажали щитами. Тогда его схватили, но раньше он один убил семерых. Это было уже вечером. Связали ему крепко руки, заковали ноги и приставили на ночь шестерых сторожить его. А наутро его должны были зарубить. Все викинги ночевали на берегу. Сигурд спросил, кто будет его развлекать. Стражники сказали, что ему нечего тревожиться о развлечениях:

– Ведь утром ты умрешь!

– Я не боюсь смерти, и, если хотите, я скажу вам стихи.

Они сказали, что не прочь послушать. Тогда он говорит стихи, от которых все засыпают. Тут от подкатывается туда, где лежит секира. Ему удалось срезать себе путы с рук, потом он сбил с ног цепи, но вместе с цепями и обе пятки. Потом он убивает всех стражников, бросается в воду и плывет к берегу.

Он идет напрямик через мыс, потому что он не решался задевать викингов. Вот он видит: стоят на якоре четыре корабля, а на берегу раскинуты шатры. Он смело идет к шатрам, а было уже почти светло. Он спрашивает, кто у них предводителем. Ему ответили, что ведет их Хёрд и еще Хроар, Гейр и Хельги, и в свой черед спросили, кто он такой. Он сказал без утайки. Потом он пошел к Хёрду, и они расспросили друг друга о важнейших новостях. Хёрд скоро узнал Сигурда и позвал его к себе в дружину. Сигурд ответил, что он согласен, и рассказал Хёрду о своих злоключениях. Он попросил, чтобы Хёрд помог ему сквитаться с викингами. Тому это было некстати, все же он сказал, что выполнит просьбу Сигурда. Они немедленно начинают готовиться к бою, сносят груз на берег и нагружают корабли камнями. Потом они плывут на веслах, огибая мыс.

Заметив их, викинги готовятся к бою, и, хватившись Сигурда, сокрушаются по нему, как по другу. Вот завязывается между ними битва. Названные братья рьяно бросаются вперед, да и Сигурд сражался безупречно. Уже было далеко за полдень, когда Хёрд ворвался на тот корабль, на котором находился Бьёрн Синий Бок, и Гейр последовал за ним. Один шел по одному борту, другой – по другому, и они убивали всех – от мачты и до носа. Тут Бьёрн Синий Бок бросился прямо навстречу Хёрду. А Хёрд тогда шел обратно и как раз проходил мимо мачты. Бьёрн рубит по нему обоюдоострым мечом. Хёрд щитом не заслонился, а отскочил назад, через перекладину мачты, и меч так ударился о перекладину, что оба лезвия у него обломились. Завидев, что Бьёрн после удара согнулся, Хёрд быстро и сильно рубит его поперек лопаток и перерубает мечом Соти до самой грудной кости. И Бьёрн Синий Бок расстался с жизнью.

Тем временем Гейр поубивал всех, кто был на корабле. А Хроар вдвоем с Хельги очистили от викингов еще один корабль. Один корабль очистил Сигурд, и викинги бежали на четвертом. Хёрд со своими взял там большую добычу. Они перевязали раны своим людям. У Сигурда раны совсем уже зажили – ни следа не осталось. Он навсегда остался с Хёрдом и прослыл отважнейшим мужем.

Осенью они поплыли назад, в Гаутланд, и провели там зиму в большом почете.

Гейра очень тянуло назад, в Исландию и он просил Хёрда отпустить его. Хёрд сказал, пусть едет, когда хочет, только пусть храпит с ним дружбу. Хельги и Сигурд остались с Хёрдом. Гейр отплыл, но ветер был слабый, и они пришли в Вик и разбили шатры на берегу.

Узнает об этом Гуннхильд, мать конунга, и подсылает своих людей убить Гейра. Они приходят ночью, выбирают колья из-под шатров и обрушивают на них шатры. Гейру одному удалось уйти с оружием, но раньше он убил девятерых. Он нигде не останавливался, пока не добрался до усадьбы Брюньольва, сына Торбьёрна, и отец с сыном посадили его на корабль и дали с собой денег.

Людям казалось, что Гуннхильд колдовством залучила Гейра в Норвегию. Очень ей пришлось не по сердцу, что Гейр ускользнул. Они вышли в море, и летом Гейр подошел к Пескам.

Грим, отец Гейра, уже умер. Умер в Пастбищном Заливе и Хёгни, дед его по матери. Гудрид и Торбьёрг вели хозяйство в Гримовом Дворе. Гейр поехал туда и провел там зиму. А весной он купил землю в Нижнем Конце Фьорда и перенес туда свое хозяйство, и оно приносило доход. Туда переехали и Гудрид с Торбьёрг.

XIX

Индриди, сын Торвальда, и Торгрима Мастерица построили двор в нижней части Сорочьей Долины, в том месте, которое теперь называется Двором Индриди. Но Торгрима, его мать, жила тогда в Лощине, а Торвальд, отец его, умер.

В первое лето, когда Гейр жил в Конце Фьорда, приплыл в Исландию, возле Викарова Пути у Бычьей Реки, человек по имени Орм. Корабль их разбился, и они лишились всего добра. На корабле было пятнадцать человек, и все они остались без крова. За две зимы до того Орм был на Белой Реке и зимовал у Индриди. И вот теперь Индриди с двумя людьми поехал на юг навстречу Орму и сказал, что не оставит его в нужде. Он пригласил его со всеми людьми к себе. Орм принял приглашение с благодарностью. Поехали они все вместе с юга мимо Берегового Холма, через Яму и мимо Клинь-Горы, а там к Ульвльоту Озеру и Эльвус-Озеру и приехали туда в сумерки. Гримкель приветствует их, но к себе не зовет.

Индриди тогда сватается за Торбьёрг, Гримкелеву дочь:

– Тебе, хозяин, ведомо, какого я рода и как умножил свое богатство. Я хочу поскорей услышать твой ответ.

Гримкель сказал:

– Мы не можем торопиться в таком деле, это так сразу не решается.

И так и не пригласил их к себе. Вечером Индриди приехал к Пастбищному Заливу.

А когда они уехали, Сигрид, хозяйка, сказала Гримкелю:

– Странно, право, что ты не захотел отдать за Индриди свою дочь. Мы почитаем его недюжинным человеком, пошли же кого-нибудь за ними и не мешай тому, что только к твоей чести и к чести твоей дочери.

Гримкель сказал:

– Как хочешь!

Послали в Пастбищный Залив. Индриди и его люди вернулись с посыльными. Теперь Гримкель принял их радушно. Они заговорили о сватовстве и условились, что Индриди женится на Торьбьёрг и за ней дадут сорок сотен и свадьбу сыграют, не откладывая, на Эльвус-Озере. А Индриди пусть сам отвечает за то, что скажут не бывшие при этом.

Индриди оставил там своих людей, а сам поехал с двоими к Торьбьёрг, в Конец. Проехав Скалы Йоры, он держал путь к Гримову Двору, а оттуда – к Концовой Пустоши и в Конец. Гейра дома не было. Поговаривали, будто Гейр сам хотел жениться на Торьбьёрг, но она ничего не возразила на сватовство и поехала с Индриди. Они едут и скоро приезжают на Эльвус-Озеро. А там готовятся к свадьбе.

Гримкель пошел к капищу Торгерд, Жены Хёльги^[329], помолиться о браке Торьбьёрг. Но едва он вошел в капище, боги все задвигались и стали срывать с алтарей. Гримкель сказал:

– Что это значит, и что вы замышляете, и на кого хотите обратить удачу?

Торгерд сказала:

– Мы не обратим удачу на Хёрда, ибо он ограбил Соты, моего брата, отнял у него доброе золотое запястье и причинил ему много позора. Я бы лучше обратила удачу на Торьбьёрг, но ее осеняет такой свет, что, боюсь, он приносит нам разлуку. Тебе же недолго осталось жить.

Гримкель вышел и был в великом гневе на богов. Он принес из дому огня и сжег капище и всех богов, сказав, что они больше не будут пророчить ему беду. А вечером, когда все ели за столы, Гримкель Годи внезапно умер, и его похоронили к югу от усадьбы. Распоряжаться всем, что от него осталось, выпало Индриди и Иллуги, потому что Хёрда не было в Исландии. Индриди ни на что не посягал из Гримкелева наследства, кроме приданого Торьбьёрг. Тою же осенью Иллуги стал управлять хозяйством. Но весною он поделил все добро с Сигрид, и она получила земли на Эльвус-Озере и прослыла хорошей хозяйкой.

XX

Несколько зим спустя Хёрд, сын Гримкеля, приплыл в Исландию, к Пескам, и с ним жена его Хельга, и Сигурд Приемыш Торви, Хельги, сын Сигмунда, и еще тридцать человек. Хёрду было тогда от роду тридцать зим. Он провел в чужих краях пятнадцать зим кряду и добыл себе большое богатство и славу.

Иллуги Рыжий с Островка выехал к кораблю и пригласил Хёрда вместе со всеми людьми к себе. Он сам поехал их встретить и оказал им всяческое уважение. Хёрд с радостью принял приглашение, оно показалось ему очень почетным. Хёрд поехал к Иллуги, взяв с собою двадцать пять человек; пиво лилось там рекою всю зиму, и Хёрд был очень доволен. Иллуги предложил ему все, что он взял из Гримкелева наследства. Хёрд сказал, что он лучше получит, что ему причитается, с родича своего Торви и добавил, что намерен к нему съездить.

После этого он поехал, взяв с собою одиннадцать человек, и явился на хутор Широкий Двор, и увиделся с Торви, и стал требовать свое добро. Торви сказал, что еще вопрос, как он посмотрит на его требование:

– Потому что я не обязан тебе платить, если ты хуже своего отца.

Хёрд сказал, что это еще неизвестно, и добавил, что он еще наведается за своим. Потом он уехал и, вернувшись к Иллуги, все ему рассказал.

Иллуги просил Хёрда уступить:

– Думаю, так будет лучше для вас обоих, потому что Торви – человек хитрый и жестокий.

Хёрд сказал, что у него на уме другое:

– Он всегда причинял нам одно зло и никогда не делал хорошего. Я тут же пойду и буду собирать народ.

Хёрд выехал и собрал людей с Полевого Мыса, а Иллуги – дальше на запад, с Сенного Мыса, и Дворов, и всюду до самой Плечистой Горы, и вокруг Яремного Двора, а Хёрд – еще к востоку на Реке Горбатой Долины. Они миновали Среднюю Гору и так доехали до Широкого Двора. Торви был возле дома, и он хорошо их встретил. Иллуги стал мирить их и сказал, что им как близким родичам обязательно надо помириться. Торви сказал, что, судя по всему, у Хёрда есть право заводить разговор о деньгах.

– Он, верно, стал большим человеком, – говорит он. – Вон как живо сюда собрался. Я намерен пойти с ним на мировую и дать ему здесь земли. Я передам ему с землею также тридцать коров и тридцать работников. Я дам ему на этот год все необходимое для хозяйства. Посмотрю, как он себя покажет. Он будет в ответе за все, что получит, – за землю и скот.

Иллуги сказал, что это хорошее предложение, и Хёрд его принял. На том и помирились. Весною Хёрд туда переехал, и Иллуги выплатил ему все, что причиталось. Хозяйство Хёрда приносило доход. Он давал приют странникам. Никто не имел причин враждовать с Хёрдом, да и он ни с кем не искал ссор. Он прожил там три зимы.

Жил человек по имени Ауд. Он жил в Аудовом Дворе, напротив Верхних Селений, но немного пониже. Был он человек своевольный и богатый, низкородный и притом довольно вздорный. Сына его звали Сигурдом. Были у него две кобылы буро-пегой масти. Он дорожил ими.

Иллуги Рыжий дал Хёрду, когда он уезжал с Островка, табун из пяти лошадей, все вороной масти. К ним повадились пегие Аудовы кобылы, и они все время убегали со своего пастбища. Хёрд сожалел, что у Ауда такая незадача с лошадьми.

С Торви они были как чужие. Люди не старались соперничать с Хёрдом, и он со всеми хорошо ладил. Торви жил тогда на хуторе Верхние Селенья. Он был годи и слыл человеком тяжелым и не из покладистых.

На следующее лето все шло по-прежнему: Аудовы лошади убегали от него к лошадям Хёрда. Хёрд велел отогнать своих лошадей за гору, чтобы Аудовы кобылы их не отыскиали. Так и сделали, и все же Аудовы кобылы опять нашли их.

Раз в сенокос Сигурд, сын Ауда, возвратился с пастбища, так и не сумев поймать тех кобыл. Тогда Хёрд послал Хельги, сына Сигмунда, помочь ему. Хельги отправился с Сигурдом, и был сильно не в духе, и говорил, что Ауд один виноват во всех этих потравах и беспокойствах. А подойдя к табуну, он видит, что парень поранил коня. Тогда он сказал:

– Что ты за негодник! Но ты не будешь больше портить таких добрых животных.

И он убил его. Немного погодя туда пришел Хёрд и сказал:

– Злой ты человек, раз убил юношу, и притом безвинного. Тебя бы следовало убить. Все же я не пойду на это, хоть и лучше бы тебе не жить после этого злодеяния. Отсюда начнется твоя неудачливость. Вот и совершилось то, что я предчувствовал, и это, вернее всего, приведет нас так или иначе к гибели, да и не нас одних, когда сбудется все, что суждено судьбой.

Хёрд набросил на тело убитого плащ и поехал сперва домой. Немного погодя Хёрд отправился к Аудову Двору, и в тот самый миг, как он въезжал в усадьбу с запада, Ауд въезжал в нее с севера. Они повстречались, и Хёрд сказал:

– Случилось большое несчастье, хоть и не по моей воле: убит твой сын. Я хочу предоставить тебе право самому рассудить это дело и тем покажу, что я осуждаю содеянное, и тотчас отсчитаю тебе сполна все деньги, и большинство скажет, что при том, как обстоят дела, тебе нечего и ждать лучшего.

Ауд отвечает:

– Я только что виделся с Торви, моим другом, и передал ему это дело, и он обещал мне довести его до конца, так что я дождусь еще, увижу, как вам, с Широкого Двора, непоздоровится.

Хёрд сказал:

– Скверное дело ты затеял – ссорить нас с Торви. Но ты за это заплатишься!

Он выхватил меч Соти и разрубил Ауда пополам и работника, что был с ним, тоже. Хёрд был в такой ярости, что он сжег усадьбу, и все стога, и двух женщин, не захотевших выходить.

Когда до Торви дошли эти вести, он сказал, что у него и в мыслях не было, что Хёрд так неслыханно расправится с его другом:

– Однако же от Хёрда так легко не отделаешься!

И когда ему стало известно, что Хёрда нет дома, он поехал с вызовом в суд на хутор Широкий Двор, и вызвал Хёрда в суд альтинга, и вернулся домой. Узнав об этом, Хёрд послал Хельги на юг к своему зятю Индриди с просьбой приехать на тинг, и представить его на суде, и предложить мировую. Сам он, мол, не может принудить себя просить мира по причине вражды их с Торви. Хельги поехал туда и увиделся с Индриди и передал ему слова Хёрда, Индриди отвечает:

– Я обещался Иллуги Рыжему поехать с ним на тинг Килевого Мыса, но я хочу позвать Хёрда к себе.

Хельги отвечает:

– Подумаешь, важное дело – ехать на тинг Килевого Мыса, когда надо защитить такого зятя. И ты – самая последняя дрянь после этого!

Торбьёрг сказала:

– Еще можно было бы уладить дело, если бы послали путного человека. А теперь, верно, ничего не выйдет. Вот оно, несчастье, которое ты принес!

Хельги поехал домой и не рассказал Хёрду о приглашении Индриди, и сказал только, что тот не хочет ему помочь. Хёрд был очень недоволен этим, и он сказал вису:

Зря возлагал я, вижу,
В тяжбе надежды на зятя!
Тот, кто подвел однажды,
Верным вовек не будет.

Просьбе не внял – остался
Дома властитель стали,
Нынче был несговорчив,
Потом и врагом обернется.

Когда люди пришли на тинг и настало время суда, Торви спросил, не захочет ли кто уплатить виру от лица Хёрда.

– Я, – говорит, – соглашусь принять виру, если кто-нибудь предложит, я только не хочу оставлять это дело так.

Никто ему не ответил, и Хёрда вместе с Хельги объявили вне закона. Когда Хёрд узнал о приговоре, он сказал вису:

Сумел своего на тинге
Добиться дробитель гривен:

Суровым был приговор
Древу костров бурунов^[330],

Радостью рыб нагорий^[331]
И горестью змей^[332] в изгнание
Я жить обречен отныне.
Не стану тужить об этом!

На этот раз Хёрд и Торви не встретились.

XXII

Немного спустя Хёрд поехал со всем своим добром в Конец к Гейру, своему побратиму. А раньше он сжег у себя в усадьбе все постройки и все сено. Он сказал, что Торви не найдет там, чем поживиться. Хёрду было тридцать шесть зим, когда его объявили вне закона и он уехал в Конец. Все его домочадцы и все, кто примкнул к нему, тоже поехали с ним к Гейру и нашли там убежище.

Однажды Торви сказал такую вису:
Торви, владыке храброму
Нила костров багряных^[333],
Время в Конец собираться,
Рьяно нагрнуть на ратников.

Пусть-ка в честном бою
Устоят перед нашим натиском,
Смело сразимся с героями,
Коршунов крови^[334] накормим.

В этот год им пришлось туго, потому что припасов было меньше, чем требовалось, да и Гейр хуже, чем прежде, смотрел за хозяйством. Стали забивать скот, так что на следующее лето едва-едва хватало скота для прокорма. Но осенью забили уже весь скот, осталось только несколько коров.

И однажды утром, перед праздником середины зимы, Гейр поднял на ноги Хельги. Тот живо встал, и они отправились через гряду на хутор Озерный Рог в Сорочьей Долине. Хозяина дома не было. Он был на свадьбе у Колля, на хуторе Роцца в Долине Дымов. Гейр сказал:

– Придется пополнить хозяйство как уж выйдет. Хочешь – стой на страже, а хочешь – иди в хлев.

Хельги выбрал стоять на страже. Тогда Гейр пошел в хлев и отвязал всю скотину. Два человека лежали на сеновале и играли в тавлеи^[335]. У них горел свет. Один сказал:

– Никак, отвязана в хлеву скотина?

Другой сказал, что это, наверное, женщины виноваты – не привязали. Вот один пошел и стал в воротах. И, завидев это, Гейр бросился к нему и убил. И, заждавшись того, кто пошел первым, выходит следом и второй. Но едва дошел до ворот, случилось с ним все так же, как и с первым. Убил Гейр и его. Затем они увели с собой семилетнего быка.

Они вернулись к себе в Конец, и все это очень не понравилось Хёрду, и он сказал, что уйдет, если они вздумали воровать.

– По мне, – говорит, – уж лучше грабить, если ничего другого не остается.

Гейр просил Хёрда не оставлять его из-за такой малости:

– Ты один станешь решать за нас обоих.

И Хёрд не уехал. Когда же женщины в Озерном Роге пришли в хлев, им показалось странным, что скотина отвязана. Они подумали, что скотники, видно, спят. Они привязали скотину. Но, подойдя к воротам сеновала, они нашли обоих мертвыми. Послали сказать хозяину. Тот приехал. Много было об этом толков.

Хёрд не позволял есть быка, пока на хутор Озерный Рог не послали человека рассказать правду о поступке Гейра. И некоторые говорят, будто Хёрд уплатил хозяину Озерного Рога и за его людей, и за быка, потому тот и не стал потом жаловаться.

XXIII

Кольгрим Старый, сын херсира Альва из Трандхейма, жил в это время на хуторе Четыре Конца. Он занял там земли. Его сыном был Торкель, отец Кольгрима, отца Стейна, отца Квиста, отца Кали.

Кольгрим послал людям из Конца приглашение устроить всем вместе на Песках игры в мяч и роговые биты. Те согласились. Вот начались игры и продолжались весь праздник середины зимы. Люди из Конца часто терпели поражение, потому что Кольгрим подстраивал так, что перевес был на стороне людей с Побережья. Люди из Конца сильно снашивали обувь, потому что они много ходили. Они раскроили себе на башмаки бычью шкуру. Многим казалось, что Кольгрим очень любопытствовал по поводу пропажи быка, для того и устроил эти игры. Ему показалось, будто он узнает бычью шкуру у них на ногах. Их стали звать бычатниками. Вот раз им опять сильно досталось в игре. Придя домой, они разговорились о том, как сильно им достается и что они скоро бросят игры.

Хёрд очень сурово с ними разговаривал и сказал, что они последние ничтожества, если не умеют за себя постоять.

– Вы, – говорит, – способны только на постыдные дела!

К Хёрду в то время примкнули Торд Кот и Торгейр Борода по Пояс – он тоже был объявлен вне закона. Вот Хёрду делают за ночь роговые

биты. Теперь, когда Хёрд пошел на игры, остальные тоже рады стараться, хотя прежде они были не так уж охочи до этого. Играть против Хёрда выпало Энунду, сыну Тормода с Откоса. Это был человек сильный, и все его любили.

Игра была очень жестокой. Еще до вечера шестеро с Побережья лежали мертвыми, а из Конца – никто. На этом те и другие разошлись. С Энундом пошли все люди с Побережья. И когда они уже подходили к Откосу, Энунд сказал – пусть идут вперед:

– А я, – говорит, – завяжу башмак.

Они не хотели оставлять его. Он сел, но как-то тяжело. И в тот же миг умер, там его и похоронили. Это место теперь зовется Энундов Бугор. Ни Хёрду, ни его людям не предъявляли обвинения по этому делу.

Торстейн Золотая Пуговица жил тогда в Кружалке, был он человек злобный и коварный, хитрый и очень состоятельный. А Торвальд Синяя Борода, бонд зажиточный и уважаемый, жил на хуторе Пески.

XXIV

Жил человек по имени Рэв, он был сын Торстейна, сына Сёльмунда, сына Торольва Масла. Он жил на хуторе Лоскутное Поле в Кольчужной Долине. Он был могущественный годи и большой рубака. Потом его больше звали Рэвом Старым. Мать его звалась Торбьёрг Катла. Она жила в Кустарнике. Она была сведуша в колдовстве и искусная ворожея. Брата Рэва звали Кьяртаном. Он жил на Торбрандовом Дворе и был человек рослый и сильный, злобный и склонный к насилию. Поэтому все сходились в нелюбви к нему.

Жил человек по имени Орм, сын Торира из Лощины, человек всеми любимый и большой умелец. Все это были противники людей из Конца.

Однажды летом до Хёрда и его людей дошел слух с тинга, что там сговорились собраться и убить их, и тогда они поняли, что раз у них больше нет скота, ничего другого не остается, как грабить. Гейр предложил построить укрепления и сказал, что тогда с ними будет нелегко справиться. Хёрд сказал, что так их возьмут измором:

– По-моему, лучше уехать на Островок, тот, что лежит здесь, в Китовом Фьорде, против устья Реки Синей Бороды за Завтрачным Мысом. У этого островка обрывистые берега, и он не меньше доильного загона.

Пока шел тинг, они туда и переехали со всем своим добром. Для перевоза они взяли у Торстейна Бычьего Шипа с Грязного Двора большую плоскодонную ладью и еще шестивесельник у Тормода с Откоса и четырехвесельную тюленебойную лодку у Торвальда Синяя Борода. Они построили себе большой дом. Одной стеной он выходил на северо-восток, другую – на юго-восток, и посреди западной стены была

дверь. На юге дом упирался прямо в обрыв, а с севера можно было пройти между обрывом и дверью в боковой стене. Только с севера к нему и можно было подобраться, а на запад от дома были подземелья.

У них было законом, что всякий, кто пролежит больше трех дней, должен быть сброшен со скалы. Все были обязаны идти туда, куда укажут им Хёрд или Гейр, если те были с ними. Они делили между собою всю работу. Все дома в Конце разобрали и перевезли бревна на Островок. Этот островок теперь называется Гейровым Островком. Он получил имя от Гейра, сына Грима.

Случалось, на Островке бывало до ста восьмидесяти человек, и никогда не меньше восьмидесяти – это самое малое. Называют по имени Хёрда и Хельгу Ярлову Дочь, его жену, Гримкеля, их сына, и еще Бьёрна – ему тогда было две зимы, – Гейра и Сигурда Приемыша Торви, сына Гуннхильд, Хельги, сына Сигмунда, Торда Кота и Торгейра Борода по Пояс. Он был самый злокозненный из всех островитян, охоч на всякие злодейства. Там собрались едва ли не все объявленные вне закона, и все приносили клятвы Хёрду и Гейру хранить им верность, им и друг другу.

Торгейр Борода по Пояс и Сигурд Приемыш Торви привезли с десятью другими воды из Реки Синей Бороды. Они набрали воды в тюленебойную лодку и наполнили большую бочку, стоявшую у них на Островке. Так прошло некоторое время.

XXV

Торбьёрг Катла хвалилась, что островитяне никогда ничего ей не сделают. Так она полагалась на свои чары. И когда ее похвальба дошла до островитян, Гейр сказал, что это надо еще проверить, и вскоре после тинга собрался с одиннадцатью людьми из дому. Торд Кот тоже поехал с ними. Но, добравшись до долины, они увидели, что весь скот угнан на север, за ту гору, что стоит между Кольчужной Долиной и Концом. Гейр оставил двоих охранять ладью. Торд Кот сторожил на носу.

Выйдя, Торбьёрг Катла сразу проведала благодаря своему чародейству и проницательности, что с Островка пришел корабль. Она сходила за своим покрывалом и стала махать им над головой. Непроглядная мгла тотчас окутала Гейра и его людей. Тогда она послала сказать Рэву, своему сыну, чтобы он собирал людей. Собралось пятнадцать человек, и они подкрались в темноте к Торду Коту, схватили его и убили. И он зарыт внизу Котовьего Мыса. Гейр и его люди добежали до моря. Тут мгла спала, и они снова стали ясно видеть. Рэв и его люди настигли их, и завязалось сражение. Были убиты все, кто приехал с Гейром, и трое людей Рэва. Гейру удалось сесть на корабль и добраться до Островка. Он был сильно ранен. Хёрд очень

насмехался над ним по поводу этой поездки и говорил, что Гейру со своими куда как далеко до Катлы. Хельга была искусная врачевательница, и она вылечила Гейра.

Люди с Острова были напуганы этим случаем. Но как только Гейру перевязали раны, Хёрд сел на корабль, взяв с собою одиннадцать человек, и поплыл в Кольчужную Долину, сказав, что хочет еще разок померяться силами с Катлой. Двое охраняли корабль, а десятеро отправились за скотом.

Катла снова стала махать своим покрывалом и послала сказать Рэву, что на сей раз это стоящее дело схватиться с островитянами, «когда их ведет этот прекрасноволосый муж, по всему большой удалец».

Рэв пришел с пятерыми. Но чары не могли затмить глаза Хёрду, и островитяне пошли, куда хотели, забили себе скота, нагроулили доверху свой корабль и на глазах у Рэва и его людей уехали на Островок. На том и расстались.

XXVI

Ближе к концу лета Хёрд поехал с двадцатью тремя людьми к Грязному Двору, потому что Торстейн Бычий Шип хвалился, что Скроппа, его приемная мать, – а она была колдунья, – так околдует островитян, что они ничего ему не сделают. Высадившись на берег, они оставили корабль под охраной семерых на воде, а семнадцать человек пошли наверх. На песчаном холмике за лодочным сараем они увидели большого быка. Им захотелось раздражить его, но Хёрд не велел. Двое из людей Хёрда все же повернули к быку и ослушались его совета. Бык наставил на них обоих рога. Один из людей Хёрда послал копье ему в бок, другой – в голову. Но оба копья отскочили и попали им прямо в грудь, и пришла им обоим смерть. Хёрд сказал:

– Слушайте же меня, потому что здесь не все так, как оно кажется.

Вот приходят они к хутору. Скроппа была дома, и с нею хозяйские дочери Хельга и Сигрид. Сам же Торстейн был на летовье в Долине Коровьего Поля. Это в Свиной Долине. Скроппа отперла все двери. Она отвела глаза людям Хёрда, так что им помешалось, будто на лавке, где она сидела с Торстейновыми дочерьми, стоят три короба. Люди Хёрда стали говорить, что они, пожалуй, вскроют эти короба. Но Хёрд не велел. Тогда они пошли от усадьбы на север – посмотреть, не найдут ли там какого скота. И увидели, как побежала на север с усадьбы свинья с двумя поросятами. Они загородили ей дорогу. Тут им показалось, будто навстречу им движется большая толпа людей с копьями и во всеоружии, и свинья с поросятами наострила в ту сторону уши. Гейр сказал:

– Пойдем к кораблю. На их стороне перевес.

Хёрд сказал, что его совет – не бежать так сразу, не попытаться счастья. С этими словами Хёрд взял большой камень и пришиб свинью насмерть. И, подойдя к ней, они увидели, что Скроппа лежит мертвая и возле нее стоят хозяйские дочки, а вовсе не поросята. И теперь, когда Скроппа умерла, они увидели, что это не люди шли им навстречу, а стадо коров. Они пригнали скот к кораблю, забили его и нагрузили ладью тушами. Гейр увез силком Сигрид, и они уплыли на Островок. Скроппу похоронили за Грязным Двором, на пути к Четырем Концам, в Скроппином Овраге.

Торстейна Золотая Пуговица островитяне не трогали, потому что у них был с ним тайный уговор, что он обязуется переправлять на Островок всех бездомных бродяг и рассказывать островитянам обо всем, что замышляют против них люди. Он поклялся им все это выполнять и ни в чем их не обманывать, они же обещали у него не грабить.

XXVII

Зимой, перед самым праздником середины зимы, они отправились, числом двенадцать, под покровом ночи в Лощину, к Орму. Орма дома не было: он куда-то отлучился по своим делам. Болли звался его раб, смотревший за всем хозяйством, пока Орма не было дома. Они взломали клеть, вынесли весь товар и съестные припасы. Взяли и Ормов ларец, где он хранил свои сокровища, и со всем этим ушли. Дело приняло дурной оборот для Болли: ведь он не углядел за амбаром. Он сказал, что ему теперь надо либо отобрать у островитян ларец, либо распрощаться с жизнью. Он попросил передать хозяину, чтобы тот был на четвертую ночь с семнадцатью людьми у корабельных сараев и притаился. Затем Болли собрался в путь. Он надел рваные башмаки и плащ из простого сукна. Первую ночь он провел в Кольчужной Долине, не заходя на усадьбы. Потом он пришел к Торстейну Золотая Пуговица и, назвавшись Торбьёрном, сказал, что он объявлен вне закона и хочет уехать к Хёрду и присоединиться к его людям. Торстейн Золотая Пуговица перевез его на Островок. Увидев человека, Хёрд и Гейр отнеслись к нему по-разному. Гейр считал, что надо принять его, а Хёрд сказал, что, наверное, это лазутчик. Все же Гейр настоял на своем, и, когда тот принес им клятвы, они приняли его к себе. Он много рассказывал им о том, что делается на берегу, а потом сказал, что хочет спать. Лег и проспал весь день. У Гейра и прочих никак не открывался ларец, и они спросили совета у Торбьёрна. Торбьёрн сказал, что дать этот совет нетрудно.

– Там, – сказал он, – ничего нету, кроме разного Ормова инструмента. Орм только в том и видит для себя убыток от грабежа,

что пропал его ящик с инструментом. А я был, – говорит, – на Мшистой Горе, когда стало известно об этом грабеже. Если хотите, я снесу ему ларец.

Гейр подумал, что мало им прибыли в этом ларце, если там ничего нету, кроме инструмента. Торбьёрн пробыл у них две ночи и все уговаривал отдать ларец. Хёрд был против того, чтобы они хоть в чем-нибудь слушались Торбьёрна, и сказал, что, верно, не доведут до добра его советы. Но Гейр настаивал, и они поехали ночью вшестером к корабельным сараям Орма. Они вытащили ларец на берег и отнесли в сарай, поставив под бортом Ормова корабля. Тут Торбьёрн закричал, чтобы люди вставали и хватали воров. Те, кто был в засаде, вскочили и набросились на них. Гейр схватил обеими руками обломок весла и им отбивался, защищаясь с большой отвагой. Гейр добежал до своего корабля, но четверо людей его погибли. Орм взял плоскодонную лодку, и они поплыли Гейру вдогонку.

Хёрд сказал у себя на Островке:

– Гейру, вернее всего, понадобится подмога. Я совсем не уверен в этом Торбьёрне.

Он взял лодку и плывет в глубь фьорда, как раз туда, где Орм преследует Гейра. Тогда Орм сразу же повернул назад, к берегу. А Гейр с Хёрдом уехали на Островок.

Орм после этого отпустил Болли на волю и отвел ему землю для хутора, что называется Двор Болли, и дал все, что нужно для хозяйства. Он стал там жить и был богатым человеком и неробкого десятка.

XXVIII

Летом, после тинга, Хёрд с Гейром и с ними еще двадцать два человека отплыли вечером на своей ладье и высадились у Овечьего Загона против хутора Островок. Шестерых они оставили охранять корабль, а восемнадцать человек поднялись на берег. Они увели скот с Полевой Горы. Хёрд увидел, что из усадьбы вышел человек в рубахе и в холщовых штанах. Это было на восходе солнца. Хёрд узнал в нем Иллуги, потому что не было никого зорче Хёрда.

Иллуги тоже их заметил и тотчас разослал людей в Двор, и к Сенному Мысу, и к Реке Коровьего Поля собирать народ. Он двинулся на них не раньше, чем собрал тридцать человек. Завидев, что собирается народ, Хёрд спросил у Гейра, что он выберет: забивать и свежевать скот и грузить корабль или отражать натиск Иллуги и его людей, не давая им подойти. Гейр сказал, что он предпочитает свежевать туши, только не иметь дела с Иллуги. Хёрд сказал:

– Ты выбрал то, что я и хотел. Оно мне и привычнее. Мы будем обороняться от них числом двенадцать, и никак нельзя, чтобы нас

становилось меньше. И чем больше людей погибнет у нас, тем меньше будет оставаться у тебя на разделке туш.

Свежевать скот остались четырнадцать человек. Вот завязалась битва между Хёрдом и Иллуги. И была беспримерной отвага, с какой Хёрд защищал загон, потому что Иллуги и его люди сильно их теснили. К Иллуги подходили все новые люди, так что под конец их стало сорок человек, а у Хёрда было, вместе с ним самим, только двенадцать. Все его люди были сильно изранены, ведь у тех был большой перевес в силах. Сигурд Приемыш Торви показал себя, как и всегда, большим храбрецом. Мужественно сражался и Хельги, сын Сигмунда. Торгейр Борода по Пояс грузил ладью. Гейр работал не покладая рук: бил скотину и свежевал туши. Девятеро полегло на стороне Хёрда, прежде чем ладья была загружена. Когда они ступили на корабль, бонды набросились на них с новой силой, и со стороны Хёрда пали еще шестеро, прежде чем им удалось укрыться за бортом. Хёрд был ранен бердышом, раны были у всех.

Иллуги велит готовить корабли, но Хёрд со своими привели в негодность все большие корабли. Хёрду дул встречный северо-восточный ветер. Они перевязали раны и поплыли на веслах вдоль северного берега, минуя Челночный Мыс и Устье Реки Калмана. На одном скалистом островке они выгрузились, потому что их сильно сносило ветром. Гейр и еще один человек захотели там остаться, но Хёрд посчитал, что это большая глупость – подвергать себя там опасности. Хёрд повел ладью в глубь фьорда. Они еле двигались, хотя ветер и переменился, потому что у них все еще было много груза. Иллуги и его люди вот-вот догонят Хёрда, но он огибает мыс. Тогда-то Хёрд и дал имя мысу и назвал его Челночным Мысом, потому что он заметил, что мимо мыса плывет много челноков. Как только Иллуги и его люди нагоняют Хёрда, они снова на него нападают. Хёрд тогда сказал:

– Рьяно ты нас преследуешь, зять! Вот и случилось все то, что я давно предчувствовал.

– Но и вы далеко зашли, – сказал Иллуги.

И они со всею силой на них обрушились. Хёрд защищал ладью с одной стороны, а с другой ее защищали шестеро. Но в скором времени подошли к ним на трех кораблях островитяне и тотчас перескочили в ладью. Тут приходится Иллуги отступать, и островитяне гонят его обратно вдоль всего фьорда.

Брандом звали одного человека, сына Торбьёрна Башки из-под Средней Горы. Он напал на Гейра на скалистом островке, и сразился с ним, и убил его спутника. Гейр хорошо защищался, но у Бранда было шесть человек. Тут подоспел Хёрд и сказал, что, стало быть, он угадал, как все обернется с Гейром. Бранд обратился в бегство. Они бросились за ним и убили его. Место на берегу против скалистого островка

восточнее Реки Калмана называется теперь Браиловы Островки. Убили и еще пятерых, а шестой ушел.

А Хёрд с Гейром свезли всю добычу на Островок. Хёрд сказал тогда вису:

Иллуги Рыжим сраженные,
Пали пятнадцать палиц
Ужаса^[336]. Был неуступчив
Тополь луны потока^[337].

Дал ему сдачи Гейр,
С ним рассчитался в сече:
Столько ж поживы волчьей
В поле лежать оставил.

Так прошло лето.

XXIX

На следующую зиму, вскоре после праздника середины зимы, Хёрд, и Гейр, и еще сорок человек поднялись на Лебединый Перевал, а там поехали в Свиную Долину и оттуда – в Сорочью Долину. Днем они прятались, а ночью спустились к овчарне и угнали оттуда наутро восемьдесят кладеных баранов, принадлежавших Индриди, и погнали их наверх, мимо Озера. Тут, словно бы по волшебству, началась сильная непогода и пурга. Когда они подошли к горе, вожаки стада были уже совсем измучены, и Гейр с другими хотели было бросить баранов, но Хёрд сказал, что это малодушно: подумаешь, поземка и легкий снежок. Хёрд взял одною рукой одного барана-водыря, другою рукой – другого, и так перетащил их через гору. От них остался широкий след. По нему и прогнали остальной скот. С тех пор это место зовется Бараний Волок. Они спустились в Свиную Долину, и там снега не было. Они пошли к своему кораблю и забили скот. Это место с тех пор зовется Убойная Бухта. Потом они плывут на Островок. Проходит зима.

Весною Хёрд, Гейр и Сигурд Приемыш Торви, Хельги и Торгейр Борода по Пояс и с ними еще шестьдесят удальцов выезжают из дому. Они поехали на север от Лебединого Перевала ко Двору Индриди и прятались в лесу, пока скот не выгнали на пастбище. Свартом звали пастуха этого стада, и с ним был мальчик. Хёрд и его люди пошли к стаду и погнали его на запад, за Озеро. Сварт побежал с ними. Они миновали Бараний Волок и спустились в Свиную Долину. Там они убили Сварта. Потом они легли спать там, в долине. Пока они спади, мальчик погнал стадо назад. Хёрд не спал и все видел из-под щита. Он отпустил мальчика с миром и сказал ему:

– Будет лучше, если это останется у моей сестры, чем попадет в руки островитянам.

Мальчик вернулся домой, и передал Торбьёрг слова Хёрда, и сказал, что большая жалость потерять такого человека:

– Он хорошо обошелся со мной, а его люди убили Сварта.

Торбьёрг ничего не ответила мальчику. Это место теперь называется Долиной Угона Коров, потому что у них угнали там коров. Гейр просыпается и хочет идти и вернуть скот, но Хёрд сказал, что не нужно. Потом они согнали вместе в Свиной Долине принадлежавших бондам свиней и погнали их вниз, к берегу, и там закололи и погрузили на корабль. Это место теперь называется Свиные Пески. Потом они уплыли на Островок.

XXX

Летом, во время альтинга, островитяне отправились к Завтрачному Мысу. Они поехали Дорогой Сельделовов к Лощине в Сорочьей Долине и, захватив на южной стороне Озера Сорочьей Долины скот Торгримы Мастерницы, погнали его через горный гребень. Там был один бык, серый в яблоках. Он сильно фыркнул и побежал назад, прямо на них, а следом побежал и весь скот, и бросился в озеро, и переплыл его в самом узком месте, и вернулся домой, в Лощину. Тогда Хёрд сказал:

– Велики же чары Торгримы, раз даже скот ее над собой не властен.

Торгрима спала. Внезапно она проснулась и выглянула в окно. Она увидела мокрых животных и сказала:

– Упустили вас эти удалцы, как ни заманивали!

Хёрд спросил у своих сотоварищей, не хочется ли им изменить свою жизнь и свой промысел.

– По-моему, – говорит он, – мы плохо поступаем, что живем одним грабежом.

Они сказали, что кому, мол, решать, как не ему.

– Тогда бы я хотел, – говорит он, – чтобы мы поехали на Белую Реку, к купцам, и предложили им выбирать: пусть либо отдадут нам корабль^[338], либо мы их убьем.

Гейр сказал, что он готов ехать хоть сейчас:

– Но только я хочу, чтобы мы сперва сожгли в домах Торви, сына Вальбранда, Колля из Роши, Кольгрима Старого, Индриди и Иллуги.

Хёрд сказал:

– Ничего не выйдет из ваших замыслов. Скорее всех нас перебьют, потому что люди не спустят нам такого великого насилия.

Больше было таких, кто отговаривал от попытки захватить корабль и хотел продолжить злые дела. Только Сигурд Приемыш Торви не соглашался с ними. Хёрд сказал:

– Что решено, тому и быть, и, видно, нелегко этому воспрепятствовать. Но это противно моему желанию – продолжать все эти злодеяния.

Тою же ночью они уехали на Островок и три недели пробыли дома. Потом они, числом восемьдесят, поехали на материк. Хёрд сказал, что теперь он хочет, чтобы они сожгли Иллуги и Индриди в их домах.

– Ведь они, – говорит он, – всегда были против меня, а за меня – никогда, как бы мне ни приходилось туго.

Ночью они поехали в Свиную Долину. Весь день скрывались в лесу, а на следующую ночь поехали в Сорочью Долину и там затаились.

XXXI

В ту ночь, когда Хёрд выехал с Островка, Торбьёрг во Дворе Индриди снился сон. Ей приснилось, что к ним на усадьбу прибежали восемьдесят волков, и пасти их пылали огнем, и был среди них белый медведь, какой-то печальный с виду. Они побыли на усадьбе, а потом побежали со двора на запад, на какой-то пригорок, и там затаились. Индриди сказал, что это обращенные к ним мысли островитян. Торбьёрг сказала, что, наверное, это они сами скоро к ним явятся. Она попросила Индриди подвести к дому ручей и сверху прикрыть его, потому что сны ее всегда сбываются. Так и сделали. Торбьёрг велела пробить большие дымники. Она велела втащить все добро на поперечную балку, потому что внизу от стены и до стены стояла вода. И она собрала на усадьбе немало народу. Скоро явились Хёрд и его люди. Он шел впереди всех и, подойдя к дверям, постучался, Торбьёрг открыла дверь, приветливо с ним поздоровалась и пригласила к себе вместе с ближайшими друзьями. Она хотела, чтобы он отстал от этого сброда, и говорила, что тогда многие его поддержат. Хёрд стал звать ее к себе на волю и прибавил, что он будет очень рад ей, если она расстанется с Индриди. Она ответила, что это ей совсем не пристало и что она никогда с ним на расстанется. Потом островитяне подтащили к дверям кучу дров и подожгли дом. Но те, в доме, заливали огонь водой, и у нападавших ничего не выходило. Гейр очень дивился этому. Хёрд сказал:

– Думаю, что моя сестра распорядилась подвести к дому воду.

Пошли искать и, найдя ручей, отвели его. Однако ж в доме было довольно воды, столько успело ее натечь. Хёрд увидел, что у одного дымника стоит человек с луком в руках. Хёрд пустил в него дротик и убил. Вслед за этим Хёрд увидел, что к хутору движутся люди, за которыми посылала Торбьёрг. Гейр сказал, что придется им уходить. Хёрд не стал возражать. Тогда они повернули назад. Ни одно из строений не обвалилось. Ко Двору Индриди подошла большая толпа. А островитяне уехали к себе и на время притихли.

Бонды условились собраться на поле осеннего тинга, возле Лососьей Реки у Мелкого Фьорда, дабы положить конец всем бесчинствам, которые творили островитяне. Всем знатным мужам округа послали сказать, чтобы они явились на эту сходку, позвали и всех бондов, и свободных людей. Когда Индриди туда собирался, Торбьёрг спросила, куда это он. Он рассказал ей.

– Тогда я поеду с тобой, – сказала Торбьёрг, – можешь убедиться, как я тебе предана.

Он не хотел, чтобы она ехала на сходку, и сказал, что ей мало будет радости от того, что она там услышит. Она сказала, что и сама это знает. Потом Индриди уехал на сходку. Немного погодя Торбьёрг велела седлать себе коня и поехала с одним человеком к месту сбора. Там собралось множество народа и стоял большой шум. Но когда она приехала, все замолчали. Тогда она сказала:

– Мне известны намерения ваши и замыслы, но и я не буду скрывать того, что у меня на уме: я убью сама или велю убить всякого, кто убьет Хёрда, моего брата.

Затем она уехала. На этом тинге были: Торви, сын Вальбранда, Колль из Роши, Индриди, Иллуги, Кольгрим, Рэв и Торстейн Бычий Шип, еще Орм из Лощины и многие другие знатные люди округа. Торви сказал:

– Всем, кто находится здесь, ясно, и все должны согласиться, что надо лишить жизни этих злодеев. А не то они дочиста ограбят сперва тех, кто живет поближе, а потом, чего доброго, и всех остальных людей в округе. Вы сами видите, что раз уж Хёрд хотел сжечь своего зятя, значит, они никого не пощадят. Поскорей придумаем, как нам действовать, чтобы они не успели разнюхать. Это первейшая наша забота.

Иллуги сказал, что никак нельзя спустить им все то зло, что они учинили, что там сошелся самый скверный народ:

– Я не погляжу, что у меня там зять! Нам стало известно, что они готовили нам ту же участь, что и Индриди.

Кольгрим сказал, что больше всех достается тем, кто живет поблизости, но недолго ждать, дойдет очередь до других, где бы они ни жили. То же говорили и все остальные. Рэв сказал, что путь здесь один: послать к ним на Островок человека, который даст им клятву, что не обманет, и скажет – пусть они уезжают с Островка, куда пожелают. Такова, мол, воля всех жителей округа, и на этом окончатся все счеты между ними.

Торви одним из первых ухватился за это предложение и прибавил, что лучше прямо сразу, тою же ночью, поехать на фьорд, дабы островитяне ни о чем не проведали.

– Потому что, – говорит, – кое-кто на побережье кажется мне подозрительным.

Они поехали тою же ночью. Наутро они позавтракали на мысу, который с тех пор стали звать Завтрачным Мысом.

В то же утро Торгейр Борода по Пояс и Сигурд Приемыш Торви, и с ними еще десять человек поехали на своем челноке за водой. Островитяне не догадывались ни о сходке, ни о заговоре, который против них готовился.

XXXIII

Когда бонды заметили Сигурда и тех, кто с ним ехал, они выслали против них Колля, сына Кьяллака, с двадцатью тремя людьми. Когда они сошлись, Торгейр Борода по Пояс бежал с шестерыми, а Сигурд Приемыш Торви и с ним четыре человека приготовились защищаться. Те рьяно на них набросились. Сигурд защищался с большою доблестью, потому что он был силен и ловко владел оружием. Они сражались, покуда не пали все товарищи Сигурда, он же еще не был и ранен. Торвальд Синяя Борода напал на него и многие другие тоже. Пятеро людей Колля пали. Сигурд защищался очень стойко. Он убивает еще многих, но на сей раз и ему наносят раны. Тогда Торвальд Синяя Борода кидается на Сигурда и пронзает его копьем. Сигурд бился секирой. Он кидает секиру в Торвальда, прямо ему в голову, и оба падают мертвыми. Сигурд сразил девятых, а его спутники – троих. Всего же в речном устье пало семнадцать человек. Это место теперь называют Рекою Синей Бороды.

Торгейр Борода по Пояс остановился на Пустоши Орлиного Озера и укрылся в пещере на Заливном Лугу. Он набрал себе людей и остановился там, пока против них не выступили люди с Городищенского Фьорда. Тогда Торгейр бежал на север, к Побережью, там его и убили, как известно из рассказа об Альвгейре^[339].

XXXIV

Вот ищут бонды, кто бы согласился поехать на Островок, но большинство отговаривается. Тогда Торви сказал, что тот, кто поедет, стяжает себе этим большую славу, и его будут ставить много выше, чем раньше. Он добавил еще, что удача, наверное, покинула островитян из-за их злых дел.

Кьяртан, сын Катлы, брат Рэва, удалец каких мало, и проворнейший человек, сказал, что он, пожалуй, решится поехать при условии, что они отдадут ему запястье Соти, если Хёрд попадется к ним в руки:

– А у меня свои счета с островитянами.

Они согласились и нашли, что от него можно ждать большего, чем от любого другого из тех, кто там был. Тогда Кьяртан сказал:

– Не лучше ли для верности взять лодку Торстейна Золотая Пуговица: он частенько плавал на ней нам во вред.

Всем показалось, что так будет надежней всего, это, мол, возбудит у островитян всего меньше подозрений. Кьяртан, сын Катлы, отплыл на лодке Торстейна Золотая Пуговица. Под плащом у него была кольчуга. Приехав на Отсровок, он говорит Хёрду, что бонды хотят мириться и что Иллуги со своими друзьями будто бы очень ратовали за то, чтобы им дали право свободно уехать. Гейр поверил, что все это правда, раз у него была лодка Торстейна Золотая Пуговица: ведь Торстейн давал им клятву никогда их не предавать. Многие хотели уехать, им надоело на Островке, и они настаивали на том, чтобы уехать вместе с Кьяртаном. Тогда Хёрд сказал:

– Нам с Гейром уже не впервой не соглашаться друг с другом, нам всегда все кажется по-разному. По-моему, они плохо выбрали человека, послав Кьяртана с делом такой важности и для нас и для них. Мы доныне не вели дружбы с Кьяртаном.

На это Кьяртан сказал:

– Не дело поминать сейчас старое, это не пристало тем, кто хочет заключить мир. Но я говорю вам сущую правду и готов в том поклясться, если вам так покажется вернее.

Хёрд сказал, что он не полагается на то, что Кьяртан будет верен своей клятве. Он сказал вису:

Знаю, лживы посулы

Клена клинков^[340] двоедушного:

Нас склоняет к отъезду,

Сам замыслил измену.

Ствол губителя шлема^[341]

Живым бы отсюда не вышел,

Когда бы вы вняли слову

Бальдра огней прибо^[342].

Почти все остальные хотели уехать. Некоторые сразу заняли себе места в лодке Кьяртана. Хёрд сказал, что он ни за что не поедет.

– Но, по мне, пусть испытают верность Кьяртана. Я же думаю, – говорит он, – что к вечеру у вас поубавится веселья.

Кьяртан считал, что чем больше народу с ним поедет, тем лучше. Много людей село в ладью. Кьяртан сказал, что в следующий раз они сами приедут за своими товарищами. Они отплыли с Островка. Пока лодка не вышла из-за мыса, толпы не было видно. Но когда они причалили, бонды встали с обеих сторон стеною и отрезали им все пути. И только они высадились на берег, всех их схватили, вплели каждому в волосы прут и всем отрубили головы. Бонды радовались, что

удача отвернулась от злодеев, и им казалось, что еще недолго и они всех одолеют.

XXXV

Кьяртан во второй раз поехал на Островок. Островитяне спросили, отчего не приехали за ними их товарищи. Кьяртан сказал, что они так обрадовались свободе, что сами не свои выскочили на берег. Гейр поверил этому и сел в лодку с Кьяртаном, сели и многие другие. Хёрд убеждал его не ездить и говорил, что не миновать ему великой беды. Он отказался ехать. С ним остались Хельги, сын Сигмунда, Хельга Ярлова Дочь, двое их сыновей и еще шесть человек.

Вот Гейр и другие островитяне уехали с Островка, и Хёрд видел мало хорошего в том, что Гейр захотел уехать с Кьяртаном. Когда они обогнули мыс, Гейр увидел на берегу большую толпу. Тогда он понял, что они преданы. Он сказал:

– Что посеешь, то и пожнешь! Но часто это видно слишком поздно, а ведь Хёрд часто давал мне верные советы. Думаю, так оно было и на этот раз. Теперь же, скорее всего, приходит конец нашей дурной жизни, и хорошо, если бы Хёрду удалось спастись, потому что его смерть – бóльшая утрата, чем смерть всех нас.

Они были уже у самого берега. Тогда Гейр выскочил за борт и пустился вплавь к скале. Ормом звали норвежца, жившего у Индриди. Он был очень силен, стрелял, как никто другой, и был во всем искусен. Он пустил в Гейра дротик и попал ему между лопаток. Тут пришла Гейру смерть. Орма очень хвалили за это. Место, где тело прибило к берегу, называется теперь Гейровой Косой.

XXXVI

Хельга Ярлова Дочь стояла на берегу Островка и все это видела. Она позвала Хёрда, чтобы и он взглянул. У них не было согласия в том, что они видели. Она сказала, что случилась, верно, большая беда. Бонды очень хвалили Кьяртана и говорили, что эта поездка прибавит ему много славы, теперь же дело остается за малым. Кьяртан сказал, что теперь он завершит все тем, что поймает Хёрда, заманив его так же, как и других. Он взял шестивесельную лодку и поплыл к Островку. Хёрд спросил, где Гейр и почему он не приехал за ним. Кьяртан сказал, что его до приезда Хёрда задержали на берегу:

– Чтобы зараз помириться с вами со всеми.

Хёрд сказал:

– Большой кус хочешь ты отхватить, Кьяртан, всех нас, островитян, хочешь перевезти на материк. Бонды, наверное, хорошо заплатят тебе

за это. Только я не поеду. Я никогда не доверял тебе, и ты ведешь себя нечестно, или я ничего не понимаю в людях.

Кьяртан сказал:

– Не будешь же ты трусливее твоих людей, не посмеяв поехать на берег!

Тогда Хёрд, не снеся его подстрекательства, вскочил на ноги и сказал, что, покуда они имеют дело друг с другом, Кьяртану не придется упрекать его в недостатке мужества. Хёрд велел Хельге ехать с ним. Но она сказала, что не поедет, как не поедут и ее сыновья, и добавила, что теперь все выходит по поговорке: ничто не спасет обреченного. Хельга горько заплакала. Хёрд в большом гневе сел в лодку, и вот плывут они, покуда не приплывают туда, где плавало у скалы тело Гейра. Тогда Хёрд вскочил и сказал Кьяртану:

– Презреннейший из людей! Тебе недолго радоваться этому предательству.

Хёрд взмахнул мечом Соти и разрубил его вдоль туловища до самого пояса вместе с двойною кольчугой. В тот же миг лодка врезалась в берег, и всех их схватили, всех, кто был в лодке. Индриди первым схватил Хёрда и крепко-накрепко связал ему руки. Тогда Хёрд сказал:

– Крепко ты вяжешь, зятек!

Индриди отвечает:

– Ты научил меня этому, когда хотел сжечь меня в доме.

Иллуги сказал Индриди:

– Плохие зятья достались Хёрду, но он сам в этом виноват.

Индриди ответил:

– Он давно уже заслужил, чтобы мы перестали считаться с этим свойством.

Он протянул секиру и подал знак убить Хёрда, но никто не хотел этого делать. Тут Хёрд рванулся со всей силы и освободился. Он вырвал из рук у Индриди секиру и прорвался через тройное кольцо людей. Хельги, сын Сигмунда, тоже освободился и побежал за ним. Рэв вскочил на коня и пустился в погоню, но не мог настигнуть. Тут объяли Хёрда боевые оковы^[343], в первый раз он от них отбился, отбился и во второй. Объяли его боевые оковы в третий раз, и тогда бондам удалось настигнуть его и окружить его плотным кольцом. Но он, убив троих, снова прорвался через это кольцо. Он нес тогда Хельги у себя за спиной. Он побежал к горе. Они бросились за ним. Рэв был быстрее всех, потому что он скакал на коне, все же и он не посмел напасть на Хёрда. Тут боевые оковы снова одолели Хёрда, и настигла его вся толпа. Тогда он сбросил Хельги со спины. Он сказал:

– Здесь замешаны могучие чары. Но все же, покуда это в моих силах, по-вашему не бывать.

Он разрубил Хельги надвое и сказал, что теперь им не удастся убить побратима у него на глазах. Людям казалось, что Хельги уже и

раньше был неживой. Хёрд был так страшен в гневе, что никто не смел подойти к нему спереди. Торви сказал, что запястье Соти на руке у Хёрда достанется тому, кто осмелится сразить его. Тогда они окружили его. Тут пришел из Кружалки Торстейн Золотая Пуговица. Они рьяно набросились на Хёрда. Он убил еще шестерых. Тут его секира отлетела от рукоятки. И в этот миг Торстейн Золотая Пуговица ударил его своей длинной секирой по затылку, ибо никто из них не смел напасть на него спереди, хоть он и был безоружный. От этой раны Хёрд умер. Всего он убил тринадцать человек, вместе с теми четырьмя, которых он убил с лодки, когда его еще не схватили.

Все прославляли его отвагу, и друзья его, и враги, и считают, что не бывало в то время человека доблестней и умнее Хёрда, только не было ему удачи. В том же, что он участвовал в таких злодеяниях, во-первых, повинны его сотоварищи и, во-вторых, от судьбы не уйдешь.

XXXVII

Бонды хвалили Торстейна Золотая Пуговица за то, что он сделал, и отдали ему запястье Соти и говорили – пусть владеет им себе на радость. Но, узнав о словах Торбьёрг, он был сам не рад тому, что сделал. Едва ли не шестьдесят островитян было убито на Завтрачном Мысу, кроме названных братьев. Потом заговорили знатные бонды, что следует поехать за Хельгой и убить их с Хёрдом сыновей. Некоторые считали, что не стоит ехать на ночь глядя. Тогда они условились, что никто не смеет укрывать их или как-нибудь им помогать. Если же кто ослушается, все будут мстить ему. Таким суровым должно было быть наказание. Они решили отплыть утром, а на ночь остались на берегу.

XXXVIII

Хельга была на Островке, и ей стали ясны все козни и предательство бондов. Она обдумывает свое положение и принимает такое решение: бросается в воду и ночью пускается вплавь с Островка к Реке Синей Бороды, и с нею ее сын Бьёрн, четырех зим от роду. Потом она поплыла назад, навстречу своему сыну Гримкелю, восьми зим от роду, потому что он уже еле держался на воде. Она переплыла с ним на берег. Это место зовется теперь Хельгиным Проливом. Они поднялись ночью от Кружалки на гору и передохнули на перевале, который называется теперь Хельгин Перевал. Она несла Бьёрна за спиной, а Гримкель шел сам. Так они идут, пока не добираются до Двора Индриди. Тогда она садится у усадебной ограды и посылает Гримкеля сходить в дом, попросить у Торбьёрг убежища. Когда мальчик вошел, Торбьёрг сидела на своей скамье. Он попросил у нее убежища, а она

встала, взяла его за руку, вышла с ним и спросила, кто он. Он сказал правду. Она спросила, что случилось и где Хельга. Гримкель рассказал все, что знал, и отвел ее к Хельге. Торбьёрг не могла сказать ни слова, так близко она приняла это к сердцу. Она отвела Хельгу в амбар и заперла их.

В тот же вечер вернулся Индриди, и с ним было много людей. Торбьёрг ничем себя не выдала и подала гостям на стол еду. Но когда ей всё рассказали и про то, как Торстейн Золотая Пуговица убил Хёрда, напав на него сзади – а он стоял беззащитный, – Торбьёрг сказала вису:

Пал в жестоком сражении
Брат мой на поле брани,
Один одолев тринадцать
Врагов в непогоду Одина^[344],

Если бы злые заклятья
Силы ему не сломили,
Он устоял бы в сече,
Смерча мечей вершитель^[345].

Когда Индриди и Торбьёрг легли вечером в постель, Торбьёрг выхватила большой нож и пыталась зарезать Индриди, своего мужа, но он перехватил нож и при этом сильно поранил себе руку. Тогда он сказал:

– Большое зло случилось, Торбьёрг, но и ты замышляешь зло. Скажи же, что сделать, чтобы мы помирились.

– Только одно: принеси мне голову Торстейна Золотая Пуговица.

Индриди согласился. Наутро он вышел один из дому и поехал напрямик к Кружалке. Там он спешился и, спустившись Тропою Индриди к усадьбе, стал ждать, когда Торстейн пойдет по своему обыкновению к капищу. Торстейн прошел в капище, упал перед стоявшим там камнем, которому он поклонялся, и обратился к нему с молитвой. Индриди стоял снаружи. Он услышал, что из камня донеслись такие слова:

Сюда ты приходишь
В последний раз,
Смертным путем
По земле ступаешь.

Раньше, чем в небе
Солнце заблещет,
Индриди гнев
Тебя поразит.

Потом Торстейн вышел и направился домой. Индриди отчетливо его видел. Индриди крикнул ему, чтобы он не спешил так. Он выскочил

перед ним на дорогу и тотчас ударил его под горло мечом Соти, так что голова слетела с плеч. Он объявил о своем убийстве в Кружалке и сказал, что Торстейн уже давно был предателем. Он поехал домой и отдал Торбьёрг голову. Она сказала, что ей нет дела до головы, коль скоро она слетела с плеч.

– Теперь-то ты со мной помиришься, – сказал Индриди.

Она сказала, что еще нет, пока он не пообещает принять Хельгу с сыновьями, в случае если они вдруг пришли бы к ним, и помочь им во всем, в чем они могли бы нуждаться.

– Тогда, – говорит она, – я всегда буду любить тебя.

Индриди сказал, что они, наверное, бросились в море и утонули, раз их не нашли на Островке:

– И я готов дать тебе это обещание, ведь я знаю, что мне не придется его выполнять.

Тогда Торбьёрг пошла за Хельгой и привела ее с сыновьями. Индриди был не очень доволен, и он сказал:

– Слишком много я наобещал, но теперь остается держать слово.

Он честно выполнил все свои обещания. И никто не упрекнул его за это. Все находили, что Торбьёрг поступила очень благородно.

XXXIX

Жил человек по имени Торольв, по прозвищу Скворец, сноровистый и отнюдь не бедняк, беспечный и веселый, храбрый, неумный и напористый. Тою осенью он пришел на хутор Двор Индриди наниматься к хозяину. Торбьёрг посоветовала обязательно взять его. Так и сделали. Он некоторое время жил там, занимаясь всяким ремеслом. Хельга Ярлова Дочь шутила с ним, да и Торбьёрг тоже. Он воображал, что у него уже все слажено с Ярловой Дочерью, она и сама не очень его отвергала. Торольв провел лето у Рэва, и ему мало там понравилось. Он просит Торбьёрг разрешить ему остаться на зиму. Она отвечает:

– Я дам тебе и жилье, и запястье Соти, отдам и Хельгу Ярлову Дочь, и много всякого добра, если только ты убьешь Рэва в Кольчужной Долине.

Тот отвечает:

– Что ж, я не против. И я думаю, что в этом деле мне был бы совсем не лишним меч Соти. И не приходится опасаться, что я не постараюсь заработать такую плату.

Они договорились. Заполучить меч было нелегко, потому что Индриди, куда бы ни ходил, всюду брал его с собою.

Однажды Торбьёрг взяла меч Соти и надсекла здесь и там ножны, так что меч сам из них выскакивал. И когда Индриди собирался опоясаться мечом, он выпал. Тому показалось это странным, но

Торбьёрг сказала, что у этого меча такое свойство – падать, когда он знает, что затевается что-то важное. Он попросил ее починить ножны, и она обещала при случае сделать это.

Индриди нужно было ехать на запад, к Болотам, – мирить своих друзей. Он не стал брать с собой меча. Когда же он уехал, Торбьёрг отдала меч Соти Торольву и наказала разить им смело, если он хочет получить в жены Хельгу.

Торольв отправился к Рэву и приехал туда под вечер. Он спрятался в торфяном сарае и накидал на себя целую кучу торфа, так что торчал один нос. Рэв был очень настороже, он велел каждый вечер запереть на засовы все двери и дважды обходить с огнем все постройки, первый раз перед ужином, второй – перед тем как все ложились спать. Так было и на этот раз. Торольва все же не нашли. Торольв умел подражать голосу любого человека. Как только все улеглись, он встал, разбудил служанку Рэва и сказался пастухом. Он попросил ее сходить к Рэву, попросить для него обуви, потому что он, мол, должен идти спозаранку в горы. Она сказала, что нелегкая у него работа и он должен иметь всего не меньше, чем другие:

– И нет работника на усадьбе нужнее тебя.

Он сказал, что скоро он это еще покажет.

Рэв лежал в спальном нише, и он не любил, чтобы к нему ходили туда ночью. Все же она пошла и передала Рэву, что пастух просит дать ему обувь. Она сказала, что он не заслужил того, чтобы терпеть недостаток в обуви или в чем другом из того, что ему может понадобиться:

– Потому что он денно и ночью печется о твоей выгоде.

Рэв выбранил ее за то, что она ходит по ночам с такими просьбами:

– Но там в торфяном сарае лежит акулья кожа, пусть возьмет ее себе на башмаки.

Когда она ушла, Торольв всунул в дверь клинышек, и дверь не закрылась. Он стоял возле Рэва во все время их разговора, но не шелохнулся. Рэв заснул, а Торольв все не решался на него напасть. Торбьёрг Катла, мать Рэва, закричала:

– Проснись, сынок, враг стоит у твоей постели и хочет убить тебя!

Рэв хотел встать, и в тот же миг Торольв отрубил ему обе ноги, одну пониже икры, а другую по подъему. Затем Торольв выскочил из спальни пиши. Тут набросилась на него Торбьёрг Катла, и вцепилась в него, и подмяла его под себя, и перекусила ему глотку, так что он умер.

Рэв взял меч Соти, а запястье с руки Торольва исчезло, то запястье, что дали ему Торбьёрг и Хельга, а Хёрд отнял у Соти. Рэв поправился, но с той поры его всегда носили на стуле, потому что он не мог больше ходить. Но он долго еще жил после этого, поэтому его и стали звать Рэвом Старым, и его всегда считали за очень почтенного человека.

Немного спустя Индриди вернулся домой и узнал об этих событиях. Он догадался, что тут не обошлось без участия Торбьёрг. Но он не хотел лишиться меча. Тогда он поехал повидаться с Рэвом и попросил его отдать меч:

– Я ведь не замешан в этом заговоре.

Рэв отдает ему меч.

– Я не хочу ссориться с тобою, – говорит Рэв.

Индриди взял свой меч и поехал домой. Отсюда видно, что за человек был Индриди: даже такой вояка, как Рэв, и тот не осмелился отказать Индриди в мече, стоило ему попросить, хоть меч этот и нанес Рэву тяжкие увечья.

Немного погодя повстречались на Отроге Торгрима Мастерца и Торбьёрг Катла, мать Рэва, а потом их нашли там обоих мертвыми. Тела их были все разорваны на куски и изрезаны, с тех пор неладно на их могилах.

Люди догадываются, что, должно быть, Торгрима, мать Индриди, хотела заполучить запястье назад, для Индриди, а Катла сопротивлялась и не хотела его отдавать, так они и убили друг друга. Запястья с тех пор не нашли.

Несколько лет спустя к Широкому Заливу подошел корабль. На нем плыли Тинд, сын Халлькеля, и Торд, сын Кольгрима с Четырех Концов. Они поехали от корабля – Тинд к Халлькелеву Двору, а Торд – через Белую Реку и собирался ехать домой.

Узнав об этом, Хельга Ярлова Дочь заговорила с Гримкелем, своим сыном, что, мол, долго он не вспоминает о смерти отца. Она велела ему подстеречь Торда, сына Кольгрима:

– Ибо его отец был злейшим врагом Хёрда, твоего отца.

Гримкелю было тогда двенадцать зим.

– Хочу я, сын, – говорит она, – чтобы ты убил Торда, это будет славная месть.

С Гримкелем были двое. Они сошлись у Берегового Брода, к востоку от Белой Реки, неподалеку от торфяных куч. Через некоторое время и тех и других нашли мертвыми.

Скейвом звали человека, жившего на Луговине Белой Реки, он был человек неимущий. Некоторые думают, что не иначе как он убил раненых и взял те добрые сокровища, которые вез с собою Торд и о которых с тех пор не слышали. Скейв покинул Исландию, и больше не возвращался, и очень разбогател.

Индриди думал, что Хельге и Бьёрну, ее сыну, опасно оставаться в Исландии. Они отплыли с Песков в Норвегию и оттуда – в Гаутланд, где был еще жив Хроар. Он радостно встретил Хельгу, свою сестру, и счел, что потеря Хёрда – большое горе. Как рассказывают, Хельга больше не вышла замуж. Бьёрн же вырос, и возвратился в Исландию, и многих убил, мстя за своего отца. Он стал доблестным человеком.

В отмщение за Хёрда было убито двадцать четыре человека. Ни за кого из них не заплатили виры. Нескольких убили сыновья Хёрда, и родичи его, и зятя, а нескольких убил Хроар. Большинство было убито по наущению Торбьёрг, дочери Гримкеля. Она прослыла недюжинной женщиной.

Они жили с Индриди до старости на Дворе Индриди и слыли большими людьми, и многие ведут от них свой род.

Хёрду было тридцать девять зим, когда его убили, и большую часть времени он прожил в почете и уважении, кроме тех трех лет, когда он был вне закона. Священник Стюрмир Мудрый^[346] говорит, что, во-первых, он считает Хёрда самым выдающимся из объявленных вне закона по своему уму, боевому искусству и всем совершенствам и, во-вторых, потому, что его так высоко ставили в чужих странах и гаутландский ярл даже отдал за него свою дочь, в-третьих же, потому, что больше не бывало в Исландии человека, в отмщение за которого убили стольких людей, ни за кого не платя виры.

Здесь мы кончаем сагу об острожитянах.

Пряди об исландцах

Перевод и комментарии Е. А. Гуревич

Название «пряди» короткие рассказы об исландцах получили потому, что почти все они были вплетены в повествовательную ткань больших произведений – саг о норвежских королях. Сохранилось более полусотни таких коротких рассказов. При всем разнообразии их тем и сюжетов в «прядах» неизменно прославляются находчивость и храбрость исландцев, способных противостоять могущественным предводителям и государям и с честью выходить из любой исключительной или опасной ситуации.

Публикуемые в настоящем томе «пряди» в основном входят в два важнейших собрания королевских саг, обычно называемых по рукописям, в которых они сохранились, «Гнилая кожа» (Morkinskinna, последняя четверть XIII в.) и «Книга с Плоского Острова» (Flateyjarbók, конец XIV в.).

Переводы сделаны по изданиям: Íslendinga sögur, Íslendingasagnaútgáfan, V, VII, XII. Reykjavík, 1953; Íslenszk fornrit, V. Reykjavík, 1934; Íslendinga þættir. Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1935; Fornar smásögur úr Noregs konunga sögum, ed. E. Gardiner. Reykjavík, 1949; Íslendinga sögur og þættir, III (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987.

О пивном Капюшоне

Рассказ «О Пивном Капюшоне» (Ölkofra þáttur) принадлежит к группе прядей, действие которых происходит в Исландии. В отличие от большинства прядей, это – отдельное повествование, не входящее в состав какой-либо саги и не примыкающее непосредственно ни к одной из родовых саг. Отчасти поэтому в некоторых изданиях эта прядь именуется «Сагой о Пивном Капюшоне».

Прядь сохранилась в единственной рукописи, так называемой «Книге с Подмаренничной Пустоши» (Möðruvallabók, середина XIV в.), однако предполагается, что она была написана не позднее середины XIII в.

/

Жил человек по имени Торхалль. Он жил в Синих Лесах^[347] в Жилище Торхалля. Был он человек зажиточный и уже в летах, когда случилась эта сага. Торхалль был невелик ростом, безобразен и не особенно сноровист, однако искусен в работе по железу и дереву. Он жил тем, что варил пиво на тинге, и благодаря этому скоро стал известен всем знатым людям, потому что это они большей частью покупали у него пиво. Случилось же так, как нередко бывает, что и пиво, и те, кто им торговали, не всем приходились по вкусу. Торхалля нельзя было назвать расточительным, был он скорее скуп. Он плохо видел и у него вошло в привычку покрывать голову меховым капюшоном. Так он всегда и ходил на тинге, и оттого, что он не был именитым человеком, люди прозвали его Пивным Капюшоном. Это прозвище к нему и пристало.

Однажды осенью Пивной Капюшон как обычно отправился в свой лес нажечь угля. Лес тот находился за Скалой Храфна, к востоку от Длинного Склона. Там он провел несколько дней, добывая уголь. Как-то раз ночью сидел он над ямами, в которых горели стволы деревьев, и не спал. А когда ночь подошла к концу, он уснул. И вот огонь поднялся из ям и перекинулся на соседние ветки, и они тотчас же загорелись. Вскоре огонь перешел на лес, и он запылал. Тут подул сильный ветер. Пивной Капюшон проснулся и обрадовался своему спасению. Пламя

охватило лес. Сперва сгорел тот лес, которым владел Пивной Капюшон, но потом огонь перекинулся на другие леса, и они были выжжены дотла. Теперь это место зовется Выжженная Пустошь.

Сгорел там и лес, который назывался Лес Годи. Им владели сообща шесть годи^[348]. Один из них был Снорри Годи, другой Гудмунд, сын Эйольва, третий Скафти Законоговоритель^[349], четвертый Торкель, сын Гейтира, пятый Эйольв, сын Торда Крикуна, шестой Торкель Бахрома, сын Рыжего Бьёрна. Они купили этот лес, чтобы использовать его для своих нужд на тинге.

Потом Пивной Капюшон возвратился домой, а слух о пожаре разнесся по округе. Первым из тех, кто понес убытки, об этом прослышал Скафти. Осенью он послал весть на север в Островной Фьорд с людьми, которые ездили из одной местности в другую, и велел сказать Гудмунду о сожжении леса, а еще о том, что дело это прибыльное. Такое же известие он отправил на запад людям, которые владели лесом. За зиму весть облетела их всех, и было решено, что шестеро годи встретятся на тинге и будут действовать сообща, а Скафти тем временем возбудит дело, потому что он живет неподалеку.

Когда наступила весна и подошли дни вызова в суд^[350], Скафти поехал с большим отрядом и вчинил Пивному Капюшону иск о сожжении леса. Он потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона^[351]. Пивной Капюшон вспылал, стал хвастать и говорить, что у Скафти, верно, поубавится спеси, когда на тинг приедут его друзья. Скафти ничего на это не ответил и уехал.

Летом на тинг прибыли шестеро годи, владевшие лесом, и не откладывая держали совет. Они договорились начать тяжбу и вести ее так, чтобы получить как можно больше выгоды или добиться того, чтобы самим выносить решение по этому делу.

Пивной Капюшон приехал на тинг и привез пиво на продажу. Он встретился со своими друзьями и постоянными покупателями и попросил у них поддержки, предложив им купить пива, однако все они в один голос отвечали, что прежде уже заключали с ним сделки, но никакой выгоды от этого не имели, и еще говорили, что не хотят рисковать и ссориться из-за него с такими могущественными людьми. Никто не захотел ни поддержать его, ни торговать с ним. Решил он, что совсем плохо дело. Тогда он пошел по землянкам, но никакого ответа не получил, хотя и просил людей о поддержке. Пришел тут конец его заносчивости и дерзости.

Как-то раз Пивной Капюшон зашел в землянку Торстейна, сына Халля с Побережья^[352], и попросил у него помощи. Торстейн дал ему тот же ответ, что и другие.

Одного человека звали Бродди, сын Бьярни, он был шурином Торстейна и сидел рядом с ним. Бродди было тогда двадцать лет. Когда Пивной Капюшон вышел из землянки, после того как Торстейн отказал ему в помощи, Бродди сказал:

– Сдается мне, зять, что этот человек не заслуживает изгнания, и мало чести тем, кто так заносится, что вчинил ему иск. Я думаю, ты согласишься, что было бы благороднее оказать ему поддержку.

Торстейн отвечает:

– Помогай ему, коли тебе так хочется, а я тебя в этом поддержу, как и во всем другом.

Бродди поручил одному человеку привести Пивного Капюшона. Тот вышел и увидел его у стены землянки. Он стоял там и жалобно плакал. Человек пригласил Пивного Капюшона в землянку и приказал перестать плакать:

– И не вздумай хныкать, когда войдешь к Торстейну.

Пивной Капюшон заплакал от радости и поступил, как ему было велено.

Когда они предстали перед Торстейном, Бродди сказал:

– Торстейн, мне кажется, не прочь тебя поддержать, и он считает, что дело это вздорное. Не мог же ты спасти чужие леса, когда сжег свой.

Пивной Капюшон спросил:

– Кто этот видный человек, что сейчас говорит со мной?

– Зовут меня Бродди, – отвечает тот.

Тогда Пивной Капюшон сказал:

– Уж не Бродди ли ты, сын Бьярни?

– Так и есть, – говорит Бродди.

– Ты и выглядишь благороднее других, – сказал Пивной Капюшон, – и имеешь на то основания.

Тут он разговорился и совсем осмелел.

– Пора тебе, Бродди, помочь ему, раз ты так решил, – сказал Торстейн, – а то, что-то уж больно он тебя расхваливает.

Бродди поднялся, и с ним много людей, и вышел из землянки. Он отвел Пивного Капюшона в сторону и поговорил с ним с глазу на глаз. Затем они направились на поле тинга. Там собралось много народу, все они были на лёгретте^[353]. А когда люди разошлись, Гудмунд и Скафти остались сидеть и толковать о законе. Бродди и его спутники бродили по полю тинга, а Пивной Капюшон отправился на лёгретту. Он упал на землю, подполз к их ногам и сказал:

– Я счастлив, что повстречал вас, знатные люди и милостивые хёвдинги!^[354] Может быть, вы не откажете мне в помощи, добрые люди, хотя я и недостойн этого, потому что без вашей поддержки мне конец.

Долго пересказывать все, что говорил Пивной Капюшон, а держал он себя, как самый ничтожный человек. Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

– Жалок этот человек.

Скафти отвечает:

– Куда же подевалось твое высокомерие, Пивной Капюшон? Не думал ты весной, когда мы вчиняли иск, что тебе придется просить меня разрешить нашу тяжбу^[355]. Видно, мало тебе было проку от поддержки хёвдингов, которой ты мне тогда грозился.

Пивной Капюшон говорит:

– Был я тогда не в себе, и что всего хуже, не хотел, чтобы ты сам нас рассудил. А о хёвдингах и говорить нечего: стоит им только вас завидеть, как они все становятся малодушными. Счастлив буду я, если вы возьметесь разрешить мое дело. Могу ли я только на это надеяться? Ведь ты, Скафти, должно быть, так на меня разгневался, что теперь и не захочешь за это браться. До чего же я был глуп и неразумен, когда ответил отказом на твое предложение, а теперь я не осмеливаюсь показаться на глаза свирепым людям, которые наверняка убьют меня, если вы оба за меня не заступитесь.

Он все твердил одно и то же и говорил, что почтет за счастье, если они сами возьмутся рассудить их тяжбу:

– Сдается мне, что сохраннее всего моим деньгам будет у вас.

Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

– Не думаю, что он заслуживает изгнания. Не пойти ли нам ему навстречу, позволив самому выбрать людей для ведения тяжбы? Не знаю только, как на это посмотрят другие истцы.

– В таком случае, добрые люди, – говорит Пивной Капюшон, – вы не откажете мне потом в своей защите.

Скафти сказал:

– В моей власти покончить с этим делом, ибо я его возбудил. Так и поступим, Пивной Капюшон: мы с Гудмундом возьмем все на себя и сами вынесем решение, и тем прекратим тяжбу. Думаю, это пойдет тебе на пользу.

Пивной Капюшон поднялся, и они подали друг другу руки. После этого Пивной Капюшон назвал одного за другим свидетелей, и те подошли. Первыми Пивной Капюшон назвал Бродди и его спутников.

Скафти сказал:

– Ответчик пригласил нас с Гудмундом рассудить это дело, и хотя все мы, потерпевшие ущерб, договорились, что сами сообща вынесем по нему решение, мы с Гудмундом охотнее других готовы взять это на себя, если только Торхалль согласится. Вы – свидетели, что дело это требует уплаты штрафа, а не изгнания. Ударим по рукам, и я объявляю об окончании тяжбы, которую я начал весной.

После этого они ударили по рукам.

Тогда Скафти сказал Гудмунду:

– Не покончить ли нам на месте с этим делом?

– Твоя правда, – ответил Гудмунд. Пивной Капюшон сказал:

– Не стоит так спешить, ведь я еще не решил, кого мне выбрать – вас или других.

Гудмунд сказал:

– По нашему соглашению выносить решение должны мы, если только ты не выберешь для этого кого-нибудь другого из числа тех, кто вместе с нами вчинил тебе иск.

Пивной Капюшон отвечает:

– Не о том ли я хлопотал все это время, чтобы судили не они? Однако, когда мы ударили по рукам, было решено, что те двое, кого я назову, будут выбраны по моему усмотрению.

Спросили у свидетелей. Люди Гудмунда и Скафти стали спорить, что был такой уговор, но Бродди и его спутники подтвердили, что так и было условлено и что Пивной Капюшон сам должен назначить людей, чтобы те вынесли решение.

Тогда Скафти сказал:

– Что за этим кроется Пивной Капюшон? Я вижу ты уже не поджимаешь хвост, как прежде. Кому же ты намерен поручить рассудить нас?

Пивной Капюшон сказал:

– Недолго стану я раздумывать. Я выбираю Торстейна, сына Халля, и Бродди, сына Бьярни, его шурина, и думаю, что это больше пойдет на пользу делу, чем ваше вмешательство.

Скафти сказал, что, по его мнению, дело и так обстоит неплохо, кто бы его ни решал:

– Потому что дело наше ясное и правое, а у них достанет ума понять, что с тобой нужно поступить по всей строгости закона.

Пивной Капюшон присоединился к спутникам Бродди, и люди разошлись по землянкам.

///

На следующий день должно было быть вынесено решение. Торстейн и Бродди держали совет. Торстейн хотел присудить к уплате большего штрафа, но Бродди сказал, что поступить надо так, как считает он, и что он сам вынесет решение. Бродди предложил Торстейну на выбор – либо обнародовать решение, либо держать ответ, если кто-нибудь станет возражать. Торстейн предпочел объявить приговор, чем препираться с годи. Затем Торстейн сказал, что Пивному Капюшону недолго осталось ждать решения своей участи и что он должен будет уплатить всю сумму сполна у Скалы Закона. После этого они отправились к Скале Закона, и когда было произнесено все, что следует согласно судебному обычаю, Торстейн, сын Халля, спросил, здесь ли годи, вчинившие иск Пивному Капюшону:

– Мне было сказано, что мы с Бродди должны рассудить это дело. Сейчас мы объявим решение, если вы готовы его выслушать.

Те сказали в ответ, что надеются услышать справедливый приговор. Тогда Торстейн сказал:

– Сдается нам, что невелика была цена вашему лесу. Стоил он немного, да и проку вам от него было не больше – слишком уж далеко он находился. Каково же должно быть своекорыстие людей, владеющих многим, чтобы и на этом захотеть нажиться. Пивной Капюшон не должен держать ответ за ваш лес, когда он сжег свой, и произошло это по чистой случайности. Но раз этому делу был дан ход, должно быть назначено возмещение. Вы вшестером владели этим лесом. Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домотканого сукна^[356] каждый и чтобы уплачено вам было здесь, на месте.

Бродди уже отмерил и разрезал домотканую материю и тут принялся кидать ее им, каждому по куску, приговаривая:

– Возмещение, достойное труса.

Скафти сказал:

– Нетрудно заметить, Бродди, что тебе не терпится с нами поссориться. Ты неплохо постарался в этом деле, а теперь не прочь вступить с нами в открытую вражду. Я думаю, в другой тяжбе нам повезет больше.

Бродди ответил:

– Немало тяжб придется тебе выиграть, Скафти, прежде чем ты возместишь ущерб, который тебе нанес Орм, твой родич, за то, что ты сложил его жене любовную драпу^[357]. Скверное это было дело, и заплатить за него пришлось сполна.

Тут Торкель Бахрома сказал:

– Куда как недальновидно поступают такие люди, как Бродди. Ради дружбы с Пивным Капюшоном или его подарков он готов превратить своих противников в заклятых врагов.

Бродди говорит:

– Что ж недальновидного в том, чтобы держать свое слово, хотя бы и была разница между вами и Пивным Капюшоном? А вот ты-то точно недоглядел, когда отправился на весенний тинг и не уступил дорогу Стейнгриму. У него-то жеребец был хорошо откормлен, вот он и наехал на тебя сзади, а кобыла твоя возьми да упади под тобой, уж больно была она тощая. Не знаю наверняка, что там между вами произошло, но люди видели, как ты лежал без движения, оттого что лошадь зажала копытами твой плащ.

Эйольв, сын Торда, сказал:

– Мало того, что этот человек обвел нас вокруг пальца, он еще и позорит нас перед всеми.

Бродди говорит:

– Вовсе я вас не обманывал. А вот тебя-то и вправду провели, когда ты ехал на север в Полуостровной Фьорд и украл быков у Торкеля, сына

Эйрика. Старри из Гуддаля бросился тебя преследовать, но ты заметил погоню, только когда добрался до Озерной Долины. Был ты тогда так напуган, что обернулся кобылой – неслыханное дело! – а Старри и его люди пригнали быков назад. Что не говори, а уж он-то тебя, точно, обвел вокруг пальца.

Тогда Снорри Годи сказал:

– Не пристало нам браниться здесь с Бродди, однако при случае мы припомним ему, с какой враждебностью он с нами обошелся.

Бродди говорит:

– Не много будет тебе чести, Снорри, коли ты станешь ломать голову над тем, как мне отомстить, когда ты и за отца-то своего не отомстил^[358].

Торкель, сын Гейтира, сказал:

– Похоже, что не зря ты носишь свое имя^[359]: всем ты пытаешься досадить, но не все это стерпят. Придет время и тебе быть убитым.

Бродди сказал:

– Негоже нам, родич, поминать перед всеми несчастья наших близких. Однако, что толку скрывать то, что известно многим: Бродд-Хельги был убит. Слыхал я также, что отец твой в конце концов получил за это по заслугам^[360]. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отмстил тебя мой отец в Долине Битвы.

На этом они расстались и разошлись по землянкам. Здесь Пивной Капюшон выходит из саги.

IV

На следующий день Бродди отправился в землянку Торкеля, сына Гейтира, вошел и заговорил с ним. Торкель отвечал неохотно и был сильно разгневан. Бродди сказал:

– Я потому пришел к тебе, родич, что был не прав. Наговорил я тебе все это по молодости лет да по глупости, не допустим же, чтобы из-за этого испортились наши родственные отношения. Прими от меня в дар этот меч с резной рукоятью. Хочу я еще, чтобы ты погостил у меня летом, тогда увидишь ты, что нет у меня лучших сокровищ, чем те, какими я тебя наделю.

Торкель с благодарностью принял подарок и приглашение и сказал, что он всегда хотел, чтобы их отношения были хорошими. После этого Бродди вернулся к себе.

Вечером, накануне окончания тинга, Бродди шел на запад через реку. Он уже сходил с моста и тут повстречал Гудмунда. Они не сказали друг другу ни слова и разошлись. Тогда Гудмунд обернулся и спросил:

– Какой дорогой поедешь ты с тинга, Бродди?

Тот обернулся и ответил:

– Если тебе так не терпится это узнать, я поеду через Киль в Полуостровной Фьорд, а оттуда в Островной Фьорд, и дальше через Ущелье Светлого Озера к Комариному Озеру, а там через Подмаренничную Пустошь.

Гудмунд сказал:

– Я надеюсь, ты сдержишь свое слово и поедешь через Ущелье Светлого Озера.

Бродди говорит:

– Сдержу, будь уверен. А ты что ж, Гудмунд, думаешь преградить мне путь? Здорово же у тебя чешутся руки, если ты загораживаешь мне этот горный проход, так что мне и не проехать там с моими спутниками. Не закрываешь же ты тот проход, что у тебя в заду, чтобы быть без изъяна!

Они разошлись, а слова эти облетели весь тинг. Когда об этом узнал Торкель, сын Гейтира, он пошел к Бродди и попросил его, чтобы тот ехал через Пески или по восточной дороге.

Бродди говорит:

– Я поеду той дорогой, какой обещал Гудмунду, иначе он может счесть меня малодушным.

Торкель сказал:

– Поедем тогда вместе, родич, и возьмем с собой наших людей.

Бродди охотно согласился, сказав, что почтет за честь иметь его своим спутником. Затем Торкель и Бродди отправились со своими людьми на север через Бычью Пустошь. Был с ними и Эйнар, сын Эйольва, тесть Торкеля. Они подъехали к Поперечной Реке и там заночевали. Эйнар и дальше сопровождал их с большим отрядом, и они не расставались до самой Дрожащей Реки. Потом Эйнар поехал домой, а Торкель и Бродди не останавливались, пока не приехали к себе на восток в Оружейный Фьорд.

В то лето Торкель поехал погостить к Бродди, своему родичу, и получил богатые подарки. До конца своей жизни оставались они добрыми друзьями и сородичами.

Здесь кончается сага о Пивном Капюшоне.

О Торлейве Ярловом Скальде

Перевод Е. А. Гуревич

Рассказ «О Торлейве Ярловом Скальде» (Þorleifs þáttur jarlsskálds) знаменит прежде всего тем, что в нем единственный раз в древнеисландской литературе описывается магическое действие скальдических хулительных песен (нида).

Прядь сохранилась в «Книге с Плоского Острова», где она является частью «Большой саги об Олаве, сыне Трюггви», а также в нескольких поздних бумажных списках. Поскольку цитируемый в пряди отрывок из нида известен и из других, в том числе более ранних источников, принято считать, что рассказ о Торлейве сложился в XII или в начале XIII в. При этом не исключено, что дошедшая до нас версия пряди – результат позднейшей переработки рассказа, на что могут указывать присутствующие в нем сказочные мотивы.

I

Теперь нужно рассказать о том, что произошло на склоне дней ярла Хакона из Хладира^[361], который заслужил немало презрения колдовством своим и ворожбою, и поделом, потому что злодеяния его и богохульство нанесли многим людям тяжкий и непоправимый ущерб, и душе их, и телу. Случилось же с ним так, как часто бывает: когда наступило время расплаты, нелегко оказалось ее избежать, ибо такова природа врага рода человеческого, что, как увидит он, что человек полностью находится в его власти и не возлагает никакой надежды на Бога, то он сперва соблазнит его и склонит вероломными хитростями проклятого своего коварства к нечестивой жизни, а потом, когда дни того уже сочтены, ввергнет в мрачную темницу неизбывных мучений, где ждут его скорби и страдания без конца.

II

Жил тогда на Склоне в Сварвадардале^[362] человек по имени Асгейр Рыжая Шкура. Он был человеком зажиточным и родовитым. Жену его звали Торхильд; это была женщина недюжинная, умная и всеми уважаемая. У них было три сына, и все они подавали большие надежды. Старшего из них звали Олав Дробитель Ведьминых Жезлов, другого – Хельги Храбрый. О них обоих больше рассказывается в других сагах, чем в этой. Их младшего сына звали Торлейв; он рано возмужал и был человеком опытным и весьма сведущим во многих искусствах. Он был хороший скальд. Он воспитывался на хуторе Дымы в Среднем Фьорде у брата своей матери, Скегги из Среднего Фьорда, пока ему не минуло восемнадцать лет. Скегги очень любил Торлейва и немало пекся о нем. Поговаривали, что Скегги, верно, больше передал Торлейву древней мудрости, чем могли знать другие люди. Потом Торлейв уехал домой к своему отцу. С помощью Олава, своего брата, он убил человека по имени Клаув Мешок, а после убийства Клаува тяжбу вел Карл Рыжий, да так ловко обернул дело, что Торлейв был объявлен вне закона, и ему пришлось уехать из Сварвадардала.

Льотольв годи увез сестру Торлейва, которую звали Ингхильд Красивая Щека. Он доставил Торлейва на корабль у Гусиного Берега. Торлейва прибило назад непогодой; зимой он скрывался то у Льотольва годи, то у Асгейра, своего отца. В то время он немало научился у своего отца из древней мудрости, потому что тот считался человеком многознающим. Торлейву было тогда девятнадцать лет. Карл все это время старался разузнать, где скрывается Торлейв, и за эту зиму произошло много достойных упоминания событий, о чем рассказывается в саге о людях из Сварвардаля^[363].

Весной Торлейв отправляется на запад к Скегги, своему воспитателю и родичу, и просит у него поддержки и совета в этом деле. И вот с помощью Скегги из Среднего Фьорда и Льотольва годи Торлейв едет и покупает у торговых людей корабль, что стоял в устье реки Бланды, и нанимает гребцов. Потом он поехал домой на Склон и встретился со своими отцом и матерью. Он попросил снабдить его товарами и получил добра, сколько захотел. Весной он велел привязать товары к кораблю и уехал со Склона, попрощавшись с отцом своим и матерью и со Скегги из Среднего Фьорда, своим воспитателем.

///

Вот Торлейв выходит в море при попутном ветре и приплывает на восток в Вик. Тогда в Вике находился ярл Хакон из Хладира. Торлейв сошел на берег и велел разгрузить корабль. Он встретился с ярлом и приветствовал его. Ярл принял его хорошо и спросил, как его зовут и какого он рода. Торлейв ему отвечал. Ярл стал расспрашивать его, что нового в Исландии, и Торлейв охотно ему обо всем рассказал.

Тогда ярл сказал:

– Вот что, Торлейв, мы хотим купить товары у тебя и у твоих гребцов.

Торлейв отвечает:

– У нас немного товаров, государь, но есть более подходящие покупатели, и позвольте нам самим решать, с кем торговать.

Ярл счел такой ответ дерзким, и ему сильно не понравились его слова. На этом они расстались. Торлейв пошел к своим людям и провел там всю ночь. А наутро он встает и отправляется в торговое место. Он находит хороших покупателей и весь день заключает с ними сделки. Когда ярл прослышал об этом, он поехал с большой свитой к кораблю Торлейва и велел схватить и связать его людей; он забрал себе все добро, а корабль велел сжечь дотла. Потом он приказал перебросить между палатками перекладины и повесить на них всех спутников Торлейва. После этого ярл уехал со своей дружиной, прихватив с собой товары, принадлежавшие Торлейву, и разделил их между своими людьми. Вечером Торлейв возвратился и пошел, как обычно, провести

своих людей. Тут увидел он, что с ними случилось, и решил, что злодейство это не иначе как дело рук Хакона-ярла. Он принялся расспрашивать о случившемся, а когда удостоверился в том, что так оно и есть, сказал вису:

Дух мой, дева, смутен,
Слышишь! Муж лишился —
Не меж волн! – на склоне
Скакуна лагуны^[364].

Как знать, – больно прыток
В пламени до пепла
Палить – не отплатил бы
Скальд сполна злодею.

IV

Рассказывают, что после этого случая Торлейв взошел на корабль и поплыл с торговыми людьми на юг в Данию. Он явился к конунгу Свейну^[365] и пробыл у него до весны. Однажды, вскоре после своего приезда, Торлейв пришел к конунгу и попросил его выслушать хвалебную песнь, которую он сочинил о нем. Конунг спросил, уж не скальд ли он. Торлейв сказал в ответ:

– Об этом вы сами сможете судить, государь, когда выслушаете меня.

Конунг просил его произнести песнь. Торлейв сказал тогда драпу^[366] из сорока вис, в ней был такой стев:

Не раз клинок красил
Кровью англов конунг —
Славно князь зеницы
Неба^[367] слал победу.

Конунг очень хвалил песнь, а с ним и те, кто ее слышал, и все говорили, что она и сложена хорошо, и достойно исполнена. Конунг дал Торлейву в награду за песнь кольцо весом в одну марку и меч стоимостью в полмарки золотом и предложил ему погостить у него подольше. Торлейв подошел к престолу и поблагодарил конунга.

Прошло немного времени, и вот Торлейв сделался мрачен, да так, что почти перестал появляться на пирах или сидеть и беседовать в палате со своими товарищами. Конунг сразу же замечает это и призывает к себе Торлейва. Он сказал:

– Что за печаль у тебя, Торлейв, что ты насилу можешь вести себя с нами как подобает?

Торлейв отвечает:

– Вы, верно, слышали, государь, что тому и помогать чужой беде, кто о ней спрашивает.

– Скажи прежде, в чем дело, – говорит конунг.

Торлейв отвечает:

– Я сочинил этой зимой несколько вис о Хаконе-ярле, и назвал их Висы о Женщине, потому что в поэзии ярла именуют женщиной^[368]. Печалит же меня то, государь, что я не получу от вас разрешения поехать в Норвегию и поднести ярлу эту песнь.

– Разрешение ты, конечно, получишь, – говорит конунг, – но прежде ты должен обещать нам возвратиться как можно скорее, потому что мы не хотели бы потерять такого искусного человека, как ты.

Торлейв пообещал так и сделать, получил разрешение и отправился на север в Норвегию. Он нигде не останавливается, пока не приезжает в Трандхейм. Хакон-ярл сидел тогда в Хладире. Торлейв одевается нищим и подвязывает себе козлиную бороду. Он взял большой мешок и спрятал его под одеждой и сделал так, чтобы другим казалось, будто он ест, а сам бросал все в мешок, отверстие которого находилось у его рта, под козлиной бородой. Еще он берет костыли, и оба они заострены снизу. После этого он отправляется в путь и приходит в Хладир.

Был вечер накануне праздника середины зимы, и ярл сидел на престоле, а рядом с ним множество знатных мужей, которых он созвал на праздничный пир. Тут входит прямо в палату старик, – а идет он сильно ковыляя и опираясь на костыли, – поворачивает туда, где были другие нищие, и садится с краю у двери. С остальными нищими держал он себя заносчиво и грубо, но всего больше натерпелись они от него, когда он набросился на них с побоями. Они разбежались, и поднялся такой шум и суматоха, что было слышно по всей палате. Ярл замечает это и спрашивает, отчего такой шум. Ему отвечают, что пришел какой-то нищий, да такой своенравный и сварливый, что никак его не унять. Ярл велит позвать его к себе, и это было исполнено.

Когда старик предстал перед ярлом, он был не слишком щедр на приветствия. Ярл спросил, как его зовут, кто его предки и откуда он родом.

– Незначительный я человек, государь. Имя мое Хулитель, сын Крикуна, а родом я из Скорбных Долин в Холодной Свитьод^[369]. Еще называют меня Хулитель Приживал. Я побывал во многих местах и посетил немало знатных хёвдингов, а теперь вот одряхлел, да так, что не скажу и сколько мне лет-то от роду, а все от старости да по забывчивости. Наслышан я о могуществе вашем и мудрости, доблести и достоинствах, славе и снисходительности, справедливости и щедрости.

– Что это ты так несдержан и груб в обращении, не в пример другим нищим?

Он отвечает:

– Что ж неожиданного, если тот, у кого ни в чем нет недостатка, кроме невзгод и несчастий, кто терпит нужду и нередко ночует то в

лесу, то в поле под открытым небом, озлобится в конце концов на старости лет? Ведь прежде привык он жить в почете и довольстве у знатнейших хёвдингов, а теперь и последний бедняк гонит его.

Ярл сказал:

– Ты, должно быть, искусный человек, старик, коли тебе, как ты говоришь, случалось бывать у знатных людей.

Старик отвечает, что, возможно, так оно и было, – «когда я был молод, но недаром говорится: старость – не радость. А еще говорят: голодному не до болтовни. И я не смогу больше разговаривать с вами, государь, если вы не прикажете накормить меня, потому что я так истощен старостью, голодом и жаждой, что не в силах больше держаться на ногах. И вовсе это недостойно знатного хёвдинга – расспрашивать незнакомых людей о том о сем и не позаботиться об их нуждах. Ибо так уж все люди устроены, что хочется им и есть, и пить».

Ярл распорядился, чтобы ему принесли вдоволь еды, и это было исполнено. Не успел старик сесть за стол, как он сразу же принимается за еду и опустошает все блюда, что стояли рядом с ним и до которых он мог дотянуться, так что слугам пришлось во второй раз принести ему поесть. Старик опять с неменьшей жадностью, чем прежде, набросился на еду. Всем казалось, что он ест, а на самом деле, как уже говорилось, он все бросал в мешок. Люди вовсю потешались над стариком, слуги же говорили, что он и ростом высок, и в поясе широк, да и в еде толк знает. Старик не обращал на это внимания и продолжал заниматься своим делом.

V

Когда столы были убраны, старик предстал перед ярлом и сказал:

– Примите мою благодарность, государь, хотя у вас и плохие слуги, и делают они все хуже, чем вы им приказывали. А теперь хотелось бы мне, чтобы вы оказали мне милость, государь, и выслушали хвалебную песнь, которую я о вас сочинил.

Ярл сказал:

– Не случалось ли тебе и прежде сочинять хвалебные песни хёвдингам?

– Так оно и было, государь, – сказал тот. Ярл сказал:

– Вот и выходит, как в старой поговорке: часто то хорошо, что старики говорят. Исполняй свою песнь, старик, а мы послушаем.

Тут старик начинает свою песнь и рассказывает ее до середины, и ярлу кажется, что его восхваляют в каждой висе, а еще замечает он, что там упоминаются также подвиги Эйрика, его сына. Но по мере того, как рассказывается песнь, с ярлом начинает твориться неладное: во всем теле у него, а более всего в задку возникает такая сильная чесотка и зуд, что мочи нет терпеть. Зуд этот был так силен, что ярл велел

расчесывать себя гребнями, где можно, а чтобы чесать там, где так было не достать, приказал взять мешковину, завязать на ней три узла и чтобы два человека протаскивали ее у него между ног.

Тогда ярл сделался весьма недоволен хвалебной песнью и сказал:

- Ты что же это, проклятый старик, не можешь лучше рассказывать?! Сдается мне, что стихи эти скорее можно назвать хулительными, чем хвалебными. Или исправляй их, или получай за них по заслугам!

Старик обещал исправиться и тут начал говорить висы, которые называются Туманные Висы и стоят в середине Ярлова Нида. Вот их начало:

Стала мгла к востоку.

Снег и град к закату.

От добра разграблена

Реет дым на бреги^[370].

Как только старик произнес Туманные Висы, в палате стало темно. А когда сделалось совсем темно, он опять принялся за Ярлов Нид, и когда он сказал последнюю треть песни, все оружие, какое только было в палате, пришло вдруг в движение без чьей-либо помощи, и оттого было там перебито множество народу. Тут ярл упал без чувств, а старик исчез: двери были закрыты, да засовы не задвинуты. Когда песнь кончилась, мгла рассеялась, и в палате стало светло. Ярл пришел в себя и увидел, что не прошел для него нид бесследно – выпала у него вся борода, а еще волосы по одну сторону пробора и так никогда больше не отросли. По приказанию ярла палату очистили и вынесли мертвых. Догадывается он теперь, что старик этот, верно, был Торлейв и никто другой, и что так решил он с ним расквитаться за потерю людей своих и добра. Ярл лежит после этого больной всю зиму и большую часть лета.

VI

Теперь надо рассказать о том, что Торлейв отправился в обратный путь на юг, в Данию, и припасами ему в дороге на протяжении всего путешествия служило то, что он добыл, одурачив людей ярла. Он нигде не останавливался, пока не прибыл к конунгу Свейну. Тот принял его с распростертыми объятьями и спросил о поездке. Тогда Торлейв рассказал обо всем, что произошло. Конунг на это отвечает:

- Хочу я продолжить твое имя, чтобы отныне тебя называли Торлейвом Ярловым Скальдом. – Тут конунг сказал вису:

С князя трендов^[371] Торлейв

Славы снял немало,

Весть о виде веском

Ославит на весь свет.

За льва бури^[372] брани
Ньёрд^[373] воздал сторицей —
Страж земли^[374] ту милость
Мужа помнить будет.

Торлейв сказал конунгу, что он хотел бы вернуться в Исландию, и просил его разрешения уехать туда весной, и конунг сказал, что пусть так и будет – «и хочу я в честь наречения имени дать тебе в дар корабль с гребцами и оснасткой и столько товаров, сколько тебе может пригодиться».

Торлейв проводит там зиму в большом почете, а в первые дни весны снаряжает свой корабль. Он вышел в море при попутном ветре, приплыл на своем корабле в Исландию и вошел в устье той реки, что зовется Бычья.

Рассказывают, что осенью Торлейв женился и в жены взял Ауд, дочь Торда, который жил в Лесах под Островными Горами. Торд был уважаемым и очень богатым бондом, он происходил из рода Траси Старого. Ауд была женщина весьма достойная. Эту зиму Торлейв провел в Лесах, а следующей весной он купил землю на Склоне Мыса в Комариной Долине и стал там жить.

VII

А теперь надо рассказать о том, что Хакон-ярл оправился от своей самой тяжелой болезни. Поговаривают, правда, что таким, как прежде, он никогда уже не был. Не терпится теперь ярлу отомстить Торлейву за бесчестье, которое тот ему нанес. И вот призывает он Торгерд Невесту Храма и сестру ее, Ирпу^[375], на которых он более всего полагался, наслать на Исландию такое колдовство, что Торлейву пришел бы конец. Он совершает богатые жертвоприношения и просит совета в этом деле, и когда он получил предсказание, которое его обрадовало, он велит взять выброшенное прибоем бревно и сделать из него деревянного человека, а потом с помощью ворожбы своей и заклинаний, а также волшбы и колдовства сестер этих велит он убить некоего мужа, вынуть у него сердце и вложить в деревянного человека. Затем они дали ему одежду и имя и нарекли Торгардом, и наделили его такой огромной сатанинской силой, что он мог и ходить, и разговаривать с людьми. Тогда они посадили его на корабль и послали в Исландию с поручением убить Торлейва Ярлова Скальда. Хакон дал ему с собой секиру, которую он взял у сестер из капища. Торгард прибыл в Исландию в то время, когда люди были на альтинге.

Торлейв Ярлов Скальд был тогда на тинге. Однажды, когда Торлейв шел от своей землянки, он увидел, что какой-то человек перешел с запада Секирную Реку. Был он велик ростом и свиреп с виду. Торлейв спросил этого человека, как его зовут. Тот назвался Торгардом и тотчас же принялся поносить Торлейва, а Торлейв, как услышал это, потянулся за мечом, подарком конунга, что висел у него на поясе, но в этот самый момент Торгард нанес ему удар секирой и проткнул его насквозь. Как только Торлейв получил удар, он бросился на Торгарда, но тот ушел в землю, так что одни подошвы остались на виду. Тогда Торлейв обернул вокруг себя плащ и сказал вису:

Канул в камень Торгард —
Что с тем турсом^[376] случилось? —
Стойкий в поле тополь
Драки^[377] с троп дремучих;

Ворожить горазд был
Гаут грома сечи^[378],
Нынче в Хель^[379] помчался
Почивать навечно.

Потом Торлейв пошел домой к своей землянке и рассказал людям о том, что произошло, и те были сильно потрясены этим известием. Затем Торлейв сбросил с себя плащ, и тогда у него выпали внутренности и он мужественно принял смерть, и все сочли его гибель величайшим несчастьем. Догадались они теперь, что Торгард этот был не чем иным, как колдовством и ворожбой Хакона-ярла. Потом Торлейв был похоронен в кургане. Его курган стоит к северу от лёгретты^[380], и он еще виден. Братья Торлейва были на тинге, когда произошли эти события, и они снарядили его в последний путь, как то ему приличествовало, и устроили по старинному обычаю погребальный пир; отец же их, Асгейр, незадолго до того умер. После этого люди разъехались с тинга по домам, и известие это облетело всю Исландию и казалось всем весьма удивительным.

VIII

В то время жил на Полях Тинга человек по имени Торкель. У него было много скота, и был он мужем зажиточным, но не знатным. Пастуха его звали Халльбьёрн по прозвищу Хвост. Вошло у него в привычку приходить к кургану Торлейва и ночевать там, а стадо держать неподалеку. И вот подумывает он о том, что неплохо было бы сочинить хвалебную песнь о жителе кургана, и он нередко говорит об этом, когда лежит на кургане. Но оттого, что скальдом он не был, да и в искусстве этом ничего не смыслил, песнь у него все не выходила, и

никак он не мог продвинуться дальше начала, и кроме слов «Здесь лежит скальд», так ничего и не сочинил.

Как-то раз ночью лежит он на кургане, как обычно, а занят он был все тем же делом; старался прибавить к тому, что уже сочинил, какие-нибудь восхваления жителя кургана. Затем он засыпает и после этого видит, что курган открывается и оттуда выходит человек большого роста и в богатой одежде. Он взошел на курган к Халльбьёрну и сказал:

– Вот лежишь ты тут, Халльбьёрн, и очень тебе хочется совершить то, что тебе не дано, – сложить обо мне хвалебную песнь. И теперь либо ты овладеешь скальдическим искусством, – а у меня ты сможешь научиться большему, чем у любого другого, – и сдается мне, так оно и будет, либо нечего тебе больше над этим биться. Сейчас я скажу тебе вису, и если тебе удастся запомнить ее и повторить, когда ты проснешься, ты сделаешься великим скальдом и сочинишь хвалебные песни многим хёвдингам, и немало преуспеешь в этом искусстве.

Потом он потянул его за язык и сказал такую вису:

Здесь лежит из скальдов
Скальд в уменьи первый;
Нид сковал даритель
Древка^[381] ярый ярлу.

Не слыхал, чтоб прежде
За разбой воздал бы —
Люд о том толкует —
Кто монетой этой.

– Теперь ты станешь настолько сведущим в искусстве поэзии, что сможешь сочинить обо мне хвалебную песнь, когда проснешься. Смотри же, старайся соблюдать размер и будь красноречив, а более всего заботься о кеннингах^[382].

После этого он возвращается назад в курган, и курган закрывается, а Халльбьёрн просыпается, и кажется ему, что он видел его спину. Тогда он вспомнил вису и спустя некоторое время пошел со своим стадом домой и рассказал о том, что произошло. Потом Халльбьёрн сочинил хвалебную песнь о жителе кургана и сделался великим скальдом. В скором времени он уехал из страны и сочинял хвалебные песни многим хёвдингам, а те принимали его с почетом и щедро одаривали, так что он стал очень богатым человеком. О нем ходит большая сага и здесь в стране, и за ее пределами, однако здесь она не записана.

А про братьев Торлейва надо рассказать то, что на следующее лето после его смерти они уехали из страны – Олав Дробитель Ведьминых Жезлов и Хельги Храбрый, – с тем, чтобы отомстить за своего брата. Но не суждено им было учинить расправу над Хаконом-ярлом, ибо не успел он еще тогда совершить всех злодеяний, которые предназначено ему

было совершить себе же на позор и на погибель. Однако они пожгли у ярла немало капищ и нанесли большой ущерб его имуществу своими грабежами и набегами и многими другими делами.

И здесь кончается рассказ о Торлейве.

О Торстейне Морозе

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Рассказ «О Торстейне Морозе» (Þorsteins þáttur skelks) – это легенда о чудотворной силе норвежского короля Олава, сына Трюгви (995–1000 гг.), введившего христианство в Норвегии. Во время правления Олава произошла (в 1000 г.) христианизация Исландии, где он поэтому прославился как патрон церкви и чудотворец.

Прядь сохранилась в единственном списке в «Книге с Плоского Острова» в составе «Большой саги об Олаве, сыне Трюгви».

Рассказывают, что Олав-конунг ездил по пирам на востоке в Вике и других краях. Однажды он пировал на хуторе, что зовется У Межи. С ним было очень много народу. Был с ним человек по имени Торстейн. Он был сыном Торкеля, сына Асгейра Дышла, сына Аудуна Гагача. Он был исландец и приехал к конунгу прошлой зимой.

Вечером, когда люди сидели за столами и пили, Олав-конунг сказал, чтобы ночью никто из его людей не выходил один в отхожее место и каждый, кому понадобится выйти, просил бы соседа по постели пойти с ним. Иначе, мол, будет плохо.

Люди пировали до позднего вечера и, когда столы были убраны, легли спать.

К концу ночи проснулся исландец Торстейн, и захотелось ему встать с постели, но тот, кто лежал рядом с ним, спал так крепко, что Торстейн не стал его будить. Вот Торстейн встает, сует ноги в башмаки, накидывает толстый плащ и отправляется в нужное место. Оно было такое большое, что одиннадцать человек могли в нем сидеть с каждой стороны. Садится он на крайнее сиденье и, посидев некоторое время, видит, что у самого дальнего сиденья появляется черт и садится. Тогда Торстейн сказал:

– Кто это там?

Нечистый отвечает:

– Торкель Тощий, что погиб с Харальдом-конунгом Боезубом^[383].

– Откуда же ты сейчас? – спросил Торстейн.

Тот сказал, что он прямо из ада.

– Ну и как там? – спросил Торстейн.

Тот отвечает:

- А что ты хотел бы знать?
- Кто лучше всех терпит адскую муку?
- Сигурд Убийца Дракона Фафнира^[384], - сказал черт.
- А какая у него мука?
- Он топит пылающую жаром печь, - отвечает привидение.
- Ну это уж не такая мука, - говорит Торстейн.
- Да, конечно, - сказал черт. - Ведь он сам топит.
- Все же это большое дело, - сказал Торстейн. - А кто хуже всех терпит муку?

Привидение отвечает:

- Старкад Старый^[385]. Он так вопит, что нам, бесам, это худшее из мучений. Из-за его воплей мы никогда не можем поспать.
- Какую же это муку он так плохо терпит? Ведь он всегда был здоровущий, как рассказывают.
- Он весь по щиколотки в огне.
- Ну это не такая уж великая мука, - сказал Торстейн, - для такого героя, как он.
- Не скажи, - отвечало привидение. - Ведь у него торчат из огня одни ступни.
- Да, это великая мука, - сказал Торстейн. - А ну-ка повопи немного, как он.

- Изволь, - сказал черт.

Он разинул пасть и страшно завыл, а Торстейн накинул себе на голову подол плаща. У Торстейна дух захватило от воя, и он сказал:

- Он всегда так вопит?
- О нет, - сказало привидение. - Так вопим мы, чертенята.
- Нет, ты повопи, как Старкад вопит, - сказал Торстейн.
- Пожалуйста, - сказал черт.

И он завопил так страшно, что Торстейн диву дался, как это маленький чертенок может так вопить, и он снова обмотал плащом себе голову, и ему показалось, что он сейчас упадет без чувств. Тогда черт спросил:

- Что же ты молчишь?

Торстейн ответил, придя в себя:

- Я молчу, потому что диву даюсь, как это у такого чертенка может быть такой страшный голос. Что же, это самый громкий вопль Старкада?

- Ничуть, - говорит тот. - Это его наименее громкий вопль.

- Брось увливать, - сказал Торстейн. - Завопи-ка его самым громким воплем.

Черт согласился. Торстейн приготовился, сложил плащ вдвойне, обмотал его вокруг головы и стал держать его обеими руками. А привидение с каждым воплем приближалось к Торстейну на три сиденья, и теперь между ними оставалось только три сиденья. И вот

черт страшно разинул свою пасть, закатил глазища и стал так громко вопить, что Торстейну стало невмоготу. Но тут зазвонил колокол, а Торстейн упал на пол без чувств.

Черт, услышав колокольный звон, провалился сквозь пол, и долго был слышен гул от него внизу в земле.

Когда наступило утро, люди встали. Конунг прошел в церковь и отстоял службу. После этого сели за стол. Конунг был не слишком ласков. Он сказал:

– Ходил кто-нибудь ночью один в отхожее место?

Торстейн встал, упал в ноги конунгу и признался, что нарушил его повеление.

Конунг отвечает:

– Мне-то это большого вреда не принесло. Но верно, значит, что вы, исландцы, очень строптивы, как о вас говорят. Ну и как, заметил ты что-нибудь?

Тут Торстейн рассказал все, что приключилось.

Конунг спросил:

– Почему же ты хотел, чтобы он завопил?

– Это я вам сейчас скажу, государь. Ведь вы не велели никому ходить туда одному, и, когда явился бес, я понял, что дело мое плохо, и я решил, что когда он завопит, вы проснетесь, государь, и тогда я спасен.

– Так оно и было, – сказал конунг. – Я проснулся и понял, в чем дело, и велел звонить. Я знал, что иначе тебе придется плохо. Но неужели ты не испугался, когда черт начал вопить?

Торстейн отвечает:

– Я не знаю, государь, что это такое испуг.

– И не было у тебя страха? – сказал конунг.

– Нет, – сказал Торстейн. – Но от последнего вопля у меня вроде как мороз по коже пробежал.

Конунг отвечает:

– Будет у тебя теперь прозвище. Ты будешь отныне зваться Торстейн Мороз. И вот тебе меч в придачу к прозвищу.

Торстейн поблагодарил конунга. Говорят, что он стал дружинником Олава-конунга и с тех пор был с ним и погиб на Великом Змее^[386] вместе с другими воинами конунга.

О Токи

Перевод Е. А. Гуревич

Хотя на первый взгляд рассказ «О Токи» (Tóka þáttr) посвящен прославлению легендарных скандинавских конунгов и их дружинников,

эту историю обычно относят к группе «прядей о крещении», и ее главная тема – победа христианства над язычеством. Подобно персонажу другого знаменитого рассказа, «О Норна-Гесте», который, как полагают, послужил образцом для пряди о Токи, герой, проживший небывало долгую жизнь и посетивший самых блестящих правителей древности, избирает местом своего последнего пристанища двор норвежского короля-миссионера.

Прядь известна только из «Книги с Плоского Острова».

В то время, когда Олав-конунг^[387] сидел в Сарпсборге, пришел к нему как-то некий рослый человек и приветствовал его. Конунг принял его хорошо и спросил его имя. Тот назвался Токи и сказал, что он сын Токи, сына Токи Старого. Он попросил у конунга позволения побыть у него некоторое время. Конунг ответил согласием и отвел ему подобающее место. Нрав Токи имел спокойный, а пил умеренно. Это был человек покладистый и обходительный, и оттого он всем пришелся по душе. Конунг находил, что Токи и умен, и повидал немало, к тому же он умел легко и мудро уладить любой спор. Конунг почитал беседу с ним наилучшим развлечением. И хотя Токи выглядел стариком, нетрудно было заметить, что прежде был он мужем статным и видным.

Однажды, когда конунг беседовал с Токи, он спросил, сколько ему лет. Тот сказал, что он и сам точно не знает: «одно мне известно: было мне назначено прожить два человеческих века, а теперь, похоже, они на исходе, потому что, вижу я, что старею, как и большинство людей».

Конунг сказал:

– В таком случае, ты должен помнить Хальва-конунга и его воинов или Хрольва Жердинку, а с ним и его героев.

Токи отвечает:

– Как же, помню и того и другого, ведь я побывал у них обоих.

Конунг спросил:

– Кто ж из них показался тебе славнейшим?

Токи отвечает:

– Об этом вы сами сможете судить, государь, а я вам поведаю одну историю. В те времена был я еще в расцвете сил и путешествовал из страны в страну с небольшим отрядом, который я набрал сообразно с тем, что, по моему разумению, приличествовало и подходило мне как нельзя лучше, затем что сам я тогда следовал примеру самых удалых храбрецов. Правда и то, что немногое показалось бы мне в то время недостижимым. Ездил я по разным местам, а хотелось мне испытать щедрость и великодушие хёвдингов и проверить, так ли заслуженна слава их воинов, как о том идет молва. Предрешено же было, что нигде мне нельзя задерживаться дольше, чем на двенадцать месяцев. Прослышал я тогда о Хрольве Жердинке, о щедрости его и добросердечии, а еще – о славе, подвигах и доблести его воинов и о

том, что никто не может сравняться с ними силою и статью. Во что бы то ни стало захотелось мне повидать этого конунга и его героев. И вот, отправился я в путь с моими людьми и ехал до тех пор, пока не прибыл в Данию к Хрольву-конунгу. Вошел я к нему и его приветствовал. Он принял меня хорошо и спросил, что я за человек, а я в ответ рассказал о себе. Он спросил, какое у меня к нему дело, и я сказал, что хотел бы у него перезимовать. На это он ответил, что еще ни одному человеку не отказал в угощении, а потому не бывать и мне или людям моим первыми, кому он в этом откажет. Тогда я спросил, где мне следует сидеть. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, стащив кого-нибудь со скамьи. Я поблагодарил его за это предложение: был я тогда преисполнен желанием испытать свою силу. Первым делом направился я к тому месту, где сидел Бёдвар Бьярки. А конунг поставил условие, что они не должны были бороться со мной. Схватил я Бёдвара за руки, ногами уперся в перекладину скамьи, пригнул плечи, напряг руки и потянул, что было силы, но тот сидел крепко, так что мне не удалось даже сдвинуть его с места. Только то и было, что от сильного напряжения менялся он в лице: то становился красным, как кровь, а то – белым, как лыко, или черным, как Хель, а еще – бледным, подобно труп. Взял я тогда за руки Хьяльти Гордого. Принялись мы оба тянуть изо всех сил, и он, и я. Этого мне то и дело удавалось подтащить к самому краю скамьи, но он всякий раз успевал выпрямиться и усесться на свое место вперед меня. Так продолжалось некоторое время, покуда я не отступил. Подошел я тогда к Хвитсерку Храброму, потянул, собрав все свои силы, и стащил его со скамьи, а за ним и всех остальных. Так я обошел вокруг палаты, и пришлось им всем одному за другим оставить свои места. Уселся я тогда, где захотел, а со мною мои люди, и занимали мы все самые что ни на есть почетные места. Было же там во всем такое великолепие, какого мне нигде не доводилось видеть. А когда настало лето, я пошел к Хрольву-конунгу, поблагодарил его за гостеприимство и сказал, что мне пора в дорогу. Он предложил, чтобы я остался при нем, но мне это пришлось не по вкусу.

Стал я опять разъезжать по разным местам, и так продолжалось до тех пор, пока не дошел до меня слух о Хальве-конунге и его воинах. Немало рассказывали тогда о том, какие это были храбрецы. И вот, отправился я в Норвегию и напрямик к Хальву-конунгу. Явился я к нему и его приветствовал, а он принял меня как нельзя лучше. Я просил позволения перезимовать у него, и он с готовностью разрешил оставаться при нем так долго, как мне заблагорассудится. Тогда я спросил, где нам следует сидеть, мне и моим людям. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, и поставил те же условия, что и Хрольв Жердинка. Направился я тогда к тому месту, на котором восседал рядом с конунгом Утстейн-ярл, взял его за руки и хотел стащить со скамьи. Поднатужился я, что было силы, да не тут-то

было. Потом подошел я к Ипстейну, а от него – к Хроку Черному, потом – к Бьёрну, а там – и к Барду. Никого из них мне не удалось стащить со скамьи. Обошел я вокруг всей палаты, а с места так никого и не сдвинул, и сказать вам по правде, государь, даже тот, кто сидел там дальше всех, и самый из них последний держались не хуже Бёдвара Бьярки. Подошел я тогда опять к конунгу и спросил, где мне сесть, раз я сам не сумел добыть себе места. Он сказал, что в таком случае нам следует занять скамьи, стоявшие ниже тех, на которых сидели его люди. После этого я направился к скамьям, отведенным для меня и моих спутников. Не было там недостатка в хорошем угощении, да и ни в чем ином, одно только пришлось мне не по душе: а то, что должен был я смотреть на других снизу вверх, а они на меня – сверху вниз, в остальном же понравилось мне там все как нельзя лучше. Вот и рассудите теперь, государь, кто из них заслуживает большей славы.

– Нетрудно заметить, – сказал конунг, – что всех превзошли своей силой воины Хальва-конунга, однако, сдается мне, не было в те времена конунга щедрее и великодушнее Хрольва Жердинки. А теперь скажи, крещеный ты человек или нет?

Токи отвечает:

– Я принял неполное крещение^[388], потому что мне приходилось бывать то среди христиан, а то среди язычников, но верю я в Белого Христа. А пришел я к вам затем, что хочу креститься и исполнить тот обряд, какой вы мне назначите, потому что, по моему разумению, лучшего человека мне для этого не найти.

Конунг обрадовался тому, что он хочет принять крещение и служить Богу. После этого Токи был крещен епископом Олава-конунга и умер в белых одеждах^[389].

О Храфне, сыне Гудрун

Перевод Е. А. Гуревич

Рассказ «О Храфне, сыне Гудрун» (Hrafn's páttir Guðrúnarsonar) принадлежит к довольно значительной группе «прядей об исландцах на чужбине», в центре внимания которых как правило находится конфликт героя с могущественным противником (чаще всего правителем Норвегии), обычно заканчивающийся примирением главных персонажей и возвышением исландца. Особенность этой пряди – небывало пространное для произведений этого жанра вступление, повествующее о распре, в результате которой Храфн был вынужден покинуть Исландию.

Прядь сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром» в двух рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna).

Одного человека звали Торгрим. Он жил на хуторе Стад в Хрутафьорде. Торгрим был человек богатый, но плохой хозяин. Его жену звали Торгерд. У них было два сына, Кальв и Грим; оба они получили неплохое воспитание. Это были люди задиристые и ненадежные, как и их отец.

Жил человек по имени Сигват. Он жил на хуторе Пески в Хрутафьорде. Жену его звали Гудрун, это была женщина умная и достойная. Их сына звали Храфн, он был молод, красив и статен. Сигват не отличался бережливостью; землей он владел хорошей, но деньги промотал. Как-то раз летом он сказал жене, что придется продать землю, чтобы расплатиться с долгами и прикупить скота. Она отвечает:

– Есть другой выход: чем продавать землю, продай лучше мое золотое запястье.

Сигват отвечает:

– Раз так, поеду-ка я к Торгриму, у него скота хоть отбавляй.

Она отвечает:

– Не советую тебе иметь дело с Торгримом, он человек хитрый и нечестный.

Но Сигват все же отправился к Торгриму и сказал:

– У меня к тебе вот какое дело: я бы хотел купить у тебя скотину.

Торгрим отвечает:

– За мной дело не станет.

Сигват сказал:

– А взамен я предлагаю тебе это золотое запястье.

Торгрим отвечает:

– Недостойно мужчины разбазаривать женино добро. Продайка мне лучше тот луг, что зовется Зеленым Выгоном. Мне пригодится и сено, и пастбище, а у тебя лугов и без того хватает.

Сигват отвечает:

– Я продам тебе этот выгон, однако я не хочу, чтобы на моей земле пасся чужой скот.

– Тогда по рукам, – говорит Торгрим.

Сигват воротился домой и рассказал своей хозяйке о сделке. Она говорит в ответ:

– По мне, не бывать бы вовсе этой сделке. Ведь теперь, когда он заполучил лоскуток нашей земли, он станет травить наши луга.

На другой день был пригнан купленный Сигватом скот. А позднее тем же летом Торгрим сказал:

– Теперь у нас прибавилось выгонов, однако я слыхал от женщин, что молочному скоту не хватает пастбищ и надои невелики. Гоните коров на луга к Сигвату, я имею право на эту землю.

Его люди так и сделали. Когда Гудрун увидела это, она сказала:

– Все идет, как я предсказывала, не даром мне с самого начала не понравилась эта сделка. А теперь Торгрим приказал своим рабам выгонять скотину на наши луга и кормить ее нашим сеном.

Сигват отвечает:

– Торгриму не впервой платить злом за добро.

Как-то раз Сигват подошел и отогнал Торгримова быка от своего стога. Торгрим как раз оказался рядом. Он сказал:

– Что-то ты больно расхрабрился, рабье отродье! – и проткнул Сигвата копьем, так что тот умер на месте. Торгрим отправился оттуда напрямик домой, а Гудрун скоро узнала о случившемся и велела похоронить своего мужа не поднимая шума.

Храфну, их сыну, было тогда четыре года. Он часто вспоминал отца и спрашивал, где он. Мать сказала ему, что он внезапно заболел и умер.

Вскоре после этого Торгрим пришел к Гудрун и сказал:

– Ты, наверное, считаешь, что своим необдуманным поступком я причинил тебе ущерб. Однако теперь я хочу возместить тебе потерю мужа и предлагаю взамен самого себя. Ты мало в чем будешь нуждаться, если позволишь мне заботиться о тебе.

Она отвечает:

– Похоже, что каждый из нас останется при своем. Даже если бы ты не был женат, я не настолько тороплюсь выходить замуж, чтобы пойти за убийцу моего мужа.

//

Храфн рос у своей матери. Он был человек статный и сильный, добродушный и веселый, и многие любили его. Он часто ходил играть в Стад. Торгрим обходился с ним хорошо, и Храфну это нравилось. Они с Кальвом, сыном Торгрима, всегда играли вместе. Храфну тогда было пятнадцать лет. Кальв был старше его, но слабее, и ему доставалось от Храфна, потому что тот всегда старался добиться победы.

Однажды, когда они играли вместе, Кальв сказал:

– Не умеешь ты, Храфн, обуздывать свою силу, видно, не миновать тебе судьбы твоего отца.

Храфн отвечает:

– Что ж необычного в том, что люди умирают? Со всяким может случиться!

Кальв сказал:

– Похоже, от тебя скрыли, от чего он умер. Он был убит, и это – дело рук моего отца, а я убью тебя.

Храфн повернулся и ушел, ничего не сказав. Вечером он воротился домой не в духе. Мать спросила его, в чем дело. Он отвечает:

– Ты мне говорила, что мой отец умер от болезни, а Кальв сегодня бросил мне, что он был убит, и мне кажется странным, что ты скрыла это от меня.

Она отвечает:

– Я поступила так, считая, что ты еще слишком молод, чтобы противостоять могущественным людям. Но теперь это неважно, раз они сами позаботились о том, чтобы тайное стало явным.

Храфн спросил:

– Где похоронен мой отец?

Она сказала, что это место поросло дерном. Храфн ответил:

– Я все равно схожу туда, и я рад, что узнал правду. Многое теперь зависит от того, насколько храбр и вынослив будет его сын.

После этого он опять отправился играть, и никто не видел его печальным.

Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось восемнадцать лет. Как-то раз, когда Храфн одевался после игры, Кальв сказал:

– Храфну больше по вкусу бить по мячу, чем мстить за своего отца.

Храфн отвечает:

– За этим дело не станет.

Тут он подскочил к Кальву и нанес ему смертельный удар.

Торгрим сказал:

– Случилось то, чего и следовало ожидать, однако мы это так не оставим.

Храфн пришел домой и рассказал матери об убийстве. Она сказала, что как бы им не пришлось дорого за это заплатить.

– Теперь я могу лишиться сына, как раньше лишилась мужа, – сказала она. – Тебе надо уходить отсюда, потому что я не смогу тебе помочь.

Она вышла с ним во двор и отвела его в амбар. Там был большой подпол и в нем припасы и все необходимое. Он спустился туда и ни в чем не нуждался.

На следующее утро туда явился Торгрим и с ним двенадцать человек. А Гудрун за ночь собрала людей с ближайших дворов, так что у нее было больше народу, чем у Торгрима. Торгрим сказал:

– Мы ищем Храфна, твоего сына. Выдай нам его.

Гудрун отвечает:

– Неудивительно, что ты ищешь убийцу твоего сына, однако его здесь нет. Неужто ты считаешь, что у меня хватило бы силы или дерзости прятать его здесь, у тебя под самым носом!

Он отвечает:

– Я думаю, будь он здесь, ты не стала бы говорить об этом всем и каждому, а потому мы хотим обыскать твой двор.

Она отвечает:

– Меня еще никто не ставил на одну доску с ворами, и тебе не удастся учинить обыск, покуда народу у тебя меньше, чем у меня.

Тут она велит выйти своим людям. Торгрим сказал:

– Что ж, беззащитной тебя не назовешь.

Он уехал, так ничего и не добившись.

На следующее лето на альтинге Торгрим объявил Храфна вне закона. Как раз в это время в Хрутафьорде готовился к отплытию торговый корабль, принадлежавший норвежцам. Одного из них звали Эйнар, он был родом из Наумдаля, другого – Бьярни. Эйнар был человек богатый и хороший воин, он был большим другом конунга Магнуса Доброго^[390]. С ним на корабле находился его брат, Сигурд. Он был еще совсем молод и подавал большие надежды.

Торгрим, как только вернулся с тинга, не откладывая поехал на корабль. Купцы уже собирались выйти в море. Он сказал им:

– Знайте, что у меня здесь есть один человек, объявленный вне закона, зовут его Храфн, и я хочу предупредить вас, чтобы вы не перевозили его через Исландское море, если он вас об этом попросит.

Они ответили, что без труда смогут спровадить любого негодяя.

Немного погодя к кораблю пришли мать и сын и попросили Эйнара-кормчего сойти на берег. Когда они встретились, Гудрун сказала:

– Я привела к вам моего сына, который попал в беду, хотя многие, вероятно, скажут, что он вел себя, как настоящий мужчина. Но теперь, когда он объявлен вне закона, у меня не хватит силы защитить его от Торгрима, и потому я хочу, чтобы вы увезли его из страны. Я надеюсь, что вы примете его сторону и в ваших глазах будут иметь больший все его уважаемые родичи в Норвегии и обстоятельства этого дела, чем жестокость и бесчестье Торгрима, который без всякого повода убил моего мужа, отца Храфна, и не понес за это никакого наказания.

Эйнар сказал:

– Этот человек не внушает нам доверия. Я против того, чтобы перевозить объявленных вне закона.

Тут Сигурд, его брат, сказал:

– С какой стати ты отказываешь ему? Неужто ты не видишь, что он человек многообещающий и смело отомстил за свои обиды? Иди лучше ко мне, Храфн, хотя я и не смогу оказать тебе такую же поддержку, как мой брат. Поднимайся скорей на корабль, дует попутный ветер, и мы уже отплываем. Что у тебя за родичи в Норвегии?

Храфн отвечает:

– Моя мать говорит, что Сигват-скальд^[391] приходится ей братом.

Сигурд сказал:

– Я думаю, родство с ним должно пойти тебе на пользу.

Тут он убрал сходни, затем подняли якорь, и корабль понесло прочь от берега. В этот момент Торгрим спустился на берег и сказал, обращаясь к купцам:

– Сдается мне, вы нарушили свое слово.

Сигурд сказал:

– Торgrim сейчас совсем близко, покажись-ка ему, Храфн.

Храфн вскочил на тюки с товарами и сказал:

– Он не настолько близко, чтобы я смог достать его секирой.

Тут Бьярни попросил отправить Храфна на берег. Сигурд сказал:

– Попади он против своей воли в лапы к Торгриму, я бы уж верно, позаботился о том, чтобы кое-кто за это поплатился. Однако сейчас, я думаю, будет лучше поднять парус.

Так и сделали. Дул попутный ветер, и они приплыли в Трандхейм.

III

Жил человек по имени Кетиль и по прозвищу Скала. Конунг посадил его в городе управляющим. Жену его звали Сигню, а дочь Хельгой, она была хороша собой.

Когда купцы покинули корабль и отправились по домам, Эйнар сказал Храфну:

– Пожалуй, мне все же следовало бы тебе помочь, хотя я и не спешил с этим, как Сигурд. Если хочешь, я могу приискать тебе место для зимовки здесь, в городе, и внести за тебя плату. Мне это сейчас удобнее, чем взять тебя к себе.

Храфн сказал:

– Раз ты желаешь мне добра, я постараюсь не обмануть твоего доверия. Сам я ни с кем не собираюсь затевать ссору, но за оскорбления и обиды спуску давать не стану.

После этого они встретились с Кетилем, и Эйнар сказал:

– Поручаю тебе этого человека, обращай с ним хорошо. А ты, Храфн, заходи ко мне в любое время, когда вздумается.

Храфн жил у Кетиля. Он держался скромно и ни во что не вмешивался, однако был приветлив с теми, кто к нему обращался. Он подолгу беседовал с Хельгой, дочерью Кетиля. Тому это поначалу нравилось, потому что Храфн вел себя хорошо. Однако вскоре Кетиль к нему переменился: сам он был человек дурной и судил о других по себе. Тогда он стал выговаривать за это жене и дочери, говорил, что Храфн, мол, грубиян, работает спустя рукава, а с ними держит себя запанибрата. Они обе отвечали, что он держится как подобает и ведет себя безупречно.

– Его манеры, – сказали они, – не изменились с тех пор, как ты к нему хорошо относился. Он человек воспитанный и учтивый.

Кетиль сказал, что они обе ослеплены им. Он не скрывал от Храфна своего нерасположения и даже сочинил про него язвительные стихи. Храфн делал вид, что ничего не замечает.

Как раз в это время в городе находились купцы, прибывшие с запада из-за моря. Они уже были готовы сняться с якоря. Однажды

Кетиль пришел к ним и сказал, что был бы не прочь продать им своего раба. Им это предложение пришлось по вкусу. Кетиль сказал:

– Не стану вас обманывать: он человек лживый и к тому же имеет множество других недостатков. Советую вам поначалу обращаться с ним как можно строже.

Они заключили между собой еще много других сделок. После этого Кетиль пошел домой и сказал Храфну:

– Хочешь пойти со мной на корабль развлечься?

Храфн отвечает:

– Охотно, если ты в хорошем настроении.

Как только купцы увидели Храфна, они набросились на него и схватили его. Храфн отбивался, как умел, и спросил, что это за игра такая. Они ответили, что это он сейчас узнает. Тогда он поднатужился и сбросил их с себя. Они стали говорить, что этот раб что-то уж больно весел. Храфн отвечает:

– Еще бы, ведь, по мне, борьба – лучшая работа для раба, а мне едва ли раньше приходилось так славно поработать!

Тут он схватил одного из них и стал отбиваться им от других, пока тот не потерял сознания. А Кетиль тем временем повернул назад в город. Храфн нагнал его и нанес ему смертельный удар. Когда купцы увидели это, они поспешили отплыть, потому что испугались, как бы их не обвинили в убийстве.

Храфн объявил об убийстве. Потом он пошел в усадьбу Кетилия, нашел там мать и дочь и сказал им, что случилось такое, после чего они не захотят иметь с ним ничего общего. Они ответили, что для них это большое несчастье, но что они не считают его виновным. Они дали ему еду и одежду и посоветовали больше остерегаться гнева конунга, чем их. После этого он укрылся в лесах.

IV

Вскоре в город прибыл Магнус-конунг и узнал о случившемся. Он разгневался и сказал:

– Слыханное ли это дело: исландцы станут приезжать сюда в страну с тем, чтобы убивать наших управляющих или сюслуманнов^[392]! Тот, кто это совершил, должен быть объявлен вне закона.

Эйнар из Наумдаля был тогда с конунгом. Он сказал:

– Иной человек, государь, своим поведением может навлечь на себя смерть.

Прошло немного времени, и вот, как-то раз, когда конунг был на соколиной охоте, случилось так, что его люди разошлись в разные стороны, и он остался один. Тут из лесу вышел рослый человек в меховом плаще и попросил его защиты. Конунг сказал:

– Неужто меня с тобой связывают какие-нибудь обязательства?

Тот отвечает:

– Никаких, разве что родичи мои – твои друзья, да еще твое великодушие, потому что не в твоём обычае отказывать тому, кто обращается к тебе за помощью.

Конунг сказал:

– На юге в Таускадале живет человек по имени Коль, туда и отправляйся. А сам-то ты кто будешь?

Тот отвечает:

– Прежде я был разбойником, но теперь хочу с этим покончить. А защиты я прошу потому, что у меня много врагов. Если вы и впрямь хотите отправить меня к Колю, то дайте мне какие-нибудь знаки, чтобы он меня принял, и тогда я останусь там на зиму.

Конунг сказал:

– Отправляйся туда, а я думаю быть там спустя неделю после Пасхи.

С этими словами конунг снял с пальца золотое кольцо, надел его на наконечник копья и протянул ему, потому что тот человек стоял поодаль. Конунг сказал:

– Не знаешь ли ты, где скрывается Храфн, объявленный вне закона?

Тот отвечает:

– Государь, он, верно, станет искать встречи с Эйнарм из Наумдаля, твоим другом, тогда вы его и захватите.

Тут он снял кольцо с наконечника копья и исчез в лесу. Конунг сказал:

– На этот раз Храфну удалось меня провести.

Храфн пришел к Колю и показал ему конунговы знаки. Коль сказал:

– Удивительное дело: у тебя настоящие конунговы знаки, а ведь прежде вы с конунгом были врагами.

Храфн провел там зиму, и все его любили. Однако он не стал дожидаться прибытия конунга и ушел оттуда в субботу на пасхальной неделе. А когда конунг приехал, он сказал Колю:

– Где Храфн, сын Гудрун? Мне нужно его видеть.

Коль отвечает:

– Его здесь уже нет, государь.

Конунг сказал:

– Это плохо. Пускай все знают, что он объявлен вне закона. И я считаю для себя большим оскорблением, чем совершенное им убийство, то, что он меня одурачил. Я назначаю за его голову награду в три марки серебром, и пускай никто не смеет за него просить.

Затем конунг направился с большим войском вдоль берега на юг в Данию, потому что в это время он воевал со Свейном, сыном Ульва^[393].

Спустя полмесяца после начала лета Храфн вышел из лесу к морю и увидал большой флот. Он пошел на берег к тому месту, где слуги готовили еду, осторожно приблизился к ним и спросил:

– Кому принадлежат эти корабли?

Они ответили:

– Ты, верно, невежда или дурак. Магнус-конунг стоит здесь и ждет попутного ветра, чтобы плыть в Данию.

Храфн спросил:

– А кто из знатных людей сейчас с конунгом?

Они сказали, что здесь Эйнар из Наумдаля, конунгов друг, и Эйнар Тетива с тринадцатью кораблями, а Сигват-скальд находится с конунгом на корабле.

Храфн сказал:

– Передайте Сигвату, что на берегу его ждет один человек по важному делу.

Они так и сделали. Храфн тем временем дожидался на опушке леса. Сигват подошел к нему и сказал:

– Кто этот рослый человек?

– Храфн его имя, – говорит тот.

Сигват сказал:

– Уходи отсюда. У меня нет охоты получать награду за твою голову, и я не собираюсь тебя выдавать.

Храфн отвечает:

– Можно поступить и иначе. Говорят, ты равнодушен к деньгам, а я не слишком дорожу своей жизнью; и потом – многие взялись бы за большую работу и за меньшее вознаграждение. Впрочем, даже если ты меня выдашь, как бы ни длинна была конунгова секира, ей все равно не достать до меня в лесу. Однако это будет к твоей чести, если ты захочешь помочь мне, потому что ты – брат моей матери.

Тот отвечает:

– Я признаю наше родство, однако я вряд ли смогу помочь тебе. Подожди меня здесь.

Храфн отвечает:

– Я предпочитаю пойти с тобой на корабль. Пусть уж меня лучше убьют там в твоем присутствии. И это – самое малое, что ты мог бы для меня сделать.

Сигват отвечает:

– Трудный ты человек. Я вовсе не собираюсь подставлять тебя под меч, потому что ничем другим это бы не кончилось, даже если бы я мог прибегнуть к силе и заступничеству всех, кто находится в этом месте. Сделай, как я сказал: жди меня здесь, пока я встречу с моими друзьями.

Храфн отвечает:

– Я поступлю, как ты просишь, но долго ждать не стану и вскоре последую за тобой. Нечего медлить, коли решился принять смерть.

Сигват встретился с Эйнар из Наумдаля и сказал:

– Плохие новости, друг. Сюда явился Храфн и собирается сдаться своим врагам. Можешь ли ты мне чем-нибудь помочь?

Тот отвечает:

– Неудачливый он человек, и все же наш долг спасти его от гибели, однако не станем же мы сражаться из-за него с конунгом. У нас для этого недостаточно силы, да и конунг едва ли когда-нибудь захочет вновь прибегнуть к нашей поддержке, если мы теперь выступим против него.

Затем Сигват пришел к Эйнару Тетиве и сказал:

– Могу ли я рассчитывать на твою помощь, Эйнар?

Тот отвечает:

– В чем дело?

Сигват сказал:

– Здесь Храфн, мой родич.

Эйнар сказал:

– Я не собираюсь сражаться из-за него с конунгом. Мне уже однажды случалось поддерживать человека, который был не в ладах с конунгом, и из-за этого я чуть было сам не потерял его расположения. Мы с Эйндриди стоим во главе тринадцати кораблей и намерены биться с датчанами вместе с конунгом. Скажи этому человеку, чтобы он убирался отсюда, и пускай не вздумает появляться на нашем корабле, если не хочет быть убитым. Я знаю нрав Магнуса-конунга: он скорее откажется от нашего войска, чем станет терпеть наше неповиновение.

Пока они так разговаривали, Эйнар из Наумдаля сошел на берег, встретился с Храфном и сказал:

– Послушайся моего совета, приятель, не навлекай на нас всех беду. Отправляйся на север в Хит в мою усадьбу, там тебе помогут.

Храфн отвечает:

– Прежде я хочу повидаться с Сигватом.

Эйнар ушел, а немного погодя туда пришел Сигват. Храфн сказал:

– Ну что, можно рассчитывать на поддержку хёвдингов?

Тот отвечает:

– Не думаю. Похоже, что нет тебе удачи. Что ты теперь собираешься предпринять?

Он отвечает:

– То, что уже говорил: пойду с тобой на конунгов корабль.

Сигват сказал:

– Почему ты так торопишься умереть?

Храфн отвечает:

– Потому, что, по мне, лучше умереть, чем навлечь конунгов гнев на всех, кто был со мною связан. А этого не миновать, если он узнает, что вы меня прятали.

Сигват отвечает:

– Сказано смело. Однако я возлагаю надежду на того, кто никогда еще не отказывал в помощи, – на святого Олава-конунга.

После этого он стал молиться Олаву-конунгу. Затем они пошли на конунгов корабль. Магнус-конунг спал на своем месте на корме и пробудился как раз тогда, когда Сигват с Храфном проходили мимо. Он вскочил и закричал:

– Вставайте мои люди! Дует попутный ветер, и в Дании нас ждет победа.

Все взошли на свои корабли, поспешно снарядились и отчалили. Когда они приплыли в Данию, люди высадились на берег. Там их ждало большое войско датчан и завязалась жаркая битва. Магнус-конунг был впереди своего войска, а Храфн, сын Гудрун шел впереди конунга и храбро сражался, но ни один человек не перемолвился с ним ни словом. В этой битве некоторые видели в войске Магнуса-конунга святого Олава-конунга. В тот день конунг одержал славную победу.

VI

Вечером они возвратились к кораблям и возблагодарили Бога за победу. А когда они взошли на корабль, конунг сказал:

– Где Храфн? Скажите ему, чтобы он пришел ко мне и больше не прятался.

Эйнар и Сигват сказали конунгу:

– Вы могли бы, государь, даровать ему пощаду за его храбрость.

Конунг отвечает:

– Этого я пока не могу обещать, но я хочу его видеть.

Тогда Эйнар из Наумдаля пошел к Храфну и сказал:

– Теперь тебе придется предстать перед конунгом. Советую тебе разговаривать с ним почтительно, но смело и на все его вопросы отвечать правдиво и ясно.

Храфн явился к конунгу и приветствовал его. Конунг сказал:

– Почему ты, Эйнар, помог уехать из Исландии человеку, объявленному вне закона?

Тот отвечает:

– Государь, потому что он был объявлен вне закона за то, что отомстил за своего отца, который был убит без всяких на то оснований.

Конунг сказал:

– За что ты убил Кетиля, Храфи?

Тот отвечает:

– За то, государь, что он сочинил обо мне хулительные стихи, а потом продал меня в рабство. Однако после того, как я его убил, я сочинил о нем краткую поминальную песнь, правда, она мне не вполне удалась.

– Давайте-ка ее послушаем, – сказал конунг.

– Как вам будет угодно, государь, – сказал Храфн, – но тогда вам придется выслушать и другую песнь.

Конунг сказал:

– Что еще за песнь?

– Она сочинена о вас, – сказал Храфн.

– Ну что ж, говори, – сказал конунг.

Храфн произнес обе песни, а когда он кончил, конунг сказал:

– И правда, эти песни неодинаковы по достоинству. Почему же ты сочинил обо мне такую хорошую песнь, когда я хотел тебя убить?

– Потому что ты достоин хорошей песни, – говорит Храфн. Конунг сказал:

– Зачем ты подошел ко мне в лесу?

Храфн отвечает:

– Потому что я ожидал удачи от встречи с вами, и так оно в конце концов и вышло. А до того мне приходилось очень нелегко в чужой стране и не от кого было ждать помощи, и к тому же я попал в беду, убив могущественного человека, хотя, как я считаю, у меня были на то причины.

Конунг сказал:

– Ну что ж, мы выяснили все обстоятельства твоего дела. А теперь я расскажу о том, что случилось со мной. Когда я спал на корабле, мне явился Олав-конунг, мой отец и обратился ко мне с гневной речью: «Вот ты лежишь тут, Магнус-конунг, и у тебя одна забота: как бы убить родича моего скальда из-за какой-то безделицы, и это – вместо того, чтобы подумать о том, как одержать славную победу над твоими врагами датчанами, а ведь уже задул попутный ветер. Будь милостив ко всем, кто сейчас находится на корабле, или тебя ждет возмездие в этом мире и не будет тебе удачи». А как только я проснулся, я увидел как вы оба, Сигват и Храфн, проходили мимо, и тогда я еще больше устрасился предостережения моего отца, так что мне уже было не до убийства Кетиля или других проступков Храфна. А теперь, добро пожаловать к нам, Храфн, ибо этого хочет мой отец, а в качестве возмещения за то, что я плохо с тобой поступил, я даю тебе в жены Хельгу, дочь Кетиля, и с нею большое приданое.

Храфн отвечает:

– Я с благодарностью принимаю это. Но летом я бы хотел поехать в Исландию, с тем чтобы освободиться от обвинения, а затем не задерживаясь поспешу к вам. Если все будет в порядке, я обернусь этим летом.

Конунг просил его так и сделать. Тогда Сигват-скальд рассказал конунгу о том, как он обратился с молитвой к Олаву-конунгу, чтобы тот помог Храфну, когда он не смог найти поддержки у своих друзей. Конунг сказал:

– Высоко же ценит мой отец твою дружбу, если он и теперь, как и прежде, когда он еще жил в этом мире, помогает тебе во всем, с чем бы ты к нему ни обратился.

Храфн уехал в то же лето в Исландию и приехал как раз на альтинг. Там его дело было быстро улажено. После этого он уехал из страны вместе с матерью. Храфн взял в жены Хельгу, и конунг дал им большие владения. С тех пор Храфн никогда не расставался с Магнусом-конунгом, пока конунг был жив. Храфна считали достойным человеком. И здесь кончается рассказ о нем.

О Хрейдаре

Перевод Е.А Гуревич

Этот рассказ, нередко называемый также прядью «О Хрейдаре Дураке» (Hreiðars þáttur heimskæ), считается одним из наиболее совершенных произведений древнеисландской прозы. Он относится к той же группе прядей, что и предшествующая история, с тем отличием, что в ней действуют два соперничающих правителя, один из которых с самого начала оказывает покровительство неизвестному исландцу.

Прядь сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой коже» и в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna). Предполагается, что она могла быть написана в начале XIII в.

Жил человек по имени Торд. Он был сыном Торгрима, сына Хрейдара, которого убил Глум^[394]. Торд был небольшого роста и хорош собой. У него был брат по имени Хрейдар. Был он безобразен и умом не вышел, так что приходилось за ним присматривать. Быстрый и сильный то был человек, и нравом покладистый. Он все время жил дома, а Торд ездил по торговым делам, был дружинником конунга Магнуса^[395] и уважаемым человеком.

Однажды, когда Торд снаряжал свой корабль в Островном Фьорде, туда пришел Хрейдар, его брат. Торд, увидев его, спросил, зачем он пришел, Хрейдар говорит:

- Да уж не без дела.
- Что же ты хочешь? – спрашивает Торд.
- Я хочу уехать, – говорит Хрейдар. Торд сказал:
- Ни к чему тебе уезжать. Лучше я предложу тебе вот что: ты возьмешь себе все отцовское наследство, а это в два раза больше того, что я вложил в торговлю.

Хрейдар отвечает:

– Немного у меня ума, – говорит он, – если я возьму неравную часть и за это лишусь твоей защиты и поддержки, так что любой сможет вытянуть у меня деньги, в делах-то я ничего не смыслю. И тебе же будет не лучше, если придется вмешаться, когда я примусь нападать на тех, кто зарится на мое имущество, или учиню еще что-нибудь против них, а потом меня побьют за это, а то и ранят. И кроме того, похоже, что тебе нелегко будет меня удержать, раз я решил уехать.

– Может и так, – говорит Торд, – но не говори никому о своей поездке.

Тот пообещал. А после того, как они расстались, Хрейдар стал говорить всем и каждому, что он собирается уехать вместе со своим братом, и все стали осуждать Торда за то, что он берет с собой дурака.

И вот они снаряжают корабль, выходят в море и благополучно приплывают в Бьёргюн. Торд сразу же спрашивает, где конунг, и ему говорят, что конунг Магнус в городе, и только что прибыл, и не велел беспокоить его в тот день, потому что нуждается в отдыхе. Тут все стали разглядывать Хрейдара, потому что он выделялся среди других людей тем, что был высок и безобразен и заводил разговор со всяким встречным.

Рано утром, прежде чем люди проснулись, Хрейдар поднимается и кричит:

– Проснись, брат! Немного ведает спящий. У меня есть новости. Я слышал только что странный шум.

– На что он был похож? – спрашивает Торд.

– На звериный рев, – говорит Хрейдар, – и очень громкий, но я не знаю, что это был за шум.

– Не придавай этому большого значения, – говорит Торд, – должно быть, то был звук рога.

– А что он значит? – спрашивает Хрейдар. Торд отвечает:

– Может, трубят на сходку, а может, корабль спускают.

– А что значит «сходка»? – спрашивает Хрейдар.

– Там решают все спорные дела, – говорит Торд, – и обсуждают то, что конунг считает нужным обнародовать.

– А конунг сейчас может быть на сходке? – спрашивает Хрейдар.

– Конечно, – отвечает Торд.

– Тогда я отправлюсь туда, – говорит Хрейдар, – потому что первым делом хочу я прийти в такое место, где можно увидеть как можно больше людей сразу.

– Нет у нас с тобой согласия, – говорит Торд. – Мое мнение, что лучше тебе держаться подальше от таких мест. Я идти туда не собираюсь.

– Не то ты говоришь, – отвечает Хрейдар, – мы оба должны пойти. Хоть тебе и кажется, что мне не стоит идти одному, но тебе не удастся отговорить меня от этого.

Хрейдар убегает, а Торд видит теперь, что придется идти, и отправляется вслед за Хрейдаром, а тот прибавляет шаг, и между ними большое расстояние. Когда Хрейдар увидел, что Торд идет медленно, он сказал:

- Что и говорить, плохо быть небольшого роста, когда не можешь взять силой. При этом, правда, можно быть быстроногим, сдается мне, однако, что к тебе это не относится. И ты не стал бы хуже, если бы ты был менее красив, но зато ходил, как все люди.

Торд ответил:

- Не думаю, чтобы моя слабость доставляла мне больше неприятностей, чем тебе твоя сила.

- Так давай сожмем друг другу руки, чтобы испытать их силу, брат, - говорит Хрейдар.

Они так и делают и идут еще некоторое время. И вот у Торда онемела рука, и он ее вырывает: нелепым кажется ему держаться за руки с Хрейдаром. Тогда Хрейдар прибавляет шаг, останавливается на пригорке и осматривается. Он видит место, где собралось множество народу. Торд подходит и говорит:

- Будем держаться вместе, брат.

Хрейдар так и делает.

И когда они прибыли на тинг, многие узнали Торда, хорошо его встретили и доложили о нем конунгу. Торд тотчас же предстал перед конунгом и приветствовал его, и конунг милостиво ответил на его приветствие. Когда братья пришли на тинг, они сразу же расстались, и Хрейдара стали таскать за одежду и толкать. Он много болтал и смеялся, и всем казалось куда как забавно задирать его, так что он насилу мог пробиться среди обступивших его людей.

Конунг стал расспрашивать Торда о новостях и потом спросил его, не приехал ли с ним кто-нибудь, кого он хотел бы представить ему.

- Со мной в плавании был мой брат, - говорит Торд.

- Это, должно быть, хороший человек, - говорит конунг, - если он похож на тебя.

Торд говорит:

- Непохож он на меня.

Конунг сказал:

- Однако он все же может быть хорошим человеком. А в чем вы больше всего несхожи?

Торд сказал:

- Высок он ростом, безобразен он и совсем неказист. Сильный и незлобивый это человек.

Конунг сказал:

- Наверное у него все-таки немало достоинств.

Торд говорит:

- Не славился он умом, когда был молод.

– Меня больше интересует, – говорит конунг, – как сейчас обстоят дела. За собой-то он следить может?

– Не во всем, – говорит Торд.

Конунг сказал:

– Зачем же ты взял его из дому?

– Государь, – говорит Торд, – мы владеем всем поровну, но ему нет никакого проку от имущества, торговыми делами он не занимается, он просил только одного – поехать со мной за морс, и мне показалось несправедливым отказать ему в этом, раз уж он дает мне всем распоряжаться. И мне подумалось, что встреча с вами принесла бы ему удачу^[396].

– Я хотел бы его видеть, – говорит конунг.

– Так и будет, – говорит Торд, – но теперь он куда-то запропастился.

Тогда конунг посылает за ним. И когда Хрейдар слышит, что конунг хочет его видеть, то он идет, задрав нос и не разбирая дороги, ведь ему было непривычно, что конунг ищет с ним встречи. Одет он был так; на нем были штаны до щиколоток^[397] и серый плащ. И когда он предстает перед конунгом, то падает на колени и приветствует его.

Конунг отвечает ему, смеясь:

– Если у тебя ко мне есть дело, то говори прямо, чего ты хочешь. Ведь и у других есть нужда поговорить со мной.

Хрейдар говорит:

– Мое дело, думаю я, очень важное. Я хотел на тебя посмотреть, конунг.

– Ну и как, доволен ты, – говорит конунг, – тем, что меня видишь?

– Конечно, – говорит Хрейдар, – но не уверен я в том, что рассмотрел тебя как следует.

– Так как же нам быть? – говорит конунг. – Может, ты хочешь, чтобы я встал?

Хрейдар отвечает:

– Пожалуй, – говорит он.

Поднявшись, конунг сказал:

– Ну, теперь, я думаю, ты меня можешь хорошо рассмотреть.

– Не совсем хорошо, – говорит Хрейдар, – но почти.

– Может быть, ты хочешь, – говорит конунг, – чтобы я снял плащ?

– Конечно, я этого хочу, – говорит Хрейдар.

Конунг сказал:

– Мы должны прежде это дело обсудить. Вы, исландцы, большие выдумщики, и мне не хотелось бы допустить, чтобы ты это обратил в насмешку, хочу я этого избежать.

Хрейдар говорит:

– Никто не смеет, конунг, дурачить тебя или лгать тебе.

Тогда конунг снимает с себя плащ и говорит:

– Теперь смотри на меня так внимательно, как тебе хочется.

– Ладно, – говорит Хрейдар.

Он обходит конунга кругом, бормоча себе при этом под пос:

– Прекрасно, прекрасно.

Конунг сказал:

– Теперь ты меня рассмотрел, как тебе хотелось?

– Конечно, – говорит он.

Конунг спросил:

– Ну и понравился я тебе?

Хрейдар отвечает:

– Не преувеличил Торд, брат мой, когда говорил о тебе хорошее.

Конунг сказал:

– Сумел ли ты найти какой-нибудь изъян, которого другие не замечали?

– Не думал я искать, – говорит он, – да и не смог бы, потому что каждый предпочел бы быть таким, как ты, когда б от него это зависело.

– Ты преувеличиваешь, – говорит конунг.

Хрейдар отвечает:

– Тогда следовало бы бояться лести, – говорит он, – когда б ты не был на самом деле таким, каким я тебя нашел, о чем я и сказал только что.

Конунг сказал:

– Все же найди какой-нибудь изъян, пусть хоть самый маленький.

– Вот разве что, – говорит он, – один глаз у тебя немного выше другого.

– До тебя это заметил только один человек, – говорит конунг, – и это был Харальд-конунг, мой родич^[398]. А теперь давай сквитаемся, – говорит конунг. – Встань-ка теперь ты и сними свой плащ, а я на тебя посмотрю.

Хрейдар сбрасывает плащ, а ручищи у него грязные – человек он был большерукий и безобразный, – вымыты кое-как. Конунг смотрит на него пристально.

Тут Хрейдар сказал:

– Государь, – говорит он, – как ты меня находишь?

Конунг говорит:

– Думается мне, что не родился еще человек безобразнее тебя.

– Так говорят, – отвечает Хрейдар. – Ну, а нет ли, на твой взгляд, во мне чего-нибудь хорошего?

Конунг сказал:

– Говорил мне Торд, брат твой, что ты человек добродушный.

– Так оно и есть, – сказал Хрейдар, – да сдается мне, что это плохо.

– Но однажды ты разгневаешься, – сказал конунг.

– Тебе видней, государь, – говорит Хрейдар. – А долго ли еще ждать?

– Точно не знаю, – говорит конунг. – Скорее всего, случится это нынешней зимой.

Хрейдар сказал:

– Спасибо на добром слове.

Конунг сказал:

– К чему у тебя есть умение?

Хрейдар говорит:

– Никогда я ничего не пробовал, а потому и не знаю.

– Возможно, что ты на что-то способен, – говорит конунг.

– Спасибо на добром слове, – сказал Хрейдар, – так и должно быть, раз ты так сказал. Мне, видно, потребуется место для зимовки.

Конунг сказал:

– За этим дело не станет. Но я считаю, что лучше было бы тебе остановиться там, где поменьше народу.

Хрейдар ответил:

– Ну что ж, – говорит он, – но только нигде не будет так мало народу, чтобы не всплыло все, что я скажу – и скажу-то в шутку, – а я человек несдержанный на язык и много чего могу наговорить. Вот и может случиться так, что мои слова разнесут повсюду, и надо мной станут насмехаться и придадут слишком большое значение тому, что я сказал в шутку или просто сболтнул. И поэтому кажется мне более разумным держаться тех, кто обо мне заботится, как Торд, мой брат, хотя бы там было и множество народу, чем жить там, где людей немного, но никому ни до чего нет дела.

Конунг сказал:

– Поступай как знаешь, отправляйтесь оба к моим дружинникам, если вам это больше нравится.

Как только Хрейдар услышал эти слова конунга, он убегает и рассказывает всякому, кому не лень его слушать, что конунг принял его очень хорошо, а своему брату Торду говорит, что конунг разрешил ему жить с его дружинниками.

Торд сказал:

– Тогда тебе нужно одеться и вооружиться достойно и как подобает тому, у кого ни в чем нет недостатка; ведь многих красит богатая одежда, а быть хорошо одетым важнее в палатах конунга, чем где бы то ни было. Да и дружинники тогда не станут над тобой смеяться.

Хрейдар отвечает:

– Очень ты ошибаешься, если думаешь, что я собираюсь наряжаться.

Торд сказал:

– Так сошьем тебе одежду из домотканого сукна.

Хрейдар отвечает:

– Лучше уж так, – говорит он.

Так и было сделано, как посоветовал Торд, и Хрейдар на это согласился. Теперь у него одежда из домотканого сукна, он умывается и сразу начинает казаться совсем другим человеком. Красивее он не стал, а вид у него доблестный.

Таким он, однако, был человеком, что когда они с Тордом жили с дружинниками, то Хрейдару поначалу здорово от них доставалось, и они всячески над ним подшучивали. Вскоре увидели они, что он большой любитель поговорить, и все пошло так, как и следовало ожидать. Он их очень забавлял, и сам все время смеялся над тем, что они говорили, и такой он был весельчак, что всех их превзошел и в разговоре, и в состязаниях. И оттого, что он был очень силен, а они со временем убедились в том, что он на них обиды не держит, дружинники оставили его в покое <...>^[399].

В то время страной управляли два конунга: конунг Магнус и конунг Харальд^[400]. Возник тогда спор <...>, что дружинник конунга Магнуса убил дружинника конунга Харальда, и было условлено, что конунги сами встретятся и разберут это дело. И когда Хрейдар слышит о том, что конунг Магнус должен отправиться на встречу с конунгом Харальдом, он идет к конунгу Магнусу и говорит:

- Есть кое-что, - говорит он, - о чем я хочу тебя просить.
- Что же это? - сказал конунг.

Хрейдар сказал:

- Разреши мне поехать с тобой. Не скажу, чтобы я много путешествовал, но уж очень мне хочется увидеть сразу двух конунгов в одном месте.

Конунг отвечает:

- Правду ты говоришь, путешествовал ты мало. И тем не менее я не могу позволить тебе ехать со мной, потому что негоже тебе попасть в лапы людям конунга Харальда. Как бы не было от этого беды и тебе и другим. Боюсь я, что тогда-то и охватит тебя гнев, которого ты так ждешь, а лучше бы обойтись без этого.

Хрейдар отвечает:

- Хорошо ты сказал. И вправду, надо ехать, коль есть надежда, что я разозлюсь.

Конунг говорит:

- И ты поедешь, даже если я не позволю?

Хрейдар отвечает:

- Все равно поеду.

- Не думаешь ли ты, что тебе удастся поступить со мной так же, как с твоим братом Тордом? Потому что с ним тебе всегда удавалось настоять на своем.

Хрейдар говорит:

- Тем легче мне это удастся с вами, потому что вы умнее его.

Конунг видит теперь, что его не остановишь, и думает, что еще неизвестно, что из того выйдет, если Хрейдар поедет не в его свите, а один или незнамо с кем. Он разрешает Хрейдару сопровождать его, и тому дают коня.

И как только они отправились в путь, Хрейдар поскакал галопом сломя голову и загнал коня. Когда конунг узнал об этом, он сказал:

– Все к лучшему. Отправьте теперь Хрейдара домой, и пусть он не едет.

Тот говорит:

– Хотя конь пал, поездке это моей не помешает. Придется мне немного пробежаться, если я не хочу от вас отстать.

Вот они едут, и многие припустили коней, состязаясь с ним в беге, почему б, думают, не испытать быстроту его ног, раз он сам ею хвастался. Но выходило так, что он загонял любого коня, какого против него ни выставляли: он-де был бы недостоин прийти на сходку, если б ему было за ними не поспеть. И поэтому многие остались без лошадей.

И когда они прибыли на место встречи, конунг Магнус сказал Хрейдару:

– Следуй повсюду за мной и никуда не отлучайся. Есть у меня предчувствие, что не будет добра от того, что люди конунга Харальда увидят тебя.

Хрейдар ответил, что все будет так, как сказал конунг:

– Думаю, что лучше мне от вас не отставать.

Вот конунги встречаются, вступают в беседу и обсуждают свое дело. А люди конунга Харальда увидели Хрейдара, прослышали о его славе и решили позабавиться. И пока конунги разговаривали, Хрейдар ушел с людьми Харальда. Они завели его в лес неподалеку и стали таскать за одежду и то и дело толкали его. Раз на раз не приходится: то летал он, как соломинка, а то стоял крепко, как стена, и они от него отскакивали. Вот забава зашла так далеко, что они стали обращаться с ним куда как грубо, пустив в ход рукояти секир и ножны. Они кололи его в голову концами ножен и поранили его. Он же вел себя так, как если бы ему это казалось величайшей забавой, и все время смеялся. И так продолжалось до тех пор, пока с их стороны игра и вовсе не улучшилась.

Тогда Хрейдар сказал:

– Ну, поиграли и довольно. Надоело мне это. Пойдем теперь к вашему конунгу, хочется мне на него поглядеть.

– Не бывать тому, – сказали они, – чтобы такой дьявол, как ты, увидел нашего конунга. Лучше мы отправим тебя в Хель^[401].

Не слишком пришлось ему это по душе, да и похоже было, что они не остановятся на угрозах. И вот дошло до того, что он потерял терпение и разгневался. Схватил он тут человека, который больше других на него нападал и над ним издевался, поднял его в воздух и ударил головой оземь, да так, что у того брызнули мозги, и он умер. Тут решили они, что он наделен нечеловеческой силой, и бросились бежать, пришли и рассказали конунгу Харальду, что убит его дружинник.

Конунг отвечает:

– Так убейте того, кто это сделал.

– Нелегко это, – говорят они, – ведь он уже ушел.

А теперь нужно рассказать о том, что Хрейдар встретился с конунгом Магнусом.

Конунг сказал:

– Ну, теперь ты узнал, каково это – гневаться?

– Да, – говорит тот, – теперь знаю.

– Ну и как? – говорит конунг. – Помнится, прежде тебя это очень занимало.

Хрейдар отвечает:

– Ничего хорошего, – говорит он. – Больше всего мне хотелось бы всех их убить.

Конунг сказал:

– Я всегда знал, – говорит конунг, – что когда ты разгневаешься, это плохо кончится. Теперь я хочу послать тебя в Уппланд к Эйвинду, моему лендрманну^[402], чтобы он укрыл тебя от конунга Харальда. Неуверен я, что ты будешь в сохранности, если останешься с дружиной, потому что знаем мы: коварен родич Харальд, и трудно от него уберечься. Вернешься ко мне, когда я за тобой пошлю.

Вот Хрейдар уезжает в Уппланд, и Эйвинд принимает его, как приказал конунг. Конунги уже уладили свой прежний спор, но это дело не было улажено. Думалось конунгу Магнусу, что эти люди сами во всем виноваты и потому лишили себя права на возмещение. Он считал, что за убитого дружинника не нужно платить виры, а конунг Харальд требовал возмещения за своего дружинника, и они расстались, не достигнув согласия.

Прошло немного времени, и конунг Харальд узнал, где укрывают Хрейдара. Тогда он пускается в путь и прибывает в Уппланд к Эйвинду с шестью десятками людей. Он приезжает туда рано утром, думая застать их врасплох. Но из этого ничего не вышло, потому что Эйвинд предвидел, что он может явиться, и был к этому готов. Он тайно собрал людей, и они прятались в лесу около усадьбы. Эйвинд должен был дать им знать, когда прибудет конунг Харальд и понадобится их помощь.

Рассказывают, что незадолго до того, как приехал конунг Харальд, Хрейдар попросил Эйвинда дать ему серебра и немного золота.

– А ты в этом деле сведущ? – говорит тот.

Хрейдар отвечает:

– Так сказал мне конунг Магнус. А сам я об этом ничего не знаю, ведь я еще ни за что не брался. Но раз он так сказал, то я ему верю.

Эйвинд сказал:

– Станный ты человек, – говорит он. – Я дам тебе материал для работы. Вернешь мне серебро, если у тебя ничего путного не выйдет, а если выйдет, тогда пусть оно останется у тебя.

Хрейдара заперли в одном доме, и он принялся за работу. И прежде, чем работа его подошла к концу, приезжает конунг Харальд. И как я раньше уже говорил, Эйвинд был к этому готов, и задает он конунгу большой пир. И вот, когда они сидят и пируют, спрашивает

конунг, здесь ли Хрейдар – «и можешь рассчитывать на мою дружбу, если выдашь мне этого человека».

Эйвинд отвечает:

– Нет его теперь здесь, – говорит он.

– А я знаю, – говорит конунг, – что здесь он, и ни к чему тебе скрывать это.

Эйвинд сказал:

– Хотя бы и так, но я не намерен угождать тебе больше, чем конунгу Магнусу, и выдавать тебе человека, которого он отдал под мою защиту.

И тут он выходит из горницы. А когда он выходит, Хрейдар колотит в дверь и кричит, чтобы его выпустили.

– Тише, – говорит Эйвинд, – конунг Харальд приехал и хочет тебя убить.

Хрейдар все равно продолжает стучать и говорит, что он хочет встретиться с конунгом. Видит Эйвинд, что он сейчас выломает дверь, подходит и отпирает.

Он сказал:

– Да заберут тебя тролли, – говорит он, – идешь ты на верную смерть.

Хрейдар входит в горницу, подходит к конунгу и приветствует его.

Он сказал:

– Государь, смени гнев на милость, ведь я могу тебе во многом быть полезным и сделаю, что ты мне прикажешь, даже если поручение будет не очень-то приятным, в случае опасности или любом другом, и я с готовностью все выполню, куда бы ты меня ни послал. Есть у меня одна ценная вещь, которую я хочу тебе подарить, – и ставит ее перед ним на стол. А была то свинья, сделанная из серебра и позолоченная. Когда конунг увидел свинью, он сказал:

– Что и говорить, искусен ты. Никогда не видел я ничего подобного.

И вот пошла она по рукам. Конунг говорит, что он готов с ним помириться, – «и ты годишься на то, чтобы дать тебе важное поручение. По-моему ты человек сильный и бесстрашный».

Вот свинья возвращается обратно к конунгу. Он берет ее и рассматривает внимательнее и видит он теперь, что у нее сосцы, и что это самка^[403]. Тогда он отбрасывает ее, понимая, что она сделана ему в насмешку, и говорит:

– Да заберут тебя тролли! Встаньте, люди, и убейте его.

Но Хрейдар берет свинью и выходит вон. Он сразу же отправляется в путь, прибывает к конунгу Магнусу и рассказывает ему о том, что произошло. А те люди вскочили и бросились за ним, чтобы убить его. И когда они вышли, то им навстречу выступил Эйвинд со множеством людей, так что они не смогли схватить Хрейдара. На этом конунг Харальд с Эйвиндом расстались, и конунг был недоволен.

И когда конунг Магнус и Хрейдар встретились, спрашивает конунг, как он съездил, а Хрейдар рассказывает, как оно было, и показывает конунгу свинью. Конунг Магнус сказал, взглянув на свинью:

– Хорошая работа. Но родич наш, конунг Харальд, мстил и за гораздо меньшие оскорбления. Немало у тебя, однако, храбрости и выдумки.

Хрейдар пробыл после этого некоторое время у конунга Магнуса. Однажды приходит он побеседовать с конунгом и говорит:

– Хочу я, конунг, чтобы ты позволил мне то, о чем я тебя попрошу.

– Что это такое? – спрашивает конунг.

– А то, государь, – говорит Хрейдар, – чтобы ты выслушал хвалебную песнь, которую я о вас сложил.

– Почему бы и нет, – говорит конунг.

Вот Хрейдар говорит песнь, и она очень странная: вначале неудачная, но чем дальше, тем лучше. И когда кончилась песнь, конунг сказал:

– Странной кажется мне эта песнь, однако она хороша в конце. Песнь эта подобна твоей жизни: несладко началась она, но со временем будет все лучше и лучше. Я хочу назначить тебе награду за песнь. Есть один остров у берегов Норвегии, который я тебе пожалую. На нем хорошие пастбища, и это добрая земля, хотя она и невелика.

Хрейдар сказал:

– Там я соединю Норвегию с Исландией.

Конунг сказал:

– Не знаю я, чем это обернется. Но одно знаю наверняка: многие захотят купить у тебя этот остров и дать тебе за него деньги, но, думаю, будет разумнее, если я сам куплю его, чтобы не стал он костью, из-за которой бы перегрызлись ты и те, кто пожелают его купить. И неразумно было бы тебе оставаться в Норвегии слишком долго, потому что я знаю, как конунг Харальд решит твою судьбу, если он за это возьмется, а того не миновать, останься ты в Норвегии.

Тут дает ему конунг Магнус серебро за остров и хочет, чтобы он не подвергал себя опасности, оставаясь здесь. Хрейдар уезжает в Исландию, селится на севере в Сварвадардале и становится большим человеком. И по предсказанию конунга Магнуса дела его идут хорошо, и чем дальше, тем лучше, и всего более пошли ему на пользу те странные поступки, что он совершил в начале своей жизни. Он жил до старости в Сварвадардале, и многие ведут от него свой род. И здесь заканчивается этот рассказ.

Об Аудуне с Западных Фьордов

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

«Об Аудуне с Западных Фьордов» (Auðunar þáttir vestfirzka) – возможно, самая знаменитая из «прядей об исландцах». Она принадлежит к той же группе рассказов, что и предшествующая прядь, и также заканчивается благоприятной переменой в судьбе главного героя.

В древнеисландской литературе есть упоминания о том, что исландцы дарили белого медведя иноземным правителям, подобно тому как это делает Аудун, но невозможно установить, в какой мере рассказ об Аудуне историчен. В пряди об Аудуне, как и в двух следующих рассказах – «О Товаре Вороньем Клюве» и «О Бранде Щедрым» отразились архаичные представления о функции дарения и встречного подарка.

Прядь об Аудуне входит в сагу о норвежском короле Харальде Суровом из «Гнилой кожи». С некоторыми вариациями она сохранилась также в нескольких других средневековых рукописях, в том числе в «Книге с Плоского Острова», а также во множестве поздних списков, что говорит о ее популярности. Как предполагается, рассказ об Аудуне был написан в первые десятилетия XIII в.

Жил человек по имени Аудун, а родом с Западных Фьордов. Он был небогат. Он поехал из Западных Фьордов в Норвегию вместе с Торстейном, богатым бондом, и Ториром-корабельщиком. Торир перед этим зимовал у Торстейна, а Аудун тоже был там и работал на них, и в награду за труды Торстейн взял его с собой в Норвегию. Прежде чем сесть на корабль, Аудун оставил большую часть своих денег матери. Их должно было хватить ей на три зимы.

Вот плывут они из Исландии и благополучно приплывают в Норвегию, и Аудун зимует у Торира-корабельщика: у того было хозяйство в Мёре^[404]. А на следующее лето плывут они в Гренландию и там зимуют. Рассказывают, что Аудун купил там белого медведя – большое сокровище и отдал за него все свое добро. И вот на следующее лето отправляются они назад и благополучно приезжают в Норвегию. У Аудуна при себе медведь, и он хочет поехать на юг в Данию к Свейну-конунгу^[405] и подарить ему медведя.

Когда Аудун приехал на юг в Норвегию, туда, где был тогда Харальд-конунг^[406], он идет с корабля, ведя за собой медведя, и снимает себе жилье. Харальду-конунгу сразу же сказали, что приехал белый медведь – большое сокровище, а привез его какой-то исландец. Конунг тотчас посылает за ним людей. Представ перед конунгом, Аудун приветствовал сто. Конунг милостиво принял его приветствие и затем спросил:

– Что, немалое сокровище твой белый медведь?

Аудун отвечает и говорит, что есть у него медведишко.

Конунг сказал:

– Не продашь ли ты нам медведя за ту цену, за которую ты его купил?

Аудун отвечает:

– Не продам, государь.

– А хочешь, – говорит конунг, – я заплачу тебе вдвое против той цены? И это будет справедливо, раз ты отдал за него все свое добро.

– Не хочу, государь, – говорит Аудун.

Конунг сказал:

– Уж не хочешь ли ты подарить его мне?

Аудун отвечает:

– Нет, государь.

Конунг сказал:

– Что же ты хочешь с ним делать?

Аудун отвечает:

– Поехать в Данию и подарить его Свейну-конунгу.

Харальд-конунг говорит:

– Неужели же ты такой неразумный, что не слышал о войне между нашими странами? Или ты считаешь себя таким удачливым, что думаешь пробраться с сокровищами там, где даже те, кого нужда гонит, не могут пробраться целы и невредимы?

Аудун отвечает:

– Власть ваша, государь. Но я ни на что другое не соглашусь, кроме того, что задумал.

Тогда конунг сказал:

– Ну что ж, отчего бы тебе в самом деле не поехать, куда хочешь? Но приходи ко мне на возвратном пути и расскажи, как Свейн-конунг отблагодарил тебя за медведя. Может быть, ты и вправду удачливый.

– Это я тебе обещаю, – сказал Аудун.

Вот едет он на юг посуху в Вик и затем в Данию. Истратился он до последнего гроша и вынужден просить прокорма себе и медведю. Встречается он с управителем Свейна-конунга, Аки по имени, и просит у него еды себе и медведю. Аки сказал, что готов продать еды, если он хочет. Аудун говорит, что ему нечем заплатить.

– Но я бы хотел, – говорит он, – чтобы удалось подарить медведя конунгу.

– Я дам тебе еды, сколько вам обоим понадобится до встречи с конунгом. Но за это половина медведя будет моя. Смекни сам: медведь у тебя подохнет, ведь вам надо много еды, а денег у тебя нет, и останешься ты без медведя.

Подумав, Аудун решил, что Аки прав, и они сошлись на том, что он продаст половину медведя управителю, а конунг потом во всем разберется. Они решают отправиться оба к конунгу. Так они и делают: идут оба к конунгу и предстают перед его столом.

Конунг задумался: что это за неизвестный ему человек?

И затем сказал Аудуну:

– Кто ты такой?

Тот отвечает:

– Исландец, государь. Приехал я сперва из Гренландии в Норвегию, а теперь из Норвегии и хотел подарить вам этого белого медведя. Я отдал за него все, что у меня было. Но вот какая беда: осталась у меня только половина медведя.

И затем рассказывает, что произошло у него с Аки, управителем конунга.

– Правда это, Аки?

– Правда, – говорит тот.

Конунг сказал:

– И ты, кого я сделал большим человеком, посмел препятствовать и противодействовать тому, чтобы человек мог подарить мне сокровище, за которое он отдал все, что у него было? Харальд-конунг, – а он наш враг, – и тот отпустил его с миром! Сообрази же, подобало ли тебе поступать так, как ты поступил? Тебя бы казнить следовало. Но казнить я тебя не стану. Сейчас же уезжай прочь из нашей страны и не попадайся больше мне на глаза! А тебе, Аудун, я благодарен так, как если бы ты подарил мне целого медведя. И оставайся здесь, у меня!

Аудун принимает приглашение и остается у Свейна-конунга.

Но когда прошло некоторое время, он говорит конунгу:

– Уйти мне хочется, государь.

Конунг отвечает несколько холодно:

– Чего же ты хочешь, если не хочешь оставаться с нами?

Аудун говорит:

– Я хочу совершить паломничество в Рим.

– Если бы не такое хорошее дело ты задумал, – говорит конунг, – то мне было бы не по душе, что ты хочешь уйти от меня.

И вот конунг дал ему много серебра, и Аудун отправился в Рим с паломниками, и конунг снарядил его в путь и просил прийти к нему, когда он вернется.

Аудун шел своим путем, пока не пришел на юг, в Рим. Побыв там, сколько ему захотелось, отправляется он обратно. Тут напала не него жестокая хворь. Отощал он страшно. Вышли тогда и все деньги, которые конунг дал ему в дорогу. Стал он побираться и просить на пропитание. Голова у него бритая и вид довольно жалкий.

Аудун попадает в Данию на Пасху и прямо туда, где был тогда конунг. Он не смеет показаться на глаза конунгу. Стоит в церковном приделе и думает обратиться к конунгу, когда тот вечером пойдет в церковь. Но, увидев конунга и его разряженную дружину, он не посмел показаться ему на глаза. Конунг прошел пировать в палаты, а Аудун ел на улице, как то в обычае паломников, пока они еще не бросили посох и котомку.

Вечером, когда конунг пошел к вечерне, Аудун хотел к нему обратиться. Но решиться на этот раз было еще труднее, потому что вся

дружина была пьяна. Когда они вошли в церковь, конунг заметил человека, у которого, как ему показалось, не хватает духу выступить вперед и обратиться к нему. Дружина прошла, а конунг, ступив в сторону, сказал:

– Кто хочет обратиться ко мне, пусть выступит вперед! Наверное, это вот тот человек.

Тогда Аудун выступил вперед и упал к ногам конунга. Тот едва узнал его. Но, поняв, кто он, конунг взял Аудуна за руку и приветствовал его.

– Очень ты изменился, – говорит он, – с тех пор как мы виделись.

И он ведет Аудуна за собой. А дружина рассмеялась, увидя Аудуна.

Конунг сказал:

– Нечего вам смеяться над ним, ибо он лучше позаботился о своей душе, чем вы.

Затем конунг велел приготовить ему баню, дал одежду, и Аудун остался у него.

Рассказывают, что однажды весной конунг предлагает Аудуну остаться у него надолго, обещает сделать стольником и оказать ему почести. Аудун говорит:

– Спасибо, государь, за честь, которую вы хотите мне оказать! Но мне хочется поехать в Исландию.

Конунг говорит:

– Странно ты решил.

– Не могу я, государь, – говорит Аудун, – жить здесь у вас в почете, когда моя мать ходит с сумой в Исландии. Ведь кончилось то, что я оставил ей на пропитание, уезжая из Исландии.

Конунг отвечает:

– Хорошо ты сказал и как подобает мужу. Видно, ты и вправду человек удачливый. Любая другая причина твоего отъезда мне бы не понравилась. Оставайся у меня до тех пор, пока корабли не будут снаряжены.

Аудун так и сделал.

Однажды весной Свейн-конунг пошел на пристань. Люди уже снаряжали тогда свои корабли в разные страны: на Восток, в Страну Саксов, в Швецию или Норвегию. Конунг с Аудуном подошли к одному доброму кораблю, который снаряжали в плавание.

Конунг спросил:

– По душе ли тебе, Аудун, этот корабль?

Аудун отвечает:

– Очень по душе, государь.

Конунг сказал:

– Этот корабль я отдам тебе в благодарность за белого медведя.

Аудун поблагодарил конунга за подарок, как умел. И когда спустя некоторое время корабль был снаряжен, Свейн-конунг сказал Аудуну:

- Стало быть, ты хочешь уехать. Что же, я не стану тебя удерживать. Но я слышал, что в вашей стране приставать опасно: мало укрытых мест для кораблей. Вот разобьется твой корабль, погибнет все добро, и не будут знать, что ты побывал у Свейна-конунга и подарил ему сокровище.

Тут дал конунг Аудуну кожаный чулок, полный серебра.

- Однако, если ты сохранишь это серебро, то не останешься с пустыми руками, хоть и разобьется твой корабль. Но может статься, - говорит конунг, - что ты и его потеряешь. Мало тебе тогда будет проку оттого, что ты был у Свейна-конунга и подарил ему сокровище.

Тут конунг снял с руки запястье, дал его Аудуну и сказал:

- Если тебе не будет удачи, и корабль твой разобьется, и потеряешь ты свое серебро, то все же не останешься с пустыми руками, когда выберешься на берег, ибо многие сберегают на себе золото при кораблекрушениях. А если ты сохранишь запястье, то будут знать, что ты был у Свейна-конунга. И еще посоветую тебе: никому не дари это запястье, разве что понадобится отблагодарить какого-нибудь знатного человека за великое благодеяние. Ибо знатному подобает принять такой подарок. Счастливого тебе пути!

И вот Аудун выходит в море, приплывает в Норвегию и велит выгрузить свои товары, а теперь для этого пришлось больше потрудиться, чем раньше, когда он был в Норвегии. Затем он отправляется к Харальду-конунгу - он хочет выполнить то, что обещал ему до отъезда в Данию, - и учтиво его приветствует. Харальд-конунг милостиво принял приветствие.

- Садись, - говорит он, - и выпей с нами.

Аудун так и делает.

Харальд-конунг спросил:

- Как отблагодарил тебя Свейн-конунг за медведя?

Аудун отвечает:

- Он принял от меня подарок, государь.

Конунг сказал:

- Так и я отблагодарил бы тебя. А как он еще отблагодарил тебя?

Аудун отвечает:

- Дал мне серебра на паломничество в Рим.

Тогда Харальд-конунг говорит:

- Многим дает Свейн-конунг серебро на паломничество в Рим или на что другое, хотя они и не подносят ему сокровищ. Что он еще дал тебе?

- Он предложил мне, - говорит Аудун, - стать у него стольником и принять великие почести.

- Это он хорошо сказал. Но он, верно, еще чем-нибудь отблагодарил тебя?

Аудун сказал:

- Он дал мне корабль с товаром, самым прибыльным здесь в Норвегии.

– По-королевски он поступил, – говорит конунг. – Но я бы тоже отблагодарил тебя так. Отблагодарил он тебя еще чем-нибудь?

– Он дал мне кожаный чулок, полный серебра, и сказал, что если я сохраню его, то не останусь с пустыми руками, хоть бы корабль мой и разбился у берегов Исландии.

Конунг сказал:

– Он поступил отменно, но я бы этого делать не стал: я бы думал, что счелся с тобой, дав тебе корабль. Неужели он отблагодарил тебя еще как-нибудь?

– Вот как он еще отблагодарил меня, государь, – говорит Аудун. – Он дал мне запястье, что у меня на руке, и сказал, что может случиться, я потеряю все серебро, но и тогда не останусь с пустыми руками, если у меня сохранится запястье, и он посоветовал мне не отдавать его никому, разве что мне захочется отблагодарить кого-то за великое благодеяние. И вот я нашел такого человека. Ведь ты мог отнять у меня и медведя, и жизнь, но ты отпустил меня с миром ехать туда, куда другие не могли проехать.

Конунг принял подарок милостиво и, прежде чем они расстались, отблагодарил Аудуна богатыми подарками. Аудун закупил товаров для поездки в Исландию и тем же летом отплыл из Норвегии в Исландию и прослыл человеком очень удачливым. От этого Аудуна произошел Торстейн, сын Гюды.

О Торварде Вороньем Ключе

Перевод Е. А. Гуревич

Прядь «О Торварде Вороньем Ключе» (*Þorvarðar þáttur krákunefs*) известна как из саги о Харальде Суровом в «Гнилой коже», так и из «Книги с Плоского Острова».

/

Жил человек по имени Торвард Вороний Ключ. Он был родом с Западных Фьордов. Это был человек богатый и уважаемый. Он ездил из страны в страну, и куда бы он ни приехал, к нему везде хорошо относились. Однажды летом он приводит свой корабль на север в Нидарос. Харальд-конунг был тогда в городе, а с ним Эйстейн Тетерев, его шурин, сын Торберга, сына Арии. Он был храбрейшим из людей, и конунг очень его ценил. Торвард покинул корабль и снял в городе склад для своих товаров. Потом он пошел повидаться с Харальдом-конунгом.

Он приходит к пиршественной палате, а конунг как раз в это время вышел, и когда он возвращается, Торвард говорит:

– Привет вам, государь! У меня тут внизу, на корабле, парус, который я хотел бы вам преподнести.

Конунг нахмурился и сказал:

– Однажды я уже получил парус от вас, исландцев, – говорит он, – однако этот парус сослужил мне дурную службу: порвался в плавании. Я не принимаю твоего подарка.

Эйстейн сказал:

– Пойдите, государь, – говорит он, – и взгляните, может статься, он вам понравится. Не исключено, что вы принимали куда менее достойные подарки, а ведь этот парус предназначался специально для вас.

Конунг говорит:

– Я сам знаю, что мне делать.

Он возвращается в пиршественную палату, так и не дав себя уговорить.

Тогда Торвард просит Эйстейна принять парус.

– Пойдем со мной, – говорит он.

Эйстейн так и делает и кажется ему, что он никогда прежде не видал более драгоценного паруса, чем этот. Он благодарит за подарок и говорит, чтобы тот приехал к нему зимой погостить в его усадьбу на острове Гицки в Северном Мёре^[407].

В ту зиму больше ничего не произошло.

//

Весной Торвард снаряжает свой корабль и отправляется на юг вдоль берега и около Сольскеля намеревается выйти в открытое море. Однажды они видят, как мимо них проносится корабль и на нем большая команда. А высоко на носу стоит красивый и статный муж в красном платье. Он спрашивает, там ли Торвард. Тот отвечает и приветствует Эйстейна.

Эйстейн сказал:

– Ты так и не собрался ко мне в гости. Поднимайся на наш корабль и можешь захватить с собой сколько хочешь народу, потому что вам все равно нет попутного ветра.

Он так и делает, берет несколько человек и отправляется с ними на корабль Эйстейна. Они гребут к острову Гицки, и там Торварда и его людей ждет хороший прием и угощение. Постройки там были просторные и добротные.

Когда прошли вечер и ночь и наступило утро, Торвард просыпается и видит, что Эйстейн уже на ногах. Он говорит:

– Непохоже, чтобы сегодня подул попутный ветер. Оставайтесь у нас, и я сам буду наблюдать за погодой. Все равно вам придется сидеть и ждать попутного ветра.

А днем, когда они пировали и были в самом хорошем настроении, Эйстейн сказал:

– За то, что ты оставил свой корабль со всем снаряжением и поехал со мной, прими от меня этот наряд.

Наряд этот был сплошь украшен тесьмой и скроен из новехонькой алой материи. Торвард поблагодарил его за подарок.

Эйстейн сказал:

– Однако это не должно считаться возмещением за парус.

Они сидят весь день и пируют, и у них нет недостатка в браге. На третий день утром Эйстейн говорит Торварду:

– Сегодня вам тоже не стоит сниматься с места, потому что все равно нет попутного ветра.

Торвард отвечает:

– Тебе решать.

Их опять ждет вдоволь питья и угощения, а потом Эйстейн велит принести плащ. Он был из красной ткани, а с изнанки подбит серым мехом превосходной выделки.

Эйстейн сказал:

– Прими от меня этот плащ. Он послужит достойным возмещением за парус, потому что он настолько же лучше других плащей, насколько твой парус лучше любого другого паруса.

Торвард благодарит его за подарок. Проходит ночь, а когда Торвард просыпается рано утром, Эйстейн уже тут как тут и говорит:

– Я не стану вас больше задерживать, потому что подул попутный ветер.

Они поели и выпили перед тем, как отправиться в дорогу.

Эйстейн сказал:

– Случилось так, что тебе не удалось подарить этот парус конунгу, однако я догадываюсь, что прими он его, он бы отдал тебе так же, как и я. И все же ты не получил настоящего вознаграждения, потому что его дал тебе не конунг, но с этим я ничего не могу поделать, ведь по происхождению я гораздо ниже конунга. А за эту разницу в его и моем происхождении прими это золотое запястье.

И снимает его с руки. Торвард благодарит его за запястье и отправляется на свой корабль. Дует попутный ветер, и он приплывает в Исландию и становится там большим человеком.

Тем же летом, когда Харальд-конунг и Эйстейн плыли каждый на своем корабле вдоль берега, случилось так, что Эйстейн обогнал конунга и оказался впереди.

Конунг сказал:

– Откуда у тебя такой превосходный парус?

Эйстейн отвечает:

– Это тот парус, от которого вы отказались, государь.

Конунг сказал:

– Никогда не видал лучшего паруса. Я отказался от хорошего подарка.

Эйстейн сказал:

– Хочешь получить этот парус в обмен на поцелуй?

Конунг улыбнулся и сказал:

– Почему бы и нет? – и подошел к мачте.

Эйстейн сказал:

– Не делай из себя посмешище. Бери этот парус, если хочешь, и впредь знай, от чего отказываешься.

Конунг поблагодарил его и приказал перенести парус на свой корабль, однако он не годился для состязаний в плавании, потому что конунгов корабль был очень велик. Но все равно все считали этот парус большим сокровищем.

О Бранде Щедром

Перевод Е. А. Гуревич

В противоположность большинству произведений этого жанра, характерная черта которых – искусно выстроенные диалоги персонажей, нередко образующие ядро повествования, этот короткий рассказ (Brands þáttur örvu) знаменит тем, что на протяжении всего действия его герой ни разу не нарушает молчания.

Помимо саги о Харальде Суровом в «Гнилой коже», прядь сохранилась в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna).

Рассказывается, что в одно лето приехал в Норвегию из Исландии Бранд, сын Вермунда из Озерного Фьорда. Его называли Брандом Щедрым, и это прозвище подходило к нему как нельзя лучше. Бранд привел свой корабль в Нидарос.

Тьодольв-скальд^[408] был другом Бранда и много рассказывал Харальду-конунгу о том, какой тот достойный и великодушный человек. К тому же, говорил Тьодольв, едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом, таковы его благородство и

обходительность. А еще Тьодольв немало рассказывал о щедрости Бранда.

Тогда конунг сказал:

– Теперь недолго проверить, так ли он щедр, как ты говоришь: пойдь к нему и попроси, чтобы он отдал мне свой плащ.

Тьодольв идет и приходит в один дом. Бранд был тогда в кладовой. Он стоял на полу и мерил полотно. На нем была алая рубаха, поверх которой был наброшен красный плащ, а на голове – повязка. Он отмерял полотно, а под мышкой держал золоченую секиру.

Тьодольв сказал:

– Конунг желает получить этот плащ.

Бранд продолжал делать свое дело и ничего не сказал в ответ, но сбросил плащ с плеч. Тьодольв поднимает его и отправляется к конунгу. Конунг спросил, как было дело. Тот ответил, что Бранд не вымолвил ни слова, а еще рассказал, чем он был занят и как был одет.

Конунг сказал:

– Видно, это человек гордый и незаурядный, раз он не счел нужным ничего ответить. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить его золоченую секиру.

Тьодольв сказал:

– Не по душе мне это, государь. Не знаю я, как он примет то, что я хочу вынуть оружие из его рук.

Конунг сказал:

– Ты сам завел этот разговор и на все лады расхваливал его щедрость, вот теперь и отправляйся к нему. По мне, не будет он щедрым, коли не отдаст мне эту секиру.

Тьодольв идет к Бранду и говорит, что конунг хочет получить секиру. Тот протянул секиру и ничего не сказал. Тьодольв принес секиру конунгу и рассказал, как было дело.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что этот человек способен на еще большую щедрость и нам нынче достанется немало ценных вещей. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить ту рубаху, что на нем сейчас.

Тьодольв сказал:

– Не годится мне, государь, идти к нему опять с таким поручением. Как бы он не подумал, что я над ним насмехаюсь.

Конунг сказал:

– Разумеется, пойдь к нему.

Тот опять идет и приходит в верхнее помещение того дома, где находился Бранд. Там он говорит Бранду, что конунг желает получить его рубаху. Бранд прерывает работу и молча снимает с себя рубаху. Он отрывает один рукав и отбрасывает рубаху прочь, а рукав оставляет себе. Тьодольв берет, что ему нужно, отправляется к конунгу и показывает ему рубаху.

Конунг внимательно осмотрел ее и сказал:

– Человек этот и умен, и великодушен. Ясно мне, зачем он отпорол рукав: он, верно, думает, что у меня только одна рука, раз я все время беру, но ничего не даю взамен. Сходи, приведи его.

Тот так и поступил. Бранд явился к конунгу, и конунг принял его с почетом и наградил богатыми дарами. А все это делалось, чтобы испытать его.

Из пряди «О Халли Челноке»

Перевод Е. А. Гуревич

Эта прядь (Sneglu-Halla þáttur) представляет собой собрание разрозненных эпизодов-анекдотов об одном из скальдов Харальда Сурового, Халли, который в рассказах о нем обычно выступает то в роли ловкого плута, то смелого на язык шута, то – искусного импровизатора.

Прядь сохранилась в двух редакциях: краткой в составе саги о Харальде Суровом в «Гнилой коже», а также в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna) и пространной в «Книге с Плоского острова», из которой и взят публикуемый здесь эпизод. Считается, что прядь была написана в начале XIII в.; при этом не установлено, какая из двух редакций старшая.

Одного человека звали Эйнар по прозвищу Муха. Он был сыном Харека с Тьотты. Эйнар был лендрманном и управлял сюзлой^[409] в Халогаланде, а еще конунг передал в его руки всю торговлю с финнами^[410]. Он пользовался большим расположением конунга, однако у них то и дело возникали разногласия: такой это был неуживчивый человек. Он убивал тех, кто не выполнял всего, что он хотел, и никогда не платил виры. Ожидали, что Эйнар приедет к конунгу на Рождество.

Халли и его товарищ по скамье Сигурд беседовали об Эйнаре. Сигурд рассказывал Халли о том, что никто не решается перечить Эйнару или идти против его воли, и что он никогда не платит возмещения за учиненные им убийства или грабежи.

Халли говорит в ответ:

– У нас в стране таких хёвдингов называют злодеями.

– Думай, прежде чем сказать, приятель, – говорит Сигурд. – Он не терпит, когда о нем плохо отзываются.

– Хотя вы все так напуганы, что не решаетесь и слова сказать ему наперекор, – говорит Халли, – уверяю тебя, что если он нанесет мне обиду, я призову его к ответу и добьюсь того, что он уплатит мне возмещение.

- Почему тебе должно повезти больше других? – говорит Сигурд.
- Он сам поймет, что так для него же будет лучше, – отвечает Халли.

Они поспорили и после всех препирательств договорились до того, что Халли предложил Сигурду побиться об заклад. Сигурд поставил золотое кольцо весом в полмарки, а Халли – свою голову.

Эйнар приезжает к Рождеству и сидит рядом с конунгом, а его люди отдельно от него. Ему прислуживают, как самому конунгу.

В первый день Рождества, когда все насытились, конунг сказал:

- А теперь мы хотим развлечься чем-нибудь помимо браги. Ты, Эйнар, должен рассказать нам, что произошло во время твоих поездок.

Эйнар отвечает:

- Не о чем рассказывать, государь: не о стычках же с финнами да рыбаками.

Конунг отвечает:

- Вот и расскажи, как было дело. Мы тут не избалованы новостями, так что нас может позабавить и то, что вам самим кажется безделицей, вы-то ведь все свое время проводите в походах.

- В таком случае, государь, – говорит Эйнар, – пожалуй, надо рассказать о том, как прошлым летом, когда мы плыли на север, нам повстречался исландский корабль. Его отнесло непогодой, так что этим людям пришлось там зазимовать. Я выдвинул против них обвинение в том, что они вели торговлю с финнами, не имея на то ни вашего, ни моего разрешения, однако они не пожелали сознаться и все отрицали. Нам показалось, что им нельзя доверять, и я потребовал обыскать корабль, но они наотрез отказались пускать нас на борт. Тогда я сказал, что им же будет хуже и они получат по заслугам, и велел моим людям вооружиться и напасть на них. У меня было пять боевых кораблей. Мы встали по оба борта их корабля и сражались до тех пор пока не очистили его от людей. Там был один исландец по имени Эйнар, который так отважно защищался, что, признаюсь, я никогда не встречал ему равных, и конечно, он нанес нам немалый урон. Нам ни за что не удалось бы захватить этот корабль, если бы все на нем бились так, как он.

- Ты плохо поступаешь, Эйнар, – говорит конунг, – когда убиваешь ни в чем не повинных людей только за то, что они не во всем тебе повинуются.

- Я не могу все время подвергать себя риску, – говорит Эйнар. – К тому же поговаривают, государь, что и вы не всегда поступаете так, как угодно Богу. Что же касается этих людей, то мы их заподозрили не напрасно: у них на корабле оказалось множество финских товаров.

Халли слышал, о чем они говорили. Он швырнул свой нож на стол и перестал есть. Сигурд спросил, уж не заболел ли он. Он отвечает, что здоров, но что это – хуже болезни.

– Эйнар Муха рассказал о гибели Эйнара, моего брата. Он сказал, что сразил его прошлым летом на торговом корабле, – сказал он. – Вот и представился случай потребовать у него возмещения.

– Не вздумай и упоминать об этом, приятель, – сказал Сигурд. – А то тебе не поздоровится.

– Нет, – говорит Халли, – мой брат бы так со мной не поступил, если бы ему пришлось вести дело о моем убийстве.

Он перепрыгнул через стол, подошел к почетному сиденью и сказал:

– Вы, господин Эйнар, рассказали новость, которая не могла не привлечь моего внимания, – об убийстве Эйнара, моего брата, которого вы, по вашим словам, сразили на торговом корабле прошлым летом. Я хочу знать, собираешься ли ты заплатить мне возмещение за моего брата Эйнара.

– Ты разве не слыхал, что я никому не плачу возмещений?

– Я не обязан верить всему плохому, что о тебе говорят, – отвечает Халли.

– Убирайся-ка ты подобру-поздорову, – говорит Эйнар, – пока тебе же не стало хуже.

Халли идет к своей скамье. Сигурд спрашивает, как дела. Он отвечает, что вместо денег получил одни угрозы. Сигурд просит его больше не возвращаться к этому делу и освобождает его от данного ему слова.

Халли говорит, что это очень благородно с его стороны – «но я это так не оставляю».

На другой день Халли подошел к Эйнару и сказал:

– Я хотел опять спросить у тебя, Эйнар, намерен ли ты заплатить мне возмещение за моего брата.

Эйнар отвечает:

– Я вижу, от тебя не так-то просто отделаться, но если ты сейчас же не уберешься, тебя постигнет такая же судьба, что и твоего брата, если не хуже.

Конунг просит его не говорить так, – «это слишком большое испытание для родичей, и никогда нельзя знать, кому что может взбрести в голову. А ты, Халли, больше не возвращайся к этому делу, потому что людям и позначительнее, чем ты, приходилось сносить от него подобное». Халли отвечает:

– Будь по-вашему.

Он идет и садится на свое место. Сигурд приветствует его и спрашивает, как обстоит дело. Халли отвечает, что вместо возмещения получил от Эйнара одни только угрозы.

– Так я и думал, – говорит Сигурд. – Я освобождаю тебя от слова, которое ты мне дал.

– Ты поступаешь благородно, – говорит Халли, – но я все же собираюсь попытаться в третий раз.

– Я хочу отдать тебе это кольцо, – сказал Сигурд, – чтобы ты, наконец, успокоился, потому что я чувствую свою долю ответственности за то, что ты ввязался в это дело.

– Ты показал, какой ты достойный человек, но в том, что произошло, нет твоей вины. А я еще раз попытаю счастья.

На следующее утро, когда конунг и Эйнар Муха мыли руки, Халли подошел к ним и сказал, обращаясь к конунгу:

– Государь, – говорит Халли, – я хотел бы рассказать вам мой сон. Мне приснилось, что я – это не я, а совсем другой человек.

– Кем же ты был?

– Мне привиделось во сне, будто я – Торлейв-скальд, а Эйнар Муха – Хакон-ярл^[411], сын Сигурда, и будто я сочинил о нем нид, и кое-что из этого нида мне даже удалось запомнить.

Тут Халли поворачивается к ним спиной и что-то бормочет себе под нос, так что никто не может разобрать ни слова. Конунг сказал:

– Это был не сон, просто он решил сравнить одно с другим. И с вами может случиться то же, что произошло с Хакон-ярлом из Хладира и Торлейвом-скальдом. Халли на это и намекает, и непохоже, чтобы он отступился. Мы знаем, что нид обращали и против более могущественных людей, чем ты, Эйнар, – Хакон-ярл тому примером, и память об этом будет жить, пока люди населяют Северные Страны. Что и говорить: хулительные стишки, сложенные о знатном человеке, если они останутся в памяти людской, стоят горсти монет. Я советую тебе откупиться от него чем-нибудь.

– Вам решать, государь, – говорит Эйнар. – Скажите ему, чтобы он взял у моего казначея три марки серебра, те самые, что я недавно вручил ему в кошельке.

Это передали Халли. Он нашел казначея и сказал ему, как было велено. Тот ответил, что в кошельке четыре марки серебра. Халли ответил, что ему причитается три. Он пошел к Эйнару и сказал ему об этом.

– Можешь взять себе то, что лежит в кошельке, – говорит Эйнар.

– Нет, – отвечает Халли, – тогда ты сможешь обвинить меня в краже своего имущества и потребовать моей головы, а я вижу, что именно это ты и собирался сделать.

Так оно и было, и Эйнар думал, что Халли возьмет кошелек и не станет в него заглядывать, и этого будет достаточно, чтобы вчинить ему иск.

Халли возвращается на свою скамью и показывает Сигурду деньги. Сигурд снимает кольцо и говорит, что Халли его выиграл. Тот отвечает:

– Оставь себе это кольцо и носи его на здоровье, потому что я не хочу ни в чем тебе уступать. По правде говоря, я никогда не состоял в родстве с человеком, которого убил Эйнар, мне только хотелось проверить, смогу ли я вытянуть из него деньги.

– Ну, ты хитрец, каких мало, – говорит Сигурд. После Рождества Эйнар уехал на север в Халогаланд.

Об Одде, сыне Офейга

Перевод Е. А. Гуревич

Особенность истории об Одде (Odds þáttur Ófeigssonar), также принадлежащей к «прядам об исландцах на чужбине», состоит в том, что конфликт между ее героями – исландским купцом (об Одде рассказывается и в других произведениях, в частности, в «Саге о союзниках») и могущественным правителем Норвегии – так и не находит в ней своего разрешения.

Прядь сохранилась в нескольких средневековых рукописях: в «Гнилой коже» в составе саги о Харальде Суровом, в «Книге с Плоского Острова» и в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna). В последних опущена заключительная речь Одда, обращенная к его спутникам. Предполагается, что действие рассказа относится к 1056 г. (ср. упоминаемый в пряди «плохой», т. е. голодный год) и что он был написан в начале XIII в.

В одно лето приехал из Исландии Одд, сын Офейга, сына Скиди, отправился на север в Финнмёрк и провел там зиму. Тогда правил Норвегией Харальд-конунг. А когда весной они плыли на юг, Одд сказал своим людям:

– Эта поездка сопряжена с риском, – говорит он, потому что никому не позволено ездить сюда торговать без разрешения конунга или сюслуманна^[412], а для сбора подати с финнов поставлен теперь человек, который слывет весьма несговорчивым, зовут его Эйнар Муха^[413]. Я хочу знать, много ли товаров вы выменяли у финнов.

Но они отрицали, что торговали с финнами. А когда они проплывали мимо Тьотты, то увидели, что от острова прямо на них мчится на всех парусах боевой корабль. Это был Эйнар. Когда они заметили его, Одд просил своих людей приготовиться и велел им остерегаться, чтобы у них не нашли финских товаров, – «на тот случай, если корабль станут обыскивать, – а я подозреваю, что вы сказали неполную правду и вели торговлю с финнами, – снесем все это добро в одно место».

Тогда-то и подтвердилось то, о чем догадывался Одд: каждый принес товары, какие накупил, и они спрятали их в одно место, куда им посоветовал Одд, и успели управиться с этим прежде, чем к ним подошел Эйнар.

Те подвели свой боевой корабль к кораблю Одда. Дул легкий попутный ветерок, однако он начинал крепчать. Одд обратился к Эйнару с приветствием, потому что они были знакомы.

Эйна́р сказал:

– Сам-то ты, Одд, известен как человек, который знает, что ему пристало делать, а что – нет, но зимой вы были у финнов, и может статься, кое-кто из твоих людей, не в пример тебе, не слишком остерегался торговать с финнами. Однако это право даровано конунгом нам, и потому мы хотим обыскать ваш корабль.

Одд отвечает, что они могут распоряжаться, как хотят, и, если считают нужным, осмотреть их добро, и люди открывают свои сундуки. Эйнар и его спутники поднимаются на корабль, ищут и не находят финской дани. Тогда Эйнар сказал:

– Похоже, что эти люди все же вели себя осторожнее, чем я предполагал. Я думаю, не стоит развязывать груз у мачты, потому что ветер крепчает, и нам лучше вернуться на наш корабль.

Тут человек, который сидел на тюках, сказал:

– Загляни прежде в мой узел, не припрятано ли там чего, – и начинает его развязывать, а Эйнар ждет. А тук этот обмотан длинным ремнем, так что не скоро распутаешь, и он с ним долго возится. Эйнар просит его поторапливаться, тот обещает и вынимает из того тюка еще один и начинает развязывать, а на этом тюке тоже много ремней, и конца этому не видно. Эйнар сказал:

– Долго ты копаешься, – говорит он, однако продолжает ждать, не найдется ли у того в тюке чего-нибудь такого, за что ему можно было бы вчинить иск.

И вот, наконец, появляется третий тук, а когда ему удалось его развязать, там не оказалось ничего, кроме старых лохмотьев. Тогда Эйнар сказал:

– Жалкий бедняк! – говорит он. – Пока ты нас тут водил за нос, остров скрылся из виду.

Эйна́р и его люди отправляются на свой корабль, потому что поднялся ветер и их стало относить от торгового корабля. На том они и расстались.

Одд сказал:

– Мы с честью выдержали посещение Эйна́ра Мухи, хорошо бы нам теперь избежать встречи с конунгом.

Эйна́р сразу же дает знать о случившемся конунгу. А когда они проплывали на юг мимо Мьёлы, вышло так, что Харальд-конунг был там и заметил их торговый корабль. И поскольку конунг уже был предупрежден, он сказал, когда они увидели корабль:

– Похоже, все складывается как нельзя лучше, – говорит он. – Это, должно быть, корабль Одда, и неплохо, что мы встретимся. Редко кому удавалось так ловко провести Эйна́ра, как это сделал Одд со своими людьми.

Конунг был в гневе. Одд и его спутники высаживаются на острове, а конунг, не теряя времени, отправляется ему навстречу со своими людьми. Одд вежливо приветствует конунга, но конунг отвечает ему неохотно и сердито и говорит, что Одд вел себя недостойно, что он-де всегда принимал его с честью, а тот поехал торговать с финнами ему в послушание.

Одд говорит:

– У нас теперь было бы больше причин радоваться, государь, – говорит он, – высадишь ты южнее Финнмёрка, однако я мог дать моим людям только один совет: не вести торговлю, раз на то нет твоего разрешения.

Конунг сказал:

– И все же я догадываюсь, – говорит он, – что найдется достаточно оснований, чтобы вздернуть вас на самом высоком дереве. И хотя бы за тобой и не было вины, по твоим людям видно, что они были не прочь поторговать, невзирая на запрет, а потому мы хотим вас обыскать.

– Как вам будет угодно, государь, – говорит Одд.

Те так и сделали, но ничего не нашли.

Одного человека звали Торстейн, он был родичем Торира Собаки. Это был человек молодой и видный. Они с Оддом были хорошие друзья. Торстейн был тогда с конунгом. Когда конунг и его люди уходят, он остается на корабле и тайком расспрашивает Одда, нет ли за ними и впрямь вины, и говорит, что конунг сильно разгневан и вряд ли дело на этом кончится.

– Не думаю, чтобы нам удалось отвести от себя подозрение. Они тут набрали всякого добра самовольно, хотя я и запрещал, и мне же потом пришлось давать им совет, куда его спрятать.

– А где оно сейчас? – спрашивает Торстейн.

Одд говорит ему, что все находится в одном спальном мешке. Торстейн сказал:

– Конунг, возможно, опять вернется сюда и учинит обыск, а потому возьми этот спальный мешок и положи его конунгу под почетное сиденье. Я думаю, он едва ли заподозрит, что сам сидит на том, что ищет. Правда, и эта затея небезопасна.

После этого Торстейн уходит, а Одд делает, как он посоветовал. Спустя некоторое время туда приходит конунг и усаживается на сиденье, которое было для него приготовлено, а его люди начинают искать по сундукам и повсюду, заглядывая во все укромные места, куда те могли запрятать товары, но ничего не находят.

Конунг сказал:

– Не возьму в толк, где они их прячут. Однако несомненно одно – товары, которые мы ищем, здесь, на корабле.

Одд отвечает:

– Не зря говорится, государь: тот, кто гадает, часто блуждает в потемках.

Конунг и его люди уходят, а Торстейн опять задерживается на корабле и говорит Одду:

- Эта уловка выручит вас ненадолго. Нужно быть готовым к тому, что пройдет немного времени и конунг догадается, в чем дело, и тогда, наверняка, возобновит поиски. Я думаю, товары следует спрятать в парус, а парус подвязать повыше на мачте, потому что скоро все на корабле будет разворочено, будь то тюки, или что другое.

Одд и его люди делают так, как сказал Торстейн, и он уходит. Когда он догнал конунга, тот спросил его, почему он отстал.

- Мне пришлось остановиться, государь, - говорит он, - чтобы поправить чулок.

Конунг ничего не сказал. А спустя некоторое время конунг приходит к Одду на корабль и говорит:

- Не исключено, - говорит он, - что в прошлый раз вы усадили меня на финскую дань. Теперь нужно первым делом осмотреть мое сиденье, а потом обыскать весь корабль. И знайте: чем больше вы нам доставите хлопот, тем хуже вам придется.

Они ищут везде, где только можно, но ничего не находят. Конунг сходит на берег, а Торстейн опять задерживается и говорит Одду:

- И это вас ненадолго выручит. Теперь не остается ничего другого, как только унести это добро с корабля и спрятать на берегу, подальше на мысу, я же пойду домой другой дорогой, тогда конунг, может быть, не обратит внимания на то, что я отстал. А вечером, после захода солнца, поднимайте якорь, и ты, Одд, вставай к рулю и призови на помощь все свое искусство, потому что иначе вам не уйти от конунга. Он человек решительный и упрямый и не отступится, если ему что взбредет в голову.

Одд сказал Торстейну, что они у него в долгу за ту помощь, что он им оказал, и они расстались. Торстейн уходит, а Одд и его люди делают так, как он им посоветовал, и всю ночь трудятся не покладая рук. А наутро приходит конунг и велит искать в парусе, и когда там ничего не находят, опять теряется в догадках, куда они могли запрятать финскую дань.

Одд сказал:

- Государь, теперь нас не в чем заподозрить, потому что на нашем корабле перетряхнули каждую тряпку.

Конунг говорит, что Одду не стоит на это рассчитывать, и что ему до сих пор не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Конунг был так рассержен, что они не посмели вступать с ним в пререкания.

День подходил к концу. Когда стемнело, они перенесли на корабль то добро, какое прятали, снарядились и перед рассветом отплыли с попутным ветром. Конунг проснулся рано и сказал:

- Мне кажется, я разгадал, в чем тут дело, и похоже, не они одни приложили к этому руку. Думаю, на этот раз мы найдем на корабле то,

что ищем. Я не мог предать их смерти, пока это было только моей догадкой. Нужно идти туда немедленно и искать.

Однако, когда они выходят из шатров и оглядываются по сторонам, то замечают парус Одда у дальних островов.

Тогда конунг сказал:

– На этот раз Одду удалось уйти от нас, а ты, Торстейн, можешь отправляться следом за ними, поскольку ты теперь выше ценишь дружбу этого Одда, чем мою. Впрочем, похоже, что предательство у вас в роду^[414].

Торстейн говорит:

– Никакое это не предательство, государь, хотя ты и не убьешь теперь Одда, который был тебе хорошим другом, и многих других людей из-за одного только подозрения. Я же считаю, что убережешь тебя от подобного злодеяния, – и значит доказать свою верность.

Одд и его люди вышли в море и поплыли при попутном ветре. Одд сказал своим спутникам:

– Теперь я должен рассказать вам, как было дело и что мне приходилось предпринимать. Я просил вас не покупать у финнов больше, чем позволено, однако вы позабыли об осторожности. Когда же стало ясно, что нам не избежать встречи с Эйнармом, я сказал, чтобы вы приняли его, как полагается, но постарались отвлечь его и сбить с толку, потому что знал за вами вину. И еще я велел плыть, пока он был у нас, и все для того, чтобы поскорее от него отделаться. А потом, когда конунгу доложили, что показался какой-то корабль, и он спросил, не мы ли это, Торстейн, наш друг, ответил, что это, верно, рыбаки. «Хороший улов, – сказал конунг, – достается тому, кто знает свою выгоду, и этот улов – наверняка, мой». Но нам все же удалось сохранить свой улов и ускользнуть от него, и благодарить за это следует Торстейна.

Одд приезжает в Исландию и отправляется к себе домой.

В то время ездил по стране человек по имени Харек, родич Торстейна, и заехал в Средний Фьорд. Год тогда выдался плохой, однако Одд пригласил его к себе и послал с ним Торстейну в подарок двух хороших чистокровных кобыл рыжей масти с белой гривой и сказал, что это за то, что тот спас ему жизнь.

Летом Харек уезжает из страны и встречается с Торстейном, тот тогда еще оставался у конунга. Харек приводит к нему лошадей и говорит, что их прислал Одд.

Торстейн говорит:

– Этот подарок сослужит мне дурную службу и из-за него не оберешься неприятностей, ведь теперь мне уже не скрыть, что я участвовал в этом деле.

Торстейн показывает кобыл конунгу и говорит, что Одд послал их ему в дар.

Конунг отвечает:

– Я не заслужил подарка от Одда. Он послал его тебе, а не мне, тебе им и владеть, – и велит убить его.

Однако люди не пожелали подчиниться ему, а Торстейн оставил дружину и больше не поддерживал дружбы с конунгом.

О Халльдоре, сыне Снорри

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Известны две пряди о Халльдоре, сыне Снорри. Эта прядь, считающаяся жемчужиной древнеисландского повествовательного искусства, называется «более поздней» (Halldórs þáttir Snorrasonar inn síðari), потому что в ней рассказывается о более поздних событиях, имевших место в 1049–1051 гг.

В отличие от большинства центральных героев прядей, безвестных исландцев, зачастую вымышленных персонажей, Халльдор, сын Снорри, – представитель знатного исландского рода, одиннадцатый сын Снорри Годи, о котором рассказывается в ряде родовых саг, в частности, в «Саге о Ньяле» (см. также прядь «О Пивном Капюшоне»),

Прядь была написана в начале XIII в. и сохранилась в составе саги о Харальде Суровом в «Гнилой коже», а также в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna).

/

Халльдор, сын Снорри, был в Миклагарде с Харальдом-конунгом, как уже рассказано раньше^[415], и приехал с ним в Норвегию из Гардарики^[416]. Конунг оказывал ему тогда большие почести. Халльдор оставался ту зиму у конунга в Каупанге^[417].

Когда зима кончилась и началась весна, люди стали готовиться к торговым поездкам, потому что перед этим из Норвегии почти совсем не ходили корабли из-за войны между Норвегией и Данией. К концу весны Харальд-конунг заметил, что Халльдор, сын Снорри, очень опечалился. Однажды конунг спросил, что у него на уме. Халльдор отвечает:

– Мне хочется в Исландию, государь.

Конунг сказал:

– Многим на твоём месте больше хотелось бы домой. Как же ты снаряжился в плаванье, сколько товару закупил?

Тот отвечает:

– Мало нужно мне времени на закупку товару, ведь у меня нет ничего, кроме одежды, которая на мне.

– Плохо же ты вознагражден за долгую службу и многие опасности, которым подвергался. Я дам тебе корабль с грузом. Пусть твой отец знает, что ты не даром служил мне.

Халльдор поблагодарил конунга за подарок.

Через несколько дней Халльдор встретился с конунгом, и тот спросил, сколько человек он набрал себе на корабль. Халльдор отвечает:

– Все торговые люди уже нанялись на другие корабли, и мне некого нанять себе. Так что, наверное, придется остаться здесь кораблю, который вы мне подарили.

Конунг сказал:

– Плох тогда мой подарок. Но посмотрим, нельзя ли помочь тебе.

На другой день затрубили сходку в городе и объявили, что конунг хочет говорить с горожанами и торговыми людьми. Конунг пришел на сходку поздно и с озабоченным видом. Он сказал:

– Мы слышали, что война пришла в наше государство на востоке в Вике. Свейн, конунг датский, с войском идет на нас, а мы ни за что не хотим отдать ему нашу землю. Поэтому ни один корабль не должен отплыть из страны прежде, чем я получу с каждого корабля столько людей и припасов, сколько я захочу. Только один кораблик, тот, что принадлежит Халльдору, сыну Снорри, отправится в Исландию. И хотя тем, кто уже приготовился к поездке, это покажется несколько суровой мерой, нужда заставляет нас прибегнуть к такому побору. Мы бы предпочли, конечно, чтобы все было спокойно и всякий ехал, куда хотел.

На этом сходка кончилась. Вскоре после этого Халльдор пришел к конунгу. Тот спросил, как он снаряжается в плавание, набрал ли людей. Халльдор отвечает:

– Очень много набрал. Приходит теперь куда больше людей, чем нужно, и просят нанять их. Они очень пристают ко мне, чуть не в дом вламываются, так что ни ночью ни днем нет покоя от их домогательств.

Конунг сказал:

– Оставь себе тех, которых взял, и посмотрим, что будет дальше.

На следующий день затрубили сходку и объявили, что конунг снова хочет говорить с торговыми людьми. На этот раз конунг не задержался, а пришел сразу же, и вид у него был милостивый. Он встал и сказал:

– Добрые вести пришли: что говорилось на днях о войне – пустые слухи и ложь. Будет теперь наше разрешение всякому плыть из нашей страны, куда кто хочет. Возвращайтесь осенью и привезите нам сокровищ. В обмен будет вам от нас вознаграждение и дружба.

Все торговые люди, что там были, обрадовались новости и хвалили конунга.

И вот Халльдор поплыл тем же летом в Исландию и провел зиму у отца. На следующее лето он вернулся в Норвегию, ко двору Харальда-конунга, но говорят, что Халльдор стал меньше бывать с конунгом, чем

раньше. Часто он вечерами, когда конунг уходил спать, оставался сидеть.

//

Одного человека звали Торир Ездок в Англию. Он много торговал и подолгу плавал в разные страны и привозил конунгу сокровища. Торир был дружинником Харальда-конунга и очень старым человеком. Торир вступил в разговор с конунгом и сказал:

– Человек я, как вы знаете, старый и сдавать начал. Невмоготу мне соблюдать придворные обычаи – пить здравицы из рога и прочее, что подобает делать. Надо бы мне подыскать что-нибудь другое, хотя всего милее и приятнее быть с вами.

Конунг отвечает:

– Твоему горю легко помочь, друг. Оставайся в дружине, но пей не больше, чем хочешь. Я разрешаю.

Одного человека из Уппланда звали Бард. Он был верный товарищ и не стар. Харальд-конунг очень благоволил к нему. Бард, Торир и Халльдор сидели на одной скамье. Однажды вечером, когда конунг проходил мимо, они сидели и пили, и Халльдор как раз передал рог Ториру. Рог был большой и прозрачный, и было видно, что Халльдор выпил половину рога. А Торир медлил и не пил. Тогда конунг сказал:

– Вот ты каков, Халльдор! Не пьешь своей доли и обманываешь старика, а сам бегаешь по ночам к шлюхам, вместо того чтобы быть с твоим конунгом!

Халльдор ничего не ответил, но Бард заметил, что слова конунга не понравились исландцу. Ранним утром на следующий день Бард пошел к конунгу.

– Рановато ты встаешь, Бард, – говорит конунг.

– Я пришел, – сказал Бард, – чтобы упрекнуть вас, государь. Нехорошо и несправедливо поступили вы вчера вечером, обвинив Халльдора, вашего друга, в том, что он не пьет своей доли. Ведь это был рог Торира, а тот уже кончил пить и вылил бы брагу в жбан, если бы Халльдор не выпил за него. И, конечно, неправда, что Халльдор ходит к распутным женщинам. Но лучше было бы, если бы он больше бывал с тобой.

Конунг отвечает, что они с Халльдором уладят это между собой, когда встретятся. Затем Бард встречается с Халльдором и передает ему слова конунга и убеждает его не принимать близко к сердцу того, что конунг сказал на пиру. Бард очень старается помирить их.

Подходит Рождество, но конунг и Халльдор не помирились. Когда наступило Рождество, стали объявлять, как это было там в обычае, кому пить из штрафного рога. Однажды утром на Рождество подстроили так, что колокольный звон был не вовремя: свечники^[418]

подкупили звонаря, и он зазвонил намного раньше, чем обычно. И вот Халльдор и много других людей должны были в тот день сесть на солому, которой был застлан пол, и пить из штрафного рога.

Халльдор сидит на своем месте, но ему все же подносят штрафной рог. Он говорит, что не станет пить. Тогда об этом сообщают конунгу.

– Не может этого быть! – говорит конунг. – Он выпьет, если я поднесу.

Конунг берет рог и подходит к Халльдору. Тот встает. Конунг просит его опорожнить рог. Халльдор отвечает:

– Мне не кажется, что я провинился. Ведь звон был подстроен только для того, чтобы людям пришлось пить из штрафного рога.

Конунг отвечает:

– Ты все же опорожнишь рог, как и другие люди.

– Возможно, конунг, – говорит Халльдор, – что тебе удастся заставить меня выпить. Но вот что я тебе скажу: Сигурд Свинья не стал бы так насиловать Снорри Годи^[419].

И он протягивает руку к рогу и опорожняет его. А конунг в сильном гневе возвращается на свое место.

Когда наступил восьмой день Рождества, людей стали жаловать деньгами. Эти деньги назывались «Харальдовой чеканкой». Большую часть составляла в них медь, а серебра в них было не больше половины. Халльдор берет деньги, кладет себе на подол плаща, смотрит на них, видит, что они не чистое серебро, и сбрасывает их другой рукой, так что они все скатываются в солому. Бард говорит, что напрасно он так обращается с ними.

– Конунг оскорбится тем, что так обходятся с деньгами, которыми он пожаловал.

– Неважно, – говорит Халльдор. – Семь бед – один ответ.

III

После Рождества стали снаряжать корабли: конунг хотел поехать на юг вдоль побережья. Он был уже почти готов к отплытию, а Халльдор еще не начал собираться. Бард сказал:

– Почему ты не собираешься, Халльдор?

– Не хочу ехать, – говорит тот, – и не поеду. Мне ясно, что конунг не расположен ко мне.

Бард говорит:

– Но он, конечно, хочет, чтобы ты поехал.

Затем Бард идет к конунгу и рассказывает, что Халльдор не готовится к плаванию.

– Ты ведь знаешь, что если он не поедет, трудно будет найти ему замену.

Конунг сказал:

– Скажи ему, что я хочу, чтобы он поехал со мной. Размолвка между нами пустячная.

Бард встретился с Халльдором, сказал ему, что конунг ни за что не хочет отказаться от его службы, и дело кончилось тем, что Халльдор поехал. И вот плывут они с конунгом на юг вдоль побережья. Однажды ночью во время плаванья Халльдор сказал кормчему:

– Сворачивай!

А конунг сказал:

– Держи прямо!

Халльдор снова сказал:

– Сворачивай!

А конунг опять повторил то же самое.

Халльдор сказал:

– Прямо на подводный камень правите.

Так оно и было. Сразу же корабль получил пробоину, и пришлось переправиться на берег на других кораблях. Затем разбили шатер и починили корабль. Бард проснулся, когда Халльдор сворачивал свой спальный мешок. Бард спросил, куда тот собирается, и Халльдор сказал, что собирается на торговый корабль, который стоит неподалеку.

– Наверное, наши дороги совсем разошлись. С меня довольно. Не хочу, чтобы конунг снова использовал свои корабли или другие сокровища для того, чтобы унижить меня.

– Подожди, – говорит Бард. – Я еще раз поговорю с конунгом.

Когда Бард пришел к конунгу, тот сказал:

– Рано ты встал, Бард.

– Нужда заставила, государь. Халльдор в дорогу собрался. Ты недружественно обошелся с ним. Никак за вами не уследишь. Он хочет уйти, наняться на корабль и разгневанным уехать в Исландию. Нельзя вам так расстаться. Ведь ты едва ли найдешь другого такого же надежного человека, как он.

Конунг сказал, что они еще поладят и что он не прочь помириться. Бард встретился с Халльдором и передал ему дружественные слова конунга. Халльдор отвечает:

– Зачем я буду ему долгие служить? Он даже платит мне обманными деньгами.

Бард сказал:

– Не говори так. Ты вполне мог бы удовлетвориться тем, что удовлетворяет сыновей лендрманнов^[420]. И ведь ты поступил в прошлый раз очень дерзко, бросив деньги на солому. Ты же, конечно, понимаешь, что оскорбил этим конунга.

Халльдор отвечает:

– Я знаю только, что в моей службе никогда не было такого обмана, как в деньгах, которые конунг пожаловал мне за нее.

– Это верно, – говорит Бард. – Но подожди, я еще раз поговорю с конунгом.

Так он и сделал. Придя к конунгу, он сказал:

– Плати ему жалование чистым серебром, ведь он этого достоин.

Конунг отвечает:

– Не кажется ли тебе дерзостью требовать для Халльдора других денег, чем те, которые получают у меня сыновья моих лендрманнов? И ведь он оскорбил меня прошлый раз, бросив деньги.

Бард отвечает:

– Подумай о том, государь, что гораздо важнее: о его благородстве и вашей дружбе, которая долго была крепкой, а также о своем великодушии. Ты знаешь нрав Халльдора и его строптивость. Тебе подобает оказывать ему уважение.

Конунг сказал:

– Дайте ему серебра.

Так и было сделано. Бард пришел к Халльдору и принес ему двенадцать унций чистого серебра. Бард сказал:

– Разве ты не видишь, что добиваешься у конунга того, чего желаешь? Он хочет, чтобы ты получал от него все, что тебе кажется нужным.

Халльдор отвечает:

– Но я больше не буду на корабле конунга, и если он хочет, чтобы я следовал за ним, пусть даст мне корабль.

Бард отвечает:

– Не подобает, чтобы лендрманны отдавали тебе свои корабли. Ты слишком дерзок.

Халльдор сказал, что тогда он не поедет, и Бард передал конунгу просьбу Халльдора.

– И если люди на корабле будут такими же надежными, как кормчий, то жалеть не придется.

Конунг сказал:

– Дерзкая это просьба, но я согласен.

Одним кораблем правил Свейн из Люргьи, конунгов лендрманн. Конунг велел позвать его.

– Вот какое дело. Ты человек очень знатный, как тебе известно. Поэтому я хочу, чтобы ты был на моем корабле, а твоим кораблем будет править другой человек. Ты из Вика и потому особенно нужен мне как советчик.

Тот говорит:

– До сих пор ты больше советовался с другими, да и плохой я советчик. А кому же будет отдан корабль?

– Халльдору, сыну Снорри, – говорит конунг.

Свейн говорит:

– Вот уж не думал, что ты отдашь мой корабль исландцу.

Конунг сказал:

– Его род в Исландии не хуже, чем твой здесь в Норвегии, и не так еще давно те, кто теперь живет в Исландии, были норвежцами.

И вот, как велит конунг, Халльдор получает корабль, и они едут на восток, в Осло, и там им устраивают пиры.

IV

Рассказывают, что однажды, когда конунг и его люди пировали и Халльдор тоже был в покоех конунга, пришли люди Халльдора, которые сторожили корабль, все мокрые до нитки, и сказали, что Свейн и его люди захватили корабль, а их сбросили в воду. Халльдор встал, подошел к конунгу и спросил, отдан ли ему корабль и будет ли он принадлежать ему, как конунг обещал. Конунг отвечал, что, конечно, корабль будет Халльдора. Затем конунг созвал дружину и велел отправиться с Халльдором на шести кораблях с тройным числом людей на каждом. Они погнались за Свейном, и вскоре тот бежал на землю, а Халльдор с дружиной захватил корабль, и они вернулись к конунгу. А когда пиры кончились, конунг отправился на север вдоль побережья и к концу лета прибыл в Трандхейм.

Свейн из Люргьи послал сказать конунгу, что отказывается от корабля и просит конунга решить их спор с Халльдором, как ему будет угодно, но что всего больше он бы хотел купить корабль, если конунг согласится. Когда конунг увидел, что Свейн предоставляет ему рассудить спор, он захотел решить дело так, чтобы потрафить обоим. Он говорит Халльдору, что готов купить у него корабль за хорошую цену, но обещает Свейну, что оставит корабль ему, договаривается с Халльдором о цене и отдает ему деньги, но так, что за ним остается полмарки золота. Халльдор не требует этого остатка, и всю зиму конунг – его должник.

Когда началась весна, Халльдор говорит конунгу, что собирается летом в Исландию и что ему тогда пригодятся те полмарки золота. А конунг уваливает и не хочет платить, но и не запрещает Халльдору отъезд в Исландию.

Весной Халльдор снарядил свой корабль в реке Нид. Однажды поздно вечером, когда корабль был уже совсем готов к отплытию, он вывел его из реки. Поднялся попутный ветер. Халльдор с несколькими людьми сел в лодку и подъехал к пристаням. Он причалил кормой и велел одному держать лодку, а другим – сидеть на веслах и ждать его. Затем он в полном вооружении пошел один вверх, в город, и направился прямо в покой, где спали конунг и его жена. Он входит, топоча и грохоча, так что конунг и его жена просыпаются, и конунг спрашивает, кто это ломится к ним среди ночи.

– Это я, Халльдор. Корабль готов к отплытию, и ветер попутный. Выкладывай-ка денежки.

– Это не делается так быстро, – говорит конунг. – Мы заплатим тебе завтра.

– Я хочу получить деньги сейчас же, – говорит Халльдор, – и не уйду без них. Нрав твой мне известен, и, как бы ты сейчас ни притворился, я знаю, что тебе не очень по душе, что я пришел к тебе за деньгами. Не поверю я тебе больше! Вряд ли мы с тобой будем очень часто встречаться, и более удобного случая мне не представится, так что я уж воспользуюсь этим. Вон у твоей супруги на руке запястье, в меру большое. Давай-ка его сюда!

Конунг отвечает:

– Тогда надо пойти за весами и взвесить запястье.

– Незачем, – говорит Халльдор, – я его беру, и мы в расчете. Не удастся тебе на этот раз перехитрить меня. Ну, давай быстрее!

Жена конунга сказала:

– Отдай ему запястье, раз он просит. Разве ты не видишь, что он готов убить тебя?

Она снимает запястье с руки и протягивает Халльдору. Тот берет запястье, благодарит обоих за уплату и желает счастливо оставаться.

– А теперь мы расстанемся! – сказал Халльдор.

Он поспешно вышел и спустился к лодке. Люди его ударили в весла, и они поплыли к кораблю, сразу же снялись с якоря и подняли паруса. А когда они отплывали, в городе затрубили тревогу, и последнее, что они видели, были три боевые корабля, vyplывавшие в погоню. Но они ушли от этих кораблей в открытое море, и те остались далеко позади. Ветер был попутный, и люди конунга повернули назад, увидев, что Халльдора им не догнать.

V

Халльдор, сын Снорри, был высок ростом, красив, очень силен и отважен в бою, как никто. Харальд-конунг утверждал, что из всех его людей Халльдора было всего труднее испугать или обрадовать. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он ел, пил и спал не меньше, чем обычно. Халльдор был неразговорчив, немногословен, прям, неприветлив и резок. Он был задирист, с кем бы ни имел дело. Харальду-конунгу, у которого на службе было много других людей, было это не по праву. Поэтому, с тех пор как Харальд стал конунгом в Норвегии, они плохо ладили.

Когда Халльдор приехал в Исландию, он поселился в Стадном Холме. Через несколько лет Харальд-конунг послал Халльдору, сыну Снорри, приглашение снова пойти служить к нему и уверял, что будет не меньше уважать его, чем раньше, если он приедет, и что ни одного человека в Норвегии без титула он не поставит выше него, если он

примет приглашение. Когда до Халльдора дошли эти слова конунга, он ответил так:

– Никогда больше я не поеду к Харальду-конунгу. Пусть каждый из нас обоим останется при том, что он получил. Мне его нрав известен. Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что, если бы он только мог, он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу.

Говорят, что, когда Харальд-конунг сильно состарился, он велел передать Халльдору его просьбу: прислать ему лисьих шкур, чтобы обтянуть ими свою постель: конунг очень мерз. Когда до Халльдора дошла просьба конунга, то, как говорят, он сперва сказал так:

– Старится петух!

Однако лисьих шкур он ему послал. Но они с конунгом так и не встретились, с тех пор как расстались в Трандхейме. Это было несколько холодное расставанье.

Халльдор дожил в Стадном Холме до глубокой старости.

О Гисле, сыне Иллуги

Перевод Е. А. Гуревич

История о Гисле, сыне Иллуги (Gísli pátr Illugasonar) – типичная «прядь об исландцах на чужбине», герой которой вначале навлекает на себя гнев государя, а затем, добившись примирения, становится его приближённым. Подобно герою предыдущей пряди, Гисл невымышленный персонаж. Его имя упоминается в нескольких исландских источниках, в том числе в «Перечне скальдов» (XIII в.).

Прядь существует в трех различных редакциях. Публикуемый перевод следует версии королевской саги, сохранившейся в двух рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna). Две другие редакции рассказа, включенные в состав разных версий «Саги о Йоне Святом» существенно отличаются от этой. Согласно одной из них, Гисл был подвергнут казни и провисел на виселице три дня, однако чудесным образом избежал смерти благодаря вмешательству святого Йона.

/

Во времена правления Магнуса-конунга^[421] приехал из Исландии в Норвегию человек по имени Гисл. Он был сыном Иллуги, сына Торвальда, сына Тинда. Тинд был братом Иллуги Черного. Гислу было семнадцать лет, когда он отправился в Норвегию. Он вел себя скромно и был молчалив. Он нанялся к одному знатному человеку, звали его

Хакон из Форборди. Всю зиму Гисл почти ничего не ел и не пил и был всегда невесел. Как-то раз Хакон сказал Гислу:

– Я наблюдал за тобой и заметил, что у тебя всегда угрюмый вид. Похоже, ты обдумываешь что-то важное или решился на немалое дело. Скажи мне, что у тебя на уме, и каково бы ни было это дело, я сохраню его в тайне. Однако мне вряд ли понравится, если ты не захочешь мне открыться и отправишься отсюда совершать великие подвиги.

Гисл отвечает:

– Твоя правда, и я скажу тебе все как есть. Имя этого человека Гьяввальд, и как мне говорили, он теперь конунгов дружинник. Гьяввальд участвовал в убийстве моего отца вместе с Тормодом, сыном Колли, своим тестем, там, в Исландии, и у меня на глазах нанес ему смертельную рану. Я затем и приехал в Норвегию, что решил отомстить за отца или погибнуть.

– Безнадежная это затея, – говорит Хакон, – потому что Гьяввальд – ближайший человек Магнуса-конунга и чужестранцу вряд ли удастся до него добраться. Но я не стану тебе мешать.

Магнус-конунг сидел в эту зиму в Нидаросе, и Гьяввальд находился при нем в большом почете. Гисл отправился в город и по совету Хакона, своего хозяина, пошел на такую хитрость: он облил себе лицо горячим воском и дал ему застыть. От этого его лицо казалось обезображенным. Он подстерегал Гьяввальда, но ему все не представлялось удобного случая.

//

Как-то раз в субботу рано поутру Гисла остановил на улице сильный шум. Он увидел, что едет Магнус-конунг, а с ним большая свита. Был там и Гьяввальд. Тут из одного двора вышла женщина с ребенком на руках, это была Хельга, дочь Тормода, жена Гьяввальда. Она окликнула его, и он направился к ней, а конунг со свитой проследовал дальше. Потом Гьяввальд пошел по улице с каким-то человеком. Тут Гисл подбежал к нему и нанес удар. Удар пришелся в плечо, рука повисла, но не отскочила. Гьяввальд обернулся, и тогда Гисл нанес удар в другое плечо, и эта рана была такая же, как и первая. Гьяввальд упал. Гисл побежал вниз, к причалам, туда, где стояла лодка, груженная бревнами. Владельца лодки звали Торстейн, это был низкорослый исландец. Гисл вскочил в лодку к Торстейну, так что бревна попадали за борт, и принялся грести к Бакки. Когда они оказались на середине реки, Гисл поднялся и прокричал в сторону причалов:

– Объявляю, – сказал он, – что это я нанес раны Гьяввальду, дружиннику Магнуса-конунга, если он ранен, и я убил его, если он убит. Готовым-к-Убийству звался я утром, а вечером, надеюсь, буду зваться Необреченным.

Затем они пристали к берегу у Бакки и Гисл бежал на сушу.

Тут в городе затрубили и бросились искать его на кораблях и на суше. Его нашли в мелких зарослях и отвели в город. Конунговы люди обвинили Торстейна в том, что он перевез Гисла через реку, и сказали, что он-де также заслуживает смерти. Тогда Гисл сказал:

– Не обвиняйте его в том, в чем нет его вины.

Проходя мимо Торстейна, Гисл подхватил его. Тот был настолько мал ростом, что едва доставал ему до подмышек. Гисл подбросил его вверх одной рукой и сказал:

– Судите сами, – говорит он, – мог ли этот бедняга защитить от меня свою лодку, когда я подбрасываю его в воздух, как ребенка. Отпустите его с миром, потому что он невиновен.

Они так и сделали и сказали, что Гисл говорил хорошо и как подобает мужу.

Гисла заключили в оковы, которые повелел изготовить Харальд-конунг, сын Сигурда, и никому еще не удавалось из них освободиться. Он сидел в подземелье под надзором одной женщины. В городе тогда собралось множество народу. Там было три исландских корабля. Одним правил Тейт, сын Гицура епископа; был там также Йон Священник, сын Эгмунда^[422], который потом стал епископом в Холаре. В городе было не меньше трех сотен исландцев.

Магнус-конунг был вне себя от ярости. Он сидел вместе с городским епископом; там находился и Йон Священник, он был другом епископа. Конунг сказал, что Гисл должен быть убит, и в этот момент колокол возвестил о начале праздника. Конунг сказал:

– Как, уже третий час? Взгляните-ка на солнце!

Так и сделали, и оказалось, что было только начало третьего часа^[423]. Епископ сказал:

– Государь, хоть этот человек и содеял немалое, по случаю праздника ему бы следовало даровать пощаду.

Конунг сказал:

– Это ваша уловка, однако вы рассудили против моей воли.

– Вовсе нет, государь, – говорит епископ, – вам решать, как с ним поступить.

Затем собрались исландцы. Там было много родичей и друзей Гисла; они обсуждали это дело и советовались, что предпринять. Они были в большом затруднении и так ни о чем и не договорились.

III

Наступило воскресенье, и конунгу передали, что Гьяввальд хотел бы с ним увидеться. Конунг пришел к нему. Гьяввальд сказал:

– Я хочу, государь, привести в порядок мои дела, потому что не знаю, сколько мне еще отпущено времени. Я хотел просить вас даровать Гислу пощаду. Он храбро отомстил за своего отца.

– Не стоит на это рассчитывать, – говорит конунг.

Гьяввальд сказал:

– Ты знаешь, конунг, что я долгое время следовал за тобой повсюду и не раз рисковал своей жизнью ради твоей. Я всегда с готовностью выполнял все поручения, какие ты на меня возлагал, хороши они были или плохи, и теперь, может статься, это наша последняя встреча. Я уже беседовал со священниками и поведал им о своих делах, и причастился. Они говорят, что я смогу заслужить спасение, если прощу то зло, которое причинили мне. И я ожидаю, государь, что ты не станешь преграждать мне путь в царствие небесное тем, что предашь смерти этого человека.

– Будь по-твоему, – говорит конунг. Он ушел, а Гьяввальд вскоре умер.

IV

В понедельник рано поутру исландцы держали совет. Тейт сказал:

– Не много нам чести, если наш земляк и достойный собрат будет убит, однако все мы видим, что любой, кто ввяжется в это дело, рискует и жизнью своей, и имуществом. Предоставим конунгу решать, и если не удастся сохранить жизнь этому человеку, то пускай и мы все умрем, а нет – так всем будет дарована пощада. Мы должны выбрать своего вожака и слушаться его.

Они все высказались за то, чтобы он стал их предводителем, а они будут следовать его советам. Он сказал:

– В таком случае вы все должны поклясться мне в том, что не станете жалеть ни себя, ни своего добра ради того, что я сочту нужным предпринять в этом деле.

Они так и сделали.

Потом они пошли в баню, и тут затрубили в рог. Тейт тотчас же выскочил из бани. Он был в рубахе и полотняных штанах, лоб ему обхватывал золотой шнурок, а поверх рубахи изнанкой наружу накинута был двухцветный плащ на сером меху, алый с коричневым.

Сбежались все исландцы, однако, когда трубят на сходку, всегда проходит какое-то время, прежде чем соберется народ. Тейт сказал:

– Пойдем не мешкая к дому, где сидит Гисл, чтобы подоспеть туда раньше конунговых людей.

Они двинулись по улице с большим шумом, а у той женщины окно как раз выходило на улицу. Она выбежала поглядеть и сказала Гислу:

– Большое несчастье, что ты здесь, потому что сюда идут люди конунга.

Гисл отвечает:

– Не будем из-за этого горевать, хозяйка.

Он сказал тогда такую вису:

Вешать нос до срока

Скальд не станет, – сталью

Ноги нам нагреют —

Хоть сулят расправу.

Смерть не диво, дева,

Древо сечи^[424] хочет

Подвиг свой восславить

Висой напоследок.

Тут они принялись рубить дверь, и она с треском разлетелась. Люди увидели, что Гисл слегка шевельнулся. Тейт сбил с него оковы, взял его в свой отряд, и они отправились на сходку. А навстречу им шел Сони Предводитель Гостей^[425]. Он шел забрать Гисла. Он сказал:

– Вы, исландцы, не теряли времени даром. Сдается мне, что вы решили сами вершить суд над этим человеком. Но конунг и его люди хорошо помнят, что вы натворили нынче утром, а Магнус-конунг не прощал и меньших оскорблений, чем убийство его дружинника этим салоедом.

V

Когда начался тинг, первым поднялся Сигурд Шерстяная Нитка. Он сказал:

– Я полагаю, большинству присутствующих известно, что убит наш товарищ по оружию, Гьяввальд. Приехал из Исландии человек с обвинением против него, но не стал требовать себе возмещения, как поступают другие, а взял и убил его. Нам, людям конунга, кажется, что иные считают пустяком перебить по одному всех конунговых дружинников. Может статься, со временем они так расхраблятся, что и с самим конунгом будут считаться не больше, чем с другими. То, что здесь произошло, – большой позор и заслуживает жестокой кары, и это дело не поправить, даже если за одного нашего человека убить десятерых исландцев и так наказать их за дерзость, чтобы им впредь неповадно было захватывать людей, находящихся во власти конунга.

И он умолк. Тогда встал Тейт, сын епископа, и сказал:

– Не разрешит ли конунг теперь мне взять слово?

Конунг спросил у человека, стоявшего рядом:

– Кто этот человек?

Тот отвечает:

– Государь, это Тейт, сын епископа.

Конунг сказал Тейту:

– Ни в коем случае не разрешу я тебе говорить, потому что от твоих речей не приходится ждать ничего хорошего, и ты заслужил, чтобы тебе отрезали язык.

Тогда встал Йон Священник, сын Эгмунда, и сказал:

– Не разрешит ли конунг мне сказать несколько слов?

Конунг спросил:

– Кто теперь говорит?

Тот человек отвечает:

– Исландский священник Йон.

Конунг сказал:

– Разрешаю тебе говорить.

Йон Священник начал свою речь так:

– Благодаренье Богу, эти страны стали христианскими, и Норвегия, и Исландия, ибо прежде бродили вперемешку и люди, и демоны, а нынче дьявол остерегается показываться нам на глаза. Теперь он использует людей для исполнения своих замыслов. Вот и сейчас, как все мы слышали, он говорил устами того, кто здесь только что выступал. Уже был убит один человек, а он убеждает нас, что нужно убить еще десятерых. Я думаю, такие люди многого добьются своими дурными делами и злыми уговорами, если захотят отвратить хёвдингов от справедливости, милосердия и прочих добрых привычек и станут подстрекать и подбивать их творить жестокости и злодеяния, дабы порадовать врага рода человеческого убийством крещеных людей. А ведь мы, государь, такие же верные тебе люди, как и те, что живут в этой стране. Следовало бы вам, правителям, которые сидят в этом мире и вершат суд над народом, подумать о том, что вы представляете на земле того Судию, который придет в Судный день вершить суд над всем миром. И теперь, государь, в вашей власти вынести правый приговор и остеречься выносить неправый, ибо на всякий тинг и на всякую сходку является сам всемогущий Господь со своими святыми. Бог посещает добрых людей и правый суд, а дьявол приходит со своими слугами к дурным людям и на неправый суд, и можно не сомневаться, что придет Судья, который рассудит обе стороны по справедливости. Подумайте-ка теперь, государь, какой огонь горит жарче и дольше, тот ли, что разведен в печи, когда жгут дубовое полено, или тот, что зажжен от сухой ветки. Так вот, если ты, конунг, будешь вершить неправый суд, то быть тебе брошенным в тот огонь, где горит дубовое полено, но если ты рассудишь по справедливости, то можно надеяться, что ты очистишься в том огне, что зажжен от сухой ветки.

Так окончил Йон Священник свою речь. Конунг сказал:

– Сурово ты говорил, священник.

Однако не было заметно, чтобы он был сильно рассержен. Тогда встал Гисл и сказал:

– Не позволишь ли, конунг, и мне сказать несколько слов?

Конунг спросил, кто говорит. Ему сказали.

– Я не стану тебе препятствовать, – говорит конунг.

Гисл сказал:

– Я хочу рассказать о том, что отец мой был убит, и это дело рук Гьяввальда и Тормода. Мне тогда было шесть лет, а Торвальду, брату моему, девять. Мы оба присутствовали при убийстве моего отца. Гьяввальд тогда сказал, что и нас, братьев, также следует убить. И не очень-то достойно мужчины рассказывать о том, государь, что мне тогда трудно было сдержать слезы.

Конунг сказал:

– Однако ты их мужественно проглотил.

Гисл сказал:

– Сказать по правде, государь, этой весной я долго подстерегал Гьяввальда, и дважды был совсем близок к цели. В первый раз дело кончилось ничем из-за моего почтения к церкви, а в другой раз мне помешал колокольный звон. И теперь я думаю, что колокольный звон может спасти мне жизнь. Однако я сочинил о вас хвалебную песнь и хотел бы ее исполнить.

Конунг сказал:

– Говори, если хочешь.

Он исполнил песнь с достоинством, однако в ней было немного искусства. Потом Гисл сказал Тейту:

– Вы отнеслись ко мне с большой добротой, но теперь я не хочу дольше подвергать вас опасности. Я хочу отдать себя во власть Магнуса-конунга и подчиниться его воле.

– Поступай как знаешь, – говорит Тейт.

Гисл снял с себя оружие, подошел к конунгу, положил голову к нему на колени и сказал:

– Делайте теперь с моей головой, что хотите. Однако я буду благодарен, если вы даруете мне жизнь и сделаете меня таким человеком, каким пожелаете.

Конунг отвечает:

– Сам будь хозяином своей голове. Садись за стол на место Гьяввальда, ешь и пей, и исполняй ту же службу, что выполнял он прежде. Я поступаю так по просьбе Гьяввальда, моего друга. А теперь я вызываю восьмерых исландцев быть поручителями в этом деле. За убийство Гьяввальда я назначаю штраф в шестнадцать марок золотом. Половину должен уплатить ты, а другую половину пусть уплатят по марке поручители.

Они поблагодарили конунга и на том уладили это дело. Потом конунг обратился к Йону Священнику:

– Мне понравилась твоя речь, ты говорил от Божьего имени, и я хотел бы, чтобы ты за меня молился, потому что твои молитвы имеют большой вес у Господа, ибо я верю, что ты поступаешь так, как угодно Богу.

Тот пообещал конунгу молиться за него.

Однажды, когда Йон Священник шел по улице, к нему обратился какой-то человек:

– Зайди в этот дом, – сказал он, – с тобой хочет увидеться Сигурд Шерстяная Нитка.

Он так и сделал. Сигурд сказал:

– Не знаю, священник, в чем тут дело, однако твои слова пошли мне во вред, и я заболел. Я хочу, чтобы ты прочел надо мной молитвы.

Он так и сделал и благословил его. Тогда Сигурд сказал:

– Многие могут сотворить слова твои, и суровые, и добрые, потому что мне уже полегчало.

Сигурд дал Иону Священнику богатые подарки, и они расстались друзьями. Этот Сигурд основал мужской монастырь на Нидархольме и передал ему большие владения.

После этого Йон Священник и Тейт, сын епископа уехали в Исландию. Тейт сделался большим человеком, но прожил недолго, а Йон Священник стал епископом в Холаре и теперь считается святым.

Об исландце-сказителе

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Прядь «Об исландце-сказителе» (Íslendinga þáttur sögufróða) считается одним из важнейших свидетельств о бытовании саг в устной традиции.

Будучи на службе у византийского императора, Харальд ходил со своей дружиной во многие походы в Средиземное море. Это и есть «походы за море», о которых говорит молодой исландец-сказитель в саге, заученной им со слов одного из главных участников описываемых в ней событий, Халльдора, сына Снорри (см. коммент. к пряди «О Халльдоре, сыне Снорри»). В рассказах об этих походах (они сохранились в сагах о Харальде Суровом) наряду с историческими фактами есть ряд бродячих сказочных мотивов.

Предполагается, что прядь была написана в начале XIII в. Она представляет собой фрагмент саги о Харальде Суровом в «Гнилой коже». Помимо этой саги, рассказ сохранился в рукописях XIV и XV вв. (Hulda-Hrokkinskinna), а также в качестве отдельного повествования в позднем бумажном списке, где он назван «О Торстейне Сказителе» (Þorsteins þáttur sögufróða).

Случилось, что как-то летом одни исландец, молодой и проворный, пришел к Харальду-конунгу и попросил покровительства. Конунг

спросил, не сведущ ли он в чем-нибудь, и тот ответил, что знает саги. Тогда конунг сказал, что возьмет его к себе, но он должен всегда рассказывать саги, кто бы его ни попросил. Исландец согласился. Он завоевывает расположение дружинников конунга, они дарят ему одежду, а конунг дарит ему оружие. И вот проходит время и приближается Рождество. Тут исландец опечалился. Конунг спрашивает его, в чем дело. Тот говорит, что такое у него переменчивое настроение.

– Вряд ли это так, – говорит конунг. – Я попробую отгадать, в чем дело. Вот в чем: кончились твои саги. Ты эту зиму все время рассказывал их, кто бы ни просил. Тебе не нравится, что они кончатся к Рождеству.

– Ты угадал, – говорит исландец. – У меня осталась только одна сага, но я не решаюсь рассказывать ее здесь, потому что это сага о твоих походах за море.

Конунг сказал:

– Это как раз та сага, которую мне всего больше хочется послушать. Не рассказывай ее до Рождества, люди сейчас заняты, но в первый день Рождества начни и расскажи немного, а я буду сдерживать тебя, так чтобы хватило на все Рождество. Большие пиры будут на Рождество, и мало будет времени сидеть и слушать. Но пока ты будешь ее рассказывать, ты не узнаешь, нравится она мне или нет.

И вот исландец начинает сагу в первый день Рождества и рассказывает ее некоторое время, но вскоре конунг велит ему остановиться. Люди начинают пировать, и многие говорят о том, что смелость это – рассказывать такую сагу, и о том, понравится ли она конунгу. Одним кажется, что он хорошо рассказывает, а другим его сага нравится меньше. Так проходит Рождество. Конунг следит за тем, чтобы исландца хорошо слушали, и это продолжается до тех пор, пока не кончилась сага и не прошло Рождество.

На тринадцатый вечер, – а сага кончилась еще днем, – конунг сказал:

– Не хочется ли тебе узнать, исландец, как мне понравилась сага?

– Боюсь я, государь, и спрашивать об этом, – говорит тот.

Конунг сказал:

– Она мне очень понравилась. Она ничуть не хуже, чем то, о чем в ней рассказывается. Кто же тебя научил этой саге?

Тот отвечает:

– Когда я был в Исландии, ездил я каждое лето на тинг и каждый раз заучивал часть саги у Халльдора, сына Снорри.

– Тогда неудивительно, – говорит конунг, – что ты знаешь ее так хорошо. Будет тебе удача. Оставайся у меня навсегда, если хочешь.

Примечания

1

Король *Кьярваль* (ирл. Cearbhall) правил в Южной Ирландии около сорока лет. Умер в 887 или 888 г. Роды многих исландских первопоселенцев восходят к нему.

2

Харальд Косматый – *Харальд, сын Хальвдана Черного*, он же Харальд Прекрасноволосый (ок. 860 – ок. 940) – конунг из Вестфольда (на западном берегу Ослофьорда), который подчинил себе все норвежские фюльки и стал единовластным правителем Норвегии. Он считается основателем норвежского государства.

3

Берсерк – свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл как дикий зверь и, согласно поверью, был неуязвим. Подверженность таким приступам бешенства была, вероятно, психическим заболеванием, похожим на ликантропию или на амок малайцев. По-видимому, во время приступов этого заболевания человек делался нечувствительным к боли и верил в то, что он превратился в волка или медведя. Берсерков звали также «волчьи шкуры», а само слово «берсерк» значит «медвежья шкура». Но в сагах берсерк – это также разбойник, который притесняет мирных жителей, вызывая их на поединки и отнимая у них жен и добро.

4

...перерубили канаты – во время битвы корабли связывались канатами друг с другом. Захваченный корабль надо было высвободить от них.

5

Греттир значит «тот, кто сердито морщится, морщун». Прозвище это стало также именем собственным.

6

Эльвир Детолуб звался так потому, что, как говорится в «Книге о занятии земли», он «запрещал своим людям бросать младенцев на острия копий, как было принято у викингов».

7

Ураган Гёндуль – битва (Гёндуль – имя валькирии).

8

Великанша сечи — секира.

9

...ибо и его земли в Норвегии ничего не стоили – став королем всей Норвегии, Харальд Прекрасноволосый присвоил себе все земли. Поэтому там нельзя было покупать землю.

10

Ньёрд брани — воин (Ньёрд – имя бога).

11

Херсир — один из мелких племенных вождей до образования государства.

12

Праздник середины зимы, или йоль – самый большой праздник в языческое время. После христианизации он был отождествлен с Рождеством.

13

Ярл – один из крупных наместников норвежского короля.

14

Лендрманн — обладатель земельного жалования от конунга.

15

Дорога рыб – море.

16

Дракон мачты – корабль.

17

Альтинг (всеисландское вече) был учрежден в 930 г. До этого в Исландии был только тинг на Килевом Мысе, учрежденный Торстейном, сыном Ингольва, первого поселенца в Исландии.

18

Паленый Кари – это Кари, сын Сёльмунда, один из главных героев «Саги о Ньяле».

19

Ужи кольчуги — мечи.

20

Домы крови — раны.

21

Норвежцы — люди с потерпевшего крушение корабля, которых Флоси взял к себе (см. с. 21).

22

Асы металла — воины (асы – боги).

23

Законоговоритель – всеисландский старейшина. Его обязанностью было знать и помнить законы и возвещать их на альтинге. Торкель Луна был законоговорителем с 970 по 989 г. Но события, о которых здесь рассказывается, должны были происходить не позднее середины X в.

24

Сага о Бёдмоде, Гримольве и Герпире (или, вернее, Бёдмоде, Герпире и Гримольве) не сохранилась. Возможно, что в письменной форме она и не существовала.

25

Дромунд — большой и неуклюжий средиземноморский корабль.

26

Епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана приехали в Исландию, чтобы проповедовать христианство, в 981 г.

27

Виноградная Страна — это Северная Америка. О поездках в нее рассказывается в «Саге о гренландцах» и «Саге об Эйрике Рыжем». Во второй из этих саг упоминается Торхалль, сын Гамли (см. т. I).

28

Липа запястий — женщина.

29

Даятель злата — воин, т. е. отец Греттира.

30

Моди металла — то же (Моди – имя бога).

31

Ива пива – женщина.

32

Только раб мстит сразу – т. е. только тот, у кого нет чувства долга, мстит в состоянии аффекта. Напротив, чем больше человек выжидает удобного случая, чтобы отомстить, и тем самым чем меньше он находится в состоянии аффекта, тем большую выдержку он проявил и тем лучше выполнил долг мести.

33

Годорд – округ под властью жреца-годи.

34

Великанша бурана лезвий — секира (буран лезвий – битва).

35

Ведьма брани – то же.

36

...камень, что лежит там в траве и называется теперь Греттиров Подым. – В описанном месте сейчас никакого камня нет. Но вообще в Исландии есть много камней с таким названием.

37

Вяз вепря стягя попутного ветра — воин (стяг попутного ветра – парус, вепрь паруса – корабль).

38

Омела злата — женщина.

39

Сшибки мечей вершитель — воин.

40

В оригинале эту вису можно истолковать и как хвалебную.

41

...повадилась завязывать Греттиру по утрам рукава рубашки — рукава у рубашек были широкие, и пуговиц не было, а спать было принято голым, поэтому каждое утро надо было завязывать рукава рубашки.

42

Фрейя понизей – женщина (Фрейя – имя богини).

43

...срубил ему голову и приложил ее к ляжкам – согласно поверью, чтобы могильный житель больше не выходил из могилы, надо отрубить ему голову и приложить к ляжкам.

44

Дробитель дождя ладони – воин (дождь ладони – золото).

45

Искры зыбей — золото.

46

Улль грома металла — воин (гром металла – битва, Улль – имя бога).

47

Крушители бранных рубах — воин (бранная рубашка – кольчуга).

48

Кормилец воронов — воин.

49

...Эйрик-ярл, сын Хакона, собрался в Англию, к конунгу Кнуту Могучему, своему родичу — С тех пор как образовалось норвежское

государство, т. е. с конца IX в., Норвегией правил конунг. Однако с 970 по 995 г. Норвегией правил хладирский ярл Хакон Могучий, сын Сигурда, а с 1000 по 1015 г. – его сын Эйрик. Ярл Эйрик уехал в Англию к королю Кнуту в 1015 г. Однако события, описываемые дальше, должны были произойти за несколько лет до этого.

50

Бонд – свободный хозяин. См. примеч. 14 к с. 16.

51

Снесли тогда тела к морю, туда, куда доходит приливная волна — согласно древнорвежским законам, преступников полагалось хоронить не на кладбище, а там, «где встречаются морская волна и зеленый дерн».

52

Ньёрд брани — воин (Ньёрд – имя бога).

53

Скади злата – женщина (Скади – имя богини).

54

...моего тезку – Бьёрн по-исландски значит «медведь».

55

Ньёрд колец — воин (Ньёрд – имя бога).

56

Улль ясеня – воин (Улль – имя бога, яшень – копье).

57

...пускай то дубок и берет, что с другого дерет – т. е. пусть каждый из нас двоих останется при своем.

58

...он не собирается торговать своим братом — т. е. не возьмет за него виры.

59

...Греттир с Арнбьёрном убили пятерых – здесь ошибка в числе. Если, как сказано выше, с Хьярранди было пятеро, и, как сказано ниже, один убежал, то они убили четверых, а не пятерых.

60

...продавать один другого – т. е. брать виру.

61

Стражница павших — Хель, владычица преисподней.

62

Грозный корабль Красного Моря – Дромунд (большой и неуклюжий средиземноморский корабль).

63

Дочь родича Бюлейста – Хель, владычица преисподней.

64

Леопард – медведь, т. е. Берси (Берси значит «медведь»).

65

Огонь подножья Хрунгнира – меч (подножье Хрунгнира – щит, Хрунгнир – имя великана, который, как рассказывается в «Младшей Эдде», стал на свой щит, поверив, что Тор нападет на него снизу).

66

Торгейр, сын Хавара, и Тормод Скальд Чернобровой – главные герои «Саги о побратимах». В этой саге приводятся 15 вис из погребальной драпы, которую Тормод сочинил в честь Торгейра (она упоминается далее). На с. 58 приводится одна из таких вис.

67

Драпа — хвалебная песнь. См. также предыдущее примеч.

68

...назвал очевидцев ран – т. е. назвал свидетелей, которые могли сказать, кто нанес раны убитому.

69

Кормчий ладьи — воин, т. е. Торгейр.

70

Видур секиры — то же (Видур – имя бога).

71

...рознь, которая потом вышла наружу — продолжение этой розни рассказывается в «Саге о побратимах», а не в «Саге о Греттире».

72

Скир — исландский молочный продукт, изготавливаемый с добавлением сычуга.

73

Стражник жара прибоа — воин (жар прибоа – золото).

74

Лосось долины — змея, т. е. Греттир (Греттир также имя змеи).

75

Двойной месяц – с середины августа по середину сентября.

76

...и там произошла Битва на Пустоши — о битве на Пустоши рассказывается в «Саге о битве на Пустоши». Барди главный герой этой саги

77

Испытатель секиры — воин.

78

Игра валькирий – битва.

79

Первые зимние дни – 25-27 октября (по исландскому календарю зима начиналась в субботу перед 28 октября).

80

...попытались отнести его в церковь, но еле-еле дотащили — согласно поверью, тело покойника, который не будет лежать спокойно в могиле, бывает необыкновенно тяжелым.

81

На время самого высокого солнца привидение поутихло. – Привидение, видимо, боялось солнечных лучей. Тенистая Долина, где стоял Торхаллев Двор, была особенно благоприятна для него: в течение трех зимних месяцев солнце вообще не проникает в нее.

82

...Глам застилает глаза или над ним глумится. – В имени Глам прощупывается значение «бледный, неверный свет». Оно встречается также как имя луны и великана, как прозвище и как редкое собственное имя.

83

...незадолго до тинга — т. е. альтинга. Он начинался между 18 и 24 июня и продолжался 2 недели.

84

...Олав-конунг, сын Харальда – т. е. Олав Святой (или Толстый), правил с 1014 по 1030 г.

85

...мы спасали тебя от людей с Каменников, бивших тебя, как скотину – Торбьёрн намекает на столкновение Греттира с Кормаком и его людьми (ср. с. 64).

86

Страж казны – воин.

87

Трость шагов — нога.

88

Ворота брашен – рот.

89

Друг лебедя крови – воин, т. е. берсерк (лебедь крови – ворон).

90

Крепость стрел — щит.

91

Дно языка – рот.

92

...они отпустили с миром тех троих... – раньше было сказано, что их было восьмеро и что четверо было убито. Следовательно, их должно было остаться четверо, а не трое.

93

...объявили об этих убийствах. – Убивший должен был объявить об убийстве в тот же день на ближайшем хуторе. Иначе убийство считалось позорным и убийца не имел права откупиться вирой.

94

Древо встречи валькирий — воин (встреча валькирий – битва).

95

Ловчий волка приливов — воин (волк приливов – корабль).

96

Тополь облака Одина – воин (облако Одина – щит, Один – имя бога).

97

Диса злата – женщина.

98

Страж костра морского — воин (костер моря – золото).

99

Фрейр смерча мечей — воин, т. е. Греттир (смерч мечей – битва, Фрейр – имя бога).

100

...Гнал коня вороного. – Раньше (с. 91) было сказано, что эта лошадь бурая.

101

Ворога турсов Бьёрн = Тор Бьёрн, т. е. Торбьёрн (ворог турсов бог Тор, турс – великан).

102

Рыба бурана Одина — меч (буран Одина – битва).

103

Стурла, сын Торда, жил с 1214 по 1284 г.

104

Марка – денежная единица, ок. 216 граммов.

105

«Хлопоты с Греттиром». – В одной из рукописей саги сохранились следы этого стихотворения. Оно было соскоблено кем-то с пергамента в XVI или XVII в. В нем было около ста строчек. Но прочесть можно только две строчки и отдельные буквы. По-видимому, оно изобиловало нецензурными выражениями.

106

Фьорд гнета вод – Ледовый Фьорд.

107

Плата, что взял с зятя Сигар — виселица (Сигар велел повесить Хагбарда, возлюбленного его дочери).

108

Рябина = Торбьёрг. Как рассказывается в «Младшей Эдде», когда Тор переходил вздувшуюся реку, он спасся, схватившись за куст рябины на берегу. А Торбьёрг значит «спасенье Тора».

109

Опора недруга турсов — рябина, т. е. Торбьёрг (недруг турсов – Тор).

110

...в память дружбы их предков... – т. е. дружбы Энунда Деревянная Нога и Асгрима, сына Эндотта Вороны (см. главы VII и VIII).

111

Котел гремучий, открытый ветрам — пещера, в которой Лофт живет.

112

Свод лдяный — Шаровой фьорд (см. следующую вису).

113

Моин — Греттир (Моин, как и Греттир, – имя змеи).

114

Халльмунд – тот, кто раньше называл себя Лофтом.

115

Липа запястий — женщина, т. е. мать Греттира.

116

Лязг железа — битва.

117

Дорога крови – раны.

118

Дракон шлемов – меч.

119

Сага о Бьёрне – одна из «саг об исландцах». Основное ее содержание – распря между Бьёрном Бойцом Долины Хит и Тордом, сыном Кольбейна.

120

...Торстейна, которого велел убить Снорри Годи. – О том, что Снорри Годи велел убить Торстейна, говорится в некоторых других «сагах об исландцах», но не в данной саге. Всякая «сага об исландцах» как бы

подразумевает знакомство читателя со всеми другими «сагами об исландцах».

121

Фрейр поединков – воин, т. е. Гисли (Фрейр – имя бога).

122

Диса брачных уборов — женщина.

123

Владетели злата — воины.

124

Торирова Долина действительно существует, но она совершенно пустынна и никаких горячих источников в ней нет. В саге эта долина наделена фантастическими чертами, характерными для долин, в которых якобы живут утилегуманны (см. с. 6).

125

Ублюдки троллей – помеси троллей (т. е. великанов) с людьми.

126

Альвы – сверхъестественные существа, почитавшиеся в языческое время.

127

Турсы – великаны.

128

Грим стал потом мореходом, и о нем есть большая сага. – О схватке Грима с Торкелем, сыном Эйольва, рассказывается в «Саге о людях из Лососьей Долины» (см. т. I), но никакой саги о Гриме не сохранилось.

129

Распря оружия — битва.

130

Видрир стали – воин, т. е. Греттир (Видрир – Один).

131

Пытатель лука — то же.

132

Гест – имя, но оно значит «гость», и в сагах так обычно называет себя тот, кто хочет остаться инкогнито.

133

Властитель стали — воин.

134

Родич Феньи – великан (Фенья – великанша).

135

Пламень шелома – меч.

136

Хрюм – великан.

137

...все ходил между хлевом и навозной кучей — т. е. искал укрытия от ветра.

138

У шашек этих были снизу шпеньки. – Шпеньки в шашках были для того, чтобы втыкать шашки в доску.

139

Тинг Цаплина Мыса был, по-видимому, тингом северной части Исландии. Тинги четвертей собирались весной, до альтинга, поэтому такие тинги назывались «весенними».

140

Лёгретта — законодательный совет, состоявший из всех годи и собиравшийся на альтинге. Здесь – ошибочно вместо «суда» (на весеннем тинге не могло быть лёгретты).

141

Меня зовут Гестом. – Ср. примеч. 132 на с. 124.

142

...и вот начало этой клятвы. – Стихотворная формула клятвенного обещания мира приводится ниже в саге. Варианты этой формулы сохранились также в двух других древнеисландских памятниках. Судя по тому, что в ней упоминаются финн и сосна, она, вероятно, возникла еще до заселения Исландии (ни финнов, ни сосен в Исландии не было).

143

Клены копья — воины.

144

Древо сокровища — воин, т. е. Греттир.

145

Властители брани — воины.

146

Испытатели рыбы шлемов — то же (рыба шлемов – меч).

147

...лазали они, когда хотели, на скалу – за птичьими яйцами.

148

Он упорно плыл и добрался до Мыса Дымов после захода солнца. – В июле 1927 г. один исландский пловец проплыл со Скалы Острова на материк за 4 часа 20 минут, сделав 7,5 километров.

149

Драсиль — конь.

150

В ту зиму умер законоговоритель Скафти, сын Тородда. – Законоговоритель Скафти умер в 1030 г.

151

Весною умер Снорри Годи. – Снорри Годи умер в 1031 г.

152

Законоговоритель тогда был назначен новый, Стейн, сын Торгеста. – Стейн, сын Торгеста, был законоговорителем с 1031 по 1033 г.

153

...никого нельзя осуждать больше, чем на двадцать зим, даже если за это время и были совершены новые преступления. – Согласно древнеисландским законам, объявление вне закона было пожизненным. Нигде в них не говорится, что оно действовало только 20 лет. Поэтому то, что здесь говорится о Греттире, либо вымысел, либо какое-то исключение из закона.

154

В Исландии был закон, по которому не запрещалось ... совершать ... языческие обряды. – Христианство было принято в Исландии в 1000 г., и тогда же был принят закон, о котором здесь говорится.

155

...вырезала на корне руны, окрасила их своею кровью ... обошла корягу, пятясь задом, и нашептала над ней много колдовских слов. – Движение задом наперед и против солнца, так же как вырезание рун на дереве и их окрашивание своей кровью, играли важную роль в магии.

156

Страж сражений — воин.

157

Пурга Гёндуль — битва (Гёндуль – имя валькирии).

158

Дракон моря – корабль.

159

Гримнир вьюги рыб ограды струга — воин (ограда струга – щит, рыба шита – меч, вьюга мечей – битва, Гримнир – Один).

160

Моин — Греттир (и Моин, и Греттир – имена змей).

161

Клен ливня стрел – воин (ливень стрел – битва).

162

Ньёрд дождя копий – воин (дождь копий – битва).

163

Огонь сечи — меч.

164

На рассвете они вывели его на восточный берег острова и обезглавили. – Они ждали рассвета, чтобы умертвить Иллуги, так как умерщвление ночью считалось позорным.

165

Поляна гривен — женщина.

166

Калина злата – то же.

167

Крючок намеревался сначала потребовать выдачи имущества Иллуги, потому что они притязали на его добро. – Крючок не имел никакого права на имущество Иллуги. Он имел бы на него право, только если бы Иллуги был объявлен вне закона, но и в этом случае не он должен был бы осуществлять изъятие имущества.

168

Времена Стурлунгов – первая половина XIII в. Стурлунги — знатный род, представители которого вели тогда борьбу за власть.

169

*...слова, сказанные в давнишнем их с Греттиром разговоре о руках.
– Ср. с. 84.*

170

Миклагард — Константинополь.

171

Оба они захотели вступить в варяжскую дружину. – «Варягами» назывались выходцы из скандинавских стран, поступившие на службу к византийскому императору в качестве воинов. Варяжская дружина была императорской гвардией и занимала особую часть города, вблизи императорского дворца.

172

Микаель Каталак — т. е. Михаил Четвертый, был императором с 1034 по 1041 г.

173

Ветвь обручай – женщина.

174

Стражи злата — воины.

175

Палка плеча – рука.

176

Вдохновители битвы – воины.

177

Харальд, сын Сигурда – Харальд Суровый (1015–1066). Служил у византийского императора с 1034 г. В 1045 г. вернулся в Норвегию, где правил сначала со своим племянником Магнусом, а с 1047 г. – один. Был женат на княжне Елизавете, дочери Ярослава Мудрого, при дворе которого он долго жил.

178

...она подтвердила пословицу: клятва все покрывает. – Пословица подразумевает, что поклясться можно в чем угодно, так как невозможно все оговорить в клятве.

179

Конунгом в Норвегии был тогда Магнус Добрый. – Магнус Добрый умер в 1047 г. (правил Норвегией с 1035 г.).

180

...бой молодых коней... – Стравливание лошадей было излюбленной забавой в Исландии. Такой лошадиный бой происходил на специальных тингах.

181

Праздник середины зимы, или йоль – см. примеч. 12 на с. 15.

182

Было бы лучше побольше щадить своих родичей в Долине Бёдвара – В битве в Долине Бёдвара Бьярни сражался против своего родича Торкеля, как рассказывается в «Саге о людях с Оружейного Фьорда».

183

Но многие, изведав раны, становятся робкими... – Бьярни был ранен в битве в Долине Бёдвара.

184

...из твоего годорда... – В языческое время годи был жрецом, обладавшим властью в своей округе (годорде). Годорд передавался по наследству, но его можно было продать или уступить.

185

Харальд Прекрасноволосый — (ок. 860 – ок. 940) – конунг из Вестфольда (на западном берегу Ослофьорда), который подчинил себе все норвежские фюльки (до образования государства население Норвегии делилось на несколько мелких племен, или фюльков; позднее фюльк – административно-территориальная единица) и стал единовластным правителем Норвегии. Он считается основателем норвежского государства. После битвы при Хаврсфьорде (872 или, по новейшим исследованиям, ок. 890 г.), в которой он разбил всех объединившихся против него местных вождей, он дал себя постричь и стал называться Харфагр, т. е. Прекрасноволосый. При нем Исландия была заселена выходцами из Норвегии.

186

Фрейр — бог плодородия.

187

Годи – см. примеч. 5 на с. 176.

188

Миклагард — Константинополь.

189

...скликает соседей на тинг... – Здесь, как и всюду дальше, речь идёт об альтинге, то есть тинге, общем для всей Исландии.

190

Бонд – свободный хозяин.

191

Перевод саги, опубликованный впервые в книге: Исландские саги. М., 1956, заново отредактирован В.П. Берковым. (*Примеч. ред.*)

192

Рагнар Кожаные Штаны — знаменитый датский викинг, воевавший в IX в. в Англии.

193

...спустя полмесяца после середины лета... – По исландскому календарю лето начиналось в четверг перед 26 апреля, а зима – в субботу перед 28 октября.

194

Гулатинг — местный норвежский тинг на острове Гула в Согнефьорде.

195

Харальд Серая Шкура — сын Эйрика и Гуннхильд (см. т. I), родился ок. 935 и умер ок. 970 г. Ок. 960 – ок. 965 г. – король Норвегии.

196

Эйрик Кровавая Секира – Он был прозван так потому, что убил своих братьев, чтобы проложить себе путь к власти (ср. т. I, с. 118).

197

Почетное сиденье. – Обычно мужчины сидели на скамьях, расположенных вдоль двух противоположных стен. Посредине одного ряда скамей (у северной стены) было почетное сиденье. Между скамьями, на земляном полу, был очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше. Женщины обычно сидели на поперечной скамье в глубине.

198

Ярл — один из крупных наместников норвежского короля.

199

Озеро — Меларен, в Швеции.

200

Суд четверти. – Ок. 965 г. Исландия была поделена на четыре четверти: западную, северную, восточную и южную. У каждой из них был свой тинг и свой суд. Обозначение стороны света относится в сагах всегда не к определенному месту, а ко всему краю. В частности, в пределах Исландии под западом подразумевается обычно не западное направление, а западная четверть Исландии, под югом – южная четверть и т. д.

201

...Тут на Свана напала зевота... – Согласно поверью, духи-двойники приближающихся людей вызывают сонливость.

202

...Сван взял козью шкуру, обвязал себе ею голову... – Он закрыл себе глаза, чтобы тем самым закрыть их у других.

203

Она засмеялась... – чтобы не возбудить подозрения у Тьостольва и лучше осуществить месть.

204

Херсир — один из мелких племенных вождей в Норвегии до образования государства.

205

...назначил соседей... – Эти соседи выносили решение, виновен ли ответчик в том, в чем его обвиняют, или нет.

206

Гардарики – Русь.

207

Бьярмаланд — страна на побережье Белого моря, населенная финским племенем бьярмов (древнерусское – пермь).

208

Восточные земли – восточное побережье Балтийского моря.

209

Равали – Ревель, теперь Таллин.

210

Эйсюсла — остров Сааремаа у побережья Эстонии.

211

... ждала ребенка... – тем самым Торд, отец ребенка, приобщался к семье Няля.

212

...и ты видишь своего духа-двойника... – дух-двойник человека, согласно поверью, является ему перед смертью.

213

Тинг в Лощинах — тинг людей с Кривой Реки.

214

Епископ Ислейв — первый исландский епископ (1056–1080 гг.).

215

...пора последних дней вызова на суд перед альтингом — то есть четыре недели до тинга.

216

...ты скрыл от меня его порок – то есть, что он вор.

217

На тропе у брода лежали плоские камни — они помешали подъехавшим ускакать от Гуннара.

218

Скафти – сын Тородда, был с 1004 по 1030 г. законоговорителем, то есть главным выборным лицом в Исландии. В то время, когда он был законоговорителем, были отменены поединки и учрежден пятый суд (см. примеч. 56 на с. 344). По-видимому, отзвуком борьбы против самовластия хёвдингов (родовой знати), многие из которых были при нем изгнаны из страны, является отношение к нему со стороны рассказчика саги, который в этом случае основывается на том, что говорили враги Скафти.

219

Эльвир Детолуб – Он звался так потому, что, как говорится в одной саге, он «запрещал своим людям бросать младенцев на острия копий, как было принято у викингов».

220

...снял с тебя все обвинения на тинге в Лощинах... – Об этом ничего не было рассказано раньше. Но ср. на с. 299.

221

...король ирландцев Мюркьяртан – В X в. в Ирландии было несколько королей по имени Muircertah. Неясно, которого из них имеет в виду сага.

222

Во второй раз Гицур назвал своих свидетелей... – В первый раз Гуннар обвиняется в нападении, а нанесенная им рана является сопровождающим обстоятельством, во второй раз – наоборот.

223

Кормчие коня морского – воины (морской конь – корабль).

224

Буря огней Одина – битва (огни Одина – мечи).

225

Дробитель гривен — воин, то есть Гуннар.

226

Посох богини павших — воин, то есть Гуннар (богиня павших – валькирия, здесь – битва).

227

Вихрь дротов – битва.

228

Вальгалла — чертог Одина, в котором сражаются и пируют павшие в битве воины.

229

Два ворона всю дорогу летели за ними. – Появление священных птиц Одина было добрым предзнаменованием для воинов.

230

Мёрд заплатил сполна всю разницу... – Из виры за Старкарда и Торгейра вычли виру за нападение на Гуннара, и остаток должен был выплатить Мёрд в качестве штрафа за свое участие в деле. Тяжба Гейра Годи и Хёгни – тяжба по поводу убийства Хроальда, сына Гейра Годи.

231

Остров Лошадиный – теперь Мейнленд, самый большой остров Оркнейского архипелага.

232

Петтландсфьорд – Пентлендфёрт, пролив между Оркнейскими островами и Шотландией.

233

Страумей – Строма.

234

Трасвик – Фресвик.

235

Катанес – Кейтнес, графство в Шотландии.

236

Дунгальсгнипа – Данкансби, на севере Шотландии.

237

...до Долины, к Гудбранду – то есть в долину Гудбрандсдаль (современное норвежское название – Гюдбрансдален).

238

Торгерд Жена Хёльги — божество, почитавшееся ярлами из Хладира как праматьер.

239

Ирпа – сестра Торгерд.

240

Траин задумался о том, что ярл оценит выше... – то есть посчитается с его прошлыми подвигами и не будет обыскивать корабль или приложит все усилия, чтобы найти Храппа.

241

...этого делать нельзя, потому что уже ночь. – Убийство ночью считалось позорным.

242

Ангутьсей – Англси, остров в Ирландском море.

243

Сальтири – Кинтайр, полуостров в Шотландии.

244

Кола — Колл, к югу от Гебридских островов.

245

Дисы – сверхъестественные существа женского пола, вероятно, олицетворение сил плодородия.

246

Пятый суд — своего рода верховный суд Исландии. Он был учрежден в 1004 г. при законоговорителе Скафти. Роль Ньяля в его учреждении, вероятно, преувеличена.

247

«Почему ты не закрыла ему ноздри?» – «Я хотела, чтобы это сделал Скарпхедин». – Тем самым он взял бы на себя месть за убитого брата.

248

...подстрекает нас законным подстрекательством. – Скарпхедин пародирует формулу, употреблявшуюся на суде (ср. с. 408–409 и др.).

249

...под его конем разверзлась земля... – Такие случаи возможны в Исландии и связаны с вулканической деятельностью.

250

Жало брани – меч.

251

Ограда духа – грудь.

252

Улль зуба кольчуги — воин, то есть Тангбранд (зуб кольчуги – меч, Улль – имя бога).

253

Молот смерти – меч.

254

Наковальня земли шелома – темя, макушка (земля шелома – голова).

255

Один сорочки Эндила — воин, то есть Торвальд (Эндиль – имя морского конунга, сорочка Эндила – кольчуга).

256

Пловец пролива влаги Вальгаллы — скальд, то есть Торвальд (влага Вальгаллы – поэзия, пролив поэзии – виса).

257

Клеть языка – рот.

258

Седок скакуна океана – воин (скакун океана – корабль).

259

Недруг отродья Грейп – Тор (Грейп – имя великанши).

260

Морской дракон — корабль.

261

Колокольный страж — священник.

262

Бык обиталища рыбы – корабль (обиталище рыбы – море).

263

Тресковая тропа — море.

264

Морской скакун – корабль.

265

Полено земли тюленей — корабль (земля тюленей – море).

266

Враг Хрунгнира — Тор (Хрунгнир – имя великана).

267

Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл, как дикий зверь, кусал свой щит и, согласно поверью, был неуязвим. Но берсерками называли также злодеев, которые притесняли мирных жителей, вызывая их на поединок и отнимая у них жен и добро.

268

Торгейр – годи со Светлого Озера, был законоговорителем с 985 по 1001 г.; при нем, летом 1000 г., христианство было принято на альтинге как официальная религия.

269

...это испортит им все дело. – Тот, кто сам участвовал в убийстве, не мог вести тяжбу против убийц.

270

Торольв Жир — один из первых, кто побывал в Исландии. Расхваливая страну, он рассказывал, что в ней жир стекает с каждой травинки. Отсюда его прозвище.

271

Он швырнул его на скамью и не захотел им вытираться. – Он понял, что дырявое полотенце с оторванным концом символизирует положение вдовы убитого.

272

Балагардссида – юго-западное побережье Финляндии.

273

Адальсюсла – побережье Эстонии у острова Сааремаа.

274

Осина злата — женщина.

275

Клен моста великана – воин, то есть Скарпхедин (мост великана – щит). Две строчки стихов не поддаются истолкованию.

276

...Тело Няля и его лик кажутся мне такими сияющими... – Такие утверждения встречаются в житийной литературе XIII в.

277

Он предложил, чтобы мы... начали против Флоси тяжбу об убийстве Хельги — Поскольку в этом случае Флоси был непосредственным убийцей (см. с. 391).

278

Ньёрд перекладины лука — воин.

279

Дерево огня ограды сражений – то же (ограда сражений – щиты, огонь щитов – меч).

280

Властитель ратной стали – воин.

281

Опора шлемов – голова.

282

...собирался идти пешком. – Как непритязательный проситель, который хочет, чтобы его прием дешевле обошелся хозяевам.

283

Дуб топора — воин.

284

Клен сражений — то же.

285

Тополь пламени Тунда – то же (Тунд – одно из имен Одина, пламя Тунда – битва).

286

Я назвал свидетелем Тородда, а другим – Торбьёрна... – Тородд и Торбьёрн, а также Йон (ниже в этом же абзаце) – это имена судей, взятые, видимо, из какого-то сборника законов, где они были аналогичны русскому «имярек».

287

...с ним в духовном родстве... – крестил его.

288

Тогда встал тот, кому было изложено дело... – Здесь рассказчик, видимо, забыл упомянуть о том, что защита по тем или иным причинам не выступила со своими возражениями и что поэтому началось повторение всего сказанного на суде.

289

Посох сорочки Сёрли – воин, то есть Скафти (Сёрли – имя персонажа сказания, сорочка Сёрли – кольчуга).

290

Ограда сечи – щиты.

291

Дробители клада рыбы долины – воины (рыба долины – змея, клад змеи – золото).

292

...когда ты убил семерых в ущелье... – Отсюда, по-видимому, прозвище «Ущельный Гейр».

293

Остров Красивый – теперь Фэр-Айл.

294

Сванлауг — Раньше (с. 334) она была названа Нерейд.

295

Канкараборг – Кинкора, резиденция Бриана.

296

Ньёрд сражений – воин (Ньёрд – имя бога).

297

Даятель злата – то же.

298

Возьми сам своего чёрта! – «Своего чёрта», вероятно, вместо первоначального «своего ворона», как говорится в аналогичном случае в другой саге. На знамени викингов был обычно изображен ворон.

299

Хьяртримулл, Хильд, Саннгрид и Свипуль — имена валькирий.

300

Псы шлема — мечи.

301

Гёндуль и Гунн - имена валькирий.

302

Восточным путем - через Швейцарию и Германию.

303

Западным путем — через Францию.

304

Харальд Прекрасноволосый - см. примеч. 1 на с. 181.

305

Эльвус-озеро — Теперь оно называется Озеро Полей Тинга (Тингвадлаватн).

306

Нива гривен — женщина.

307

Тополь распри костров кольчуги — воин (костры кольчуги – мечи, распря мечей – битва).

308

Роща сокровищ – женщина.

309

Диса одежд – женщина.

310

Опора покровов – женщина.

311

Роща колец – то же.

312

Властитель стали – воин.

313

Дни переезда – четыре дня в конце мая, когда зависимые люди переходили из одного хозяйства в другое.

314

Дробитель гривен — воин.

315

Луна ладьи – щит.

316

Делитель колец — воин.

317

Хлин полотен — женщина (Хлин – имя богини).

318

Буря костров крови – битва (костры крови – мечи).

319

Ауд льдины ладони — женщина (льдина ладони – серебро, Ауд – имя богини).

320

Харальд Серая Шкура — см. примеч. 5 на с. 211.

321

Гаутланд – Гёталанд, южная часть Средней Швеции.

322

Праздник середины зимы – см. примеч. 12 на с. 15.

323

Владыка дракона крови – воин, то есть Хёрд (дракон крови – копье).

324

Бремя Грани – золото (Грани – конь Сигурда, победителя дракона Фафнира).

325

Костер потока – золото.

326

Клен ладьи — воин.

327

Конунг Харальд, сын Горма – датский король Харальд Синезубый (940–985).

328

...пойдете, распоясанные, на берег... – то есть ничего не спрятав себе за пояс.

329

Торгерд, Жена Хёльги — местное норвежское божество, почитавшееся ярдами Хладира (см. с. 326). В Исландии не могло быть ее капища.

330

Древо костров бурунов – воин (костры бурунов – золото).

331

Радость рыб нагорий — лето (рыбы нагорий – змеи).

332

Горесть змей – зима.

333

Владыка костров Нила – воин (костры Нила – золото).

334

Коршуны крови – вороны.

335

Тавлеи – игра на доске вроде шашек, популярная в древней Скандинавии.

336

Палица ужаса — воин.

337

Тополь луны потока – то же (луна потока – золото).

338

...пусть либо отдадут нам корабль... – На этом корабле Хёрд и его товарищи уехали бы из Исландии.

339

...как известно из рассказа об Альвгейре. – Этот рассказ не сохранился.

340

Клен клинков — воин.

341

Ствол губителя шлема — воин (губитель шлема – меч).

342

Бальдр огней прибоа – воин, то есть Хёрд (огни прибоа – золото).

343

Боевые оковы – злые чары, внезапно сковывающие воина во время битвы.

344

Непогода Одина — битва.

345

Вершитель смерча мечей — воин (смерч мечей – битва).

346

Священник Стюрмир Мудрый – Стюрмир Карасон, аббат одного исландского монастыря, умер в 1245 г. Ему приписываются некоторые древнеисландские прозаические произведения. Но его вклад в них как автора неясен.

347

Синие Леса – местность, прилегающая к Полям Тинга, на которых ежегодно в конце июня собиралось всеисландское народное собрание.

348

Им владели сообща шесть годи. – Все названные здесь годи – знатные и могущественные исландцы, жившие в первые десятилетия XI в., персонажи многих саг.

349

Скафти Законоговоритель – был законоговорителем, т. е. главным выборным лицом в Исландии, с 1004 по 1030 гг., умер в 1030 г. См. также примеч. 28 на с. 285.

350

...наступила весна и подошли дни вызова в суд... – Вызов в суд производился не позднее, чем за четыре недели до тинга.

351

Он потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона. – За непреднамеренное сожжение леса человека могли присудить к объявлению вне закона сроком на три года. Преднамеренное сожжение леса считалось тяжким преступлением и каралось пожизненным изгнанием. Лесов на острове было мало и в первый период после его заселения, а потом они исчезли вовсе.

352

Торстейн, сын Халля с Побережья – знатный исландец, герой одноименной саги.

353

Лёгретта — законодательный и судебный совет на альтинге, в состав которого входили все годи страны.

354

Хёвдинг – Буквально: «главарь», могущественный человек, глава большого рода и предводитель бондов в своей округе.

355

...тебе придется просить меня разрешить нашу тяжбу. – По исландским законам, истец в некоторых случаях получал право сам вынести решение по делу и назначить штраф.

356

Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домотканого сукна... – Этот штраф составлял менее половины стоимости коровы. Заплатить такое возмещение знатым людям значило нанести им серьезное оскорбление.

357

...за то, что ты сложил его жене любовную драпу... – Согласно исландским законам, адресовать женщине (в том числе и незамужней) любовные стихи считалось преступлением. Преследование за такие стихи, по-видимому, объяснялось опасением, что они могли подействовать как приворот, т. е., подобно ниду (см. следующую прядь), обладали магической силой.

358

...когда ты и за отца-то своего не отомстил. – Снорри Годи родился после того, как его отец Торгрим был убит Гисли, сыном Кислого. Об этих событиях рассказывается в «Саге о Гисли», см. т. I, с. 435.

359

...не зря ты носишь свое имя... – Бродди был назван в честь своего деда Бродд-Хельги, убитого его двоюродным братом Гейтиром, отцом Торкеля.

360

...отец твой в конце концов получил за это по заслугам. – Гейтир был убит Бьярни, отцом Бродди. Попытка Торкеля отомстить за отца привела к столкновению в Долине Битвы, где Торкель и Бьярни были ранены. Об этом рассказывается в «Саге о Людях из Оружейного Фьорда».

361

Ярл Хакон из Хладира — Хакон Могучий, сын Сигурда, правитель Норвегии с 974 по 995 г.

362

Сварвадардаль – местность в Исландии.

363

...о чем рассказывается в саге о людях из Сварвадардаля. – Эта сага сохранилась лишь в поздних списках. В ней действительно подробно описываются упоминаемые здесь события и приводятся посвященные им стихи Торлейва.

364

Скакун лагуны – корабль.

365

Конунг Свейн — датский конунг Свейн Вилобородый (ок. 986–1014), завоеватель Англии (1012).

366

Торлейв сказал тогда драпу... – так называли парадную хвалебную скальдическую песнь, средняя часть которой была пронизана рефреном («стевом»), обычно повторяющимся через равное число строк четверостишием или двустистишем. Известны и более изощренные формы стева.

367

Князь зеницы неба — Бог (зеница неба – солнце).

368

...и назвал их Висы о Женщине, потому что в поэзии ярла именуют женщиной. – Торлейв имеет в виду особые поэтические наименования («хейти»), однако его ссылка на скальдическую традицию – ложная: подобный поэтизм был невозможен, поскольку сравнение мужчины с женщиной считалось тяжким оскорблением. Поэтому само название

стихов о ярле (Висы о Женщине) говорит о том, что это – хулительная песнь, так называемый нид.

369

Свитьод — древнее название Швеции; здесь – вымышленное название, по-видимому, созданное по образцу ученого наименования «Великая Свитьод», распространенного в древнеисландских географических сочинениях. Согласно средневековой ученой легенде, скандинавы ведут свой род от «асов», впоследствии обожествленных (асы – языческие боги германской мифологии) выходцев из Азии, которые одно время населяли земли на крайнем юго-востоке Европы, именуемые Великая Свитьод.

370

Стихи в переводе С. В. Петрова.

371

Князь трендов — ярл Хакон; *тренды* — население Трандхейма.

372

Лев бури – корабль.

373

Брани Ньёрд – воин.

374

Страж земли – правитель, т. е. ярл Хакон.

375

Торгерд Невеста Храма и сестра ее Ирпа — богини-защитницы ярла Хакона. См. примеч. 48 на с. 326, примеч. 49 на с. 327, примеч. 26 на с. 493.

376

Турс – великан; имеется в виду Торгард.

377

Тополь драки — воин.

378

Гаут грома сечи — воин; гром сечи — битва.

379

Хель — преисподняя.

380

...к северу от лёгретты... – см. примеч. 7 на с. 523.

381

Даритель древка – воин, т. е. Торлейв.

382

...заботься о кеннингах. – Кеннингами называются составные метафоры, зашифровывающие ключевые понятия скальдической поэзии (напр., «скакун лагуны» – корабль). Кеннинги могут быть как двучленными, так и многочленными.

383

Харальд-конунг Боезуб – легендарный датский король.

384

Сигурд Убийца Дракона Фафнира – легендарный герой, известный по песням «Старшей Эдды» и «Саге о Вёльсунгах». В немецких эпических сказаниях – Зигфрид.

385

Старкад Старый – легендарный герой датских эпических сказаний. Согласно одному из них, Старкад по приказу Одина предательски убил своего господина, норвежского короля Викара.

386

Великий Змей – знаменитый корабль, на котором Олав Трюггвасон погиб в битве при Свольде (1000).

387

Олав-конунг – Олав, сын Харальда, он же Олав Святой – норвежский конунг (1016–1028, погиб в 1030 г.). Другие правители, о которых здесь рассказывается – легендарные герои древности: датский конунг Хрольв Жердинка (его реальный прототип жил в VI в.) и норвежский конунг Хальв, встретиться с которыми герой пряди не смог бы, даже прожив «два человеческих века».

388

Я принял неполное крещение — т. е. был осенен крестом и с этого момента причислен к христианам, однако не стал «верным» (крещеным) христианином. Этот обряд предшествовал крещению, но люди, переезжавшие из страны в страну и жившие как среди христиан, так и среди язычников, нередко ограничивались им.

389

...был крещен епископом Олава-конунга и умер в белых одеждах – иначе говоря, вскоре после крещения: белые одежды носили в течение недели после совершения этого таинства.

390

Магнус Добрый – норвежский конунг (1035–1046 или 1047), сын Олава Святого.

391

Сигват-скальд — один из самых выдающихся исландских скальдов (ок. 995 – ок. 1045). Был скальдом и ближайшим другом Олава Святого и крестным отцом его сына, Магнуса Доброго, скальдом которого он стал после гибели Олава.

392

Сюслуманн — управляющий сюслой, административным округом в Норвегии, назначаемый конунгом.

393

Свейн, сын Ульва — датский король, умер в 1074 г.

394

...которого убил Глум. – Имеется в виду Вига-Глум, герой одноименной саги.

395

Магнус Добрый — см. примеч. 44 на с. 549.

396

...встреча с вами принесла бы ему удачу. – В представлении древних скандинавов конунг был наделен магической «удачей», способной переходить на тех, кто с ним общался. Перемена в судьбе Хрейдара может быть объяснена его встречей с Магнусом Добрым, передавшим ему частицу своей королевской «удачи».

397

Штаны до щиколоток— одежда подростков или дураков.

398

...Харальд-конунг, мой родич. – Харальд Суровый (правил Норвегией с 1046 по 1066 г.) и отец Магнуса Олав Святой были единоутробные братья.

399

Здесь и ниже многоточием в угловых скобках отмечен пропуск в рукописи.

400

...страной управляли два конунга: конунг Магнус и конунг Харальд. – Магнус Добрый и Харальд Суровый совместно управляли Норвегией после возвращения Харальда в страну в 1046 г. и до смерти Магнуса в том же году.

401

...мы отправим тебя в Хель. – То есть убьем тебя.

402

Лендрманн — знатный человек, предводитель местного населения, принесший присягу верности конунгу. Во многих случаях лендрманны также получали от конунга земельные пожалования.

403

...и видит он теперь, что у нее сосцы, и что это самка. – Подарок Хрейдара – оскорбительный намек на прозвище отца конунга Харальда, которого звали Сигурд Свинья.

404

Мёре – местность на западе Норвегии.

405

Свейн-конунг – датский король Свен Эстридссен (1047–1074).

406

Харальд-конунг – как здесь, так и в следующих пряхах речь идет о норвежском короле Харальде Суровом. См. примеч. 52 на с. 562, примеч. 54 на с. 564.

407

...на острове Гицки в Северном Мёре – Остров Гицки находится в Южном Мёре.

408

Тьодольв-скальд — Тьодольв, сын Арнора, был скальдом Магнуса Доброго, а затем Харальда Сурового.

409

Эйнар был лендрманном и управлял сюслом – см. примеч. 46 на с. 552.

410

...передал в его руки всю торговлю с финнами. – Торговля с финнами (т. е. саамами) была монополией норвежских конунгов.

411

Хакон-ярл и Торлейв-скальд — см. прядь «О Торлейве Ярловом Скальде».

412

Сюслуманн – см. примеч. 46 на с. 552.

413

Эйнар Муха — см. предыдущий рассказ.

414

...предательство у вас в роду. – Торстейн был родичем Торира Собаки, предавшего конунга Олава Святого и нанесшего ему смертельный удар в битве при Стикластадире (1030).

415

...был в Миклагарде с Харальдом конунгом, как уже рассказано раньше... – в 1034–1042 гг. Халльдор служил в варяжской дружине византийского императора (*Миклагард* — Константинополь), предводителем которой был Харальд, сын Сигурда, впоследствии норвежский король Харальд Суровый, и был ближайшим соратником будущего конунга. О походах и подвигах Харальда и его дружинников в этот период рассказывается в «королевской саге», в которую включена эта прядь.

416

Гардарики — см. примеч. 16 на с. 244. Прежде чем стать норвежским конунгом, Харальд долго жил на Руси при дворе Ярослава Мудрого, на дочери которого Елизавете Ярославне (Эллисив) он женился незадолго до своего возвращения в Норвегию.

417

Каупанг — современный Тронхейм.

418

Свечники — слуги короля, которые держали свечи перед ним во время торжеств.

419

Сигурд Свинья не стал бы так насилловать Снорри Годи. - Сигурд Свинья - отец Харальда, Снорри Годи - отец Халльдора.

420

Лендрманн - см. примеч. 56 на с. 567.

421

Магнус-конунг — норвежский король Магнус Голоногий (1093–1103).

422

Йон Священник, сын Эгмунда – первый епископ в Холаре, на севере Исландии (1052–1121), впоследствии объявленный святым.

423

...было только начало третьего часа. – Началом праздника считался его канун с трех часов пополудни («нон»); здесь колокол звонит раньше времени.

424

Древо сечи – воин.

425

...навстречу им шел Сони Предводитель Гостей. – Гостями называли слуг короля, которые получали вдвое меньше, чем дружинники, и использовались в основном как посланцы или для выполнения опасных поручений.